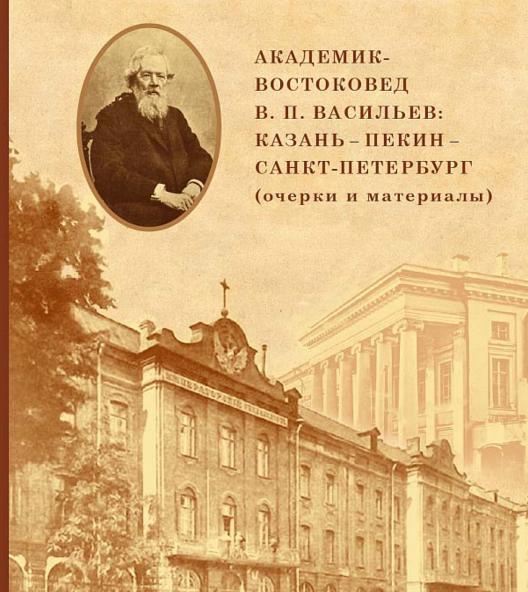

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК Институт восточных рукописей Казанский (Приволжский) федеральный университет

Василий Павлович Васильев (1818–1900)

Russian Academy of Sciences
Institute of Oriental Manuscripts
Kazan Federal University
Saint Petersburg State University
Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov
State Budgetary Institution Kniga Pamyati Editorial Office

ACADEMICIAN-ORIENTALIST V. P. VASILYEV: KAZAN — BEIJING — SAINT PETERSBURG

(Essays and materials)

Dedicated to the 200th anniversary of V. P. Vasilyev

St. Petersburg Centre for Oriental Studies Publishers Saint Petersburg — Kazan 2021 Российская академия наук Институт восточных рукописей Казанский федеральный университет Санкт-Петербургский государственный университет Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирясова Государственное бюджетное учреждение «Редакция "Книга Памяти"»

АКАДЕМИК-ВОСТОКОВЕД В. П. ВАСИЛЬЕВ: КАЗАНЬ — ПЕКИН — САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

(очерки и материалы)

Посвящается 200-летию со дня рождения В. П. Васильева

Издательство «Петербургское Востоковедение» Санкт-Петербург — Казань 2021

УДК 008(-11)Васильев:004(47)(092 Васильев) ББК Т3(О)324.5д Васильев В. П.

Исследование осуществлено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проекты: № 17-01-00209-ОГН и № 20-09-00385а) и в соответствии с государственной программой повышения конкурентоспособности Казанского федерального университета

Рецензенты: член-корреспондент РАН Н. Н. Крадин, доктор исторических наук, профессор Т. Д. Скрынникова

Академик-востоковед В. П. Васильев: Казань — Пекин — Санкт-Петербург (очерки и материалы) / Р. М. Валеев, Х. Валравенс, В. Г. Дацышен, О. П. Еланцева, В. Ю. Жуков, И. В. Кульганек, Лю Лицю, Д. Е. Мартынов, Д. И. Маяцкий, Т. А. Пан, В. Л. Успенский; сост. Т. А. Пан; отв. ред. Р. М. Валеев и И. В. Кульганек. — СПб.; Казань, 2021. — 320 с.: ил.

А 38 В монографии обобщаются результаты труда российских востоковедов из Казани, Санкт-Петербурга, Красноярска, Владивостока, Харбина; включены также исследования немецких и китайских специалистов. Вниманию читателя предлагаются очерки о жизненном пути и научном творчестве российского ученого-синолога, буддолога, санскритолога, ординарного академика Императорской Санкт-Петербургской Академии наук, декана Восточного факультета Императорского Санкт-Петербургского университета Василия Павловича Васильева, рассматриваются основные вехи его биографии в контексте научной и общественной мысли России того времени. В творчестве В. П. Васильева выделяются три этапа — казанский, пекинский и петербургский. Дается анализ его научных трудов, в которых впервые в отечественной науке была предпринята попытка систематического изложения истории развития буддийской мысли, поставлен вопрос о выработке адекватного языка описания буддийского духовного опыта и о терминологических критериях для перевода категорий буддийского учения на европейские языки.

Монография ориентирована на профессиональных востоковедов, историков, литературоведов, буддологов, культурологов, историков науки, аспирантов, студентов и всех интересующихся культурой Востока, полезна также для занимающихся деловым и профессиональным общением в области проведения научных и научно-просветительских мероприятий в условиях интенсивного международного диалога Востока и Запала.

ISBN 978-5-85803-547-3 DOI 10.25882/texy-f118

- © Коллектив авторов, 2021
- © Петербургское Востоковедение, 2021
- © ИВР РАН, 2021
- © Казанский федеральный университет, 2021

Оглавление

Несколько слов об академике В. П. Васильеве и отечественной синологии	
(В. С. Мясников)	12 14
Предисловие	16
Глава І. Научная и преподавательская деятельность В. П. Васильева	18
 § 1. Научное наследие	18 65
§ 5. Вклад В. П. Васильева в формирование фонда редких китаиских книг библиотеки Петербургского университета	76 87 102
Глава II. Жизненный путь В. П. Васильева	112
§ 1. Пекинский период жизни: XII Русская духовная миссия в Пекине (1840–1850)	112 146 148
Глава III. Архивные материалы и документы	169
§ 1. Отзыв О. М. Ковалевского о В. П. Васильеве	169 177
лович Васильев (биографические и библиографические материалы)»	183
Глава IV. Основные центры китаеведения в России и Европе	219
§ 1. Разряд восточной словесности и формирование синологии в Императорском Казанском университете (1837–1855)	219
§ 2. Историко-культурные исследования Центральной, Восточной и Южной Азии в Казанском университете (первая половина XIX в.) § 3. Вузовское китаеведение за рубежом: XVIII в. — вторая половина	243
XIX в	265 273
В. П. Васильева	285
Summary Основные труды В. П. Васильева Методиция и питородута	307 309

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОБ АКАДЕМИКЕ В. П. ВАСИЛЬЕВЕ И ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СИНОЛОГИИ

Выдающийся китаевед второй половины XIX столетия В. П. Васильев был открывателем многих новых направлений не только в синологии, но и в отечественном востоковедении вообще. Его труды, с одной стороны, восполнили пробелы в нашей науке о Китае, с другой — заложили прочный фундамент русской буддологии, истории китайской литературы, источниковедения истории Китая.

Исключительно глубокое знание В. П. Васильевым китайского, маньчжурского, монгольского, тибетского языков и санскрита определило не только широту диапазона исследований, но и уникальность источниковедческой основы трудов ученого. Его творчество отличалось критическим отношением к источникам, стремлением переосмыслить их данные для установления истинности фактов. В своей «Автобиографии» Васильев отмечал, что еще в студенческие годы в Казанском университете слова профессора О. М. Ковалевского «не преклоняться в отыскивании истины перед авторитетом» глубоко запали в его душу, определяли все его симпатии и антипатии 1.

Васильев опубликовал серию фундаментальных исследований в области истории Китая и сопредельных стран, куда вошли сочинения «История и древности восточной части Средней Азии от X до XIII в.» (1861), «Сведения о маньчжурах во времена династий Юань и Мин» (1863), «О движении магометанства в Китае» (1867), «Приведение в покорность монголов при начале Дайцинской династии» (1868). Книга «Религии Востока. Конфуцианство, буддизм и даосизм», изданная В. П. Васильевым в 1873 г., явилась обобщением многочисленных предварительных исследований, которые автор начал, будучи студентом Русской духовной миссии в Пекине. Следующим обобщающим трудом Васильева были «Очерки китайской литературы», увидевшие свет в 1880 г. Немаловажную роль в подготовке этой книги сыграл прочитанный Васильевым впервые в Европе курс лекций по истории китайской и маньчжурской литературы.

Почти полвека интенсивнейшей работы в области китаеведения принесли В. П. Васильеву заслуженное признание не только в отечественном, но и в мировом востоковедении. Когда 20 августа 1876 г. в Петербурге начал работу III Международный конгресс ориенталистов, Васильев был избран председателем I отдела конгресса, а его выступления привлекли большое внимание. На V Международном конгрессе ориенталистов в Берлине в 1881 г. Васильев, присутствовавший в составе русской делегации, был избран вице-президентом Дальневосточной секции.

¹ Венгеров С. А. Критико-биографический словарь... Т. 4, отд. 2. СПб., 1895. С. 150.

Учившийся у В. П. Васильева академик В. М. Алексеев так обрисовывал впоследствии состояние русской синологии и трагедию своего учителя: «Все прошлое русского китаеведения сложно и мучительно. Разрушительные силы всегда действовали вернее созидательных, и оглядываться на это больно. Наши вполне самобытные таланты: Иакинф Бичурин, сумевший при скудности средств познания страны дать такое разнообразие ответов на основные вопросы, Палладий Кафаров, В. П. Васильев и его ученики Ивановский и Георгиевский — все эти люди всю жизнь мучились огромными проблемами, не ленились ни минуты, но наша русская действительность сумела загнать их, сломить. Прежде всего, все они были настолько бедны, что не могли напечатать свои сочинения за свой счет, а университет находил лишь такие крохи средств, которых академику Васильеву хватало только на печатание китайских текстов на отвратительной бумаге отвратительным набором китайских знаков. И это в конце XIX в.! Уделом большинства ученых было поэтому писать книги, составлять пособия... только для того, чтобы эти книги затем скупала Академия наук у их вдов и хоронила в Азиатском музее... Васильев, потеряв всякую надежду напечатать свои многотомные и первоклассные материалы по исследованию буддизма, сложил их у себя в кабинете, а прислуга, без ведома его, употребила эти длинные листы на растопку печей. Глупая и страшная трагедия!» ² Среди выдающихся русских китаеведов второй половины XIX в. видное место занимают современники В. П. Васильева П. Кафаров и И. И. Захаров, каждый из которых, внеся новое в определенные направления китаеведения, в то же время стоял на вершине всего комплекса знаний о Китае, накопленных мировой наукой. Именно их работы положили начало дифференциации отечественного китаеведения, появлению таких его направлений, как исследование социально-экономической истории Китая, его идеологии, создание обобщающих филологических трудов. П. Кафаров находился в Пекине в составе трех миссий, две из которых он возглавлял. Круг его научных интересов необычайно широк. Каждому китаеведу и сегодня известен китайско-русский словарь П. Кафарова, ставший классическим образцом труда по китайской филологии второй половины XIX в. Не менее значительны его исследования по истории Монголии, выполненные на основании глубокого изучения китайских источников, а также личных наблюдений во время поездок через Монголию в 1847 и 1859 гг. П. Кафаров был первым китаеведом, побывавшим в Уссурийском крае и объяснившим историю его древностей. И. И. Захаров известен главным образом как автор непревзойденных «Полного маньчжурско-русского словаря» и «Грамматики маньчжурского языка». Он был первым в России и Европе китаеведом, проведшим исследования земельной собственности в Китае. Не менее интересна работа Захарова по исторической демографии Китая. Многие годы своей жизни Захаров отдал дипломатической работе в Китае, а также преподаванию маньчжурского языка в Петербургском университете, профессором которого он был.

Профессор Восточного факультета Петербургского университета С. М. Георгиевский, известный своими трудами в области древней истории Китая, попытался сформулировать практические цели научного китаеведения в России. Он подчеркивал, что китаеведы должны помочь обществу выработать новый взгляд на обитателей Китая — «многовекового, многомиллионного, связанно-

 $^{^2}$ Алексеев В. М. В старом Китае. Дневники путешествия 1907 г. М., 1958. С. 287–288

го с нами узами той дружбы, которою в будущем может быть обеспечиваться (так в тексте) мир всего мира, на благо живущих в нем племен и народов»³. Между тем состояние как отечественной, так и европейской синологии, по мнению С. М. Георгиевского, явно не отвечало задачам, выдвигаемым жизнью. «Синологии как установившейся науки еще не существует, — констатировал он, — в синологии нет еще ни определенных целей, ни утвержденных основ, ни выработанных приемов; синология смешивается еще с простым драгоманством, с умением переводить с китайского языка на тот или другой из языков европейских» ⁴. Выход из этого положения Георгиевский видел в дифференциации китаеведения: «Под синологией (ныне понятием весьма туманным) должна разуметься не одна какая-либо наука, а совокупность многих наук» ⁵.

В это время европейское востоковедение выступило с тезисом о «застойности Востока». Отповедь этой лжетеории мы находим у выдающегося исследователя кросскультурных связей Н. Я. Данилевского. В своей книге о взаимосвязях России с Европой он писал: «Возьмем, к примеру, самый тип застоя и коснения — Китай, выставляемый как наисильнейший контраст прогрессивной Европе. В этой стране живет около 400 миллионов народа в гражданском благоустройстве. Если бы имелись точные цифры о количестве производительности китайского труда, то перед ними, может быть, побледнели бы цифры английской и американской промышленности и торговли, хотя китайская торговля почти вся внутренняя. Многие отрасли китайской промышленности находятся до сих пор на недосягаемой для европейских мануфактур степени совершенства, как, например, краски, окрашивание тканей, фарфор, многие шелковые материи, лаковые изделия и т. д. Китайское земледелие занимает, бесспорно, первое место на земном шаре...»

В настоящее время библиография по синологии в России представлена сотнями трудов. Ниже мы приводим те, которые, по нашему мнению, будут интересны для исследователей научного наследия В. П. Васильева и главных аспектов этого направления — в целом.

Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения. M., 1972.

Алексеев В. М. В старом Китае. Дневники путешествия 1907 г. М., 1958.

Алексеев В. М. Китайская литература. Избранные труды. М., 1978.

Алексеев В. М. Н. Я. Марр. К характеристике ученого и университетского деятеля // Наука о Востоке. М., 1982.

Алексеев В. М. Советская синология // Наука о Востоке. М., 1982. С. 114-159

Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и России. Л., 1925.

Бернитам А. Н. Я. Бичурин (Иакинф) и его труд «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена» // Н. Я. Бичурин

³ Георгиевский С. М. Важность изучения Китая. СПб., 1890. С. 271.

 $^{^4}$ *Георгиевский С. М.* Граф Л. Толстой и «Принципы жизни Китая». СПб., 1889. С. 6. ₅ Там же.

 $^{^6}$ Данилевский Н. Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. СПб., 1871. Цит. по: Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М., 1991. С. 72-73.

(Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. І. М.; Л., 1950.

Бертельс Д. Е. Введение // Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. Коллективная монография. М., 1972.

Большой китайско-русский словарь / сост. под руков. проф. И. М. Ошанина. Т. 3. М., 1984.

Бранд И. И., *Бранд А.* Записки о русском посольстве в Китай (1692–1695) / вступ. ст., пер. и коммент. М. И. Казанина. М., 1967.

Бретинейдер Э. В. Русь и Асы на военной службе в Китае // Живая старина. 1894. № 1. С. 67–73.

Bенгеров C. A. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. Т. IV, отд. II.

Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934.

Воробьева-Десятовская М. И., Савицкий Л. С. Тибетоведение // Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. М., 1972.

 Γ еоргиевский C. M. Граф Л. Толстой и «Принципы жизни Китая». СПб., 1889.

Георгиевский С. М. Важность изучения Китая. СПб., 1890.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 3. М., 2006.

Данзан Л. Алтан Тобчи («Золотое сказание»). М., 1973.

Данилевский Н. Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. СПб., 1871.

Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М., 1991.

Демидова Н. Ф., Мясников В. С. Первые русские дипломаты в Китае. М., 1966.

Дорожные заметки на пути по Монголии в 1847 и 1859 гг. архимандрита Палладия... СПб., 1892.

Друг издалека. Документы из истории грузинско-китайской дружбы. Батуми: Госиздат, 1958.

Духовная культура Китая. Т. 1: Философия. М., 2006; Т. 2: Религии, верования, мифы. М., 2007.

 $Дучич \, \check{\mathit{И}}$. Граф Савва Владиславич. Серб-дипломат при дворе Петра Великого и Екатерины I. СПб., 2009.

Ефимов Г. В. У истоков русского востоковедения // Вестник ЛГУ. 1973. № 20.

Захаров И. И. Историческое обозрение народонаселения Китая // Труды членов Российской духовной миссии. 1852. Т. І. С. 247–360.

Захаров И. И. Поземельная собственность в Китае // Труды членов Российской духовной миссии. 1853. Т. II. С. 1–96.

Захаров И. И. Грамматика маньчжурского языка. СПб., 1875.

Захаров И. И. Полный маньчжурско-русский словарь. СПб., 1875.

Захаров И. И. Полный маньчжурско-русский словарь. 2-е изд. Пекин, 1939.

Иванов A. И. Походы монголов на Россию по официальной китайской истории Юань-ши // Записки разряда военной археологии и археографии Имп. русского военно-исторического общества. 1914. Т. 3.

Идес Избрант, Бранд Адам. Записки о русском посольстве в Китай (1692–1695) / вступ. ст., пер. и коммент. М. И. Казанина. М., 1967.

История Академии наук СССР. Т. 2. М.; Л., 1964.

История внешней политики России. Первая половина XIX века. (От войн России против Наполеона до Парижского мира 1856 г.) М., 1995.

История отечественного востоковедения до середины XIX в. Т. І. М., 1990; Т. 2. М., 1997.

Карпини Джиованни дель Плано. История монголов; Гильом де Рубрук. Путешествие в Восточные страны. М., 1957.

Кафаров Π . Старинные следы христианства в Китае // Восточный сборник. Т. 1, вып. 1. СПб., 1872. С. 47–49.

Кафаров П. Русское поселение в Китае в первой половине XIV века // Живая старина. 1894. № 1. С. 65–67.

Кисляков В. Н. Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН — одно из крупнейших хранилищ китайских этнографических коллекций // Санкт-Петербург — Китай. Три века контактов. СПб., 2006.

Климова О. В. Первая экспедиция Н. А. Хвостова на Сахалин в 1806 г. (по российским и японским источникам) // Страны и народы Востока... Вып. XXXIII. М., 2010. С. 176–189.

Ключевский В. О. Лекции по истории Западной Европы в связи с историей России / под ред. Р. А. Киреевой. М., 2012.

Книга степенная царского родословия. Ч. 2. СПб., 1913.

Конрад Н. И. Запад и Восток. М., 1972.

Крузенштерн И. Ф. Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах на кораблях «Надежда» и «Нева». Ч. ІІ. СПб., 1810.

Куликова А. М. Становление университетского востоковедения в Петербурге. М., 1982.

Кюнер Н. Описание Тибета. Владивосток, 1907. Ч. I; 1908. Ч. II.

Ларин А. Г. Китайские мигранты в России. М., 2009.

Ларичев В. Е. Путешествие в страну восточных иноземцев. Новосибирск, 1973.

Пеонтьев А. Тайцин гурунь и ухери коли, или все законы и установления Китайского (а ныне Манжурского) правительства / перевел с манжурского на российский язык Коллегии Иностранных дел надворный советник Алексей Леонтиев. Т. 1. СПб.: Императорская Академия Наук, 1781.

Мартынов А. С. Россия и Китай: сходство наследия — общность судьбы // Звезда. 1995. № 10.

Меньшиков Л. Н., Чугуевский Л. И. Китаеведение // Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. М., 1972.

Москвитянин. 1848. № 9.

Московский телеграф. 1828. № 7.

Мясников В. С. Русский маньчжуровед Г. М. Розов // В. С. Мясников. Квадратура китайского круга. Избранные статьи. Кн. 1. М., 2006.

Мясников В. С. Реализация русской дипломатией Кяхтинского договора с Китаем (середина XVIII века) // Русско-китайские отношения в XVIII веке. Т. VI. 1752–1765. М., 2011.

Никифоров В. Н. Советские историки о проблемах Китая. М., 1970.

Решетов А. М. Китайцы в Санкт-Петербурге (фрагменты истории) // Санкт-Петербург — Китай: Три века контактов. СПб., 2006.

Русский вестник. Т. 5. СПб., 1842.

Русско-китайские договорно-правовые акты. 1689—1916 / под общ. ред. акад. В. С. Мясникова. М., 2004.

Русско-китайские отношения в XIX веке. Материалы и документы. Т. 1. 1803–1807. М., 1995. Док. № 3, 64.

Русско-китайские отношения в XVII в. Материалы и документы. Т. І. 1608–1683. М., 1969.

Русско-китайские отношения в XVIII в. Документы и материалы. Т. 2. 1725-1727. М., 1990.

Русско-китайские отношения в XVIII в. Документы и материалы. Т. 3. 1727–1729. М., 2006.

Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982.

Саид Э. В. Ориентализм. Западные концепции Востока / пер. с англ. А. В. Говорунова. СПб., 2006.

Самойлов Н. А. Россия и Китай // Россия и Восток. СПб., 2002. С. 526–528.

Самойлов Н. А. Китайский маршрут. Путеводитель с картами. СПб., 2003.

Самойлов Н. А. Россия и Китай в XVII— начале XX века: тенденции, формы и стадии социокультурного взаимодействия: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2012.

Саркисова Γ . U. Вольтер о Китае и становление русского китаеведения // И не распалась связь времен... К 100-летию со дня рождения П. Е. Скачкова. М., 1993.

Скачков П. Е. Первый преподаватель китайского и маньчжурского языков в России // Проблемы востоковедения. 1960. № 3.

Скачков П. Е. История изучения Китая в России в XVII и XVIII вв. (краткий очерк) // Международные связи России в XVII и XVIII вв. М., 1966.

Скачков П. Е. Очерки истории русского китаеведения. М., 1977.

Софийская вторая летопись $6903 \, \mathrm{r.} \, /\!/ \,$ Полное собрание русских летописей. Т. IV. СПб., 1853.

Сыма Цянь. Исторические записки / пер. Р. В. Вяткина. Т. 1–10. М., 1972–2001.

Труды III съезда ориенталистов. Т. І. СПб., 1879–1880.

Чжан Син-лань. История отношений Китая с Западом. Т. 2. Пекин, 1930.

Шифман А. И. Лев Толстой и Восток. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1971.

Шпет Г. Г. История как проблема логики / под. ред. акад. В. С. Мясникова. М., 2004.

Эйдлин Л. 3. К 90-летию выхода в свет первого очерка истории китайской литературы // Страны и народы Востока. Вып. II. М., 1970.

Some early Russo-Chinese relations by Gaston Cahen. Shanghay, 1939.

В. С. Мясников, академик РАН

Вступительное слово

Издание монографии «Академик-востоковед В. П. Васильев: Казань — Пекин — Санкт-Петербург. (Очерки и материалы)», подготовленной научным коллективом исследователей Казани, Санкт-Петербурга, Красноярска, Владивостока и Харбина, выходит через два года после юбилейной даты выдающегося востоковеда, одного из основателей отечественной школы буддологии и тибетологии, оставившего значительный научный след в отечественном китаеведении и монголоведении, — Василия Павловича Васильева (1818–1900), 200-летие со дня рождения которого научная общественность России отмечала в 2018 г.

В. П. Васильев вошел в историю российского востоковедения как ученый-новатор, основатель целого ряда научных дисциплин. Ученик выдающегося представителя европейской и российской науки О. М. Ковалевского, В. П. Васильев провел десять лет в Китае, буквально с нуля создавая неизвестные до тех пор в европейской ориенталистике направления. Одним из первых он заявил о необходимости равнозначного изучения вклада Востока и Запада в мировую историю. Его глубоко интересовали духовный мир Востока, буддизм как основа его религиозности, природа восточных языков, история письменностей, широкий круг вопросов по истории, литературе, географии. Труды В. П. Васильева вывели отечественное востоковедение, прежде всего синологию, на новый уровень, который характеризовало глубокое уважение к культуре восточных народов, стремление сохранить ее и вступить с ней во взаимодействие с целью более глубокого ее познания. При этом В. П. Васильев всю свою жизнь оставался патриотом своей страны, горячим поборником русского языка как языка науки.

Будучи прекрасным знатоком китайского языка, культуры и истории, В. П. Васильев создал ряд фундаментальных трудов по буддизму, литературе и языку. Ему принадлежат исследования «Буддизм, его догматы, история и литература» и «История и древности восточной части Средней Азии с X по XIII в.», востребованные специалистами на протяжении более полутора веков. В. П. Васильев впервые в отечественной науке предпринял попытку систематического изложения истории развития буддийской мысли и заявил о необходимости выработки терминологических критериев для перевода категорий буддийского учения на европейские языки.

Огромен вклад В. П. Васильева в университетское востоковедение. Лексикографические труды, словари и хрестоматии, создававшиеся им на протяжении всей жизни, имели целью привить студентам глубокое владение китайским языком. В 1851 г. В. П. Васильев впервые в Европе ввел в университетский курс преподавание истории китайской литературы. Более двадцати лет ученый возглавлял факультет восточных языков Императорского Санкт-Петербургского университета. За это время им была воспитана плеяда замеча-

тельных исследователей, в числе которых были С. М. Георгиевский, А. О. Ивановский, Д. А. Пещуров, П. С. Попов, Д. М. Позднеев, А. И. Иванов, С. Ф. Ольденбург, Ф. И. Щербатской и многие другие, составившие впоследствии славу российского востоковедения.

Настоящую монографию предваряет глава, посвященная жизненному пути В. П. Васильева, авторы рассматривают основные вехи его биографии в контексте научной мысли России того времени, освещают период, предшествовавший расцвету китаеведения в России, дают характеристику развития этого направления в Казанском университете. Определенное место уделено эпистолярному наследию ученого, его неизданным архивным материалам, хранящимся в архивах Казани и Санкт-Петербурга. Авторы и составители монографии проделали огромную архивную работу, чтобы обнаружить и ввести в научный оборот новые факты из биографии и научного наследия ученого, установить причины ряда событий в его жизни, проследить в работах исследователей последующих поколений преемственность классического петербургского востоковедения, одним из основоположников которого был В. П. Васильев. Предлагаемая читателю монография содержит новую и ценную информацию о В. П. Васильеве, привнесшем в российское востоковедение проблематику, определившую его развитие и направление на многие десятилетия вперед.

Книга, ориентированная на профессиональных востоковедов, историков, литературоведов, буддологов, будет увлекательна для всех, кто интересуется культурой Китая и — шире — Востока, она также полезна и для глубокого понимания особенностей многосторонних контактов во всех сферах деятельности между Востоком и Западом.

И. Ф. Попова, член-корреспондент РАН, директор ИВР РАН

Вступительное слово

2018 г. стал значимым историко-научным и историко-культурным рубежом в праздновании 200-летия со дня рождения великого уроженца Поволжья — академика Российской академии наук Василия Павловича Васильева (1818—1900). Этот учёный и мыслитель, профессор Казанского и Санкт-Петербургского университетов и общественный деятель России ярко и объективно представлен в настоящей книге авторского коллектива.

В. П. Васильев родился в Нижнем Новгороде в 1818 г., 10 лет прожил в Пекине (1840–1850), пять лет был профессором китайской словесности Казанского университета (1850–1855), в Петербурге (1855–1900) многократно избирался деканом факультета восточных языков, там же стал академиком РАН. Однако он никогда не порывал связи с Казанью. Под Свияжском у него было имение, именно туда привезли его тело для вечного упокоения. От рождения до кончины жизненный путь Василия Павловича наполнен множеством различных событий: нелегкой была судьба вундеркинда на малой родине, неординарным — поступление в Казанский университет в 15-летнем возрасте (вместе с ещё одним нижегородцем, получившим всероссийскую славу — будущим писателем Мельниковым-Печерским), поразительной магистерская диссертация «Об основаниях буддийской философии», которую он защитил в возрасте 21 года на базе первоисточников. Сейчас мы помним В. П. Васильева прежде всего как китаиста, филолога, который создал новую систему группировки и словарного поиска китайских иероглифов; воспитал множество гениальных учеников и написал первую сводную историю китайской литературы, переведенную на китайский язык и актуальную и сейчас в КНР. Однако в Пекин магистр Васильев, вновь сделавшись «студентом» (Православной духовной миссии), был направлен прежде всего для изучения тибетского языка. Язык был освоен, составлен санскрито-тибето-китайскомонгольско-русский словарь, подобрана уникальная библиотека буддийских сочинений. Однако эта сторона научной деятельности В. П. Васильева оказалась невостребованной в Казани и — позже — в Петербурге, после перевода в 1855 г. Восточного разряда в столицу. При этом Василия Павловича меньше всего можно назвать «непризнанным гением». Достаточно перечислить хотя бы учебные пособия, выпущенные им: «Маньчжурско-Русский словарь» (1866); «Анализ китайских иероглифов» (1866); «Китайская хрестоматия: в 3 т.» (1868); «Графическая система китайских иероглифов. Опыт первого китайско-русского словаря» (1867); «Примечания на третий выпуск китайской хрестоматии. Перевод и толкования Ши-цзина» (1882); «Примечания на второй выпуск китайской хрестоматии. Перевод и толкование Лунь Юй'я» (1884); «Анализ китайских иероглифов. Элементы китайской письменности» (1884); «Очерки истории китайской литературы» (1885); «Материалы по истории китайской литературы. Лекции, читанные студентам С.-Петербургского университета» (1888). В числе его научных работ — статьи по исторической географии Китая и окружающих его стран, «История и древности восточной части Средней Азии с X по XIII в., с приложением перевода китайских известий о киданях, чжурчженях и монголо-татарах» (1861); «Сведения о маньчжурах во времена династий Юань и Мин» (1861); «Русско-китайские трактаты» (1861); «О движении магометанства в Китае» (1867); «Буддизм, его догматы, история и литература» (ч. І — Введение и ч. ІІІ — «История буддизма в Индии Даранаты»); «Религии Востока: конфуцианство, буддизм и даосизм».

В 1870 г. Василий Павлович начал преподавание на Восточном факультете японского языка, прозорливо понимая быстрые темпы развития ещё одного великого соседа Российской империи. Работы по буддизму, переведенные на французский и немецкий языки, сделали его одним из ведущих европейских специалистов, создали славу и подняли престиж российского востоковедения и синологии.

Васильев был связан с Казанью в буквальном смысле и кровными узами: его супруга — Софья Ивановна, урождённая Симонова, была дочерью ректора университета — знаменитого астронома. Тесть синолога — Иван Михайлович Симонов — был не только основателем и реформатором одной из лучших университетских обсерваторий в мире, но и участником знаменитой русской экспедиции, открывшей Антарктиду. 2019 г. в Казанском университете был объявлен годом И. М. Симонова. Из семерых детей В. П. Васильева прославился сын Александр, ставший членом Государственной думы и Государственного совета. Внучка Ольга была первой женой А. Ф. Керенского.

Коллективная монография, авторы которой представляют ведущие центры академического востоковедения Санкт-Петербурга, Казани, Красноярска, а также Китая и Германии, является данью памяти нашему именитому выпускнику и профессору, а также достойным вкладом в казанское, и — шире — в российское и мировое востоковедение. Думается, что хорошо написанная, создающая «многоголосье» мнений и подходов, содержащая ряд впервые публикуемых документов книга будет заметна в истории науки о великом соседе России — Китае, принята специалистами и станет важной вехой на пути дальнейшего развития отечественного востоковедения.

И. Р. Гафуров, ректор Казанского Федерального университета

ПРЕДИСЛОВИЕ

В представленной монографии, написанной научным коллективом за три года работы над темой «Научное наследие российских востоковедов XIX века: О. М. Ковалевский и В. П. Васильев» (проект № 17-01-00209-ОГН), обобщаются результаты труда российских востоковедов из Казани, Санкт-Петербурга, Красноярска, Владивостока и Харбина.

В монографии предлагаются очерки о жизненном пути и научном творчестве российского ученого-синолога, буддолога, санскритолога, ординарного академика Санкт-Петербургской Императорской Академии наук, декана Восточного факультета Санкт-Петербургского Императорского университета Василия Павловича Васильева. Рассматриваются основные вехи его биографии в контексте научной мысли России того времени. В творчестве В. П. Васильева выделяются три этапа — казанский, пекинский и петербургский. Дается анализ его научных трудов, в которых впервые в отечественной науке была предпринята попытка систематического изложения истории развития буддийской мысли, поставлен вопрос о выработке адекватного языка описания буддийского духовного опыта и о терминологических критериях перевода категорий буддийского учения на европейские языки.

Выдающийся отечественный востоковед профессор В. П. Васильев после возвращения из Китая несколько лет возглавлял кафедру китайско-маньчжурской словесности (1851–1855) Казанского университета, с основанием в Петербургском университете Восточного факультета переехал в столицу и был деканом этого факультета с 1878 по 1893 г. В 1866 г. стал членом-корреспондентом, в 1886 г. — ординарным академиком Петербургской Академии наук.

В годы учебы в Казанском университете (1834–1839) В. П. Васильев занимался изучением монгольского языка и буддийской философии. Во время своего десятилетнего пребывания в Пекине в составе Двенадцатой Российской духовной миссии (1840–1850) он изучал тибетский, китайский и маньчжурский языки, собрал богатейшую коллекцию книг на нескольких восточных языках. Труды В. П. Васильева, написанные им в период деятельности на Восточном факультете Санкт-Петербургского университета, составили эпоху в истории российского и европейского востоковедения, в особенности китаеведения.

В. П. Васильев оказал огромное влияние на исследования своих учеников и коллег С. М. Георгиевского, А. О. Ивановского, Д. А. Пещурова, П. С. Попова, Д. М. Позднеева, А. И. Иванова, С. Ф. Ольденбурга, Ф. И. Щербатского и др. В своих работах он исследовал историю, языки, литературу, религию, фольклор и этнографию народов Восточной и Центральной Азии.

В 2018 г. научная общественность России отмечала 200-летие со дня рождения выдающегося отечественного ученого.

В написании коллективной монографии принимали участие востоковеды — китаисты, монголоведы, маньчжуроведы, историки и литературоведы.

Глава о научной и преподавательской деятельности В. П. Васильева, истории российской синологии, маньчжуроведения, монголоведения, тибетологии, об учениках В. П. Васильева написана В. Г. Дацышеном, В. Л. Успенским, Т. А. Пан, Д. И. Маяцким.

Глава II о жизненном пути В. П. Васильева, пекинском периоде его жизни, потомках ученого предоставлена Р. М. Валеевым, Д. Е. Мартыновым, В. Ю. Жуковым, И. В. Кульганек.

В главе III «Архивные материалы и документы» содержатся подготовленные к изданию неизданные рукописи, связанные с научной деятельностью В. П. Васильева. Они составлены Т. А. Пан, В. Ю. Жуковым, И. В. Кульганек.

Основные разделы главы IV написаны Р. М. Валеевым, Х. Валравенсом, О. П. Еланцевой , Лю Лицю, Д. Е. Мартыновым.

Книга имеет список основных трудов ученого, составленный В. Г. Дацышеном, и список использованных при написании монографии архивных источников, литературы и интернет-ресурсов.

Работа ориентирована на профессиональных востоковедов, историков, литературоведов, буддологов, культурологов, историков науки, а также аспирантов, студентов и всех интересующихся культурой Востока. Монография полезна для тех, кто занимается деловым и профессиональным общением в области проведения востоковедных научных и научно-просветительских мероприятий в условиях интенсивного международного диалога Востока и Запада.

Глава І

НАУЧНАЯ И ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В. П. ВАСИЛЬЕВА

§ 1. Научное наследие*

Жизненный путь и научное наследие В. П. Васильева широко представлены в трудах отечественных востоковедов.

Ученик и коллега В. П. Васильева — известный востоковед А. М. Позднеев уже при жизни академика кратко обобщил его научные достижения ¹:

В своей ученой деятельности Василий Павлович коснулся разных отделов знаний о Востоке. На каждой его работе лежала печать своеобразного и самостоятельного взгляда на предмет, подлежащий его исследованиям <...> Главнейшими из ученых работ В. П. должны быть признаны следующие: а) по части географии восточной Азии: в бытность свою в Пекине В. П. издал большую карту китайских владений на китайском языке и, помимо того, составил особые исторические карты Китая при 12 различных царствовавших в нем династиях. Здесь, рядом с нынешним названием местностей, показано название их в каждую данную эпоху; древние и несуществующие ныне города подписаны красною тушью. В 1852 г. В. П. поместил в «Ж. М. Н. Пр.» статью: «Центральная Азия и главные хребты гор в китайских владениях», а в следующие за сим года, до 1857, напечатал в Записках Географ. Общ. «Описание Маньчжурии», «Записку о Нингуте», «О реках, впадающих в Амур» и «О существовании огнедышащей горы в Маньчжурии»; б) по истории В. П. напечатал следующие исследования: «История и древности восточной части Средней Азии с X по XIII в., с приложением перевода китайских известий о киданях, чжурчженях и монголотатарах» (1861); «Сведения о маньчжурах во времена династий Юань и Мин» (1861); «Русско-китайские трактаты» (1861); «О движении магометанства в Китае» (1867); в) по литературе В. П. обратил на себя внимание ученого мира своими статьями, напечатанными за 1856 г. в бюллетенях Имп. Акад. Наук: «Die auf den Buddismus bezüglichen Werke der Universitäts-Bibliothek zu Kazan» и «Notice sur les ouvrages en langues de l'Asie orientale, qui se trouvent dans la bibliothéque de l'Université de St. Petersbourg». Статья эта была перепечатана потом в «Institut» и, в переводе на русский язык, в журнале «Русский Вестник». Не менее важны также его статьи в «Журнале М-ва Народн. Просв.»: «Графическая система китайских иероглифов» и «Об отношении китайского языка к среднеазиатским»; г) по религии были напечатаны сочинения: «Буддизм, его

^{* ©} В. Г. Дацышен.

¹ При цитировании сохраняется стиль, лексика, орфография и пунктуация источников.

догматы, история и литература» (ч. I — введение и ч. III — «История буддизма в Индии Даранаты»); «Религии Востока: конфуцианство, буддизм и даосизм». В последнее время В. П. занят изданием «Буддийского терминологического словаря» ².

Заслуги синолога отмечены уже в работах его учеников и последователей. А. О. Ивановский во вступлении к своему главному научному труду «Юньнаньские инородцы...» выражал благодарность учителю: «...в особенности дорогому наставнику Василию Павловичу Васильеву, не только помогавшему мне при составлении настоящего моего труда своими советами, сообщившему мне некоторые важные сочинения, но и постоянно поддерживавшему во мне бодрость и энергию в доведении труда до конца» ³. С. М. Георгиевский пишет: «Общие сведения о происхождении, основных формах и способе составления китайских иероглифов читатели могут почерпнуть из следующих трудов проф. В. П. Васильева — Анализ китайских иероглифов; J. Morrison...» ⁴ П. С. Попов в предисловии к первому полному китайско-русскому словарю (так называемый словарь Палладия) пишет: «Из иностранных словарей моими постоянными спутниками были "Графическая система китайских иероглифов" профессора Васильева, моего глубокоуважаемого наставника...» ⁵ На труды В. П. Васильева ссылается маньчжуровед А. В. Гребен-

Правда, его ученики в своих работах вступали в дискуссию с В. П. Васильевым, это мы видим в работе С. М. Георгиевского «Анализ иероглифической письменности как отражающей в себе историю жизни древнего китайского народа» ⁷. В другом своем исследовании, «О корневом составе китайского языка в связи с вопросом о происхождении китайцев», ученик В. П. Васильева писал:

Подвергать строгому разбору и опровергать воззрения проф. В. П. Васильева мы не имеем ни полной возможности, так как они выражены предположительно, слишком кратко и без приведения научных доказательств, ни полного права, так как не знаем. Насколько сильными доводами проф. В. П. Васильев, авторитетнейший в Европе синолог, подкрепил бы в случае нужды свои взгляды...

Высоко оценивали вклад В. П. Васильева в мировую синологию первые исследователи истории русского китаеведения. Архимандрит Николай (Адо-

² Позднеев А. Васильев (Василий Павлович) // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. Va. СПб., 1892. С. 608.

Ивановский А. О. Юньнаньские инородцы в период династий Юань, Мин и Дай Цин (с приложением словаря и двух литографированных карт / Материалы для истории инородцев Юго-Западного Китая, СПб., 1889, С. XII.

Георгиевский С. М. Анализ иероглифической письменности как отражающей в себе историю жизни древнего китайского народа. СПб., 1888. С. б.

Китайско-русский словарь, составленный бывшим начальником Пекинской Духовной Миссии архимандритом Палладием и старшим драгоманом Императорской Дипломатической Миссии в Пекине П. С. Поповым. Пекин: Типография Тун-вэньгуань, 1888. С. V. ⁶ *Гребенщиков А. В.* Маньчжуры, их язык и письменность. Владивосток, 1912. С. 5.

⁷ *Георгиевский С. М.* Анализ иероглифической письменности... С. 5–6, 11.

⁸ Георгиевский С. М. О корневом составе китайского языка в связи с вопросом о происхождении китайцев. СПб., 1888. С. 45.

ратский) назвал В. П. Васильева «Нестором синологии» 9. Известный синолог архимандрит Алексий (Виноградов) в конце XIX в. писал:

Г. Позднеев упоминает о словаре «Инь-це-чжи-гуй», находящемся в библиотеке Импер. С.-Петербург. Университета и замечательном в тоническом отношении тем, что все иероглифы распределены с показанием различной силы голоса, т. е. ударений... Желательно, чтобы современные составители Русско-Китайских словарей и Китайско-Русских воспользовались этим драгоценным методом, коего к сожалению не соблюдается ни в одном из них, за исключением словаря почтенного академика В. П. Васильева...

В изданиях того времени обычными были пометки такого рода: «Настоящий перевод составлен покойным А. В. Старчевским... на основании трудов отца Иакинфа, словарей иеромонаха Исаии, П. С. Попова и В. П. Васильева»

После революции 1917 г. имя В. П. Васильева осталось одним из символов отечественной науки. В 1918 г. в «Известиях Российской Академии наук» были опубликованы доклады ведущих российских востоковедов, сделанные на посвященном столетию со дня рождения В. П. Васильева заседании Российской академии наук. Отмечая в 1918 г. столетие со дня рождения В. П. Васильева, синолог А. И. Иванов утверждал: «Не было такого вопроса синологии, по которому покойный академик не высказался, причем немногие его взгляды оказываются ныне устаревшими или имеющими только историческую ценность» 12

В юбилейный сборник вошли работы С. Ф. Ольденбурга — «Памяти Василия Павловича Васильева и о его трудах по буддизму. 1818–1918» 13. В. В. Бартольда — «Исторические и географические труды Василия Павловича Васильева» 14 , А. И. Иванова — «В. П. Васильев как синолог» 15 .

⁹ [Адоратский] Архимандрит Николай (Адоратский). Об источниках Истории Пекинской Духовной Миссии в первый и второй периоды ея деятельности (Речь на коллоквиуме 7 января 1888 г.) / Отдельный оттиск из январской книжки «Прав. Собе-

седн.» 1888 г. Казань, 1888. С. 6.

10 История Библии на Востоке: с обзором метода и условий благоприятных и неблагоприятных ее переводам и распространению у Китайцев, Монголов, Манчжуров, Тибетцев, Корейцев, Японцев, Персов, Турок, Арабов, Абиссинцев, Армян, Грузин и др. / составил Иеромонах Киевопечерской Лавры Алексий Виноградов. Вып. 1. СПб.: Типография бр. Пантелеевых, 1889–1895. С. ССLXIV–ССLXV.

11 Переводчик с русского языка на китайский / составил А. В. Старчевский. 2-е

изд. СПб., 1904. С. 2.

¹² Иванов А. И. В. П. Васильев как синолог. (Речь, произнесенная в публичном заседании Российской Академии наук 5 марта / 20 февраля 1918 г.) // Известия Российской Академии наук. 1918. № 7. С. 564.

^{13 [}Ольденбург]. Памяти Василия Павловича Васильева и о его трудах по буддизму. 1818-1918. (Речь, произнесенная в публичном заседании Российской Академии наук 5 марта / 20 февраля 1918 г.) // Известия Российской Академии наук. 6 сер. 1918. Т. 12. № 7. (Азиатский сб.). С. 531–548.

[[]Бартольд]. Исторические и географические труды Василия Павловича Васильева. (Речь, произнесенная в публичном заседании Российской Академии наук 5 марта / 20 февраля 1918 г.) // Известия Российской Академии наук. 1918. № 7. C. 549-560.

¹⁵ Иванов А. И. В. П. Васильев как синолог. (Речь, произнесенная в публичном заседании Российской Академии наук 5 марта / 20 февраля 1918 г.) // Известия Российской Академии наук. 1918. № 7. С. 561-566.

Российский синолог А. И. Иванов утверждал:

«Материалы по истории китайской литературы», до сих пор не обработанные и не напечатанные, ярко отражают личность Василия Павловича. В них мы находим неисчерпаемый материал по истории китайской литературы, библиографию, критику не только конфуцианской литературы, но и других отраслей ее, историю буддизма, даосизма и конфуцианства ¹⁶.

Интерес к научной биографии В. П. Васильева проявляли и русские ученые в эмиграции. В частности, о проблемах синолога писал редактор газеты в Харбине, а затем секретарь духовной миссии в Пекине редактор журнала «Китайский Благовестник» китаевед Д. П. Пантелеев ¹⁷. В 1927 г. он издал в Харбине библиографическую статью «Труды синолога академика В. П. Васильева (К 30-й годовщине со дня смерти)». В 1938 г. в Пекине в его «Материалы по истории Российской Духовной Миссии в Китае» был включен раздел «В. П. Васильев (1818—1900) (К 120-летию со дня рождения "гениального исследователя" Дальнего Востока)». В составленной Д. П. Пантелеевым «Библиографии работ В. П. Васильева» ¹⁸ указаны 34 наименования. Живший в эмиграции в Китае известный сибирский историк и общест-

Живший в эмиграции в Китае известный сибирский историк и общественный деятель И. И. Серебренников в своей работе по истории Пекинской миссии отметил:

В. П. Васильев впоследствии стал также знаменитым синологом... мы не будем приводить здесь списка его печатных трудов по вопросам синологии. Список этот — весьма длинен и включает в себя 67 отдельных работ, т. е. в этом отношении он даже превосходит список работ о. Иакинфа ¹⁹.

На интерес русской эмиграции к истории русского китаеведения, в том числе к трудам В. П. Васильева, указывает объявление, помещенное в «Китайском благовестнике» в начале 1939 г.: «Труды Членов Российской Духовной Миссии в Китае. Готовится к печатанию Пятый том "Трудов": Архим. о. Петра (Каменского), о. Иакинфа (Бичурина), о. Палладия (Кафарова) и В. П. Васильева...» ²⁰

Революционная эпоха начала XX в. внесла свои коррективы в развитие российской китаеведческой школы. Патриарх советского китаеведения В. М. Алексеев, который, в отличие от большинства русских синологов, поначалу не принял большевистской власти, критически оценивал научное наследие В. П. Васильева. А в автобиографии В. М. Алексеев использовал такие выражения: «...смерть изжившего себя к концу жизни могикана синологии В. П. Васильева... превратила наше образование просто в начальное обучение разным грамотам» ²¹. В «Записке-"самоотчете" В. М. Алексеева», составленной в се-

¹⁷ Пантелеев Дмитрий Петрович (1885–1950. Сан-Франциско) — редактор выходившей во Владивостоке и в Харбине газеты «Далекая окраина».

¹⁶ Иванов А. И. В. П. Васильев как синолог. С. 564.

¹⁸ Пантелеев Д. П. Материалы по истории Российской Духовной Миссии в Китае. Академик В. П. Васильев (1818–1900) (К 120-летию со дня рождения «гениального исследователя» Дальнего Востока) (Окончание) // Китайский благовестник. 1938. № 10. С. 31–39.

С. 31–39.

¹⁹ Серебренников И. И. Синологическая деятельность Русской духовной миссии в Пекине (Библиографический очерк) // Китайский Благовестник. 1941. № 4. С. 38.

²⁰ Китайский благовестник. 1939. Январь-февраль. С. V.

²¹ Алексеев В. М. Наука о Востоке. М., 1982. С. 268.

редине 1920-х гг., синолог специально отметил: «В своем изучении литературы Китая А. строит свою теорию этой литературы на конфуцианской идее служения... Это против [В. П.] Васильева, Grube...»

В опубликованной в 1932 г. работе «Китайская иероглифическая письменность и ее латинизация» В. М. Алексеев обвиняет В. П. Васильева в «иронических выпадах против конфуцианства», которые «обильно рассеяны во всех его сочинениях» 23. В своем обобщающем труде «Рабочая библиография китаиста. Книга руководств для изучающих язык и культуру Китая» он критикует П. В. Васильева, заявляя, что «во имя прогресса науки» надо «покончить» с книгами В. П. Васильева, и утверждая: «Особенно вредною я считаю так называемый "Анализ китайских иероглифов" профессора В. П. Васильева»²⁴.

Правда, академик В. М. Алексеев все же неоднократно отмечал, что труды В. П. Васильева имеют значение для исторической науки. Он также писал: «Особенно страшна история устарелой продукции профессора В. П. Васильева, которая... будучи своевременно опубликована, могла бы быть чрезвычайно полезною науке и подготовке русских ученых» ²⁵. Вообще, несмотря на критическое отношение к трудам В. П. Васильева, сообщая о «Лунь Юй», академик отмечал: «Эта книга переводилась, вероятно, не менее чем 50 раз, на главные языки Европы, в том числе на русский язык (В. П. Васильев, 1884; П. С. Попов, 1910). Наиболее близкими к среднему пониманию текста остаются переводы миссионеров Лега (Legge) и Куврера (Couvreur)» ²⁶

В воспоминаниях П. Е. Скачкова, в пересказе В. С. Мясникова, говорится: «На первой лекции, которая происходила на квартире Василия Михайловича, в его кабинете в этом же доме, двумя этажами выше, Василий Михайлович рассказал мне (я был его единственным слушателем вплоть до окончания зимних каникул) о словарях, которыми я должен пользоваться. Советовал прочитать некоторые труды В. П. Васильева...»²

Таким образом, советский академик В. М. Алексеев неоднократно подчеркивал неприятие им научного наследия В. П. Васильева. И, очевидно, в ряду известных советских востоковедов такую позицию занимал он один. Большинство же советских китаеведов посвятили В. П. Васильеву специальные работы или в своих трудах указывали на ценность научного наследия первого российского профессора-китаеведа.

Большое внимание научному наследию В. П. Васильева уделял один из основателей советского китаеведения В. С. Колоколов. В находящемся в Архиве востоковедов личном фонде синолога хранятся машинописная статья «Знаменитый русский ученый-китаевед Василий Павлович Васильев (Биографические материалы», объемом 52 страницы ²⁸, и большой машинописный

²² Три неизвестных архивных документа: к биографии В. М. Алексеева (публикация А. Н. Хохлова) // Неизвестные страницы отечественного востоковедения. Вып. III. М.: Вост. лит., 2004. С. 434-436.

³ Алексеев В. М. Китайская иероглифическая письменность и ее латинизация. Л.: Изд-во АН СССР, 1932. С. 98.

Алексеев В. М. Рабочая библиография китаиста / Архив российской китаистики. Т. 1 / сост. А. И. Кобзев. М.: Наука; Вост. лит., 2013. С. 53-330. С. 100.

Там же. С. 262.

там же. С. 202.
²⁶ Алексеев В. М. Китайская литература (Историко-библиографический очерк)// Китай. История, экономика. Культура... Сб. ст. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. С. 283.

⁷ Мясников В.С. Кастильский ключ китаеведа. Т. 1. М., 2014. С. 315.

²⁸ АВ ИВР РАН. Ф. 144. Оп. 1. Д. 138.

текст доклада «Памяти Василия Павловича Васильева» ²⁹. Кроме того, в его фонде хранится и фотокопия рукописи академика Васильева «Описание Западных стран» ³⁰. Во введении к составленному советским китаеведом Н. И. Лянкунь и изданному в 1936 г. словарю «3000 цзыдянь» В. С. Колоколов подчеркивал:

Я лично целиком придерживаюсь тех положений, которые в свое время были высказаны покойным академиком Васильевым в целом ряде его бессмертных произведений, к сожалению мало изученных современными китаистами ³¹.

В советское время внучка В. П. Васильева А. А. Крушинская подготовила работу «Библиография печатных трудов академика Василия Павловича Васильева и материалы к его биобиблиографии» ³². Синолог В. С. Колоколов так оценил эту работу: «Равной ей библиографии работ В. П. Васильева и материалов о нем еще не опубликовано» ³³.

Труды и научную биографию В. П. Васильева изучали практически все советские китаеведы. В личном фонде академика Н. И. Конрада сохранилась датированная 1951 г. машинописная статья «Академик В. П. Васильев» ³⁴. В личном фонде профессора ЛГУ китаиста Г. Ф. Смыкалова сохранился «Конспект доклада на тему: "Академик В. П. Васильев как географ"» ³⁵. Вклад В. П. Васильева в изучение буддизма был раскрыт в публикациях синолога Б. И. Панкратова. Л. С. Васильев опубликовал статью «Корифей русского китаеведения В. П. Васильев». Известные китаисты Н. Т. Федоренко и Л. З. Эйдлин указывают:

Мы должны отметить, в частности, огромную заслугу В. П. Васильева в исследовании «Ши-цзина» как памятника народного творчества 36 .

В докладе И. М. Ошанина, сделанном на XXV Международном конгрессе востоковедов в Москве, говорилось:

Работа над составлением четырехтомного... иероглифического Большого китайско-русского словаря была начата Институтом китаеведения Академии наук СССР почти четыре года назад... Словарь, задуманный как алфавитный, составляется теперь по графической системе Васильева-Розенберга... 37

 $^{^{29}~}$ AB ИВР РАН. Ф. 144. Оп. 1. Д. 139.

³⁰ Там же. Оп. 2. Д. 202.

³¹ 3000 цзыдянь: Перечень употребительных китайских иероглифов, расположенных по графической системе О. Розенберга, с транскрипцией китайскими буквами и с переводом значений по-русски / составил Н. И. Лян-кунь при участии М. И. Ганина и др.; под общ. ред. В. С. Колоколова. М.: Изд-во иностранных рабочих в СССР, 1936. С. 3.

³² Полосин В. В. Неизданные библиографические работы в собрании архивных документов Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XXIII годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР. Материалы по истории отечественного востоковедения. Ч. III. М.: Наука, ГРВЛ, 1990. С. 116–172. С. 168.

³³ Там же. С. 168.

³⁴ Архив АН СССР. Ф. 1675. Оп. 1. Д. 14.

³⁵ АВ ИВР РАН. Ф. 97. Оп. 1. Д. 68.

 $^{^{36}}$ Федоренко Н. Т., Эйдлин Л. З. Введение // В. М. Алексеев. Рабочая библиография китаист / Архив российской китаистики. Т. 1. М.: Наука; Вост. лит., 2013. С. 57–58. С. 58.

³⁷ *Ошанин И. М.* Из опыта работы над большим китайско-русским словарем (о структуре гнездовой статьи словаря) // Труды XXV Международного конгресса

В фундаментальном исследовании П. Е. Скачкова «Очерки истории русского китаеведения» закреплено признание формирования именно В. П. Васильевым «национальной китаеведческой школы» ³⁸. В обобщающем исследовании В. Н. Никифорова «Советские историки о проблемах Китая», несмотря на «советские хронологические рамки», представлена научная биография В. П. Васильева. Советский историк-китаевед писал:

Подход Васильева к китайским источникам был прямой противоположностью методу Бичурина... Гиперкритицизм Васильева явился реакцией на недостатки предыдущего этапа изучения Китая... Когда мы, отметив большой размах деятельности В. П. Васильева в начале его пути, обратимся к итогам его работы, нас постигнет известное разочарование... Он не оставил, по существу, даже своей школы: ученики В. П. Васильева примкнули к старому, бичуринскому направлению ³⁹.

Приводя это высказывание, следует отметить, что вывод о том, что «ученики В. П. Васильева примкнули к старому, бичуринскому направлению» оказывается несостоятельным при знакомстве с трудами его учеников — Монастырева, Георгиевского, Ивановского и других. Мы полагаем, что российское китаеведение перешло на качественно новый уровень, но трагедия состояла в том, что почти все его лучшие ученики умерли в молодом возрасте, не пережив своего учителя. Вообще принятое в российской науке выделение «бичуринского периода» в истории русского китаеведения не вполне соответствует реалиям развития науки XIX в. В. П. Васильев продолжил развитие сформированного уже в самом начале XIX в. магистрального направления критического отношения к источникам и традиции, ярким представителем которого был, например, П. И. Каменский. Архимандрит Иакинф (Бичурин), по мнению В. П. Васильева ничем не выделялся среди всех русских воспитанников Пекинской миссии, переводил с китайского «таким же невзыскательным слогом и с такими же промахами», за исключением одного — он был лишен «раздумья» 40

Говоря об отношении к трудам В. П. Васильева в советской науке, следует отметить, что даже в научно-популярных работах по истории Китая на протяжении всего ХХ в. авторы цитировали научные публикации русского синолога. Например, в изданной в Сибирском отделении АН СССР «для широкого круга читателей» книжке «Нурхаци» автор, В. С. Кузнецов, не раз вставляет цитаты из опубликованной в 1859 г. в Санкт-Петербурге работы В. П. Васильева «Сведения о маньчжурах во времена династий Юань и Мин» ⁴¹. Ответственный редактор 2-го издания «Избранных трудов» Г. Ц. Цыбикова историк Р. Е. Пубаев в примечаниях к «Материалам к русскому переводу "Лам-римчэн-по"» постоянно ссылается на работу В. П. Васильева «Буддизм, его догматы, история и литература» ⁴².

востоковедов. Москва. 9–16 августа 1960 г. Т. V. М.: Изд-во вост. лит., 1963. С. 127–132. С. 127.

 $^{^{38}}$ *Скачков П. Е.* Очерки истории русского китаеведения. М., 1977.

³⁹ *Никифоров В. Н.* Советские историки о проблемах Китая. М., 1970. С. 12.

 $^{^{40}}$ *Хохлов А. Н.* Письма востоковеда В. П. Васильева из Пекина О. М. Ковалевскому (40-е гг. XIX в.) // Синологи мира к юбилею Станислава Кучеры. Собрание трудов. М., 2013. С. 469.

⁴¹ Кузнецов В. С. Нурхаци. Новосибирск: Наука, 1985. С. 5, 8.

Кузнецов В. С. Пурлаци. Повосиопрек. Паука, 1765. С. 3, 6. 42 *Цыбиков Г. Ц.* Избранные труды: в 2 т. 2-е изд., перераб. Т. 2. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991. 232 с. С. 195–200.

В «Большой советской энциклопедии» В. П. Васильев назван «выдающимся русским языковедом-китаистом», но его трудам дали такую оценку:

Для своих трудов В. привлекал огромный материал. Но, будучи идеалистом, В. не вскрыл социальной сущности философских и религиозных систем изучавших [изучаемых] им китайских мыслителей, не понял социальных корней и социальной роли религий и философских школ. По богатству фактических материалов из китайских источников труды В. до сих пор не потеряли своего значения 43 .

В постсоветской историографии интерес к личности и трудам В. П. Васильева не ослабел. Более того, автор обобщающей работы «История культуры Китая» М. Е. Кравцова утверждает:

Возникновение отечественной китаеведческой школы связано с именем академика Василия Павловича Васильева (1818–1900 гг.) — организатору и первому руководителю кафедры китайского языка на восточном факультете... Васильеву принадлежат многочисленные труды по истории, религии, географии и литературе Китая, часть из которых осталась, к сожалению, в рукописном варианте. Им был предпринят первый для отечественной науки опыт создания «Очерка истории китайской литературы»... Однако в историю мирового китаеведения В. П. Васильев вошел прежде всего как исследователь буддизма. Его сочинение по этой теме — монография «Буддизм, его догматы, история и литература. Ч. 1. Общее обозрение» (СПб., 1857)... была почти сразу же (в 1860 и 1863 гг.) опубликована на немецком и французском языках. Исследования В. П. Васильева в области китайской идеологии нашли отражение в его следующем фундаментальном труде «Религии Востока. Конфуцианство, буддизм и даосизм» (СПб., 1873) 44.

Далее российский синолог отмечает:

Китаеведческие работы конца XIX — нач. XX в. ... сохраняют свою научную актуальность, во-первых, благодаря своей фундированности, насыщенности фактологическими сведениями, во-вторых, в них содержится ряд подлинно новаторских наблюдений и суждений, нередко предвосхищающих фундаментальную проблематику современной гуманитарии. Таковы, в частности, размышления академика В. П. Васильева по поводу вопроса автохтонности происхождения китайской цивилизации или значимости и функциональности в традиционных азиатских обществах религиозных систем 45.

Академик В. С. Мясников так оценивает В. П. Васильева:

Выдающийся китаевед был открывателем многих новых направлений не только в синологии, но и в отечественном востоковедении вообще. Его труды, с одной стороны, как бы восполнили те пробелы, которые были в нашей науке о Китае, а с другой — заложили прочный фундамент русской буддологии, истории китайской литературы, источниковедения истории Китая 46.

 $^{^{43}}$ Большая советская энциклопедия. Т. 7. 2-е изд. М.: Гос. науч. изд-во «Советская энциклопедия». [Б. г.] С. 33.

⁴⁴ Кравцова М. Е. История культуры Китая. СПб.: Лань, 1999. С. 26.

⁴⁵ Там же. С. 27.

⁴⁶ *Мясников В. С.* Квадратура китайского круга: избранные статьи: в 2 кн. Кн. 1. М.: Вост. лит., 2006. 550 с. С. 67.

Известный петербургский китаист Г. Я. Смолин напоминал:

Василий Павлович — автор первой в отечественной китаистике докторской диссертации (защищена в 1864 г.), он был первым в России университетским профессором синологии (с 1851 г.), а затем (в 1886 г.) стал и первым академиком-китаеведом 47 .

Крупнейший российский историк-китаевед Б. Г. Доронин еще в начале 1990-х гг. писал, что В. П. Васильев «хорошо знал китайские источники и видел не только их достоинства, но и недостатки, обусловленные спецификой историописания в императорском Китае. Его трезвые суждения об этом предмете нередко квалифицировались как «гиперкритицизм». Однако углубленное изучение историографии старого Китая, особенно активизировавшееся в последние годы, приносит все больше доказательств правоты В. П. Васильева, а не его оппонентов» ⁴⁸.

Исследователь даосизма Е. А. Торчинов писал:

Изучение даосизма в нашей стране имеет превосходную старую традицию, идущую от Палладия (Кафарова) и В. П. Васильева, взгляды которых на даосизм (особенно это относится к В. П. Васильеву) во многом повлияли на развитие изучения даосизма в нашей стране 49 .

Петербургский востоковед В. Л. Успенский отметил:

В. П. Васильев много занимался изучением буддизма и его по праву можно назвать основателем отечественной буддологии 50 .

К числу крупных исследований необходимо отнести опубликованную в $2000~\rm f$. в Хабаровске работу московского исследователя Т. В. Кузнецовой 51 . Автор пишет:

Выступая против пренебрежительного отношения к китайскому языку и говоря о необходимости его изучения, В. П. Васильев исходил из признания особой роли китайского народа в истории мировой цивилизации и важности для мировой истории добрососедских отношений России с Китаем. При недостаточности знаний об этой стране в кругах российской общественности В. П. Васильев считал изучение китайского языка важным средством не только для установления и поддержания тесных связей с Китаем, но и для понимания его

 $^{^{47}}$ Смолин Г. Я. Академик В. П. Васильев как исследователь источниковедения истории Китая // Восток—Запад—Россия. Исторические и культурологические исследования. К 70-летию академика В. С. Мясникова. М.: Памятники исторической мысли, 2001. С. 329.

 $^{^{48}}$ Доронин Б. Г. История империи Цин в трудах членов Российской духовной миссии (XVIII — середина XIX в.) // Православие на Дальнем Востоке. 275-летие Российской духовной миссии в Китае. СПб.: Андреев и сыновья, 1993. С. 102-105.

⁴⁹ *Торчинов Е. А.* Даосизм: опыт историко-религиозного описания. СПб.: Лань, 1998, 448 с. С. 11.

⁵⁰ Рукописи и ксилографы на восточных языках в Научной библиотеке им. М. Горького СПбГУ / под ред. В. Л. Успенского. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2014. 176 с. С. 78.

⁵¹ *Кузнецова Т. В.* Предпосылки и пути проникновения русской книги в Китай (XVII–XIX вв.) // Вестник Дальневосточной государственной научной библиотеки. Хабаровск: ДВГНБ, 2000. № 2 (7); № 3 (8).

культуры. Во многих своих работах он подчеркивал важность изучения Китая как в научном, так и в политическом отношении: «Исследования и описания соседней, более близкой к нам, чем некоторые собственные наши окраины, страны, — писал В. П. Васильев в $1881 \, \text{г.,}$ — составляют нашу не только ученую, но и политическую обязанность» 52 .

Особо следует отметить один из крупных исследовательских проектов последних лет, выполненный при поддержке Института Конфуция, — «Описание собрания китайских книг академика В. П. Васильева в фондах Восточного отдела научной библиотеки Санкт-Петербургского государственного университета» ⁵³. Исследователи дали системное описание 207 изданий минской и цинской эпох из коллекции В. П. Васильева.

Все ведущие современные российские синологи обращаются к наследию В. П. Васильева, указывают на его вклад в китаеведение ⁵⁴. А. И. Кобзев пишет:

В XIX в. после Бичурина самой значительной фигурой в отечественной китаистике был ученый-энциклопедист академик В. П. Васильев (1818–1900), написавший пионерский для всей западной науки «Очерк истории китайской литературы» (СПб., 1880) и разработавший принятую до сих пор, в частности в «Большом русско-китайском словаре», русскую графическую систему расположения и поиска иероглифов в словарях (1866) 55.

Далее, он отмечает:

Крупнейший русский синолог XIX в. акад. В. П. Васильев... опубликовал первое в России описание системы религиозно-философских взглядов китайцев: Религии Востока. Конфуцианство, буддизм. Даосизм.... И пионерский для всей западной науки «Очерк истории китайской литературы»... ⁵⁶.

По-прежнему особый интерес вызывает его вклад в изучение буддизма ⁵⁷. В известной энциклопедии «Духовная культура Китая» приводятся примеры достижений В. П. Васильева, сохранивших актуальность и в наше время ⁵⁸.

Вклад В. П. Васильева в отечественную науку безоговорочно признается не только современными российскими китаеведами, но и широким кругом исследователей. Например, известный российский археолог исследователь Даль-

 $^{^{52}}$ *Кузнецова Т. В.* Предпосылки и пути проникновения русской книги в Китай (XVII_-XIX вв.). № 3 (8). С. 89.

⁵³ Завидовская Е. А., Маяцкий Д. И. Описание собрания китайских книг академика В. П. Васильева в фондах Восточного отдела научной библиотеки Санкт-Петербургского государственного университета. СПб.: Институт Конфуция в Санкт-Петербургском государственном университете: Студия «НП-Принт». 2012.

⁵⁵ *Кобзев А. И.* Китаистика и summa sinologiae // Архив российской китаистики. Т. 1. М.: Наука; Вост. лит., 2013. С. 8–50.

⁵⁶ Кобзев А. И. Китаистика и summa sinologiae. С. 8–50.

⁵⁷ *Като С., Михайлова С.* О развитии буддизма и буддологии в России // The Journal of the Faculty of Foreign Studies Aiche Prefectural University. 2001. No. 33. P. 200–201; *Воробьева-Десятовская М. И.* Академик В. П. Васильев об истории буддийской философии (тексты на тибетском и китайском языках) // Письменные памятники Востока. 2012. № 1. С. 132–137.

⁵⁸ Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. Т. 2: Мифология. Религия / ред. М. Л. Титаренко и др. М.: Вост. лит., 2007. 869 с. С. 212–213.

него Востока России А. Р. Артемьев указывает, что В. П. Васильев первым в мировой науке сделал перевод и анализ надписей на «Тырских стелах», исправив ошибки своих предшественников ⁵⁹. В целом научная биография патриарха российского китаеведения В. П. Васильева присутствует во всех обобщающих работах китайских историков, посвященных истории русской синологии ⁶⁰.

В. П. Васильев — студент университета и стажер в Пекинской миссии

В одной из российских энциклопедий сообщалось:

В., Вас. Павл., знамен. русск. синолог, род. 22 февр. 1818 г. Из своеобразно и весьма оригинально составленной им автобиографии, доставленной г. Венгерову... видно, что В. был сыном мелкого нижегородского чиновника, 6 лет был отдан в местное уездное училище, где, претерпев немало побоев и розг от учителей, окончил курс 9-ти лет, несколько месяцев пробыл «копиистом» нижегородского уездного суда, затем (вторично) прошёл (1927) уже пройдённый им курс 3-го класса уездного училища, а в 1828 поступил в гимназию. По окончании последней, 16-ти лет (1934) поступил на восточное отделение филологического факультета... ⁶¹

В. П. Васильев в 1834 г. поступил на медицинский факультет, но в связи с тяжелым материальным положением добился перевода на словесное отделение (разряд монгольского и татарского языков) философского факультета Казанского университета на казенное содержание.

Именно в период студенчества В. П. Васильев сформировался как востоковед-исследователь. Академик В. С. Мясников отмечает, что В. П. Васильев писал в «Автобиографии», что в студенческие годы слова профессора О. М. Ковалевского: «не преклоняться в отыскании истины перед авторитетом, подвергать критике... совершившиеся или рассказываемые факты, не предполагая никакого вопроса решенным навек, запали глубоко в мою душу, были руководителями всех моих симпатий и антипатий» 62.

В 1838 г. В. П. Васильев сдал выпускные экзамены по монгольскому и тибетскому языкам, истории монгольской литературы, буддизму, всеобщей истории и истории Востока.

Руководство Казанского университета в 1838 г. приняло решение «об отправлении в Пекин с будущею Духовною миссиею трех воспитанников Казанского Университета, и именно кандидатура Васильева, для изучения языков Тибетскаго и Санскритскаго; Навроцкаго, для языков Монгольскаго, Манджурскаго и Тюркестанскаго и Рушко, для языка Китайскаго, с тем, чтобы они по возвращении могли быть преподавателями тех языков в Универси-

 $^{^{59}}$ Артемьев А. Р. Буддийские храмы XV в. в низовьях Амура. Владивосток [б. и.], 2005. 202 с. С. 16.

 $^{^{60}}$ Янь Годун. Изучение российской синологии в Китае // Восток—Запад: историко-литературный альманах / под ред. акад. В. С. Мясникова. М.: Вост. лит., 2002. С. 125–134.

 $^{^{61}}$ Энциклопедия / под ред. С. Н. Южакова и проф. П. Н. Милюкова. Т. IV. СПб.: Типография товарищества «Просвещение», 1901. С. 433.

⁶² Мясников В. С. Квадратура китайского круга. С. 67.

тете» 63 . Однако министр иностранных дел граф К. В. Нессельроде разрешил отправить в Пекин лишь одного выпускника университета. Самой достойной кандидатурой был В. П. Васильев.

В «Наставлении отправляющемуся в Пекин Г. Васильеву» говорилось:

1. Казанский университет, отправляя своего воспитанника, Г. Васильева, в Пекин... имеет в виду со временем приобрести в нем отличного преподавателя географии, истории, религии и древностей народов, населяющих восточную полосу Азии... Г. Васильев, не довольствуясь известными уже данными, обязан в местных рудниках отыскивать новые факты, которые могут подкрепить или объяснить прежние, или навести на совершенно новую точку зрения, потому что еще не все китайские летописи были рассмотрены ориенталистами, а тибетския или монгольския еще скрываются во мраке монастырей или коптеют в юртах номадических племен и ждут опытного европейскаго взора. Г. Васильев должен себя утешать богатою жатвою на поприще истории... 5. После изучения языков первое место занимает изучение истории Тибета... 6. Но сочтется достойным усилий Г. Васильева, если он посвятит себя изучению истории образованности Индии, Китая и Тибета в разные годы их существования 64.

Современные исследователи пишут:

Казанский университет, отправляя в составе духовной миссии В. П. Васильева, рассчитывал с течением времени «приобрести в нем отличного преподавателя тибетского языка и глубокомысленного исследователя географии, истории, религии и древностей народов, населяющих восточную полосу Азии.

О. М. Ковалевским была составлена для В. П. Васильева пространная программа научных занятий, ставившая перед молодым человеком широкий круг проблем, касающихся различных областей знания. Согласно этой программе, известной в официальной переписке под названием «инструкции», главной целью будущего ученого являлось изучение тибетского языка. В связи с этим ему предлагалось после ознакомления с тибетской литературой приступить к составлению словаря. «Без сомнения, на первый раз, — говорилось в этой "инструкции", — полезно будет к изданным европейцами тибетским лексиконам присоединить все слова и выражения, находящиеся в словарях, напечатанных в Китае на двух, трех и четырех языках... Но главное внимание надобно обратить на самые тибетские сочинения разных периодов и из них извлечь все, что может почесться приобретением лексикона... После изучения языка и составления учебных для него пособий первое место занимает изучение истории Тибета, его литературы и древностей народов, имевших влияние на судьбу Тибета или находившихся в непосредственных с ним сношениях». При этом внимание будущего исследователя обращалось на то, что «еще не все китайские летописи были рассмотрены ориенталистами, а тибетские и монгольские еще скрываются во мраке монастырей или коптеют в юртах номадических племен и ждут опытного европейского взора». Особое место в инструкции для В. П. Васильева отводилось изучению китайского языка и китайской литературы, которые, по мнению О. М. Ковалевского, должны были стать «важнейшим средством к достижению предполагаемой цели». При этом указывалось на желательность приобретения наиболее полных каталогов ки-

⁶³ ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 4814. Л. 11.

 $^{^{64}}$ Там же. Л. 24.

тайских книг, в которых «очень любопытны библиографические сведения для каждого синолога», а также подготовки особого каталога "китайско-маньчжурских сочинений, изданных при нынешней династии"» 65.

В. П. Васильев писал:

Наступил 1840-й год, и я отправлен был... в Китай. Заботливый университет не забыл щедро снабдить меня средствами. Мне давалось на издержки по 700 р. сер. в год, из которых половину позволялось мне употреблять на плату учителям, а половину на приобретение книг 66 .

В. П. Васильев был прикомандирован к XII Российской духовной миссии в Пекине. Перед новой миссией были поставлены важные научные и политические задачи, первоначально даже рассматривался вариант назначения главой миссии светского чиновника Министерства иностранных дел. Но в конечном итоге всех устроила предложенная генерал-губернатором М. М. Сперанским кандидатура о. Поликарпа (Тугаринова), уже имевшего опыт службы в предыдущей миссии. В 1839 г. о. Поликарп был возведен в сан архимандрита, а в начале 1840 г. ему было присвоено звание настоятеля первоклассного монастыря.

В подготовленной в начале XX в. в Пекине «Краткой истории Русской православной миссии в Китае» говорилось:

С 1838 г. Министерство начало деятельно приготовлять все нужное к отправке Двенадцатой миссии. Вновь пересмотрены штаты, сделаны значительные прибавки в содержании: на лекарство для китайских пациентов, на учителей тибетского языка, на покупку книг... на годовое содержание Миссии 17 750 р. Кроме того, в 1842 г. ассигновано на постройку библиотеки в Пекине 13 500 р. Между тем о. Поликарп вторично поступил (в январе 1838 г.) в Духовную академию, где и нашел своих сотрудников — иеромонаха Иннокентия Немирова, Гурия Карпова, иеродиакона Палладия, студента Иосифа Гошкевича, Владимира Горского и Ивана Захарова. Гошкевич рекомендовал своего приятеля художника Корсалина... Сверх этих членов были приглашены двое посторонних: лекарь Александр Алексеевич Татаринов и прикомандированный к Миссии магистр Казанского университета Василий Павлович Васильев... 67

В качестве пристава был назначен вице-директор Азиатского департамента МИДа Н. И. Любимов.

Члены новой миссии, за исключением стажера В. П. Васильева, сначала были собраны в Петербурге для изучения языков, учителями китайского и маньчжурского языков для них Азиатский департамент назначил о. Иакинфа (Бичурина) и С. Липовцова. В течение второй половины 1839 г., занимаясь в две смены, по пять дней в неделю, члены миссии прошли «Китайскую грамматику» Н. Я. Бичурина, овладели основами письма кисточкой. В декабре ученики выдержали в присутствии ректора университета и других официальных лиц экзамены и выехали из Петербурга.

 $^{^{65}}$ *Кузнецова Т. В.* Предпосылки и пути проникновения русской книги в Китай. № 3 (8). С. 87–88.

⁶⁶ Рукописи и ксилографы на восточных языках... С. 77.

⁶⁷ Бэй-гуань: Краткая история Российской духовной миссии в Китае / сост. Б. Г. Александров. М.; СПб.: Альянс-Апхео, 2006. 264 с. С. 82–23.

Синологическая подготовка членов новой миссии качественно изменила ее состав. И. И. Серебренников в своем библиографическом очерке «Синологическая деятельность Русской духовной миссии в Пекине» утверждал:

В противоположность 11-й из рядов следующей, двенадцатой Миссии (1841-1850) вышло много выдающихся синологов. Это были иеромонахи: Гурий Карпов, Палладий Кафаров; студенты: И. Гошкевич, В. Горский, И. И. Захаров. Лекарь А. А. Татаринов. К миссии был прикомандирован... В. П. Васильев 68.

В январе 1840 г. члены новой миссии собрались в Казани, где завершалось формирование миссии и где их ждал В. П. Васильев. В полном составе миссия, всего десять человек, выехала из Казани на восток.

Китаеведческая подготовка членов новой миссии качественно изменила ее состав. И. И. Серебренников в своем библиографическом очерке «Синологическая деятельность Русской духовной миссии в Пекине» утверждал:

В противоположность 11-й из рядов следующей, двенадцатой Миссии (1841-1850) вышло много выдающихся синологов. Это были иеромонахи: Гурий Карпов, Палладий Кафаров; студенты: И. Гошкевич, В. Горский, И. И. Захаров. Лекарь А. А. Татаринов. К миссии был прикомандирован... В. П. Ва- ${\rm силье}{\rm B}^{69}.$

О своем пути через Сибирь В. П. Васильев писал попечителю Казанского учебного округа М. Н. Мусину-Пушкину:

Честь имею донести Вашему Превосходительству, что по выезде моём 20го января из Казани я вместе с прочими членами Миссии прибыл в Троицкосавск 2-го марта. Этот продолжительный путь доставил мне случай по возможности приобрести расположение начальника Миссии и сблизиться с моими будущими товарищами 70.

В. П. Васильев смог познакомиться с востоковедением в столице Восточной Сибири, он писал:

В Иркутск мы приехали 21 февраля и провели тут девять суток. Этим временем воспользовался я, [чтобы] осмотреть собрание монгольских и маньчжурских книг, хранящихся в библиотеках гимназии и семинарии, познакомиться с учителем монгольского языка [А. М. Орловым] в последней...

О своем прибытии в Кяхту В. П. Васильев писал М. Н. Мусину-Пушкину:

Я вместе с прочими членами Миссии прибыл в Троицкосавск 2-го марта... По прибытии в Троицко-Савск я встретил обильную практику для разговорного монгольского яз. в знакомстве с бурятами, которые беспрестанно ко мне приходят. Одного ламу пригласил я себе в учителя тибетского языка. Здешний учитель китайского яз. г-н Крымский начал уже преподавание нам языка китайского 72.

 $^{^{68}}$ Серебренников И. И. Синологическая деятельность Русской духовной миссии в Пекине. С. 38.

⁶⁹ Там же.

 $^{^{70}}$ *Хохлов А. Н.* Письма востоковеда В. П. Васильева из Пекина О. М. Ковалевскому...₇₁ С. 471. Там же. С. 472.

⁷² Там же. С. 469–492.

В Кяхте В. П. Васильев проделал еще одну важную работу. Исследователь А. Н. Хохлов писал: «Ему довелось познакомиться с материалами местного архива, выписки из которого легли на страницы его дневника» 73 . Эти записи были частично опубликованы в 1857 г.

Весной 1840 г. русский караван доставил членов XII Миссии к месту службы. В «Краткой истории Русской православной миссии в Китае» говорилось:

В. П. Васильев, вместе с о. Гурием и о. Палладием, поселился на северном дворе для удобства сношения с ламами соседнего тангутского капища, чтобы заниматься изучением монгольского и тибетского языков 74 .

Составители цитируемой работы «тангутским капищем» назвали, очевидно, самый большой буддийский монастырь Пекина Юнхэгун, расположенный рядом с Северным подворьем Пекинской миссии.

В своем первом письме из Пекина, датированном 7 июня 1840 г., В. П. Васильев рассказывал, как тяжело пережил все трудности, связанные с прибытием в Китай. Но он сообщал своему учителю О. М. Ковалевскому:

К счастью, со мной уже совершился перелом; я бросил все жалобы, оставил всякий ропот на судьбу и на людей; решился покориться необходимости и теперь спокойно соображаюсь с обстоятельствами. Я понял своё положение и достиг этого тотчас, как только увидел себя принуждённым отказаться от своих обширных желаний, признаться, что мои мечты слишком высоки для того, чтоб другие им не мешали, и, следовательно, неудобоисполнимы, что они противны какому-то порядку и лицам, которые составили другие планы и имеют надо мной всю власть. Что нужды в том, что теперь я вполне сделался рабом, когда одно желание свободы стоило мне стольких забот и страданий, за которые я расплатился расстройством здоровья и даже упадком умственных сил. Теперь я ремесленник или невольник науки и, узнавши своё значение, очень хорошо понимаю и роль, которую мне необходимо разыгрывать; я исполнил всё что мог в этом звании и способен потому, что за меня будут говорить и отвечать другие. Итак, я не пишу Вам ничего о прошедшем потому, что оно представляет... самого меня сумасшедшим. Моя настоящая жизнь начнётся только с отъездом старой [духовной] миссии; тогда я буду стараться сблизиться со всеми, меня окружающими, между тем как прежде ничто не могло обратить на меня моё внимание. Во всяком случае, если во мне и не будет доставать внутреннего довольства, сердечного расположения к тому, что, уверяю Вас, любил так пламенно, всё равно я буду ещё деятельнее, неутомимее, чем до сих пор. Притом и время не свяжет меня в своих границах 75 .

В 1840 г. В. П. Васильев вместе с членами миссии прибыл в Пекин. В «Краткой истории Русской православной миссии в Китае» говорилось: «В. П. Васильев, вместе с о. Гурием и о. Палладием, поселился на северном дворе для удобства сношения с ламами соседнего тангутского капища, чтобы

 $^{^{73}}$ *Хохлов А. Н.* Проблемы русско-китайской торговли через Кяхту в XVII—XIX вв. в трактовке В. П. Васильева // Взаимоотношения народов России, Сибири и стран Востока: История и современность / Доклады Междунар. науч.-практ. конф. М.; Иркутск, 1995. С. 108.

⁷⁴ Бэй-гуань: Краткая история Российской духовной миссии в Китае. С. 82–83.

 $^{^{75}}$ *Хохлов А. Н.* Письма востоковеда В. П. Васильева из Пекина О. М. Ковалевскому... С. 474–475.

заниматься изучением монгольского и тибетского языков» ⁷⁶. Составители цитируемой работы «тангутским капищем» назвали, очевидно, самый большой буддийский монастырь Пекина Юнхэгун, расположенный рядом с Северным подворьем Пекинской миссии.

В. П. Васильев не был членом миссии, но, как писали исследователи, магистр Казанского университета был «прикомандирован в полное послушание архимандриту» ⁷⁷. В литературе существуют противоречивые оценки личности о. Поликарпа (Тугаринова). Исследователи давно уже отметили:

Никому из Архимандритов Азиатский департамент не давал такого доверия и власти, а Поликарп все еще боялся, что у него ее отнимут и на всяком шагу ее отыскивал. Будучи умным и нельзя сказать, что необразованным человеком, не имея ни тени монашеского ханжества, он тем не менее был несносен по своему взбалмошному, раздражительному характеру и капризам; то он вдруг ласков и вдруг через несколько минут смотрит на того же человека, как на лакея...

В письме к П. С. Попову синолог характеризовал о. Поликарпа (Тугаринова) — «жесток до самодурства» ⁷⁹. В своем письме к О. М. Ковалевскому весной 1841 г. В. П. Васильев писал:

Вам, вероятно, будет интересно услышать от меня о моих занятиях, учёных приобретениях, чем о низких обидах, которых, к несчастью, я не имею сил забыть. Скажу мимоходом, что учителей нанимаю не я, а о. Архимандрит. Он распоряжается [денежными] суммами, как ему угодно. И потому я теперь не намерен делать с своей стороны какие-либо приобретения для Университета и Академии Наук. Вам также, я думаю, уже известно, что мои донесения теперь должны адресоваться не на имя Его Превосходительства [Попечителя Казанского учебного округа], а на имя начальника миссии, который будет делать на них свои замечания

Замечательный российский востоковед Е. И. Кычанов так оценил ситуацию в связи с отмеченными проблемами:

Жизнь членов Миссии в Пекине оказалась нелегкой. До сих пор нет полной ясности в сведениях о личности главы Миссии архимандрите Поликарпе (Тугаринове). По-видимому, он был человеком требовательным и экономным. Причем также очень возможно, что оба эти его в принципе неплохие качества могли временами переходить в жесткость и скупость... Известен и конфликт о. Поликарпа с В. П. Васильевым, правда, также требующий еще дополнительного исследования. Многолетняя жизнь в чужой среде, в замкнутом кругу не могла не порождать конфликтов. В памяти потомков В. П. Васильев остался как выдающийся китаевед, а архимандрит Поликарп (Тугаринов) как блестящий организатор работы Миссии, немало потрудившийся на благо Отечества 81.

⁷⁶ Бэй-гуань: Краткая история Российской духовной миссии в Китае. С. 82–83.

⁷⁷ Материалы для истории Российской духовной миссии в Пекине / под ред. Н. И. Веселовского. Вып. І. СПб.: Типография Главного Управления Уделов, 1905. С. 50. Там же.

⁷⁹ *Ипатова А. С.* Пекинские письма П. Тугаринова к Н. И. Любимову // И не распалась связь времен... М., 1993. С. 165.

Хохлов А. Н. Письма востоковеда В. П. Васильева из Пекина О. М. Ковалевско-

му... С. 469. С. 477–478. Кычанов Е. И. Владимир Васильевич Горский (1819–1847) // Православие на Дальнем Востоке. 275-летие Российской Духовной Миссии в Китае. СПб.: Андреев и сыновья, 1993. С. 31–37. С. 32.

Поначалу В. П. Васильев встретился с большими трудностями. Об этом говорится и в его письмах. В 1841 г. он писал:

Отправляясь в Пекин, я мечтал, что со средствами, какие мне были предоставлены от Университета, я встречу тут неистощимый источник науки и от меня потребуется только охота ею заниматься. Признаюсь, охота ещё не исчезла, но пищи очень, очень мало или почти совсем нет. Мне было прислали кое-какого учителя тибетского языка, да и он перестал ко мне ездить с наступления этого года. Говорят, что лучше его нельзя отыскать во всём Пекине, а он едва мог переводить лёгкую прозу. Теперь я занимаюсь один и, впрочем, думаю, что лексиконы для меня полезнее, чем прежний учитель. Здешние нынешние лавки набиты только одними молитвенниками. Даже теперь нельзя отыскать многие из тех книг, которые нам известны и Вами уже приобретены ⁸².

Ровно через три года В. П. Васильев писал своему учителю в Казань:

Вся моя жизнь в Пекине есть только мёртвая пустыня, на которой не распустился до сих пор ни один цветок деятельности, согретой чувством и усердием. Но, слава Богу, мало-помалу я начинаю привыкать к своему положению, хотя и не совсем мирюсь с ним... Я не успел ещё сосредоточить своё внимание на каком-нибудь исключительном предмете. Не встречая ничего преимущественно интересного, я без разбора переходил от одного к другому, мешая трудные занятия китайским с более доступным мне тибетским языком, но не могу похвалиться, чтоб изучил хоть один из них обстоятельно. И как могло быть иначе, когда у меня нет до сих пор тибетского учителя, и когда простой солдат толкует мне живописный, удивительный язык в свете... ⁸³

Исследователь Т. В. Кузнецова пишет:

Благодаря отличной подготовке в монгольском и тибетском языках, а также солидному запасу сведений по буддизму, полученному при подготовке магистерской диссертации, В. П. Васильев в толковании текстов и понимании философских проблем заметно превосходил своих коллег по миссии, причем не только новичков, но и своего начальника архимандрита Поликарпа (П. А. Тугаринова), имевшего большой опыт в переводе буддийских сочинений с китайского языка ⁸⁴.

В. П. Васильев в Пекине дружил с учеником миссии В. В. Горским, изучавшим китайский, маньчжурский, монгольский и тибетский языки. Соученик будущего академика изучал также тибетский буддизм и раннюю историю маньчжуров. Известный петербургский китаевед Б. Г. Доронин утверждает:

За 150 лет, прошедших со времени публикации труда В. В. Горского, они не утратили своей актуальности и по-прежнему вызывают острые дискуссии в мировой синологии 85 .

Но один из самых талантливых и успешных молодых русских китаеведов не дожил до окончания учебы и умер в Пекине. Е. И. Кычанов писал:

 $^{^{82}}$ *Хохлов А. Н.* Письма востоковеда В. П. Васильева из Пекина О. М. Ковалевскому... С. 469, 477–478.

⁸³ Там же. С. 480.

⁸⁴ *Кузнецова Т. В.* Предпосылки и пути проникновения русской книги в Китай. № 3 (8). С. 88.

⁸⁵ Доронин Б. Г. История империи Цин... С. 102–103.

Безвременная кончина В. В. Горского поразила его друзей и соратников по Миссии... отечественное китаеведение потеряло ученого и знатока Китая, близкого или равного по силе таким корифеям синологии, которыми стали чуть позже его сотоварищи по Миссии о. Палладий (Кафаров) и В. П. Васильев 86 .

Несмотря на способности и трудолюбие стажера, В. П. Васильев старался не выделяться среди членов миссии, и его карьерный рост, как и награды, ничем не отличались от его «сослуживцев». В 1846 г. он, как и Татаринов, Гошкевич, Горский и Захаров, получил орден св. Станислава 3-й степени. В конце 1847 г. В. П. Васильев вместе с Татариновым и Гошкевичем были представлены к чину коллежского асессора.

В начале XX в. исследователи, ссылаясь на письма В. П. Васильева, писали о противостоянии между архимандритом Поликарпом и монахом Гурием, указывая: «Жертвой раздоров сделался, кажется, Корсалин, которого подучили Гурий и Гошкевич жаловаться, что его отравили Васильев в сообществе с Захаровым и Татаринов; из этого вышла Бог знает какая смута... кончилось тем, что выслали Корсалина из миссии...» ⁸⁷ Николай (Адоратский) отмечал:

По отъезде прежней Миссии из Пекина жизнь нового состава Миссии потекла в обычных занятиях — главным образом языками, согласно намеченному ранее в министерстве плану. Архимандрит Поликарп... почти все время тратил на сношение с трибуналом, собирание сведений о Китае, выборку из газет известий по политическим вопросам... Кроме того, им тщательно выполнялись всевозможные поручения Азиатского департамента и достигнуто многое в деле урегулирования сношений с Китаем. Посылка пакетов в Россию вместо прежних двух раз учащена до шести раз в год... 88

Современные исследователи пишут:

В Пекине Васильев безвыездно прожил десять лет. За это время он изучил санскрит, китайский, тибетский и маньчжурский языки. Эти десять лет, проведенные в тяжелых трудах, были самыми тяжелыми в жизни Васильева. Руководство духовной академии экономило на учениках, для них нанимали самых дешевых учителей. Первые три года не было учителя по тибетскому языку. Васильев писал: «Большие тяготы тогда приходилось выносить мирянину, увлекавшемуся любознательностью; он должен был на десять лет, самых лучших лет своей жизни, запереться в доме миссии, подчиняться всем распоряжениям ее начальника, который нередко оказывался врагом научного образования; десять лет приходилось не видеть не только ни одного европейца, но даже ни одного русского, кроме тех, с которыми он приехал...» Васильев о недостатке питания не писал, но писал о своем внутреннем состоянии, которое и явилось причиной его депрессии. Он почувствовал ее после возвращения из Пекина... В течение всей своей долгой жизни Васильев хранил горечь этих десяти лет в Пекине, полных разочарований и тоски по родине ⁸⁹.

Действительно, на протяжении всего периода проживания в Пекине В. П. Васильева не оставляло желание побыстрее вернуться на родину. Он даже ходатайствовал о досрочном возвращении в Россию, чем навлек гнев своих руководителей и учителей.

⁸⁶ Кычанов Е. И. Владимир Васильевич Горский (1819–1847). С. 31–37. С. 36.

⁸⁷ Материалы для истории Российской духовной миссии в Пекине. С. 50.

⁸⁸ Бэй-гуань. Краткая история Российской духовной миссии в Китае. С. 85.

 $^{^{89}}$ Воробьева-Десятовская М. И. Академик В. П. Васильев об истории буддийской философии... С. 133.

В. П. Васильев так описывал свой день в миссии:

Поутру проснувшись, лежишь в постели, полузабываясь: для тебя все равно, лежишь или встаешь, потому что, умывшись, пройдя несколько раз по комнате или саду, напившись чаю, ты спрашиваешь себя, что делать; берешь книгу или опять ложишься на постель, опасаясь надсадить грудь или получить геморрой. Хорошо, если в этот день придет учитель: еще все-таки пройдет утро до 10 часов и, отпустивши его, садишься обедать, а после уж решительно не знаешь за что приняться. При припадке прилежания берешься за книгу и скоро засыпаешь с ней на постели. Ах, как болит голова, глаза насилу подымаются... Слушаешь, как слуга вытряхивает старые угли из самовара, с нетерпением прислушиваещься, как он кипит. Боже мой, что за поэзия досталась нам в удел!... Сидячая и одинокая жизнь горбит все тело, глаза — мертвые, неподвижные, оловянные, ворочаешься, как медведь, а какой образ мыслей, какие выражения. C. 21–22 ⁹

За время стажировки в Пекине В. П. Васильев занимался не только изучением языков, но и исследовательской работой. В частности, он переводил китайские произведения. В одном из писем в 1848 г. он сообщает О. М. Ковалевскому:

Я начал приводить в порядок свои выписки... но не смею наперед обещать Вам ни одного труда. Только известие, что г-н Жульен переводит «Сю-юй-цзи» заставило меня несколько призадуматься. Перевод составлен мной уже более трех лет тому назад, но мысль состязаться с уже прославившимся ориенталистом меня пугает 91.

В следующем письме он писал:

Могу лишь похвалиться тем, что чувствую в себе достаточно знаний, чтобы перевести лёгкие статьи с тибетского и китайского, а сколько ещё теперь вертится в моей голове названий статей, которые были бы, может быть, не без интереса в переводе. Но по несчастью вот уж три года, как я копчу над одной дьявольской работой, которой ещё не вижу конца и с окончанием которой ещё, возможно, скажут, к чему она? Я думал, что убью немного времени сверх того, которое, признаться, не было слишком деятельно, но прошёл год и работа медленно подвинулась вперёд — отказаться от неё не было возможности, чтоб не пропало понапрасну время, которое было уже потрачено. Поверите ли, что когда я сижу только за одной терминологией, которую, как я думал, мог в силах объяснить, мне часто кажется, как будто тибетские и китайские книги кричат мне с упрёком: зачем я им предпочёл скучный том! 92

В российской справочной литературе приводился и такой факт: «В бытность свою в Пекине В. издал большую карту китайск. владений (на кит. языке) и составил исторические карты Китая при 12-ти царствовавших там династиях»

 $^{^{90}}$ Нестерова Е. В. Российская духовная миссия в Пекине: быт и занятия ее членов (30-е гг. XIX в.) // Двадцать третья науч. конф. «Общество и государство в Китае». Тез. докл. Ч. 2. М., 1991. С. 21-22.

⁹¹ Хохлов А. Н. Письма востоковеда В. П. Васильева из Пекина О. М. Ковалевскому...₉₂ С. 483. Там же. С. 486.

 $^{^{93}}$ В., Вас. Павл. // Энциклопедия / под ред. С. Н. Южакова и проф. П. Н. Милюкова. Т. 4. С. 433.

Исследователи указывают, что в Пекине В. П. Васильев выполнял задачи приобретения книг для российских библиотек: «Желая воспользоваться командировкой В. П. Васильева, Академия наук решила назначить его своим агентом-корреспондентом как для приобретения книг на тибетском и монгольском языках, так и для исполнения других поручений по научной части. Вскоре после того, как министерство народного просвещения 5 ноября 1839 г. сообщило о своем согласии с этим решением Академии наук, в Казань была отправлена инструкция, составленная Я. И. Шмидтом, а также каталог тибетских и монгольских сочинений, имеющихся в библиотеке Академии, который должен был служить руководством при покупке книг в китайской столице» ⁹⁴.

Выполнить задание по приобретению книг было непросто. В. П. Васильев в своих письмах из Пекина писал:

Даже теперь нельзя отыскать многие из тех книг, которые нам известны и Вами уже приобретены... На получение от китайского правительства Ганчжура и Данчжура нет никакой надежды... Теперь я мало-помалу закупаю китайский Ганчжур и Данчжур, который из какого-то дома распродан по частям, в разных лавках. Я уже успел набрать почти полтораста томов...

Тем не менее В. П. Васильев успешно справился с поставленными задачами. Он приобрел в Пекине огромные собрания книг на разных языках и уже в 1848 г. писал из Пекина:

Особенно из китайских книг у меня большая коллекция, и все важнейшие исторические сочинения, между которыми 100 томов (не книжек) занимают истории всех династий, мною закуплены. Я не упустил даже прозаических и поэтических китайских сочинений. Фоевские книги, т. е. китайский Ганчжур и Данчжур, тоже почти все 200 томов (китайский том равняется почти двум тибетским)... Маньчжурские книги собраны почти все, сколько их есть в печати и в рукописях 96.

О своей работе в этой части В. П. Васильев также писал:

Я мог сделать значительную экономию для университета, так что мною приобретено было книг почти на 5000 р. сер. ... с вывозом всех купленных мною книг, в 1851 году библиотека нашего университета не только сравнилась со всеми своими соперницами, но, может быть, превзошла их полнотой... Цель, которую я имел в виду при приобретении книг, была та, чтобы сделать нашу библиотеку как можно полнее и снабдить ее материалами во всех родах литературы... в других библиотеках очень мало произведений китайских поэтов; нет собраний мелких статей изящной прозы; всего находится только по нескольку романов и драм; даже отдел классической литературы не вполне снабжен произведениями китайских ученых; даосизм также почти исключен из других собраний... Я не мог почесть себя вправе исключить все это из своей библиотеки...

В. П. Васильев покупал в Пекине книги не только на китайском и маньчжурском языках. Петербургский востоковед В. Л. Успенский пишет:

 $^{^{94}}$ $\mathit{Кузнецова}\ \mathit{T.}\ \mathit{B.}\$ Предпосылки и пути проникновения русской книги в Китай. № 3 (8). C. 87–88.

Хохлов А. Н. Письма востоковеда В. П. Васильева из Пекина О. М. Ковалевскому...₉₆ С. 478–482. Там же. С. 469–483.

 $^{^{97}}$ Рукописи и ксилографы на восточных языках... С. 77–78.

Во время своего десятилетнего пребывания в Пекине В. П. Васильев стремился приобрести там такие монгольские книги, которые не смог найти его учитель О. М. Ковалевский. Поэтому подавляющее большинство собранных им книг — как рукописей, так и ксилографов, уникальны или представляют большую редкость... главным успехом Васильева было приобретение части личной библиотеки маньчжурского принца Юньли 98 .

Исследователи также указывают:

Как раз в те годы члены Российской духовной миссии совершили большое дело для изучения тибетского буддизма: благодаря их усилиям были приобретены сборники священных буддийских книг — «Ганджур»... и «Данджур»... Об этом о. Гурий с радостью сообщал в 1844 г. в письме саратовскому епископу Иакову: «Китайский император подарил Русской Миссии Гань-чонур и Данчонур... В Европе ни в одной библиотеке нет подобного экземпляра. 600 огромнейших томов! И в Китае эта вещь стоит более 15.000 рублей серебром, а в Европе и цены назначать нельзя...» Отметим также, что в составе 12-й Пекинской миссии находился... буддолог В. П. Васильев... он был первым исследователем тибетской исторической литературы в России ⁹⁹.

Что касается тибетских книг, то сам В. П. Васильев в 1848 г. писал из Пекина:

По части тибетских книг я не совсем счастлив, даже потому, что известно по каталогам. Но что же мне делать; я заказывал купцам привести из Лхассы большую коллекцию и возлагал на это все надежды, а они явились в нынешний год с байкой, свечами, но без книг. Впрочем, и теперь у меня уже больше книг, напечатанных в Амдо, Лхассе и Монголии, чем в пекинских типографиях, в которых в последнее время напечатана одна только «Пагма гатанг» на тибетском языке. Между прочим, есть и знаменитая синяя тетрадь Дептер-нбоньбо, но увы! Это только огромный перечень лам по разным школам в Тибете, для чего есть и другие источники (из неё-то помещён Вами в хрестоматию и отрывок о Ежо-Адише (?). Вообще же тибетских книг по части буддизма, истории его в Тибете, весьма немало, только получения светских сочинений никак не могу добиться 100.

XII Российская духовная миссия не оставила значительного следа в истории собственно православной миссионерской деятельности. Дипломат-китаевед И. Коростовец писал:

При арх. Поликарпе не делалось особых попыток к умножению во что бы то ни стало числа христиан, чем и объясняется скромная цифра православной паствы (59 человек), переданной следующей миссии 101 .

 $^{^{98}}$ Рукописи и ксилографы на восточных языках... С. 140.

⁹⁹ [Никитин] Архимандрит Августин (Никитин). С.-Петербургская духовная академия и Российская духовная миссия в Пекине // Православие на Дальнем Востоке. 275-летие Российской духовной миссии в Китае. СПб.: Андреев и сыновья, 1993. С. 40.

С. 40. 100 *Хохлов А. Н.* Письма востоковеда В. П. Васильева из Пекина О. М. Ковалевскому... С. 483.

скому... С. 483. 101 *Коростовец И*. Русская духовная миссия в Пекине // Русский архив. 1893. № 9. С. 72.

Русские священнослужители со своими китайскими помощниками обеспечивали лишь духовные потребности албазинской общины. Члены XII Миссии решали задачи открытия торговли на западном участке русско-китайской границы. В 1845 г. в Чугучак и Кульджу ездил Н. И. Любимов, а разрешение вопроса дипломатическим путем было поручено главе миссии о. Поликарпу (Тугаринову) и приставу полковнику Е. П. Ковалевскому. Миссионеры также подготовили подписание русско-китайского Кульджинского договора 1851 г. Огромная нагрузка на русских миссионеров легла в связи с начавшейся на юге Первой Опиумной войной. Следует отметить, Опиумные войны явились рубежным событием как в истории христианства в Китае, так и в истории страны в целом. Таким образом, В. П. Васильев оказался в Пекине в критический, рубежный период истории этой страны.

Уникальность данной миссии заключалась прежде всего в качестве подготовки китаистов. Крупнейший российский историк-китаевед Б. Г. Доронин утверждает, что воспитанники XII Миссии, в составе которой стажировался и В. П. Васильев, вывели российское источниковедение истории Китая на качественно новый уровень. Он пишет:

К числу наиболее ярких трудов по ранней истории династии Цин относятся... сочинения безвременно ушедшего студента 12-й миссии В. В. Горского... В. В. Горский не был одинок в своем внимании к проблемам источниковедения... Так, И. И. Захаров (1818–1885)... анализируя причины неудач некоторых ученых в разработке китайской проблематики, приходит к поразительному для китаиста середины XIX в, выводу: они делали выкладки по началам и правилам науки, образовавшейся в Европе из быта и состояния только новейших европейских государств. Без сомнения, успех их был бы вернее, если бы они имели под руками лучших китайских авторов... особенно полно отмеченная тенденция получила развитие в трудах отечественного китаиста XIX в. В. П. Васильева ¹⁰².

В эти годы также продолжался процесс реформирования самой миссии. Например:

В 1844 г. началась официальная переписка о сокращении срока службы русских миссионеров в Китае. Дело велось с переменным успехом до 1846 г. Когда и закончилось. Срок сокращен до пяти лет, хотя этим Двенадцатая миссия не воспользовалась

В 1845 г. сам о. Поликарп просил Азиатский департамент освободить его с должности и отпустить в Россию, но МИД настоял на оставлении начальника миссии на своем посту. XII Российская духовная миссия выехала на родину летом 1850 г. Для подготовки следующей, XIII Миссии в 1847 г. из Пекина в Петербург был отозван лишь о. Палладий (Кафаров).

В сентябре 1849 г. в Пекин на смену XII Миссии прибыл новый состав Российской духовной миссии во главе с земляком и «сослуживнем» В. П. Васильева — архимандритом Палладием (Кафаровым). Что касается заслуг XII Миссии, то крупнейший российский историк-китаевед Б. Г. Доронин утверждает, что воспитанники XII Миссии вывели российское источниковедение истории Китая на качественно новый уровень, отмечая: «особенно полно отмеченная

 $^{^{102}}$ Доронин Б. Г. История империи Цин... С. 102—105. Бэй-гуань: Краткая история Российской духовной миссии в Китае. С. 86.

тенденция получила развитие в трудах отечественного китаиста XIX в. В. П. Васильева» 104

Пекинский этап становления В. П. Васильева как синолога стал важнейшим в его научной карьере. Редактор журнала «Китайский Благовестник» Д. П. Пантелеев писал:

В архиве Академии Наук находится «дело» № 77 с надписью: «Пекинской Миссии и о путешествии кандидата Васильева». Из него мало можно вынести впечатлений о действительном размахе работ В. П., начатых им в Пекине, и обилии вывезенных оттуда материалов. Они были громадны...

Десятилетняя стажировка в Пекине позволила В. П. Васильеву полвека быть лидером российского китаеведения. Накопленный багаж знаний, огромные объемы собранного в китайской столице материала легли в основу его учебных и научных публикаций. Показательно, но за последующие полвека В. П. Васильев больше не посещал Китая, если не считать поездки в приграничный район Синьцзяна, да и та была обусловлена семейными делами.

В. П. Васильев — университетский профессор

В конце 1850 г., по возвращении из Китая, В. П. Васильев начал читать лекции в родном Казанском университете. В январе 1851 г. В. П. Васильев, будучи перспективным молодым специалистом по Тибету, вынужден был занять кафедру китайской и маньчжурской словесности. В 1852 г. он передал Казанскому университету большую коллекцию сочинений на китайском, маньчжурском, тибетском, монгольском, калмыцком и санскритском языках в количестве 849 названий в 2737 томах и 14 447 тетрадях ¹⁰⁶.

Содержание курса, который начал читать в Казанском университете В. П. Васильев, отражено в «Программе преподавания китайского языка, истории и литературы, маньчжурского языка 1851–1852 гг. по разряду восточной словесности» 107.

В 1855 г. профессор В. П. Васильев переехал в Санкт-Петербург, куда был переведен факультет восточных языков. Торжественное открытие факультета восточных языков в Санкт-Петербургском университете состоялось 27 августа 1855 г. Ординарный (штатный) профессор В. П. Васильев возглавил кафедру китайского языка.

В начале преподавания китайской и маньчжурской словесности у профессора В. П. Васильева не было никаких учебных пособий. Студенты занимались по лекциям, им также рекомендовалось использовать «Китайскую грамматику» Бичурина и грамматику А. Ремюзы. В 1857 г. студенты факуль-

 104 Доронин Б. Г. История империи Цин... С. 105. Пантелеев Д. П. Материалы по истории Российской Духовной Миссии в Ки-

тае. С. 36. 106 Таранович В. П. К вопросу о литературных материалах по востоковедению, $^{-1}$ Соозии. Предисловия и публикация Т. А. Пан // хранящихся в учреждениях города Казани. Предисловия и публикация Т. А. Пан // Труды востоковедов в годы блокады Ленинграда (1941–1944) / сост. и отв. ред. И. Ф. Попова. М., 2011. С. 224.

¹⁰⁷ Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПбФ АРАН). Ф. 775. Оп. I (3995). Д. 179.

тета восточных языков подали руководству факультета «Особую записку» с предложением издать на базе лекций серию специальных учебных пособий. Постепенно профессором В. П. Васильевым было создано и опубликовано несколько учебных пособий и словарей по китайскому и маньчжурскому языкам.

Исследователь Н. В. Петухова пишет:

В Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга хранится учебная программа преподавания китайского языка, литературы и истории Китая, составленная ординарным профессором В. П. Васильевым в 1870-х годах. Программа делится на три раздела: китайский язык, китайская литература, история Китая. По первому разделу на занятиях предусмотрено знакомство с грамматикой китайского языка, правописание китайских иероглифов... Затем по программе следуют упражнения в переводах. В качестве образцов разговорного языка приняты китайские пословицы и поговорки, дидактические правила, анекдоты... Затем на занятиях китайским языком профессор Васильев, согласно программе, объяснял классические книги — Лунь Юй, а также книгу стихотворений Ши-цзин...

Программа преподавания китайского языка, выработанная В. П. Васильевым, за редким исключением оставалась неизменной, в расширенном виде он дал эту программу, например, на 1870/71 учебный год. Для студентов 1-го курса вводился анализ китайских иероглифов (происхождение иероглифов, значение ключевых и фонетических знаков), этимологический разбор частей речи, особенности синтаксиса, а также перевод китайских текстов, помещенных в хрестоматии. На последующих курсах студенты занимались переводом текстов из «Ши-цзин» («Книга стихов и песен»), «Лунь Юй» («Беседы и суждения»), отрывков из буддийских книг.

По программе, составленной В. П. Васильевым, с декабря 1865 г. в университете в качестве вольнонаемного преподавателя китайского языка преподавал известный китаевед драгоман VI класса при Азиатском департаменте МИДа К. А. Скачков. Курс включал в себя «упражнения в разговорном китайском языке, составление разговорных фраз в переводе с русского на китайский, чтение и перевод на русский язык написанных разговорным языком китайских сочинений "Хун лоу мын", "Цзин Пин Мэй" 109 и других» 110.

С 1879 по 1890 г. с перерывом на 1886/87 уч. г. В. П. Васильев читал курс истории Китая. В обобщающем исследовании по истории отечественного китаеведения говорится:

Преподавание восточных языков и китайской литературы Васильев совмещал с чтением лекций по истории Китая, придавая своим работам в этой области столь же важное значение, как и трудам по изучению буддизма... Основными разделами его курса были «первые времена китайской истории» (по XII в. до н. э.) и последующие исторические события в династийной хронологии от периода Западного и Восточного Чжоу (XII–III вв. до н. э.) до правящей (с 1644 г.) Китаем маньчжурской династии Цин

 $^{^{108}}$ Петухова Н. В. Развитие китаеведения как науки в России в середине — второй половине XIX века // Вестник СПбГУ. 2014. Сер. 13. Вып. 4. С. 18–19.

^{109 «}Цветы сливы в золотой вазе», китайский классический роман.

¹¹⁰ Скачков П. Е. Очерки... С. 217.

¹¹¹ История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года. М., 1997. С. 268.

Кроме чисто исторических курсов профессора постоянно читали лекции по истории литературы, религии и культуры своих стран. В программе В. П. Васильева в курс лекций по литературе входили такие разделы: «в) древнее образование в Китае, предшествовавшее конфуцианству... д) значение конфуцианства; е) жизнь Конфуция и история распространения его учения до первых времен ханьской династии включительно» ¹¹². Наиболее детальный план В. П. Васильев представил по курсу «История и литература буддизма». Следует отметить, что курс лекций В. П. Васильева по истории китайской и маньчжурской литературы, читавшийся полвека, не имел аналогов в мире, более того, нигде в западных университетах подобные курсы в то время не читались.

Составляя программы и разрабатывая курсы лекций, В. П. Васильев обеспечивал учебный процесс учебными и методическими пособиями. Ученик и коллега В. П. Васильева известный востоковед А. М. Позднеев писал:

В видах более удобного изучения преподававшихся В. П. предметов им были изданы; «Маньчжурско-Русский словарь» (литограф. 1866 г.); «Анализ китайских иероглифов» (1866); «Китайская хрестоматия» в трех томах (1868); «Графическая система китайских иероглифов. Опыт первого китайско-русского словаря» (1867); «Примечания на третий выпуск китайской хрестоматии. Перевод и толкование Ши-цзина» (1882); «Примечания на второй выпуск китайской хрестоматии. Перевод и толкование Лунь Юй'я» (1884); «Анализ китайских иероглифов. Ч. П. Элементы китайской письменности» (1884); «Очерки истории китайской литературы» (1885); «Материалы по истории китайской литературы. Лекции, читанные студентам С.-Петербургского университета» (1888). Большинство этих трудов вышло уже вторыми изданиями, которые В. П. предпринимал в разное время, видоизменяя указанные учебники разными дополнениями, сокращениями и поправками 113

Многие учебные пособия стали этапом в развитии мировой науки. К таковым можно отнести сочинения «Анализ китайских иероглифов» и «Графическая система китайских иероглифов». Работа В. П. Васильева «Анализ китайских иероглифов» состояла из двух частей, в первую часть вошли «Общие понятия о языке» и «Начала, по которым построены знаки китайских слов (иероглифы)», вторая часть называлась «Элементы китайской письменности». По мнению современников, первая часть «Анализа китайских иероглифов» была «первой на европейском языке самостоятельной работой по фонетике, морфологии и письменности Китая» 114. Графическая система В. П. Васильева была принята и введена для обучения китайскому языку сначала на факультете восточных языков, а затем и в других учебных заведениях.

Современные исследователи отмечают:

Изучая историю и культуру китайского народа, В. П. Васильев составлял учебные пособия по литературе и языку Китая, к числу которых относится «Китайская хрестоматия». ДВГНБ располагает лишь третьим изданием «Примечаний к первому выпуску Китайской хрестоматии» (1896), отпечатанным в Санкт-Петербурге в типографии В. Безобразова и компании. Первое, литографирован-

 $^{^{112}}$ Скачков П. Е. Очерки... С. 220.

¹¹³ Позднеев А. Васильев (Василий Павлович). С. 607–609.

 $^{^{114}}$ Семенас А. Л. Значение трудов В. П. Васильева по китайской лингвистике // 22-я науч. конф. «Общество и государство в Китае». Ч. 3. М., 1991. С. 99.

ное издание 1868 года было снабжено добавлениями: краткими очерками географии и истории Китая, сведениями о древнем географическом разделении страны. Все эти добавления были опущены во втором издании 1882 года, сделанном в печатне Григорьева, и в рассматриваемом третьем издании. Однако в этом последнем введены различные шрифты для транскрипции текстов и единообразное чтение иероглифов согласно словарю архимандрита Палладия и П. С. Попова. Иероглифы воспроизведены при помощи цинкографии. Используемые тексты, вошедшие в состав последнего издания, были подготовлены преподавателем японского языка, китайской каллиграфии Иосибуми Куроно и включают в себя китайские пословицы, житейские правила, анекдоты, очерки о военных действиях при Минской династии, о связях Китая с Россией 115.

Петербургский исследователь Н. В. Петухова пишет:

Среди учебников, применяемых на факультете восточных языков при изучении китайского языка, основным была изданная в 1868 г. В. П. Васильевым «Китайская хрестоматия», которая послужила продолжением труда Д. Сивиллова... В. П. Васильев был центральной фигурой среди российских китаеведов... уникальным специалистом, несшим огромную не только учебно-методическую, научную, но и преподавательскую нагрузку. Этот тезис подтверждают и данные статистики издательской активности факультетов университета с 1863 по 1875 г.: в указанный период из примерно 60 работ по востоковедению только пять были посвящены изучению Китая и китайского языка, и все они принадлежали перу В. П. Васильева 116.

Патриарх советского китаеведения В. М. Алексеев писал:

...Первая школа китаистов, возглавлявшаяся от своего возникновения до конца (1855–1900) акад. В. П. Васильевым, понимала свою задачу главным образом как руководство упражнениями студентов в чтении и переводе различных китайских текстов, отбирая и располагая их более в учебном, чем в научном порядке и стараясь охватить свой предмет эклектически: отчасти как бы в историко-литературной, отчасти как бы в чисто практической программе. Так, в первой из них всегда фигурировало «Введение в изучение китайского языка», которое вряд ли соответствовало «введениям» общеуниверситетского типа, ибо никаких научных установок оно не только не давало, но иногда прямо предупреждало против них как против фантастических и вредных для непосредственного понимания китайского текста... Отрицая с кафедры наличность в китайском языке грамматики и предпочитая некоторую как бы обходную ее формулу вроде «Как китайцы обходятся без грамматики», программы все же ее включали... 117

В работе по истории отечественного востоковедения отмечается:

Всячески поощряя интерес студентов к истории, Васильев стремился привить им навыки критического осмысления источников посредством анализа текстов (Сыма Цяня, Чжу Си, Ду Чжао, Вэй Юаня и других китайских историографов). По его предложению студентом Л. Зыбиным в 1889 г. был выполнен частичный перевод на русский язык известной китайской летописи «Цзычжи

 $^{^{115}}$ *Кузнецова Т. В.* Предпосылки и пути проникновения русской книги в Китай. № 3 (8). С. 89.

¹¹⁶ Петухова Н. В. Развитие китаеведения как науки в России... С. 18.

¹¹⁷ Алексеев В. М. Наука о Востоке. С. 161.

тунцзянь ганму»... исторические сюжеты часто включались в тематику курсовых студенческих работ 118.

Поскольку кафедра маньчжурского языка осталась вакантной, В. П. Васильев взял также и маньчжурский язык. В течение 12 лет он был единственным лектором китайского и маньчжурского языков на всех четырех курсах китайско-маньчжурского разряда. В. Л. Успенский

После открытия Факультета восточных языков в Петербургском университете В. П. Васильев стал сам преподавать маньчжурский язык, для чего составил и издал первые в России «Маньчжурскую хрестоматию для первоначального преподавания» (СПб., 1863) и «Маньчжурско-русский словарь» (СПб., 1866) 115

Сам В. П. Васильев в предисловии к литографическому изданию «Маньчжурско-русский словарь, составленный для руководства студентов» писал: «Призванный к временному преподаванию маньчжурского языка в факультете восточных языков... я не мог не заботиться в том, чтоб, за неимением в России никаких руководств для этого языка, дать студентам... какие-нибудь средства» 120. Словарь этот был составлен посредством «выписки из маньчжурско-китайских лексиконов» главных слов маньчжурского языка «с определением русского значения» 121

Лишь в 1868 г. В. П. Васильев передал преподавание маньчжурского языка своему соученику и единомышленнику И. И. Захарову. После смерти в 1885 г. профессора И. И. Захарова преподавание маньчжурского языка было поручено только что окончившему университет любимому ученику В. П. Васильева — кандидату А. О. Ивановскому. Начиная с 1887 г. ему были отданы курсы: «Грамматика маньчжурского языка», «Этимология маньчжурского языка» и «История и география Маньчжурии». Кроме того, А. О. Ивановский вел практические занятия по маньчжурскому и китайскому языкам.

В. П. Васильев, будучи главой российской школы изучения языков и культур стран Дальнего Востока, предпринял попытку открыть в Санкт-Петербургском университете японоведение, пригласив к сотрудничеству служившего в Азиатском департаменте МИДа японца В. И. Яматова. В. Л. Успенский пишет:

В 1870 г. профессор В. П. Васильев сделал представление «о необходимости преподавания японского языка, уже введенного в Париже и в Вене, и у нас на китайско-монгольском разряде факультета восточных языков», на что Яматов согласился безвозмездно. Яматов открыл свой курс в октябре того же года и продолжал до мая 1874 года...

В 1886 г. В. П. Васильев передал курс китайского языка своему ученику приват-доценту С. М. Георгиевскому. После скоропостижной смерти С. М. Ге-

¹¹⁸ История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года. С. 268.

119 Рукописи и ксилографы на восточных языках... С. 133.

¹²⁰ [*Васильев*] Маньчжурско-русский словарь, составленный для руководства студентов профессором Санкт-Петербургского университета В. Васильевым. СПб., 1966. С. I. ₁₂₁ Там же.

¹²² Рукописи и ксилографы на восточных языках... 176 с. С. 98.

оргиевского в 1893 г. курс китайского языка передали другому ученику В. П. Васильева — А. О. Ивановскому.

Кафедру китайского языка В. П. Васильев возглавлял до 1887 г., когда вышел из числа штатных профессоров. Однако в этом же году он был избран почетным членом Петербургского университета.

В. П. Васильев хотел передать кафедру А. О. Ивановскому, защитившему в 1887 г. магистерскую диссертацию. Современные исследователи указывают:

Несмотря на то, что А. О. Ивановский начинал учебу под руководством А. И. Позднеева, он стал любимым учеником академика В. П. Васильева... после смерти учителя он много времени уделял приведению в порядок его архива и подготовке к печати оставшихся после его смерти работ

Но научное сообщество не согласилось с этим назначением, не все согласны были доверить единственную университетскую кафедру китайского языка в России молодому человеку, ни разу не бывавшему в Китае и не известному своими научными трудами. По этой причине с 1887 г. кафедра китайского языка долгое время оставалась вакантной.

В последние годы работы В. П. Васильева на факультете восточных языков проявилась напряженность, вызванная отсутствием достойных преемников и продолжателей дела патриарха российского китаеведения. В письме В. Р. Розена к С. Ф. Ольденбургу от 2/14 сентября 1893 г.:

Василий Павлович [Васильев] схватил плеврит и на заседании не был, но прислал письмо с рекомендацией Ивановского. Прения были жестокие... и я стал тоже орать... и имел успех в том смысле, что перекричал оппозицию и добился постановления факультета, даже без представления каких-либо особых мнений со стороны гг. оппонентов, о том, что он (факультет) поручает Ивановскому кафедру китайского языка и ходатайствует о назначении ему оклада в 2000 р. ...Но эта победа довольно призрачна, так как все зависит от Министерства. Никитина я пилю весьма усердно, но решительного ответа и обещания еще не мог добиться. Позднеев уже едет. Он теперь уже в Красноярске. Борьба разгорится, очевидно, отчаянная. Васильев подал в отставку. Следовательно, все будет зависеть от нового назначения. Если назначат Позднеева, то Ивановский пропал; это ясно... Если назначат меня, то Ивановский имеет 90 % шансов. Если назначат кого-нибудь другого (Веселовский, Голстунский, Березин), то дело будет плохо, но не безнадежно 124 .

В. П. Васильев неоднократно избирался деканом факультета восточных языков, был бессменным деканом факультета с 1878 по 1893 г., а в последний раз был выбран на эту должность в 1892 г. Только в 1893 г. он, согласно своему прошению, по причине преклонного возраста был уволен с должности декана и освобожден от обязанностей преподавания китайского языка. С 1893 г. до последних дней своей жизни В. П. Васильев читал студентам факультативный курс лекций по Китаю, по 2 часа в неделю.

 $^{^{123}}$ Дмитриев С. В. Из истории российского китаеведения и маньчжуроведения: командировка А. О. Ивановского в Китай // Россия и Китай: научные и культурные связи (по материалам архивных, рукописных, книжных и музейных фондов). Вып. 2 / сост. Г. 3. Пумпян. СПб.: БАН; Альфарет, 2012. С. 133–157. С. 134. Переписка В. Р. Розена и С. Ф. Ольденбурга (1887–1907) // Неизвестные стра-

ницы отечественного востоковедения. Вып. II. М., 2004. С. 248–249.

В 1865 г. В. П. Васильев попытался учредить при университете специальный востоковедный журнал. Об этом, в частности, говорит и его «представление в факультет Восточных языков об издании журнала» с обоснованием необходимости издания специального востоковедного журнала в Санкт-Петербургском университете «Азиатское Обозрение». Однако инициатива В. П. Васильева не нашла поддержки, и до конца его жизни такого журнала в России

Профессор В. П. Васильев в своей работе в университете опирался на мощный фундамент научно-исследовательской работы. В 1864 г. он защитил докторскую диссертацию на тему «Сведения о маньчжурах во времена династий Юань и Мин». Правда, исследователи отмечали препятствия, не позволившие В. П. Васильеву уделить больше времени и внимания науке. В одной из публикаций в журнале «Китайский благовестник» говорилось:

В. П. в период пребывания в Миссии собрал и увез с собою огромный материал. За короткий срок работы в Казанском ун-те он не смог его обработать. Потом, с переводом в СПб. массу времени отнимала работа по организации Восточного Факультета и налаживание факультетского преподавания. Если эта деятельность давала В. П. удовлетворение как профессору, то она одновременно отрывала его от науки, которой покойный академик так и не смог до самой смерти всецело отдаться, вопреки своему желанию ¹²⁵

После возвращения в 1850 г. из Пекина синолог В. П. Васильев больше ни разу не посетил Китай, если не считать его поездку в 1890 г. в приграничные Кульджу и Чугучак. Свой план «летней командировки с посещением Омска, Верного, Ташкента, Самарканда и Астрахани» 126 В. П. Васильев представил на заседании ИФО Императорской Академии наук 11 апреля 1890 г. Цель командировки он обозначил как «изучать языки и верования местных жителей, проследить взаимосвязь культур и распространение буддизма на этих территориях» 127 . Исследователь А. Н. Хохлов указывал, что на «заседании историко-филологического отделения Российской Академии Наук зачитал свою записку с обоснованием необходимости командировать его в Кульджинский (Илийский) край» 128. Правда, в «Письме В. П. Васильева президенту Петербургской академии наук К. К. Романову о поездке в Синьцзян летом 1890 г.» содержится фраза, что «главным поводом... было желание моих дочерей» ¹²⁹. Останавливался В. П. Васильев в резиденции русского консула в Кульдже В. М. Успенского ¹³⁰. Патриарх российского китаеведения отмечал, что во время этой поездки «слышал маньчжуров и сибо, говорящих на языке,

 $^{^{125}}$ Пантелеев Д. П. Материалы по истории Российской Духовной Миссии в Китае. С. 33.

Наука, 2003. С. 453.

 $^{^{127}}$ Там же. 128 Хохлов А. Н. Дунганское восстание в Китае 1860–1870-х годов и поездка академика В. П. Васильева в Кульджу в 1890 году // Восточный архив. 2013. № 2 (28).

С. 14.

129 Тункина И. В. Письмо В. П. Васильева президенту Петербургской академии
Статов 1890 г. // Восток-Запад: диалог цивинаук К. К. Романову о поездке в Синьцзян летом 1890 г. // Восток-Запад. диалог цивилизаций: историко-литературный альманах: 2007–2008. М.: Вост. лит., 2009. С. 90–93. С. 90. 130 Там же. С. 90–93.

заброшенном и забытом бо́льшим количеством, нежели здесь, господствующего племени... и в самой Маньчжурии... получил некоторые сведения и о языке солонов» 131 .

В. П. Васильев плодотворно сотрудничал с европейскими синологическими центрами. В 1870 г. русский китаевед изучал китайские, маньчжурские и тибетские фонды библиотек Вены, Мюнхена, Лондона и Берлина, встречался с известными европейскими учеными-синологами (Дуглас, Фицмайер, Саммерсон, Шаттали). В августе 1881 г. профессор В. П. Васильев был «командирован для осмотра китайских книг, хранящихся в европейских библиотеках...»

В. П. Васильев — член Санкт-Петербургской Академии наук и его общественно-научная деятельность

Уже в первые годы работы в университете В. П. Васильев стал ведущим российским экспертом по Китаю. На это указывает опубликованная в 1859 г. обобщающая работа «Открытие Китая» ¹³³. Неслучайно он давал рекомендации по содержанию и оформлению текста возможного договора России с Китаем ¹³⁴. На протяжении своей жизни В. П. Васильев менял свои взгляды на Китай. Будучи стажером Пекинской миссии, он в письме О. М. Ковалевскому отмечал:

Ни Китай, ни Индия с Тибетом ни в чём не могут иметь притязания на право назваться нашими учителями. У меня до сих пор глубоко врезалась в памяти фраза одного Вашего письма, что занятие Востоком есть только роскошь, а не потребность ¹³⁵.

После защиты докторской диссертации В. П. Васильев стал лидером отечественной китаеведческой школы, ему была открыта дорога в Академию наук. В 1866 г. В. П. Васильев был избран членом-корреспондентом Академии наук. Молодой синолог продолжил славные традиции русских китаеведов, ставших членами-корреспондентами АН, начиная с П. И. Каменского. Но в дальнейшем В. П. Васильев стал и первым русским действительным членом Императорской Академии наук.

Газета «Восточное обозрение» сообщила, что в апреле 1885 г. академики представили кандидатом на замещение кафедры «литературы и древностей азиатских народов» историко-филологического отделения Академии наук В. П. Васильева, и привела выдержку из его доклада об отечественном китаеведении: «...русская академия наук принимала посильное участие в этой от-

132 Санкт-Петербургский государственный университет. 275 лет. Летопись 1724—1999. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1999. С. 196.

 134 Скачков П. Е. Очерки истории русского китаеведения. С. 228.

 $^{^{131}}$ *Тункина И. В.* Письмо В. П. Васильева президенту Петербургской академии наук К. К. Романову о поездке в Синьцзян летом 1890 г. // Восток-Запад: диалог цивилизаций: историко-литературный альманах: 2007—2008. М.: Вост. лит., 2009. С. 90—91.

 $^{^{133}}$ [Васильев] Открытие Китая / В. П. Васильев. Оттиск из газеты «Русский Дневник». 1859. 47 с.

¹³⁵ *Хохлов А. Н.* Письма востоковеда В. П. Васильева из Пекина О. М. Ковалевскому... С. 487.

расли науки, но, к сожалению, до настоящего времени у академии недоставало научной силы, которая дала бы ей возможность принять на себя главную роль в этом деле» ¹³⁶. В январе 1886 г. состоялось «Постановление общего собрания АН. Об избрании Васильева ординарным академиком "по литературе и истории азиатских народов"» ¹³⁷.

В своем академическом докладе В. П. Васильев не упустил возможности отметить, что Академия наук утратила позиции центра китаеведческих исследований: «...русская академия наук принимала посильное участие в этой отрасли науки, но, к сожалению, до настоящего времени у академии недоставало научной силы, которая дала бы ей возможность принять на себя главную роль в этом деле» 138. В дальнейшем В. П. Васильев так и остался единственным синологом-академиком в России, и Академия наук не смогла стать центром развития российского китаеведения. Тем не менее синолог-академик до последних дней своей жизни развивал академическое китаеведение. На заседания ИФО В. П. Васильев регулярно представлял свои работы.

В конце 1890 г. на заседании ИФО «В. П. Васильев сообщил о дальнейшей расшифровке надписи на каменной плите, найденной Н. М. Ядринцевым на реке Орхон» 139 . На заседании ИФО 10 февраля 1893 г. «В. В. Радлов и В. П. Васильев представили доклад о снаряжении разведочной экспедиции в Семиреченскую область и Восточный Туркестан для пополнения археологических находок уйгурской письменности» ¹⁴⁰. 28 октября 1898 г. «На заседании ИФО В. П. Васильев представил "Заметки по буддизму", решено напечатать в "Известиях Имп. Академии наук"» 141

Академик В. П. Васильев не только по статусу, но и по своему авторитету был признанным лидером всего российского китаеведения. Всю свою жизнь В. П. Васильев активно сотрудничал с различными организациями и учреждениями в части изучения Востока. Например, к нему обращались за консультациями и содействием для обработки китайских материалов сотрудники старейшего в Сибири Минусинского музея.

Статьи В. П. Васильева по актуальным для общественности темам помещали на своих страницах российские периодические издания 142. Еще при жизни В. П. Васильева востоковед А. М. Позднеев написал:

В. П. помещал в разных журналах и газетах не менее интересные статьи, из числа коих можно отметить: «О далай-ламах в Тибете»; «Воспоминания о Пекине»; «Выписки из дневника, веденного в Пекине»; «Открытие Китая» (1859 года); «Две китайские записки о падении Кульджи и о занятии ее русскими» (1872); «По поводу путешествии Гюка и Габе в Тибет» («Изд. Русск. Геогр. Общ.» 1872); «Россия и Средняя Азия» («Бирж. Ведомости», 135, 1872); «Китайские посольства в Россию», «Голод в Китае»; «Современное положение Азии: китайский прогресс» (1883); «История японского уголовного судопроиз-

¹³⁶ Восточное обозрение. 1886 г. № 3. С. 3.

¹³⁷ Куликова А. М. Востоковедение в российских законодательных актах (конец XVII в. — 1917 г.). СПб., 1994. С. 106.

138 Восточное обозрение. 1886. № 3. С. 3.

¹³⁹ Летопись Российской академии наук. С. 466.

¹⁴⁰ Там же. С. 507. ¹⁴¹ Там же. С. 588.

¹⁴² [*Васильев*] В. П. Россия и Китай (Политическая хроника) // РР. 1879. № 4. С. 30-40; Васильев В. Восток и Запад // ВО. 1882. № 1. С. 2-5; Васильев В. Наши отношения с Китаем // ВО. 1882. № 8. С. 5-7.

водства»; «О преподавании восточных языков в России» и др. Кроме того, В. П. участвовал в газетах «Северная Пчела», «Голос», «Биржевые Ведомости» и «Новое Время», где время от времени появлялись его сообщения о современном положении Китая и разных политических происшествиях на дальнем Востоке, которые извлекались им из пекинских газет. Наконец, помимо своей специальной области знаний, В. П. выступал в печати и по отделу социальных наук; таковы его статьи: «Три вопроса», «Ассигнации — деньги» и «О поземельном устройстве» ¹⁴³.

Исследователь А. Н. Хохлов указывал:

В газетных публикациях В. П. Васильева, довольно полемичных, порой высказывались неприятные для самолюбия цинского правительства сентенции... при этом иногда предлагались те или иные превентивные меры для обеспечения безопасности и интересов России. Поэтому эти высказывания и проекты, в т. ч. носившие военно-стратегическую окраску, нередко снабжались оговорками редакций газет, благодаря чему читателям представлялась возможность делать собственные выводы 144.

Н. В. Петухова пишет:

В. П. Васильев был для широкой читающей публики едва ли не единственным признанным авторитетом по Китаю... различные периодические издания часто обращались к нему с просьбами осветить какие-либо события, происходившие в те годы в Китае, проанализировать их, дать объяснения явлениям, имевшим место в общественной жизни. В. П. Васильев нередко выступал в газетах «Восточное обозрение», «Голос», «Новое время», «Петербургские ведомости» с обзором текущих событий... К написанию этих материалов он всегда подходил с особой тщательностью, демонстрируя тонкое понимание многих проблем современного ему Китая 145.

Геополитические воззрения В. П. Васильева в отношении Китая всегда были взвешенны и убедительны, идеи его были востребованы российской общественностью. Газета приводила мнение профессора В. Васильева:

Трудно ожидать нашествия Китая на Европу и на нас, не надо забывать, что внимание Китая должно быть сосредоточено более на Юге, где у него есть враги посильнее нас... 146

В заметке, опубликованной накануне подписания Санкт-Петербургского русско-китайского договора 1881 г., В. П. Васильев писал:

Мы уже писали, что все наши интересы — в Азии; а в ней ведь нет ни одной настолько значительной страны, как Китай. Уже десятитысячноверстное протяжение с ним границы указывает нам на это; добейся-ка мы искреннего сближения с этой страной и перед нами открыто было бы все, чего нам и ей недостает — не в ущерб и нам и ей, потому что на взаимных интересах только и должна основываться истинная политика ¹⁴⁷.

 $^{^{143}}$ Позднеев А. Васильев (Василий Павлович). С. 608.

¹⁴⁴ Хохлов А. Н. Проблемы русско-китайской торговли через Кяхту... С. 111.

¹⁴⁵ Петухова Н. В. Развитие китаеведения как науки в России... С. 18.

¹⁴⁶ Восточное обозрение. 1882. № 1. С. 5.

¹⁴⁷ *Хохлов А. Н.* Проблемы русско-китайской торговли через Кяхту... С. 110.

На протяжении всей своей научной карьеры В. П. Васильев был активным членом Императорского Русского географического общества. Так, в «Большой энциклопедии», представлявшей собой один из самых авторитетных словарей «общедоступных сведений по всем отраслям знания» того времени, изданной в Петербурге в 1901 году, среди прочих заслуг В. П. Васильева было отмечено, что за книгу «Религии Востока: конфуцианство, буддизм и даосизм», изданную в Петербурге в 1873 году, он получил от ИРГО большую золотую Константиновскую медаль 148. В 1880-х гг. В. П. Васильев вступил в Императорское Русское археологическое общество (ИРАО). Заслуги академика и его активное участие в работе этой общественно-научной организации были отмечены избранием в 1887 г. В. П. Васильева почетным членом ИРАО.

На Третьем Международном конгрессе ориенталистов, который состоялся в 1876 г. в Санкт-Петербурге, В. П. Васильев был избран председателем 1-го отдела конгресса. В 1881 г. В. П. Васильев в составе российской делегации принял участие в работе V Международного конгресса ориенталистов в Берлине. На съезде он был избран вице-председателем Дальневосточной секции.

Ведущие русские историки Китая во второй половине XIX в. неизменно указывали на его помощь и поддержку. В изданиях того времени были типичны такие замечания:

В заключение не могу не высказать глубокой признательности моему наставнику В. П. Васильеву, без содействия котораго сочинение мое, за неимением средств, вероятно, не появилось бы в свет 149 .

Во второй половине XIX в. большинство работ университетских китаистов удалось опубликовать лишь благодаря поддержке В. П. Васильева.

В. П. Васильев, будучи лидером российского университетского и академического китаеведения, внес свой вклад в популяризацию китаеведения и распространение китаеведческого образования. Уже в 1850 г. он заявил:

Значение языка китайского никак не может быть поставлено ниже других. Невозможно, чтобы он со временем не вошел в круг всеобщего образования, не вытеснил из школ те мертвые языки, раньше которых он, несомненно, родился и в состоянии пережить все другие языки 150 .

В 1880-х годах В. П. Васильев предлагал ввести преподавание китайского языка в гимназии историко-филологического института или открыть специальную гимназию с преподаванием восточных языков при МИД. В 1885 г. был разработан проект преподавания китайского и монгольского языков в Петровском коммерческом училище Петербургского коммерческого общества. С предложением учредить в этом училище отделения китайского и монгольского языков к министру народного просвещения обратился министр финансов. Предполагалось на это отделение принимать по 10 выпускников коммерческих училищ. Программа включала изучение китайского языка и быта китайцев (6 ч. в неделю), монгольского языка и быта (5 ч. в неделю), англий-

 $^{^{148}}$ Энциклопедия / под ред. С. Н. Южакова и проф. П. Н. Милюкова. С. 433.

¹⁴⁹ [*Ивановский*] Матерьялы для истории инородцев Юго-Западного Китая (Губерний Юнь Нань, Гуй Чжоу, Сы Чуань и отчасти Ху Гуан). Т. І, ч. 1. Первый период. (От древних времен до конца династии Сун). А. Ивановскаго. СПб., 1887. С. IX.

 $^{^{150}}$ Дацышен В. Г. История изучения китайского языка в Российской империи. Красноярск: Красноярский гос. ун-т, 2000. С. 42.

ского языка (3 ч. в неделю) и практические занятия по товароведению (2 ч. в неделю). Предполагалось ввести преподавание китайского языка и в других классах училища. Кроме того, планировалось организовать постоянное общение с носителями языка. Главной задачей этого образования являлось овладение практическими навыками разговорного китайского языка, необходимого для работы в Китае. Однако данный проект не был реализован.

Свой важный вклад внес В. П. Васильев в становление и развитие Ургинской и Кульджинской школ переводчиков. Исследователь А. Н. Хохлов писал:

В отзыве В. П. Васильева, направленном 11 июля 1883 г. министром внутренних дел Д. А. Толстым Н. К. Гирсу, говорилось не только о необходимости Ургинской школы, но и желательности создания подобных ей в нескольких пунктах Синьцзяна, где уже функционировали российские консульства 151.

В. П. Васильев писал:

Мне кажется, было бы гораздо целесообразнее... оставив ургинскую школу на прежнем основании, предоставить консулам в Чугучаке (для Западной Сибири), Кульдже и Кашгаре (или Турфане) входить с представлением об открытии таких же школ при своих консульствах... принимая в расчет и нужные для каждой местности языки 152 .

Академик В. П. Васильев ушел из жизни на рубеже веков, на переломе эпох. В последней своей прижизненной публикации в начале 1900 г. он отметил:

Китайский вопрос неожиданно выдвинулся на очередь и, облекшись в плоть и кровь, волнует не одних присяжных дипломатов, но даже людей, ничего общего с внешней политикой не имеющих ¹⁵³.

Действительно, 1900 г. стал рубежным не только в истории российского китаеведения, но и в истории Китая и русско-китайских отношений.

Вклад В. П. Васильева в российское и мировое востоковедение

Работы по истории русского востоковедения

В. П. Васильев с первых же лет своей научной деятельности уделял большое внимание изучению опыта истории русского востоковедения. В частности, в 1857 г. В. П. Васильев опубликовал статью «Записка о восточных книгах в С.-Петербургском университете». Он писал:

Ученые Европы все более отыскивают исторические книги у всех народов; они почти уверены, что ничто другое не заслуживает их внимания, потому что не прибавит ничего в их умствованиях, не присовокупит нового к науке. Все наши синологи точно так же отдают преимущество исторической части. Мы не думаем также, что наше собрание могло бы уступить в этом отношении какой-

 $^{^{151}}$ Хохлов А. Н. Российская школа переводчиков в Урге (1864–1884) // Восточный архив. 2001. № 6–7. С. 35–46. С. 40.

¹⁵² Там же. С. 40.

 $^{^{153}}$ Васильев В. П. Открытие Китая. СПб., 1900. С. VI.

нибудь из библиотек, потому что все, что только можно было отыскать, вполне нами приобретено 154 .

В. П. Васильев, неизменно обращавшийся к опыту своего учителя, отмечал, например: «Знаменитый профессор монгольского языка О. М. Ковалевский не миновал того, чтобы не побывать в Пекине, хотя бы в звании казака» ¹⁵⁵. О вкладе в отечественную науку первого русского китаеведа, ставшего членом-корреспондентом Санкт-Петербургской Академии наук, он писал, отмечая и утрату его научного наследия:

...Так, об архимандрите Петре Каменском, бывшем в Пекине лет семнадцать, с 1790 по 1807 год, студентом, а потом с 1820 по 1830 архимандритом, рассказывают, что он представил целые мешки своих записок, извлечений, переводов. Но кто их читал и где они теперь? ¹⁵⁶

Высоко оценивал В. П. Васильев труды архимандрита Иакинфа (Бичурина):

Заслуги покойнаго нашего синолога так велики, труды его так обширны, что мы почитаем, со своей стороны, дерзостью разбирать недостатки, которые неизбежны во всяком издании о предметах, в которых не только публика, но даже и ученый свет принимает так мало участия 157.

При этом он высказывал и критические замечания в адрес архимандрита Иакинфа:

О. Иакинф забыл, что у нас еще так мало могущих пользоваться источниками, и потому, по нашему мнению, издания, им обнародованные, выиграли бы очень много и представлялись бы совсем в ином виде, если б он сам принял на себя в то же время труд представить главный очерк тех событий и народов... если б, в то же время, рассказал хотя вкратце содержание истории Китая в те времена, к которым относятся его переводы, тем более что тексты их составляют только дополнения или приложения к истории китайской ¹⁵⁸.

Лингвистика

Говоря о вкладе В. П. Васильева в мировое китаеведение, необходимо учитывать, что в основе китаеведения, как и востоковедения в целом, лежала лингвистика. Синология началась с изучения китайского языка. Не случайно многие китаеведы, да и сам В. П. Васильев первыми из его главных научных трудов называли работы по китайской лингвистике.

В. П. Васильев полагал, что его главным научным достижением была разработка графической системы китайских иероглифов, положенная в основу составления китайских словарей. Оригинальный труд В. П. Васильева «Графическая система китайских иероглифов. Опыт первого китайско-русского

¹⁵⁴ Рукописи и ксилографы на восточных языках... С. 7.

¹⁵⁵ *Васильев В.* Воспоминание об И. И. Захарове // ЖМНП. 1885. Ноябрь.

¹⁵⁶ Там же.

¹⁵⁷ [Васильев] История и древности восточной части Средней Азии, от X до XIII века, с приложением перевода китайских известий о Киданях, Джуржитах и Монголо-Татарах // Зап. Имп. Археол. о-ва. Т. XIII. СПб., 1861. С. 1.

¹⁵⁸ Там же. С. 2.

словаря» стал первым в мире опубликованным китайско-русским словарем. Использованная в нем «графическая система китайских иероглифов» впервые была обнародована в «Журнале Министерства народного просвещении» еще в $1856\ \Gamma$.

На основе выработанной графической системы иероглифов для словарей была составлена работа (467 листов), состоящая из двух частей — системы расположения и лексикона. «Лексикон» предназначался в качестве учебного пособия для студентов. Как отмечают исследователи:

Иероглифы были сгруппированы по фонетическому принципу, но сами группы располагались по новой, графической системе. Основой систематизации предлагался легко внешне определимый графический элемент в правом нижнем углу письменного знака. Согласно этим элементам, соотносимым с основными чертами китайской иероглифики, письменные знаки и были сгруппированы в словарные статьи; этот же принцип организации присутствовал и внутри самых словарных статей 160.

В. П. Васильев писал в 1895 г.:

Для меня гораздо дороже... моя графическая система. Вот видите ли, по крайней мере 2500 лет изучали свою письменность китайцы, но ныне трудятся над ней и европейцы. А она трудна только потому, что изучают без системы. Впрочем, я не ручаюсь, что она скоро будет принята. Ведь эта система придуманная.

Советский синолог В. С. Колоколов в середине 1930-х гг. писал:

В 1867 году проф. В. П. Васильев впервые резко осудил старую китайскую систему (так называемую «ключевую») и предложил свою графическую «методу»), которая впоследствии была закреплена печатным изданием небольшого Китайско-русского словаря, составленного в Петербурге проф. Пещуровым (1891)... ¹⁶¹

Известный российский синолог А. Г. Сторожук утверждает:

Система В. П. Васильева не получила такого широкого распространения, как метод О. О. Розенберга... Вместе с тем принцип организации иероглифов В. П. Васильева широко использовался в отечественных словарях, например, в словаре Б. Г. Мудрова... И. М. Ошанина... В последнее время имеются и примеры обращения к русской графической системе в западных изданиях ¹⁶².

Ведущий российский синолог начала ХХ в. А. И. Иванов утверждал:

Из многочисленных работ его по китайскому языку, письменности и литературе главнейшими следует, конечно, признать «Анализ китайских иероглифов» в 2-х частях, «Первый русско-китайский словарь», составленный по новой

 $^{^{159}}$ Васильев. Графическая система китайских иероглифов // ЖМНП. 1856. № 12. С. 333–358.

¹⁶⁰ Сторожук А. Г. Предисловие к переизданию // Графическая система китайских иероглифов. Опыт первого китайско-русского словаря / Составлен для руководства студентов профессором Санкт-Петербургского университета В. П. Васильевым. Переиздание... СПб.: ООО «Студия "НП-Принт"», 2010.

^{161 3000} цзыдянь. Перечень употребительных китайских иероглифов... С. 151.

¹⁶² Сторожук А. Г. Предисловие к переизданию. С. 4.

системе, «Материалы по истории китайской литературы» и статью, напечатанную в 1857 г. в журнале М. Н. Пр. ... 163

Работа «Анализ китайских иероглифов» состояла из двух частей, в часть первую вошли «Общие понятия о языке» и «Начала, по которым построены знаки китайских слов (иероглифы)», часть вторая называлась «Элементы китайской письменности». По мнению современников, первая часть «Анализа китайских иероглифов» была «первой на европейском языке самостоятельной работой по фонетике, морфологии и письменности Китая».

В. П. Васильев вместе со своими коллегами занимался развитием складывавшейся единой русской транскрипции китайских иероглифов. В его работах, в отличие, например, от транскрипции архимандрита Иакинфа (Бичурина), мы видим практически современную транскрипцию иероглифов кириллицей: гора — *шань*; птица — *няо*, рот — *коу*, стол — *цзи* и т. д. В работе «Опыт первого китайско-русского словаря» В. П. Васильев пишет так:

В настоящем лексиконе в первый раз в Европе введено пекинское, т. е. северное китайское произношение... Там, где ученое произношение различает два произношения на одно пекинское (напр. *гинь* и *цзинь* в Пекине равно читаются *цзинь*) мы старались указать в скобках это различие.

Источниковедение

Важнейшим направлением научной деятельности В. П. Васильева было историческое источниковедение. Будучи ученым-энциклопедистом, уже в своих исследованиях по лингвистике он рассматривал язык в качестве, в том числе, и носителя исторической информации.

Проблемы исторического источниковедения звучат почти в каждой работе В. П. Васильева. Еще в первой большой работе «Описание Маньчжурии», опубликованной в 1857 г. отдельной книгой, говорилось:

Для того чтобы иметь беглое понятие о стране, у нас имеется очень много документальных источников; во-первых, описание Маньчжурии, или Шэнь цзинъ Тунъ-чжи, обещает многое при взгляде на всем довольно больших Китайских томов; но кто знает, как пишутся официальные описания, которые сообщают в подробности о размерах почти каждого казенного здания, дополняя свои описания биографиями всех лиц, упоминаемых в истории с древнего времени, а между тем избегают всех возможных упоминаний о частностях, которых мы отыскиваем, тот не будет удовлетворен этим. В этом случае даже сама поэма Мугдэнь-фу может считаться любопытнее... (текст цитаты приведен в полном соответствии с текстом источника) 164

В вышедшей в Санкт-Петербурге «Религии Китая» синолог ставит вопрос: «Откуда почерпнули свои исторические сведения Китайцы?» ¹⁶⁵ Советский исследователь В. Н. Никифоров писал:

Подход Васильева к китайским источникам был прямой противоположностью методу Бичурина. Васильев проявлял крайний критицизм по отношению к

¹⁶³ Иванов А. И. В. П. Васильев как синолог. С. 564.

¹⁶⁴ Васильев В. Описание Маньчжурии // Зап. РГО. Т. XII. СПб., 1857. С. 9–10.

 $^{^{165}}$ Васильев В. Религии Востока: конфуцианство, буддизм и даосизм. СПб., 1873. С. 18.

отраженной в источниках китайской традиции. Сомневался в древности и подлинности многих исторических памятников... 166

Петербургский историк Г. Я. Смолин указывал:

Многочисленные опубликованные, а также насчитывающие едва ли не во вдвое большем количестве оставшиеся неизданными... труды В. П. Васильева синолога способны дать наглядное представление о его огромной и плодотворной работе над самыми различными источниковедческими темами и сюжета-

Академик В. С. Мясников подчеркивает: «Характерной чертой творчества В. П. Васильева являлось критическое отношение к источникам» 168

Одним из основных направлений научной деятельности В. П. Васильева был перевод и критический анализ документов, отражающих историю Китая на всем ее протяжении, с древности и до конца XIX в. Петербургский историк-китаевед Г. Я. Смолин писал:

Что касается письменных памятников — главного предмета исторических штудий, можно — условно — счесть выпуск в свет в 1856 и 1857 гг. его пространной «Записки о восточных книгах в Санкт-Петербургском университете»... налицо не что иное, как по тем временам репрезентативный аналитический обзор китайского письменного наследия. По сути, заключающий в себе основные позиции последующих источниковедческих изысканий В. П. Василь-

В. П. Васильев одним из первых в западной науке критически исследовал книги «конфуцианского канона», являющиеся важнейшим источником дописьменного периода истории Китая. В своей «Религии Китая» молодой профессор-китаевед поднимает проблемы «Шу-цзина» и «Ши-цзина» ¹⁷⁰. Синолог А. И. Иванов в 1918 г. писал:

Особенно ценен перевод части Ши-цзина — собрания древних китайских песен. При издании перевода первой части этого сборника Василий Павлович отрешился от китайской традиции толкователей, видящих в каждой песне намек на исторический факт или ссылающихся на них как на подтверждение правила «зло наказывается, а добродетель торжествует»...

Русский синолог уже более века назад отмечал: «Указания Василия Павловича на необходимость использовать тексты "Ши-цзина" как источник древнего китайского языка не нашли отклика и доныне» 172.

В. П. Васильев изучал и переводил самые разные китайские сочинения, от «Династийной истории» («Чжэн ши» 正史) и «Всеобщего зерцала, управле-

 $^{^{166}}$ Никифоров В. Н. Советские историки о проблемах Китая. С. 12.

 $[\]Gamma$ Смолин Γ . Я. Академик В. П. Васильев как исследователь источниковедения истории Китая. С. 332.

⁵⁸ Мясников В. С. Петербургская школа китаеведения // Новая и новейшая исто-

рия. 2017. № 2. С. 116–124. С. 119. ¹⁶⁹ *Смолин Г. Я.* Академик В. П. Васильев как исследователь источниковедения истории Китая. С. 335.

¹⁰ Васильев В. Религии Востока: конфуцианство, буддизм и даосизм. С. 19–29.

¹⁷¹ *Иванов А. И.* В. П. Васильев как синолог. С. 565.

¹⁷² Там же. С. 566.

нию помогающего» («Цзы чжи тун цзянь» 资治通鉴) до энциклопедии «Тун чжи» (通志) и различных частных сочинений. Перевод восточных текстов требовал решения многочисленных задач. Современные исследователи пишут: «Он был в числе первых востоковедов, поставивших вопрос о выработке адекватного языка описания буддийского духовного опыта, о критериях выбора аналогов для перевода...»

Еще будучи молодым исследователем, В. П. Васильев ввел в научный оборот важный и интересный исторический источник — «Записка о Нингуте» ¹⁷⁴ начала XVIII в. Определенным вкладом в науку стало опубликованное в том же издании «Описание Маньчжурии» ¹⁷⁵. В предисловии к «Географии Тибета» В. П. Васильев в 1895 г. упомянул: «...предполагавшимся мной изданием имеющегося у меня перевода Си-юй-цзи (описание западных стран)» ¹

В числе книг академика В. П. Васильева, сохранившихся в библиотеке Санкт-Петербургского университета, были: «Цинь дин шу цзин чуань шо хуэй цзуань» ¹⁷⁷ («Высочайше утвержденный свод толкований "Книги историй" ("Шу цзин")») 1730 г. ¹⁷⁸; «Юй пи цзы чжи тунцзянь ганму Сюй бянь» («Высочайше утвержденное продолжение "Всеобщего зерцала, правлению помогающего"») 1708 г. издания; «Шэн у цзи» («Записки о священных войнах») китайского историка XIX в. Вэй Юаня (1794-1857) 1842 г. издания, по военной истории Цинской династии; «Ши цзи» («Исторические записки») и комментарии к «Ши цзи», а также много другой исторической литературы

Переводы В. П. Васильева были основой для работы его учеников и последующих поколений синологов. Например, в личном фонде советского синолога К. К. Флуга хранятся текст опубликованного В. П. Васильевым в «Русском вестнике» перевода «Записки Лю Цзы хана о дунганском восстании 1860-х годов» и «Исправления к переводу Васильева» ¹⁸⁰. Выписки из сочинений В. П. Васильева хранятся в документах личного фонда маньчжуроведа А. В. Гребенщикова 181 .

В своих изысканиях В. П. Васильев не ограничивался историческими или литературными текстами Он перевел и опубликовал такого рода документы, как «Прокламация китайского магометанина, изданная на китайском языке» 182.

Историк-китаевед Г. Я. Смолин писал:

Еще одно подтверждение необычайной широты общего диапазона источниковедческих исследований В. П. Васильева — его занятия эпиграфикой... Несколько трудов Василия Павловича по этой тематике сохранилось лишь в рукописном виде и покоятся в различных архивах. У того же П. Е. Скачкова — в

 $^{^{173}}$ Воробьева-Десятовская М. И. Академик В. П. Васильев об истории буддийской философии... С. 134. ¹⁷⁴ Васильев В. Записки о Нингуте // Зап. РГО. Т. XII. СПб., 1857.

¹⁷⁵ *Васильев В.* Описание Маньчжурии.

¹⁷⁶ Васильев В. География Тибета. Перевод тибетского сочинения Миньчжул Хутукты. СПб., 1895. С. І.

欽定書經傳説彙纂

¹⁷⁸ Главный составитель Ван Сюйлинь.

 $^{^{179}}$ Завидовская Е. А., Маяцкий Д. И. Описание собрания китайских книг академика В. П. Васильева..

АВ ИВР РАН. Ф. 73. Оп. 1. Д. 35.

¹⁸¹ АВ ИВР РАН. Ф. 75. Оп. 1. Д. 21.

 $^{^{182}}$ [Васильев] Открытие Китая и др. ст. академика В. П. Васильева / Издание журнала «Вестник всемирной истории». СПб.: Столичная типография, 1900. С. 133.

наиболее полном реестре таких материалов — они обозначены следующим образом: По поводу отрывка из памятника с уйгурской надписью; Материалы к «Китайской надписи на Орхонском памятнике...»; Юаньский памятник, поставленный в честь Цань-ши дэ и Цуань Лун-яня; Записка с определением китайской надписи на медном кружке; О христианском памятнике в Сианьфу... Предмет еще одной публикации В. П. Васильева в рамках эпиграфического блока — три открытые на исходе XIX в. в Орхонском регионе инскрипции на китайском языке... свой перевод всех этих текстов В. П. Васильев сопроводил скрупулёзными комментариями

В. П. Васильев также изучал надписи на китайском, чжурчжэньском и монгольском языках, сохранившиеся на Тырском утесе в низовьях Амура 184 Дальневосточный археолог А. Р. Артемьев писал:

Следующим ученым-востоковедом, изучавшим надписи на тырских стелах, был выдающийся синолог Академик В. П. Васильев. Снимки надписей с обоих памятников ему привез в 1896 из Владивостока... М. Г. Шевелев. В. П. Васильев первым установил наличие на стеле 1413 г. из мелкозернистого мрамора... помимо текстов на китайском и монгольском языках — текста на чжурчженьском языке и сделал относительно полный, насколько позволяло качество снятых копий, перевод китайских текстов с обоих памятников... Таким образом, перевод архимандритом Аввакумом фразы, где якобы упоминается династия юань, подтвержден не был... В тексте на другой стеле было сказано... В заключении В. П. Васильев отмечает, что оба памятника содержат восхваления императоров Мин, причем они ставятся даже выше знаменитых Яо и Шуня...

В «Сборнике трудов Орхонской экспедиции» в 1897 г. была опубликована статья В. П. Васильева «Записка о надписях, открытых на памятниках, стоящих на скале Тыр близ устья Амура» 186 .

В качестве исторического источника синолог привлек также разные вещественные памятники. Историк-китаевед Г. Я. Смолин писал:

Источниковедческие изыскания проходят красной нитью сквозь всю дальнейшую творческую деятельность В. П. Васильева-синолога, причем поле подобных изысканий с самого начала не ограничивалось лишь источниками письменными. Речь может идти, в частности, о таких объектах этих штудий, как памятники вещественные, будь то их «пограничная» с эпиграфическими источниками разновидность — монеты... не говоря уже об изваяниях Будды или культовых и мемориальных сооружениях...

В 1854 г., в частности, В. П. Васильев систематизировал и описал коллекцию китайских монет, всего 1113 штук. Неоднократно обращался синолог к китайской эпиграфике.

 $^{^{183}}$ Смолин Г. Я. Академик В. П. Васильев как исследователь источниковедения истории Китая. С. 333.

 $^{^4}$ Васильев В. П. Записка о надписях, открытых на памятниках, стоящих на скале Тыр близ устья Амура // ИАН. 1896. Т. IV, 4. С. 365–367.

 $^{^{185}}$ Артемьев А. Р. Буддийские храмы XV в. в низовьях Амура. С. 16. Васильев В. П. Записка о надписях, открытых на памятниках, стоящих на скале Тыр близ устья Амура.. Т. III. С. 36.

Смолин Г. Я. Академик В. П. Васильев как исследователь источниковедения истории Китая. С. 332.

Будучи исследователем, В. П. Васильев особое внимание уделял критике исторического источника. Его ученики отметили, что он был «один из первых, если не первый европейский ученый, который относился с серьезной критикой к китайским источникам и текстам» ¹⁸⁸. Не вызывает сомнения утверждение: «Источниковедческие изыскания проходят красной нитью сквозь всю дальнейшую творческую деятельность В. П. Васильева-синолога» ¹⁸⁹.

Исторические исследования

Опираясь на собственные переводы китайских исторических источников, В. П. Васильев внес большой вклад в изучение истории Китая и соседних с ним стран. Академик В. С. Мясников указывает:

В. П. Васильев публикует серию фундаментальных исследований в области истории Китая и сопредельных стран, куда вошли «История и древности восточной части Средней Азии от X до XIII в.» (1859), «Сведения о маньчжурах во времена династий Юань и Мин» (1863), «О движении магометанства в Китае» (1867), «Приведение в покорность монголов при начале Дайцинской династии» (1968)...

Синолог Г. Я. Смолин писал:

Поистине огромное и столь же почетное место в деятельности В. П. Васильева в качестве ученого и преподавателя еще в 1851–1854 гг., в пору его работы на восточном отделении историко-филологического факультета Казанского университета... и во все последующее время... занимала история Срединного государства, а также взаимоотношений последнего с соседними народами и странами ¹⁹¹.

В 1857 г. В. П. Васильев писал:

Китай имеет обширную историю, какой не может похвастаться ни одна страна на таком огромном пространстве места и времени... настоящий отец китайской истории, Геродот Востока — Сы-ма-цянь... неминуемо увлекался старинным духом генеалогий, и его история есть не что иное, как собрание отдельных частных историй, биографий ли императоров, князей, знаменитых мужей или обозрения (чжи...) музыки, церемоний... 192

В 1859 г. в «Записках Императорского Археологического общества» была опубликована фундаментальная работа В. П. Васильева «История и древности восточной части Средней Азии, от X до XIII века, с приложением перевода китайских известий о киданях, джуржитах и монголо-татарах» ¹⁹³. Необходимость данной работы синолог объяснил во введении:

190 *Мясников В. С.* Петербургская школа китаеведения. С. 119.

192 Рукописи и ксилографы на восточных языках... С. 84.

 $^{^{188}}$ *Смолин Г. Я.* Академик В. П. Васильев как исследователь источниковедения истории Китая. С. 347.

¹⁸⁹ Там же. С. 332.

 $^{^{191}}$ Смолин Г. Я. Академик В. П. Васильев как исследователь источниковедения истории Китая. С. 331.

¹⁹³ [Васильев] История и древности восточной части Средней Азии...

...Между историей народов Средней Азии и эпохой Чингисхана находится пропуск на пространстве трех столетий, так что, читая историю древних народов, мы находимся в неизвестности, что с ними сделалось впоследствии, и оттого самое выступление на историческом поприще Монголов представляется в каком-то полумраке 194

В. П. Васильев отмечает, что многие пробелы в знании истории вызваны отсутствием переводов официальных историй династий Ляо и Цзинь. Он пишет:

Мы решились, по возможности, пополнить сказанный недостаток если не изданием перевода оригинальных сочинений, то, по крайней мере, очерком главного их содержания. Сверх того мы считаем неизлишним присоединить к этому краткому обозрению небольшие статьи... что написаны частными лицами, жившими недалеко от описываемой ими эпохи 195 .

Первая часть исторического исследования В. П. Васильева «История Киданей» начинается со следующего утверждения:

Название Киданей (Кидань) является в первый раз при династии Тоба или Нань-Вэй. По словам «Ляо-дун-чжи» (Описание Ляодуна), приводимым в «У дай Ши дзи-чжу» (LXXII, 3), при конце пяти династий Кидане назывались еще Тай-Ян Цидань...

По тексту выделяются следующие разделы: «Прибавление к истории Киданей (Из Пидань-го-джи, XXII)», «Прибавление о Шивэй», «Прибавление о Ся», «Дорожник Ху-цяо», «Падение Цзиньской династии» и т. д. В своей работе В. П. Васильев выдвигает собственные решения спорных вопросов, например, он пишет: «Мнение наше о происхождении названия Монгол разнится от толкований, принятых другими» ¹⁹⁷. В конце основной части дается следующее заключение:

Мы набросали лишь, в общем обозрении истории Средней Азии, главныя данныя, которые необходимо иметь перед глазами при дальнейших исследованиях; а эти исследования найдут для себя материалы во множестве других источников, которые мы оставляем нетронутыми

В «Приложении» к основному тексту даны переведенные В. П. Васильевым еще в Пекине «краткие статьи о Киданях, Чжурчжэнях и Монголах, помещенныя в китайском сборнике "Гу-цзинь-шо-хай". Сборник этот составлен при Минской династии, в 1544 году, каким-то Лу-цзи...» ¹⁹⁹. Самым старым из приложенных текстов был труд ученого эпохи Сун Е Лунли 1179 г. под названием «Цидань го чжи».

Фундаментальная монография В. П. Васильева «История и древности восточной части Средней Азии...» была и остается огромным вкладом синолога в мировую науку. Исследование В. П. Васильева не только закрывало белые

[[]Bacuльee] История и древности восточной части Средней Азии... С. 2.

¹⁹⁵ Там же. С. 4. 196 Там же. С. 7.

¹⁹⁷ Там же. С. 159.

¹⁹⁸ Там же. С. 167.

¹⁹⁹ Там же. С. 169.

пятна истории, но обозначило качественно новый этап в развитии российской историографии истории Китая. Советские историки отмечали:

Труд Васильева — это извлечения из китайских официальных историй «Лю-ши» (вероятно, «Ляо-ши». — B. \mathcal{A} .), «Цзинь-ши», «Юань-ши» и частных летописей. Чтобы сделать его доступным массовому читателю, Васильев приводит текст не дословно, как это делал Бичурин, а давал пересказ, близкий к подлиннику, снабжая его своими критическими пояснениями и дополнениями. Работа была высоко оценена современниками 200 .

Важной составляющей общей картины исторических исследований В. П. Васильева стали «Описание Маньчжурии» 201 и «Записка о Нингуте» 202 . Вопросы о названии Мэнгу и переводе «Эркэгун» были рассмотрены В. П. Васильевым в публикации, помещенной в «Записках Восточного отделения Российского археологического общества» в $1889 \, \mathrm{r.}^{203}$ Там же была помещена его статья «К хронологии Чингис-хана и его преемников» 204 .

Работы В. П. Васильева стали неотъемлемой частью историографии древней и средневековой истории Китая, на них обязательно указывали последующие российские китаеведы. Например, в работах С. М. Георгиевского нередко встречаются ссылки на мнение В. П. Васильева ²⁰⁵. Здесь необходимо отметить, что советские историки мало обращались к переводам академика В. П. Васильева из династийных историй. И уже советский академик Б. Я. Владимирцов, бывший воспитанник факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета, писал: «В нашем распоряжении нет даже переводов официальных китайских династийных историй "Юань-ши" и "Мин-ши"» ²⁰⁶.

В. Н. Никифоров так оценил труды В. П. Васильева:

Впервые русское китаеведение в лице В. П. Васильева отказалось пересказывать китайские феодальные истории, поставив цель переплавить данные источников в своем творческом сознании, дать верную с точки зрения исторической науки картину истории Китая. Задача эта на том этапе оказалась, однако, не под силу даже такому выдающемуся ученому, как Васильев ²⁰⁷.

Многие работы В. П. Васильева, особенно на раннем этапе его научной биографии, носили комплексный, страноведческий характер. Много внимания уделялось экономической и политико-административной географии регионов Цинской империи. Опубликованное отдельной книгой в 1857 г. «Описание Маньчжурии» начинается географическим описанием, затем автор характеризует народы, населяющие регион, показывает проблемы взаимодействия региона с метрополией ²⁰⁸. Далее дано подробное описание политико-админи-

 $^{^{200}}$ История отечественного востоковедения до середины XIX века. Т. 1. М., 1990. С. 316.

Васильев В. Описание Маньчжурии.

 $^{^{202}}$ Васильев В. Записки о Нингуте.

²⁰³ Васильев В. П. Вопросы и сомнения // ЗВО РАО. 1889. 4. С. 379–381.

 $^{^{204}}$ *Васильев В. П.* К хронологии Чингис-хана и его преемников // 3ВО РАО. 1889. 4. С. 375–378.

 $^{^{205}}$ *Георгиевский С. М.* Анализ иероглифической письменности... С. 5, 6, 11, проч. 206 *Владимирцов Б. Я.* Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934. С. 13.

²⁰⁷ Никифоров В. Н. Советские историки о проблемах Китая. С. 12.

 $^{^{208}}$ Васильев В. Описание Маньчжурии. С. 3–9.

стративной системы региона по провинциям (воеводствам) и округам (департаментам). Большой интерес представляет раздел «Народонаселение и хлебопашество». В отдельные разделы вынесены описание налоговой системы, армии, пограничных караулов, почтовой системы. Важной составляющей общей картины исторических исследований В. П. Васильева стала и «Записка о Нингуте» 209. Тогда же, в 1857 г., в «Записках Географического общества» были опубликованы статьи «О реках, впадающих в Амур» и «О существовании огнедышащей горы в Маньчжурии». Этот подход сохранялся на протяжении всей научной биографии В. П. Васильева. Например, в 1889 г. В. П. Васильев представлял на заседании ИФО АН свою работу по переводу «Географии Тибета», 8 мая он «представил сделанный им русский перевод тибетского сочинения "Минчжур-Хутухта" ("География Тибета")» 210. Об этой своей работе он также докладывал на заседании ИФО 28 ноября 1889 г.

Вклад В. П. Васильева в изучение буддизма

Свой путь в китаеведение В. П. Васильев начал с буддологии. Неслучайно его вклад в изучение буддизма был отмечен общественностью уже в середине XIX в. В опубликованной в 1856 г. в «Русском вестнике» статье говорилось:

Особенно важны труды его о буддизме, о которых помещена особая статья в «Записках академии наук». Весьма желательно, для пользы науки, чтобы труды эти поскорее изданы были в свет и не утратились по примеру трудов других наших синологов 211 .

Буддизму посвящена 2-я глава вышедшей в 1873 г. в Санкт-Петербурге «Религии Востока», и начинается она со слов: «Вот религия уже вовсе не консервативная...» ²¹² В заключительной, «безымянной» главе, посвященной также проблемам буддизма, В. П. Васильев говорит о важности изучения буддизма и как мировой религии, и потому, что, по мнению автора, «более тайная причина для изучения буддизма, это — предполагаемое в нем сходство с христианством» ²¹³. Автор пишет о влиянии несторианства на тибетский буддизм. Синолог А. И. Иванов утверждал:

Особенно резко скептицизм и всеотрицание Василия Павловича сказались на его работе «Религии Востока», посвящённой разбору буддизма, даосизма и конфуцианства... Мы только укажем на то, что каждый специалист признает, что взгляды Василия Павловича на конфуцианство и даосизм и высказанные им положения являются самостоятельными и оригинальными, будят мысль и помогают разобраться в хаосе религиозных явлений, сообщая попутно много научных истин ²¹⁴.

 $^{^{209}}$ Васильев В. Записки о Нингуте.

²¹⁰ Летопись Российской академии наук. С. 437.

 $^{^{211}}$ Савельев П. Восточные литературы и русские ориенталисты // Русский вестник. 1856. Май. Т. 3, кн. 1. С. 28–38. С. 38.

²¹² Васильев В. Религии Востока: конфуцианство, буддизм и даосизм. С. 50.

²¹³ Там же. С. 106.

²¹⁴ *Иванов А. И.* В. П. Васильев как синолог. С. 565.

В одной из российских энциклопедий сообщалось о работах В. П. Васильева по буддизму:

Из отдельно изданных его сочинений имеют особенно важное значение: «Буддизм, его догматы, история и литература» (2 т. СПб., 1857, нем. Перевод издан 1860 в СПб., а франц. La Comme'а в Париже; замечательны об этом сочинении критич. статьи Н. А. Добролюбова... и известного ориенталиста, проф. И. Н. Березина... «Религия Востока: конфуцианство, буддизм и даосизм» (СПб., 1873; за эту книгу В. получил от Имп. Русск. географич. об-ва большую золотую Константиновскую медаль; разбор книги сделан известным санскритологом проф. И. П. Минаевым в «Журнале мин. нар. просв.» 1874, N2 3) 215 .

К буддологии китаевед В. П. Васильев не раз возвращался в различные годы своей научно-преподавательской карьеры. 30 сентября 1886 г. В. П. Васильев на заседании ИФО «представил подготовленный им к изданию 2-й том труда "Буддизм, его догматы, история и литература". Решено напечатать отдельной книгой» ²¹⁶. В 1889 г. на заседании ИФО В. П. Васильев представлял свою работу «Пятый буддийский пересказ о женской хитрости». На заседании 8 мая было «решено напечатать в "Записках Имп. Академии наук"» ²¹⁷. Далеко не все работы В. П. Васильева по буддизму были напечатаны. Например, не был напечатан «Комментарий к Махавьютпатти — alias — Буддийский терминологический лексикон», который хранится в Архиве Академии наук.

Уже в конце своей жизни В. П. Васильев в предисловии к «Географии Тибета» писал:

Я слишком полагался на свои силы, полагая, вслед за настоящим переводом географии Тибета, дать ряд статей по истории буддизма в этой стране, почерпнутых из туземных источников, которые остаются у меня нетронутыми с сороковых годов, к которым принадлежит и настоящий перевод. Но, видно, нужно еще долго ждать, когда наберутся силы и другие труды не будут препятствовать 218 .

Редактор журнала «Китайский Благовестник» Д. П. Пантелеев указывал:

Последние годы своей уединенной жизни В. П. занимался пересматриванием архива; А. О. Ивановский — ученик покойного академика собственноручно переписал несколько сот страниц рукописи 2 т. «Буддизма»; все же труд остался незаконченным; но по пути, проложенному В. П., пошли русские ученые — Щербатский и Розенберг, работы которых создали новую эпоху в изучении буддизма 219 .

Обращаясь к научному наследию В. П. Васильева, историк-эмигрант Д. П. Пантелеев писал:

Если первый и третий томы «Буддизма» имели большое значение для изучения этой мировой религии и навсегда заняли почетное место в истории этого изучения, то, конечно, они не могут служить истинною меркою Васильева как

 218 Васильев В. География Тибета. С. І.

 $^{^{215}}$ Энциклопедия / под ред. С. Н. Южакова и проф. П. Н. Милюкова. С. 433.

²¹⁶ Летопись Российской академии наук. С. 392.

²¹⁷ Там же. С. 437.

 $^{^{219}}$ Пантелеев Д. П. Материалы по истории Российской Духовной Миссии в Китае. С. 36.

специалиста по Буддизму: это только её первые шаги, показатель того, что он считал нужным сделать, указание на тот путь, по которому, как он был убежден, надо было идти, чтобы понять эту сложную религию, покоящуюся на философском базисе, построенном величайшими умами Востока. Васильев сам справедливо говорил про свой первый том «Буддизма», что это «только первая и самая меньшая часть моих материалов». Ведь мы должны помнить, что он привез в переводах, извлечениях и обзорах весь китайский так называемый канон буддийских писаний, извлеченных из громадного количества китайских и тибетских книг догматического содержания — тысячи листов рукописей, писанных его рукою, в которые была вложена его исследовательская мысль, его понима- $\frac{7}{220}$ ние буддийских текстов²

Далее этот журналист-китаевед пишет:

В период профес. деятельности Васильев отошел от своих работ по буддизму и попытался вернуться к ним только уже в самом конце своей жизни, предполагая издать второй том «Буддизма», посвящённый догматике, и напечатал несколько случайных небольших заметок: в них сказалось, конечно, его поразительное знание литературы, но он писал эти статьи по памяти, почти уже без справок и ссылок, не интересуясь новейшими исследованиями, в которых он не видел достаточных, по его мнению, знаний 221

Современные исследователи, говоря о вкладе В. П. Васильева в изучение буддизма, утверждают:

Он приготовил полный обзор сложнейших и труднейших китайских текстов по буддизму, перевел с тибетского языка «Историю буддизма» Таранатхи, расшифровал записки китайского паломника... Пользуясь огромным количеством оригинальных восточных источников, он надеялся повернуть историю буддизма, не принимая массу книг, написанных по буддизму европейскими учеными

М. И. Воробьева-Десятовская пишет:

Самой крупной и важной работой Васильева следует считать «Комментарий к Махавьютпатти — alias — Буддийский терминологический лексикон»... Васильев почти справился с поставленной задачей, 2 тома хранятся в Архиве Академии наук в Санкт-Петербурге. К сожалению, лексикон так и не был опубликован. В Архиве Академии наук хранятся также неопубликованные работы Васильева: «Этюды по буддийской догматике» (449 л., машинопись), «Обозрение буддийской письменности» (253 л., машинопись)...

Изучение конфуцианства и даосизма

Классик российского китаеведения В. П. Васильев не мог обойти своим вниманием конфуцианства. Выше не раз уже отмечался его вклад в изучение «конфуцианского канона». Конфуцианству как учению и религии посвящены 1-я и 5-я главы вышедшей в 1873 г. в Санкт-Петербурге «Религии Востока».

 $^{^{220}}$ Пантелеев Д. П. Материалы по истории Российской Духовной Миссии в Китае. С. 34.
²²¹ Там же. С. 35.

²²² Воробьева-Десятовская М. И. Академик В. П. Васильев об истории буддийской философии... С. 134.

Там же. С. 135.

Синолог А. И. Кобзев пишет о вкладе В. П. Васильева в изучение конфуцианского канона «Да сюэ»:

Один из корифеев отечественного китаеведения академик В. П. Васильев... еще в 1880 г., переведя заглавие «Да сюэ» как «Великое учение» и сообщив, что эта небольшая книга, будучи выражением правительственных тенденций конфуцианцев, в то же время «дается первой ученику, приступающему к изучению классических книг», заметил в примечании: «Китайцы толкуют это название учением для взрослых, но и самый сюжет и маньчжурский перевод... заставляют предпочесть буквально нами переданное заглавие. В этом случае не может нам служить указанием, что "Сяо-сюэ" — малое учение — действительно значит учение для малолетних, потому что эта книга составлена была уже тогда, когда толкование на значение "Да-сюэ" как учение для взрослых было признано всеми» 224 .

Далее А. И. Кобзев отмечает:

В упомянутом выше пионерском «Очерке истории китайской литературы» (1880) В. П. Васильев опубликовал сжатый до страницы перевод основных положений «Да-сюэ», сопроводив их, помимо процитированного, всего двумя комментариями: о мин-дэ — «проявление светлых доблестей (добродетелей)» и гэ-у — «познание вещей» 225 .

Даосизму в вышедшей в 1873 г. в Санкт-Петербурге «Религии Востока» посвящены две главы. Первая из них начинается с цитаты (без ссылки):

Даосизм есть самый разнородный состав всякого рода верований и приемов, не имеющих между собой ничего общего, даже не старавшихся обобщиться посредством какой-нибудь системы. У всех у них одного общего только имя да то, что все они согласно признают своим учителем Лао-цзы...

Следующая глава называется «Знаменитые личности даосской мифологии», и, по словам автора, она является «извлечением из так называемой японской энциклопедии и китайской энциклопедии: Юань-цзянь лэй-хань»² Например, в личном фонде синолога В. С. Колоколова хранятся машинописные статьи «Знаменитые личности даосской мифологии. По материалам акад. В. П. Васильева» объемом 52 страницы 228 и «Даосизм. По материалам акад. В. П. Васильева» ²²⁹.

Ученик В. П. Васильева писал:

С Васильевым повторилось то, что составляет драму жизни другого величайшего русского таланта и ученого — Ломоносова, он опередил свое время; среди русских людей не было почвы, на которой могла бы взойти жатва посеянных им семян, не было той русской среды, которая могла бы оценить значение

 $^{^{224}}$ Кобзев А. И. Судьба «Великого учения» («Да-сюэ») в России // Драмы и фарсы российской китаистики. Научный сборник / А. И. Кобзев. М.: ИВ РАН, 2016. С. 103-125. С. 103. ²²⁵ Там же. С. 121.

 $^{^{226}}$ *Васильев В.* Религии Востока: конфуцианство, буддизм и даосизм. С. 72.

²²⁷ Там же. С. 94.

²²⁸ АВ ИВР РАН. Ф. 144. Оп. 1. Д. 157.

²²⁹ Там же. Д. 158.

его трудов, они все были написаны по-русски и составляли целую библиотеку, издать которую было бы чрезвычайно трудно 230 .

Современные исследователи пишут: «Несомненно, Васильев в то время был самым крупным буддологом и знатоком восточных языков. Но его знания никому не были нужны» ²³¹. Здесь следует отметить, что и сам В. П. Васильев, еще будучи стажером Пекинской миссии, писал: «При взгляде на столько книг мне представлялся вопрос, не перевести ли их? Вместе с тем подумаешь: кто же будет читать или к чему перевод такой книги…» ²³²

$\S 2. Ученый-монголист*$

В. П. Васильев проявил себя в нескольких областях востоковедения, но прежде всего он считается основоположником научного китаеведения. Это не вызывает возражений, хотя масштабы его познаний и круг деятельности были значительно разностороннее. Его жизненный путь достаточно хорошо известен, тем более что он и сам написал свою краткую, но выразительную биографию 233 .

В 1834 г. он поступил на восточное отделение филологического факультета Казанского университета, где начал свое обучение на кафедре монгольской словесности. Эта кафедра — в то время единственная в Европе — была создана в Казанском университете в 1833 г. Ее первым профессором стал О. М. Ковалевский (1800/1801–1878) — поляк, выпускник Виленского университета, высланный в Казань за «вольнодумство». После пятилетней подготовительной командировки, которая проходила в Восточной Сибири, Монголии и Китае, он прекрасно овладел монгольским языком и собрал богатую коллекцию монгольских книг.

Обучение на новой кафедре монгольской словесности сочетало обучение книжному языку и практические занятия. Сам В. П. Васильев вспоминал:

Я уже второй год учился в Казанском университете монгольскому языку, когда зимой 1834 г. привезли из Забайкалья четырех бурятских мальчиков в 1-ю гимназию. С ними приехал в качестве практического преподавателя монгольского языка лама (собственно гецул) Никитуев; поэтому меня с другим студентом (Сергеем Протопоповым) перевели жить в гимназию для практики в монгольском языке. Наша комната была под Никитуевской, мальчики приходили к нему в свободное от уроков время и, разумеется, я знал их всех ²³⁴.

Одним из этих бурятских мальчиков был известный ученый-бурят Доржи Банзаров (1822—1855).

 $^{^{230}}$ Пантелеев Д. П. Материалы по истории Российской Духовной Миссии в Китае. С. 36.

тае. С. 36. Воробьева-Десятовская М. И. Академик В. П. Васильев об истории буддийской философии... С. 134.

 $^{^{232}}$ Хохлов А. Н. Письма востоковеда В. П. Васильева из Пекина О. М. Ковалевскому... С. 485–486.

^{* ©} В. Л. Успенский.

²³³ Венгеров С. А. Критико-биографический словарь... Т. 4, отд. 2. С. 148–155.

²³⁴ Венгеров С. А. Критико-биографический словарь... Т. 2. Вып. 22–30. СПб., 1891. С. 88.

Ковалевский оказал огромное влияние на формирование молодого ученого. Как написал Васильев в последние годы жизни, «если впоследствии найдут, что я положил начало своей науке по специальности, что я в то же время указывал России ее надлежащий путь, так пусть же знают, что моим развитием, проявлением моих оригинальных взглядов в науке и государственности я обязан профессору поляку (Осипу Михайловичу Ковалевскому)! Его слова: не преклоняться в отыскивании истины пред авторитетами, подвергать критике sine ira et studio ²³⁵ совершившиеся или рассказываемые факты, не предполагая никакого вопроса решенным навек, запали глубоко в мою душу, были руководителями всех моих симпатий и антипатий...» ²³⁶ Частично сохранились письма В. П. Васильева своему учителю, отправленные из Пекина в 1840-1849 гг., каждое из них содержит теплые и даже восторженные слова, например:

Добрый, благородный наставник! Я никогда не пускался передавать своим бессильным пером священные для меня чувства беспредельной благодарности и высочайшего уважения к Вам. Я никогда не забывал, что ни Ваши достоинства, ни Ваши заботы обо мне не нуждаются в напоминании, и с всегдашнею гордостию быть учеником Вашим, я сохранил столько нравственности, чтобы сознавать то добро, которое мне сделали и делают 2

И подобные слова признательности Васильев выражал своему учителю в каждом своем письме ²³⁸

Ковалевский дал направление ученым занятиям своего одаренного ученика: буддийская философия. Поэтому кандидатская диссертация посвящена разбору популярной буддийской сутры и называлась «Дух буддийского сочинения под заглавием "Хутукту декгэду Алтан Герелту Судур ногодун Хаган"» 239 .

Окончив университет в 1837 г. со званием кандидата, Васильев был оставлен в университете и отправлен на несколько месяцев в научную командировку в калмыцкие кочевья в Хошеутовский улус, где находился крупный буддийский храм, известный как Хошеутовский хурул 240. В 1837 г. в Казанском университете была создана кафедра китайской словесности, первым профессором которой стал архимандрит Даниил (Д. П. Сивиллов; 1798–1871).

 $^{^{235}}$ Без гнева и пристрастия.

²³⁶ Венгеров С. А. Критико-биографический словарь... Т. 4, отд. 2. С. 154. Библиотека им. М. Горького СПбГУ, Отдел рукописей, фонд О. М. Ковалев-

веда В. П. Васильева из Пекина О. М. Ковалевскому... С. 469-492; Полянская О. Н. Переписка востоковелов О. М. Ковалевского и В. П. Васильева как источник по истории монголоведения // Вестник Бурятского государственого университета. 2015. № 7.

⁽Uspensky V. About an early attempt to translate the Tengyur... Р. 13). Название диссертации приводится в том виде, в каком было написано самим В. П. Васильевым. См.: Горбачева З. И., Петров Н. А., Смыкалов Г. Ф., Панкратов Б. И. Русский китаевед академик Василий Павлович Васильев (1818–1900). М., 1956. С. 125.

²⁴⁰ Этот храм также называют «Тюменевский хурул» по фамилии его основателя, калмыцкого князя Сэрэбджаба Тюменя. Он был построен в память о калмыках-участниках войны с Наполеоном.

Васильев начал изучать китайский и тибетский языки. Эти занятия шли в рамках подготовки Васильева к командировке в Китай в составе очередной двенадцатой русской духовной миссии.

Продолжая работу над изучением буддизма, Васильев подготовил магистерскую диссертацию на тему «Об основаниях философии буддизма». Его сокурсник П. И. Мельников, впоследствии ставший известным писателем под псевдонимом «Печерский», объявил на всю страну:

23-го декабря 1839 года в 12 часов утра в большой аудитории Казанского Университета собрались все члены этого заведения и множество посторонних особ, желавших быть свидетелями еще невиданного, неслыханного на Руси защищения диссертации на степень магистра монгольской словесности. [...] Васильев, знающий основательно философию запада, обращал особое внимание на философию отдаленного востока, которая мало или почти и вовсе неизвестна Европейцам. Прочитав недоступные по огромности своей монгольские рукописи, находящиеся в библиотеке Казанского Университета, изучив Алтан Гэрэл и Улигэр-ун-Далай ²⁴¹, он мог видеть из них всю сущность буддийской философии и изложил ее в своей любопытной диссертации. [...] Совершенно можно согласиться со словами профессора философии архимандрита Гавриила, сказанные им после диспута. Почтенный профессор, обратясь к г. Васильеву, сказал, что он видит в нем самого Будду, потому что до сих пор еще никто так хорошо не излагал философии буддизма

Через месяц после защиты Васильев отправился в Китай. В Пекине он пробыл десять лет, причем главной целью его работы была подготовка к занятию проектировавшейся тибетской кафедры. Подобная эволюция научных интересов Васильева была совершенно закономерной.

Прежде всего необходимо помнить, что соседом России на Дальнем Востоке был не просто «Китай», а империя Цин.

Также необходимо обратиться к истории. В XIII в. Русь стала частью Монгольской империи. Усилившись в последующие века, Россия двинулась на Восток, и в XVII в. произошла новая встреча с монголами, кочевья которых простирались от предгорий Тянь-Шаня до Тихого океана. К середине XVIII в. значительная часть созданной Чингис-ханом и его потомками Монгольской империи оказалась поделена между Россией и Китаем. Однако с Китаем как наследником Монгольской империи дело обстояло не так просто, ибо он сам был завоеван маньчжурами в середине XVII в. Именно маньчжурская династия Цин сумела собрать под свою власть и собственно Китай, и Монголию, и Тибет, и Восточный Туркестан. При этом маньчжуры организовали управление своей обширной империей таким образом, что входившие в нее народы управлялись в соответствии с их собственными обычаями.

²⁴¹ Это популярное каноническое буддийское сочинение первым в отечественной науке исследовал О. М. Ковалевский в своей работе «Содержание монгольской книги под заглавием: "Море притч"» // Учен. зап. Имп. Каз. ун-та. 1834. Кн. 1. С. 134–162; Кн. 2. С. 236–259. Последняя отечественная работа, посвященная этому сочинению: *Музраева Д. Н.* Море притч (Oülgurin dalai): Ойратский перевод Тугмюд-гавджи (О. М. Дорджиева). Кн. 1–2. Элиста: КалмНЦ РАН, 2017.

 $^{^{242}}$ *Мельников П. И.* Первый магистр монгольской словесности // Отечественные записки: Учено-литературный журнал. 1840. Т. IX. № 3–4. С. 16–18.

Среди монголов в это время был широко распространен буддизм в его тибетской форме, иногда называемый ламаизмом, поэтому знакомство с буддизмом в России началось именно через монголов. Значительную часть старой монгольской литературы составляют буддийские сочинения, которые в своем большинстве являются переводами с тибетского языка. Более того, тибетский язык стал у монголов языком богослужебной литературы и буддийской учености.

Языковая политика маньчжуров была активной. Книгопечатание на монгольском языке было почти полностью сосредоточено в Пекине, который также был естественным центром книгопечатания на китайском, маньчжурском и тибетском языках. В XVIII в., когда империя Цин находилась на пике подъема, в Пекине было напечатано большое количество многоязычных словарей, поощрялись переводы с одного языка на другой самых разнообразных произведений — от сочинений Конфуция до буддийских сутр.

Что же касается китайского языка, то, являясь языком уникальной древнейшей цивилизации, он был родным для подавляющего большинства населения империи Цин. Хотя маньчжурские правители стремились ограничить его использование в официальном делопроизводстве, касающемся некитайских народов и районов, в итоге они не смогли предотвратить даже собственного окитаивания.

Поэтому русские путешественники, ученые и миссионеры видели не просто Китай, а империю Цин, составными частями которой были и Монголия, и Тибет, и собственно Китай. Правление маньчжуров было временем высокого подъема и расцвета традиционной культуры не только Китая, но всех населявших империю народов.

Как говорится о России в китайском географическом сочинении, «от Пекина считается (до Петербурга) более 20 000 [ли]. С данью в столицу приезжают через Кяхту, Халху и Калган» ²⁴³. Этим установленным китайским правительством путем ехали русские миссии в Пекин на протяжении почти двух веков. Именно через Монголию лежал путь, связывавший Китай и Россию, и первый город, в который въезжали русские посланники, была Урга (совр. Улан-Батор). Не в последнюю очередь это обстоятельство способствовало возвышению Урги как административного и торгового центра Халха-Монголии. Поэтому изучение монгольского языка имело в то время для России большое практическое значение.

Описание долгого и трудного путешествия из Кяхты в Пекин через Монголию и обратно стало своего рода литературным жанром, образцы которого оставили после себя участники нескольких сменявших друг друга русских миссий. Путешествия по Монголии были подробно описаны Е. Ф. Тимковским 244 , о. Иакинфом (Н. Я. Бичуриным) 245 , О. М. Ковалевским 246 , архиман-

 44 Тимковский Е. Ф. Путешествие в Китай через Монголию в 1820–1821 гг.: в 3 т.

 $^{^{243}}$ Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений по исторической географии Восточной и Срединной Азии. Чебоксары: Чувашское гос. изд-во, 1960. С. 608.

СПб., 1824.

²⁴⁵ Записки о Монголии. Сочинены монахом Иакинфом с приложением карты

Т 1 и 1 СПб. 1828.

²⁴⁶ Россия — Монголия — Китай: Дневники монголоведа О. М. Ковалевского 1830— 1831 / подгот. к изд., предисл., глоссарий, коммент. и указ. Р. М. Валеев, И. В. Кульганек. Казань; СПб.: Таглимат, 2005-2006.

дритом Палладием (П. И. Кафаров) 247 , Е. П. Ковалевским 248 . Этим же путем проследовал и Васильев, монголовед — в отличие от большинства указанных авторов. К сожалению, именно его дневники остались неопубликованными, за исключением нескольких фрагментов 249 .

Как отмечал академик Б. Я. Владимирцов, «большинство русских синологов занимались Монголией и монголами в той или другой мере: А. Л. Леонтьев, Иакинф Бичурин, С. В. Липовцов, В. П. Васильев, Палладий Кафаров, П. С. Попов, В. М. Успенский, Э. В. Бретшнейдер, Д. Д. Покотилов, А. О. Ивановский — почти все синологи XVIII и XIX вв. В XX в. это положение резко изменяется, внимание русских китаистов направляется почти исключительно на Китай» ²⁵⁰. Действительно, в XX в. появляются новые пути в Китай (в т. ч. железные дороги), а сама империя Цин прекратила существование. Естественным образом эти факты отразились и на научных интересах исследователей.

Поскольку в те времена немногие имели возможность поехать в Китай, то Васильева снабдили всевозможными инструкциями: от покупки книг до «Наставления для собирания и сушки растений» 251 .

В подробном «Наставлении», которое дал Ковалевский Васильеву перед поездкой, в частности, говорилось:

Кроме исполнения всех этих обязанностей, возлагаемых на Г. Васильева, он принесет истинную пользу для собственных сведений и университету приобретением книг санскритских, китайских, тибетских и монгольских. Здесь все предоставляется осмотрительности его. Само собою разумеется, что сочинения, которые уже находятся в университетской библиотеке, не должны быть покупаемы. Главное же внимание надобно обращать на приискание книг чисто исторических или имеющих связь с историей в политическом, нравственном или художественном отношении. Желательно иметь между прочим собрание летописей тибетских и монгольских, о которых Европа чрезвычайно мало имеет сведений и вместе с тем с радостью встретила б каждое явление такого рода. Г. Васильев, посредством пекинских лам, особенно Минджул-хутукты 25 старается приобрести в копии монгольскую летопись, о которой носятся слухи, что она хранится между ордосскими монголами. Не упускать случая получить подробное сведение о монгольских же летописях, привезенных из Монголии в Пекин, для библиотеки наследника престола. Нельзя ли отыскать там летописи, служившие источниками сокращенной хроники Сананг-Сэцэна, изданной у нас Γ . Шмидтом с немецким переводом и драгоценными примечаниями 253 . Равным образом желательно иметь *Хотонг кидзагарун хаоли дзуйлун бичик* 254 и Γ адага-

 $^{^{247}}$ Дорожные заметки на пути по Монголии в 1847 и 1859 гг. архимандрита Палладия, с введением доктора Э. В. Бретшнейдера и замечаниями проф. А. М. Позднеева. СПб., 1892.

²⁴⁸ Ковалевский Е. П. Путешествие в Китай: в 2 ч. СПб., 1853.

²⁴⁹ Хранятся в СПб филиале Архива РАН. Ф. 775. Д. 105.

²⁵⁰ *Владимирцов Б. Я.* Общественный строй монголов. С. 32, примеч. 6.

²⁵¹ *Мартынов Д. Е., Мартынова Ю. А., Валеев Р. М.* Магистр философии Василий Васильев и его командировка в Пекин (1840–1850) // Новый исторический вестник. 2017. № 4. С. 156.

²⁵² Скончался в нач. 1839 г., поэтому в Пекине Васильев с ним не встретился.

²⁵³ Geschichte der Ost-Mongolen und ihres Fürstenhauses. Verfasst von Ssanang Ssetsen Chungtaidschi der Ordus. St. Petersburg, 1829.

²⁵⁴ Сборник законов касательно мусульман провинции Синьцзян (*Uspensky V.* About an early attempt to translate the Tengyur... P. 498. No. 901).

ду Монгол Хотонг аймагун ванг гунгун илеткэл шастир ²⁵⁵. К тому прибавить должно все то, что было издаваемо, на монгольском языке, при династии Юань, царствовавшей в Китае, и о чем имеем очень много сведений, как в отношении к законодательству, так истории и философии, хотя эти сочинения по большей части были не что иное, как переводы с китайского. Вообще надобно приложить все возможное старание к открытию совершенно новых источников для истории и географии, взятых в полном объеме ²⁵⁶

Не осталась в стороне и Академия наук, которая даровала «свою доверенность Г-ну кандидату Васильеву избранием его в свои агенты на время его пребывания в Пекине» ²⁵⁷.

В инструкции, которая была дана Васильеву Конференцией АН, содержался список книг на тибетском и монгольском языках, которые уже имелись в Азиатском музее. Особо отмечалось, что «хотя Академия наук уже обладает полным экземпляром Собрания Ганджур на тибетском языке, но желает знать, не можно ли получить в Пекине также полный экземпляр еще обширнейшего сборника Данджур на тибетском или монгольском или обоих языках и по какой именно цене?» ²⁵⁸

Ответ Васильева на эту просьбу, опубликованный много лет спустя, был следующим:

В мое время Ту-шу-цзи-чэн 圖書集成 продавали за 7000 р. сер.; столько же просили с меня за Ганьчжур и Даньчжур на тибетском языке, придворного издания. Монгольского экземпляра этих книг никто не продавал, но я видел его, равно как и маньчжурский Ганьчжур, в кумирне Юн-хо-гун 雍和宫 259

Экземпляры пекинского издания Ганджура и Данджура на тибетском языке русская миссия получила в подарок в $1844 \, \mathrm{r.}^{260}$ Кроме того, необходимо учесть следующий момент. Васильев лично свидетельствовал, что монгольский Данджур существует, и даже упомянул, что использовал его для работы с монгольским переводом словаря «Махавьютпатти». Между тем монголоведная наука еще много десятилетий сомневалась в существовании монгольского Данджура, пока его экземпляр не был доставлен из Внутренней Монголии в Улан-Батор в $1925 \, \mathrm{r.}^{261}$ Не менее драгоценным является свидетельство о существовании Ганджура на маньчжурском языке ²⁶².

²⁵⁵ Генеалогические таблицы и биографии князей Монголии и Туркестана. Об этом сочинении см.: Veit V. Die vier Qane von Qalqa: Ein Beitrag zur Kenntnis der politischen Bedeutung der nordmongolischen Aristokratie in den Regierungsperioden K'ang-hsi bis Ch'ien-lung (1661-1796) anhand des biographischen Handbuches Iledkel sastir aus dem

Jahre 1795. Teil I: Untersuchungen. Wiesbaden: Harrassowitz, 1990. S. 74–105.

²⁵⁶ Об отправлении студентов Васильева и Навроцкого в Пекин для изучения китайского, монгольского и маньчжурского языка. Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф. 92. Оп. 1. Д. 4814. Л. 26б-27а.

²⁵⁷ Там же. Л. 68а.
²⁵⁸ Об отправлении студентов Васильева и Навроцкого в Пекин... Л. 71а.

 $^{^{259}}$ Васильев В. П. Записка о восточных книгах в С.-Петербургском университете // Русский вестник. 1857. Т. 11. С. 307-308.

²⁶⁰ Успенский В. Л. Тибетский буддизм в Пекине. СПб.: НП-Принт, 2011. С. 248–249. ²⁶¹ *Владимириов Б. Я.* Монгольский Данджур // Доклады АН СССР. 1926. Вып. 2.

С. 31–34. Востоковедная наука не заметила этой информации даже несмотря на то, что цитированная статья Васильева была опубликована еще и на французском языке:

О своих занятиях монгольским языком в Пекине Васильев сообщил в своем отчете следующее:

Язык монгольский был мне уже достаточно известен во время университетского образования и поэтому не распространяюсь здесь о нем, хотя постоянная практика с живущими в Пекине и приезжающими из различных уделов монголами познакомила меня еще лучше с многоразличными их наречиями; язык разговорный, которым я владел до отправки в Пекин, изучая его у наших бурят, превратился со временем для меня в язык юго-восточных монголов, которых наречие всего более встречается в Пекине ²⁶³

В письме Ковалевскому от 15 июня 1848 г. Васильев сообщал с некоторой грустью:

Из списка монгольских книг я отыскал ещё меньше. После того как Вы вывезли их из Пекина, нечего и отыскивать эти книги в здешних лавках. В других местах ещё меньше типографских изданий по этому предмету. В последнее время я приобрёл множество красивых монгольских рукописей, вышедших из одного княжеского дворца. Всё это одна тарнийская ²⁶⁴ чепуха, которой можно было бы нагрузить целые возы и которой, как видно, много в нашей Академии наук. Только между этими книгами попались два тома из Данчжура на монгольском языке 265 и история Гэлукпайской, или нынешней желтошапочной школы (перевод одного знаменитого тибетского сочинения 266) 267 .

В письме ректора Казанского университета И. М. Симонова (1794-1855) — будущего тестя Васильева — попечителю Казанского учебного округа от 6(?) января 1851 г. отмечалось:

Монгольское, калмыцкое и санскритское отделение книг, вывезенных из Пекина Γ. Васильевым, менее значительно в сравнении с предыдущими ²⁶⁸, но и они пополняют университетскую библиотеку 24

Столь скромная оценка книжных приобретений Васильева на монгольском языке была далека от действительной ценности этой коллекции. Сам Васильев в двух своих публикациях таким образом оценил собственную деятельность по приобретению монгольских книг:

Wassiliew. Notice sur les ouvrages en langues de l'Asie orientale, qui se trouvent dans la bibliothèque de l'université de Saint-Pétersbourg // Mélanges asiatiques tirés du Bulletin historico-philologique de l'Académie impériale des sciences de St.-Pétersbourg, T. 11, 6e livraison. 1856. P. 562-607.

³³ Об отправлении студентов Васильева и Навроцкого в Пекин... Л. 65а.

²⁶⁴ Тарни— искаженное санскр. dhāraṇī «мистические выражения и формулы, которые способны воспроизводить всё».

⁵⁵ На самом деле четыре тома. См.: *Uspensky V*. About an early attempt to translate the Tengyur from Tibetan to Mongolian // Rocznik orientalistyczny. 2015. T. 68/2. P. 206-212.

Имеется в виду история тибетской буддийской школы Кадампа (bKa' gdams pa). Cm.: Uspensky V. About an early attempt to translate the Tengyur... P. 275. No. 231.

Библиотека им. М. Горького СПбГУ, Отдел рукописей, фонд О. М. Ковалевского... Л. 265а. 268 Имеются в виду книги на китайском, маньчжурском и монгольском языках.

 $^{^{269}}$ Об отправлении студентов Васильева и Навроцкого в Пекин... Л. 2806.

Конечно, теперь во всех владениях китайской империи, не только в остальном мире, нельзя встретить уже тех рукописей на монгольском языке, которые хранятся в нашей библиотеке. Один из сыновей импер<атора> Цяньлун'а ²⁷⁰, как видно, ревностный буддист, не желая пуститься в трудное изучение тибетского языка, хотел иметь религиозные трактаты на знакомом ему монгольском языке, почему и заставил лам переводить. Эти рукописи вполне достались нам. Можно удивляться их красоте, ценить редкость; но что в этом, когда между ними самая большая часть состоит из мистических статей? Только История буддизма в Тибете, три тома Даньчжура и биографии нескольких лам выкупают своим содержанием все остальное ²⁷¹.

Эти книги были сначала привезены в Казань и помещены в библиотеку Казанского университета. В 1855 г. они были перевезены в Санкт-Петербург. В. П. Васильев снова упомянул их в своей следующей обзорной статье:

... Г. Ковалевский исчерпал весь, по крайней мере, печатный запас монгольских книг, так что мы, при тщательном рассматривании, что можно было прибавить к нему покупкой в книжных лавках Пекина, не отыскали более трех или четырех сочинений. Но мы не думаем, чтобы за всем тем вывезенные из Пекина нами самими сокровища на монгольском языке уступали предыдущим приобретениям [...] Впрочем, если бы те самые рукописи, которые мы приобрели в Пекине, находились в нашем Забайкальском крае, то они были бы недоступны г. Ковалевскому; наши буряты не согласились бы выпустить их из своих рук, тем более что между ними много заветных, которых набожный лама и не покажет профану; таковы книги, которые толкуют о заклинаниях и чарах. Мы не приписываем никакой важности их содержанию или этой таинственности; однако как библиографическая редкость они единственны не только в Европе, но и во всем свете. Печать семнадцатого императорского сына, находящаяся на каждом заглавном листе, ясно показывает, кому они первоначально принадлежали; встречаемые поправки свидетельствуют также, что это были нарочные переводы, сделанные для такого важного лица и, вероятно, никем не списанные. Кажется, что даже все другие рукописи, на которых не встречается сказанной печати, принесены были ко мне из того же княжеского дворца. Между ними встречается очень много важных сочинений, или, лучше, переводов с тибетского, потому что нечего и ожидать, чтобы мы встретили хоть одно оригинальное монгольское сочинение, исключая разве большую биографию Цзонхавы, прекрасный экземпляр которой был отправлен мной еще в 1841 году в казанскую библиотеку и от которой, к несчастию, осталось лишь несколько листов. [...] Мне удалось отыскать только еще одну историческую рукопись: это Алтантобчи 272. Она составлена в том же духе, как и история Сананг-Сэцэна; хотя, ко-

 271 Васильев В. П. О некоторых книгах, относящихся к истории буддизма, в библиотеке Казанского университета // Учен. зап. Имп. АН по первому и третьему отделениям. 1855. Т. 3. С. 4–5.

²⁷⁰ На самом деле — императора Канси.

²⁷² Под этим названием известно несколько различных монгольских исторических сочинений. Можно предположить, что речь идет о рукописи, которая в настоящее время хранится в Институте восточных рукописей РАН под шифром F 25. Эта рукопись была переписана в Пекине. Поступила в Азиатский музей в 1927 г. в составе книг, которые принадлежали закрытой после революции Казанской духовной академии. Среди этих книг было много монгольских книг из личной коллекции Ковалевского, которые были приобретены Казанской духовной академией у его наследников. См.: Пучковский Л. С. Монгольские, бурят-монгольские и ойратские рукописи и ксилографы

нечно, при недостатке туземных оригиналов это открытие редкое, но, как первое значительное приобретение, я поспешил доставить ее моему почтеннейшему наставнику О. М. Ковалевскому, и он может похвалиться, что в его библиотеке находится единственная во всей Европе рукопись. [...] Мимоходом заметим однако ж, что сочинение Сананг-Сэцэна переведено было на китайский язык и напечатано. Друг мой Ив. И. Захаров обладает редким печатным экземпляром этого перевода, который, однако ж, в рукописи принадлежит и библиотеке Азиатского департамента. Некоторые распустили слух, что есть еще ордосская история, или летопись более подробная, доставленная будто и в Пекин для которого-то наследника престола; мне никто не мог подтвердить этого слуха в бытность мою в Пекине. Чтобы наследник престола стал учиться монгольской истории, это сущая выдумка; все дело в том, что под ордосскою летописью и разумеется история Сананг-Сэцэна. Верить на слово всем сказкам азиятца значит запутывать себя и других; если он подметит в вас какое желание, то тотчас сочинит в угоду вашу какую-нибудь историю 273.

Коллекция монгольских книг, собранная Васильевым, состоит исключительно из очень редких и уникальных книг. Подавляющее большинство книг уникальны и представляют собой часть личной библиотеки маньчжурского принца Юньли 允禮 (1697–1738), 17-го сына императора Канси (правил 1662– 1722).

Непостижимым образом вклад Васильева в формирование университетского собрания монгольских книг был совершенно забыт. В центре изучения российских и зарубежных монголоведов оказалась только одна книга из принадлежавших Юньли — «Двенадцать деяний Будды» в переводе монгольского ученого ламы XIV в. Чойджи-Одсэра 274. Главной причиной внимания исследователей к этой рукописи стало то, что она больших размеров, богато иллюстрирована и переписана очень красивым почерком. Она стала «визитной карточкой» монгольского фонда Восточного отдела Библиотеки СПбГУ. Вот что писал исследовавший и переведший эту рукопись Н. Н. Поппе: «Она была привезена известным монголоведом профессором А. М. Позднеевым, очевидно, из Внутренней Монголии» ²⁷⁵. И это при том, что на титульном листе рукописи стоит большая тибетская печать Юньли, а название русскими буквами надписано Васильевым.

Имеется еще одна рукопись, восходящая к временам монгольской династии Юань: учебник буддизма «Разъяснение познаваемого», который написал императорский наставник Пагба-лама для сына Хубилая, назначенного наследником престола 276. О древности этого текста свидетельствует его архаический язык. Для Юньли была сделана копия черной и красной тушью, причем переписчик не всегда понимал старинный почерк и архаичные слова ори-

Института востоковедения. Т. 1: История, право. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. C. 21–22. № 3.

²⁷⁵ Poppe N. The Twelve Deeds of Buddha: A Mongolian Version of the Lalitavistara. Wiesbaden: Harrassowitz, 1967. P. 19. (Asiatische Forschungen, 23).

 $^{^{73}}$ Васильев В. П. Записка о восточных книгах в С.-Петербургском университете // Русский вестник. 1857. Т. 11. С. 309–310.

274 Uspensky V. About an early attempt to translate the Tengyur... P. 255. No. 186.

[&]quot;Explanation of the Knowable" by 'Phags-pa bla-ma Blo-gros rgyal-mtshan (1235– 1280). Facsimile of the Mongolian Translation with Transliteration and Notes by Vladimir Uspensky. With assistance from Inoue Osamu. Preface by Nakami Tatsuo. Tokyo: Research Institute for Languages and Cultures of Asia and Africa, 2006.

гинала. Это сочинение было переведено на китайский язык и включено в буддийский канон 277, однако о существовании монгольского перевода ничего не

Значительная часть книг небольшого формата, принадлежавших Юньли, хранились в университетской библиотеке в шести связках под общим шифром XvI. О 429. Они числились в инвентарной книге 1892 г. под общим названием «свыше 300 трактатов мистического содержания». В 1924 г. книги пострадали от наводнения в Ленинграде, и эта связка была разделена на отдельные сочинения, часто не вполне квалифицированно.

Юньли увлекался тибетским буддизмом, лично ездил в провинцию Сычуань в 1735 г., где встречался с Далай-ламой VII. Особенно его интересовало учение тибетской «старой школы» Ньингмапа, что привело его к конфликту с некоторыми влиятельными ламами Пекина, твердо придерживавшимися учения школы Гелугпа. Многочисленные монгольские переводы текстов школы Ньингмапа, выполненные по инициативе Юньли, являются уникальными тек-

Среди книг, принадлежавших Юньли, есть немало биографий тибетских буддийских деятелей. Есть среди них и очень редкие. Например, это монгольский перевод автобиографии Пэма-Тинлэ (Padma 'phrin las), иерарха школы Ньингмапа ²⁷⁸. Он был казнен джунгарами в 1717 г. после захвата Тибета, и тибетский оригинал этой книги пока не найден.

Юньли проявлял большой интерес к так называемой «Тайной автобиографии» (тиб. rNam thar rgya can) Далай-ламы V. В последние два десятилетия «Тайная автобиография» вызывает значительный интерес в мировой тибетологии 279. В библиотеке СПбГУ имеется монгольский перевод первой части этого сочинения, сделанный по инициативе Юньли 280. Интересно, что работали две разные группы монгольских переводчиков, поскольку сохранились два совершенно разных варианта перевода десятой главы. «Тайная автобиография» не входит в состав печатного собрания сочинений (сумбум, тибет. gsung 'bum) Далай-ламы V в 25 томах, поскольку считается в высшей степени эзотерическим сочинением. Кроме того, четыре тома из его сумбума считаются «закрытыми», поскольку содержат сочинения, относящиеся к практике школы Ньингмапа. Интересно, что среди монгольских книг Юньли переводы этих «закрытых» сочинений Далай-ламы V представлены достаточно полно.

Коллекция Васильева, особенно книги Юньли, содержит большое количество важных и до недавнего времени неизвестных науке текстов, главным образом буддийских. Их изучение является одним из приоритетных направлений исследования монгольской традиционной книжности 281

²⁷⁷ «Чжан со чжи лунь» 彰所知論 (Издание Трипитаки годов Тайсё, № 1645).

²⁷⁸ Uspensky V. About an early attempt to translate the Tengyur... P. 274. No. 230.

Secret Visions of the Fifth Dalai Lama: The Gold Manuscript in the Fournier Collection. Ed. by Samten Gyaltsen Karmay. London: Serindia Publishers, 1988; Rituels tibétains: Visions secrètes du Ve Dalaï Lama. Paris: Editions de la Réunion des musées nationaux, 2002.

²⁸⁰ Uspensky V. About an early attempt to translate the Tengyur... P. 262–267. No. 207.

²⁸¹ Подробнее о коллекции монгольских книг Васильева см.: Рукописи и ксилографы на восточных языках в Научной библиотеке им. М. Горького СПбГУ. С. 140-145.

Завершая свою деятельность на посту декана Восточного факультета ²⁸², в 1892 г. Васильев предпринял инвентаризацию книг на восточных языках. Он лично проверил все инвентарные книги, которые теперь хранят его пометки. В том же, 1892-м, году находившемуся в командировке в Монголии профессору А. М. Позднееву поступило предложение от начальника русской почты в Калгане (Чжанцзякоу) Н. И. Гомбоева приобрести рукописный Ганджур на монгольском языке. После долгих переговоров монгольский Ганджур был приобретен и в 1894 г. доставлен в Петербург ²⁸³. Так было выполнено поручение, которое было дано Васильеву еще в 1840 г.

Переехав в 1855 г. в Петербург вместе с Восточным факультетом, Васильев занимался главным образом вопросами, связанными с преподаванием китайского языка и изучением Китая. Надо отметить, что монголоведение в университете было представлено такими сильными специалистами, как А. В. Попов, К. Ф. Голстунский и А. М. Позднеев. В Петербурге Васильев опубликовал несколько работ по истории монголов, написанных им на основе китайских источников. Так, он выполнил перевод важного источника по истории и этнографии монголов времен Чингис-хана 蒙 養 Мэнда бэйлу»

Со своим наставником Ковалевским Васильев не терял связи, по крайней мере, в первые годы. Завершив работу над изданием своего монументального «Монгольско-русско-французского словаря» (Казань, 1844–1849), Ковалевский увлекся сравнительно-лингвистическими исследованиями. В 1853 г. он в основном завершил составление этимологического словаря монгольского языка под названием «Опыт монгольского корнеслова» ²⁸⁵. Можно сказать, что это была своего рода «протоалтаистика», т. е. теория о генетическом родстве монгольских, тюркских и тунгусо-маньчжурских языков. Ковалевский хотел привлечь Васильева с его глубокими познаниями в тибетском, маньчжурском и китайском языках к работе над своим «корнесловом». Сохранилось письмо Васильева Ковалевскому из Петербурга, датированное 29 февраля 1856 г. Васильев, в частности, писал:

Но у меня крепко на душе другое Ваше поручение, о котором Вы писали ко мне еще в первом письме по делу о монгольском корнесловии; мысль Ваша самая великая и ученая и заслуживает тех трудов, которые Вы одни только можете в настоящее время выполнить; сродство языков гораздо лучше всего может пояснить те пробелы, которые оставлены историей этих стран — это средство существует не только между языками монгольским, татарским и маньчжурским, но и все они, чем больше присматриваемся, имеют много общих корней с китайским языком, несомненное доказательство тесной связи всех этих народов. Боюсь только, что мои филологические соображения с первого разу покажутся слишком утрированными, я не жалею букв, ломаю их хоть не по произволу, но

²⁸³ См.: Каталог петербургского рукописного «Ганджура» / сост., введ., транслит. и указ. 3. К. Касьяненко. М.: Наука, 1993.

 285 Шамов Γ . Φ . Профессор О. М. Ковалевский: Очерк жизни и научной деятельности. Казань: Изд-во КГУ, 1983. С. 78.

 $^{^{282}}$ Васильев был деканом факультета с 1878 по 1893 г.

²⁸⁴ Васильев В. История и древности восточной части Средней Азии от X до XIII века, с приложением перевода китайских известий о киданях, чжурчженях и монголо-татарах. СПб., 1857. [Приложение] III. Записка о монголо-татарах (Мэн-Да-бэйлу). С. 216–235. Современный перевод этого источника с критическим разбором перевода Васильева см.: Мэн-да бэй-лу (Полное описание монголо-татар). Факсимиле ксилографа / пер. с кит., введ., коммент. и прилож. Н. Ц. Мункуева. М.: Наука, 1975.

беспощадно, так что по моему мнению в языках нет ни одной буквы, которая бы не переходила в другую, — но в смелости нет вины, когда надобно затевать новое дело; притом Ваша осторожность сумеет с ней справиться. Итак, я не только не отказываюсь в полной готовности, насколько смогу и сумею, содействовать Вашему предприятию, но и покорнейше прошу Вас принять меня в Ваши соучастники; я думаю, что всего лучше бы было, если б Вы составили только наперед свод всех корней монгольских слов и присоединили к ним известные татарские слова, тогда мне ничего бы не стоило подписать соответствующие китайские и даже маньчжурские ²⁸⁶.

Неизвестно, сотрудничали ли Ковалевский и Васильев в работе над «корнесловом» 287 . Однако можно предположить, что обсуждение подобных сравнительно-лингвистических вопросов вдохновило Васильева на публикацию статьи «Об отношениях китайского языка к среднеазиатским» 288 .

Васильев стал первым студентом только что созданной кафедры монгольской словесности. Тот факт, что впоследствии он обратился к изучению других восточных языков, не был случайностью, т. к. традиционные восточные культуры в массе своей были многоязычными. Причем каждый язык занимал определенное место в общественной и религиозной жизни. Васильев не оставил крупных публикаций в области монголоведения, и это отразило прежде всего его «глубокую трагедию ученого, труды которого или совсем не увидели света, или вышли, но не в свое время и не в таком виде, какого они заслуживали своей значительностью» ²⁸⁹. Свои глубокие познания он реализовал прежде всего, собрав уникальную коллекцию монгольских книг, изучение которых еще только начинается.

§ 3. Вклад В. П. Васильева в формирование фонда редких китайских книг библиотеки Петербургского университета *

В отечественной науке выходило немало публикаций, посвященных многогранной научной и образовательной деятельности академика В. П. Васильева. В частности, в статьях Л. С. Васильева (1930–2016), М. П. Волковой, С. Я. Гончарова, Е. В. Завадской (1930–2002), В. Т. Илларионова, Е. В. Мальцевой, М. А. Патрушева, Р. Е. Пубаева (1928–1991), Н. А. Самойлова, А. Л. Семенас (1937–2007), П. Е. Скачкова (1902–1961), Г. Я. Смолина (1930–2011), Ю. А. Сорокина, Е. А. Торчинова (1956–2003), К. Ш. Хафизовой, А. Н. Хохлова (1929–2015), Н. П. Шастина (1898–1980) и многих других исследовате-

 $^{^{286}}$ Шамов Г. Ф. Профессор О. М. Ковалевский: Очерк жизни и научной деятельности. С. 78; Библиотека им. М. Горького СПбГУ, Отдел рукописей, фонд О. М. Ковалевского... Л. 272–273а.

²⁸⁷ Отметим, что «Словарь корней монгольских слов» составил (независимо от Ковалевского) китайский ученый (монгол по национальности) Сэцэнцогт: Mongyol üges-ün ijayur-un toli (Хух-Хото: Нэй Мэнгу жэньминь чубаньшэ, 1988).

²⁸⁸ ЖМНП. 1873. Ч. 143. № 8. С. 82–124.

²⁸⁹ *Козин С. А.* Библиографический обзор изданных и неизданных работ академика В. П. Васильева... С. 760.

^{* ©} Д. И. Маяцкий.

лей отмечаются выдающиеся заслуги академика в изучении истории и литературы Китая, китайского языка, буддизма, даосизма, конфуцианства, археологии, экономики, географии, внешней политики Китая, отдельных китайских регионов и т. д.; особо говорится о вкладе ученого в маньчжуроведение, монголоведение и тибетологию, где академик также добился многих успехов 290 . Все эти факты достаточно широко известны благодаря доступной информации о трудах академика 291 .

Тем не менее хочется обратить внимание исследователей жизни и деятельности В. П. Васильева на еще одну сферу его деятельности, которая пока не становилась объектом специального изучения. Речь идет об увлечении Ва-

 $^{^{290}}$ См.: История и культура Китая. Сб. памяти акад. В. П. Васильева / отв. ред. Л. С. Васильев. М.: Наука, 1974; Илларионов В. Т. Русский синолог В. П. Васильев. Горьковский гос. ун-т, 1959; Волкова М. П. История и конфуцианство — два раздела маньчжурской литературы. [В. П. Васильев как один из первых исследователей маньчжурской литературы] // 22-я НКОГК. Ч. 3. М.: Hayka, 1991. С. 69–88; *Гонча*ров С. Я. Цзинь чжи (Описание государства Цзинь) в переводе В. П. Васильева (К оценке источника и перевода) // 22-я НКОГК. Ч. 3. М.: Наука, 1991. С. 188–198; Кожин П. М. «Шёлковый путь» и кочевники (Некоторые вопросы средневековой этногеографии Центральной Азии) [Значение трудов В. П. Васильева] // 22-я НКОГК. Ч. 3. М.: Наука, 1991. С. 31–43; Кычанов Е. И. «Маха праджня парамита» сутра на тангутском языке. [Значение трудов В. П. Васильева для изучения буддийского канона] // 22-я НКОГК. Ч. 3. М.: Наука, 1991. С. 55-63; Мальцева Е. В. В. П. Васильев как исследователь китайской литературы // Материалы по истории и филологии Центральной Азии. Вып. 4. Улан-Удэ, 1970. С. 9-11; Мартынов А. С. Идеологическая полемика в начале эпохи Тан и её место в истории религий Китая. [Работа В. П. Васильева «Религии Востока: конфуцианство, буддизм, даосизм»] // 22-я НКОГК. Ч. 3. М.: Наука, 1991. С. 3-21; Машкина Н. И. Научная сессия, посвящённая 150-летию со дня рождения В. П. Васильева // НАА. 1968. № 4. С. 239–241; Никольская С. В. «Очерк истории китайской литературы» В. П. Васильева и роман У Чэнъэня «Путешествие на Запад» // 22-я НКОГК. Ч. 3. М.: Наука, 1991. С. 44–55; Патрушева М. А. О трудах В. П. Васильева по истории Маньчжурии // 17-я НКОГК. Ч. 2. М.: Наука, 1986. С. 191-192; Пубаев Р. Е. Академик В. П. Васильев — первый исследователь тибетской исторической литературы в России // Востоковедные исследования в Бурятии. Новосибирск, 1981. С. 62–78; Русский китаевед академик Василий Павлович Васильев (1818–1900) // Очерки по истории русского востоковедения. Сб. 2. М.: Наука, 1956. С. 234–340; Самойлов Н. А. Публицистика академика В. П. Васильева и некоторые вопросы общественно-политического развития Китая второй половины XIX века // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. 11. Л.: ЛГУ, 1988. С. 172-190; Семенас А. Л. Значение трудов В. П. Васильева по китайской лингвистике // 22-я НКОГК. Ч. 3. М.: Наука, 1991. С. 89–105; *Сорокин Ю. А.* Академик В. П. Васильев как маньчжуровед // Восточная филология. Характерологические исследования. М.: Наука, 1971. С. 213-219; Торчинов Е. А. Труды В. П. Васильева и актуальные проблемы изучения даосизма // 22-я НКОГК. Ч. 3. М.: Наука, 1991. С. 22–31; Хохлов А. Ĥ. Внешняя политика цинского Китая в публикациях В. П. Васильева (К 175-летию со дня рожд.) // 25-я НКОГК. М.: Наука, 1994. С. 276-283; Хохлов А. Н. В. П. Васильев о Кяхте и кяхтинской торговле (из эпистолярного наследия русского востоковеда) // 13-я НКОГК. Ч. 2. М.: Наука, 1982. C. 224–240; *Хохлов А. Н.* Пекинский дневник В. П. Васильева // 22-я НКОГК. Ч. 3. М.: Наука, 1991. С. 208-221.

²⁹¹ Список трудов В. П. Васильева смотрите в статье «Библиографический обзор изданных и неизданных работ академика В. П. Васильева, по данным Азиатского музея Академии Наук СССР» С. А. Козина в «Известиях Академии Наук СССР» за 1931 г. (с. 759–774).

силия Павловича проблемами истории формирования фонда старопечатных книг на ряде восточных языков (включая китайский, монгольский, маньчжурский и тибетский), хранящихся ныне в Восточном отделе Научной библиотеки им. М. Горького СПбГУ (ВО НБ СПбГУ), неофициально называемом в научной среде «библиотекой Восточного факультета», а также о непосредственном участии В. П. Васильева в расширении данного фонда. Об этих двух видах деятельности выдающегося ученого некоторая информация содержится в трудах самого академика. Также о ней упоминают в своих публикациях А. Н. Хохлов, В. Л. Успенский, Е. А. Завидовская, Д. И. Маяцкий и О. Н. Полянская ²⁹². В настоящей работе мы хотели бы рассмотреть эти два вопроса отдельно. При этом основной упор сделаем на связь академика с китайской частью фонда, оставив, по причине нашей недостаточной осведомленности, без внимания маньчжурское, монгольское и тибетское собрания, в пополнении которых академик тоже деятельно участвовал, тем более что их изучением занимается В. Л. Успенский. Кроме того, наша статья никоим образом не будет претендовать на всеохватность. Она лишь выделит и раскроет по мере нашей возможности два обозначенных вопроса с тем, чтобы те специалисты, кого они заинтересуют, могли в них углубиться и найти новые сведения.

По интересующим нас вопросам В. П. Васильевым было подготовлено и обнародовано два важнейших труда — вышедшая в «Русском вестнике» обширная «Записка о восточных книгах в С.-Петербургском университете» (1857) 293 и изданный литографическим способом рукописный каталог китайских книг, который автор включил в виде «Приложения III» в свои «Материалы по истории китайской литературы. Лекции, читанные студентам С.-Петербургского университета» (1888). Первая работа содержит ценнейшие сведения об истории комплектования китайского фонда Казанского и Петербургского университетов в период, предшествовавший зачислению академика в штат Восточного факультета. Особое место в ней занимают также размышления автора о собственном опыте приобретения книг для Казанского университета в годы проживания в Пекине и тематический обзор книг китайского фонда, сложившегося в Петербургском университете к 1857 г. Вторая работа — тщательно структурированный по разделам список рукописей, ксилографов, эстампов, альбомов и различных других документов на китайском языке, при этом значительную часть составляют привезенные академиком из Двенадцатой Пекинской миссии (1840–1849) материалы с аннотациями к ним и указанием шифров. Значение обоих трудов переоценить невозможно, поскольку в совокупности они, за малыми оговорками (как мы чуть ниже убедимся на примере с поступлением от О. М. Ковалевского, все же возможны незначительные неточности в сообщаемой автором информации, в частности, касающейся количества передававшихся в библиотеку книг), создают в целом исчерпывающую картину основных изменений, происходивших в китайской части восточного собрания библиотеки в 30-50-е гг. XIX в.

²⁹² См.: Завидовская Е. А., Маяцкий Д. И. Описание собрания китайских книг академика В. П. Васильева...; Хохлов А. Н. Письма востоковеда В. П. Васильева из Пекина О. М. Ковалевскому... С. 469–492; Рукописи и ксилографы на восточных языках в Научной библиотеке им. М. Горького СПбГУ; Полянская О. Н. Переписка востоковедов О. М. Ковалевского и В. П. Васильева... С. 130–136.

²⁹³ Васильев В. П. Записка о восточных книгах в С.-Петербургском университете.

Титул «Материалов по истории...» В. П. Васильева с его «Каталогом»

«Записка», как о том сообщается на первой ее странице, изначально печаталась автором на французском языке в «Азиатских заметках» (Melanges asiatiques, t. II, 25 Janvier, 1856) Азиатского музея Российской академии наук и в парижском журнале «Институт» (Institut, 1857, № 253, 254 и 255). Она была составлена в связи с недавним переездом Восточного факультета вместе с библиотекой из Казани в Петербург и желанием автора разобраться в вопросах истоков и истории формирования китайского книжного фонда СПбУ. Из содержания «Записки» мы узнаем, что заслуга основания фонда принадлежит учителю академика О. М. Ковалевскому (1801–1878), впервые передавшему в 1833 г. Казанскому университету собрание привезенных им из путешествия книг, в числе которых, согласно В. П. Васильеву, были «две или три книги на маньчжурском и китайском языках» ²⁹⁴. Владимир Леонидович Успенский установил, что в реальности О. М. Ковалевский привез не менее восьми книг на китайском языке, шифры которых ему удалось выяснить

 $^{^{294}}$ Васильев В. П. Записка о восточных книгах в С.-Петербургском университете. С. 321. См. также: Успенский В. Л., Маяцкий Д. И. Китайские рукописи и ксилографы // Рукописи и ксилографы на восточных языках в Научной библиотеке им. М. Горького СПбГУ / под ред. В. Л. Успенского. СПб.: СПбГУ, 2014. С. 75.

²⁹⁵ См.: Китайские рукописи и ксилографы. С. 75. Также см.: *Успенский В. Л.* Коллекция О. М. Ковалевского в собрании восточных рукописей и ксилографов биб-

- 1. Цинь дин си юй тун вэнь чжи (钦定西域同文志). Шифр: Мд.70 (старый шифр — Xvl.O.35);
- 2. Юй чжи цин хань цзы ши бао сюнь (御制清汉资世宝训). Шифр: Мд.199 (старый шифр — Xyl.82);
 - 3. Цинь дин синь цзян ши люэ (钦定新疆识略). Xvl.14;
 - 4. Фан юй лэй цзуань (方舆类纂). Xyl.51;
 - 5. Хуан ди нэй цзин су вэнь (黄帝内经素问). Xyl.53;
 - 6. Хуан ди нэй цзин лин шу (黄帝内经灵枢). Xyl.54;

 - 7. Цинь дин мин цзянь (钦定明鉴). Xyl.58; 8. Би шу шань чжуан (避暑山庄). Xyl.59 ²⁹⁶.

Владимир Леонидович связывает с коллекцией О. М. Ковалевского также книгу, имеющую шифр Xyl. 73 297. Но профессор при этом ошибочно приводит название другой книги — «Помогающее в управлении всепронизывающее зерцало» (资质通鉴纲目). В действительности под шифром Xyl. 73 в библиотеке хранится «Компендиум по фармакологии» (本草纲目) Ли Шичжэня (李时 珍, 1518-1593) из собрания О. П. Войцеховского (1793-1850), на что указывает его владельческая подпись на обложке первой тетради. Что касается изданий «Помогающего в управлении всепронизывающего зерцала», то таких книг в библиотеке три (Xyl. 221, 222, 587), поэтому пока неясно, какая из них могла иметь отношение к О. М. Ковалевскому, если речь должна идти о книге именно с этим названием.

Василий Павлович в «Записке» пишет, что после основания в 1837 г. на Восточном факультете Казанского университета кафедры китайского языка бывший член Десятой Пекинской миссии (1821–1830) архимандрит Даниил (Д. П. Сивиллов, 1798–1871) вошел в ее штат преподавателем. В период, когла он состоял при кафедре и даже возглавлял ее (с 1837 по 1844 г. ²⁹⁸). Д. Сивиллов продал университету за 4000 рублей ассигнациями свои китайские книги 299. Это было первое и весьма значительное пополнение китайского фонда. Собрание Д. Сивиллова, по словам В. П. Васильева, по большей части состояло из рукописей и ксилографов, посвященных китайской классике, философии и христианству. Автор «Записки» высказывает важное предположение, что коллекция архимандрита Даниила могла быть составлена частью из книг иезуитов-миссионеров, передавших свое имущество русской духовной миссии в его бытность в Пекине 300. Видимо, этим можно объяснить наличие в настоящее время в библиотеке СПбГУ (а также в Институте восточных рукописей РАН и в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки) некоторого количества книг, содержащих символику Общества Иисуса, имеющих католическое содержание и при этом связанных с членами именно Десятой Пекинской миссии — кроме Д. Сивиллова, также с П. Каменским,

лиотеки Санкт-Петербургского университета // Монголовед О. М. Ковалевский: Биография и наследие (1801–1878). Казань: АЛМА-ЛИТ, 2004. С. 231–250.

²⁹⁶ Там же. С. 245–249 (книга Мд. 199 упоминается на с. 245, остальные книги —

²⁹⁷ Там же. С. 249.

 $^{^{298}}$ Скачков П. Е. Очерки истории русского китаеведения. С. 193–195.

²⁹⁹ Васильев В. П. Записка о восточных книгах в С.-Петербургском университете.

³⁰⁰ Там же. С. 321–322.

А. Сосницким, Н. Вознесенским, З. Ф. Леонтьевским (1799–1874) и другими. Например, таковым является редчайший автограф «Канон, помогающий приготовиться к хорошему уходу» (助善终经, шифр Хуl.173) португальского миссионера Жуана Фроиша (João Fróis, 伏若望, 1591–1638). Проблему судьбы пекинской библиотеки католических миссионеров в недавнее время пыталась изучить профессор Пекинского университета иностранных языков г-жа Лю Жомэй 柳若梅, опубликовавшая в 2019 г. по этой теме статью в «Вестнике Петербургского университета» ³⁰¹. Но она освещает только историю перемещения цельного фонда от португальских миссионеров к российским и обратно. К сожалению, в ней не поднимается достаточно любопытная проблема растворения части книг иезуитов в собраниях российских коллекционеров.

Как утверждает В. П. Васильев, вскоре после коллекции Д. Сивиллова в библиотеку Казанского университета поступили книги Алексея Исааковича Сосницкого (1792–1843), служившего причетником при той же Десятой миссии, в которую входил архимандрит Даниил 302 .

Пока В. П. Васильев находился в Пекине, мимо его внимания не прошли сделанные в его отсутствие поступления от О. П. Войцеховского (1793–1850) и Азиатского музея РАН. Собрание бывшего врача Десятой миссии включает в себя преимущественно сочинения медицинского содержания. Часть из них были описаны доцентом Педагогического университета Южного Китая г-ном Ли Минем 李民 и доцентом СПбГУ Л. П. Чуриловым в их совместной статье, опубликованной в 2014 г. ³⁰³ Но в этой статье дается описание всех медицинских рукописей и ксилографов на китайском языке, выявленных обоими учеными в библиотеке Восточного факультета СПбГУ, без указания источников их поступления. Авторы, ссылаясь на слова В. П. Васильева, лишь предполагают, что основу коллекции старопечатных книг СПбГУ по китайской медицине составили книги Осипа Павловича, при этом собственно его книги не вычленяют 304. Что касается даров Академии наук, то ими, по словам В. П. Васильева, были дуплетные для библиотеки Азиатского музея издания по географии и законодательству Цинской династии, названные им «Тунъ-чжи» (видимо, 通志 Xyl. 356 — Д. М.) и «Дай-цин-хой-день» (видимо, одна из следующих книг 大清会典: Xyl. 5, 326, 344, 345 или 423. — Д. М.) ³

Важнейший вклад в пополнение фонда сделал сам В. П. Васильев, живший в Пекине, как известно, с 1840 по 1849 г. За это время он приобрел книг в общей сложности на сумму 5000 руб. серебром ³⁰⁶. Все они были переданы библиотеке Казанского университета вскоре после его возвращения в 1851 г. О значении данного события Василий Павлович писал:

³⁰¹ Лю Жомэй. Изыскания о каталоге книг библиотеки Северного собора (Бэйтан) из собрания архива Министерства иностранных дел РФ // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2009. Т. 11, вып. 2. С. 140–151.

Васильев В. П. Записка... С. 322.

 $^{^{303}}$ Ли Минь, Чурилов В. П. Китайские рукописи и старопечатные книги по медицине в фондах Восточного отдела Научной библиотеки имени М. Горького Санкт-Петербургского государственного университета // Вестник Санкт-Петербургского унта. Медицина. 2014. № 2. С. 259–277.

⁴ Там же. С. 259.

 $^{^{305}}$ Васильев В. П. Записка о восточных книгах в С.-Петербургском университете. С. 325. ³⁰⁶ Там же. С. 322.

За один раз, с вывозом всех купленных мною книг, в 1851 г. библиотека нашего университета не только сравнилась со всеми своими соперницами, но и может быть превзошла их своей полнотой 3

Эти слова наилучшим образом характеризуют личную заслугу Василия Павловича, ибо ни у кого не может возникнуть сомнения в том, что в результате произошедшего пополнения восточный фонд библиотеки Казанского университета приобрел общемировую значимость и в одночасье занял видное место в ряду крупнейших европейских собраний восточных книг. И речь идет не только о количественных показателях, но и о качественных. Ведь, как стало известно, именно В. П. Васильевым были приложены колоссальные усилия к тому, чтобы библиотека стала максимально разнообразной и служила удобным подспорьем для новых поколений студентов, преподавателей и ученых:

Цель, которую я имел в виду при приобретении книг, была та, чтобы сделать нашу библиотеку как можно полнее и снабдить ее материалами во всех родах литературы. Университету нашему может быть нескоро представится случай отправить кого-нибудь в Китай, а между тем любознательность может обратиться к таким предметам, которых мы ныне касаемся слегка, и потому нужно, чтобы для всего были готовые материялы. Так например, в других библиотеках очень мало произведений китайских поэтов; нет собрания мелких статей изящной прозы; всего находится только по нескольку романов и драм; даже отдел классической литературы не вполне снабжен произведениями китайских ученых; даосизм также почти совсем исключен из других собраний: и все это потому, что на это еще мало обращают внимания. Я не мог почесть себя вправе исключить все это из своей библиотеки, потому что как то, так и другое рано или поздно расширит наши понятия о стране и необходимо для ознакомления с полным развитием восточного гения 308 .

В. П. Васильев во время пребывания в миссии имел статус прикомандированного магистранта и действовал в соответствии с инструкцией («Наставление отправляющемуся в Пекин господину Васильеву»), разработанной его наставником О. М. Ковалевским (1801–1878) и одобренной академиком-востоковедом Я. И. Шмидтом (1779–1847) 309 . В ней не только излагался план научных занятий будущего первого в России академика-китаеведа, но и давалась ориентировка по книгам, подлежавшим приобретению с тем, чтобы по возвращении передать их в собственность университетской библиотеки 310. В. П. Васильеву в Пекин присылали каталог казанских книг, чтобы он не дублировал уже имевшиеся в Казани книги. В настоящее время мы озабочены поиском этих каталогов, пока безуспешным. Также для решения соответствующей задачи выделялись дополнительные средства, которые, к великому сожалению В. П. Васильева, расходовать можно было лишь после обязательного и крайне неудобного для него согласования с начальником миссии архимандритом Поликарпом (П. А. Тугаринов, 1799–1868), обладавшим крутым и

 $^{^{307}}$ Васильев В. П. Записка о восточных книгах в С.-Петербургском университете. C. 322.

308 Там же. С. 323.

 $[\]Pi_{00}$ Полянская О. Н. Переписка востоковедов О. М. Ковалевского и В. П. Василь-

му... С. 469-492.

несговорчивым нравом. О том, как будущий академик решал поставленные перед ним задачи, мы отчасти можем судить по его пекинской переписке с О. М. Ковалевским и содержанию уже упоминавшейся его «Записки». Возможно, некоторая информация на этот счет имеется в неопубликованных пекинских дневниках академика ³¹¹, но пока они нам недоступны. Важность изучения писем, которыми обменивались ученик и учитель, впервые подчеркнула монголовед Н. П. Шастина в своей небольшой, но тем не менее крайне важной обзорной статье, вышедшей еще в 1956 г. 312 В 2013 г. семь писем были опубликованы А. Н. Хохловым ³¹³. Также фрагменты нескольких писем можно увидеть в статье О. Н. Полянской (2015) ³¹⁴.

Опираясь на данные писем и «Записки», мы можем сделать вывод, что В. П. Васильев приобретал книги главным образом двумя способами — покупал в книжных магазинах и заказывал их копирование. В «Записке» автор подробно пишет, как происходили эти два процесса и как совершенствовалась его тактика по добыванию нужных материалов. Например, если участники прежних миссий, покупая книги, как правило, переплачивали, так как обращались к одним и тем же продавцам книг, а за каждый переписанный иероглиф платили по чоху, то Василий Павлович довольно быстро научился сбивать цену, обращаясь в различные лавки, а за переписанный иероглиф — платить уже в десять раз меньше 315 . Много сил и энергии им тратилось на противостояние постоянным обманам продавцов, норовивших не только продать подороже, но и, рассчитывая на непосвященность иностранца, подсунуть неполные или бракованные издания ³¹⁶:

Но это (пополнение фонда. — Д. М.) зависело от усиленных наших стараний освободиться из-под гнета китайских обманщиков, которые окружали постоянно наших миссионеров и которые сначала достались нам по наследству. Наши предшественники любили выказывать русскую щедрость, даже стыдились торговаться; так, например, они платили переписчикам по чоху за каждый иероглиф, мы низвели эту плату до ста чохов за тысячу; они покупали книги в одной аккредитованной лавке, мы были знакомы со всеми. Но, конечно, мы нескоро смогли добиться до счастливого результата и на первых порах не раз попадались впросак, иногда даже не могли избегнуть обмана, хотя и явно видели его. Стоит только взглянуть на привезенную мною за десять лет пекинскую газету («Столичный вестник» 京报. — Д. М.); мы платили за нее втрое дороже, чем сами Китайцы; ее приносили каждое утро в следующем виде: тетрадка из докладов чиновников, дурной печати, без надписи числа, с приложением отдельного листка, содержащаго императорские указы; эти указы оставались у нас, а тетрадку брали на другой день, чтобы передать для чтения другим, и возвращали в небрежном виде, иногда даже и не ту, какую следовало; мы воору-

 $^{^{311}}$ О них смотрите статью А. Н. Хохлова: *Хохлов А. Н.* Пекинский дневник В. П. Васильева... С. 208-221.

¹² *Шастина Н. П.* Учёная корреспонденция монголоведа О. М. Ковалевского // Советское востоковедение, 1956. № 1.

 $^{^{313}}$ *Хохлов А. Н.* Письма востоковеда В. П. Васильева из Пекина О. М. Ковалевскому... С. 469–492. 314 *Полянская О. Н.* Переписка востоковедов О. М. Ковалевского и В. П. Василь-

ева... С. 130–136. 315 Васильев В. П. Записка о восточных книгах в С.-Петербургском университете. С. 324. ³¹⁶ Оригинальная орфография сохранена.

жились было наконец против этого зла: отказали разнощику, позвали другаго, но тот не смел перебивать доход своего товарища; нечего было делать, примирились на том, чтобы за ту же цену приносили к нам тетрадку лучшей печати, в которую вшиты указы и в которой еще есть прибавления о том, кто представлялся императору... Книгопродавец, бывший постоянным поставщиком книг для прежних миссионеров, обманул меня с перваго же разу, продав неполный экземпляр...

Миссионер регулярно совершал обходы книжных лавок Люличана в поисках новых поступлений редких книг, потому что ассортимент книжной продукции, обычно не столь разнообразный, был ориентирован преимущественно на незатейливые запросы типичных китайских книжников, готовившихся к государственным экзаменам и нуждавшихся в более-менее одинаковой функционально ориентированной литературе, тогда как В. П. Васильева волновала прежде всего тематическая широта и новизна. Ему были нужны книги, которые в библиотеке университета отсутствовали и уже тогда могли быть отнесены к категории редких:

...В книжных лавках продаются только такия книги, которыя составляют постоянный обиход китайскаго ученаго; это классические книги, лексиконы, хрии и т. п., привозимыя в огромном количестве с юга; оне и самыя дешевыя, потому что цена вполне зависит от объема; но чтобы приобресть большую часть лучших сочинений, непременно нужно выждать случая их появления; некоторые из них были печатаемы за двести лет пред сим; большая часть принадлежит прошлому столетию, так что доски или совсем уничтожились или так испортились, что невозможно более печатать; следовательно, надобно было выжидать случая, когда какой-нибудь обедневший ученый продаст то или иное сочинение в лавки, где тотчас же могли перехватить их другие перекупщики, а иныя книги не появлялись и одного разу во все десять лет. Вот почему прогулка по так называемому Лю-ли-чану, где сгруппирована главным образом книжная торговля, была постоянным и, правду сказать, любимым нашим занятием 318.

О выходивших в ту или иную эпоху изданиях В. П. Васильев узнавал из многочисленных китайских каталогов. По ним же, используя ориентировочные названия, полученные в письмах казанских коллег, он, порою безуспешно, пытался вычислять точные названия книг.

Иногда случалось так, что нужное многотомное сочинение поступало в продажу по частям и в несколько магазинов кряду. Тогда В. П. Васильеву приходилось, не теряя времени, пока его не выкупили другие книгофилы, обегать все магазины, чтобы собрать книгу в единое целое. В письме О. М. Ковалевскому от 18 апреля 1844 г. он описывает подобный случай: «...Теперь я мало-помалу закупаю китайский Ганчжур и Данчжур, который из какого-то дома распродан по частям, в разных лавках. Я успел набрать почти до полтораста томов за довольно дешёвую цену, и из Ганчжура остаётся докупить только "Парамиты"...» ³¹⁹ Сейчас именно эти книги и составляют один из предметов гордости Восточного факультета СПбГУ.

 $^{^{317}}$ Васильев В. П. Записка о восточных книгах в С.-Петербургском университете. C. 324.

Там же. С. 325.

4 Н Пи

 $^{^{319}}$ *Хохлов А. Н.* Письма востоковеда В. П. Васильева из Пекина О. М. Ковалевскому... С. 469-492.

Находясь в стесненных условиях из-за зависимости от обладавшего вздорным характером начальника миссии архимандрита Поликарпа, В. П. Васильев приобретал книги, сообразуясь с финансовыми возможностями и учитывая необходимость предстоящей их транспортировки. Он избегал брать изящные и слишком дорогие объемные северные издания, когда можно было купить книгу того же содержания, но более дешевую и компактную. Именно такими соображениями он руководствовался, когда покупал южное собрание буддийских канонов в 215 тетрадях вместо пекинского издания из 700 тетрадей ³²⁰. В письме от 15 июня 1848 г. В. П. Васильев пишет:

Одно, что меня утешает, так это то, что если я сам и не окажусь годным для Университета, так по крайней мере библиотека, составленная мной для него, может послужить другим в пользу. Здесь я не упускаю случая приобретать всё, что только мне кажется годным или что могу отыскать.

Особенно из китайских книг у меня [образовалась] большая коллекция, и все важные исторические сочинения, между которыми [только] 100 томов (не книжек) занимают истории всех династий, мною закуплены. Я не упустил даже [покупок] прозаических и поэтических китайских сочинений. Фоевские [буддийские] книги, т. е. китайский Ганчжур и Данчжур, тоже [составляют] почти все 200 томов (китайский том равняется почти двум тибетским). Они не бесполезны для меня и в тибетских текстах ³²¹

В письме от 30 мая 1849 г. им сообщается:

Я заботился сколько возможно о [большей] полноте и разнообразии [книжной коллекции], потому что рассчитывал не на себя и не только на известное направление синологии, с которой связано изучение только китайского языка. Я имел в виду, что какой-нибудь досужий учёный захочет познакомиться с китайскими стихами столько же, сколько другой с историей и географией, а третий с «цзинами» (древнекитайской классикой) 322

После возвращения В. П. Васильева из Пекина до момента написания «Записки» новых поступлений им отмечено не было.

В связи с коллекционерской и научно-педагогической деятельностью В. П. Васильева может быть обозначена проблема вычленения книг, имевших отношение к академику. Речь должна идти по меньшей мере о трех корпусах книг — приобретавшихся ученым для нужд Казанского и Петербургского университетов, непосредственно для себя и включенных им в так называемый «Васильевский ученический» фонд. Как уже утверждалось выше, первый корпус книг поступил в Казанский университет в 1851 г. К сожалению, точный его состав установить пока невозможно, поскольку в инвентарных книгах СПбГУ информация на этот счет отсутствует. Старейшая инвентарная книга Восточного отдела НБ СПбГУ содержит перечень книг, подлежавших отправке из Казани в Петербург во время осуществления переезда Восточного фа-

 $^{^{320}}$ Васильев В. П. Записка о восточных книгах в С.-Петербургском университете.

³²¹ Хохлов А. Н. Письма востоковеда В. П. Васильева из Пекина О. М. Ковалевскому... С. 469–492. Там же.

культета — в нем перемешаны книги О. М. Ковалевского, Д. Сивиллова, А. Сосницкого, О. П. Войцеховского, Азиатского музея РАН и В. П. Васильева. Насколько нам известно, в архивных документах казанских учреждений (в Казанском федеральном университете и Национальном архиве Республики Татарстан) тоже нигде нет списка книг, поступивших через В. П. Васильева. Что касается личной домашней коллекции В. П. Васильева, то она была передана им в СПбГУ в 1890-е гг. незадолго до его кончины.

	exuxe, Monn. Kaimenzeu per naznaracen	UUCOKO vooxuze Mudemo ze neramuseze K vogo ko omnesolx voepcumems.	A. 4. xuzz, Canoxpum- nurr'n pyxonu- n. h. Clemyolypexo
No No No None, Lon. Rum.	Burnalia .	corumericii.	liste Brane Apun
July 9046 3	Tuna na Rus	Tanckour Roberts	,nors
3n	Amen nous usor	parcenie paseurs	ings
To	us ynompelien	y Dune norumne,	V/recalls-
1 apii	· Cu-ops win.	Hoboc ngranie, to	Pyett. 1 10 -
Jyl.8. 34	adnucano: On	imuncrous som na rnura npian	nnug,
bre	1/38 2004 OR	as nowpena los meroper 19 youg.	Deliv4
in a	mru do nepe	budous res	15
مريد فني	و مورك و امالكلاغ	,	
gry BbJs	مِن مُنْ احت الله لار منه احرف کام	,	15-

Каталог книг, составлявшийся В. П. Васильевым в связи с переездом Восточного факультета в Санкт-Петербург

Перечень 207 китайских книг, привезенных В. П. Васильевым из Пекина, равно как и их тематический обзор, можно посмотреть в изданном в 2012 г. «Описании собрания китайских книг академика В. П. Васильева в фондах Восточного отдела Научной библиотеки Санкт-Петербургского государственного университета» ³²³.

 $^{^{323}}$ Завидовская Е. А., Маяцкий Д. И. Описание собрания китайских книг академика В. П. Васильева...

§ 4. В. П. Васильев как преподаватель маньчжурского языка*

Отправляясь в Китай в составе Девятой духовной миссии, магистр Казанского университета В. П. Васильев имел задание совершенствовать свое знание языков монгольского, тибетского и санскрита. Однако уже в Троицкосавске, на границе с Китаем, он начал занятия китайским языком с преподавателем Кяхтинского училища Г. К. Крымским (1796–1861). В своем «Кратком отчете о занятиях во время десятилетнего пребывания в Пекине» Васильев пишет:

Изучением маньчжурского языка я занялся уже после знакомства с тибетским и китайским. Ныне этот язык, принадлежащий правительству, может считаться мертвым; в Пекине даже в самом дворце никто из маньчжуров по происхождению не говорит на нем от рождения; китайцы, переселенцы в Маньчжурию, изгнали его и с родины. Между тем изучение книжного языка как делового сильно еще утверждено вне Великой стены, и нам неоднократно случалось встречать проезжающих из Или, Кобдо, как и из Хэйлунцзяна (Амура), равно выучившихся говорить по-маньчжурски и даже лучше пекинских чиновников. Сверх сего из самой внутренности Китая часто являются в Пекин и, поселившись там, маньчжурский держат экзамен на степень докторантов. Литература языка, которого письменность началась только с основания династии, почти вся состоит только из переводов с китайского; но ныне эти переводы являются весьма редко, и едва ли можно ожидать больших последствий от позднейших усилий покойного Императора воскресить изучение языка своих предков. Таким образом, для ученых этот язык не может представлять большого интереса кроме этимологического знакомства; для начинающих учиться китайскому языку он может служить пособием в чтении тех книг, которые переведены на него, по большей определенности грамматики и конструкций. Мне нетрудно было свыкнуться с этим языком по сродству его в устройстве грамматическом и в множестве слов с монгольским. Я пересматривал на нем классические книги конфуцианизма, историю Тунцзян ганьму, часть уложений и повести и романы, переведенные с китайского, наверно, и лучшие знатоки маньчжурского языка затрудняются в чтении с пониманием существующих на нем буддийских книг без навыка в чтении их на других языках. Это моя выгода.

Специально изучение маньчжурского языка для русских имеет приложение в дипломатических наших сношениях с Китаем, потому что бумаги, пересылаемые взаимно от двух правительств, непременно между прочим должны писаться на маньчжурском языке. Это, наверно, продолжится до конца настоящей династии в Китае, потому что для русских переводчиков было бы труднее изучение китайской письменности (л. 67а–б).

Эта длинная цитата из Отчета магистранта В. П. Васильева, поданного на историко-филологический факультет в 1850 г., четко определяет направление его научной и преподавательской деятельности, к которой он был вынужден приступить по возвращении из Китая. При этом готовился он к преподаванию тибетского языка и буддологии, но такой возможности не оказалось, и ему было предложено занять место экстраординарного профессора по кафедре китайского и маньчжурского языков. Такая кафедра была учреждена в Казанском университете в 1837 г., и на ней преподавали бывшие ученики Пекин-

^{* ©} Т. А. Пан.

ской духовной миссии. К моменту возвращения В. П. Васильева скончался Осип Войцеховский (1793–1850) и преподавание было прервано, а восемь слушателей ждали нового наставника. В ноябре 1850 г. В. П. Васильев дает согласие занять вакантную должность и начинает готовиться к преподаванию китайского и маньчжурского языков, оставляя тибетологию, буддологию и другие интересующие его предметы на более позднее время.

Для студентов Казанского университета в свой первый академический год В. П. Васильев составляет «Программу преподавания китайского языка, истории и литературы, маньчжурского языка 1851–1852 гг. по разряду восточной словесности». Ныне эта программа хранится в личном архиве В. П. Васильева в СПбФ АРАН (фонд 775, опись 1, ед. хр. 179) и свидетельствует о методике преподавания этих языков, учебных материалах и форме преподавания, использованной В. П. Васильевым в Казани, а затем на Восточном факультете Санкт-Петербургского университета. Именно по ней В. П. Васильев вел занятия на китайско-маньчжурско-монгольском разряде Восточного факультета в течение нескольких десятилетий.

Программа маньчжурского языка более подробна, чем для преподавания китайского языка, она рассчитана на 4 года и в сокращенном виде состоит в следующем:

На 1-м курсе (2 часа в неделю): чтение и письмо, основы грамматики маньчжурского языка по немецкой грамматике Габеленца 324 и маньчжурской грамматике «Цинвэнь цимэнь» 325 , перевод маньчжурских диалогов из «Цинвэнь цимэн» и глав «Амба тачинь».

На 2, 3 и 4-м курсах (1 ч. в неделю): перевод на русский язык из маньчжурских книг «Четверокнижие» (Сы шу) на маньчжурском языке, «Священные наставления императоров» (Эндурингэ тачихянь бэ нэйхэмэ бадарамбура битхэ), различных конфуцианских текстов, законодательных, исторических, перевод указов и глав из романа «Путешествие на запад» («Си сян цзи»).

Кроме занятий маньчжурским языком, В. П. Васильев на 1-м курсе (1 час в неделю) вел занятия по истории и литературе, письменности маньчжуров, на 2-м курсе читал историю династии Цин с момента ее возникновения до утверждения в Китае и расширения границ на запад, войны с Кореей, Непалом и Бирмой; на 3-м курсе давал подробную характеристику маньчжурского языка и его места в алтайской семье языков, переводы китайской литературы, особенности устройства маньчжурского двора и церемоний; на 4-м курсе разбирал маньчжурское законодательство, особенности китайского управления, гражданские и военные учреждения.

Более того, В. П. Васильев вел дополнительный практический курс для переводчиков, который заключался в «составлении письменных извлечений из прочитанного и упражнений в переводе с русского и китайского на маньчжурский».

Следует отметить, что В. П. Васильевым был правильно выбран курс параллельной подготовки китаистов и маньчжуроведов и неразрывности обеих этих дисциплин для изучения цинского Китая, периода, когда жил В. П. Ва-

³²⁴ *Gabelentz*, *Hans Canon von der*. Elémens de la grammaire mandchoue. Altenburg: Comptoir de la littérature, 1832.

³²⁵ Цинвэнь цимэн 清文启蒙 (маньчж.: *Manju nikan hergen cing wen ki meng*) «Начальное обучение маньчжурскому языку». Грамматика была составлена китайцем-учителем Шоу Пином 寿平. Ксилограф был напечатан в Пекине в 1732 г.

сильев и когда вся государственная переписка с Китаем обязательно велась на маньчжурском языке.

Для преподавания маньчжурского языка В. П. Васильев составил «Маньчжурскую хрестоматию для первоначального преподавания», изданную в Санкт-Петербурге в 1863 г. Она состоит из нескольких разделов: переводы с китайского языка классических произведений, образцы разговорного языка из маньчжурских сборников «Тангу мэйень» («Сто глав») и «Циньвэнь цимэн», тексты российско-китайских договоров на маньчжурском языке. Таким образом, в ней представлены основные образцы маньчжурского языка. Хрестоматия была напечатана в Типографии Императорской Академии наук, где к тому

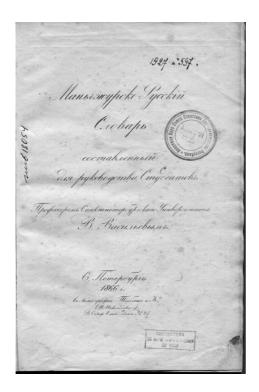

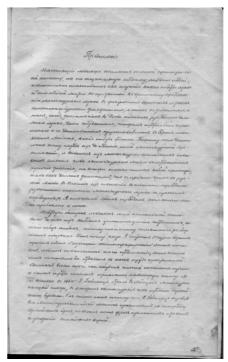

времени уже были восточные шрифты. Как писал Б. К. Пашков, «Хрестоматия В. П. Васильева — первая маньчжурская хрестоматия в России, появившаяся в печати и содержащая важные тексты — образцы общеупотребительной маньчжурской речи и письменного стиля. Значение этой хрестоматии сохраняется до настоящего времени» 326 .

Немного позднее, в 1866 г., литографическим способом был издан составленный В. П. Васильевым «Маньчжурско-русский словарь» 327 .

Напомним, что вплоть до 1875 г. (т. е. до издания словаря И. И. Захарова) в России не существовало печатных словарей маньчжурско-русского языка. Студенты учились на материалах, предложенных преподавателем, переписывая словари и тексты. В Архиве востоковедов Института восточных рукописей РАН сохранились рукописные словари членов Пекинской духовной миссии. О причинах издания этого словаря В. П. Васильев подробно пишет в своем предисловии, которое мы полностью приводим ниже ³²⁸. Важно то, что в своем предисловии автор дает и краткие пояснения фонетики и грамматики маньчжурского языка:

 $^{^{326}}$ *Пашков Б. К.* Вклад русских ученых в изучение маньчжурского языка и письменности // Краткие сообщения Института востоковедения. Вып. XVIII. Языкознание. М.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 9.

³²⁷ Маньчжурско-русский словарь, составленный для руководства студентов, профессором Санкт-Петербургского университета В. Васильевым. Санкт-Петербург, 1866.

³²⁸ О словаре и хрестоматии В. П. Васильева см. также: *Сорокин Ю. А.* Академик В. П. Васильев как маньчжуровед... С. 213–219.

[C. 1] Предисловие ³²⁹

Настоящий лексикон не имеет никакой претензии ни на полноту, ни на тщательную отделку; это дело людей, исключительно посвятивших себя изучению какого-нибудь языка, и дело не одной жизни. Но, призванный к временному преподаванию маньчжурского языка в факультете восточных языков Санкт-Петербургского университета, я не мог не заботиться о том, чтобы, за неимением в России никаких руководств для этого языка, дать студентам, которым трудно было справляться с единственно существовавшим в Европе лексиконом Амиота 330, какие-нибудь средства. Поэтому около десяти лет тому назад, еще до издания мной маньчжурской хрестоматии, я выписал из маньчжурско-китайских лексиконов главные слова маньчжурского языка с определением русского значения, на которое также не имею особой претензии, так как должен заметить, что в прежнее время в русской миссии в Пекине из поколения в поколение переходили русские лексиконы маньчжурского языка с русским переводом 331. Я пользовался этим переводом, хотя, конечно, многое прибавлено и мною.

Не будучи обширен, лексикон, мною составленный, списывался до сих пор каждым учившимся у меня студентом, конечно, не без ошибок, потому что я не могу похвастаться разборчивым почерком. Вот почему, когда г[осподин] студент 2-го курса Кортнев просил меня о дозволении отлитографировать этот лексикон, я не мог не согласиться на его предложение, хотя, конечно, мне не хотелось бы издавать в свет труд несовершенный. Однако все же, пока мы не будем иметь лексикона лучше, и этот труд может приносить некоторую пользу. Я [с. 2] вставил некоторые фразы, которые до сих пор не встречались в лексиконах, местами указываю на сродство маньчжурских слов с китайским языком, на что до сих пор не обращалось внимания. Во всяком случае студенты не будут, по крайней мере, утомлены списыванием и с большей пользой употребят свое время. Что же касается до того, что маньчжурская транскрипция передана русскими буквами, то я вижу в этом даже некоторую пользу. Независимо от того, что при литографировании маньчжурского текста маньчжурскими буквами мы не имели под рукой хорошего писца, опыт показал, что студентам маньчжурские слова, написанные русскими буквами, не только не представляют затруднения, но на первых порах

³²⁹ При цитировании источника сохранена орфография и пунктуация.

³³⁰ В. П. Васильев имеет в виду маньчжурско-французский словарь *Amiot, Jean-Joseph-Marie*. Dictionnaire tartare-mantchou françous, compose d'après un Dictionnaire mantchou-chinois. Rédigé et publié avec des additions et l'alphabet de cette langue, par L. Langlès. T. 1–3. Paris: Didot l'ainé, avec les caractères grave par Firmin Didot, son 2d fils, 1789–1790. XL, 592; 575, XX; 240 р. (*примеч. Т. П.*).

³³¹ Только в 1864 г. Г. Габеленц издал в Лейпциге маньчжурско-немецкий словарь, в котором маньчжурские слова переданы европейскими буквами. Он полнее моего, потому что Г. Габеленц перевел весь маньчжурско-китайский лексикон и расположил по порядку европейских букв, но в них нет фраз, извлеченных из книг и указания китайских корней (*примеч. В. П. Васильева*). (Имеется в виду словарь: Sse-schu, Schu-king, Schi-king in Mandschuischer Übersetzung mit einem Mandschu-Deutschen Wörterbuch herausgegeben von H. C. Conon von der Gabelentz. Zweites Heft: Wörterbuch. Leipzig: Brockhaus in Comm., 1864. VII, 231 р. (*примеч. Т. П.*)).

составляют даже облегчение, так как они имеют постоянно перед глазами маньчжурские тексты. Но может быть, некоторые оттиски нашего лексикона попадут к русским, живущим или на Амуре, или на границах бывшей Цзюнгарии ³³², где также маньчжурский язык в употреблении. Маньчжурские слова, написанные маньчжурскими буквами, для них были бы бесполезны, имея их в русской транскрипции, они могут скорее научиться понимать маньчжурскую речь. Может быть, некоторые даже доставят услугу изучению маньчжурского языка: мы так мало знаем о маньчжурских наречиях, но они не могут не существовать; любознательные русские, имея под рукой наш лексикон, может быть, отметят не только местные варианты произношения и ударений, но и дополнят лексикон новыми словами.

Переписывая маньчжурские слова русскими буквами, мы легко могли расположить начало их в порядке русского алфавита, но списывая лексикон так, как слова расположены в маньчжурско-китайских лексиконах, дальнейшее расположение оставили уже туземное, потому что иначе механический труд, при перестановке слов применяясь к русскому алфавиту, был бы утомительнее самого труда составления лексикона. Так как лексикон невелик, то приискиванье слов собственно не составляет большого труда, однако же для облегчения труда мы находим необходимым сказать несколько слов о порядке букв, принятом маньчжурами, и о расположении ими слов в своих лексиконах, что нужно иметь в виду и тому, кто будет пользоваться этими лексиконами.

[с. 3] Маньчжуры располагают свой алфавит в следующем порядке: a \ni u o y \check{y} u κ ϵ x

(Три последние буквы перемешиваются в следующем лексическом порядке слогов: *ка, га, ха, ко, го, хо, ку, гу, ху*)

б	n	c	ш	m	9	ma	да
тэ	дэ	mu	ди	mo	∂o	my	ду
тў	\mathcal{I}	\mathcal{M}	ч	чж	ŭ	κ	г
\boldsymbol{x}	кэ						
23	хэ	ки	ги	xu	ку	гу	xy
ϕ	в	гк	$\mathcal{E}\Gamma_{\alpha\alpha}$	xx			
ų	цз	ж	ы ³³³				

От этого-то в нашем лексиконе после $a\kappa a$ встретится $a\varepsilon a$, а потом опять $a\kappa y$ и потом снова $a\kappa a$, $a\varepsilon a$, после $\varepsilon cum a$ встретим $\varepsilon cud a$ и потом снова $\varepsilon cum a$ и $\varepsilon cud a$. Еще большее затруднение представляется в словах, начинающихся слогами $\varepsilon cud a$, $\varepsilon cud a$ и ε

Сверх того маньчжуры отделили в своих лексиконах слова, в коих второй слог начинается какой-нибудь согласной, от слов, в которых эта согласная составляет окончание первого слога. Все слова, в которых первый слог оканчивается на \tilde{u} , p, h, h, κ , c, m, δ , o (сверх предшествующей гласной:), n и m— всего 11 окончаний или разрядов, которые с

 $^{^{332}}$ Чжунгарии, вошедшей в состав Синьцзяна (*примеч. Т. П.*).

 $^{^{333}}$ Последняя из букв встречается только в переписке иностранных слов. Что же касается до слогов *СЫ*, *ЧЫ* и *ЧЖЫ*, считаемых в маньчжурском языке особо, то (слоги *цзы чы, цзы.* — *Примеч. Т. П.*) это только особая передача одной двугласной *Ы* и к ним надобно еще присоединить *ЦЗЫ* в конце. *Примеч. В. П. Васильева*.

первым, состоящим из 12 слогов, оканчивающимся на гласную, и дали китайское название маньчжурскому алфавиту: *ши эр цзы тоу* 十二字頭. Таким образом, слова: *арамби* и *арсунь, ама* и *амсунь* будут находиться в различных разрядах слов, начинающихся одной буквой.

Транскрипция маньчжурских слов русскими буквами еще не определяет их произношение, потому что везде есть [с. 4] слова, которые произносятся не так, как пишутся. Тем более тогда, как мы выше уже заметили, маньчжурские наречия еще мало исследованы, нельзя положиться на одно более нам известное и вместе с тем более изуродованное пекинское произношение. Вот почему надо было строго придерживаться транскрипции слов так, как мы их находим в лексиконах: всем нам известно, что слова чжимби, чжилгань и т. п. произносятся изимби и изилгань, но так как из в них пишется той же буквой чж, которую встречаем в чжакунь, чжэмби и пр., которые произносятся не как изакунь и изэмби, то мы и должны были удержать и в изилгань букву чж. Тем более что мы не уверены еще, что совсем бы не нашлось местностей, в которых изимби не выговаривалось бы чжимби.

Впрочем, не излишним считаем здесь сделать некоторые замечания касательно произношения.

Маньчжурский язык не любит скопления не только согласных (буквы чж, из считаются во всех среднеазиатских языках за одну), но и гласных; он любит их перемежать (потому в Пекине говорят ашишамби, когда слово пишется ашшамби). Исключенье составляет буква о, которая встречается после всех гласных (xiŭao читай xso(cso)), ∂so читай доу, нэомби читай нюмби, а в словах китайских эо читается как оу: чжэо читай чжоу, ніохэ читай нюхэ, аліой читай алюй; мійоо, сійоо читаймяо, сяо; чооха, боо читай $v\bar{o}xa$, $d\bar{o}$, а в словах китайских оо читается как ao: боо, доосэ читай бао, даосэ, исключая у. Если буквы а и э ставятся после гласных, то их отделяет от предыдущих буква в, так, по крайней мере, для китайских слов: пишут сійовэ, а читают сюэ; гува, а читают гуа, йувэй, кіовэй -юэ, июе, но еще нельзя утвердительно сказать, чтобы во всех наречиях маньчжурские слова, которые пишутся тува, тувамби, сувэ, чжувари, тувэри, произносились туа, туамби, суэ-суо, чжуари, туэри. Слог уеэ в Пекине читается даже как о, например: гуезчихэ читается жочикэ, фэргувэчукэ -форгочукэ.

Буква э в средине и конце очень часто произносится как *щ*: *ябумэ*, *бабэ* читается *ябумо*, *бабо*; *умэси*, *бэйе* читается *умоши*, *бое*. Напротив, *щ* в начале произносится как э (или *ио*), а *у* и ў как *вэй*, но это едва ли только в Пекине: *онкголо* читай э*нъоло*, *уйлэ* читай *вэйлэ*, а буква *и* после *ч* во многих словах — как *у*: *чисуй* читай *чусуй*, *чимари* читай *чумари*.

[с. 5] Русские гласные g, \ddot{e} , ω , e маньчжурами всегда пишутся через $\ddot{u}a$, $\ddot{u}o$, $\ddot{u}y$, и $\ddot{u}e$; буква \ddot{u} у них считается согласной, и когда ей предшествует u или i, то она также не выговаривается: пишут $\ddot{u}a\ddot{u}a$, выговаривают g (в Пекине g), пишут $\ddot{u}y\ddot{u}y$, выговаривают g. Так же g0g1, налма и g2, хотя протяжно или удерживая за собою ударение; очень немудрено, что в других наречиях этот выговор имеет особый оттенок. Так и в Пекине — g2, аg3, произносят не g3, а g4, а g5, и g6, g7, g8, g9, g

транскрипции. В средине же везде следовало бы удержать эту транскрипцию.

Буква н, когда она стоит на конце слова или в конце слога пред следующей согласной (шанйань читай шаньянь — потому что й, как мы сказали, в маньчжур[ском] есть согласная), имеет два чтения: мягкое, как бы она в русском стояла с ь (который мы и вставляем, например, маньчжу) и твердое, как бы после него следовал ъ. Маньчжуры в первом случае пишут просто h, а во втором после h всегда прибавляют κ , что напоминает транскрипцию европейцами китайских слов, в которых то и дело после n (т. е. русского n) встречается g (т. е. p[усское] z) и незнающие читают целиком Гонг-конг, прини Конг и т. п. То, для чего европейцы прибегают к букве g, а маньчжуры к κ , у нас спокойно выражается через b; впрочем, мы писали так же в нашем лексиконе после H и K. Но нельзя утвердительно сказать, чтобы во всех словах, в которых после нь следует еще согласная г, эта последняя пропадала во всех наречиях, как в пекинском произношении этой буквы. В Пекине слова: сэрэнкгэ, илэнкгу, енкгулэ, ойонкго чит[аются] сэрэнъэ, илэнъу, енъухэ, оюнъо. (Наша Ангара происходит от маньч. анкга — «рот», однако ее произно-

Буква ε в Пекине и в других словах часто смешивается с x. Так, $a\varepsilon a$ — 'дождь' и $do\varepsilon o$ — 'слепой' читают axa и doxo, которые имеют и свое значение 'раб' и 'каменный уголь'; $a\kappa 9$, напротив, читается как $a\varepsilon 9$. Вообще все слова, кончающиеся на εa нь, читаются εa нь.

Склады из букв κ , ε , x, y, y, x, c пред ε в Пекине обыкновенно произносятся как ци, цз, си (хіяо — сяо), ци, цзи, ши (си пред н в начале слова читается син) и шэн, а в середине [с. 6] шэн: синьдамби и шэньдамби, сисинкга читай шэшэнъа. В некоторых случаях си читается даже как жи: айси, вэсихунь, айсинь читаются айжи, вэжихунь, айжинь 33 происходит оттого, что в Пекине все китайские слова <...>: в других наречиях произношения ки, ги, хи читаются ци, цзи, си, и так как в пекинском наречии нет звуков ки, ги, хи, то маньчжуры переменили свои природные звуки в соответствие китайского произношения (так в источнике). При переписи китайских слов в маньчжурском языке соблюдается, однако ж, неправильная их транскрипция, т. е. одни слова пишутся ки, ги, хи, а другие чи, чжи, си, хотя те и другие читаются ци, цзи, си. Часто маньчжурские слова, не взятые прямо с нового китайского (хотя бы и происходящие, однако ж, от него в древности: кидумби от ци, гидамби от изи, кирфу) должны читаться как пишутся подобно словам: бураки, хоки, дагиламби, экисака, фэхи, хотя в Пекине найдутся люди, которые читают и эти слова: бураии, хоии и пр.

Что и *чи*, и *чжи* также не обязательно во всех маньчжурских наречиях читаются *ци*, *цзи*, мы видим это из слов *чжибэхунь*, *чжіо* (от *чжимби*), которые читаются: *чжубэхунь*, *чжу*. *Ачила* ч[итается] *ачала*, *чибинь* чит[ается] *чубинь*, *чимари* — *чумари* и читается так, как пишется.

Кроме этих общих замечаний, пекинское произношение отличается еще некоторыми неправильностями, которые скорее объясняются неполнотой китайского выговора, так, напр[имер], все глагольные оконча-

 $^{^{334}}$ В слове *гисунь* читается *гизунь*. Мы встречаем даже букву *з*, которой вместе с \mathcal{H} собственно не полагается в маньж[урском] языке. *Примеч. В. П. Васильева*.

ния на мби произносятся как ми; неуменье выговаривать битхэ, бэтхэ, ашшамби, таймпа делало из них битэхэ, бэтхэ, ашашами, таймпа. В одних словах выпускают й и даже некоторые слоги, напр[имер], вместо айбидэ чит[ают] абидэ, вм[есто] айньчи — аньци, урулдэмби — вурдэми, бурулаха — бурлаха, а в других, напротив, вставляют й и н, напр. Эбихэ, эфимби, сувайань, сайнь читают эйбихэ, эйфиби, суаньянь, яньли, саньань и при этом исковеркивают (так в тексте) некоторые буквы, напр[имер], боніо читают ноню, амсунь — амуцзунь, туги — туси, офоро — оворо.

Что касается до ударения, то в этом случае, кажется, еще менее единства между изучающими маньчжурский язык: в самом [с. 7] Пекине одни говорят ∂ эргi, а другие ∂ э́ргi. Солоны и монголы, знающие маньчжурский язык, также делают ударение по-своему.

Вот общие правила произношения.

Слова многосложные имеют обыкновенно ударение на 3-м с конца слоге: фэргувэ́чукэ или форго́чукэ, эньдури́нкгэ, а́лимби, ба́ньчжимби, ту́вамби, гэ́нэмби.

Слова двусложные имеют ударение на первом или начальном слоге: бира, далинь, мукэ, урсэ, эчжэнь, саргань.

Таким образом, случаи, когда ударение бывает на последнем слоге, представляются уже будто исключеньем, и они относятся главным образом к двусложным словам:

- 1) когда они имеют в последнем слоге n или m и оканчиваются гласной или \ddot{u} : $ran\dot{a}$, $am\dot{a}$, $\delta an\dot{a}\ddot{u}$, $ym\dot{a}\ddot{u}$, $an\dot{o}\ddot{u}$ (напротив, $\dot{a}nuhb$ имеет ударение на первом слоге).
- 2) слова, имеющие на конце в предпоследнем слоге согласную л, м, б: албань, амбань, абка.
- 3) местоимения: эрэ́, тэрэ́ и большая часть предлогов из двух складов: чжали́нь, эмги́, бару́, тумэ́, хэту́, тулгіе́нь.
- 4) вспомогательные глаголы *омби* и *сэмби* во всех временах, где они двусложны: oxó, cэxi, cэpi, ou(u)u, cəu(u)u. Но ounder bu имеют ударение на первом.
- 5) в вопросах, оканчивающихся на o и ўнь, ударение переходит на эти окончания; если же o не сливается с предыдущей гласной, то ударение переносится на эту гласную: я́буха ябухао́ (уу), до́ньчжиха до́ньчжихакунь, бухэ бухэкунь.

При этом слова многосложные имеют два ударения, одно остается на коренном, прежнем месте, а другое на конце: *токтобухакунь*. Это двойное ударение остается и на словах, оканчивающихся *нкгэ*, когда в них не более трех слогов: *баньчжибуханкгэ*, *токтобуханкгэ*.

6) все повелительные (хотя бы и отрицательные с умэ, т. е. будущие) и желательные формы глаголов, также глагольные окончания на хай, хэй, кай и ху (сомненье): ябумби: ябу, ябурэ умэ ябурэ́, ябуха́й, ябураху́.

Спбрг [Санкт-Петербург] 7 февраля 1866 г. Профессор В[асилий] Васильев

Словарь содержит 5849 гнездовых слов, расположенных по порядку русского алфавита. Однако не все маньчжурские звуки однозначно передавались русскими буквами, поэтому внутри словаря В. П. Васильев дает разъяснения:

На с. 41: дж см. чж, дз см. цз

Европейцы и за ними русские приняли среднеазиатскую букву uж писать чрез dж. Но нам кажется, это противоречит самому словопроизводству. В китайском языке, напр[имер], слово uжу, uжуань, uжан и пр[очие] образовались из u0у, u0 уань, u1 и пр[очих]. Татарское произношение u0 жань u1 жингис произошло от монгольских слов u1 уго но на u2 произошло от монгольских слов u3 ингис; так точно самоназвание маньчжуров u4 происходит от китайских слов u6 маньчжу; маньчжурское u6 маньчжур происходит от китайских слов u7 маньчжур поставили после u8 и в середине слова только немногим по форме отличили от u6. Что касается до u3 или u3, то в письме это также u6, когда оно стоит перед гласной u6.

На с. 41 *е* см. э и

В маньчжурском языке нет собственно русской буквы e, потому что вместо нее слышится \mathfrak{g} ; другая смягченная e всегда пишется $\check{u}e$ и $i\check{u}e$ и потому равняется русской b.

 \mathcal{K} — Буква \mathcal{K} встречается только в словах иностранных и, разумеется, более всего китайского происхождения.

На с. 45 в разделе буквы \check{Mo} (\ddot{E}) Васильев дает слова только на \check{uo} , объясняя это следующим образом:

 \check{H} есть согласная; в середине ей всегда должна предшествовать гласная. После же неё, как в начале, так и в середине, всегда стоит только гласная, которую она смягчает, т. е. $\check{u}a$ читается как s, $\check{u}e$ — как e, $\check{u}y$ — как ιo и, наконец,

На с. 75 В. П. Васильев пишет:

P. — В маньчжурском языке нет ни одного слова, начинающегося с p.

Этот словарь был первым изданным в России словарем маньчжурского языка и в течение многих лет, вплоть до издания учеником В. П. Васильева И. И. Захаровым знаменитого «Полного маньчжурско-русского словаря», был единственным справочным пособием по этому языку. В предисловии к своему словарю И. И. Захаров дает характеристику тех словарей и источников, которые легли в основу его труда. Среди них он называет и словарь В. П. Васильева, давая ему следующую характеристику: «Несмотря на заявление автора, что "лексикон его не имеет претензий ни на полноту, ни на тщательную отделку, ни на определенность значений", однако ж он, при всей краткости, отличается большею определенностью значений, чем словарь Амио, почему в иных случаях я и воспользовался заметками ученого профессора при составлении своего словаря» 335.

В. П. Васильев оставался единственным преподавателем китайского и маньчжурского языков на всех четырех курсах китайско-маньчжурского разряда в течение 12 лет. После него на Восточном факультете Санкт-Петербургского университета маньчжурский язык преподавали Иван Ильич Захаров (1814—1885) и Алексей Осипович Ивановский (1863—1900), активно использовавшие учебные пособия своего учителя. Фактически ученики В. П. Васильева были последними преподавателями на Восточном факультете, дававшими маньчжурский язык на регулярной основе.

Лингвистические заметки, сделанные В. П. Васильевым в предисловии к словарю и внутри самого словаря, были использованы ученым в совместной работе с В. В. Радловым и К. Г. Залеманом при подготовке к изданию «Общелингвистической азбуки, составленной на основании русских букв» — основной азбуки для фонетической транскрипции текстов инородческих языков, существующих в Российской империи. Об этой работе они подали записку в Историко-филологическое отделение Императорской Академии наук, и она была рассмотрена 21 апреля 1887 г. В выписке из протокола (§ 59) сказано: «Отделение, одобряя общую мысль о необходимости такой азбуки, положило означенную записку напечатать в числе 100 экземпляров, которые передать в распоряжение названных Академиков, которым и предоставить разослать их от себя разным известным ученым с просьбой о сообщении их отзывов о предлагаемой азбуке» ³³⁶. На с. 73–75 помещена составленная В. П. Васильевым «Маньчжурская азбука» с транслитерацией двух текстов. При этом автор напоминает читателю, что письменный язык отличается от разговорного,

 $^{^{335}}$ Захаров И. И. Полный маньчжурско-русский словарь. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1875. С. XXIV–XXV.

³³⁶ *Радлов В. В., Васильев В. П., Залеман К. Г.* Общелингвистическая азбука, составленная на основании русских букв. В Историко-филологическое отделение. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1888. С. 12 (отд. оттиск).

и дает примеры транскрипции произнесения некоторых слов. Более того, он дает разъяснение для произнесения сибинского диалекта маньчжурского языка и называет этот раздел азбуки «Транскрипция по выговору Шибинцев», указывая на особенности фонетики.

Следует отметить, что транскрипция, предложенная В. П. Васильевым для маньчжурских текстов, довольно долго использовалась в российской/советской научной литературе. Она отражена в работах М. П. Волковой и составленных ею каталогах маньчжурских рукописей и ксилографов ³³⁷. Однако неудобство транскрипции В. П. Васильева состоит в наличии большого количества диакритических знаков, и позднее российские авторы перешли на транскрипцию, предложенную в словаре И. И. Захарова. Она значительно проще для набора текста русскими буквами.

Занятия В. П. Васильева лингвистикой отразились на изучении им китайского языка, который для него был приоритетным в преподавании. Знание маньчжурского, монгольского, китайского, тибетского, турецкого языков и их диалектов ученый широко использовал в своих наблюдениях по сравнительному языкознанию. Среди изданных статей, относящихся к проблемам китайского языка, имеется довольно объемная лингвистическая статья «Об отношении китайского языка к среднеазиатским», изданная В. П. Васильевым в «Журнале Министерства Народного Просвещения» в 1873 г. ³³⁸ Статья была издана после выхода книги И. П. Минаева «Очерк фонетики и морфологии языка Пали» (СПб., 1872) и ему посвящена («Посвящается моему молодому другу И. П. Минаеву»). Вполне вероятно, что статья В. П. Васильева была написана под влиянием работы И. П. Минаева, в которой содержится сравнительно-исторический анализ языка пали и большое культурологическое введение о влиянии санскрита и буддизма на язык и культуру Индии и на индийские языки

Посвятив всю свою жизнь Китаю, В. П. Васильев считал обязательным всестороннее изучение китайского языка:

...Почему, изучая язык и литературу народов незначительных, мы оставляем в стороне язык самый замечательный в мире как по своему неисчерпаемому богатству, по тем драгоценным для филолога памятникам, которых напрасно будем отыскивать во всех других известных языках, так и по живописи, говорящей в одно время и понятию и глазу! Литература, тянущаяся непрерывной нитью целые тысячелетия, богатая всеми произведениями человеческого гения, ужели не представляет кроме специальных материалов ничего, на чем бы ум мог вывести новые законы для жизни человечества, вознестись к неизвестным доселе идеям! ³³⁹

Не считая себя профессиональным лингвистом, В. П. Васильев в начале своей статьи «Об отношении китайского языка к среднеазиатским» пишет:

 $^{^{337}}$ Волкова М. П. Описание маньчжурских рукописей Института народов Азии и Африки АН СССР. М.: Наука; Восточная литература, 1965; Волкова М. П. Описание маньчжурских ксилографов Института востоковедения АН СССР. Вып. 1. М.: Наука, Восточная литература, 1988.

 $^{^{338}}$ Васильев В. П. Об отношении китайского языка к среднеазиатским. С. 82–124. 339 Цит. по: Горбачева З. И., Петров Н. А., Смыкалов Г. Ф., Панкратов Б. И. Русский китаевед академик Василий Павлович Васильев. С. 125.

Китайский язык и его литература требуют такого разнообразного труда, что одному человеку нельзя во всем равно успеть, а между тем чем больше изучаешь, тем более выступают все новые и новые вопросы, которые имеют притягательную силу и которых хотелось бы коснуться. От этого-то я и не мог посвятить себя филологии всецело; потому что мне надо было быть и историком; я не историк, потому что мне нужно было быть и географом; я не географ, потому что мне надо знать литературу; я не богослов, потому что должен быть и антикварием... Известно, что я коснулся в моей ученой деятельности всех этих предметов (т. е. проблем китаистики. — $T.\ \Pi$.), и потому от меня нельзя требовать окончательной обработки ни одной части. Но я не думаю себя винить; всякий занимается тем, к чему способен, и я гораздо более считаю для себя и для настоящего времени почетным — внести в науку одну или две свежие идеи, которые расшевелили бы ее, чем дарить тяжеловесным специальным трудом, который в свое время при развитии науки окажется все-таки ученою игрушкой 340 .

В данном случае под «свежей идеей» В. П. Васильев понимает его обращение к анализу языка и языковых форм. Призыв В. П. Васильева к специальному изучению китайского языка был отчасти адресован европейским лингвистам того времени, которые полагали, что китайский язык не имеет никакой связи с другими языками, что он живет «какой-то особенной, не подходящей под общие законы человеческой речи жизнью» ³⁴¹. Ученый категорически не соглашался с мнением Вильгельма Гумбольдта и его последователей о том, что в китайском языке нет грамматики и что этот «язык не принадлежитде к области других языков и что о нем не стоит говорить» ³⁴². Сравнительное языкознание в Европе первой половины XIX в. было занято поиском лингвистического родства, возводя все европейские языки к классическим языкам и санскриту.

Важность анализа китайского языка в диахронии и его влияния на другие языки В. П. Васильев объясняет длительным историческим развитием языка:

Если на моносиллабические языки смотреть хоть не как на остатки древнейшего человеческого слова, а как на памятники, по которым можно возвыситься до суждения об этом слове, следовательно, как на краеугольный камень филологии, то мы находим, что осмысленного изучения моносиллабических языков никто еще и не начинал. Никто не станет отрицать, что китайский язык в среде этих моносиллабических языков представляет материалы самые древние; между тем филология его обходит и исключает из своей среды; а что сделали до сих пор специалисты синологии? Догадались ли они разобрать древние книги и указать в них варианты различных наречий, давшие оттенки древней письменности? Разработали ли они существующие поныне китайские наречия? Обратили ли внимание на скрывающиеся в одном и том же слове различные корни? <...> Кто подумал о сравнении корней китайского языка с санскритским? А между тем, может быть, как я предполагаю (насколько мне известен санскритский), эти корни общие; по той же методе, по которой я в этой статье разбираю отношение китайского языка к среднеазиатским, можно отыскать объяснение флексий, суффиксов, префиксов и даже синтаксических уклонений, по крайней мере, в арийских языках

 $^{^{340}}$ Васильев В. П. Об отношении китайского языка к среднеазиатским... С. 84.

³⁴¹ Там же. С. 85.

³⁴² Там же. С. 103.

³⁴³ Там же. С. 83.

Если в Европе все европейские языки возводили к санскриту, то в своей статье В. П. Васильев не только делает попытку дать анализ фонетических диалектных изменений в китайском языке, но, более того, задается целью доказать, что китайский язык явился праязыком для «среднеазиатских языков»

Под «среднеазиатскими языками» автор имеет в виду маньчжурский, монгольский, татарский, турецкий, тибетский, то есть языки народов, населяющих «сплошною массой от Восточного океана до Средиземного моря, заходящее в Сибирь и в Европу, с одной стороны, и проникшее в Китай — с другой» ³⁴⁴. Как мы видим, В. П. Васильев здесь объединил две языковые семьи — алтайскую и тибето-бирманскую, к которой относится китайский язык.

Ставя своей задачей показать влияние китайского языка на языки соседних северных регионов, В. П. Васильев увлекался поиском китайских корней и этимологии слов в языках алтайской группы (маньчжурском, монгольском, татарском и турецком), зачастую говоря о ней там, где ее нет, судя лишь по наличию созвучного слога или даже звука в корнях слов из этих языков. В. П. Васильев берет за основу для поиска родства этих языков то, что китайский язык является слоговым языком, в терминах языкознания XIX в. — корневым, моносиллабическим, когда слог-корень обозначает слово, понятие. С точки зрения В. П. Васильева, китайский корень заимствуется другим языком и к нему прибавляются приставки или суффиксы, например, для маньчжурского языка автор предлагает следующие варианты заимствования:

1. Мы находим в маньчжурском языке китайские слова с наращением впереди гласных: ахунь от хюнь или сюнь старший брат, алинь от линь гора (тиб. ла, монг. агула чит. ула), али-мби брать, кит. лин (тиб. лэнь, тат. ал-мак). <...>
2. Перед этими гласными являются в свою очередь нарастания из согласных г, х, б и проч.: гожинь кит. жэнь любовь, гунинь кит. нянь мысль, хуцинь кит. цзинь колодец. <...> 3. Иногда и после гласных с наращением или без наращения впереди согласных вставляются еще й или согласные р, л: айсинь — цзинь золото (из в маньчж. постоянно переходит в с), элхэ кит. хэ спокойный <...> 345

Говоря о показателях падежей в маньчжурском языке, которые В. П. Васильев называет «приставками», автор выводит их значение из китайских глаголов. Например, на с. 95 он пишет:

Приставки дательного падежа: в тибет. ∂y , в монг. ∂yp , ∂op , ∂a , ∂a , в маньчж. ∂a , конечно, родственны между собой; в китайском они обыкновенно выражаются глаголом ∂a или ∂a (тат. ∂a), которые значат давать. Но в этом же смысле может употребляться и глагол ∂a противоположный, соответствовать, еще ближе глагол ∂a получить (в тибет. ∂a давать).

Подобные этимологии автор предлагает для всех частей речи, грамматических показателей, беря за основу слова маньчжурского языка.

В результате В. П. Васильев приходит к выводу, «что односложный китайский корень превращается в маньчжурском языке, не прибегая еще к грамматическим вставкам и приставкам, в двух- или трехслоговые слова. Спрашивается — отчего происходит такое превращение? На первый взгляд, ответ, кажется, готов: того требует дух заимствующего языка; так, в новейшее время, когда маньчжуры переводили на свой язык китайские книги и встреча-

³⁴⁵ Там же. С. 87–88.

 $^{^{344}}$ Васильев В. П. Об отношении китайского языка к среднеазиатским... С. 82

ли в них слова, не существующие в своем, то давали китайскому произношению только маньчжурскую форму, то есть или изменяли несколько букв, или переделывали начало или конец, или то и другое вместе. Об этом процессе можно сказать, что он производился по духу маньчжурского языка. Но если мы зададимся убеждением, что все маньчжурские слова происходят от китайских корней, то что же мы должны будем назвать духом маньчжурского языка? Ведь тогда мы, всего естественнее, должны сказать, что китайский язык имел или имеет способность к превращениям, сообразно с местностью, с природой, влияющею на организм человека. На своей родине он сдерживается в сжатой, моносиллабической форме своею особенною письменностью; забывши ее или освободившись от нее, на чужбине он, как и другие языки, получает способность разрастаться, — но не теряет при этом своего богатства, своей гибкости» ³⁴⁶. В результате В. П. Васильев заявляет: «Маньчжурский язык кажется мне не иначе как чахлым выродком китайского» ³⁴⁷.

Влияние китайской цивилизации на Центральную Азию и Дальний Восток дало основание В. П. Васильеву рассуждать о китайском языке как праязыке всего этого региона. Этим ученый хотел доказать первичность китайского языка по отношению к «среднеазиатским» языкам, ошибочно называя его «первообразным» языком, на котором «мог говорить человек на первых порах развития человеческой речи» ³⁴⁸.

Статья В. П. Васильева «Об отношениях китайского языка к среднеазиатским» не была однозначно оценена востоковедами. В 1918 г. В. В. Бартольд писал:

Отношение среднеазиатских языков к китайскому не могло быть вполне ясно Василию Павловичу вследствие отсутствия лингвистической методологии; уже им было начато то сопоставление китайских корней с индоевропейскими, которое потом довел до крайности его ученик С. М. Георгиевский ³⁴⁹ . Кроме того, Василий Павлович, как его сверстник, тюрколог И. Н. Березин ³⁵⁰, оставался на почве "Recherches sur les langues tartares" Абель-Ремюзы (1820) и продолжал объяснять из китайского языка турецкие окончания. Наконец, он предполагал непосредственное участие китайцев, будто бы в большом количестве переселявшихся в степь, в движениях кочевых народов. При таких условиях естественно, что влияние Китая на жизнь среднеазийцев в трудах Василия Павловича несколько преувеличивалось ³⁵¹.

Тем не менее следует сказать, что работа В. П. Васильева является первой попыткой сравнительно-исторического анализа китайского языка и может быть интересна как отражение раннего этапа развития алтаистики.

 $^{^{346}}$ Васильев В. П. Об отношении китайского языка к среднеазиатским... С. 93.

³⁴⁷ Там же. С. 99.

зав *Васильев В. П.* Об отношении китайского языка к среднеазиатским... С. 103.

³⁴⁹ Георгиевский Сергей Михайлович (1851–1893) — синолог, экстраординарный профессор С.-Петербургского университета по кафедре китайской словесности.

³⁵⁰ Березин Илья Николаевич (1818–1896) — российский востоковед (тюрколог, иранист, монголист), заслуженный профессор Петербургского университета кафедры турецко-татарской словесности, тайный советник.

³⁵¹ *Бартольд В. В.* Исторические и географические труды В. П. Васильева // Столетие дня рождения академика Василия Павловича Васильева. Известия Российской Академии Наук. Петроград: Рос. Акад. наук, 1918. С. 554.

§ 5. В. П. Васильев как тибетолог *

В. П. Васильев начал интенсивно заниматься буддизмом уже во время учебы в Казанском университете. Сохранились рукописи его кандидатской диссертации «Дух буддийского сочинения под заглавием "Хутукту декдегу алтан герельту судур-ногодун эркету чаган"» (Казань. 1839. 65 с.) и магистерской — «Об основаниях буддийской философии» (Казань. 1839. 86 с.).

Как позже писал сам Васильев, он изучал тибетский язык по рекомендации О. М. Ковалевского, который не владел им, но видел большую необходимость в знании этого языка для понимания монгольского буддизма. Учителем Васильева был лама Галсан Никитуев, преподававший в университете монгольский язык.

Интерес представляет инструкция, подготовленная для Васильева университетом, когда было принято решение, что он должен ехать в Пекин на десять лет в качестве члена Российской духовной миссии. Согласно инструкции, он должен был «выучить тибетский язык и его диалекты», изучить санскрит, китайский и маньчжурский языки и улучшить свое знание монгольского языка. Ему было поручено изучать литературу, историю, географию и статистику, религию, науку и искусство, торговлю и промышленность в Китае, Тибете, Маньчжурии и Монголии «как в настоящем, так и в прошлом» ³⁵².

Кроме того, Васильев получил указание от Академии наук приобретать книги. Он успешно изучал китайский и маньчжурский, о чем свидетельствуют рукописи составленного им словаря. Особое внимание он уделял буддизму и тибетскому языку, как того требовал университет. По возвращении из Пекина он представил руководству Казанского университета серию работ: «Основы тибетской грамматики», «Тибетская хрестоматия», «Перевод тибетского терминологического словаря» (а именно «Махавьютпатти»), перевод «Истории буддизма в Индии» (из Таранаты), «История буддизма в Тибете, Китае и Монголии», «География Тибета» (перевод с тибетского sMin-grol Qutuytu), перевод «Да Тан си ю цзи 大唐西域記» («Путешествие монаха Сюаньцзана 玄 奘 в Индию»), переводы из китайских источников о киданях, чжурчжэнях, монголо-татарах и сообщений о Нингуте «Нингута цзилюэ» 寧古塔紀略 (напечатано около 1721 г.) сына У Чжэньчэня 吳振臣 (р. 1661), изгнанного поэта У Чжаоцяня 吳兆騫 (1731–1684), «Исторические карты Китая», «Буддийская литература» (перевод с китайского).

Несмотря на успешный результат пребывания в Пекине и выполненное указание по изучению тибетского языка и буддизма, Васильев не получил соответствующей должности. Конечно, ему не хватало хорошего знания санскрита, поскольку Пекин — не совсем подходящее место для его изучения. Васильеву пришлось ждать появления вакансии. Так Васильев сменил китаеведа, маньчжуриста и врача Осипа Войцеховского, умершего в 1851 г. На практике это в первую очередь означало для него необходимость создания учебных материалов для преподавания китайского и маньчжурского языков. И деятельность Васильева в этом отношении была образцовой. Однако его

^{* ©} X. Валравенс.

 $^{^{352}}$ Карл Фойет. Обозрение хода и успехов преподавания азиатских языков в Императорском Казанском университете за десятилетие с 1842 г. по 1852 г. // Учен. зап. КГУ. Казань, 1852. С. 50–56; Walravens H. Vasilij Pavlovič Vasil'ev (1818–1900). Zu Leben und Werk des russischen Sinologen. Oriens Extremus. 48. 2010. S. 199–249.

тибетологические и буддологические подготовительные работы и интересы отошли на второй план.

Внимание к новым ресурсам обучения в Казани было обеспечено при практической поддержке Антона Шифнера (1817–1879). Именно он перевел на немецкий язык статью В. П. Васильева «О некоторых книгах, относящихся к истории буддизма, в библиотеке Казанского университета, профессора В. Васильева», которая была издана в «Ученых записках Академии наук» по 1-му и 3-му отделениям. Т. З. 1. 1855. С. 1–33 353.

Упомянутая поддержка была важна: в то время в России не было никого, кроме Шифнера, кто знал бы тибетский настолько, чтобы оценить соответствующие работы. Библиофил и печатник Павел Львович Шиллинг фон Канштадт умер в 1837 г., Исаак Якоб Шмидт, основатель монголоведения и «крестный отец» тибетологии, — в 1847 г. Доступ в европейский научный мир открывали грамотные французские или немецкие переводы, и Шифнер играл здесь двойную роль — как эксперт по тибетскому языку в Академии наук и как знаток западноевропейских языков с общеевропейскими связями.

Следующая работа, «Записка о восточных книгах в С.-Петербургском университете», опубликованная в «Русском вестнике» (1857. 11. С. 305—343) ³⁵⁴ и тематически примыкающая к упомянутой статье, была опубликована в академическом журнале в Санкт-Петербурге, поскольку казанская коллекция книг была передана туда вместе с востоковедением в 1855 г. Она также обязана своим появлением Шифнеру, хотя он и не переводил ее.

В ней Васильев пишет:

Не говоря уже о книгах на китайском языке, достаточно напомнить вам, что в подарок от китайского правительства библиотека нашей миссии получила превосходный экземпляр Ганджура и Данджура (Кангьюра и Тенгьюра) на тибетском языке, изданный в Пекине. Во всей остальной Европе нет ни одного тома этого издания. Ганджур уже прибыл в Азиатский департамент, а Данджур все еще находится в Пекине, но только из-за трудностей транспортировки. Это великолепное издание состоит из 350 томов (весом около 20 фунтов каждый), напечатанных красным цветом на склеенных листах белой бумаги; каждый том находится между двумя богато декорированными пластинами и обернут желтой тканью.

Далее В. П. замечает:

Поскольку я интересуюсь тибетским языком, я с самого прибытия в Пекин искал копию «Ганджура» и «Данджура», копии которых часто привозят в столицу Китая тибетские купцы для продажи монголам, но их бумаги и напечатанные символы настолько плохи, что их трудно читать. Между тем я слышал, что эти работы можно получить в имперской типографии, которая намного лучше обычной; Я даже видел дощечки этого хорошего издания, которые находятся в огромном здании в саду к северу от Запретного города. Для этого необходимо обратиться к Ли-фань Юаню с просьбой, и глава нашей миссии никоим образом не отказывался поддержать его в этом вопросе; но оказалось, что Ганджур и Данджур давно не печатаются, так что доски повреждены, а многие испорчены.

³⁵³ Die auf den Buddhismus bezüglichen Werke der Universitäts-Bibliothek zu Kasan. Von Prof. Wassiljew. (Lu le 27 janvier 1854.) *Bull. hist.-phil.* 11. 1854: 18–19. S. 337–365. *Mélanges asiatiques*. 2. 1856. P. 347–386.

³⁵⁴ Немецкая версия статьи: "Vasil'ev und die ostasiatische Büchersammlung der Petersburger Universität", опубликована в "Monumenta Serica" (59. 2011. 99–141).

Между тем китайское правительство было достаточно любезно для нашей миссии, чтобы взять копию каждого из этих произведений из библиотеки Хутукту в Пекине, чтобы предложить нам.

Действительно, тибетская Трипитака тогда привлекла внимание ученых. Альберт Грюнведель и Бертольд Лауфер провели некоторое время в Санкт-Петербурге, чтобы использовать эту работу.

В этой статье есть и такие строчки:

...За последние двадцать лет, похоже, не было никаких значительных приобретений [от Академии наук], за исключением небольшого количества работ на тибетском языке, которые были получены [от Васильева] в 1850 году. Каталог последних уже издан господином Шифнером, и нам кажется, что, несмотря на небольшой размер этой коллекции, она представляет не меньший интерес, чем все, что содержит каталог, опубликованный господами Шмидтом и Бётлингком 355.

Еще одна выдержка из этой статьи:

Автор этих строк [Васильев] специально изучал тибетский язык и использовал любую возможность для приобретения тибетских произведений; у него были связи с наиболее выдающимися фигурами ламаистской иерархии в Пекине, и он никогда не упускал возможности познакомиться со всеми торговцами, которые приезжали в этот город из Тибета, чтобы давать им заказы, и, наконец, имел удовольствие получить большое количество книг, напечатанных в Лхасе и окрестностях.

В 1840 году меня отправили в Китай на такое же количество лет. Университет дальновидно не забыл предоставить мне достаточно средств. Мне выдали 700 р. в год на расходы. Мне разрешили использовать половину суммы на оплату учителей, а остальную часть — на покупку книг. Поскольку азиатский отдел полностью покрыл мои расходы, я смог сэкономить вверенные мне средства и приобрести книг почти на 5000 р., как видите, весьма значительная сумма. В то же время я смею надеяться, что, хотя это и зависело от меня, использовал ее наилучшим образом и что наша библиотека, богатая и хорошо укомплектованная, стоит намного меньше, чем библиотека Академии наук и Азиатского департамента.

При поддержке Шифнера Васильеву также удалось опубликовать в 1857 г. первую значительную работу по буддизму: «Буддизм, его догматы, история и литература. Часть первая. Общее обозрение. Сочинение В. Васильева, профессора китайского языка при Императорском Санкт-Петербургском университете» (Санкт-Петербург: Изд. 1857. Х. 356 с. — В типографии Императорской Академии наук. Печатано по распоряжению Императорской Академии наук. Санкт-Петербург, 23-го апреля 1857 г. Непременный секретарь Миддендорф. Предисловие Васильева включает стр. [III]—Х). На эту работу имеются рецензии И. Н. Березина, напечатанные в «Отечественных записках» (1857. № 8. С. 104—121) и в «Записках Министерства народного просвещения» (1857. № 5. С. 1—16); а также рецензия Н. А. Добролюбова в журнале «Современник» (1858. Отд. II. С. 1—64) и статья последнего «Васильев о буддизме»,

³⁵⁵ Verzeichniss der tibetischen Handschriften und Holzdrucke im Asiatischen Museum der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. Verfaßt von I. J. Schmidt und O. Boehtlingk. *Bulletin de la classe des sciences historiques*. 4. 1848. 81–125.

изданная в журнале «Архив научных исследований России» (1860. С. 366–386; 1862. С. 1–17, 272–287).

Чтение предисловия этой работы В. П. Васильева дает важную информацию. В самом начале он указывает на важный момент — свое знание обоих языков, китайского и тибетского, «которыми западные ученые не могут похвастаться до сих пор» ³⁵⁶. Этот момент также подчеркнул И. И. Березин в своей рецензии на книгу. Он пишет, что в отношении знания буддизма «Васильеву нет конкурентов в Европе, поскольку ни один востоковед не владеет одновременно китайским и тибетским». Однако тем временем Станислас Жюльен серьезно занялся этой проблемой и, осознав, что знание санскрита еще важнее, выучил этот язык. Незнание Васильевым санскрита оказалось серьезным препятствием для его буддологических исследований.

На той же странице Васильев перечисляет свои пекинские подготовительные работы по буддизму.

Это [рукописные] работы: 1) буддийские догмы, представленные в пояснении к терминологическому словарю Махавьютпатти [эта работа задумывалась как второй том произведения]; 2) обзор буддийской литературы 357 ; 3) История буддизма в Индии, переведенная из тибетских трудов Таранаты; 4) История буддизма в Тибете 358 ; 5) и, наконец, путешествие Сюаньцзана 玄奘, перевод с китайского 359 .

Здесь же (на с. V) В. П. Васильев замечает:

Возможно, вы заметите, что моя книга в некотором роде красуется отсутствием каких-либо ссылок на трактаты и труды по буддизму, изданные в Европе. Фактически российские, французские, английские и немецкие ученые уже много написали по этому поводу; я тоже прочитал большинство их работ в свое время, но не познал буддизм через них.

Следует добавить, что Пекин вряд ли был местом, где в то время была под рукой европейская научная и критическая литература. В лучшем случае после своего возвращения Васильев мог иметь возможность во время редакционной проработки предоставить информацию или раскрыть ошибки, допущенные другими исследователями. Однако, как он пишет ниже, из-за нехват-

³⁵⁶ Васильев. Буддизм, его догматы... С. IV.

³⁵⁷ В рукописном наследии Васильева это «Обзор буддийской литературы по школам: 1) Хинаяна. 60 с. 3 тетради. 2) Йогачара. 27 с. 1 тетрадь. 3) Мадхьямика. 24 с. 1 тетрадь. 4) Виная. 87 с. 3 тетради. 5) Бавя. 23 с. 1 тетрадь. Пекин. 1840–1850 гг. 221 с.

358 Этот раздел рукописи представляет собой отрывок из сочинений Сумбы Ху-

³⁵⁸ Этот раздел рукописи представляет собой отрывок из сочинений Сумбы Хутухту (Sum-ра mkhan-ро Ye-śes dpal-'byor, 1704–1788): История буддизма в Тибете (вероятно, 'Phags-yul-rgya-nag chen-po bod-dań sog-yul-du dam-pa'i chos-byuń tshul-dpag bsam-ljon-bza. 1748). 122 с. Кроме этого автографа есть два неполных списка: 1.41 с. и 2.71 с. На первом рукой Васильева написан вышеуказанный заголовок, на втором сделанная им надпись: «Мы вряд ли сможем воспроизвести другие источники, которые у нас есть по истории буддизма в Тибете. Прежде всего, я, по крайней мере, уже издаю текст более позднего автора, который был скопирован для меня в сокращенной форме».

³⁵⁹ В архивном наследии Васильева имеется также: Описание «Си ю цзи 西域記», Описание стран Запада (Путешествие на Запад). Пекин, 1845. XXXIV. 603 с. 12 тетралей.

ки времени он отдал рукопись в печать в том виде, в каком привез ее из Пекина.

К этому имеют отношение слова Ивана Минаева (1840–1889), индолога, ученика Альбрехта Вебера, который высказался в отношении книги Васильева «Религии Востока» так:

Автор, рассчитывая на читательскую аудиторию неспециалистов, тщательно удалил все цитаты и весь научный аппарат. Насколько книга потеряла при этом, и особенно в тех частях, где сообщаются новые факты, а именно из источников, которые на данный момент доступны автору, догадаться несложно. Эти факты теряют половину своей ценности, тем более что они стоят рядом с давно известным и к тому же в несколько искаженном виде ³⁶⁰.

На странице VII Васильев продолжал:

К тому же мы понимали, что честь передать публике первый перевод путешествия Сюаньцзана, хотя перевод уже был сделан в 1845 году русским востоковедом [=Васильевым], в 1856 году имел Стан. Жюльен ³⁶¹. Так обстояли дела, когда академик Шифнер сразу же после прочтения первой части моей работы, которую я представил ему, рекомендовал ее Академии наук для печати. Она решила не только украсить это издание своим именем, но и оплатить расходы на печать. Сейчас она представлена почти полностью в том виде, в каком я привез ее из Пекина, и в том виде, в каком она пролежала у меня в столе шесть лет; Все остальное осталось без изменений.

А далее, на странице IX:

Наши критики могут сделать еще один, более обоснованный упрек в неточности в материальной части публикации, в недостатках исправлений и тем более в неправильности языка и шероховатости стиля.

Скачков (или издатели его материала) оценивают книгу следующим образом:

Как и другие произведения Васильева, книга основана исключительно на первоисточниках, написана в непринужденной манере и легко читается, несмотря на некоторую небрежность в стиле. В ходе подготовки Васильев прочитал тысячи страниц тибетских, китайских и монгольских трудов по буддизму и, опираясь только на первоисточники, дал самостоятельные, оригинальные суждения о философско-религиозных учениях буддизма.

Успех Васильева, несомненно, значителен; однако судить о том, «легко ли ее читать», предстояло российским читателям. «Судебный вестник» (см. ниже) не смог удержаться от язвительного замечания, что непонятно, написана ли книга на русском языке... В упомянутой рецензии Березин призывал к

³⁶⁰ ЖМНП. 1874. № 3. С. 129.

³⁶¹ Cm.: *Mémoires sur les contrées occidentales*. Traduits du sanscrit en chinois, en l'an 648, par Hiouen-Thsang, et du chinois en français par M. Stanislas Julien, membre de l'Institut, professeur de langue et de littérature chinoise, administrateur du Collège impériale de France, officier de la légion d'honneur et des ordres de l'aigle rouge et du saveur chevalier de l'ordre de Saint Stanislas, 2e classe, et de l'ordre des SS. Maurice et Lazare, etc. etc. Tome 1–2. Paris: L'imprimerie impériale, 1857–1858. LXXVIII. 493; XIX. 576 S. (Voyages des pélerins bouddhistes 2–3.)

тому, чтобы «определенно признавать эту работу как важное достижение в научной литературе не только в России, но и в Европе» 362 . В то же время он отметил некоторые неточности, например, некритический подход к оценке источников и ряд противоречивых тезисов.

Как писали Шифнер и Васильев, изначально планировался перевод на французский; однако представленная версия была сочтена неадекватной, поэтому был сделан перевод на немецкий, который, как позднее заметил Васильев, был выполнен коллегой Шифнера, профессором из Геттингена Теодором Бенфеем ³⁶³, самым добросовестным образом, однако не без ошибок. Когда несколько лет спустя вновь появилась возможность для перевода на французский язык, то прежняя версия была с радостью принята, причем переводчик заметил, что в своей работе он с удовольствием обращался к немецкой версии.

Из работы «Буддизм, его догматы, история и литература. Ч. 2: Терминологический словарь» 364 было напечатано лишь несколько листов без указания страниц, но вся работа не была опубликована.

Как видно из писем переводчика к П. С. Попову 365 , с 1886 г. в типографии находились некоторые страницы буддийского терминологического словаря (Махавьютпатти); но он не был завершен 366 .

В 1869 г. Васильеву удалось опубликовать как продолжение первой части его «Буддизма» перевод произведения Таранаты, подготовленный в Пекине, под названием «Часть 3: История буддизма в Индии». В предисловии и в комментариях он ссылался на работы Н. Я. Бичурина, П. И. Кафарова и некоторые европейские работы, но в основном на тибетские тексты.

Публикация Шифнером немецкого перевода Таранаты вызвала разногласия, которые резко оборвали доселе слаженное сотрудничество между двумя учеными.

В конце жизни Васильев, вернувшись к изучению буддизма, опубликовал несколько статей.

³⁶² Отечественные записки. Отдел критики и библиографии. 1857. № 8. С. 114.

³⁶³ Theodor Benfey (1809–1881), Indologe und Märchenforscher. Cm.: *Allgemeine Deutsche Biographie*. 46. 1902. 358–359 (A. Bezzenberger).

³⁶⁴ В архивном наследии Васильева имеется: «Буддийский терминологический словарь. Том 1–2. Пекин, 1843–1849 гг. 1205. 922 р. (Буддийские догмы, объясненные в аспекте объяснения в терминологическом словаре Махавьютпатти.)»

³⁶⁵ Павел Степанович Попов (1842–1913), переводчик российской дип-

³⁶⁵ Павел Степанович Попов (1842–1913), переводчик российской дипломатической миссии в Пекине, затем доцент Петербургского университета. О нем см.: История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года. С. 290–293; *Walravens H.* Pavel Stepanovič Popov (1842–1913) — ein wenig bekannter russischer Sinologe. *ZDMG*. 164/1, 2014. S. 235–244.

³⁶⁶ ОР ГБЛ. Ф. 218. Собр. рукописей, картон 763, № 1, письмо от 1886 г.: «Здесь лежит уже два месяца начатый мною "Буддийский терминологический словарь", потому что нет времени на третье исправление первых двух листов». «Я думаю о его буддологическом [лексиконе], он начал печатать его уже в прошлом году, так он написал в письме от 1888 года, но он не смог продвинуться дальше двух листов корректурных оттисков, это было ясно с самого начала работы, что энергия иссякла» (там же, № 2). Поэтому нам представляется, что цитируемый Ольденбургом в его эссе «Василий Павлович Васильев как исследователь буддизма» материал, согласно которому Васильев предлагал опубликовать терминологический словарь за две недели до своей смерти, следует рассматривать как ошибку.

Это: «Буддизм в полном развитии по винаям» в журнале «Восточные заметки» (СПб. 1895. С. 1–7) ³⁶⁷, несколько «Заметок о буддизме», выходивших в течение десяти лет в различных выпусках журнала ЗИАН и в одном журнале *Mélanges asiatiques*: І. ЗИАН 55.2.1887. С. 122–131; ІІ. ЗИАН 59.2.1889. С. 49–70; ІІІ. ЗИАН 62.1890. С. 25–37; ІV. ЗИАН V.10.1899. С. 337–354, 393–402; *Mélanges asiatiques* 11.1901. Р. 215–242. Были изданы также две статьи в «Русском энциклопедическом словаре Березина [Энциклопедический словарь Ильи Николаевича Березина (1818–1896)] (Санкт-Петербург, 1873–1879) — «Буддизм» (1874. С. 385–398) и «Далай-ламы в Тибете» ³⁶⁸.

К пребыванию Васильева в Пекине относятся также его работы по географии Тибета. Это: «Перевод из тибетского сочинения Минчжул-хутукты В. Васильева», который был доложен на заседании Историко-филологического отделения 2 мая 1889 г. в Санкт-Петербурге. Сам текст был скопирован Васильевым в Пекине и находился в библиотеке СПбГУ. На второй его странице имеется надпись «16 мая 1895 г. В. Васильев».

В западной тибетологии эта работа была впервые рассмотрена Турреллом Вайли 370 .

Имеются и другие работы Васильева о буддизме. Это: «Буддизм в Тибете» (издана в «Иллюстр. Газете». 1864. 9); «Религии востока: конфуцианство, буддизм и даосизм. Сочинение В. Васильева» (Санкт-Петербург: Типография В. С. Балашева, 1873. 183 с.); она же издана в ЖМНП. 1873. С. 239—310 (без библиографии и деления на главы, имеет многочисленные сноски) ³⁷¹.

Хороший обзор неопубликованных работ Васильева с оценочными комментариями дал М. И. Тубянский 372 . Ниже приводим перечень неизданных рукописей.

Юэцзан чжицзинь 閱藏知津 (печатное издание Канси 3) китайской Трипитаки (1654). Автор: Чжисю 智旭 (1599–1655); Перевод и краткий анализ каждого произведения. Пекин, 1840–1850. 740 с. (41 тетрадь).

Упражнения по буддийской догматике (рукопись без названия, содержит скопированный $A. O. Ивановским^{373}$ для печати систематизированный сбор-

368 Точное нахождение этой статьи не определено.

³⁶⁷ Через год Сильвеном Леви эта статья была переведена на французский язык под названием "Le bouddhisme dans son plein développement d'après les Vinayas" и опубликована в журнале "Revue de l'histoire des Religions" (34.1896. 318–325).

 $^{^{369}}$ X у т у к т у (ум. 1839) был помощником в консисториальном управлении монастырей лам в Пекине в 20-х и 30-х гг. В своем сочинении он упоминает Осипа, т. е. Юзефа Ковалевского.

³⁷⁰ См.: "The Geography of Tibet according to the Dzamgling-rgyas-bshad" [Лама по имени Бла-ма Бцан-по, также известный как sMin-grol No-mon-han. Предисловие Джузеппе Туччи]. Roma, 1962. XXXVIII. 287 s. (Serie Orientale 25). В работе имеется текст и английский перевод.

³⁷¹ На работу имеется рецензия И. Минаева. См.: ЖМНП. 1874. № 3. С. 127–148.

³⁷² См.: *М. И. Тубянский*. Предварительное сообщение о буддологическом рукописном наследии В. П. Васильева и В. В. Горского. Доклады АН СССР. Сер. V. 1927. С. 59–64.

³⁷³ А. О. Ивановский (1863–1903) был учеником и преемником Васильева на кафедре синологии. О нем см.: *Walravens H.* А. О. Ivanovskij — a biobibliographical sketch. Including a romanised reprint of the orally transmitted Manchu texts from the Ili area, collected by Wilhelm Radloff. Hamburg: 1983. 42 S. (Han-pao tung-Ya shu-chi mu-lu.4.)

ник сочинений, отобранных из буддийского терминологического словаря), 463 c.

Перевод с китайского и тибетского языков следующих философско-догматических буддийских трактатов:

- 1) По-лун (Шаташастра) Арьядевы и Васу (1188). 38 с.
- 2) Сокращение Абидарма (Абидармаваттара, 1291).
- 3) О материи (Панчавастувибхаса? 1823) Дармоттара. Декларация Васумитры. Перевод Сюаньцзанга (Hsüan-tsang). 46 с.
 - 4) Обзор Махаяны (?). 32 с.
 - 5) Критика Хинаяны (?). 10 с.
 - 6) Руководство по медитации. 64 с.
 - 7) О наблюдениях. 37 с.
 - 8) О происхождении чакравартинов. 24 с. (Всего 251 с.)

Все перечисленные работы не только не являются, как обычно, автографами Васильева, но и не исправлены им. Поэтому возможно, что переводы были сделаны другими авторами. Стиль, метод работы и степень завершенности этих переводов также сильно отличаются от всех других произведений Васильева, особенно пекинского времени. В конце концов, вполне возможно, что здесь у нас список позже скопированных и завершенных одним из его учеников рукописей его собственных работ, оригиналы которых были утеряны.

Среди рукописей В. П. Васильева также имеются:

Оглавление к буддийскому терминологическому словарю 翻譯名義集 *Fa*nvi mingviji ³⁷⁴. 4 c.

Подготовительные материалы к Истории буддизма в Индии Таранатхи (Târanâtha'i rgya-gar chos-'byun).

Дзигуи 寄 歸 (Виная?). Перевод. 158 с.

Материалы по биографии Цонкаба (по монгольским и тибетским источникам). 40 с.

О 18 сектах. Из произведения Васумитры (?). Перевод с тибетского. 12 с.

Материалы для обзора буддийской догматической литературы на основе тибетских и монгольских источников. 20 выпусков.

Отзыв по двум диссертациям на тему «О судьбе буддизма в границах Средней Азии и др.» 12 с.

О забайкальском ламаизме. 12 с.

О буддийском календаре. 8 с. Путешествие Соньюна 375 по Тибету. 7 с.

Падма Готанг, известный тибетский заклинатель. 6 с.

Различные обширные материалы к опубликованным работам по буддизму, а также фрагменты неопубликованных заметок и работ в этой области.

С этим отрывком из Махавьютпатти в самом начале уже имел дело Ж. П. А. Ремюза. См.: Rémusat J. P. A. Fan [梵], si-fan, man, meng, han, tsi yao ou Recueil nécessaire des mots Samskrits, Tangutains, Mandchous, Mongols et Chinois. Par Mr. A. Remusat. Fundgruben des Orients. 4.1814. 183-201. Два экземпляра оригинала находятся в Bibliothèque nationale (98 с. + 96 л. ил.), один из которых прислал П. Амио.

Соньюн 松筠 (1794-1799), амбань в Тибете, как считает Хуммель (Нитmel). Однако это также мог быть гораздо более ранний паломник С у н ь ю н 宋雲 из Дуньхуана, который совершил путешествие в Индию с Хуйшеном, чтобы получить буддийские рукописи; его отчеты о поездках считаются, однако, утерянными.

С. Ф. Ольденбург ³⁷⁶, общавшийся с ученым в течение последних пятнадцати лет его жизни, писал, что последний с радостью и щедростью «делился своими удивительными знаниями со всеми, кто работал в той же области», т. е. в изучении буддизма. Васильев продолжал интересоваться буддизмом «как самой удивительной и колоссальной мистификацией, которую когдалибо видело человечество» ³⁷⁷. Васильев рассматривал буддизм и другие религии Востока в сравнении с постулатами христианской веры и, исходя из этого, поставил вопрос: «Было ли у человечества когда-либо более дерзкое и даже кощунственное учение, чем буддийское, которое не только человека, но и все творение при этом хочет сделать божеством?» Именно эти «пороки буддизма» вызывали его протест ³⁷⁸. С сегодняшней точки зрения это довольно необычное отношение — прилагать столько энергии и усилий к объекту исследований, который классифицируется так негативно.

Скачков резюмировал свою оценку Васильева как ученого так:

Васильев... высказывал талантливые мысли, иногда противоречивые, задавал себе новые вопросы и, не решив их, переходил к другим, обращая внимание на отсутствующее обсуждение той или иной проблемы, и внедрял в науку новые, доселе неизвестные источники.

У В. П. Васильева были близкие отношения с одним из значительных петербургских ученых второй половины XIX в. — Антоном Шифнером ³⁷⁹ (1817–1879), юристом, классическим филологом и преемником основателя тибетологии И. Я. Шмидта. Шифнер опубликовал несколько работ Васильева на немецком языке и ряд положительных отзывов о его работах. На определенном этапе развития отношений двух ученых возникли серьезные разногласия. Они касались перевода Таранаты, сделанного Шифнером, на немецкий язык. В. П. Васильев считал, что этот перевод должен был быть представлен как перевод «с тибетского с учетом (или на основе) русского перевода В. П. Васильева)», с чем не мог согласиться А. Шифнер. Их конфликт приобрел политический характер и, став для обоих ученых психологическим испытанием, нанес вред научному признанию каждого.

Оценивая вклад В. П. Васильева в тибетологию, можно утверждать, что, являясь одним из основателей российской школы буддологии и тибетологии,

³⁷⁶ Сергей Федорович Ольденбург (1863–1934), буддолог, действительный член Академии наук. О нем см.: Люди и судьбы. Библиографический словарь востоковедов — жертв политического террора в советский период (1917–1991). Санкт-Петербург: Петербургское Востоковедение, 2003. С. 292–293; *Скачков П. Е.* Материалы для библиографии трудов С. Ф. Ольденбурга // Сергею Федоровичу Ольденбургу к пятидесятилетию научно-общественной деятельности (1882–1932). Ленинград, 1934. С. 625–637.

³⁷⁷ ЖЗМНП. 1900. 7. Отд. IV. С. 69.

³⁷⁸ *Васильев В. П.* Религии Востока. СПб., 1873. С. 107.

³⁷⁹ См. о нем: *Видеман* Ф. Памяти Ф. А. Шифнера. Речь 11 декабря 1879 г. на заседании Императорской Академии наук. Bulletin de l'Académie imériale des Sciences de Saint-Pétersbourg. 1880. С. 30–44; *Walravens H*. Schiefner, Franz Anton. *Neue Deutsche Biographie*. 2005. С. 736–738; *Walravens H*. Anton Schiefner: Übersetzungen aus dem tibetischen Kanjur. Beiträge zur Buddhismuskunde und zur zentralasiatischen Märchenforschung. Wiesbaden: Harrassowitz, 2007. XLI. 203 S. (Sinologica Coloniensia 25).

он оставил значительный научный след как ученый-новатор, основатель целого ряда востоковедных дисциплин. Именно ему принадлежит попытка создания неизвестного до тех пор в европейской ориенталистике систематического изложения истории развития буддийской мысли, и именно он заявил о необходимости выработки терминологических критериев для перевода категорий буддийского учения на европейские языки.

Глава II

ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ В. П. ВАСИЛЬЕВА

§ 1. Пекинский период жизни: XII Русская духовная миссия в Пекине (1840–1850) *

Пекинский период жизни В. П. Васильева, занявший целых десять лет (1840–1850), является одновременно и наименее изученным в его биографии. Связано это было с рядом обстоятельств, в силу которых рано сложившийся как учёный Василий Павлович отправился в столицу Цинской империи в составе XII Русской духовной миссии в Пекине на положении студента и совершил научный и человеческий подвиг, превратившись в ориенталистауниверсала мирового уровня. Масштаб пережитого и совершенного, несмотря ни на что, находится в разительном несоответствии с освещением данного периода в историографии — как российской, так и китайской. Между тем именно исследователи 1 Казанского университета ещё в 1950-е гг. заложили надёжный фундамент для изучения востоковедных проблем и небезуспешно продолжали и впоследствии публикацию новых источников и обобщений 2. Фрагментарность наших представлений о пекинских годах В. П. Васильева особенно поразительна, учитывая огромный прогресс исторических наук о Китае в самой КНР; тем не менее наследие его в национальной китайской историографии представлено практически только трудами и переводами Чжао Чуньмэя 3, основанными на русской источниковой базе. Незаконченный ха-

^{* ©} Р. М. Валеев, Д. Е. Мартынов.

 $^{^1}$ Шамов Г. Ф. Роль востоковедов Казанского университета в изучении Монголии и Китая (первая половина XIX века): Дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1956. 368 с.; Шофман А. С., Шамов Г. Ф. Восточный разряд Казанского университета (краткий очерк) // Очерки по истории русского востоковедения. Сб. 2. М., 1956. С. 418–448.

² Валеев Р. М. Василий Павлович Васильев, 1818–1900. Казань: Изд-во КГУ, 2002. 20 с.; Валеев Р. М., Валеева Р. З., Кульганек И. В., Мартынов Д. Е., Мартынова Ю. А., Жуков В. Ю. Академик В. П. Васильев: Казань — Пекин — Санкт-Петербург (к 200-летию со дня рождения) // Узбекистан — Китай: развитие исторических, культурных, научных и экономических отношений. Т. 1. Ташкент, 2018. С. 163–169; Мартынов Д. Е., Мартынова Ю. А., Валеев Р. М. Магистр философии Василий Васильев и его командировка в Пекин. С. 153–169.

³ Васильев В. П. (Василиефу 瓦西里耶夫). Чжунговэньсянь ши = История китайской литературы (中国文献史) / пер. Чжао Чуньмэя (赵春梅译). Чжэнчжоу: Дасянчу-

рактер фундаментальных «Очерков истории русского китаеведения» П. Е. Скачкова как нельзя лучше иллюстрируется отрывочностью сведений о В. П. Васильеве, в которых вдобавок сбит хронологический порядок изложения ⁴ (о собственно пекинских годах ⁵). Явные пробелы блестяще удалось заполнить А. Н. Хохлову ⁶. Несомненно, публикация сводного корпуса дневников и переписки В. П. Васильева пекинского периода сможет существенно дополнить наши представления и заполнить зияющие лакуны, однако даже при нынешнем состоянии источникового материала и историографии мы можем представить связную канву научной биографии Василия Павловича в 1840—1850 гг. Работы коллег из Москвы, Санкт-Петербурга, Красноярска и Улан-Удэ позволяют вписать событийный ряд жизни В. Васильева в развитие академической науки и миссионерской деятельности того времени ⁷. Нами также были опубликованы некоторые ранее не привлекавшиеся материалы по пекинской командировке В. П. Васильева ⁸.

баньшэ, 2013. 168 с.; Чжао Чуньмэй (赵春梅). Цзянлунь Василиефу дэ «Чжунговэньсюэ ши» (简论瓦西里耶夫的 «中国文学史纲要». Комментарий к «Истории китайской литературы» В. П. Васильева) // Сибэйдасюэсюэбао (чжэсюэшэхуйкэсюэбянь) = 西北大学学报 (哲学社会科学版). 2005. Т. 35, № 5. С. 163–168; Чжао Чуньмэй (赵春梅). Василиефуюй Чжунго (瓦西里耶夫与中国, В. П. Васильев и Китай). Пекин: Сюэюаньчубаньшэ, 2007. 219 с.; Алексий (Виноградов). Китайская библиотека и ученые труды членов Императорской Российской духовной и дипломатической миссии в г. Пекине или Бэй-Цзине (в Китае): С прилож. каталога черт. и рис. СПб.: Тип. бр. Пантелеевых, 1889. IV. 206 с.

⁴ *Скачков П. Е.* Очерки истории русского китаеведения / отв. ред. В. С. Мясников. М.: Наука; ГРВЛ, 1977. С. 149–152, 204–214 и др.

⁵ Скачков П. Е. Очерки истории русского китаеведения. С. 205–206.

⁶ История и культура Китая (Сб. памяти акад. В. П. Васильева). С. 28–70; *Хохлов А. Н.* Письма востоковеда В. П. Васильева из Пекина О. М. Ковалевскому... С. 469–49; *Васильев В. П.* Записка о восточных книгах в С.-Петербургском университете.

Академик В. П. Васильев (1818–1900) как исследователь культуры Китая, Тибета и Монголии; Дацышен В. Г. История Российской Духовной Миссии в Китае. Гонконг: Братство святых первоверховных апостолов Петра и Павла, 2010. 448 с.; Дацышен В. Г., Чегодаев А. Б. Архимандрит Петр (Каменский). М.; Гонконг: Братство святых первоверховных апостолов Петра и Павла, 2013. 360 с.; Завидовская Е. А., Маяцкий Д. И. Описание собрания китайских книг академика В. П. Васильева...; Завидовская Е. А. (Е Кэцзя 葉可佳). Элосы ханьсюэцзя Василиефу юаньши дэ шэнъя цзици чжуцо 俄羅斯漢學家瓦西里耶夫院士的生涯及其著作 (Academician Vasiliev's Studies on Sinology and Recent Republications of His Works) // Ханьсюэ яньцзю тунсюнь (漢學 研究通訊) — 103-й год Республики (2015). Т. 33. Вып. 3. С. 29-39; Куликов А. М. Китаеведческая и дипломатическая деятельность архимандрита Палладия (Кафарова): Дис. ...канд. ист. наук. 07.00.15: Ист. межд. отн. и вн. политики. М., 2016. 669 с.; Куликов А. М. Палладиум российского китаеведения: жизнь и труды архимандрита П. И. Кафарова. М., 2017. 290 с. (Учён. зап. ИВ РАН. Отдел Китая. Вып. 26); Полянская О. Н. Переписка востоковедов О. М. Ковалевского и В. П. Васильева... С. 130-136; Феклова Т. Ю. Деятельность Русской духовной миссии в Пекине в первой половине XIX в. по сбору информации политического и экономического характера // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 17: «Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение». 2016. № 1. С. 151–157.

⁸ *Мартынов Д. Е., Мартынова Ю. А., Валеев Р. М.* Магистр философии Василий Васильев и его командировка в Пекин. С. 153–169.

Русская духовная миссия в Пекине

Ещё в период обучения Василия Васильева в Казанском университете под руководством О. М. Ковалевского было принято решение об отправлении его в Пекин «для усовершенствования в восточных языках». До установления полноценных регулярных дипломатических отношений с империей Цин сделать это было возможно лишь в рамках Русской духовной миссии.

История её создания известна достаточно хорошо: в 1680-х гг. в Пекине обосновались военнопленные из Албазина — первого русского поселения на Амуре, разрушенного в ходе пограничной войны 1685–1686 гг. с маньчжурами. Пленные и перебежчики были приняты на службу династии Цин с разрешением исповедания православия. Традиционная точка зрения, многократно тиражируемая в литературе, ставит главной причиной основания миссии «китаизацию» албазинцев, которым были даны маньчжурские и китайские жены, что порождало религиозное отчуждение 9. Тем не менее, как отмечала Т. А. Пан, опубликованные документы позволяют судить, что главными инициаторами строительства православного храма в Пекине были русские купцы, которых не устраивала войсковая часовня. Православные священники прибывали в Китай и с торговыми караванами, но не оставались в Пекине надолго, кроме того, цинское правительство не позволяло открыто отправлять богослужения, поэтому еще в 1693 г. посланник И. Идес 10 поставил вопрос «о дозволении построить в Пекине российскую церковь иждивением российских государей и для оной отвести место» 11. Категорический отказ цинского правительства послужил причиной поиска иных возможностей для действия постоянного православного храма, результатом которых стало основание мис-

Между тем архивные данные рубежа XVII и XVIII вв. крайне скудны, и потому история начала миссии полна белых пятен, а многие подробности известны лишь ретроспективно — из свидетельств более поздних составов Русской миссии и миссионеров-иезуитов ¹². Предположительно, главным инициатором её создания был митрополит Сибирский и Тобольский Игнатий (Римский-Корсаков) (1630?–1701). Указ Петра I о «приискании» в Киеве образованных церковников для посылки в Китай датирован 1700 г., несколько раз повторялся и лишь в 1712 г. был принят китайской стороной ¹³. На практический уровень организацию миссии вывел митрополит Иоанн (Максимович), который к 1715 г. сформировал её первый состав во главе с архимандритом

⁹ Дацышен В. Г. История Российской Духовной Миссии в Китае. С. 70–75, 79–80. ¹⁰ Елизарий Елизариев, сын Избрант (дат. Eberhard Isbrand Ides; нидерл. Evert Ysbrandszoon Ides, 1657–1708, или 1713) — русский купец и дипломат, выходец из Голштинии. С 1687 г. входил в группу так называемых «московских торговых иноземцев». В 1692–1695 гг. был направлен в Пекин царями-соправителями Иваном и Петром Алексеевичами для ратификации Нерчинского договора 1689 г. Опубликовал книгу о своем путешествии через Сибирь с картой ("Driejarige Reizenaar China…", Атметстват, 1704); русский перевод опубликован в «Древней Российской вивлиофике» Н. И. Новикова.

 $^{^{11}}$ Пан Т. А. Архимандрит Иларион (Лежайский) и Первая Пекинская Духовная Миссия (1717–1729 гг.) // Китайська цивілізація: традиції та сучасність: Збірник статей. Київ, 2009. С. 103.

¹² Там же. С. 104.

 $^{^{13}}$ Дацышен В. Г. История Российской Духовной Миссии в Китае. С. 83.

Иларионом (Лежайским). Между прочим само время отправки первой миссии позволяет судить о плохой сохранности документации: с одной стороны, в России того времени не было централизованного органа управления церковными делами, а сибирский губернатор, так же как и тобольский митрополит, располагал огромными правами для решения местных вопросов. Вопрос о Пекинской миссии не мог не считаться в 1710-е гг. местным, поскольку китайское направление не являлось сколько-нибудь жизненно важным для текущей политики, а священников прикрепляли к торговым караванам и приграничным посольствам волей тобольских властей и ранее ¹⁴. В Пекине, вероятно, в постоянной миссии были заинтересованы ввиду развития местной русистики. В 1708 г. повелением императора Канси (1661-1722) была открыта школа русского языка, статус которой в 1716 г. был существенно повышен. При этом купцы-перебежчики или потомки албазинцев от смешанных браков не могли обеспечить должного уровня преподавания. В дозволении открытия миссии 1712 г. содержалось пожелание о направлении врача-европейца 15. В результате уже первые миссионеры занялись изучением китайского и маньчжурского языков, в чем особенно преуспел причетник Осип Дьяков, который был зачислен в штат Лифаньюаня 16 и, вероятно, был учителем русского языка в училище, открытом при дворцовой канцелярии в 1725 г. ¹⁷ После кончины архимандрита Илариона в сентябре 1717 г. вопрос об обновлении состава миссии чрезвычайно затянулся, и лишь 30 декабря 1726 г. был издан именной указ Екатерины I об отправке в Пекин новой миссии после окончания переговоров на границе. Сложным был вопрос о статусе главы миссии: первоначально предполагалось направить в Пекин епископа, но в конечном счете (и под давлением китайской стороны) было решено, что миссии будут возглавляться архимандритами. Вместе с миссией 1727 г. были отправлены в столицу Китая ученики иркутской школы монгольского языка при Вознесенском монастыре; по штату учеников при миссии полагалось трое

Официальный статус миссии был закреплен пятой статьей Кяхтинского договора (1727): институт был включен в систему государственных учреждений Цинской империи, а священники имели соответствующие ранги. Русская духовная миссия управлялась Лифаньюанем и располагала собственным подворьем, расположенным близ правительственных учреждений. Вторая миссия под началом архимандрита Антония (Платковского) 19 прибыла в Пекин лишь

¹⁴ Пан Т. А. Архимандрит Иларион (Лежайский) и Первая Пекинская Духовная Миссия (1717–1729 гг.). С. 104.

 $^{^{15}}$ Дацышен В. Г. История Российской Духовной Миссии в Китае. С. 75, 83. 16 Лифанью ань 理藩院 (Палата по делам инородцев-вассалов) — специфический орган управления зависимыми территориями, созданный маньчжурами в XVII в.: статус его приравнивался к шести министерствам правительства Китая. Ведал зависимыми монгольскими территориями, Цинхаем и Тибетом. После 1689–1727 гг. в компетенцию Лифаньюаня вошли и сношения с Россией. Название в дореволюционной русской литературе обычно переводилось как «Палата внешних сношений».

Пан Т. А. Архимандрит Иларион (Лежайский) и Первая Пекинская Духовная Миссия (1717-1729 гг.). С. 104.

^{harping}ацыharping В. Γ . История Российской Духовной Миссии в Китае. С. 87.

¹⁹ В миру Андрей Германович Платковский (1682?–1746). Происходил из украинских казаков, отец его был священником в Киеве. Благодаря тёткемонахине, состоявшей при царевне Наталье Алексеевне в Москве, в 1712 г. был пострижен в монахи. В 1719 г. был направлен в Тобольскую епархию и вскоре возглавил

в июне 1729 г. В числе учеников был знаменитый в будущем маньчжуровед Иларион Россохин 20 , а в 1732 г. в число учеников вошёл будущий переводчик Алексей Владыкин.

Всего до конца XVIII в. в Пекин отправилось восемь составов Русской духовной миссии, и деятельность ее как института приобрела регулярность и некоторые характерные черты. Ротация предусматривалась раз в 7 лет, не считая времени на путь туда и обратно. Первоначально в составе миссии были только священнослужители и миссионеры, однако далее к ним добавились специальные приставы, сопровождавшие конвой и проездной караван в Пекин и из Пекина. Миссии возглавлялись отцом-архимандритом, назначаемым Св. Синодом; подчинялись они иркутскому епископату, через который осуществлялась переписка и пересылка отчетов. Третья миссия отправилась в 1734 г. под началом архимандрита Илариона (Трусова), который еще в 1727 г. посетил Пекин как караванный священник. Миссию сопровождал дипломат Лоренц Ланг²¹. Именно в этот период была составлена инструкция «О должности и действе архимандрита в содержании себя и прочих ему подручных и вообще в управлении», содержание которой определяло жизнь миссии в Пекине до начала XIX в. Именно в этот период была построена постоянная каменная Сретенская церковь и при ней монастырь ²². Весьма результативной по числу крещёных китайцев была IV миссия архимандрита Гервасия (Лин-

Иркутский Вознесенский монастырь, при котором открыл школу монгольского языка. Возглавив Пекинскую миссию, в 1734 г. был отозван в Россию и отдан под суд, тянувшийся до 1741 г. В результате был лишён сана и отправлен рядовым монахом в Троице-Сергиеву Лавру, но уже в 1742 г. стал её казначеем и был представлен императрице Елизавете Петровне. В 1744 г. возведён в сан архимандрита Переславского Данилова монастыря.

²⁰ Иларион Калинович Россохин (1707 или 1717–1761) — один из пионеров востоковедения в России. Происходил, вероятно, из селенгинских казаков села Хилок; сын священника. Обучался в Иркутской школе монгольского языка. В 1729–1740 гг. на положении ученика находился в Пекине, причем с 1735 г. был включен в штат Лифаньюаня как переводчик и учитель русского языка, а российский посланник Л. Ланг присвоил ему звание прапорщика. Далее переведен в Петербург, где служил переводчиком и учителем китайского и маньчжурского языков при Академии наук до самой кончины в 1761 г. Находился в Академии по разряду историографии, его непосредственным начальником был Г. Миллер. В 1757 г. повышен до подпоручика. В общей сложности перевел около 30 объемных китайских и маньчжурских текстов, остававшихся при его жизни в рукописи. Совместно с А. Л. Леонтьевым перевёл и снабдил комментариями 16-томное сочинение «Обстоятельное описание происхождения и состояния манджурского народа и войска, в осьми знаменах состоящего» (опубликовано в 1784 г.).

²¹ Lorenz Lange (1690?–1752) — русский дипломат. Шведский дворянин, попавший в русский плен под Полтавой в 1709 г. С 1712 г. на службе в инженерном корпусе; в 1715 г. впервые направлен в Китай, где побывал шесть раз, в том числе в 1720–1722 гг. проживал в Пекине в звании торгового агента. В 1725 г. находился в составе посольства С. Л. Владиславича-Рагузинского. Дневники Ланга 1727–1728 гг. были опубликованы по-французски в Лейпциге П.-С. Палласом. В 1739 г. Л. Ланг был назначен иркутским вице-губернатором и руководителем караванной торговли; на этом посту пробыл до самой своей кончины. В 1745 г. открыл школу геодезии в Иркутске.

 $^{^{22}}$ Дацышен В. Г. История Российской Духовной Миссии в Китае. С. 92–93.

цевского) ²³ в 1744–1755 гг. В первую очередь ее успех обеспечивался образованными монахами, в число которых входил Феодосий (Сморжевский) ²⁴. Вообще хотя в период царствований Елизаветы Петровны (1740–1761) и Екатерины II (1762–1796) положение миссии было спокойным, но порядок замены ее членов не выдерживался, из-за чего иногда до смены доживало всего несколько человек. Так, из всего состава V миссии в 1772 г. в Россию вернулись всего двое её участников. В 1794 г. скончался, не достигнув российской границы, вызванный из Пекина архимандрит VII миссии Иоаким (Шишковский) ²⁵.

Все это время функционировал институт учеников миссии, в каждом из составов которого удавалось формировать хороших специалистов. В соответствии с Кяхтинским договором 1727 г. при миссии должны были находиться «четыре мальчика учеников и два побольшего возраста, которые по Русски и по Латине знают». Ученики занимались практическим изучением языка у китайских учителей (подворье миссии было закрыто от посторонних), пользуясь преимущественно составленными иезуитами латинскими пособиями по языку и заучивая китайские каноны наизусть. Особенно способные ученики быстро изучали язык и привлекались на службу в Лифаньюань. Такими были Алексей Леонтьев ²⁶ (IV миссия), Алексей Агафонов ²⁷ (VI миссия), Антон Владыкин ²⁸

²³ В миру Григорий Линцевский (1700?–1769). Сын украинского священника, окончил Киевскую духовную академию, в которой постригся в иеромонахи. Остался преподавателем академии, с 1735 г. наместник Киевского Михайловского Златоверхого монастыря. В 1742 г. рукоположен в архимандриты и на следующий год направлен в Пекин через Москву и Иркутск. В Иркутске миссии пришлось провести почти два года, дожидаясь разрешения прибыть в Пекин. Пребывание миссии в Пекине было омрачено конфликтом с приставом, а также конфликтом миссионеров между собой. Только в 1755 г. четвёртая миссия была заменена пятой. Архимандрит Гервасий в 1757 г. был назначен настоятелем Елецкого Черниговского монастыря, но ещё ранее он был назначен епископом Переяславским и Бориспольским, причем часть его епархии относилась к Речи Посполитой. Проводил активную антипольскую политику, которая привела к гайдамацкому восстанию 1768 г.

²⁴ Биографические сведения о нем скудны. Окончил Киевскую духовную академию, подвизался в Киево-Софийском монастыре. В Пекин был отправлен с заданием изучить китайский язык и исправить латинско-китайский словарь. Иеромонах Феодосий активно общался с католическими миссионерами, чем навлек на себя гнев архимандрита Гервасия, который обвинял его в отпадении от православия. Составил сочинение «Об иезуитах в Китае» (опубликовано в 1822 г.), и представил в Св. Синод проект реформирования миссии. Синодом были приняты его предложения о найме китайцев и иезуитов для обучения языку. После возвращения в Россию в 1757 г. иеромонах Феодосий был произведен в архимандриты Спасского монастыря в Севске.

²⁵ Дацышен В. Г. История Российской Духовной Миссии в Китае. С. 94–98.
26 Алексей Леонтьевич Леонтьев (1716–1786) — основоположник русского китаеведения. Из семьи московского священника, окончил Славяно-греколатинскую академию. С 1739 г. состоял в Коллегии иностранных дел, обучаясь китайскому языку у крещеного китайца Фёдора Джога. В 1743 г. направлен учеником духовной миссии. После возвращения в Петербург в 1756 г. пожалован чином поручика, зачислен в Коллегию иностранных дел. Как переводчик сотрудничал с И. Россохиным и доперевел пять томов «Обстоятельного описания происхождения и состояния маньджурского народа и войска, в осьми знаменах состоящего». В 1762 г. повышен в чине до капитана. В 1767 г. как переводчик сопровождал в Пекин посольство И. И. Кропотова. После возвращения в 1770 г. повышен до майора, а в 1779 г. удостоен чина надворного советника. Алексей Леонтьев — единственный русский синолог XVIII в., ока-

(VII миссия), Павел Каменский (VIII миссия). Причетник VII миссии Иван Орлов отправился в Пекин в возрасте 15 лет, и именно в столице Китая прошло становление его как личности и как учёного. В 1820 г. он издал в Москве капитальный труд «Новейшее и подробнейшее историко-географическое описание Китайской империи, сочиненное коллежским советником и кавалером Иваном Орловым», причём, судя по предисловию, этот труд был подготовлен ещё в бытность автора в Пекине ²⁹. Всего через миссию в 1729–1794 гг. прошло 27 учеников, но лишь 15 из них смогли вернуться на родину живыми. И именно эти подвижники заложили основу российского академического китаеведения ³⁰.

Существенные перемены в характере деятельности Русской православной духовной миссии настали на рубеже XVIII и XIX вв. В. Г. Дацышен связывал их с зачислением в состав VIII миссии студента Павла Ивановича Каменского и его коллеги Степана Васильевича Липовцева (1770–1841), будущего члена-

завший заметное влияние на интеллектуальную деятельность современников. В 1760-1770 гг. активно публиковался в периодических изданиях (в т. ч. у Н. И. Новикова), пропагандируя образ Китая как просвещенного государства, управляемого мудрыми философами. Будучи сыном священника и симпатизируя масонству, сближал ценностные установки конфуцианства и христианства. В изданиях Д. И. Фонвизина в 1780 и 1784 гг. увидели свет первые переводы конфуцианских канонов «Да-сюэ» и «Чжунюн», выполненные Леонтьевым. По личному распоряжению Екатерины II Леонтьев в эти годы перевел трехтомник «Все законы и установления китайского (а ныне маньчжурского) правительства» (1781–1783).

Александр Семенович Агафонов (по другим источникам — Алексей; 1746–1792 или 1794) — китаевед-переводчик. Сын сибирского священника, окончил Тобольскую духовную семинарию: отправлен в Пекин студентом VI Луховной миссии архимандрита Николая (Цвета). После окончания миссии оставлен переводчиком Коллегии иностранных дел при иркутском вице-губернаторе, но в 1787 г. был переведен в Петербург. В 1788 г. в Москве (типографией Новикова) и Петербурге публиковались переводы Агафонова — преимущественно поучений маньчжурских императоров и канон «Чжун-юн». Новиков же опубликовал первое на русском языке систематическое изложение истории Китая в переводе Агафонова: «Краткое хронологическое расписание китайских ханов <...> от начала Китайской империи по 1786 г.».

²⁸ Антон Григорьевич Владыкин (1757—1812)— переводчик. По происхождению — калмык Астраханской губернии. Лишившись родителей, был помещён в сиротский дом в Астрахани, где был крещен. В 1775 г. поступил в семинарию в Троице-Сергиеву лавру, а далее был определен учеником VII Пекинской миссии. В Пекине начал составление «Маньчжурско-китайско-русского словаря», над которым работал более тридцати лет. После возвращения в 1794 г. из Китая зачислен в Коллегию иностранных дел, в 1798 г. возглавил школу переводчиков. В 1805 г. назначен переводчиком посольства Ю. А. Головкина, которое не было пропущено маньчжурскими властями далее Урги. Активно занимался переводческой работой, начал работы по переводу канона «Шан шу», а за перевод «Истории мунгальской» получил от императора Александра I награду. Однако все его труды, включая грамматики монгольского и маньчжурского языков, так и остались в рукописях (Дацышен В. Г., Чегодаев А. Б. Архимандрит Петр (Каменский). С. 79).

 $^{^{29}}$ Дацышен В. Г., Чегодаев А. Б. Архимандрит Петр (Каменский). С. 78. Об институте учеников Миссии см. специальную работу: *Силакова С. А.* Роль института учеников при Пекинской духовной миссии в формировании комплекса знаний о Китае // Россия — Китай: история и культура: сборник XI Междунар. науч.практ. конф. Казань, 2018. С. 307-311.

корреспондента Академии наук. Примечательно, что миссию впервые было решено формировать в Казани, чем занимался архиепископ Амвросий (Подобедов). Начальником был назначен архимандрит Софроний (Грибовский) 31. Вероятно, это была первая миссия, которой пришлось участвовать в актуальной большой политике своего времени: к окончанию срока пребывания миссионеров в Пекине они должны были подготовить большое официальное посольство графа Ю. А. Головкина ³². Одновременно в Гуанчжоу пришли с Камчатки и Аляски задержанные местными властями суда первой русской кругосветной экспедиции И. Ф. Крузенштерна и Ю. Ф. Лисянского. Нарушение таможенных правил вызвало большой резонанс в Пекине, но хлопоты членов миссии, в том числе П. И. Каменского, привели к благоприятному исходу. В Южном Китае это виделось с другой точки зрения, хотя в хлопотах по освобождению экспедиции участвовал другой известный востоковед XIX в. — П. В. Добель ³³.

31 Биографические сведения о нем скудны. Обучался в Киево-Могилянской духовной академии, в 1782 г. перевелся в Москву, чтобы обучаться медицине, однако вместо этого принял постриг в Молчановской Софрониевой пустыни. В 1790 г. окончил Славяно-греко-латинскую академию и был включен в штат Московского университета как настоятель церкви и преподаватель катехизиса. В январе 1793 г. рукоположен в иеромонахи и направлен в Казань для формирования VIII Миссии. В Пекине активно занимался научно-проповеднической деятельностью, составив 12 компилятивных сочинений по истории, экономике и этнографии Китая. Предложил радикальный план реформы миссии, не принятый Св. Синодом (Дацышен В. Г., Чегодаев А. Б. Ар-

химандрит Петр (Каменский). С. 60-61).

Юрий Александрович Головкин (1762—1847) — российский государственный деятель. Правнук канцлера графа Г. И. Головкина (1660–1734), родился в Лозанне, образование получил в Париже. В России с 1782 г., начинал службу камер-юнкером, породнился с Нарышкиными. Сопровождал императрицу Екатерину II в путешествии по Крыму. К 1792 г. пожалован чином IV класса Табели о рангах (камергер), с 1796 г. — сенатор. С 1800 г. — президент Коммерц-коллегии. В 1805 г. назначен чрезвычайным послом в Китай, причём общая численность посольства достигала 250 чел. Научным отделом посольства заведовал граф Ян Непомуцен Потоцкий (1761-1815). Задачей посольства было установление регулярной торговли и возвращение бассейна Амура во владения России (Нерчинским договором 1689 г. территория от Амура до Станового и Яблонового хребтов не была разграничена). Посольство не было пропущено далее Урги, что вызвало неудовольствие Александра І. До 1816 г. Ю. А. Головкин числился в отпуске, далее был посланником в Карлеруэ, Штутгарте и Вене. В 1826 г. являлся членом Верховного уголовного суда по делу декабристов. С 1831 г. — член Государственного совета. С 1834 г. — почетный член Академии наук. В 1835-1847 гг. — попечитель Харьковского учебного округа. Удостоен всех высших российских государственных наград.

Пётр Васильевич Добель (Peter Dobell, 1772—1852) — предприниматель, «гражданин мира». Родился в Ирландии, однако далее его родители эмигрировали в США. Получил образование в Пенсильванском университете, участвовал в войнах против индейцев. Занимаясь коммерцией, побывал в Индии и Китае, где еще в 1790-е гг. познакомился с И. Ф. Крузенштерном. Получив бриллиантовый перстень от царя Александра I, Добель в 1812 г. через Камчатку добрался до Петербурга. Получил российское подданство и большие торговые привилегии, предложил обширный план развития Сибири и торговли Камчатки с Филиппинами. В 1818 г. удостоен чина надворного советника, назначен генеральным консулом на Филиппинах. Потерпев неудачу с испанскими властями, в 1821-1828 гг. действовал как комиссионер Российско-

С именем архимандрита IX Миссии о. Иакинфа (Бичурина) 34 обычно связывают переход российской синологии на качественно новый уровень. Объясняется это тем, что архимандрит впервые в практике Русской духовной миссии заставил весь её состав (10 человек) изучать китайский язык, хотя в дальнейшем только студент миссии М. Сипаков работал переводчиком в Азиатском департаменте МИДа ³⁵. Зато сам Бичурин прославился колоссальной производительностью: с 1828 г. по 1853 г. он опубликовал 14 книг и более 100 статей, образующих энциклопедический свод сведений и первоисточников обо всех сферах жизни и истории Китая и сопредельных стран. Более того, он был первым главой Русской духовной миссии, чьи труды были оперативно опубликованы при его жизни, причем в беспрецедентном объёме. Тем не менее как в церковной, так и в научной историографии пример о. Иакинфа обычно приводится для описания разрыва между миссионерской и научной деятельностью членов миссии. Специально исследовавший данный вопрос В. Г. Дацышен отмечал, что категоричность оценок во многом обусловливалась спецификой переходной эпохи. Предшественники архимандрита также

американской компании. В 1833 г. в русском переводе были опубликованы «Путешествия и новейшие наблюдения в Китае, Маниле и Индо-Китайском архипелаге» (переизд. 2002). См. также: *Орлов А. А.* История пребывания экспедиции И. Ф. Крузенштерна в Кантоне в 1805–1806 гг. // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2010. С. 36–40

С. 36–40.

³⁴ В миру Никита Яковлевич Бичурин (1777–1853). Происходил из шом. Изначально его фамилия записывалась как «Пичуринский». Окончил Казанскую семинарию и духовную академию. Пользуясь покровительством архиепископа Амвросия (Подобедова), из карьерных соображений в 1800 г. принял монашеский постриг с именем Иакинф, что противоречило его интересам и образу жизни. В 1803-1806 гг. начальствовал над Иркутским Вознесенским монастырем и семинарией, но из-за конфликта с братией был отстранен и сослан в Тобольск. Благодаря знакомству с послом в Китай графом Ю. А. Головкиным и покровительству митрополита Амвросия в 1807 г. был назначен главой IX Миссии в Пекине с возведением в сан архимандрита. Миссия в Пекине продолжалась в 1808–1821 гг., причём Иакинф сравнительно быстро охладел к миссионерским обязанностям и привёл хозяйство миссии в упадок, но при этом он стал выдающимся специалистом по истории и духовной жизни Китая, собрав огромную библиотеку, и выполнил перевод ряда философских и историографических памятников (перевод 15-томной «Истории Китая» до сих пор не опубликован). После возвращения в Петербург предстал перед судом Святейшего Синода, был лишён сана и сослан в Валаамский монастырь. Благодаря интересу графа Н. П. Румянцева и хлопотам П. Л. Шиллинга и Е. Ф. Тимковского Иакинф, не складывая с себя монашества, был зачислен в Азиатский департамент МИД. В 1828-1853 гг. опубликовал множество трудов, в которых последовательно представил описание истории, политических институтов, законодательства и быта Китая, Тибета, Джунгарии, Монголии, Маньчжурии. Кореи, представил сводную подборку первоисточников из китайских исторических хроник «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена». В 1830–1832 и 1835–1837 гг. был командирован на китайскую границу, где наладил преподавание китайского языка в коммерческой школе Кяхты, собирал материалы для составления китайско-русского словаря и грамматики. Иакинф определил развитие российского китаеведения как комплексной дисциплины на многие десятилетия вперёд. Он был также первым русским синологом, который оперировал в большом объёме именно китайскими, а не маньчжурскими источниками; пользовался авторитетом в ученом мире Европы.

³⁵ Дацышен В. Г. История Российской Духовной Миссии в Китае. С. 125–126.

не всегда были образцами нравственности и пастырского смирения. Однако в первых десятилетиях XIX в. становилось очевидным, что Российская духовная миссия должна была стать базой для качественных изменений в системе русско-китайских отношений. Эти возможности были упущены ³⁶. Зато в сфере чистой науки достижения о. Иакинфа определили развитие синологии как минимум на ближайшие полвека или более, хотя критики и левых (В. Белинский) и правых (Ф. Булгарин и О. Сенковский) взглядов отмечали, насколько синолог идеализировал порядки в стране, которую так хорошо знал.

При подготовке в 1818 г. Х Миссии произошли существенные сдвиги в её организационной базе и политических задачах. Отныне сроки пребывания миссии в Пекине, материальное обеспечение, сообщение с Петербургом, занятия миссионеров определялись прежде всего инструкциями Азиатского департамента МИД. Миссия подчинялась не Правительствующему Синоду, а всё тому же Азиатскому департаменту. Она получала функции многоотраслевого научного института и информационного центра, который должен был собирать сведения о «способах ведения сельского хозяйства в Китае, о разведении огородов, доставляла семена лекарственных растений и цветов, луковицы и описания разведения их, изучала кустарное и заводское производство в Китае, способы обработки шелка, окраски тканей; доставляла географические планы и карты, а также донесения о выдающихся событиях в стране, голоде, бунтах и эпидемиях» ³⁷. Вновь назначенный архимандритом Петр (Каменский) 38 в 1818 г. получил от канцлера К. В. Нессельроде секретную инструкцию, в которой ему вменялось в обязанность следить за внутренней политикой Китая, действуя исподволь в интересах России и докладывая обо всех событиях в секретных донесениях главе Министерства иностранных дел. Руководитель миссии получал и откровенно разведывательные задания, вклю-

 $^{^{36}}$ Дацышен В. Г. Указ. соч. С. 128. См. также: Силакова С. А. Вклад VIII, IX, X Миссий как представительниц трёх периодов истории Пекинской православной миссии // Россия — Китай: история и культура: сборник VIII Междунар. науч.-практической конф. Казань, 2015. С. 204–207.

 $^{^{37}}$ Феклова Т. Ю. Деятельность Русской духовной миссии в Пекине в первой половине XIX в. по сбору информации политического и экономического характера. С. 152.

В миру Павел Иванович Каменский (1765—1845). Из семьи священника Нижегородской губернии. Окончил Нижегородскую духовную семинарию, намереваясь продолжить образование в Московском университете, но по недостатку средств начал карьеру чиновника. С 1793 г. — в Коллегии иностранных дел, далее был зачислен учеником VIII Миссии в Пекине. К 1804 г. освоил китайский и маньчжурский языки, в его архиве сохранилось около 400 листов переводов, составил русско-китайский медицинский словарь объёмом 600 листов и начал составление библиотеки Духовной миссии. После возвращения в Петербург карьера его двигалась медленно: только в 1814 г. он был удостоен чина коллежского асессора и пенсиона, а в 1817 г. добился бюджетного финансирования для издания «Китайско-монголо-маньчжуро-русско-латинского лексикона» (так и не осуществленного). В 1819 г. избран членом-корреспондентом Петербургской Академии наук. 6 мая 1819 года П. И. Каменский был пострижен в монахи в Александро-Невской лавре с именем Петр, 12 мая был посвящён в иеродиаконы, а 26 мая — хиротонисан в иеромонахи. Наконец 30 мая в Казанском соборе он был возведён в сан архимандрита. Награждён орденом Св. Анны II степени. После возвращения из Пекина в 1832 г. удостоен первой степени этого ордена. В 1833 г. попросился в отставку в Феодоровский Городецкий монастырь, где и скончался. Его труды остались в рукописях.

чающие знакомства с представителями высшей китайской знати, контроль за слухами и сообщениями издаваемых в Пекине газет с немедленным информированием МИДа в случае крайней необходимости. Ещё о. Иакинф в 1805 г. получил особый фонд средств для прямого подкупа чиновников. Архимандрит Петр особо настоял на включении в состав миссии врача с аптекой, поскольку специалист получал наилучшие возможности для проникновения в высшее общество ³⁹. Также было решено осуществлять оспопрививание жителям Пекина и оказание других услуг. Также о. Петр настоял на приёме всех членов миссии, не исключая студентов, на действительную статскую службу с повышением авансом на один чин и с дальнейшим повышением сообразно их заслугам. По возвращении в Россию члены миссии должны были производиться в очередной чин, получая пенсию ⁴⁰.

В состав X Духовной миссии были избраны только лица с высшим образованием: иеромонахи Вениамин (Морачевич) 41 Даниил (Сивиллов) 42 , причетники Н. И. Вознесенский и А. И. Сосницкий 43 , иеродиакон Израиль (Вере-

³⁹ Этому вопросу посвящена специальная работа: *Силакова С. А.* Деятельность врачей при Русской духовной миссии в Пекине и изучение традиционной медицины Китая // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНО-COB-2018». М.: МАКС Пресс, 2018. 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM).

 $^{^{40}}$ Феклова Т. Ю. Деятельность Русской Духовной миссии в Пекине в первой половине XIX в. по сбору информации политического и экономического характера. С. 152–153.

⁴¹ Биографические сведения о нем крайне скудны и противоречивы. После прибытия в Пекин о. Вениамин был первым в XIX в. русским, приглашенным преподавать в учебное заведение Лифаньюаня. Он был оставлен в 1831 г. в Пекине начальником над XI Миссией, однако в ходе её произошёл раскол между светскими и духовными членами, и в 1835 г. МИД назначил начальником арх. Аввакума (Честного), оставив за Вениамином контакты с Лифаньюанем. После возвращения в Россию архимандрит был назначен наместником Александро-Невской лавры, каковой пост занимал в 1843–1853 гг., вплоть до своей кончины. Сохранились две его рукописи: «Записка об европейских миссиях в Китае» и «О жертвоприношении небу» (Скачков П. Е. Очерки истории русского китаеведения. С. 423).

⁴² В миру Дм и т р и й П е т р о в и ч С и в и л л о в (1798–1871) — первый университетский профессор-синолог в России. Окончив Пензенскую семинарию, переехал в Петербург, поступил в Медико-хирургическую академию, откуда перевелся в Александро-Невскую духовную академию. Был назначен в состав X Миссии, в 1819 г. принял постриг с именем Даниил и занял пост казначея миссии. После возвращения был определён настоятелем московского Златоустовского монастыря. В 1837 г. занял место ординарного профессора Казанского университета и заведующего кафедрой китайской словесности, одновременно преподавал китайский язык в Первой Казанской гимназии. В 1844 г. по собственному желанию был переведен миссионером в Иркутск, где до 1862 г. занимал пост благочинного в Верхнеудинском духовном правлении. С 1863 г. — настоятель Ростовского Борисоглебского монастыря Ярославской епархии и благочинный над угличскими монастырями. Большинство синологических сочинений остались в рукописях.

⁴³ Алексей Исаакович Сосницкий (1792–1843). Биографические сведения о нём крайне скудны. Будучи послушником Александро-Невской лавры, был зачислен причетником X Миссии. В Пекине изучал китайский язык, в особенности разговорный. В 1837 г. переведен в Казань по рекомендации арх. Петра (Каменского), и с 1839 г. проводил практические занятия китайским языком в университете и Первой гимназии, занимая в ней должность надзирателя. Для занятий пользовался подготовленной в Китае рукописью, включавшей переводы императорских указов, отрывки

тенников), врач О. П. Войцеховский ⁴⁴, студенты К. Крымский ⁴⁵ и З. Леонтьевский ⁴⁶. Архимандрит Петр попытался изменить методы духовной работы: был создан Совет миссии из трёх человек (туда входил и о. Даниил), который руководил как планами учебно-научных занятий, так и обязанностями каждого члена миссии. Немалую роль здесь играли отношения с маньчжурскими властями и местным населением, а сам арх. Петр официально именовался «старшим священником» и старался свести авторитарный элемент своего поста до минимума ⁴⁷. Уже в отчете 1823 г. архимандрит указывал, что восстановлено разрушенное хозяйство миссии и открыто училище для албазинцев. Именно это привело к постепенному проникновению православия в китайскую среду. ⁴⁸ Используя опыт католических миссионеров, арх. Петр обратился в Св. Синод и получил согласие на некоторые изменения в чинопоследовании: при крещении водой обливалась только голова крещаемого, снимался запрет на молоко и масло во время постов (исключая святую Четыредесятницу). Поскольку китайское население враждебно относилось к европейцам, все члены миссии в обязательном порядке стали носить китайские костюмы и

географических и исторических сочинений (*Скачков П. Е.* Очерки истории русского китаеведения. С. 197, 421). Маньчжуро-китайско-русская трилингва Сосницкого была факсимильно опубликована в 2016 г. (*Сосницкий А. И.* Переводы китайских царских указов и различных очерков из жизни китайцев // Архив российской китаистики / сост. А. И. Кобзев; отв. ред. С. В. Дмитриев. Т. III. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2016. С. 367–512). В рукописи представлены, в частности, китайские представления о России того времени (*Сосницкий А. И.* Переводы китайских царских указов и различных очерков из жизни китайцев. С. 432–435), а также впервые переведено стихотворение из заключительной части первой главы классического романа «Сон в красном тереме» (*Сосницкий А. И.* Переводы китайских царских указов и различных очерков из жизни китайцев. С. 483–484). Ранее считалось, что первые переводы из этого романа на русский язык были выполнены только в 1840-е гг.

⁴⁴ Осип Павлович Войцеховский (1793–1850) — русский маньчжуровед. Происходил из Киевской губернии; окончил Киево-Могилянскую духовную академию и Медико-хирургическую академию в Петербурге. Назначен штатным лекарем X Миссии, проявив в Пекине высокую квалификацию, излечив, в частности, родственника императора. После отставки в 1844 г. Даниила (Сивиллова), занял место ординарного профессора кафедры маньчжурско-китайской словесности Казанского университета. Составитель «Китайско-маньчжурско-русского словаря» — одного из первых, оставшегося в рукописи.

⁴⁵ Кондрат Григорьевич Крымский (1796–1861). Биографические сведения о нем крайне скудны. После возвращения из Китая был экзаменован о. Иакинфом и оставлен преподавать в Кяхтинской школе китайского языка, единственным учителем в которой оставался до самой кончины. В конце жизни служил переводчиком генерал-губернатора Н. Н. Муравьева (Амурского), в 1854 г. принят штатным переводчиком Азиатского департамента МИД, из-за чего с 1855 г. работа Кяхтинской школы была прекращена (Дацышен В. Г. История Российской Духовной Миссии в Китае. С. 164–165).

⁴⁶ Захар Федорович Леонтьевский (1799–1874). Происходил из семьи ярославского нотариуса. Окончил математический факультет Главного педагогического института в Санкт-Петербурге (в 1819 г. преобразован в университет). После возвращения из Пекинский миссии до 1866 г. служил переводчиком с маньчжурского и китайского языков Азиатского департамента. В Пекине начал перевод «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина на китайский язык.

⁴⁴⁷ Дацышен В. Г., Чегодаев А. Б. Архимандрит Петр (Каменский). С. 268–269. ⁴⁸ Дацышен В. Г. История Российской Духовной Миссии в Китае. С. 148–149.

брить бороды. Впервые в Пекине было введено православное богослужение на китайском языке 49 . Несмотря на то, что X Миссия не сформировала столь ярких и широко известных личностей, как о. Иакинф, именно благодаря работе её сотрудников «был обеспечен качественно новый уровень российской китаеведческой науки и образования, ставший фундаментом успехов политики России на Дальнем Востоке» 50 .

Еще в 1829 г. арх. Петр назначил своего преемника — начальником XI Миссии в Пекине оставался его заместитель о. Вениамин (Морачевич). Он показал себя прежде всего организатором, добившись увеличения земельного участка и перестроив бытовые помещения миссии; согласие на его миссию сразу предоставили и китайские власти ⁵¹. Остальной состав XI Миссии прибыл из России, причем к конвою был прикомандирован практикант Казанского университета О. М. Ковалевский, изучавший тогда в Забайкалье монгольский язык; он провёл в Пекине 7 месяцев и переписывался затем с архимандритом Петром до самой кончины последнего ⁵². В основной состав XI Миссии входили и светские специалисты: иеромонахи Аввакум (Честной) ⁵³, Феофилакт (Киселевский), иеродиакон Поликарп (Тугаринов) ⁵⁴, врач П. Е. Кирил-

 $^{^{49}}$ Дауышен В. Г. История Российской Духовной Миссии в Китае. С. 151; Дауышен В. Г., Чегодаев А. Б. Архимандрит Петр (Каменский). С. 235.

 $^{^{50}}$ Дацышен В. Г. История Российской Духовной Миссии в Китае. С. 170.

⁵¹ Там же. С. 151, 171.

⁵² Там же. С. 166–167.

⁵³ В миру Дмитрий Семенович Честной (1801–1866). Происходил из семьи священника Тверской губернии, окончил Тверскую семинарию и Санкт-Петер-бургскую духовную академию, где принял постриг и был включён в состав Пекинской миссии. Был настоятелем Успенского храма (где окормляли албазинцев) и преподавал арифметику, географию и православное вероучение на китайском языке. С 1836 г. произносил на китайском языке проповеди. Как учёный, занимался изучением буддизма, изучал монгольский и тибетский языки, перевёл Евангелие от Луки на тибетский язык. В 1852 г. как переводчик Азиатского департамента МИДа назначен в посольство Е. В. Путятина в Японии, после окончания которого в 1855 г. прикреплен в Иркутске к генерал-губернатору Восточной Сибири Н. Н. Муравьёву, а в 1857 г. вновь вошел в состав посольства Путятина в Тяньцзине и принимал участие в подписании Тяньцзиньского трактата 1858 г. В 1859 г. вновь у Н. Муравьева во время переговоров с Японией о статусе Сахалина. Вернулся в Петербург в 1860 г., работал в Александро-Невской лавре. Был инициатором установки памятника на могиле о. Иакинфа и сочинил для него эпитафию на китайском языке.

⁵⁴ В миру Петр Андреевич Тугаринов (1799–1868 или 1806–1894) — архимандрит Русской православной церкви, начальник XII Духовной миссии. Происходил из семьи ярославского священника, окончил Ярославскую духовную семинарию и Санкт-Петербургскую духовную академию, в которой в 1829 г. принял постриг под именем Поликарпа. В сане иеродиакона в 1830 г. включён в состав XI Духовной миссии, в Пекине занимался изучением восточных языков, в том числе тибетского. По причине заболевания в 1836 г. был возвращён в Россию, окончил Духовную академию и защитил магистерскую работу по богословию («О причинах цветущего состояния церковного в IV христианском веке»). В 1839 г. возведен в сан архимандрита и назначен руководителем XII Духовной миссии. Как дипломат известен тем, что довел до конца переговоры о сокращении сроков пребывания каждого состава миссии до 6 лет. После возвращения в Россию начальствовал над монастырями, в источниках содержатся расхождения по поводу его назначения и даты кончины.

лов, геолог А. И. Кованько, художник А. М. Легашев 55, ботаник Академии наук А. А. Бунге, астроном Е. Н. Фукс. Приставом миссии был подполковник Генерального штаба М. В. Ладыженский.

С первых же дней самостоятельной работы миссии в Пекине начался раскол между ее духовными и светскими сотрудниками. В частности, о. Аввакум и о. Феофилакт поставили под сомнение компетентность архимандрита как руководителя. Наконец в дело вмешались МИД и Св. Синод, и с 1835 г. фактическое руководство осуществлял о. Аввакум, тогда как за архимандритом Вениамином оставили работу с Лифаньюанем, в школе русского языка которого он преподавал ⁵⁶. Раскол проявился даже в том, что о. Аввакум с примкнувшими к нему коллегами обосновался на Северном подворье миссии, где обычно окормлял и албазинцев, а о. Вениамин остался на Южном, историческом, подворье 57. В. Г. Дацышен предполагал, что одной из причин раскола стал разрыв между поколениями, имеющими различное мировоззрение, уровень образования и отношение к китайской культуре. Сохранилось свидетельство о. Аввакума, который критиковал арх. Вениамина за его заявление, что конфуцианское Четверокнижие придется изучать с китайским учителем в течение восьми лет: «Ужели это называется методом и ужели мы так глупы, чтобы восемь лет заниматься одним Четырехкнижием? Мы осмелились уверить его, что эту чепуху, если нужно, мы легко можем пройти менее, нежели в три года...» ⁵⁸ Из членов миссии вышел незаурядный маньчжуровед Г. М. Розов ⁵⁹, его выполненный в Пекине перевод «Истории Цзинь» был опубликован лишь в 1998 г.

⁵⁵ Антон Михайлович Легашов (1798—1865). Из мещан Пензенской губернии. Проявив незаурядные способности, обучался с детства музыке. В 1820 г. принят нештатным учеником Академии художеств в Петербурге (класс А. Г. Варнека) и проявил себя как талантливый портретист. В 1824 г. удостоен серебряной медали первого достоинства. Из-за личной неприязни императора Николая I в течение пяти лет не мог получить звания классного художника, в 1829 г. был направлен в Пекин, где приобрел большую известность. Из его отчета следует, что в столице Китая он исполнил 26 больших исторических и духовных картин и 24 портрета важных китайских сановников; а также расписывал церкви Пекинской миссии и создавал иконы. После возвращения преподавал в Петербургском технологическом институте. Работы хранятся в Третьяковской галерее, Русском музее, Приморской картинной галерее (Владивосток).

Дацышен В. Г. История Российской Духовной Миссии в Китае. С. 172–173.

⁷⁵⁷ Куликов А. М. Китаеведческая и дипломатическая деятельность архимандрита Палладия (Кафарова). С. 51.

⁵⁸ Дацышен В. Г. История Российской Духовной Миссии в Китае. С. 174. 59 Григорий Михайлович Розов (1808–1853). О его происхождении почти не сохранилось сведений. После окончания Новгородской духовной семинарии был включен в состав Пекинской миссии на должность псаломщика. После возвращения студента Курляндцева в 1831 г. в Россию Розов испросил дозволения занять его место и в 1833 г. был выведен из духовного сословия. Заинтересовавшись маньчжурским языком, работал в цинской государственной комиссии по составлению истории правящей династии. Выполнил перевод с маньчжурского и китайского языков истории династии Цзинь (1115-1234). В период работы в миссии дослужился до титулярного советника, был удостоен ордена св. Станислава III степени и пожизненной пенсии. Работал в Азиатском департаменте МИДа переводчиком, научных переводов публиковать не пытался, хотя о. Аввакум высоко оценивал их качество. Скончался в возрасте 45 лет.

Таково было положение в Русской духовной миссии в Пекине перед назначением в ее состав В. П. Васильева.

Кандидатура В. П. Васильева. Подготовка XII Миссии

О. М. Ковалевский, научный руководитель Василия Павловича Васильева, особо хлопотал перед попечителем Казанского учебного округа М. Н. Мусиным-Пушкиным 60 об оставлении талантливого студента при университете: параллельно предполагалось готовить к поездке студента Навроцкого, о чём свидетельствует сохранившееся архивное дело. Научный руководитель ориентировал В. П. Васильева на изучение тибетского языка и санскрита, кроме того, с 1837 г. он посещал занятия по открывшейся в том же году кафедре китайского языка. Её основателем, заведующим и главным преподавателем был архимандрит Даниил (Сивиллов), он же первое время преподавал китайский язык и в Первой Казанской гимназии 61. Глава китайского направления рекомендовал для командировки в Пекин третьего студента — Сергея Рушко ⁶². Дело было не из легких из-за того, что полномочия Министерства народного просвещения, которому подчинялся университет, пересекались с интересами Азиатского департамента МИДа и Святейшего Синода. Переписка из-за числа отправляемых студентов тянулась в 1837-1838 гг., когда В. Васильев успел окончить университет, защитив кандидатскую (выпускную) работу, посвящённую разбору одной из сутр, входящих в монгольский буддийский канон. Получив звание кандидата монгольской словесности, Василий Павлович в конце 1838 г. держал экзамены на степень магистра; в число предметов, по которым он был аттестован, входили монгольский и тибетский языки, история Востока, всеобщая история, история монгольской литературы и история буддизма 63. Работу над диссертацией в течение 1839 г. В. П. Васильев осуществлял на малой родине в Нижнем Новгороде, но уже в начале ноября он был срочно вызван в Казань. Там его поставили перед фактом, что с 27 ноября 1839 г. он включен в состав XII Духовной миссии. С собой Васильев привез рукопись магистерской диссертации «Об основаниях буддийской философии», выполненной преимущественно на основе монгольских источников; она была рассмотрена на философском факультете (первое отделение философского факультета и образовывало, собственно, Восточный разряд) и реко-

⁶⁰ Михаил Николаевич Мусин-Пушкин (1795–1862) — государственный деятель. В 1810 г. окончил Казанскую гимназию. В 1812–1814 гг. участвовал в военных походах. В 1829–1845 гг. занимал пост попечителя Казанского учебного округа, являлся основным покровителем Н. И. Лобачевского. Также любимым проектом Мусина-Пушкина был Восточный институт, который удалось реализовать в форме ряда кафедр Восточного разряда (первого отделения историко-филологического факультета) Казанского университета; преподавание восточных языков было введено в Первой Казанской гимназии. В 1845–1856 гг. состоял попечителем Санкт-Петербургского учебного округа, сыграл ключевую роль в переводе Восточного разряда из Казани и создании факультета восточных языков в Санкт-Петербургском университете. С 1849 г. сенатор, предселатель Петербургского пензурного комитета.

те. С 1849 г. сенатор, председатель Петербургского цензурного комитета.

61 Преподавание китайского языка в гимназии в порядке опыта было санкционировано в 1838 г. министром народного просвещения С. С. Уваровым.

⁶² История и культура Китая (Сб. памяти акад. В. П. Васильева). С. 36–37.

⁶³ Там же. С. 37.

мендована к защите по причине «начитанности автора в первоисточниках» ⁶⁴. Оппонентами были назначены профессор китайской словесности архимандрит Даниил, профессор А. В. Попов ⁶⁵ и профессор философии архимандрит Гавриил ⁶⁶. Василию Павловичу было дозволено, из-за ограниченности сроков, представить только печатные тезисы диссертации и защищать ее по рукописи. Защита была назначена на 23 декабря 1839 г. ⁶⁷ Она проходила публично и закончилась большим успехом. Судя по описанию гимназического и университетского приятеля Васильева — писателя Павла Ивановича Мельникова (Печерского), на защите один из оппонентов, арх. Гавриил, даже заявил, что видит в диссертанте «самого Будду», ибо никто еще так хорошо не разъяснял философских основ буддизма ⁶⁸. Степень магистра, присуждённая «из уважения к трудности и новости самого предмета, а также сведениям в источниках буддизма», была утверждена министром народного просвещения 29 февраля 1840 г., выданный Советом университета диплом датирован 22 марта 1840 г.,

Предыстория появления В. П. Васильева в Русской духовной миссии была такова. Канцлер К. В. Нессельроде письмом от 20 января 1839 г. уведомил Министерство народного просвещения, что в Пекин от Казанского университета в составе очередной духовной миссии может быть отправлен только один человек. Окончательное решение принимал попечитель Мусин-Пушкин, который сообщил министру С. С. Уварову 9 февраля того же года, что выбор

⁶⁴ ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 4814. Л. 59.

⁶⁵ Александр Васильевич Попов (1808–1865) — калмыковед и монголовед. Окончил Астраханскую гимназию, в которой изучал персидский и турецкотатарский языки. В 1822–1825 гг. обучался в Казанской гимназии. В звании действительного студента в 1828 г. вместе с О. М. Ковалевским был направлен в Забайкалье и Монголию. Посетив Ургу, долго прожил в среде бурятов. С 1833 г. назначен адъюнктом монгольской словесности, одновременно преподавал и в Первой Казанской гимназии, с 1835 г. — экстраординарный профессор по кафедре монгольской словесности. В 1838 г. направлен в калмыцкие степи для исследования различий в монгольском и калмыцком языках. С 1844 г. преподавал в Казанской духовной академии; ординарный профессор и заведующий кафедрой калмыцкого языка в Казанском университете с 1846 г. В 1855 г. возгласил кафедру монголо-калмыцкой словесности Петербургского университета; с 1860 г. — инспектор училищ Западной Сибири.

⁶⁶ В миру Василий Николаевич Воскресенский (1795–1868). Происходил из семьи московского церковнослужителя. Начинал обучение в Заиконоспасской семинарии (бывш. Славяно-греко-латинская академия), в 1820 г. окончил Московскую духовную академию, в которой был оставлен по кафедре философии. В 1821 г. постригся с именем Гавриил и направлен преподавателем Санкт-Петербургской духовной академии. Далее был ректором духовных семинарий в Орле (1825– 1827) и Могилеве (1827–1829). В 1829 г. рукоположен в архимандриты и назначен настоятелем Свято-Успенского Зилантова монастыря в Казани. В 1835–1850 гг. профессор кафедры церковного права и философии Казанского университета, преподавал Закон Божий во Второй Казанской гимназии (её директором был О. М. Ковалевский). В 1852–1861 гг. возглавлял Усть-Киренский Троицкий монастырь Иркутской епархии. В 1861–1866 г. был настоятелем Михаило-Архангельского монастыря (Юрьев-Польский), с 1866 г. возглавил Спасо-Преображенский монастырь в Муроме, где и скончался.

 $^{^{68}}$ История и культура Китая (Сб. памяти акад. В. П. Васильева). С. 42.

⁶⁹ ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 4814. Л. 56–57.

пал на В. П. Васильева. В марте об этом было уведомлено и Министерство иностранных дел 70. Следует особо отметить, что мотивы и механизмы комплектования личного состава XII Русской духовной миссии изучены далеко не достаточно. Поскольку на Дальнем Востоке назревал серьёзный кризис (вылившийся в результате в Первую опиумную войну), миссии приходилось решать беспрецедентно сложные политические задачи, и потому даже рассматривался вариант назначения её главой светского чиновника российского МИДа. Между прочим, приставом миссии был назначен столоначальник Азиатского департамента Н. И. Любимов 71. Однако о. Иакинф, к которому обратились за советом, напомнил, что по условиям Кяхтинского трактата 1727 г. вся миссия должна была состоять из монашествующих, и, следовательно, в гипотетической ситуации чиновнику МИДа придётся быть, по крайней мере, рясофором 72. В результате М. М. Сперанский (заседавший тогда в Государственном совете) настоял на кандидатуре о. Поликарпа (Тугаринова), в течение пяти лет проработавшего в Пекине в составе XI Миссии. Из частного свидетельства О. А. Гошкевича 73, также зачисленного студентом, следует, что главные кадровые решения принимал архимандрит Поликарп, который ещё в Петербурге настаивал на включении в состав миссии ученых. Особо оговаривалось, что участники миссии должны быть «природными русскими и притом грекороссийского исповедания» ⁷⁴. В основной состав миссии вошли: иеромонахи Иннокентий (Немиров) и Гурий (Карпов) ⁷⁵, иеродиакон Палладий (Кафа-

 70 История и культура Китая (Сб. памяти акад. В. П. Васильева). С. 38.

⁷² *Куликов А. М.* Китаеведческая и дипломатическая деятельность архимандрита Палладия (Кафарова). С. 52–53.

 74 *Куликов А. М.* Палладиум российского китаеведения: жизнь и труды архимандрита П. И. Кафарова. С. 39–40.

⁷¹ Николай Иванович Любимов (1811–1875) — русский дипломат. Происходил из духовного сословия. Окончил Московский университет, с 1828 г. — на службе в Азиатском департаменте МИД, где быстро сделался столоначальником (1830) и начальником отделения (1836). В 1839 г. произведен в коллежские советники и назначен приставом каравана XII Духовной миссии, в 1842 г. возвратился из Китая. В 1843 г. назначен вице-директором Азиатского департамента, в 1852 г. назначен его директором. С 1856 г. — сенатор.

Осип Антонович Гошкевич (1814–1871) — русский востоковед, первый дипломатический представитель Российской империи в Японии (консул в Хакодате, 1858-1865). Из семейства белорусского священника Минской губернии, его племянником был историк В. И. Гошкевич (1860–1928). Окончил Минскую духовную семинарию и Санкт-Петербургскую духовную академию, переводил Ветхий Завет с древнееврейского языка. Темой его кандидатской работы было «Историческое обозрение таинства покаяния». После возвращения из Пекина в 1850 г. зачислен в Азиатский департамент МИД, участвовал в посольстве Е. В. Путятина в Японию в качестве переводчика (1852–1856), стал героем путевых очерков историографа экспедиции И. А. Гончарова. Принимал участие в составлении, переводе и заключении Симодского русско-японского договора 1855 г. В 1857 г. с Высочайшего повеления опубликовал составленный в Гонконге первый русско-японский словарь, за который в 1858 г. удостоен полной Демидовской премии — высшей академической награды Российской империи. В отставке с 1866 г., его монография «О корнях японского языка» была опубликована посмертно (Кузнецов А. П. Вклад И. А. Гошкевича в становление русско-японских отношений в XIX веке. СПб.: 100 Аж, 2007. С. 125-127).

 $^{^{75}}$ В миру Григорий Платонович Карпов (1814–1882). Происходил из семьи саратовского священника. Окончив Саратовскую духовную семинарию, по-

ров) 76 , студент И. И. Захаров 77 . Практически все они были выходцами из Санкт-Петербургской духовной академии. Из того же источника известно, что

ступил в Санкт-Петербургскую духовную академию, в которой постригся под именем Гурий и был зачислен в состав Пекинской миссии. В 1839 г. удостоен степени кандидата богословия. После возвращения из Пекина возведен в сан архимандрита, назначен смотрителем Александровского духовного училища. В 1853 г. защитил магистерскую диссертацию по богословию (на тему «О Богоучрежденности епископского сана»), и в 1858—1864 гг. возглавлял XIV духовную миссию. В Китае в общей сложности провёл 18 лет. Перевел на китайский язык Новый Завет и Псалтирь, а также ряд исторических книг Ветхого Завета. В 1866 г. служил епископом Чебоксарским, но из-за болезни архиепископа Казанского исполнял его обязанности, основал и возглавил в 1867 г. братство святителя Гурия Казанского, оставался его членом до кончины. Занимался миссионерством среди татар вместе с Н. И. Ильминским. В декабре 1867 г. назначен епископом Таврическим и Симферопольским, в 1881 г. возведен в сан архиепископа. В 2008 г. прославлен в лике местночтимых святых Украинской православной церкви.

В миру Петр Иванович Кафаров (1817–1878) — выдающийся русский китаевед, объединяемый по своему значению для науки вместе с о. Иакинфом и своим сотоварищем по миссии В. П. Васильевым. Из семьи благочинного Чистопольского уезда. Окончил Казанскую духовную семинарию, в Санкт-Петербургской духовной академии учился вместе с о. Гурием (Карповым). Не окончив курса, в 1839 г. был пострижен с именем Палладия и включен в состав XII Миссии. В Пекине заведовал ризницей Сретенской церкви, как учёный главным образом занимался буддизмом. По рекомендации архимандрита Поликарпа в 1846 г. был отозван в Петербург (выехал в 1847 г.) для подготовки XIII миссии. Дневник поездки из Пекина в Кяхту в 1847 г. был опубликован в «Записках Императорского русского географического общества по общей географии» (1892. Т. XXII. С. 37-99). В 1848 г. возведен в сан архимандрита, в 1849 г. возглавил XIII миссию, занимаясь главным образом информированием и переводами для Лифаньюаня и российского МИДа. Окончив срок миссии, остался в Пекине, работая посредником между Лифаньюанем и посольством Е. В. Путятина. Дневник 1858 г. был опубликован в «Известиях министерства иностранных дел» (1912. Т. 2. С. 225-282), В 1860 г. стал настоятелем посольской церкви в Риме. В 1864 г. возвращен в Пекин начальником XV миссии, сотрудничал с Русским географическим обществом, совершив путешествие в Маньчжурию (1870). В 1871 г. посетил Японию. В период пребывания в Пекине занимался составлением общего китайско-русского словаря, изданного П. С. Поповым после его кончины. Скончался в 1878 г. в Марселе на пути в Россию, похоронен во Франции.

Иван Ильич Захаров (1814–1885) — выдающийся маньчжуровед. Из семьи священника Воронежской губ., окончил Воронежскую духовную семинарию и поступил в Санкт-Петербургскую духовную академию. Не окончив курса, был включен в число студентов XII Миссии. Главным предметом его занятий стал маньчжурский язык. Служил дипломатическим переводчиком при смене миссии в 1849 г. После возвращения зачислен в Азиатский департамент МИДа переводчиком. В 1851 г. был направлен в Синьцзян для подготовки Кульджинского договора и оставлен консулом в Кульдже (его соученик по миссии А. А. Татаринов стал консулом в Чугучаке); сотрудничал с Ч. Валихановым. В 1865 г. возвращен драгоманом в Санкт-Петербург и отправлен на пенсию в 1866 г. По представлению В. П. Васильева в 1868 г. был принят на факультет восточных языков Санкт-Петербургского университета. В 1875 г. удостоен степени доктора маньчжурской словесности, с 1877 г. профессор. Как учёный впервые стал изучать историю экономики, гражданского права и историческую демографию Китая. Его статьи «Историческое обозрение народонаселения Китая» (1852) и «Поземельная собственность в Китае» (1853), основанные на первоисточниках, были опубликованы в «Трудах членов русской духовной миссии в Пекине».. Эти

основной состав миссии был собран в Петербурге в августе 1839 г. и тогда же начались регулярные занятия китайским языком, которые проводил о. Иакинф — самый известный русский синолог того времени ⁷⁸. В январе 1840 г. миссия прибыла в Казань, где в ее состав вошёл и Василий Васильев.

Совет Казанского университета в отношении В. П. Васильева постановил «приобрести... отличного преподавателя тибетского языка и глубокомысленного исследователя географии, истории, религии и древностей народов, населяющих восточную полосу Азии» ⁷⁹. Тибетским языком В. П. Васильев, к тому времени изучивший монгольский и китайский языки, занялся ещё в Казани. Сохранился составленный О. М. Ковалевским примечательный список книг как «необходимо нужных для г. Васильева». Первыми в списке значатся грамматика и словарь Чома де Кёреши ⁸⁰, опубликованные в Калькутте в 1834 г., а также немецкие грамматики и словари санскрита — все эти книги были новейшими для того времени, изданными в 1830-е гг. ⁸¹ Список был включён в прошение библиотекарю Казанского университета от 19 июня 1839 г., всего в нём значилось 7 позиций 82. Дополненный до 10 библиографических единиц список был помещён в прошении профессора О. М. Ковалевского на адрес попечителя Казанского учебного округа от 23 января 1840 г.; из фонда университетской библиотеки словари и грамматики санскрита и тибетского языка должны были выдать В. П. Васильеву для использования в качестве учебного пособия в Китае. Среди прочего в список включили и тибетскую грамматику Я. И. Шмидта 83 , только что вышедшую в свет 84 .

работы были оперативно опубликованы в переводе на немецкий язык. «Полный маньчжурско-русский словарь» И. И. Захарова, опубликованный в 1875 г. в типографии Императорской Академии наук и не имеющий аналогов в Китае, считается высшим достижением маньчжурской лексикографии, в XX в. он был переведен на английский и немецкий языки. В 1879 г. была опубликована «Грамматика маньчжурского языка», которая считается единственной лингвистически приемлемой грамматикой XIX в.

 $^{^{78}}$ *Куликов А. М.* Палладиум российского китаеведения: жизнь и труды архимандрита П. И. Кафарова. С. 40–42.

⁷⁹ История и культура Китая (Сб. памяти акад. В. П. Васильева). С. 38.

⁸⁰ Александр Чома де Кёрёши (венг. *Kőrösi Csoma Sándor*, 1784–1842) — выдающийся венгерский лингвист. Происходил из дворянского трансильванского семейства, учился в Вене, Гейдельберге и Гёттингене. В Гёттингене около 1816 г., владея к тому времени 13 европейскими наречиями, включая классические языки, заинтересовался восточными языками. В 1819 г. отправился на Восток, добравшись до Ладакха (Малый Тибет) через Стамбул, Александрию, Багдад, Бухару, Мешхед и Кабул. Он одним из первых европейцев изучил тибетский язык и был допущен к изучению канонических сводов Ганчжура и Данчжура. В 1831 г. обосновался в Калькутте и вступил в Королевское азиатское общество. Скончался от малярии при подготовке путешествия в Лхасу.

⁸¹ ГА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 2283. Л. 19.

⁸² Там же. Л. 20.

⁸³ Яков Иванович Шмидт (*Isaak Jakob Schmidt*, 1779–1847). Сын немецкого купца, родился в Амстердаме. В результате наполеоновских войн в 1798 г. обосновался в России. Коммерческие интересы привели его к исследованию калмыков, в результате чего Я. И. Шмидт на практике превратился в профессионального монголоведа. Первоначальная его библиотека и рукописи словарей и грамматик погибли в пожаре Москвы 1812 г. После этого он обосновался в Санкт-Петербурге, и вошёл в состав Российского библейского общества, занявшись переводом Нового Завета на мон-

Именно О. М. Ковалевский составил «наставление» Васильеву ⁸⁵. Среди прочего здесь выделяется пункт 3, гласящий:

Не один только живой язык, употребляемый в какой-либо области, будет предметом изысканий г-на Васильева, но разные наречия, равно как и книжный язык, со всеми живыми уклонениями, должны обратить на себя его внимание так, чтобы весь круг языка был вполне исследован с открытием начал, от которых произошли все ветви, и с указанием пределов разных изменений. Сочинения известного венгерского миссионера Чомы Кёресского и знаменитого нашего академика Шмидта должны быть приняты за основание и единственное пособие для дальнейших изысканий. Предстоит один труд г-ну Васильеву — обогащать эти сочинения своими наблюдениями над грамматическим устройством языка и определением значений слов.

Пункт 8 гласил:

Известно, что на искажённых китайцами именах народов или царственных династий основываются разные исторические теории наших ориенталистов, из коих одни почитают все народы турками, другие всех монголами. Поэтому желательно, чтобы г-н Васильев на месте собрал достоверные исторические показания, к какому именно племени принадлежал каждый из среднеазийских народов? Каким говорит языком? Откуда пришёл и куда девался? Для этого весьма полезными могут быть и изустные показания китайцев, и положения хвастливых членов xань-линя 86 , и исторические памятники всякого рода, особенно письменные. Равным образом нельзя упускать из виду самых названий урочищ в странах, занимаемых этими народами, потому что земля, обитаемая народом, должна почитаться книгою, в которую он вписывает своё существование неизгладимыми буквами. Действовавшие в великой драме истории народы никогда не исчезают: они только уходят для перемены костюма, чтобы опять явиться в новых ролях, нередко под новыми именами. История получит важное приобретение от исследования знаменитого народа хюн-ну или сюн-ну ⁸⁷ и от точного показания, с какими племенами он слился и куда девались остатки его в то время, когда обыкновенная официальная китайская история теряет его из виду.

гольский язык. Профессиональный учёный с 1819 г., член-корреспондент Академии наук (1829). Один из пионеров тибетологии и буддологии в России.

⁸⁴ ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 4814. Л. 103.

⁸⁵ ГА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 2283. Л. 22–28 об.

⁸⁶ А к а д е м и я Х а н ь л и н ь («Лес кистей», 翰林院) — специфический государственный институт в Китае, существовавший в VIII — нач. ХХ в. В общем случае совмещал функции императорской канцелярии, цензурного комитета, государственной библиотеки и архива, идеологического комитета. Члены академии занимались также интерпретацией конфуцианских канонических сочинений и оценкой экзаменационных сочинений высших государственных деятелей. В XIX в. в Ханьлине насчитывалось около 120 членов, в число которых входили хранители произведений искусства, составители и корректоры исторических трудов и императорских указов, а также студенты-стажёры. При династии Цин (1644—1912) Академия активно готовила литературные сборники, антологии, словари, энциклопедии.

⁸⁷ 匈奴— древний кочевой народ, населявший в III в. до н. э. — II в. н. э. монгольские территории к северу от Великой Китайской стены. Термин использовался также как обобщающий для всех северных кочевых народов вообще. Ещё во времена О. М. Ковалевского и В. П. Васильева дискутировался вопрос о монгольском или тюркском происхождении сюнну, не разрешенный до сих пор. Тождество сюнну китайской традиции и гуннов — римской было обосновано К. А. Иностранцевым (1876—1941) и принято большинством исследователей.

Можно ему рекомендовать рассмотреть вопрос, недостаточно решённый об уйгурах, о множестве племён, упоминаемых Рашид-ад-дином ⁸⁸ и Абулгази ⁸⁹ до появления страшного завоевателя Чингиса, о среднеазийских турках, о тангутах и т. д. Вообще из истории монголов, разных племён, образовавших потом Чингисову империю, и состояние монголов в нынешнем Китае должны преимущественно обратить на себя внимание г-на Васильева.

13-й пункт предусматривал продолжение исследований философии буддизма, «в продолжение университетского курса». В этом пункте содержалось пожелание приобрести полное издание буддийского канона с комментариями — Ганчжура и Данчжура ⁹⁰. Характерно, что изучение санскрита и санскритской литературы ставилось в прямую зависимость от знакомства с буддийскими сочинениями.

В своё время В. М. Алексеев обращал внимание на финальный (15-й) абзац инструкции, тесно связанный с особенностями личности В. П. Васильева ⁹¹. Процитируем этот фрагмент целиком:

Наконец чувство живейшего соучастия, какое принимает университетское начальство в похвальном предприятии своего воспитанника да послужит доказательством, что и прежние его наставники при начертании этой инструкции не имели другой цели в виду, кроме собственной пользы г. Васильева и успехов науки на отечественной почве, и не сомневаются, что при непрерывном стремлении к достижению предназначенной цели г. Васильев наполнит эти статьи правилами честного и благородного поведения и даже новыми видами учёных изысканий для славы нашего заведения ⁹².

Помимо инструкции по историческим и филологическим дисциплинам, в деле об отправлении В. П. Васильева в Пекин содержались подробные «На-

⁸⁸ Рашид ад-Дин Фазлуллах ибн Абу-ль-Хайр Али Хама-дани (1247?–1318) — персидский государственный деятель и энциклопедист государства Хулагуидов. Составил исторический труд на персидском языке Джами' автаварих («Сборник летописей»), являющийся важнейшим историческим источником, особенно по истории Монгольской империи и Ирана.

 $^{^{89}}$ А б у - л - Γ а з и - х а н (1603–1664) — хивинский хан из рода Шейбанидов. Известен как автор исторических трудов «Родословная туркмен» и «Родословная тюрок». Первый русский перевод «Родословной тюрок» (под названием «Родословная история о татарах») был выполнен В. К. Тредиаковским с французского перевода и опубликован в 1768 г.

⁹⁰ Монгольские названия тибетских сводов буддийских канонических писаний. Кангьюр (ব্সব্রুর্ক, bka' 'gyur), досл. «Сказанное Буддой» — компиляция XIV в., переведенная с санскрита, пали и китайского языка, включающая тексты, связанные с суждениями самого Будды. Образцовое издание на тибетском языке вышло в Пекине в 1737 г. в 108 томах. Несколько ксилографических изданий было выполнено и в разных монастырях Тибета в 1730–1750-х гг. Тэнгьюр (ব্যুক্ত্র্রুর্ক্, Bstan 'gyur), «Перевод поучений» — свод канонизированных комментариев к Кангьюру. Полное тибетское издание включает 254 тома, но в Монголии получила распространение версия в 225 томов.

 $^{^{91}}$ Алексеев В. М. Академик В. П. Васильев. Замечания по поводу научного творчества и наследия (К 50-летию со дня смерти) // Наука о Востоке: Ст. и документы. М.: Наука; ГРВЛ, 1982. С. 57.

⁹² ГА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 2283. Л. 28 об.

ставления для собирания и сушки растений» 93 и «Наставление, как собирать млекопитающих животных и птиц» ⁹⁴, последнее было подписано профессором Э. Эверсманом ⁹⁵. Была прислана и инструкция Конференции Императорской Академии наук 96. В инструкции Конференции говорилось, что научная часть его командировки была исчерпывающим образом распланирована О. М. Ковалевским и в этой части не нуждалась в дополнениях. В. П. Васильеву была выдана доверенность на неиспользованные суммы из бюджета Духовной миссии на сумму 2200 руб. ассигнациями на закупку буддийской литературы на тибетском и монгольском языках, а также был прислан список имеющихся в библиотеке Академии наук изданий во избежание дублирования и ненужных трат. Кроме того, было предписано не приобретать медицинских сочинений и настоятельно рекомендовалось найти тибетскую версию эпоса о Гэсэр-хане. Инструкцией Васильев предостерегался от поспешности при закупках книг, ему разрешалось «не издерживать всей суммы» и отправить при смене миссии в 1840 г. только часть полученных фондов, отложив доставку остального до возникающей в будущем оказии. Предписывалось также найти полный экземпляр Данчжура на тибетском или монгольском языке. Обо всех возникающих обстоятельствах В. П. Васильев должен был регулярно отчитываться 97.

Особое место в занятиях В. П. Васильева должны были занимать китайский язык и словесность. О. М. Ковалевский особо оговаривал, что именно китайский язык будет «важнейшим средством к достижению предполагаемой цели». Было решено, что Васильев особо будет заниматься библиографией, попытается приобрести каталоги китайских книг и должен подготовить особый каталог «китайско-маньчжурских сочинений, изданных при нынешней династии» ⁹⁸. На практике колоссальный объём работы по маньчжурским штудиям пришелся на долю И. И. Захарова. Академия наук присвоила В. Васильеву звание «агента-корреспондента» для исполнения поручений по ученой части, в том числе для приобретения тибетской и монгольской литературы. Ему также полагалось фиксировать в дневнике сведения о происшествиях в китайской столице, постановлениях правительства и «все, что могло характеризовать страну и ее народ». Во избежание дипломатических осложнений и подозрения китайских властей Азиатский департамент рекомендовал непре-

⁹³ ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 4814. Л. 64–66.

 $^{^{94}}$ Там же. Л. 88–88 об.

⁹⁵ Эдуард Александрович Эверсман (Eduard Friedrich Eversmann, 1794–1860). Уроженец Вестфалии, сын металлурга Августа Эверсмана (1759–1837). Учился в ряде университетов Германии, диссертацию по химии защитил в Галле (1814). В 1816 г. в Дерптском университете (ныне Тарту, Эстония) удостоен степени доктора медицины. Служил врачом у своего отца на Златоустовском металлургическом заводе. В 1820 г. в качестве врача был прикреплен к посольству А. Ф. Негри в Бухару. Далее обосновался в Оренбурге, породнившись с родом Мансуровых. В 1825 г. участвовал в экспедиции Ф. Ф. Берга в Прикаспий и Устюрт. В 1828 г. избран ординарным профессором Казанского университета, ежегодно совершал научные экспедиции, дослужился до действительного статского советника (1851). Собрал коллекцию насекомых (50 420 экз. 11 252 видов), хранящуюся ныне в Зоологическом музее РАН; часть коллекций находится в Зоологическом музее Казанского университета.

 $^{^{96}}$ ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 4814. Л. 68–68 об. 97 Там же. Л. 71.

 $^{^{98}}$ История и культура Китая (Сб. памяти акад. В. П. Васильева). С. 39–40.

менному секретарю Академии наук П. Н. Фусу о звании Васильева не распространяться 99 .

Поскольку индивидуальная программа В. П. Васильева предусматривала глубокое погружение в языки, ему были предоставлены вещи, предназначенные для подарков чиновникам и наставникам. Список этих вещей, закупленных на сумму 500 руб., сохранился. В оригинальном архивном деле список сведён в таблицу с пометами о лицах, предоставивших те или иные предметы. Набор предметов стандартен для той эпохи, в частности, упоминаются «портофело московской работы» (100 руб.), складное зеркало (12 руб.), «две пары чашек с живописью» (45 руб.) и тому подобное. Судя по пометам, 308 рублей было уплачено некой Анне Гунот, 158 руб. 50 коп. причитались казанскому купцу Алексею Демяхину. Из указанных сумм было выплачено 28 руб. университетскому переплётчику за комплект «Монгольской хрестоматии» О. М. Ковалевского и ещё 5 руб. 50 коп. за три ящика и их упаковку 100.

XII Миссия в Китае

Члены XII Духовной миссии прибыли в Казань 17 января 1840 г. В этот день архимандрит Поликарп встретился с попечителем М. Н. Мусиным-Пушкиным, и в тот же день начальству был представлен и магистр Васильев. Здесь сразу всплыл вопрос о статусе и подчинении молодого учёного, ибо в дополнительной инструкции попечителя Казанского учебного округа говорилось, что Васильев находится в том же положении, что и прочие члены духовной миссии: «...в полной и совершенной зависимости от начальника оной». Однако арх. Поликарп после первой же встречи с Василием Павловичем нашел формулировку недостаточной. В донесении Азиатскому департаменту МИДа от 19 января 1840 г. о. Поликарп сообщал, что «по смыслу писаных наставлений... так еще более из разговоров, которые я имел с г. попечителем университета, и отзывов самого Васильева видно, что он поставляется почти во всех своих действиях вне всякой отчетности перед начальством миссии и вне правил... <... > ... Если не письменно, то словесно, [ему] сделаны такие поручения, как то поездка в Тибет, исполнение которых соединено с величайшей опасностью для нашей миссии в Пекине и видов русского правительства». Исходя из этого, архимандрит потребовал «ясных и определенных наставлений» 101

В дальнейший путь из Казани миссия двинулась на санях уже 20 января и, согласно донесению студента Васильева, достигла Иркутска 21 февраля (у А. Н. Хохлова указано 19-е число) 102. Постоянным спутником Васильева сделался о. Палладий, с которым они списались ещё не будучи знакомы; в одном возке они двигались через Пермь и Екатеринбург. В пути и во время 9-дневного пребывания в Иркутске Васильев обучал своих новых товарищей монгольскому и тибетскому языкам. В. П. Васильев успел познакомиться с собранием китайских и маньчжурских книг, имеющихся в городской гимназии и

⁹⁹ История и культура Китая (Сб. памяти акад. В. П. Васильева). С. 40–41.

¹⁰⁰ ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 4814. Л. 114–114 об.

¹⁰¹ История и культура Китая (Сб. памяти акад. В. П. Васильева). С. 43.

 $^{^{102}}$ Там же; *Мартынов Д. Е., Мартынова Ю. А., Валеев Р. М.* Магистр философии Васильев и его командировка в Пекин. С. 157.

духовной семинарии, а также познакомился с методикой преподавания монгольского языка в гимназии ¹⁰³. Занятия языком продолжались в Кяхте, где, судя по отчёту перед попечителем Мусиным-Пушкиным, В. П. Васильев получил возможность разговорной практики с местными бурятами и китайскими купцами, тогда как К. Г. Крымский ознакомил членов миссии с основами китайского и маньчжурского языков. Из-за задержек с китайской стороны миссия провела в Троицкосавске и Маймайчэне период с 3 марта по 21 июля 1840 г. В это время члены миссии имели возможность общаться с китайскими чиновниками и бурятским князем-тайши. Монголию и пустыню Гоби пришлось пересекать в самое жаркое время года, и только в конце сентября 1840 г. они достигли г. Чжанцзякоу на монголо-китайской границе. Встреча с участниками предыдущей миссии произошла 4 октября в деревне Цинхэ в 14 км от Пекина ¹⁰⁴.

Жизнь и быт участников XII Миссии документированы крайне неравномерно. Некоторые ценные наблюдения содержались в письмах В. В. Горско-105, но из них, например, непонятно, должны ли были светские члены миссии. так же как и духовные лица, отпускать китайскую косу. Миссия жила по монастырскому распорядку, из-за чего ее члены почти не покидали подворья, куда допускались из посторонних лишь «люди самые нужные», например, преподаватели китайского языка 106 . Представления о тяжелой эмоциональной атмосфере, сложившейся в замкнутом сообществе Русской миссии, в первую очередь основаны на суждениях В. П. Васильева. В этом плане весьма ценным для интерпретации его собственных суждений выступает свидетельство В. М. Алексеева, который ещё студентом Восточного факультета застал живого Васильева. Алексеев отмечал, что «...Василий Павлович... обладал скверным характером, задорным, неуживчивым, злым на язык». Отмечал Алексеев, что «жалобы Василия Павловича на одиночество в Пекинской миссии странные», поскольку они с о. Палладием занимались одним и тем же — буддийскими писаниями, причем Васильев не использовал полученное в Казани знание монгольского языка. Вероятной самой существенной проблемой была

¹⁰³ ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 4814. Л. 146.

 $^{^{104}}$ *Куликов А. М.* Палладиум российского китаеведения: жизнь и труды архимандрита П. И. Кафарова. С. 43–45.

Владимир Васильевич Горский (1819–1847). Из семейства костромского священника, брат будущего ректора Московской духовной академии Александра Горского. Окончил Костромскую духовную семинарию, в течение двух лет обучался в Санкт-Петербургской духовной академии, не окончив курса в которой, был зачислен студентом в Пекинскую миссию. В Китае особенно усердно занимался тибетским языком и глубоко изучал маньчжурские первоисточники по истории династии Цин. Статьи «Начало и первые дела маньчжурского дома» и «О происхождении родоначальника ныне царствующей в Китае династии» увидели свет в «Трудах Российской духовной миссии» (1852. Т. 1). Занимался переводами буддийских сочинений, в 1845 г. занимался разбором коллекции буддийских писаний, подаренных миссии китайским правительством. Скончался от туберкулёза, не дожив до возвращения миссии в Россию. Его переписка с братом частично опубликована в «Богословском вестнике» (1897. № 5–12). Часть книг и заметок Горского, относящихся к истории буддизма, перешла в распоряжение В. П. Васильева и И. А. Гошкевича (История и культура Китая (Сб. памяти акад. В. П. Васильева). С. 50. Примеч. 33).

¹⁰⁶ Куликов А. М. Палладиум российского китаеведения: жизнь и труды архимандрита П. И. Кафарова. С. 46–49.

следующая: «Васильев был атеист, и в этом было их расхождение [с Палладием. — \mathcal{A} . M.]. Васильев был как демон лермонтовский: "И все, что пред собой он видел, иль презирал, иль ненавидел!"» ¹⁰⁷ Конфликт с начальником миссии был предрешен, вероятно, с первой их встречи в Казани, и неудивительно суждение арх. Поликарпа в донесении МИДу от 8 августа 1845 г.: «Я видел в миссии людей, выпущенных с тяжеловесными золотыми медалями, видел кандидатов университета, вижу теперь магистра, предназначенного сделаться, как гласит его инструкция, глубокомысленным исследователем Востока и славой университета, который избрал и послал его, и скажу по чистой совести, что не этого рода людям предназначено сделать что-нибудь дельное...»

Документальные свидетельства 1841 г. со стороны и начальства миссии, и лично В. П. Васильева свидетельствуют, что объективно сложившаяся обстановка не способствовала успешным занятиям. В официальном письме вице-канцлера графа К. Нессельроде министру народного просвещения от 22 августа 1841 г. говорится, что для занятий Васильева тибетским языком арх. Поликарп нанял для него одного из буддийских монахов, пользующегося известностью знатока тибетского языка, однако оказалось, что он уступал в знании языка студенту миссии, и ему было отказано. В. П. Васильев продолжил самостоятельное изучение языка, однако предполагалось, что осенью в Пекин прибудут из Монголии или из самой Лхасы паломники, которые согласятся стать его наставниками. Начальник миссии выражал опасение, что в противном случае учителя для Васильева придётся выписывать из Монголии. Получил он и рукопись тибетско-монгольского словаря ламы Никитуева (с которым когда-то жил в Казани в одной комнате). Занятия его китайским языком описывались как гораздо более успешные. Для коллекции Казанского университета Васильевым было закуплено 13 сортов китайского лака и 180 видов различных семян, а также образцы шёлка-сырца. В числе книжных приобретений упоминались биография Будды Шакьямуни, собрание сочинений Зая-Пандиты (на тибетском языке) и биография Цзонхавы на монгольском языке. От последней сохранились только три главы, прочее было подмочено при доставке из Пекина в Казань. Попытка приобрести Данчжур не увенчалась успехом: книги были неразборчиво напечатаны на бумаге низкого качества, но даже в таком виде за них просили 1000 лянов серебра, то есть 2000 рублей серебром. За Ганчжур пекинской придворной печати просили до 5000 рублей серебром у частных лиц, поскольку государственная книжная торговля не располагала ни одним экземпляром. Поведение Васильева характеризовалось начальством как «отличное», отдельно упоминалось, что он «вполне проникнут мыслью о возложенных на него обязанностях» 109 .

Тем не менее в адресованном О. М. Ковалевскому письме от 7 марта 1841 г. Васильев указывает: «Скажу мимоходом, что учителей нанимаю не я, а о. Архимандрит. Он распоряжается [денежными] суммами как ему угодно. И потому я теперь не намерен делать с своей стороны какие-либо приобретения для Университета и Академии Наук. Вам также, я думаю, уже известно, что мои донесения теперь должны адресоваться не на имя Его Превосходи-

 $^{^{107}}$ Алексеев В. М. Академик В. П. Васильев. Замечания по поводу научного творчества и наследия. С. 57.

¹⁰⁸ История и культура Китая (Сб. памяти акад. В. П. Васильева). С. 44–45.

 $^{^{109}}$ Мартынов Д. Е., Мартынова Ю. А., Валеев Р. М. Магистр философии Василий Васильев и его командировка в Пекин. С. 157–158.

тельства [Попечителя Казанского учебного округа], а на имя начальника миссии, который будет делать на них свои замечания» 110. Из-за конфликта с отцом архимандритом В. П. Васильев не стал кооперироваться с В. В. Горским и о. Палладием в исследованиях буддизма и не получил доступа к полному изданию буддийского канона (на китайском языке), который оказался в распоряжении начальника миссии 111. В этом магистр Казанского университета не был одинок, другие светские члены миссии, особенно И.И. Захаров и А.А. Татаринов 112, также могли критиковать его и отказываться исполнять приказы. Тем не менее нужно учитывать мнение В. В. Горского, из писем которого следовало, что, по крайней мере в 1841 г., в миссии была если не идиллия, то обстановка учёного братства, вызывающая ассоциации с первыми веками христианства 113.

Наиболее тяжелым для В. П. Васильева оказался 1842 г. Как он сам свидетельствовал своему учителю Ковалевскому (послание от 2 июня 1842 г.):

...Я вполне убеждён, что с Казанью я лишился вместе и доброго моего Гения, и вся жизнь моя с того времени есть цепь каких-то самых уродливых, самых невероятных событий. Все мои усилия и добрые пожелания — ничтожнее паутины и уже давно развеяны ветром, даже мои чувствования... я не могу назвать их своими, [чтобы] выразить их ¹¹⁴.

События этого периода вполне разъясняются в отчетах Васильева попечителю Мусину-Пушкину. 2 июня 1842 г. он жаловался, что «ученые занятия... идут самым медленным образом». Однако не это было главным: 28 февраля 1842 г. Васильев отмечал сопровождавшиеся застольем именины, где он получал поздравления от архимандрита и прочих товарищей по миссии. Одна-ко 7 марта художник К. И. Корсалин 115 обвинил Васильева в том, что тот отравил его. Хотя врач А. А. Татаринов заявил, что это «помрачение ума», архимандрит Поликарп отселил Васильева и Корсалина на Северное подворье. 9 марта в присутствии И. Захарова и В. Горского архимандрит осведомился у

 $^{^{110}}$ Хохлов А. Н. Письма востоковеда В. П. Васильева из Пекина О. М. Ковалевскому... С. 477–478.

111 История и культура Китая (Сб. памяти акад. В. П. Васильева). С. 47.

Татаринов (1817–1886) — ру

¹¹² Александр Алексеевич Татаринов (1817–1886) — русский дипломат. Окончив Пензенскую гимназию и Медико-хирургическую академию, был причислен к штату XII Миссии как врач. В совершенстве освоив китайский язык, деятельно занимался китайской медициной и ботаникой; по результатам своих исследований после возвращения был удостоен степени доктора медицины. Далее был причислен к штату Азиатского департамента МИДа в качестве переводчика и в 1851 г. занял место первого русского консула в Чугучаке. Далее принимал участие в посольстве Е. В. Путятина и заключении Тяньцзиньского трактата.

¹¹³ Куликов А. М. Палладиум российского китаеведения: жизнь и труды архимандрита П. И. Кафарова. С. 49-50, 52.

¹¹⁴ Хохлов А. Н. Письма востоковеда В. П. Васильева из Пекина О. М. Ковалевскому... С. 479.

Кондратий Ильич Корсалин (1809–1883) — академик пейзажной живописи. Происходил из мещанской семьи Минской губ. Начинал как иконописец, в 1836-1839 гг. был вольнослушателем Академии художеств. Далее был зачислен штатным художником XII Миссии, в которой пробыл до 1847 г. Звания академика удостоен в 1854 г. Участвовал также в росписи Собора Святой Равноапостольной Марии Магдалины в Варшаве. В 1866 г. написал иконы для первой русской церкви в Хакодате.

Васильева о произошедшем, что закончилось открытой ссорой: магистр потребовал у начальства придать делу формальный вид, поскольку речь шла об уголовном преступлении. Далее масштаб конфликта только разрастался, ибо в него были вовлечены иеродиакон о. Палладий, а Захаров и Горский также были обвинены Корсалиным. В результате В. П. Васильев ходатайствовал попечителю Казанского учебного округа о возвращении его в Россию. Вдобавок резко ухудшилось здоровье востоковеда (он страдал кровохарканьями), а наличие в миссии туберкулёзного больного — В. Горского — только усиливало ¹⁶. Наконец, арх. Поликарп уверил магистра, что если к его подавленность весне 1844 г. самочувствие его не улучшится, то препятствий к возвращению Васильева не будет 117. Полный текст письма Васильева попечителю Мусину-Пушкину с известиями об этом ¹¹⁸ был опубликован А. Н. Хохловым ¹¹⁹

Официальная переписка и частные письма В. П. Васильева О. М. Ковалевскому свидетельствуют, что в 1843-1844 гг. положение изменилось мало. Магистр Васильев жаловался, что отпущенные ему суммы расходуются скупо, в Казань было отправлено книг не более чем на 30 руб. серебром, да и те дошли «в самом жалком состоянии». В письме О. М. Ковалевского попечителю Казанского учебного округа Мусину-Пушкину от 27 января 1842 г. сообщалось, что доставленные из Пекина шесть тибетских сочинений подмочены и сильно повреждены. Васильев 18 апреля 1844 г. писал на это: «Не понимаю, отчего это произошло, но кажется, если бы была хоть небольшая забота со стороны везших их, всё дошло бы благополучно» 120. 4 октября 1843 г. В. П. Васильев доносил попечителю, что не в состоянии самостоятельно заниматься разысканиями нужной ему литературы или наймом нужных специалистов 121. 8 марта 1844 г. он сообщал О. М. Ковалевскому:

Я не успел ещё сосредоточить своё внимание на каком-нибудь исключительном предмете. Не встречая ничего преимущественно интересного, я без разбора переходил от одного к другому, мешая трудные занятия китайским с более доступным мне тибетским языком, но не могу похвалиться, чтоб изучил хоть один из них обстоятельно. И как могло быть иначе, когда у меня нет до сих пор тибетского учителя, и когда простой солдат толкует мне живописный, удивительный язык в свете...

 $^{^{116}}$ А. Н. Хохлов высказывал также предположение, что В. П. Васильев мог иметь в виду судьбу даровитого буддолога и даолога XI Миссии Феофилакта (Киселевского), скончавшегося в 1840 г. незадолго до прибытия XII Миссии в Пекин, поскольку его так и не отпустили в Россию, несмотря на то, что чахоткой он страдал с 1834 г. и неоднократно просил о возвращении (Хохлов А. Н. Письма востоковеда В. П. Васильева из Пекина О. М. Ковалевскому... С. 489, примеч. 15).

¹¹⁷ Мартынов Д. Е., Мартынова Ю. А., Валеев Р. М. Магистр философии Василий Васильев и его командировка в Пекин. С. 158-159.

¹¹⁸ ГАРТ. Ф. 92. Оп. 3. Д. 4814. Л. 207–208.

 $^{^{119}}$ *Хохлов А. Н.* Письма востоковеда В. П. Васильева из Пекина О. М. Ковалевскому... С. 488–490. ¹²⁰ Там же. С. 481.

 $^{^{121}}$ Мартынов Д. Е., Мартынова Ю. А., Валеев Р. М. Магистр философии Василий Васильев и его командировка в Пекин. С. 158.

¹²² Хохлов А. Н. Письма востоковеда В. П. Васильева из Пекина О. М. Ковалевскому... С. 480.

В дневнике он однажды сравнил свою участь с судьбой А. Сосницкого, который немало претерпел в XI Миссии от архимандрита Вениамина ¹²³.

Наконец в 1844 г. появилась некоторая определенность: досрочное возвращение Васильева не представлялось возможным, поскольку согласие на 10-летнее пребывание в Китае было первостепенным условием включения востоковеда в состав миссии. Вопрос о необходимых средствах был решен положительно: «Начальник миссии не может ему отказывать в расходах действительно нужных и клонящихся к той цели, для которой он послан и для которой дарованы ему самые эти средства». 8 марта 1844 г. Васильев отчитался перед Мусиным-Пушкиным из Пекина собственноручно: с начала года он получил каталог для книжных закупок, которыми активно занимался, в том числе на средства, сэкономленные от найма учителей восточных языков. Васильев упоминал, что занимался китайскими классическими книгами для изучения языка, но полагал их собрание в университетской библиотеке вполне достаточным для образовательных нужд. Был куплен «И-цзин», но гораздо больше сложностей составило приобретение исторических сочинений. Васильев хотел приобрести официальное 80-томное издание «23-х династических историй», а не покупать сочинения по частям в изданиях разного качества и авторитетности. Вдобавок, пользуясь редкостью издания «Истории династии Мин», торговец запросил за него 650 руб. серебром вместо 300 руб., указанных в каталоге. Много писал Васильев о скверном качестве ксилографической печати, из-за чего на многих страницах невозможно было разобрать ни единого иероглифа. Он сетовал на несовершенство присланного ему книжного списка, в котором не были указаны три важнейшие энциклопедии — «Тун-чжи» 124 «Тун-дянь» ¹²⁵ и «Вэнь-сянь тун-као» ¹²⁶ — ценнейшие собрания систематизированных источников как для образовательных, так и для научных нужд. Ко времени получения каталога эти энциклопедии были им уже приобретены и даже с продолжением («Сюй-сань тун») ¹²⁷, доведенным до конца династии Мин (1368–1644). В результате 20 ноября 1844 г. Ковалевский направил в Пе-

¹²³ Чжао Чуньмэй (赵春梅). Василиефуюй Чжунго (瓦西里耶夫与中国, В. П. Васильев и Китай). Пекин: Сюэюань чубаньшэ, 2007. С. 7.

¹²⁴ 通志 («Всеобщее описание») — одна из 10 классических энциклопедий Китая, входит также в число Трёх сводов династии Сун. Первое издание вышло в 1161 г., включало 200 цзюаней, материал был разбит на 20 рубрик, в том числе разделы о каллиграфии и живописи.

通典 («Собрание обычаев и нравов») — классическая энциклопедия эпохи Тан, входящая в число Трёх сводов и 10 классических китайских энциклопедий. Составитель — Ду Ю (杜佑, 735–812). Обнародована в 801 г., включала 200 цзюаней, материал был разбит на 9 рубрик.

тассическая энциклопедия эпохи Юань, входящая в число Трёх сводов и 10 классических китайских энциклопедий. Включает 348 цзюаней, обнародована в 1317 г. Составитель — Ма Дуаньлинь (马端临, 1245—1325). Материал разбит на 24 раздела, среди которых: о земельном налогообложении, населении и регистрации жителей, государственных монополиях и торговле, экзаменах и назначениях на должности, администрировании, армии, образовании, денежном обращении и даже иностранных государствах.

¹²⁷ 续三通 — энциклопедический свод, включающий три классические энциклопедии, сведения которых в прежней рубрикации были доведены до правления династии Мин (т. е. до 1644 г.). Опубликован по императорскому повелению в 1767 г.

кин письмо, в котором выражал свое и попечителя Казанского учебного округа удовольствие от содержания мартовского отчета. Там же указывалось, что начальство не стесняет Васильева в выборе закупаемых книг, всецело полагаясь на его «познания и вкус к литературе». В письме содержалась просьба расширить ассортимент маньчжурских книг, и к нему прилагался список пособий, необходимых для занятий студентов, на китайском и маньчжурском языках. Содержалась также просьба приобрести тибетские сочинения, изданные за пределами Пекина, и книги, касающиеся Туркестана. Дело о закупке тибетского канона «Данчжура» и «Ганчжура» к январю 1844 г. все еще тянулось, вплоть до того, что арх. Поликарп обратился по просьбе Васильева в Лифаньюань, чтобы для миссии были отпечатаны копии этих сводов с хранящихся в Пекине ксилографических матриц (Мартынов Д. Е., Мартынова Ю. А., Валеев Р. М. Магистр философии Василий Васильев и его командировка в Пекин. С. 159-160). Наконец в мае 1844 г. тибетские буддийские своды были получены миссией в дар от цинского правительства (через Министерство податей), на что МИД отдарился в 1845 г. 357 русскими книгами, предназначенными для китайского правительственного училища русского языка: поскольку в Лифаньюане не было чиновников, владеющих русским языком в достаточной степени, для их разбора и описания пришлось привлечь членов миссии 128. Преимущественно это были пособия по истории и географии, военному делу, медицине, зоологии и ботанике и др. Что же касается книжных приобретений В. П. Васильева, то только в июльском отчете за 1846 г. арх. Поликарп доносил в Петербург, что магистр Васильев смог приобрести «Ганчжур» на тибетском языке ¹²⁹. Судя по посланию О. Ковалевскому от 18 марта 1844 г., Васильев покупал китайский вариант этого свода по частям как результат распродажи неизвестной ему библиотеки 130.

Летом 1846 г. по рекомендации арх. Поликарпа иеродиакон о. Палладий был вызван в Петербург для подготовки новой духовной миссии, которую должен был возглавить. Одним из важнейших оснований для рекомендаций были успехи Палладия в изучении буддизма. В. П. Васильев впоследствии утверждал: Кафаров «...бросил буддизм, прочитав все 750 томов китайского меня хранятся...» ¹³². В апреле 1847 г. миссия лишилась трёх своих членов: от чахотки скончался В. Горский и после его похорон выехали в Россию о. Палладий и художник К. Корсалин. Перед этим несколько лет шли переговоры о сокращении срока пребывания миссии в Пекине: Азиатскому департаменту требовалась ротация ценных специалистов по Дальнему Востоку, сокращались сроки обучения китайскому языку, а климат Пекина крайне тяжело сказывался на русских. Китайская сторона не была заинтересована в сокраще-

 $^{^{128}}$ Куликов А. М. Палладиум российского китаеведения: жизнь и труды архимандрита П. И. Кафарова. С. 56-57.

История и культура Китая (Сб. памяти акад. В. П. Васильева). С. 48–49. 130 Хохлов А. Н. Письма востоковеда В. П. Васильева из Пекина О. М. Ковалевско-

му... С. 482.
В свойственной ему иронической манере В. П. Васильев имел в виду китай-

буддийского учения».

¹³² Куликов А. М. Палладиум российского китаеведения: жизнь и труды архимандрита П. И. Кафарова. С. 61.

нии срока миссии, и XII состав должен был пробыть в столице полный срок. Тогда же пришли известия, что все члены миссии были представлены к наградам, студенты, не исключая В. Васильева, удостоились ордена св. Станислава III степени 133 .

В частной и официальной переписке В. П. Васильева, имеющейся в архивах Казани и Санкт-Петербурга, следует огромный перерыв (1846–1847). Причина его прямо именуется в послании О. М. Ковалевскому от 15 июня 1848 г.: резкий отказ М. Н. Мусина-Пушкина в досрочном возвращении магистра в Казань годом ранее. Таким образом, связь университета и Академии наук с Васильевым была прервана по инициативе российской стороны. Также Василий Павлович пережил длительное заболевание 134. К тому времени было известно, что к середине 1849 г. должна прибыть следующая, XIII миссия, это побудило учёного вернуться к активности и довести до конца все необходимые работы до возвращения в Россию: второго шанса попасть в Китай могло и не представиться. Из того же письма Ковалевскому следует, что основной массив переводов был уже выполнен (в том числе «Путешествия на Запад» патриарха Сюань-цзана 135) и были закуплены основные фонды и личной библиотеки, и предназначенные для передачи Казанскому университету ¹³⁶. Также, используя материалы и источники, оставшиеся от В. В. Горского, в 1847-1848 гг. Васильев занялся составлением словаря буддийской терминологии, взяв за основу рукописный санскрито-тибетский лексикон «Махавьютпатти» ¹³⁷ IX века, входящий в «Ганчжур». В рукописи, бывшей в распоряжении Васильева, каждый термин был снабжен его китайским и монгольским аналогами. Очень быстро оказалось, что переводы неточны, и если монгольский «Данчжур» позволял быстро исправить ошибки, то изыскания в области китайской буддийской терминологии оказались весьма тяжелыми: «...сколько нужно труда и соображения, чтобы напасть на след, из которой сутры или из какого оригинального сочинения извлечен приводимый в лексиконе текст, а потом отыскивать равносильные в китайском переводе» ¹³⁸. Параллельно Васильев занимался исследованием исторической географии Китая и заказал себе большое число карт, которые демонстрировали изменения границ и географической номенклатуры.

дрита П. И. Кафарова. С. 62–64. 134 *Хохлов А. Н.* Письма востоковеда В. П. Васильева из Пекина О. М. Ковалевско-

³⁶ Хохлов А. Н. Письма востоковеда В. П. Васильева из Пекина О. М. Ковалевско-

 $^{^{133}}$ $\mathit{Куликов}\,\mathit{A}.\,\mathit{M}.\,$ Палладиум российского китаеведения: жизнь и труды архиман-

му... С. 482–483. 玄奘 (602–664) — китайский буддийский философ, переводчик и путешественник эпохи Тан. В 629-645 гг. находился в Индии, откуда вывез более 600 текстов на санскрите. Активно занимался переводами на китайский язык. По повелению императора в 646 г. обнародовал сочинение «Путешествие в Западный край во времена Великой Тан» (大唐西域记) объемом 120 000 иероглифов.

му... С. 483–484. Дословно: «Большая этимология» (санскр. महाव्युत्पत्ति, тибет. क्वे ज्ञण्यू क्राह्म дословно: «Вольшая этимология» (санскр. 17(1-3) чтСт, тиост. (3 чтСт, тиост. чающий разъяснение 9492 лексических единиц в 277 разделах. Первый перевод на английский язык выполнил Чома де Кереши, но его рукопись публиковалась в 1834-1944 гг. На русском языке перевод был сделан в двух томах И. М. Минаевым в 1887-1911 гг. 138 История и культура Китая (Сб. памяти акад. В. П. Васильева). С. 52.

Можно согласиться со всеми хвалебными отзывами относительно пекинских работ В. П. Васильева. Достаточно процитировать В. М. Алексева: «Васильев как ученик и эмиссар О. М. Ковалевского выполнил миссию в Китае честно и самым лучшим образом, гениально» ¹³⁹. Впрочем, почти 10-летнее пребывание в монастырской обстановке не породило в нем смирения. Уместно процитировать следующий пассаж из послания к Ковалевскому от 30 мая 1849 г., почти накануне отъезда из Пекина:

При взгляде на столько [восточных] книг мне [часто] представлялся вопрос, не перевести ли их? Вместе с тем подумаешь: кто же будет читать или к чему перевод такой книги, которая не вполне выражает собой буддизм, причём написана в духе исключительно одной школы и т. п. Признаюсь, такое раздумье — враг для всех русских миссионеров, исключая только одного о. Иакинфа [Н. Я. Бичурина]. Кто из них не может переводить так, как он, таким же невзыскательным слогом и с такими же промахами, а он один сделался известным как [большой] знаток китайского языка. Кому из них не попадались маленькие хронологические таблицы, но никому не приходило в голову, что, издав их, можно стяжать славу, которую приобрёл какой-то немец, кажется, Габеленц

Как видим, гиперкритичность по отношению к предшественникам и современникам была свойственна Васильеву ещё до наступления его славы как ученого.

27 сентября 1849 г. в Пекин прибыла сменная — XIII Духовная миссия, возглавляемая архимандритом Палладием. Однако, в силу ряда обстоятельств, состав предыдущей миссии выехал в Россию только 2 мая 1850 г. ¹⁴² 9 июля караван прибыл в Кяхту, и только 18 сентября 1850 г. В. П. Васильев вернулся в Казань.

Результаты научной командировки В. П. Васильева

20 сентября 1850 г. датировано письмо В. П. Васильева помощнику попечителя и управляющему Казанским учебным округом Н. И. Лобачевскому с просьбой о 28-дневном отпуске в Нижний Новгород для встречи с престаре-

 $^{^{139}}$ Алексеев В. М. Академик В. П. Васильев. Замечания по поводу научного творчества и наследия. С. 58.

¹⁴⁰ Hans Cononvonder Gabelentz (1807–1874) — немецкий филологуниверсал; иностранный член Российской Академии наук (1868). Обучался в университетах Лейпцига и Гёттингена. В 1830–1850-х гг. состоял председателем ландтагов Альтенбурга и Веймарского великого герцогства, а в 1848–1849 гг. — президентом Франкфуртского рейхстага. Всю жизнь занимался изучением экзотических языков, начиная как монголовед и маньчжурист, издал готский текст Евангелия со словарём и грамматикой (1843–1846). Стал пионером финно-угроведения в Германии, опубликовав грамматику мордовского, марийского (эрзянского и мокшанского) и коми-зырянского языков. В 1850-е гг. составил словари и грамматики языков индейцев (ирокезов) и аборигенов Юго-Восточной Азии (даякский и проч.). В 1860 г. опубликовал первое исследование меланезийских языков, и в 1864 г. — немецко-маньчжурский словарь. Посмертно вышел его труд о Великом Ляо, где он впервые попытался дешифровать письменность киданей.

¹⁴¹ *Хохлов А. Н.* Письма востоковеда В. П. Васильева из Пекина О. М. Ковалевскому... С. 485–486.

лой матерью. Там же было сказано, что магистр Васильев обязывался сдать отчет о научной деятельности и о расходе отпущенных ему средств к 1 декабря того же года. Просьба была удовлетворена 143. А. Н. Хохлов предполагал, что служебное положение Васильева было неопределенным; в частности, санкт-петербургский (с 1845 г.) попечитель М. Н. Мусин-Пушкин даже предполагал направить его в Петербург для очного отчёта Академии наук, а затем — экстраординарным профессором в Казань. Уже 4 октября 1850 г. товарищ министра народного просвещения А. С. Норов 144 направил ректору Казанского университета Н. И. Лобачевскому запрос о будущем месте назначения В. П. Васильева ¹⁴⁵. 25 октября магистр вернулся в Казань, но отчета так и не представил ¹⁴⁶. К тому времени занятия на кафедре китайско-маньчжурской словесности прервались из-за болезни единственного преподавателя профессора О. П. Войцеховского, поэтому Н. И. Лобачевский, поддержанный ректором университета И. М. Симоновым, рекомендовал привлечь Васильева к преподаванию китайского языка ввиду неопределенности планов относительно тибетской кафедры. 17 ноября 1850 г. И. П. Войцеховский скончался, поэтому по рекомендации Совета университета «ввиду упразднения китайскоманьчжурской кафедры» 29 ноября помощник попечителя издал приказ о зачислении В. П. Васильева на должность экстраординарного профессора с 5 декабря. Ему предстояло не только преподавать китайский и маньчжурский языки, но и читать лекции по истории и литературе Китая.

Отчет Васильева был представлен в срок, и ещё 25 ноября 1850 г. О. М. Ковалевский, выступая на заседании историко-филологического факультета (деканом тогда был К. К. Фойгт 147), особо отмечал плодотворность поездки ма-

 $^{^{143}}$ Мартынов Д. Е., Мартынова Ю. А., Валеев Р. М. Магистр философии Василий Васильев и его командировка в Пекин. С. 160. 144 Авраам Сергеевич Норов (1795–1868) — государственный деятель.

¹⁴⁴ Авраам Сергеевич Норов (1795–1868) — государственный деятель. Родом из семьи саратовского губернского предводителя дворянства. С 1810 г. на военной службе, участвовал в Бородинском сражении, где потерял правую ногу, ампутированную по колено. В отставку с военной службы вышел в 1823 г. в звании полковника. С 1827 г. на статской службе, в 1850 г. занял пост товарища министра народного просвещения, в 1853–1858 гг. являлся министром просвещения. С 1851 г. действительный академик и глава Археографической комиссии. Известен также как археолог и полиглот (первый русский учёный, владевший древнеегипетским языком), одним из первых россиян совершил путешествие по Египту и Нубии в 1834–1836 гг. Начал работу по основанию университета в Сибири.

 $^{^{145}}$ История и культура Китая (Сб. памяти акад. В. П. Васильева). С. 54.

 $^{^{146}}$ *Мартынов Д. Е., Мартынова Ю. А., Валеев Р. М.* Магистр философии Василий Васильев и его командировка в Пекин. С. 160.

¹⁴⁷ Карл Карл ович Фойгт (1808–1873) — русский деятель образования. Происходил из остзейских немцев, его отец был первым профессором философии в только что открывшемся Казанском университете. Воспитывался в семье родственника — казанского профессора-востоковеда Ф. И. Эрдмана. Получил образование востоковеда, преподавал персидский язык в гимназии, с 1828 г. заведовал университетской библиотекой. С 1833 г. преподавал немецкий язык и литературу в университете, в 1838 г. защитил диссертацию «Об историческом значении эпопей у древних и новых народов». С 1842 г. ординарный профессор, с 1845 г. проректор. Известен как талантливый специалист по классификации и систематизации: привел в порядок каталоги библиотеки, составитель отчета по деятельности М. Н. Мусина-Пушкина, каталога университетских нумизматических коллекций, а также «Обозрения хода и успехов

гистра. 4 декабря факультету было официально объявлено решение помощника попечителя Лобачевского и Совета университета о назначении Васильева на должность преподавателя китайского языка, литературы и истории. Рассмотрение отчета Васильева распоряжением декана Фойгта от 8 декабря было возложено на монголоведов О. М. Ковалевского и А. В. Попова ¹⁴⁸. Перечислив все достижения Васильева, Совет университета ходатайствовал о присуждении ему пожизненной пенсии в 500 руб. серебром в год и о включении десятилетнего пребывания в Пекине в «действительную государственную службу» с присуждением чина титулярного советника от даты утверждения его магистерской диссертации, то есть от 29 февраля 1840 г. Поскольку, находясь в составе миссии, он не получил положенного по выслуге повышения, Совет университета ходатайствовал также о повышении его с 1 марта 1846 г. в чин коллежского асессора и с 1 марта 1850 г. — в чин надворного советника с переводом его с 9 июля 1850 г. из Министерства иностранных дел в ведомство Казанского университета

О кафедре тибетского языка в университетском ходатайстве было сказано следующее:

Хотя изучение тибетского языка было поставлено на первом плане при отправлении г-на Васильева в Пекин, и с возвращением его предполагалось ходатайствовать об учреждении при нашем университете кафедры сего языка; но обращая внимание на то, что такое учреждение кафедры потребует еще много времени и новых издержек, без этого уже значительных, в разряде восточных языков, и самое число слушателей, которые пожелают посвятить себя изучению нового языка, неизвестно, соображая, что кафедра китайского и маньчжурского языков, уже существующая в университете с 1837 года, числящая более слушателей, и независимо от теоретического значения, представляющих более практическое применение, — со смертию г-на исправляющего должность профессора Войцеховского, осталась вакантною...

До получения степени доктора восточной словесности Совет университета утвердил Васильева в должности экстраординарного профессора китайской и маньчжурской словесности со всеми положенными правами, жалованьем и квартирными деньгами. Основанием для принятия такого решения стало прошение декана историко-филологического факультета, в котором говорилось:

Все такие ходатайства в пользу магистра Васильева факультет считает не более, как вполне заслуженным им вознаграждением за томительное десятилетнее пребывание в отдаленном чуждом краю, в лучшие годы жизни среди лишений и препятствий разного рода, в постоянных тяжелых трудах, поддерживаемых единственно твердою силою воли, пламенной любовью к науке и благо-

преподавания азиатских языков в Императорском Казанском университете за десятилетие с 1842—1852 г.». В 1853 г. назначен ректором Харьковского университета, с 1863 г. попечитель Харьковского учебного округа, с 1867 г. — председатель Учёного комитета Министерства народного просвещения в Петербурге.

 $^{^{148}}$ Мартынов Д. Е., Мартынова Ю. А., Валеев Р. М. Магистр философии Василий Васильев и его командировка в Пекин. С. 162.

¹⁴⁹ Там же. С. 164.

родным стремлением оправдать ожидания и заботливость просвещенного правительства 150 .

4 февраля 1852 г. в Казанском университете было проведено освидетельствование привезенного из Пекина груза — 54 ящика, из которых 51 был опечатан печатью университета и 3 — личной печатью Васильева. После освидетельствования в присутствии ректора и экзекутора было объявлено, что неучтенных вещей и товаров в ящиках не оказалось, а закупленные книги доставлены в целости. Общий вес привезенных грузов — 312 пудов 172 фунта. За этим началось дело о расчете денежных средств, недоиспользованных Васильевым в Китае. В отчете было отмечено, что из отпущенных на эти цели 7000 руб. (280 фунтов серебра по весу) В. П. Васильеву удалось сэкономить 1320 руб. ($52^{1/8}$ фунта). В письме ректора Казанского университета Симонова на имя попечителя Казанского учебного округа Лобачевского от 2 февраля 1855 г. сообщались следующие сведения. В августе 1852 г. исполняющий обязанности экстраординарного профессора Васильев и бухгалтер Казанского университета титулярный советник Ставропольский выявили ошибку в расчетах при обмене серебряных лан (лянов) на медные чохи (вэни), имевшую место еще в сентябре и октябре 1846 г. По тогдашнему курсу, русский фунт серебра равнялся 1 серебряной лане и 6 чинам (цяням). Васильевым фунт серебра разменивался на 4000 чохов, несмотря на установленный курс 4000 чохов за лану. За счет разницы получился излишек в 139 600 чохов. К тому же значительную часть книжных покупок в последний период пребывания в Пекине Васильев совершил за собственный счет. Общая сумма пекинских расходов Васильева составила (в пересчете на рубли серебром) 5928 руб. 24 коп., из которых 1180 руб. — на наем учителей, 4407 руб. — на покупку книг. Из-за недостачи Васильев обратился к начальнику миссии, который возместил некоторые средства. В результате выяснилось, что всего Васильев издержал 297,4 фунта серебра вместо положенных 280 фунтов 151.

Можно согласиться с мнением Чжао Чуньмэя, что ключ к наследию Васильева-синолога кроется в его казанских годах ¹⁵². В то же время Чжао Чуньмэй, как и тремя четвертями века ранее В. М. Алексеев, отмечал, что Васильев вынес из своих пекинских испытаний глубокое знание китайских реалий, но отчасти оно было книжным. В отличие от Палладия (Кафарова), географически он побывал на трассе Казань — Пекин — Казань, да и большую часть времени провёл в «принудительном монашеском богомолье». И тем не менее его «Воспоминания о Пекине» являются «самыми свежими, остроумными и критическими» ¹⁵³. Не менее примечательно и то, что если китайские исследователи еще с начала XX в. остро критически относились к деятельности духовной миссии в Пекине, считая ее гнездом шпионажа и инструментом

 $^{^{150}}$ Мартынов Д. Е., Мартынова Ю. А., Валеев Р. М. Магистр философии Василий Васильев и его командировка в Пекин. С. 164–165.

¹⁵¹ Там же. С. 161.

 $^{^{152}}$ Васильев В. П. (Василиефу 瓦西里耶夫). Чжунговэньсянь ши = История китайской литературы (中国文献史). С. 2.

¹⁵³ Алексеев В. М. Академик В. П. Васильев. Замечания по поводу научного творчества и наследия. С. 58; *Чэкао Чуньмэй* (赵春梅). Василиефуюй Чжунго (瓦西里耶夫与中国, В. П. Васильев и Китай). С. 6.

агрессивной политики царской России ¹⁵⁴, то Чжао Чуньмэй открыто заявил: «Собирание библиотеки для Казанского университета не имеет ничего общего с захватническими планами царского правительства» ¹⁵⁵.

§ 2. Из биографии ученого*

Василий Павлович Васильев (20.02/4.03.1818–27.04/10.05.1900) — выдающийся российский ученый-синолог, буддолог, санскритолог. Доктор восточной словесности (с 1864 г.), член-корреспондент (с 1866 г.), ординарный академик (с 1886 г.) Императорской Санкт-Петербургской Академии наук. Заведующий кафедрой китайско-маньчжурской словесности Императорского Казанского университета (1851–1855), профессор (с 1855 г.), декан Восточного факультета Императорского Санкт-Петербургского университета (1878–1893) 156. Действительный тайный советник.

Поступив в Императорский Казанский университет в 1834 г., учился сначала на медицинском факультете, затем на словесном отделении философского факультета. Слушал лекции по отделу восточных языков, который был в то время представлен арабо-персидской (с 1828 г.), турецко-татарской (с 1828 г.) и монгольской (с 1833 г.) кафедрами. В год окончания В. П. Васильевым университета (1837) открывается китайская кафедра.

В период его учебы в Казанском университете его учителем и наставником был профессор того же университета Осип Михайлович Ковалевский (1800/1801–1878) — российско-польский монголовед, основатель классического университетского научного монголоведения в России, впоследствии член-корреспондент Санкт-Петербургской Академии наук, ректор Казанского университета. В. П. Васильев любил О. М. Ковалевского, который был не только его наставником, но и другом.

По окончании курса В. П. Васильеву было предложено отправиться с духовной миссией в Пекин для изучения санскрита, тибетского и китайского языков. После двухлетней подготовки к путешествию он проделал тот же путь, что и Ковалевский десятью годами ранее. Из Китая Васильев привез огромную коллекцию китайских, тибетских и монгольских рукописей и ксилографов (только в 1842 г. он отправил в Казань 849 сочинений в 2737 томах). Пробыв в Китае более девяти лет, он в 1850 г. вернулся и, как до него и О. М. Ковалевский, получил должность ординарного профессора по кафедре китайской и маньчжурской словесности и затем возглавил китайскую кафедру (1851–1855).

После возвращения В. П. Васильева из Китая и представления им отчета о проведенной там работе О. М. Ковалевский в 1850 г. написал Отзыв о науч-

 $^{^{154}}$ Феклова Т. Ю. Деятельность Русской Духовной миссии в Пекине в первой половине XIX в. по сбору информации политического и экономического характера. С. 151-157.

¹⁵⁵ *Чэкао Чуньмэй* (赵春梅). Василиефуюй Чжунго (瓦西里耶夫与中国, В. П. Васильев и Китай). С. 10.

^{* ©} В. Ю. Жуков, И. В. Кульганек.

¹⁵⁶ Валеев Р. М. Василий Павлович Васильев, 1818–1900. Казань: Изд-во КГУ, 2002. 20 с. // http://vmest.ru/nuda/osnovnie-dati-jizni-i-deyatelenosti-v-p-vasileeva/main.html (дата обращения: 24.06.2018).

ной деятельности Васильева, адресованный Совету профессоров философского факультета Казанского университета. Отзыв послужил рекомендацией, на основании которой В. П. Васильев был назначен ординарным профессором по кафедре китайской и маньчжурской словесности и затем возглавил китайскую кафедру. В своем Отзыве О. М. Ковалевский дал высокую оценку научной деятельности в Китае В. П. Васильева, который, блестяще справившись с данным ему заданием, не только оправдал надежды, возлагаемые на него университетом, но и превзошел ожидания своих учителей «и стяжал себе право на признательность начальства». Отзыв опубликован соавторами 157, оригинал хранится в Архиве востоковедов ИВР РАН (Ф. 29. Оп. 1. Д. 27).

В 1855–1890 гг. В. П. Васильев был профессором Восточного факультета Императорского Санкт-Петербургского университета. Любил студентов, сам трудолюбивый, высоко ценил их трудолюбие. Ученый обычно работал целый день, с небольшими перерывами. Писал мелким почерком, стоя за конторкой. Курил большую трубку. В 1855 г. род Васильевых был утвержден в потомственном дворянстве 158.

В Петербурге написал свой главный труд «Буддизм, его догматы, история и литература» (1857–1869), переведенный позднее на немецкий и французский языки. Его фундаментальные работы по истории китайской литературы, даосизму и конфуцианству стали образцами отечественного классического востоковедения и при жизни автора приобрели европейскую известность. В. П. Васильев является автором около 200 научных трудов. Неоценимым вкладом в российскую синологию считается разработанная им система китайских иероглифов, которая активно используется и в современных китайскорусских словарях. Он стал первым профессором китаеведения в России.

В. П. Васильев был членом Императорского Русского географического общества (ИРГО) с 1852 г., членом Совета этого Общества в 1882–1887 гг. В 1870 г. награжден Константиновской медалью ИРГО за сочинение «Буддизм, его догматы, история и литература», «труды по буддизму и превосходные исследования по китайским источникам географии Азии». Был также членом Русского археологического и Русского этнографического обществ. В связи с празднованием 50-летия его научно-педагогической деятельности (1888) в Петербургском университете была учреждена стипендия его имени, а он сам в 1889 г. был избран Почетным членом Петербургского университета. Был также Почетным членом Казанского университета, ИРГО, Археологического и Этнографического обществ.

¹⁵⁷ Отзыв О. М. Ковалевского о В. П. Васильеве / подготовка к изданию, предисл. и коммент. В. Ю. Жуков, И. В. Кульганек // MONGOLICA-XIX: сб. науч. статей по монголоведению, посвящается ведущим рос. монголоведам, юбилярам 2017 года М. И. Гольману, В. В. Грайворонскому и К. Н. Яцковской. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2017. С. 62–67.

¹⁵⁸ Крушинская А. А. У истоков династии ученых // Л. В. Крушинский. Записки московского биолога: Загадки поведения животных / сост. З. А. Зорина, И. И. Полетаева. М.: Языки славянской культуры, 2006. С. 270, 274; Васильев Василий Павлович, востоковед (1818–1900) // http://history-kazan.ru/kazan-vchera-segodnya-zavtra/istoriya-v-litsakh/zhzl-kazanskaya-seriya/332-53 (дата обращения: 17.03.2018); Бажанов В. А. Николай Александрович Васильев (1880–1940). М.: Наука, 1988. 144 с. // https://www.litmir.me/br/?b=581204&p=2 (дата обращения: 7.07.2018).

В конце 1899 г. торжественно отмечалось 60-летие научной деятельности В. П. Васильева. В феврале 1900 г., за два месяца до смерти академика, самый распространенный после «Нивы» еженедельный иллюстрированный журнал «Родина» писал о нем:

Неизменная доброта, сердечная отзывчивость, постоянная готовность помогать всем, обращающимся к нему, характеризуют личные качества маститого ученого, и все, как сослуживцы, так и слушатели, глубоко ценят его, относясь к нему с величайшей любовью и уважением 159 .

В 1918 г. на торжественном заседании Российской академии наук отмечалось 100-летие со дня рождения В. П. Васильева ¹⁶⁰. Его 150-летию была посвящена научная сессия Института востоковедения АН СССР (в Москве) ¹⁶¹, 200-летию — Всероссийская научная конференция в ИВР РАН (в Петербурге), с упоминания о которой начинается эта статья.

На Доме академиков (жилой дом Академии наук ¹⁶²), в котором жил академик В. П. Васильев в Петербурге, в 1950 г. установлена мемориальная доска: «Здесь жил академик Василий Павлович Васильев. 1818–1900. Крупнейший русский китаевед» ¹⁶³.

§ 3. Потомки до восьмого поколения (прапрапрапраправнуки)*

4 апреля 2018 г. на Всероссийской научной конференции «Академик В. П. Васильев (1818–1900) как исследователь культуры Китая, Тибета и Монголии. К 200-летию со дня рождения», проходившей в Институте восточных рукописей РАН в Санкт-Петербурге в рамках гранта РФФИ № 17-01-00209/17-ОГОН, был заслушан доклад «Академик В. П. Васильев и его потомки: эскиз генеалогического древа», в котором упоминались 27 потомков китаеведа В. П. Васильева. Доклад опубликован ¹⁶⁴.

С ним ознакомились двое праправнуков академика — Ариадна Андреевна Васильева (потомок, но однофамилица академика), проживающая в Ташкенте (Республика Узбекистан), и Сергей Сергеевич Яшенков из Чебоксар (Чувашская Республика Р Φ). Ариадна Андреевна написала одному из соавто-

 $^{^{159}}$ Академик В. П. Васильев // Родина: Иллюстрированный журнал. 1900. № 6. Стб. 235.

¹⁶⁰ Крушинская А. А. У истоков династии ученых. С. 272–274.

¹⁶¹ *Машкина И. Н.* Научная сессия, посвященная стопятидесятилетию со дня рождения В. П. Васильева // Народы Азии и Африки. 1968. № 4. С. 239–241.

 $^{^{162}}$ Санкт-Петербург, 7-я линия В. О., 2 / наб. Лейтенанта Шмидта, 1 / Академический пер., 12.

 $^{^{163}}$ Автор доски — архитектор Р. И. Каплан-Ингель, выпускник Института гражданских инженеров (ИГИ). 1914 г.

^{* ©} В. Ю. Жуков, И. В. Кульганек.

¹⁶⁴ Жуков В. Ю., Кульганек И. В. Академик В. П. Васильев и его потомки: эскиз генеалогического древа // Академик В. П. Васильев (1818–1900) как исследователь культуры Китая, Тибета и Монголии. К 200-летию со дня рождения. Программа и тезисы Всерос. науч. конф. 4 апреля 2018 г. Санкт-Петербург / сост. Т. А. Пан, И. В. Кульганек. СПб.: ООО «Свое издательство», 2018. С. 14–18.

ров этой статьи: «Совершенно случайно мне попали в руки тезисы Конференции, посвященной <...> 200-летию со дня рождения В. П. Васильева, моего прапрадеда» ¹⁶⁵. Из возникшей переписки выяснилось, что девять человек, названные нами в предыдущей статье потомками академика или их близкими, оказались... литературными (вымышленными) персонажами из романа самой А. А. Васильевой «Возвращение в эмиграцию» ¹⁶⁶ и историческими лицами не являются. Мы считаем своим долгом исправить допущенную неточность и назовем их.

Это ошибочно именуемые нами в прежней статье потомками академика: дочь Нина Васильевна Вороновская; ее дети (внуки академика): Вера Дмитриевна Вороновская, Надежда Дмитриевна Сумарокова, Константин Дмитриевич Вороновский, Любовь Дмитриевна Иволгина; сын последней (правнук академика) Петр Алексевич Иволгин; а также муж дочери академика Н. В. Вороновской — Дмитрий Андреевич Вороновский и мужья внучек академика Н. Д. Сумароковой — Александр Сумароков и Л. Д. Иволгиной — Алексей Антонович Иволгин

Таким образом, в упомянутой выше статье действительно потомками В. П. Васильева оказался 21 человек (а не 27, как мы полагали ранее). Кроме указания на эту неточность, А. А. Васильева и С. С. Яшенков любезно поделились рядом других сведений, которые вводятся в научный оборот в настоящей статье. Мы продолжили изучение темы потомков В. П. Васильева, привлекли новую литературу, нам повезло найти *прапраправнучку* академика Екатерину Борисовну Гугушвили, живущую в Москве, и уточнить некоторые данные по семейной линии Крушинских. Сведениями о внучке академика художнице З. Н. Элиасберг (урожд. Васильева) поделился немецкий исследователь-синолог Х. Валравенс (Н. Walravens), за что соавторы этой статьи выражают ему благодарность. В целом удалось проследить фамильную связь потомков с В. П. Васильевым до восьмого поколения ¹⁶⁸ (прапрапрапраправнуки академика) включительно. В результате число установленных потомков превысило 70 человек.

Соавторы посчитали себя обязанными «привести в известность» новые данные и выражают искреннюю признательность за уточнения и сообщенные сведения *праправнукам* академика Ариадне Андреевне Васильевой и Сергею Сергеевичу Яшенкову, *прапраправнучке* Екатерине Борисовне Гугушвили и ее дочери, *прапраправнучке* академика Нине Теймуразовне Горсюковой. Полученная от них информация отмечена в тексте так: одна звездочка (*) указы-

¹⁶⁵ Сообщение А. А. Васильевой. 11.05.2018 г.

 $^{^{166}}$ Васильева А. А. Возвращение в эмиграцию: роман: в 2 т. Ташкент: ООО «Полиграфические технологии», 2004; 2006. Т. 1. 2004. 512 с.; Т. 2. 2006. 511 с. Также в Ташкенте вышел Т. 3. Ч. 1. 410 с. (изданы на средства автора в 40 экз.). Рукопись первого тома принята на хранение в фонд Всероссийской мемуарной библиотеки (серия книг основана А. И. Солженицыным, Москва) в 1993 г. под № 56. Тома 1-й и 2-й с дарственными надписям переданы в Мемориальную библиотеку князя Г. В. Голицына (Петербург) в 2005 и 2006 гг. соответственно.

¹⁶⁷ Сообщение А. А. Васильевой. 11.05.2018 г.

 $^{^{168}}$ В. П. Васильев — первое поколение, его *дети* — второе поколение, *внуки* — третье поколение, *правнуки* — четвертое поколение, *праправнуки* — пятое поколение, *прапраправнуки* — шестое поколение, *прапраправнуки* — седьмое поколение, *прапрапраправнуки* — восьмое поколение.

вает на сообщения А. А. Васильевой от 11, 28 и 29 мая, 1, 12 и 13 июня, 2 и 3 июля 2018 г., две звездочки (**) — на сообщения С. С. Яшенкова от 10 и 19 мая, 7 июня 2018 г., три звездочки (***) — на сообщение Е. Б. Гугушвили и Н. Т. Горсюковой от 18.07.2018 г.

Личная жизнь. Жена и тесть академика

Василий Павлович Васильев родился в Нижнем Новгороде в семье чиновника канцелярии Губернского правления титулярного советника Павла Васильевича Васильева, сына сельского священника. Мать — Анна Петровна Васильева — тоже из духовного сословия ¹⁶⁹. В семье было пятеро детей — две дочери и три сына, В. П. Васильев — самый младший ¹⁷⁰.

Окончил начальное уездное училище в Нижнем Новгороде в 1828 г., Нижегородскую гимназию в 1832 г., Императорский Казанский университет, в который поступил в 16 лет, в 1837 г. 171

В 1852 г., уже будучи профессором Казанского университета, в возрасте 34 лет он женился на 20-летней Софье Ивановне Симоновой (25.07/ 6.08.1832 — 12/24.07.1868) — дочери члена-корреспондента Санкт-Петербургской Академии наук и ряда зарубежных академий и научных обществ, ректора Казанского университета Ивана Михайловича Симонова (1794-1855), который возглавлял университет непосредственно после Н. И. Лобачевского и до ректорства О. М. Ковалевского. И. М. Симонов был участником экспедиции Ф. Ф. Беллинсгаузена и М. П. Лазарева, открывшей Антарктиду, и первым русским астрономом, совершившим кругосветное путешествие и наблюдавшим в ноябре 1846 г. только что открытую новую планету Нептун. В 1833–1838 гг. под его руководством сооружена и оборудована астрономическая обсерватория Казанского университета — в то время одна из лучших в Европе и самая восточная в мире. В 1994 г. на ней установлена мемориальная доска. По его инициативе в Казани была основана также и магнитная обсерватория (1843). Действительный статский советник. Награжден орденом Анны II степени, что дало ему право на потомственное дворянство. В 1846 г. императором Николаем I пожалован дворянством и дворянским гербом. Овдовев через 14 лет брака, И. М. Симонов воспитывал двоих сыновей и двух дочерей.

В первой половине XIX в. тесть-астроном жил в небольшом имении в с. Каинки Свияжского уезда Казанской губернии, в 40 км от Казани, поэтому улица, на которой он жил, называлась Симоновской. Скончался Иван Михайлович 9 января 1855 г., находясь на службе. Похоронен в Казани на Кизическом кладбище при Кизическом Свято-Введенском мужском монастыре, которое было уничтожено в советское время. В 2010 г. в Кизическом монастыре

¹⁶⁹ Валеев Р. М. Василий Павлович Васильев; *Крушинская А. А.* У истоков династии ученых. С. 269; Васильев Василий Павлович, востоковед (1818–1900) // http://history-kazan.ru/kazan-vchera-segodnya-zavtra/istoriya-v-litsakh/zhzl-kazanskaya-seriya/332-53 (дата обращения: 17.03.2018).

¹⁷⁰ Валеев Р. М. Василий Павлович Васильев; В. П. Васильев — представитель казанской школы востоковедения // http://www.briefeducation.ru/brieds-473-1.html; Васильев Василий Павлович // http://megabook.ru/article/Васильев Василий Павлович (дата обращения: 17.03.2018).

¹⁷¹ Валеев Р. М. Василий Павлович Васильев; *Крушинская А. А.* У истоков династии ученых. С. 269.

установлен памятный камень на условном месте захоронения И. М. Симонова (могила-кенотаф).

В приданое Софья Ивановна получила от отца имение в с. Каинки, где Васильевы жили в 1852-1855 гг. Их дом стоял на соседней с Симоновской улице, рядом с деревянной Крестовоздвиженской церковью. Через 16 лет В. П. Васильев овдовел. Супруга умерла родами, похоронена вместе с мертворожденным последним сыном Павлом* в с. Каинки, на кладбище возле этой церкви.

Сам Василий Павлович пережил жену на 32 года и умер 27 апреля (10 мая) 1900 г. в Петербурге от двустороннего воспаления легких ¹⁷². Гроб с телом покойного 6 (19) мая в 2 часа ночи прибыл по железной дороге из Петербурга на станцию Свияжск, затем был доставлен в с. Каинки на лодке. В. П. Васильев был предан земле на возвышенном месте близ ручья, рядом с могилой супруги, возле уже новой — кирпичной — Крестовоздвиженской церкви (построена в 1890–1903 гг.).

Позднее старший сын академика Александр Васильевич Васильев поставил на этом месте памятник, на котором была выбита надпись:

Василий Павловичъ Васильевъ. Академикъ, / заслуженный профессоръ, тайный советникъ. / Родился 22 февраля 1818 года — / Скончался 27 апреля 1900 года. / Софья Ивановна Васильева, / урожденная Симонова. / Родилась 25 июля 1832 года — / скончалась 12 июля 1868 года ¹⁷³

После революции дом Васильевых в Каинках был снесен, их семейный склеп разрушен, надгробие с могилы академика и его супруги снято и перенесено с повреждениями в другое место. Заброшенная церковь, закрытая в конце 1920-х гг., постепенно разрушалась. Ныне она возвращена верующим, восстанавливается. Несколько лет назал налгробие Васильевых зацепили тросом и оттащили трактором ближе к кладбищу, опять с повреждениями...

У четы Васильевых родилось девять детей 174 — пятеро сыновей и четыре дочери, одна из которых умерла при рождении. Нами установлены также 15 внуков, 12 правнуков, 13 праправнуков, 9 прапраправнуков, 11 прапрапраправнуков и 2 прапрапрапраправнука. Итого 71 потомок академика (понятно, что их еще больше). Степень родства указана по отношению к В. П. Васильеву и выделена курсивом. Дети потомков перечисляются в порядке старшинства их родителей (сначала дети старших по возрасту родителей, затем более младших). Имена, отчества и фамилии потомков выделены жирным шрифтом.

1. Дети академика (второе поколение, 9 человек)

1.1. Сын Александр Васильевич Васильев (24.07/5.08.1853 — 6.10.1929). Крупный математик и историк, профессор, депутат I Государственной думы

 $^{^{172}}$ Крушинская А. А. У истоков династии ученых. С. 276. Валеев Р. М. Основные даты жизни и деятельности В. П. Васильева // http:// vmest.ru/nuda/osnovnie-dati-jizni-i-deyatelenosti-v-p-vasileeva/main.html; Васильев Василий Павлович, востоковед (1818–1900) // http://history-kazan.ru/kazan-vchera-segodnyazavtra/istoriya-v-litsakh/zhzl-kazanskaya-seriya/332-53 (дата обращения: 17.03.2018).

⁷⁴ Мертворожденного Павла мы здесь не учитываем.

от Казанской губернии, член Государственного совета от Академии наук, член ЦК кадетской партии.

В 1874 г. окончил физико-математический факультет Санкт-Петербургского университета и с того же года преподавал в Казанском университете. С 1899 г. — заслуженный ординарный профессор этого университета по кафедре чистой математики. Один из основателей физико-математического общества при Казанском университете (1890), возглавлял это общество полтора десятилетия. При его содействии в Казани были созданы Высшие женские курсы, на которых он преподавал.

В Казани проживал в собственном доме на Ново-Комиссариатской улице (ныне ул. Муштари). Входил в городские общественные комиссии. Был земским гласным (1880–1890), мировым судьей свияжских уездных училищных советов. В 1906 г. переехал в Петербург. С 1907 г. преподавал в Петербургском университете и на Высших женских (Бестужевских) курсах. Председатель Петроградского математического общества в 1921-1923 гг. Затем переехал в Москву. С 1923 г. профессор Московского университета. Член-корреспондент Международной академии истории науки 175 (в 1929).

Был первым биографом Н. И. Лобачевского, одним из зачинателей фундаментальных исследований по истории математики в России. Интересовался вопросами теории относительности. С 1885 г. был знаком с А. И. Ульяновым, оставил подробные воспоминания о периоде знакомства с ним. В декабре 1887 г. в Казанском университете принял участие в сходке, в которой принимал участие первокурсник этого же университета В. И. Ульянов (Ленин). Был знаком с одним из представителей русского космизма и создателем науки биогеохимии В. И. Вернадским, с основоположником гидро- и аэродинамики Н. Е. Жуковским.

В 1879 г. женился на Александре Павловне Максимович — дочери Павла Павловича Максимовича (1817–1892), общественного деятеля, члена Тверской губернской земской управы (1866-1877), который был шурином (брат жены) астронома И. М. Симонова. По материнской линии Александра Павловна была внучкой А. И. Хлебникова, штурмана шлюпа «Диана», совершившего под началом В. М. Головнина в 1807-1813 гг. экспедицию для исследования северной части Великого океана. Шурин А. В. Васильева (брат Александры Павловны) — Владимир Павлович Максимович (1850–1889) тоже был математиком, доктором математических наук. В семье А. В. Васильева было четверо детей: два сына и две дочери. Умер и похоронен в Москве, на Введенском кладбище 176

1.2. Дочь Аглаида Васильевна Васильева (5.07.1854, умерла при рождении*).

 $^{^{175}}$ До 1932 г. называлась «Международный комитет по истории науки». Васильев, Александр Васильевич (математик) // https://ru.wikipedia.org/wiki // Васильев, Александр Васильевич (математик) (дата обращения: 11.03.2018); Бажанов В. А. Николай Александрович Васильев (1880–1940); Крушинская Н. Л. Биография моего отца // Л. В. Крушинский. Записки московского биолога: Загадки поведения животных / сост. З. А. Зорина, И. И. Полетаева. М.: Языки славянской культуры, 2006. С. 288; Категория: Похороненные на Введенском кладбище // https://ru.wikipedia. org/wiki/ Категория: Похороненные на Введенском кладбище (дата обращения: 19.06.2018).

1.3. Сын **Николай Васильевич Васильев** (29.06.1857 — 1920). Агроном, доктор медицины Бернского университета, профессиональный революционер, участник русского и швейцарского революционного движения. Политический ссыльный, политэмигрант. Активный участник народнического движения ¹⁷⁷, затем марксист, член РСДРП, видный меньшевик, один из ближайших соратников Г. В. Плеханова. Публицист, редактор, мемуарист, автор воспоминаний о революционном движении ¹⁷⁸.

Родился и окончил гимназию в Петербурге. Учился в Медико-хирургической академии в Петербурге, затем в Новоалександрийском институте сельского хозяйства и лесоводства (в Ново-Александрии, совр. Пулавы, близ Варшавы, Польша). «Отец мой привил мне любовь к народу и уважение к бедным людям», — писал позднее Н. В. Васильев ¹⁷⁹. В 1876 г. арестован за распространение нелегальной литературы. Сидел в варшавской тюрьме и Доме предварительного заключения в Петербурге. Был выдан на поруки отцу. Работал на машиностроительных и текстильных предприятиях Петербурга. Вел пропаганду среди рабочих. Познакомился с Г. В. Плехановым. За участие в забастовке на Новой бумагопрядильне (Петербург, 1878 г.) был сослан в Холмогоры Архангельской губернии (место ссылки в 1744 г. семьи свергнутого российского императора Иоанна VI Антоновича). Вскоре бежал за границу. Некоторое время жил в Лондоне, где познакомился с К. Марксом.

Учился медицине в Бернском университете (Швейцария), доктор медицины. Гражданин города Берна. Принимал активное участие в швейцарском социал-демократическом движении. Инициатор создания Народного дома в Берне. Провел в швейцарском законодательстве первый закон о страховании от безработицы. Редактор первой рабочей газеты Швейцарии.

С началом первой русской революции вернулся в 1905 г. в Петербург. В 1917 г. входил в группу Г. В. Плеханова «Единство», во Временный, затем Центральный комитет этой группы и редакцию издававшейся ею газеты «Единство». Боролся против большевиков. В 1907 г. в статье «Плеханов и Васильев» В. И. Ленин писал о нем: «Васильев — видный меньшевик», называл его unicum'ом и «Монбланом оппортунизма» ¹⁸⁰, а И. В. Сталин в том же году — «третьим вождем меньшевиков» ¹⁸¹. После Октябрьской революции служил в Петроградском союзе рабочих потребительских обществ (Петросоюз). Овдовел. Умер от тифа в Петрограде на исходе «военного коммунизма». У него было двое детей ¹⁸².

 177 Мокшин Г. Н. Идеологи легального народничества о русской интеллигенции: Монография. Воронеж: Научная книга, 2007. С. 45.

¹⁷⁹ Цит. по: *Бажанов В. А.* Николай Александрович Васильев (1880–1940).

¹⁷⁸ *Васильев Н. В.* В семидесятые годы / вступит. ст. Г. В. Плеханова. М.; Л.: Мол. гвардия, 1931. 125 с. (первое изд.: *Васильев Н.* В 70-е годы. (Из моих воспоминаний) // Мир Божий. 1906. № 6, 7. Отд. 1-й).

¹⁸⁰ *Ленин В. И.* Плеханов и Васильев // В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 14. С. 237, 239.

¹⁸¹ Коба [И. В. Сталин]. Предисловие к грузинскому изданию брошюры К. Каутского «Движущие силы и перспективы русской революции» // http://www.greatcountry.ru/content/library/knigi/mels/stalin sobr/2-41.htm (дата обращения: 2.07.2018).

¹⁸² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 14. Указ. имен. С. 519; Генеалогическая база знаний: персоны, фамилии, хроника // http://baza.vgdru.com/1/40811/400.htm; Дой-ков Ю. Первая Сибирь: биографический словарь архангельской ссылки // http://textarchive.

- 1.4. Дочь Ольга Васильевна Васильева (1858–1879). Трагически погибла (покончила с собой, выбросившись из окна). В память о ней девочек, родившихся в семьях Васильевых и Барановских, называли Ольгой*.
- 1.5. Дочь Лидия Васильевна Барановская (урожд. Васильева, 19.11.1860—1950*). Была замужем за генералом от кавалерии Всеволодом Степановичем Барановским (26.11.1853 июль 1921) ¹⁸³ братом генерал-лейтенанта Льва Степановича Барановского ¹⁸⁴. После революции эмигрировала во Францию. Имела пятерых детей: двух сыновей и трех дочерей. Умерла в Париже, похоронена на кладбище Булонь-Бийанкур (Boulogne-Billancourt)*.
- 1.6. Дочь Мария Васильевна Барановская (урожд. Васильева, 25.09.1863—?; дома ее звали Маней*). Была замужем за полковником Генерального штаба, затем генерал-лейтенантом Львом Степановичем Барановским (1855—?) братом генерала от кавалерии Всеволода Степановича Барановского. Позднее супруги развелись. Мария Васильевна осталась в Советской России. В 1920-х гг. приезжала в Париж повидаться с сестрой Лидией Васильевной (1.5), затем вернулась обратно в СССР*. Имела троих детей: сына и двух дочерей.
- 1.7. Сын Сергей Васильевич Васильев [старший] (1864—?). Математик (как и его старший брат Александр). Умер в Финляндии, в психиатрической клинике*.
 - 1.8. Сын Владимир Васильевич Васильев (6.06.1866–?)* ¹⁸⁵.
- 1.9. Сын Сергей Васильев [младший] (8/20.07.1867*— 1950**). Ветеринарный врач. Жил в г. Свияжске. Владел 200 десятинами земли, имел хутор Поляна в 4 км от с. Каинки, разоренного после революции 186 .

Родился в Царском Селе (ныне г. Пушкин в составе Пушкинского района Санкт-Петербурга). Мать умерла на следующий год после его рождения. В 10 лет поступил в гимназию в Санкт-Петербурге. Окончил 9 классов гимназии в 1888 г. и поступил в Казанский ветеринарный институт, который окончил в 1892 г. Затем работал ветеринарным врачом Свияжского земства Казанской губернии. В 1907 г. учредил первую в уезде ветлечебницу. В 1905 г. был призван на Русско-японскую войну, после демобилизации работал в Свияжске. В 1909 г. перешел на службу в Ядринское земство Казанской губернии, работал в с. Норусево (ныне с. Калинино, Чувашская республика РФ). В 1913 г. вернулся в Свияжское земство, в 1914 г. снова был мобилизован. По состоянию на сентябрь 1917 г. служил старшим ветеринарным врачом 68-го паркового артиллерийского дивизиона. После демобилизации в 1918 г. был принят ветврачом в Свияжском районе и работал там до 1927 г. Затем до 1940 г. работал ветврачом в различных районах бывшей Казанской губернии. Любил охоту на дичь с собаками.

ru/c-2686629-p2.html; http://uni-persona.srcc.msu.su/site/research/zajonchk/tom3_1/V3P11180.htm (дата обращения: 28.06.2018).

¹⁸³ Барановский, Всеволод Степанович // https://ru.wikipedia.org/wiki/Барановский,_ Всеволод Степанович (дата обращения: 16.03.2018).

¹⁸⁴ О нем см.: Русская армия в Первой мировой войне: Барановский Лев Степанович // http://www.grwar.ru/persons/persons.html?id=119 (дата обращения: 11.03.2018).

¹⁸⁵ Владимир Васильевич Васильев // https://www.geni.com/people/Владимир-Васильевич-Васильев/600000058511179232 (дата обращения: 27.05.2018).

¹⁸⁶ Центр генеалогических исследований // http://rosgenea.ru/?a=3&p=118&r=4&s=%C2%E0%F1%E8%EB%FC%E5%E2 (дата обращения: 12.03.2018).

Был дважды женат. В первый раз женился между 1888 и 1892 гг. Овдовел через пять лет после свадьбы. Второй раз женился в 1910 г. на Анне Герасимовне Васильевой (урожд. Ионова, 22.07.1890 — 26.04.1981). В каждом браке имел по дочери. Умер в 1950 г. и похоронен в г. Чебоксары, на старом кладбище у церкви Спаса нерукотворного образа (Спасо-Напольная, или Спасо-Кладбищенская, снесена в начале 1970-х гг., кладбище тоже не сохранилось)**.

2. Внуки академика (третье поколение, 15 человек)

Дети сына Александра Васильевича Васильева (1.1)

2.1. Внук Николай Александрович Васильев (29.06.1880 — 31.12.1940). Философ, логик, психолог, историк, литературовед, переводчик, поэт. Один из основателей неклассической, неаристотелевой (воображаемой) логики. Автор книги «Воображаемая логика» (М., 1989). Действительный член Московского психологического общества (с 1911 г.). В молодости увлекался поэзией, издал сборник стихов «Тоска по вечности» (1904). Переводил стихи Э. Верхарна. В 1930-е гг. читал Маркса и Ленина. Называл себя «энгельсистом» в философии. С возрастом полюбил классическую музыку, особенно Бетховена.

Родился в Казани. Окончил Вторую Казанскую гимназию (1898) и медицинский факультет Казанского университета (1904) с отличием, также прослушал курс философии. 11 марта 1901 г. принял участие в студенческой сходке и уличной демонстрации, за что попал под надзор полиции и уехал в Екатеринбург, где провел весну и лето 1901 г. По окончании вуза работал врачом в д. Шатьма Ядринского уезда. Весной 1906 г. сдал в Казанском университете экзамены экстерном за курс историко-филологического факультета. 30 июня 1906 г. получил диплом I степени о его окончании.

Читал психологию и философию на Казанских высших женских курсах. С ноября 1910 г. — приват-доцент кафедры философии Казанского университета. В 1914 г. мобилизован в армию и зачислен в резерв врачей при Казанском окружном военно-санитарном управлении. Награжден орденом Св. Станислава III степени (1915). В 1916 г. демобилизован по болезни (глубокое депрессивное состояние, перешедшее в душевный кризис). С 9 декабря 1917 г. доцент, с 1 октября 1918 г. — профессор по кафедре философии Казанского университета. В 1922 г. заболел маниакально-депрессивным психозом, отправлен на пенсию (в возрасте 42 лет).

В 1904 г. женился на Екатерине Степановне Завьяловой. У них был сын Юлиан. Из-за обострившегося маниакально-депрессивного психоза последние годы жизни находился в психиатрической лечебнице, где и умер в последний день 1940 г. Похоронен на Арском кладбище в Казани (где покоится и Н. И. Лобачевский). Могила утеряна 187 .

¹⁸⁷ С. Каинки // http://uslon-cbs.ru/index.php/2014-09-17-07-29-50 (дата обращения: 16.09.2017 г.); Васильев, Николай Александрович (философ) // https://ru.wikipedia.org/wiki/Васильев,_Николай_Александрович_(философ) (дата обращения: 12.03.2018); *Бажанов В. А.* Николай Александрович Васильев (1880–1940).

2.2. Внук Сергей Александрович Васильев (1881 или 1883–1962). Инженер путей сообщения. Родился в Казани. Переехал в Петербург, где в 1909 г. окончил Институт инженеров путей сообщения. Студентом последнего курса входил в состав студенческого комитета партии социалистовреволюционеров и участвовал в создании эсеровской группы для ведения пропагандистской работы. Отпечатанные на мимеографе листовки хранил на квартире своей двоюродной сестры Ольги Львовны Керенской (урожд. Барановской) и ее мужа А. Ф. Керенского. В конце 1905 г. был арестован, сидел в петербургской тюрьме «Кресты», этажом выше камеры, где в это время находился в заключении А. Ф. Керенский.

Был начальником Ленской изыскательской партии, впервые обследовавшей р. Лену и реки верхней части ее бассейна (1911–1918). В 1920 г. эмигрировал из Севастополя в Королевство СХС (Сербов, Хорватов и Словенцев, с 1929 г. — Югославия) вместе с женой Тамарой Христофоровной Васильевой (урожд. Дейкарханова, 1889 или 1891–1980). Строил мосты в Королевстве СХС и на Корсике (Франция). С 1922 г. жил в Нью-Йорке (США), где работал в авиастроительных компаниях. Умер в Нью-Йорке.

Его жена Т. Х. Васильева (Дейкарханова) обучалась в студии МХТ (1907—1911), стала ведущей актрисой театра миниатюр «Летучая мышь». В эмиграции в США много снималась в кино и на телевидении, читала лекции в американских университетах 188 .

2.3. Внучка Анна Александровна Крушинская (урожд. Васильева, 1882—1968). Переводчик, редактор, библиограф. С юности увлекалась историей, училась на курсах историка Д. М. Петрушевского (1863—1942, академик АН СССР с 1929 г.), который с 1893 г. преподавал в Москве всеобщую историю на Коллективных уроках при Обществе воспитательниц и учительниц.

В 1910 г. вышла замуж за юриста Виктора Леонидовича Крушинского (1872–1922). У них родился сын. Жили в Москве, в собственном доме. Овдовев, работала переводчицей в Наркомате путей сообщения (НКПС), затем всю жизнь была библиографом Фундаментальной библиотеки общественных наук им. В. П. Волгина АН СССР ¹⁸⁹ и подрабатывала как переводчица. Подхоронена в могилу отца на Введенском кладбище в Москве ¹⁹⁰.

90 Крушинская Н. Л. Биография моего отца. С. 277, 283, 284, 286, 330.

¹⁸⁸ Отечественные гидрологи. Историко-биографическое описание: Васильев Сергей Александрович // http://hydrohistory.ru/bio.php?id=138 (дата обращения: 12.03.2018); Своими глазами. Министр-председатель Временного правительства Александр Федорович Керенский // https://eho-2013.livejournal.com/1012163.html (дата обращения: 7.07.2018); Устное сообщение историка В.Ю. Черняева. 8.07.2018 г.; *Крушинская Н. Л.* Биография моего отца. С. 285; Тамара Дейкарханова — прима театра «Летучая мышь» // https://www.armmuseum.ru/news-blog/2017/11/20/-; Тамара Дейкарханова // https://www.kino-teatr.ru/teatr/acter/w/empire/272973/bio/ (дата обращения: 8.07.2018).

¹⁸⁹ Фундаментальная библиотека общественных наук им. В. П. Волгина АН СССР — Библиотека Социалистической академии общественных наук — Коммунистической академии (1918–1936), Фундаментальная библиотека общественных наук им. В. П. Волгина АН СССР (ФБОН АН СССР им. В. П. Волгина, 1936–1969 гг.), с 1969 г., после образования на ее базе Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН), — Институт научной информации и Фундаментальная библиотека общественных наук АН СССР (ИНИБОН), затем Фундаментальная библиотека ИНИОН АН СССР, ныне Библиотека ИНИОН РАН.

2.4. Внучка Елена Александровна Васильева (1884—?). Эмигрировала за границу 191 .

Дети дочери Лидии Васильевны Барановской (урожд. Васильевой) (1.5)

- 2.5. Внучка Вера Всеволодовна Барановская (1884*— 7.12.1935). Актриса театра и кино. Воспитанница школы МХТ и артистка МХТ в 1903—1915 гг. Исполнительница главной роли в кинокартине «Мать» (1926) и работающей женщины в фильме «Конец Санкт-Петербурга» (1927) режиссера Вс. И. Пудовкина. Известна также по фильмам, снятым в Германии и Чехословакии. В 1932 г. уехала на лечение во Францию. Умерла в Париже 192, похоронена на кладбище Булонь-Бийанкур. Детей не имела*.
- 2.6. Внук **Владимир Всеволодович Барановский** (1888–1950). Во время революции эмигрировал в США, где сменил фамилию на Барстоу. Первым браком был женат на Марии Сила-Новицкой (25.01.1895–? ¹⁹³), вторым на американке по имени Ферн, фамилия неизвестна*.
- 2.7. Внучка Ольга Всеволодовна Сумарокова (урожд. Барановская, 1891—1940). Была замужем за актером театра и кино и режиссером Александром Александром Александровичем Сумароковым (1884 после 1967) ¹⁹⁴. Супруги развелись еще до революции. О. В. Сумарокова эмигрировала во Францию, бывший муж остался в России. Умерла в Париже, похоронена на кладбище Булонь-Бийанкур, недалеко от Парижа*.
- 2.8. Внучка Елена Всеволодовна Бирюкова (урожд. Барановская, 1892—1967*). Врач, двоюродная сестра О. Л. Керенской (урожд. Барановской). Была замужем за генерал-майором Николаем Павловичем Бирюковым (1873—1919), героем Первой мировой войны, участником Брусиловского прорыва. В Гражданской войне активного участия он не принимал. Расстрелян красными 13.07.1919 г. в Одессе 195.
- Е. В. Бирюкова эмигрировала во Францию, но права на врачебную практику там не имела. В эмиграции у нее родилась внебрачная дочь от А. Ф. Керенского. Елена Всеволодовна умерла в Париже, похоронена на кладбище Булонь-Бийанкур*.
- 2.9. Внук Святослав Всеволодович Барановский (1896—1969). Офицер, сражался в рядах Добровольческой армии. Эмигрировал во Францию. Был дважды женат. Первая жена Клавдия Сердюк осталась в России. Вторая жена Ольга Сергеевна Завалишина. С. В. Барановский умер в Париже*.

¹⁹² Барановская, Вера Всеволодовна // https://ru.wikipedia.org/wiki/Барановская,_Вера_Всеволодовна (дата обращения: 16.03.2018).

¹⁹³ Дневник одной фарфоровой куклы // https://duchesselisa.livejournal.com/222479.html (дата обращения: 27.05.2018).

195 Бирюков, Николай Павлович // https://ru.wikipedia.org/wiki/Бирюков,_Николай_Павлович (дата обращения: 17.03.2018).

¹⁹¹ Крушинская Н. Л. Биография моего отца. С. 285.

¹⁹⁴ В советское время — Заслуженный артист УССР, Заслуженный деятель искусств Чечено-Ингушской АССР. О нем см.: Сумароков, Александр Александрович // https://ru.wikipedia.org/wiki/Сумароков, Александр_Александрович (дата обращения: 27.05.2018).

Дети дочери Марии Васильевны Барановской (урожд. Васильевой) (1.6)

2.10. Внук **Владимир Львович Барановский** (20.05.1882 — 11.09.1931). Русский и советский военный деятель, генерал-майор (за отличия по службе, 1917 г.), герой Первой мировой войны, награжден Георгиевским оружием.

Участник Февральской революции, член Военной комиссии Временного комитета Государственной думы. С 6 июля 1917 г. начальник кабинета военного и морского министра Временного правительства А. Ф. Керенского (по назначению последнего), который был его зятем (муж сестры). После Октябрьской революции подвергался аресту, был заключен в Петропавловскую крепость. 4 января 1918 г. освобожден под честное слово. В марте 1918 г. уволен со службы. С сентября 1918 г. в РККА, где занимал разные должности, в 1921–1924 гг. — начальник оперативно-строевого отдела Управления связи РККА. Арестован 17 февраля 1931 г. по делу «Весна» ¹⁹⁶. Признал себя виновным в создании контрреволюционных организаций. Осужден к ВМН с заменой на 10 лет ИТЛ. Умер в СибЛАГе осенью того же года ¹⁹⁷.

2.11. Внучка Ольга Львовна Керенская (урожд. Барановская, 1884—1.10.1975). Первая жена А. Ф. Керенского (с 1904 г. и фактически до его ухода в Госдуму в начале Февральской революции в 1917 г.). Училась на Высших женских (Бестужевских) курсах в Петербурге. Порекомендовала Керенскому носить знаменитую стрижку «бобрик». В семье родились двое сыновей. Весной 1918 г. Керенский эмигрировал, а Ольга Львовна с детьми и матерью осталась в Петрограде без средств к существованию, набивала папиросные гильзы табаком на продажу. Одна из большевистских газет писала:

Сам Кере́нский за границей Там, где царские отбросы, А жена его в столице Набивает папиросы.

В мае 1918 г. уехала с семьей в Усть-Сысольск. В августе была арестована ВЧК, доставлена в Москву, на Лубянку, и обвинена в попытке бегства к белым. В течение шести недель содержалась вместе с детьми в Лубянской тюрьме. После освобождения осенью 1918 г. вернулась в Петроград и проживала совместно с матерью. Младший сын Глеб болел туберкулезом, лечить его в России было невозможно, и семья решилась на отъезд. В 1920 г. через эстонского консула достали поддельные паспорта на фамилию Петерсонов и как эстонские граждане выехали в Эстонию. Из Ревеля (Таллин) Керенские отправились в Швецию, в августе 1920 г. перебрались в Англию. Там Ольга Львовна работала машинисткой, волонтером женской неправительственной организации. Летом 1939 г. брак между супругами Керенскими был офици-

 $^{^{196}}$ Дело «Весна» — репрессии в отношении офицеров Красной Армии, служивших ранее в Русской императорской армии, и гражданских лиц, в том числе бывших белых офицеров, организованные в 1930–1931 гг. органами ОГПУ. Только в Ленинграде в мае 1931 г. по этому делу было расстреляно свыше тысячи человек.

Барановский, Владимир Львович // https://ru.wikipedia.org/wiki/Барановский, Владимир_Львович; Русская армия в Первой мировой войне: Барановский Владимир Львович // http://www.grwar.ru/persons/persons.html?id=892 (дата обращения: 11.03.2018).

ально расторгнут. 20 августа 1939 г. А. Ф. Керенский вступил во второй брак с Лидией Элен (Нелл) Триттон.

- О. Л. Керенская пережила его на пять лет. Покоится на лондонском клад-бище Путни-Вейл (Putney Vale Cemetery and Crematorium) рядом с А. Ф. Керенским, своими сыновьями и их женами 198 .
 - 2.12. Внучка Елена Львовна Тархова (урожд. Барановская, 2.09.1885-?).

Дети сына Сергея Васильевича Васильева [младшего] (1.9)**

От первой жены

2.13. Внучка Ольга Сергеевна Васильева. Эмигрировала во Францию, встречалась там с потомками своей тети Лидии Васильевны Барановской (урожд. Васильевой) (1.5), судьба которых подробно описана в романе А. А. Васильевой «Возвращение в эмиграцию». Около 1945—1946 гг. переехала в США. Прислала в Чебоксары письмо своему отцу С. В. Васильеву в 1950 г., в год его смерти. Детей не имела**.

От второй жены Анны Герасимовны Васильевой (урожд. Ионовой)

- 2.14. Внучка Тамара Сергеевна Яшенкова (урожд. Васильева) (22.02.1918—14.10.2007). Родилась в Казани, окончила рабфак (1934—1937), затем, как и ее отец, Казанский ветеринарный институт (1937—1941). Вышла замуж за однокашника по институту Михаила Ивановича Яшенкова (07.11.1918—05.05.2007). У них родились сын и дочь.
- Т. С. Яшенкова участник Великой Отечественной войны, затем работник мясной промышленности Чувашской АССР. Заслуженный ветеринарный врач Чувашской АССР (1973). Умерла и похоронена в г. Чебоксары, на кладбище № 11 (пос. Яуши).

Дочь сына Николая Васильевича Васильева (1.3.)

2.15. Внучка Зинаида Николаевна Элиасберг (урожд. Васильева), художник, книжный график, в 1906 г. в Вене (Австро-Венгрия) вышла замуж за историка литературы, переводчика, издателя Александра Самойловича Элиасберга (1878–1924), родом из Минска (Россия), сына богатого банкира. Затем они жили в Мюнхене (Германия). Она была близка к петербургским писательско-журналистским кругам, входила в ремизовский Обезвелволпал 199. В конце 1922 г. она позволила себе на улице несколько заявлений, истолкованных в

¹⁹⁸ Как чекисты с женой Керенского боролись // https://tverdyi-znak.livejournal. com/521221.html; Керенская (Барановская) Ольга Львовна, первая жена Керенского Александра Федоровича // http://www.mega-stars.ru/video-yt/SfBGAIJogL0.php (дата обращения: 17.03.2018).

¹⁹⁹ Обезвелвол па́л (Обезьянья Великая и Вольная палата) — шуточное «тайное» общество, придуманное писателем А. М. Ремизовым.

антигерманском духе, за что предстала перед судом и была приговорена к пятимесячному тюремному заключению. А. С. Элиасберг вместе с сыном в 1923 г. переехал в Берлин к своей сестре, где в следующем году умер 200 .

3. Правнуки академика (четвертое поколение, 12 человек)

Сын внука Николая Александровича Васильева (2.1)

3.1. *Правнук* Юлиан Николаевич Васильев. Родился до революции ²⁰¹.

Сын внучки Анны Александровны Крушинской (урожд. Васильевой) (2.3)

3.2. Правнук Леонид Викторович Крушинский (3/16.06.1911–25.05.1984). Выдающийся отечественный нейробиолог, доктор биологических наук, членкорреспондент АН СССР (с 1974 г.), профессор МГУ им. М. В. Ломоносова. Пионер в СССР исследований по генетике поведения. Разработал учение об элементарной рассудочной деятельности животных как предыстории интеллекта человека. Лауреат Ленинской премии (1988 г., посмертно, за работу 1976 г. «Биологические основы рассудочной деятельности»). В 1974–1984 гг. член Правления Московского общества физиологов, Международного совета по изучению мозга (IBRO). Избирался вице-президентом Всесоюзного физиологического общества им. И. П. Павлова.

Родился в Москве. Окончил школу в 1928 г. Тогда же поступил в Казанский университет (в Московский не был принят по причине происхождения из потомственных дворян). В 1930 г. по дополнительному набору поступил в МГУ на II курс биологического факультета. Окончил кафедру динамики развития организма в 1934 г. В 1934—1937 гг. учился в аспирантуре. Защитил в 1938 г. диссертацию на соискание ученой степени кандидата наук, в 1947 г. — докторскую диссертацию. В 1938—1948 гг. был ассистентом и доцентом той же кафедры. По совместительству в течение 10 лет работал научным консультантом Института физиологии им. И. П. Павлова в лаборатории генетики высшей нервной деятельности.

В войну жил в Москве, был прикомандирован к Центральной военнотехнической школе собаководства Красной Армии (ЦВТШС КА), где работал еще студентом. Результаты исследований нашли практическое применение, в том числе для создания экспресс-метода отбора и дрессировки служебных собак для минно-разыскной, противотанковой и санитарной (перевозка раненых) служб. В 1942–1943 гг. неоднократно выезжал на фронт для испытания служебных собак в боевых условиях. После испытания на собаках ездил на фронт и испытывал на бойцах препараты, снимающие утомление.

²⁰¹ *Бажанов В. А.* Николай Александрович Васильев (1880–1940).

²⁰⁰ Сообщение X. Валравенса (H. Walravens) (Германия), 20.07.2020 г.; *Зипль Кармен*. «Превосходный посредник»: Томас Манн и Александр Элиасберг // Звезда. URL: https://zvezdaspb.ru/index.php?page=8&nput=182 (дата обращения: 24.07.2020); Россия и Запад (139 с.). URL: https://dom-knig.com/read_227051-139# (дата обращения: 24.07.2020).

В 1951–1983 гг. был организатором и заведующим лабораторией патофизиологии высшей нервной деятельности МГУ, в 1983–1984 гг. возглавлял кафедру высшей нервной деятельности МГУ. Член редколлегии трех журналов АН СССР по биологии. Автор свыше 200 научных трудов, в том числе по служебному собаководству.

С детства любил природу и животных, особенно охотничьих собак, в основном сеттеров и гончих. Собаки были у него всю его жизнь, в семилетнем возрасте он завел первую — щенка пойнтера. С 16 лет стал заядлым охотником, охотился с выращенной им собакой (помесью волка и собаки) и охотничьим ружьем, подаренным ему дедом-математиком. Любил песни А. Н. Вертинского.

Был дважды женат. В 1934 г. женился на Татьяне Александровне Бедняковой, тоже выпускнице МГУ, работавшей вместе с ним в лаборатории кинологии ЦВТШС КА. У них было две дочери. В 1954 г. женился на Наталье Алексеевне Розановой. Она была врачом, страстным охотником и держала собак. В этом браке родился сын. Л. В. Крушинский в 1958 г. стал дедушкой, в 1978 г. — прадедушкой. Скончался в Москве, подхоронен в могилу дедаматематика и матери на Введенском кладбище 202. В МГУ была издана коллективная монография к 100-летию со дня его рождения 203.

Дети внучки Ольги Львовны Керенской (урожд. Барановской) (2.11)

3.3. Правнук Олег Александрович Керенский (03/15.04.1905–25.06.1984). Выдающийся инженер-мостостроитель, один из лучших специалистов своего времени. 05.01.1918 г. участвовал в демонстрации в поддержку Учредительного собрания в Петрограде.

Спроектировал крупнейший в мире «Купол открытий» диаметром 111 м в Лондоне (1951), первый Босфорский подвесной мост через пролив Босфор в Стамбуле длиной 1560 м (проект 1950 г., открыт в 1973 г.). Командор ордена Британской империи (1964), награжден королевой Елизаветой ІІ. Член Лондонского королевского общества (1970). Был женат на Дороти. У них был сын. О. А. Керенский похоронен вместе с женой Дороти, родителями и братом Глебом на кладбище Путни-Вейл в Лондоне 204.

3.4. *Правнук* Глеб Александрович Керенский (07.12.1907 — декабрь 1990). Инженер-энергетик. Был женат на Мэри (1920–2013). У них было трое детей: сын и две дочери. Подхоронен с женой Мэри в могилу матери Ольги Львовны Керенской на кладбище Путни-Вейл в Лондоне.

 203 Формирование поведения животных в норме и патологии: к 100-летию со дня рождения Л. В. Крушинского (1911–1984): Сб. / МГУ им. М. В. Ломоносова, Биол. ф-т; сост.: И. И. Полетаева, З. А. Зорина. М.: Языки славянской культуры, 2013. 526 с.

 $^{^{202}}$ Крушинский, Леонид Викторович // https://ru.wikipedia.org/wiki/Крушинский, Леонид_Викторович (дата обращения: 24.06.2018); *Крушинский А. Л.* Воспоминания об отце // Там же. С. 360; *Крушинская Н. Л.* Биография моего отца. С. 287, 288, 290, 292, 296, 299, 302, 303, 314, 320, 343, 347.

²⁰⁴ Керенский, Олег Александрович // https://ru.wikipedia.org/wiki/Керенский, Олег Александрович; https://sergey-v-fomin.livejournal.com/224882.html (дата обращения: 17.03.2018).

Дочь внучки Ольги Всеволодовны Сумароковой (урожд. Барановской) (2.7)*

3.5. *Правнучка* **Елена Александровна Васильева** ²⁰⁵ (урожд. Сумарокова, 1914–2012). Была замужем за Андреем Ивановичем Васильевым (1907–1990).

Дети внучки Елены Всеволодовны Бирюковой (урожд. Барановской) (2.8)*

- 3.6. *Правнук* Всеволод Николаевич Бирюков (1913–1982). Двоюродный брат *правнучки* академика Елены Александровны Васильевой (урожд. Сумароковой). Они были очень дружны, вместе росли. Их путь в эмиграцию лежал через Новороссийск в Константинополь, затем на остров Антигон в Мраморном море ²⁰⁶. В 1923 г. по нансеновскому паспорту перебрались во Францию, сначала в Марсель, затем в Париж. В. Н. Бирюков работал шофером парижского такси. Был дважды женат, оба раза на француженках. В первом браке имел дочь, во втором сына.
- 3.7. *Правнучка* **Ирина Александровна Керенская-Дэ** (1917–2015). Двоюродная сестра *правнучки* академика Елены Александровны Васильевой (урожд. Сумароковой), вместе росли. Ирина Александровна была замужем за французским офицером Мишелем Дэ. Детей у них не было. Похоронена в местечке Эрблэ (Herblay), под Парижем, на правом берегу Сены.

Лети внука Святослава Всеволодовича Барановского (2.9)*

От первого брака — с Клавдией Сердюк

3.8. *Правнучка* **Лидия Святославовна Барановская** (1917 г. — кон. 1980-х гг.).

От второго брака — с Ольгой Сергеевной Завалишиной

3.9. *Правнучка* **Наталья Святославовна Барановская** (1924 г. — сер. 1980-х гг.).

Дети внучки Тамары Сергеевны Яшенковой (урожд. Васильевой) (2.14)**

- 3.10. Правнучка Ольга Михайловна Яшенкова (р. 1942).
- 3.11. *Правнук* **Сергей Михайлович Яшенков** (р. 17.11.1950 в Чебоксарах). Имеет троих детей двух сыновей и дочь.

 $^{^{205}}$ Приведена фамилия по мужу — однофамильцу академика.

²⁰⁶ Антигон (совр. о-в Бургазада: «остров Крепости») — третий по величине (площадь 1,5 кв. км) остров Принцевых островов в Мраморном море недалеко от Константинополя (с 1930 г. Стамбул), Турция.

Сын внучки Зинаиды Николаевны Элиасберг (урожд. Васильевой) (2.15)

3.12~ Правнук **Павел (Пауль, Поль) Элиасберг** (1907–1982 или 1983 или 1984). Немецко-французский художник-график. Умер в Гамбурге 207 .

4. Праправнуки академика (пятое поколение, 13 человек)

Сын правнука Олега Александровича Керенского (3.3)

4.1. Праправнук Олег Олегович Керенский — младший (1930–1993). Писатель, публицист, балетный и театральный критик, автор книг «Мир балета» (1970), «Анна Павлова» (1973), «Новая британская драма» (1977). В фильме про Джона Рида «Красные» (1981) сыграл своего деда — главу Временного правительства России. Был близок с артистом балета и балетмейстером Рудольфом Нуриевым.

Дети правнука Леонида Викторовича Крушинского (3.2)

От первой жены Татьяны Александровны Бедняковой

4.2. Праправнучка Наталья Леонидовна Крушинская (р. 30.03.1934, фамилию в браке не меняла). Выпускница биолого-почвенного факультета МГУ (1957). Канд. биол. наук, ст. науч. сотрудник Института биологии развития им. Н. К. Кольцова РАН. Автор ряда работ о поведении животных, в том числе морских млекопитающих. Сейчас на пенсии, занимается литературной деятельностью и краеведением, написала несколько книг об истории семьи. Принимала участие в создании музея и восстановлении храма на родине предков в Юрьеве-Польском. Живет в Москве. Была замужем за орнитологом и биофизиком Борисом Николаевичем Вепринцевым (04.04.1928—11.04.1990). В браке родилась дочь 208***

Б. Н. Вепринцев — д-р биол. наук (с 1971 г.), профессор (с 1975 г.). Лауреат Государственной премии СССР (1982). Первым выдвинул гипотезу об ориентировке птиц по небесным светилам. Заместитель председателя Комиссии при АН СССР по гуманному обращению с лабораторными животными. Сын профессионального революционера Н. А. Вепринцева (1883–1941), репрессированного в 1932 г. Сам был арестован в 1951 г., отбывал срок в Кемеровском лагере. Освобожден в 1954 г. С 1966 г. руководил организованной им в Пущине под Москвой лабораторией биофизики нервной клетки. Известный собиратель звукозаписей голосов птиц и животных в природе (600 пластинок и кассет с записями голосов и звуков около 4 тыс. видов животных, в том чис-

²⁰⁷ Зипль Кармен. «Превосходный посредник»: Томас Манн и Александр Элиасберг // Звезда. URL: https://zvezdaspb.ru/index.php?page=8&nput=182 (дата обращения: 24.07.2020); Россия и Запад (139 с.). URL: https://dom-knig.com/read_227051-139# (дата обращения: 24.07.2020).

 $^{^{208}}$ *Крушинская Н. Л.* Биография моего отца. С. 277, 320.

ле более 500 птичьих голосов). При его жизни издано 28 грампластинок. Похоронен в Пущине²⁰⁹.

4.3. Праправнучка Елена Леонидовна Крушинская (р. 30.10.1940, фамилию в браке не меняла). В 1965 г. окончила кафедру зоологии позвоночных МГУ, на этой же кафедре работала зоологом-орнитологом. С 1995 г. на пенсии. Живет в Москве. Была замужем за д-ром биол. наук, профессором кафедры эмбриологии МГУ Дмитрием Васильевичем Поповым (17.01.1943-6.12.2008). В браке сын 210***

От второй жены Татьяны Александровны Бедняковой

4.4. Праправнук Алексей Леонидович Крушинский (05.11.1955–04.10.2014). Выпускник кафедры зоологии позвоночных биологического факультета МГУ (1977). Канд. биол. наук (с 1986 г.), ст. науч. сотрудник кафедры высшей нервной деятельности и лаборатории физиологии и генетики поведения биологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова (с 1987 г.). Большую часть своей жизни в науке работал в лаборатории физиологии и генетики поведения. Как и отца, его отличала любовь к природе и интерес к биологическим основам поведения животных. Автор и соавтор более 70 научных статей в 1997-2016 гг. (одна посмертно) и около 25 докладов на конференциях. Одна из его последних статей посвящена биофизическим основам рассудочной деятельности (напечатана в сборнике в честь 100-летия со дня рождения его отца). Жил и работал в Москве.

Был женат на Варваре Евгеньевне Дьяконовой (р. 12.06.1969, фамилию в браке не меняла), нейробиологе, д-ре биол. наук, профессоре РАН. Детей в браке не было ²¹¹***.

Дети правнука Всеволода Николаевича Бирюкова (3.6)*

От первой жены

4.5. Праправнучка Анн-Мари [Анна Всеволодовна] Бирюков (р. 14.05.1937). Живет в Марселе (Франция). По-русски не говорит. Замужем за Клодом Монтусэ (р. 02.06.1933). У них двое детей: сын и дочь — это уже полноценные французы.

От второй жены

4.6. Праправнук Андре [Андрей Всеволодович] Бирюков (р. 09.01.1951). Живет в Париже. Прекрасно владеет русским языком. Был журналистом ин-

²⁰⁹ Вепринцев, Борис Николаевич // https://ru.wikipedia.org/wiki/Вепринцев,_Борис_ Николаевич; Московская энциклопедия. Т. 1 // http://moscow-tombs.ru/1990/ veprintsev bn.htm (дата обращения: 7.07.2018).

 $^{^{210}}$ Крушинская Н. Л. Биография моего отца. С. 277, 294, 296. 211 Крушинская Н. Л. Биография моего отца. С. 320; Крушинский А. Л. . Воспоминания об отце. С. 348; ИСТИНА: Интеллектуальная Система Тематического Исследования Наукометрических данных // https://istina.msu.ru/profile/KrushinskyAL/; Биологический факультет МГУ // http://www.bio.msu.ru/news/view.php?ID=1066 (дата обращения: 7.07.2018).

формационного агентства Франс Пресс, сейчас на пенсии. Женат на француженке Анн-Лиз Дюран (р. 15.07.1954). У них две дочери. Переписывается с А. А. Васильевой, недавно приезжал в Ташкент (Узбекистан) повидаться с ней.

Дочь правнучки Елены Александровны Васильевой (урожд. Сумароковой) (3.5)*

4.7. Праправнучка Ариадна Андреевна Васильева (р. в 1942 в Париже). Правнучка Лидии Васильевны и Всеволода Степановича Барановских, внучка Ольги Всеволодовны и Александра Александровича Сумароковых, дочь Елены Александровны и Андрея Ивановича Васильевых (отец — однофамилец академика). Автор романа «Возвращение в эмиграцию», материалом для которого послужила история прабабушки и прадеда Л. В. и В. С. Барановских. Написан по воспоминаниям ее матери Е. А. Васильевой (урожд. Сумароковой). Живет в Ташкенте (Узбекистан). Имеет двоих детей ²¹².

Дети правнука Глеба Александровича Керенского (3.4)

- 4.8. Праправнучка Катерина Глебовна Керенская (р. 1946).
- 4.9. *Праправнук* Степан (Стивен) Глебович Керенский (р. в 1949 в Глазго, Великобритания). Поэт, детский писатель, занимался антиквариатом.
 - 4.10. Праправнучка Либби Хадсон (Елизавета Глебовна Керенская, р. 1956).

Дети правнука Сергея Михайловича Яшенкова (3.11)**

- 4.11. *Праправнук* **Сергей Сергеевич Яшенков** (р. 13.03.1977 в Чебоксарах). Окончил Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова в 1999 г. Живет в Чебоксарах (Чувашская Республика РФ). Имеет сына.
 - 4.12. Праправнук Алексей Сергеевич Яшенков (р. 1985).
 - 4.13. Праправнучка Ксения Сергеевна Яшенкова (р. 1992).

5. Прапраправнуки академика (шестое поколение, 9 человек)

Дочь праправнучки Натальи Леонидовны Крушинской (4.2)

5.1. Прапраправнучка **Екатерина Борисовна Гугушвили** (урожд. Вепринцева, р. 30.03.1958). Окончила Московский государственный педагогический институт (МГПИ) им. В. И. Ленина (ныне Московский педагогический государственный университет — МПГУ) по специальности «дефектология» в 1986 г. Логопед-дефектолог. Работает по специальности около 40 лет, из них 30 лет — с детьми с тяжелыми патологиями речи. Живет в Москве.

 $^{^{212}}$ Васильева Ариадна Андреевна. Биография // http://samlib.ru/w/wasilxewa_ariadna_andreewna/about.shtml (дата обращения: $10.05.2018 \, \Gamma$.)

С 1978 г. замужем за Теймуразом Амирановичем Гугушвили (р. 14.05.1953, дальний родственник оперного солиста Тбилисского государственного театра оперы и балета Теймураза Гугушвили). В браке родилась дочь ²¹³***.

Дети праправнучки Анн-Мари [Анны Всеволодовны] Бирюков (4.5)*

- 5.2. *Прапраправнучка* **Кристин Монтусе** (р. 13.12.1958). Замужем за Хуаном Леоном Велазкезом (р. 1943). У них двое детей: сын и дочь.
- 5.3. Прапраправнук Марк Монтусе (р. 03.08.1960). Женат на Силви Герлэ. У них два сына.

Сын праправнучки Елены Леонидовны Крушинской (4.3)

5.4. Прапраправнук Григорий Дмитриевич Попов (р. 08.03.1965). Окончил Второй Московский государственный медицинский институт (ныне Российский национальный исследовательский медицинский университет — РНИМУ) им. Н. И. Пирогова в 1990 г. Канд. мед. наук. В 2006 г. получил степень МВА. До 2007 г. работал акушером-гинекологом. В настоящее время живет в Берлине (ФРГ), занимается предпринимательской деятельностью.

Женат на дочери генерал-полковника А. А. Иванова (зам. министра связи СССР в 1989–1991 гг., в 1999 г. возглавлял Госкомитет РФ по телекоммуникациям) — Наталье Александровне Ивановой (р. 23.06.1966, фамилию в браке не меняла). В 1988 г. окончила Московский институт связи (МИС, ныне Московский технический университет связи и информатики — МТУСИ). В семье сын ²¹⁴***.

Дети праправнучки Ариадны Андреевны Васильевой (4.7)*

- 5.5. Прапраправнук **Алексей Дмитриевич Солоденников** (р. 1967). Живет в США. Имеет дочь.
- 5.6. Прапраправнучка Елена Дмитриевна Аванесова (урожд. Солоденникова, р. 1971). Живет в Ташкенте (Узбекистан). Имеет двух сыновей и дочь.

Дочери праправнука Андре [Андрея Всеволодовича] Бирюкова (4.6)*

- 5.7. Прапраправнучка **Катрин Бирюков** (р. 17.06.1981). Замужем за Габриелем Жуно. У них дочь.
 - 5.8. Прапраправнучка Софи Бирюков (р. 12.02.1985).

Сын праправнука Сергея Сергеевича Яшенкова (4.11)**

5.9. Прапраправнук академика (имя и год рождения нам неизвестны). Живет в Чебоксарах.

²¹⁴ Там же. С. 344.

²¹³ *Крушинская Н. Л.* Биография моего отца. С. 320, 343.

6. Прапрапраправнуки академика (седьмое поколение. 11 человек)

Дочь праправранучки Екатерины Борисовны Гугушвили (урожд. Вепринцевой) (5.1)

6.1. *Прапраправнучка* **Нина Теймуразовна Горсюкова** (урожд. Гугушвили, р. 4.08.1978). Окончила Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ) по специальности «филология» в 2000 г. Живет и работает редактором в Москве.

Замужем за Владиславом Аркадьевичем Горсюковым (р. 28.05.1969). Окончил Московский государственный технический университет (МГТУ) им. Н. Э. Баумана и Финансовый университет при Правительстве РФ. Банковский служащий ²¹⁵***.

Сын прапраправнука Григория Дмитриевича Попова (5.4)

6.2. *Прапраправнук* **Александр Григорьевич Попов** (р. 29.10.1994). С 2010 г. живет и получает образование в США: South Kent School (2010–2014), Merrimack College North Andover MA USA (с 2014 г. по настоящее время).

Дочь прапраправнука Алексея Дмитриевича Солоденникова (5.5)*

6.3. *Прапрапраправнучка* **Татьяна Алексеевна Солоденникова** (р. 1993). Живет в США.

Дети праправнучки Елены Дмитриевны Аванесовой (урожд. Солоденниковой) (5.6)*

- 6.4. *Прапраправнук* **Андрей Олегович Аванесов** (р. 1994). Живет в Ташкенте (Узбекистан).
- 6.5. Прапраправнучка Елизавета Олеговна Аванесова (р. 2001). Живет в Ташкенте.
- 6.6. *Прапрапраправнук* **Денис Олегович Аванесов** (р. 2007). Живет в Ташкенте.

Дети прапраправнучки Кристин Монтусе (5.2)*

- 6.7. Прапраправнук Брюно Велазкез (р. 28.03.1983).
- 6.8. Прапрапраправнучка Ореля Велазкез (р. 11.03.1985).

Дети прапраправнука Марка Монтусе (5.3)*

- 6.9. Прапраправнук **Николя Монтусе** (р. 15.08.1985). Женат на Алекси Карисми (р. 1984). У них двое детей: дочь и сын.
 - 6.10. Прапраправнук Жюльен Монтусе (р. 06.12.1987).

 $^{^{215}}$ Крушинская Н. Л. Биография моего отца. С. 343.

Дочь прапраправнучки Катрин Бирюков (5.7)

6.11. Прапрапраправнучка Итсил Жуно (р. 13.07.2017).

7. Прапрапрапраправнуки академика (восьмое поколение, 2 человека)

Дети прапраправнука Николя Монтусе (6.8)

- 7.1. Прапрапраправнучка Шарли-Роз Монтусе (р. 20.05.2014).
- 7.2. Прапрапраправнук Марюс Монтусе (р. 19.08.2016).

Ныне здравствующие отдаленные потомки академика Василия Павловича Васильева живут в России, во Франции, в Германии, Узбекистане и США и носят другие фамилии (за исключением А. А. Васильевой — потомка-однофамильца). Наиболее молодые из них, особенно не говорящие по-русски, вероятно, и не знают, что имеют родственное отношение к известному в России ученому-востоковеду.

Глава III

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ И ДОКУМЕНТЫ

\S 1. Отзыв О. М. Ковалевского о В. П. Васильеве *

Предлагаемая ниже публикация представляет собой отзыв российскопольского монголоведа, основателя классического университетского научного монголоведения в России, декана историко-филологического факультета и затем ректора Императорского Казанского университета, почетного члена, действительного члена, члена-корреспондента различных научных обществ и академий наук России и Европы, лауреата Демидовской премии Осипа Михайловича Ковалевского (1800–1878) — учителя и наставника В. П. Васильева во время учебы последнего в Казанском университете. Их научные пути схожи. К моменту поступления В. П. Васильева в Казанский университет (1834) О. М. Ковалевский уже имел за плечами трехгодичное путешествие в Забайкалье и Сибирь, во время которого он посетил Монголию, провел семь месяцев в Китае 1, проследовав в составе Х Духовной миссии из Кяхты до Пекина с новым составом миссии, руководителем которой был родоначальник отечественной синологии Н. Я. Бичурин (1777–1856)². О. М. Ковалевский был знаком со многими отечественными китаистами. Научные интересы связывали его с главой XI Пекинской миссии архимандритом Петром (в миру П. И. Каменский, 1765–1845), с переводчиками-миссионерами О. П. Войцеховским и К. Г. Крымским. По возвращении из путешествия на Восток в 1832 г. О. М. Ковалевский был утвержден в должности ординарного профессора, а в 1833 г. возглавил первую в России и Европе кафедру монгольского языка, которая была открыта в Казанском университете на философском факультете 3.

В. П. Васильев в 1834 г. поступил в Казанский университет, где учился на словесном отделении философского факультета. Слушал лекции по отделу восточных языков, представленному в то время арабо-персидской (с 1828), турецко-татарской (с 1828) и монгольской (с 1833) кафедрами. В год окончания (1837) В. П. Васильевым университета открывается китайская кафедра. После окончания курса В. П. Васильеву было предложено поехать с духовной миссией в Пекин для изучения санскрита, тибетского и китайского языков.

^{* ©} В. Ю. Жуков, И. В. Кульганек.

¹ Полянская О. Н. О. М. Ковалевский в Забайкалье, Монголии... С. 156.

² Хохлов А. Н. Духовная миссия в Пекине... С. 28.

³ Валеев Р. М. Василий Павлович Васильев... С. 18.

После двухлетней подготовки к этому путешествию он проделал тот же путь, что и О. М. Ковалевский десятью годами ранее. Первой работой в этом направлении, за которую ему была присвоена степень магистра восточной словесности, стал анализ основ буддизма, изложенный в «Сутре Золотого блеска». Пробыв в Китае более девяти лет, он в 1850 г. вернулся и, как и О. М. Ковалевский, получил должность ординарного профессора по кафедре китайской и маньчжурской словесности и затем возглавил китайскую кафедру (1851–1855), которую принял от И. П. Войцеховского, руководившего кафедрой в 1844–1850 гг.

В это время появляются научные публикации В. П. Васильева. Все они созданы на базе скрупулезного изучения источников, написанных на восточных языках, имели новаторский характер и были совершенно новы для российских и европейских ориенталистов.

В 1854/55 учебном году в Петербургском университете был открыт факультет восточных языков. В следующем году В. П. Васильев был переведен в столичный университет. Изданные им пособия, учебники, словари, лекции для студентов разнообразны по тематике и широте охвата материала. Это «Маньчжурско-русский словарь» (1866), «Анализ китайских иероглифов» (1866), «Китайская хрестоматия» в трех томах (1868), «Графическая система китайских иероглифов. Опыт первого китайско-русского словаря» (1867), «Примечания на третий выпуск китайской хрестоматии. Перевод и толкование Ши-цзина» (1882), «Примечания на второй выпуск китайской хрестоматии. Перевод и толкование Лунь Юй'я» (1884), «Анализ китайской хрестоматии. Перевод и толкование Лунь Юй'я» (1884), «Очерки истории китайской литературы» (1885), «Материалы по истории китайской литературы. Лекции, читанные студентам С.-Петербургского университета» (1888) 4.

В Петербурге написан его главный труд «Буддизм, его догматы, история и литература» (1857–1869), переведенный позже на немецкий язык. Его фундаментальные работы по истории китайской литературы, даосизму и конфуцианству стали образцами отечественного классического востоковедения и при жизни автора приобрели европейскую известность. В своих трудах В. П. Васильев впервые поставил перед научным миром вопрос описания исторического пути, пройденного буддийской философией. Им был выработан ряд понятий для анализа буддийских текстов и перевода их на русский язык. Он впервые применил к буддийским сочинениям используемые в христианской литературе термины: «спасение», «подвижничество», «святость», «божественное», «духовное», «плотское», «грех».

Предлагаемый вниманию читателей «Отзыв» не имеет даты. Мы предполагаем, что он написан О. М. Ковалевским после возвращения В. П. Васильева из Китая и представления им отчета о проведенной там в течение около десяти лет работе. Отзыв является своеобразной рекомендацией О. М. Ковалевского своему ученику для получения им должности ординарного профессора Казанского университета и вскоре — заведующего китайской кафедрой. Через пять лет В. П. Васильеву будет предложена китайская кафедра в Петербургском университете на факультете восточных языков. При создании этого факультета в Петербург были переведены из Казанского университета препо-

 $^{^4}$ *Козин С. А.* Библиографический обзор изданных и неизданных работ академика В. П. Васильева... С. 759–774.

даватели И. Н. Березин, А. В. Попов. А. К. Казем-Бек, Н. Сонин, М. Т. Навроцкий 5 , И. Ф. Готвальд, Г. Гомбоев и др. Самому О. М. Ковалевскому как бывшему политическому ссыльному, проходившему по делу «филоматов и филаретов» за участие в этих подпольных польско-литовских студенческих организациях, было отказано в возможности переехать в Петербург. Кафедру монгольского и калмыцкого языков возглавил его коллега А. В. Попов. О. М. Ковалевскому был предложен пост ректора Казанского университета, который он и занимал до $1860\,\mathrm{r}$.

В своем «Отзыве» О. М. Ковалевский пишет, что В. П. Васильеву после того, как им были сданы требуемые экзамены, было разрешено приступить к написанию диссертации на степень магистра об основах буддийской философии. О. М. Ковалевский высоко оценивает диссертацию В. П. Васильева, указывает на трудности, связанные с малой изученностью материала, несмотря на то, что некоторые российские и западные ученые (Ж.-П. Абель-Ремюза, И. Я. Шмидт, О. Франк) «имеют весьма любопытные изыскания на эту тему». Почти десятилетнее пребывание В. П. Васильева в Китае О. М. Ковалевский оценивает как чрезвычайно важные годы, в течение которых магистр получил «драгоценные познания». Из «Отзыва» можно установить задачи, которые были поставлены перед В. П. Васильевым во время нахождения его в Китае. Они касались понимания «простых естественных начал языка», которые должны быть положены в основу его тибетской грамматики; сбора материала для составления полного тибетского лексикона, перевода словаря «Махавьютпатти» на русский язык с комментарием, перевода истории буддизма в Индии Даранаты, трех статей из Данджура, извлечений из исторических, биографических философских книг. О. М. Ковалевский ставит в заслугу В. П. Васильеву то, что тот составил историю буддизма в Тибете, намерен приступить к истории буддизма в Китае, занимался географией Тибета и литературой буддизма. О. М. Ковалевский высоко оценивает выполненные В. П. Васильевым переводы сочинений, описывающих территории и народы, которые могут быть изучены только китайцами, например, записки Сюянь-Дзана, посетившего Индию в начале VII в., географические карты китайских династий, древнего Туркестана, Джунгарии, древней Монголии и Маньчжурии, сведения о киданях. джурдженях, монголах.

В. П. Васильев прекрасно справился и со вторым заданием Казанского университета — собиранием восточных рукописей и книг. По содержанию и количеству привезенное им книжное собрание можно причислить к богатейшим в Европе. Среди них есть не только исторические, философские, географические книги, но и художественная литература, проза и поэзия, учебники, пособия по разным наукам. Весьма ценными являются редкие памятники тибетской письменности. Количество их достаточно, чтобы учредить в университете тибетскую кафедру. О. М. Ковалевский выразил пожелание, чтобы В. П. Васильев занялся в дальнейшем составлением каталога привезенных им из Китая книг, поскольку издание этого каталога поможет познакомить мировое научное сообщество с книжными сокровищами университета. В заключение О. М. Ковалевский дал высокую оценку деятельности В. П. Васильева в

 $^{^{5}}$ Валеев Р. М. Формирование и развитие казанского университетского востоковедения... С. 89.

Китае, выразив мнение, что тот не только оправдал надежды, возлагаемые на него университетом, и блестяще справился с данным ему заданием, но и превзошел ожидания своих учителей.

* * *

Предлагаемый вниманию читателя «Отзыв» хранится в Архиве востоковедов Института восточных рукописей РАН (АВ ИВР РАН) в личном архиве Осипа Михайловича Ковалевского (фонд № 29). Это самый большой фонд О. М. Ковалевского среди всех имеющихся в Петербурге. В нем 29 архивных дел, которые охватывают период 1827–1848 гг. — наиболее значительный и важный для монголоведных исследований ученого. Это время сбора им монгольских и тибетских рукописей и преподавательской деятельности в Казанском университете. Именно тогда им был сделан перевод «Гэсэра», написаны «Грамматика монгольского языка», «Монгольская хрестоматия», «Буддийская космология», «Монгольско-русско-французский словарь». Среди документов имеются отчеты, планы, записки, списки приобретенных этнографических и культовых предметов, письма, прошения, извещения, дипломы, наброски и готовые научные труды.

«Отзыв» О. М. Ковалевского о В. П. Васильеве (дело № 27), тогдашнем магистре Казанского университета, представляет несомненный интерес. Документ впервые публикуется полностью, орфография и в ряде мест пунктуация приведены к современной норме, географические названия воспроизведены в написании оригинала.

Ковалевский О. М. Отзыв о В. П. Васильеве (АВ ИВР РАН. Ф. 29. Оп. 1. Д. 27. Л. 1–3).

Л. 1

Воспитанник нашего университета, Г[осподин] Васильев, по окончании курса наук выпущенный кандидатом, с истечением годичного срока, назначенного Положением, Высочайше утвержденным, о производстве в ученые степени, просил дозволения у 1 отд[еления] фил[ософского] факультета подвергнуться испытанию для получения следующей высшей ученой степени. Согласно с Положением, как словесные, так и письменные ответы, данные им в течение нескольких заседаний, удостоверили членов отделения в точности и полноте требуемых познаний в предметах от ищущего степени магистра. Потому Г. Васильеву разрешено было написать диссертацию об основаниях философии буддийской, которую, по надлежащем рассмотрении, отделение дозволило автору защищать.

Предмет трудный и мало еще обработанный требовал от Г. Васильева некоторой начитанности в коренных сочинениях буддистов и, по своей новости, без сомнения, встретит посреди Вас, п. п. п. п. п. [почтенные профессора?] многих оппонентов. Снисходительное Ваше внимание к содержанию предложенной диссертации послужит лучшим поощрением для Г. Васильева к продолжению обработки начал буд-

дийской философии, которая в течение последних 30 лет была предметом весьма любопытных изысканий Кольбрука 6 , Абель-Ремюзы 7 , Шмидта 8 , Потье 9 и Отмара Франка 10 , [—] мужей, отличившихся уже на сем поприще.

Л 2

Магистр нашего университета Г. Васильев, до своего выезда с Духовной миссией в китайскую столицу для усовершенствования себя в тибетском языке и литературе и для изучения китайского и маньджурского ¹¹ языков, получил письменное наставление в руководство при занятиях своих и ученом исследовании жизни отдаленных народов Азии. По истечении десяти лет наш питомец возвратился к нам с драгоценными познаниями, которые свидетельствуют об его трудолюбии и дарованиях и, без сомнения, принесут пользу и известность возлелеевшему его заведению.

Отчет Г. Васильева, находившийся у нас на рассмотрении, заключает в себе перечень трудных его забот об исполнении инструкций, среди препятствий, какие весьма часто стесняли постоянное стремление нашего путешественника к приобретению познаний по всем частям азиатской учености. Главным предметом занятий его был язык тибетский. В этом отношении Г. Васильев изучал письменный и разговорный язык в разных наречиях, 1) старался открыть самые простые естественные начала языка и положить их в основание своей тибетской грамматики; 2) собирать материалы для составления возможно полного лексикона. Последний труд навел нашего путешественника на счастли-

⁶ Генри Томас Колбрук (*англ.* Henry Thomas Colebrooke, 1765–1837) — английский востоковед. Много лет провел в Индии. Профессор санскрита и индуистского права в колледже Форт-Уильяма (учебный и научный центр востоковедения в Калькутте). Второй президент Королевского астрономического общества, директор Королевского азиатского общества.

⁷ Жан-Пьер Абель-Ремюза (фр. Jean-Pierre Abel-Rémusat, 1788–1832) — французский востоковед-синолог, один из основоположников современного западного китаеведения. Интересовался историей тюрок и монголов в освещении китайских источников, а также Японией. Возглавлял кафедру китайского языка в Коллеж де Франс. Действительный член Академии надписей и изящной словесности, инициатор создания и первый ученый секретарь Азиатского общества.

⁸ Яков Иванович Шмидт (*нем.* Isaak Jakob Schmidt, 1779–1847) — русский и немецкий востоковед (монголист, тибетолог, буддолог). Академик Петербургской АН. Один из основоположников монголоведения. Впервые ввел изучение монгольского языка и литературы в европейскую науку. Перевел Новый Завет на монгольский и калмыцкий языки. Библию на монгольский язык.

 $^{^9}$ Жан-Пьер Гийом Потье (фр. Jean-Pierre Guillaume Pauthier, 1801—1873) — французский востоковед-синолог, лингвист и поэт. 10 Отмар Франк (нем. Othmar Frank, 1770—1840) — немецкий филолог и

от мар Франк (нем. Othmar Frank, 1770–1840) — немецкий филолог и востоковед-индолог, монах-бенедиктинец. Профессор философии в бамбергском, персидской и индийской словесности в вюрцбургском, затем в мюнхенском университетах. Автор книги «Свет с Востока» (1801) и концепции «парсизма» — предвестника арийской теории и немецкого национализма.

¹¹ Здесь и далее в оригинале — маньджурский. Современная норма — маньчжурский.

вую мысль предварительно обработать специальный буддийский словарь, находящийся в Данджуре 12 и известный под названием: Махавьютпатти 13 на санскритском и тибетском языках, а в найденной рукописи обогащенный китайским и монгольским переводами. Наш ориенталист принял на себя труд не только перевести этот сборник на отечественный язык, но и уяснить его присоединением толкования китайских и тибетских буддистов на все выражения, вошедшие в состав упомянутого словаря. Это громадное сочинение, если автор успеет окончить и издать оное по придуманному им плану, составит период в наших филологических, богословских и исторических изысканиях о буддизме 14 . Кроме того, 3) Г. Васильев занимался составлением тибетской хрестоматии; перевел историю буддизма в Индии знаменитого тибетца Даранаты 15, заслужившую полный авторитет всех знатоков этого предмета и вмещающую в себе сжатый, систематизированный очерк судьбы веры Будды и главных ее сподвижников. Необходимо нужные объяснения Даранаты наш ориенталист почерпнул из важнейших тибетских

Л. 2 об.

и китайских книг чисто исторических, легенд, биографий и пр[очее], к ним присоединил перевод трех статей из Данджура о 18 буддийских школах шраванов 16 , сделал извлечение из сочинения одного амдоского хутукты 17 о философских системах буддизма (сидд[х]анта 18), равно и из биографий $84^{\frac{x}{2}}$ волхвов.

5) Руководствуясь обширными книгами на тибетском языке, составил он историю буддизма в Тибете как продолжение истории буддизма

 $^{^{12}}$ Данджур — канонизированный свод комментариев к тибетскому канону Ганджур. Содержит переведенные с санскрита сочинения по языкознанию, стихосложению, медицине, архитектуре, а также поучения и философские сочинения по абхидхарме. Насчитывает около 3,5 тыс. текстов в 254 томах. В Монголии получила распространение версия из 225 томов.

¹³ Махавьютпатти (Mahavyutpatti) — тибетско-санскритский словарь буддийских терминов. Включает 9492 термина в 277 тематических разделах.

¹⁴ Здесь и далее в оригинале — буддисм.

¹⁵ Буддизм, его догматы, история и литература. Ч. 3: *Дараната*. История буддизма в Индии / пер. с тибет. В. П. Васильева. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1869. 312 с. Дараната (Таранатха) (1575–1634) — тибетский историк, автор сочинения «История буддизма в Индии», которое представляет собой важный источник по истории распространения и развития буддизма и по истории Индии в целом.

¹⁶ Буддийские школы шраванов (*хинди* śrāvana, от корня shru 'слушать') — школы, основанные на слушании текстов об истинном Я, Боге, которые содержатся в священных писаниях, словах мудрецов и гуру, учителей буддизма.

¹⁷ Амдо — регион Тибета (ныне Тибетский автономный район КНР), где расположен крупнейший монастырь школы гелуг тибетского буддизма — Лабранг, в котором до настоящего времени проходят обучение тибетские и монгольские монахи.

X у т у х т а (в оригинале: хутукта), или хутукту (*монг*. хутагт 'исполненный святости') — один из двух, наряду с гэгэном, важнейших титулов, которые жалуются в Монголии буддийским хубилганам («перерожденцам»).

¹⁸ Сиддханта (*санскр*.) — 'доктрина', 'учение', 'традиция'.

в Индии, и намерен приступить в свободное время к истории той же религии в Китае и Монголии, для которой основой послужат многочисленные собранные им книги на разных языках. 6) Наш ориенталист не упустил из виду географии Тибета и 7) литературы буддизма, из коих первую почерпнул из рукописи, оставшейся после кончины известного русским посетителям Пекина Минджул хутукты ¹⁹, и обогатил ее извлечениями из других не менее важных источников азиатского землеведения, а последнюю составил на основании одного китайского сочинения, заслужившего особенное внимание ученых по своей полноте и многозначности материалов, и продолжал по собственным своим заметкам.

Вот важнейшие плоды трудолюбия Г. Васильева по части тибетского языка и литературы тибетцев, поставленных в инструкции, ему данной, на первом плане. Но наш ориенталист, не стесняясь рамками официального наставления, второстепенные даже предметы своих занятий в Китае обрабатывал наравне с первыми. Итак, изучая десять лет китайский язык в центре империи и практически, и теоретически, досуги свои посвящал переводам сочинений, для нас весьма любопытных, описывающих местности или народы, которые могут быть изведаны только при помощи китайцев. Мы ограничимся здесь одним указанием: 1) описание западных стран (Си-юй-дзи 20), сочинение известного китайского странника Сюань-дзана 11, посетившего Индию в начале VII века нашей хронологии, следов[ательно], гораздо прежде вторжения там мусульман, и доставившего возможность узнать теперь минувшую судьбу страны, драгоценной для буддиста и для любознательного европейца. 2) Географические карты всех китайских династий, необыкновенной важности для каждого, кто только пожелает познако-

¹⁹ Джамбал Минджул-хутухта (1789–1839) — тибетский историк. Автор «Описания Джамбудвипы», в которое он впервые в тибетской историографии включил ранее неизвестные ему европейские географические сведения. Джамбудвипа в широком смысле — Земной шар, в узком — Индостан; в нравственно-религиозном смысле — убежище, защищенное пристанище.

²⁰ С и - ю й - д з и. — Имеются в виду «Да Тан си юй цзи» («Записки о западных странах[, составленные в правление] великой [династии] Тан», или «Путешествие в Западный край [во времена] великой династии Тан») китайского буддиста-паломника Сюань-Цзана (см. следующий коммент.). Переведены на многие языки, включая русский. Не путать с позднейшим произведением «Си ю цзи» («Описание путешествия на Запад»), или «Чанчунь чжэнжэнь сию цзи» («Описание путешествия на Запад истинного мужа Чанчуня»), представляющим собой путевой дневник путешествия даосского монаха Чанчуня с группой его учеников в 1221 г. из Китая в ставку Чингис-хана.

²¹ С ю а н ь - Ц з а н (602–664) — китайский буддийский монах, ученый, философ, путешественник и переводчик времен династии Тан. Совершил 17-летнее путешествие в Индию (629–645), откуда привез 657 текстов на санскрите. Организовал школу переводов в г. Чанъань. Перевел на китайский язык 1330 сочинений. Первым стал транслитерировать санскритские термины, благодаря чему пополнил лексику китайского языка большим количеством неологизмов.

²² Точнее было бы назвать путешествие Сюань-Цзана в Индию в 629–645 гг. совершенным во второй четверти VII в.

миться с историей Китая и сопредельных ему областей, древнего Туркестана с Джунгарией 23 , древней Монголии и Маньджурии. 3) Сведения о киданях 24 , джурджитах 25 , монголо-татарах, Нингуте 26 , почерпнутые из китайских источников 27 .

Г. Васильев не вел постоянно своего дневника, как это требовалось инструкцией, но причины этого, приводимые им в отчете, оправдывают его достаточно. Столько об ученой его деятельности.

Второе поручение, сделанное университетом Γ . Васильеву, состояло в приобретении книг печатных и рукописных на разных языках для нашей библиотеки. И это исполнено, сколько можно судить по составленному им каталогу, добросовестно и с пользой для университета, который в настоящее время может

Л. 3

похвалиться, что собрание принадлежащих ему книг китайских, тибетских, монгольских и маньджурских смело причислится к богатейшим в Европе в отношении к их содержанию и редкости. Г. Васильев не упустил из виду ни одного рода азиатской учености, для которого не отыскал бы главных сочинений. По словам его, собрание китайских книг самое большое. Это зависит отчасти и от самого разнообразия литературы. Хотя он преимущественно устремлял свое внимание на исторические и географические, но не ускользали от него ни классические книги, ни поэты, ни повести и романы, не говоря уже об учебниках для языкознания. Тут Г. Васильев смотрел не на одни собственные занятия, а на ряд поколений, для которых составляются библиотеки. Маньджурские книги, вместе с имеющимися уже в университете, обнимают собой почти все, что можно найти на этом языке. Собрание памятников тибетской письменности вмещает весьма редкие

 $^{^{23}~\}rm Джунгария$ — часть бывшего Восточного Туркестана (ныне Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР).

²⁴ К и д а н и — кочевые племена, в древности населявшие территорию современной Внутренней Монголии, Монголии и Маньчжурии. С 907 по 1125 г. существовало киданьское государство Ляо.

²⁵ Джурджиты (чжурчжэни, джурчжени, джуржиты) — предки маньчжуров, покорили государство киданей. Населяли в X–XV вв. территорию Маньчжурии, Центрального и Северо-Восточного Китая (в том числе территорию нынешнего автономного района Внутренняя Монголия), Северной Кореи и Приморского края. Говорили на чжурчжэньском языке тунгусо-маньчжурской группы. Крупнейшее государство чжурчжэней существовало с 1115 по 1234 г.

²⁶ Нингута — город в Маньчжурии, ныне на территории городского уезда Нинъань городского округа Муданьцзян провинции Хэйлунцзян в КНР. В Средние века Нингута была одним из самых южных городов в бассейне р. Амур, с 1650-х гг. — главной базой маньчжуров в их войнах с русскими землепроходцами. Продолжала оставаться одним из важнейших городов Маньчжурии до начала ХХ в., когда КВЖД пересекла р. Хурху (Муданьцзян) в 20 км севернее (ниже по течению) Нингуты, где возник г. Муданьцзян.

²⁷ Труд В. П. Васильева «История и древности восточной части Средней Азии от X до XIII века, с приложением перевода китайских известий о киданях, джурджитах и монголо-татарах» был опубликован в Санкт-Петербурге в 1857 г.

сочинения, по большей части напечатанные вне Пекина, некоторые даже выписанные из Хласы ²⁸, так что если правительство решится учредить кафедру тибетского языка, будущий представитель этой кафедры найдет в нашей библиотеке драгоценные материалы для своих ученых трудов на многие годы. Монгольское отделение книг, приобретенных Г. Васильевым, менее значительно в сравнении с предыдущими, но оно пополняет университетскую библиотеку. Желать надобно, чтобы Г. Васильев занялся со временем составлением систематического каталога китайским, тибетским, монгольским и маньджурским книгам всем, которыми теперь обладает наша библиотека. Издание такого каталога может короче познакомить туземных и заграничных ориенталистов с сокровищами нашего университета и расширить круг наших ученых сношений.

Коснувшись здесь важнейших только десятилетних занятий Г. Васильева, которые он подробно описал в своем отчете, мы, по долгу совести, можем смело сказать, что он свое время и блистательные дарования употребил с истинной пользой для себя и с честью для университета, оправдал чрез то, отчасти превзошел даже наши ожидания и стяжал себе право на признательность начальства. Доводя о том до сведения факультета, имеем честь покорнейше просить обратить внимание на понесенные труды Г. Васильевым и представить его к особому вознаграждению.

§ 2. В. С. Колоколов о В. П. Васильеве*

Публикуемый ниже документ, автором которого является Всеволод Сергеевич Колоколов, советский китаист, кандидат филологических наук, профессор, хранится в Архиве востоковедов ИВР РАН (фонд 144, опись 1, ед. хр. 139).

В. Колоколов

[л. 1] Памяти Василия Павловича Васильева

Ленинград, март 1968 г.

Посмертный академик, знаменитый русский китаевед, которому «не удалось создать своей школы», как писал впоследствии один из наших синологов, представлен в «Библиографии Китая» П. Е. Скачкова ²⁹ семьюдесятью семью работами, «это, конечно, не исчерпывает

 $^{^{28}}$ Х л а с а — то же, что Лхаса ($mu\delta$., букв.: 'место богов'), историческая столица Тибета, ныне городской округ Тибетского автономного района КНР. То, что называют «городом Лхаса» (традиционная резиденция Далай-ламы), — ныне район Чэнгуань городского округа Лхаса. В тибетском языке произносится не Лхаса, а Хласа.

^{* ©} Т. А. Пан.

 $^{^{29}}$ Скачков П. Е. Библиография Китая. Систематический указатель книг и журнальных статей о Китае на русском языке. 1730–1930. М.; Л., 1932.

всего того, что осталось, увы, неизданным в наследие нам, его потомкам и последователям. В день памяти Василия Павловича Васильева, о котором я говорю, необходимо вникнуть в глубокий и полный трагизма смысл проникновенных слов, сказанных о нем академиком Сергеем Федоровичем Ольденбургом ³⁰ в 1918 году, ровно пятьдесят лет назад, произнесенных в тогдашнем Петрограде, в Конференц-зале Академии наук ³¹.

Для меня память о Василии Павловиче Васильеве особенно дорога, потому что у него учился здесь, на Восточном факультете, мой отец, Сергей Александрович Колоколов 32, отдавший не только свою, но и мою жизнь, как старшего сына, изучению Китая, китайского языка и письменности. В рассказах о своей молодости отец любил иногда вспоминать своего учителя добрым словом, позабавить шутками о его привычках и характере, но об этом, если не утомлю Вашего внимания, позволю себе сказать позже.

Василий Павлович стал и для меня тоже учителем, но уже заочным, у которого я учусь с 1920 года и по сей день, причем, как приходится с грустью констатировать, за истекшие полвека, без 2 лет, мне тоже «не удалось создать своей школы», несмотря на все мои ревностные усилия и старания передать свои знания. Правда, у меня наберется немало дарственных надписей от многих видных китаеведов нашей страны, в которых они называют меня учителем, [л. 2] выражают свою признательность и благодарность, но «школы» как таковой, по сути дела, нет, а потому мне особенно близки те данные в биографии моего заочного учителя, в которых излагаются в краткой форме его огромные душевные переживания.

Такое странное совпадение в конечных результатах титанических усилий понять и преподать китайский язык и китайскую письменность уже давно вызывало во мне желание как-то разобраться в причинах. В наше время вряд ли уместно искать объяснение в случайности, т. к. с

³⁰ Ольденбург Сергей Федорович (1863—1934)— выдающийся русский и советский востоковед-индолог, буддолог, иранист. Адъюнкт Императорской Санкт-Петербургской академии наук (с 1900 г.), экстраординарный академик (с 1903 г.), непременный секретарь АН (с 1904 г.). Один из лидеров партии кадетов. Член Госсовета. Министр просвещения во Временном правительстве. С 1916 г. директор Азиатского музея, а в 1930 г. с реформированием АН СССР и ее учреждений возглавлял Институт востоковедения АН СССР.

[[]Ольденбург]. Памяти Василия Павловича Васильева и о его трудах по буддиз-

му. С. 531–548.

Колоколов Сергей Александрович (1868–1921) — окончил фа-Министерству иностранных дел в Китае: драгоман консульства в Кульдже (1895), секретарь консульства в Кашмире (1896-1901). Чиновник по дипломатической части при Главном начальнике Квантунской области в Порт-Артуре (1901). Консул в Мукдене (с 1901), Кашгаре (с 1904), Фучжоу (с 1909), генеральный консул в Мукдене (с 1910 г.). Остался в эмиграции в Китае, похоронен в Мукдене (Шэньяне).

помощью кибернетики и CBM акцидентальность снимается почти полностью. Однако у меня нет никакой профундированной аргументации, кроме весьма зыбкой и далеко не устоявшейся рабочей гипотезы, пригодной лишь в качестве пропедевтики к постановке этой проблемы на почву строго научного анализа.

Разрешите мне поделиться с Вами содержанием этой гипотезы, которая, собственно говоря, следуя древним китайским поверьям, должна послужить неким утешеньем для души усохшего академика, живущей вечно и бесконечно, витающей среди нас в этот час, ибо когда силы Инь и Ян, образовавшие его живой дух, разобщились, а тело его не было подвергнуто никаким осквернениям, не было ни обезглавлено, ни растерзано тигром, ни разрублено на куски, душа усопшего должна потому возрадоваться нашему сегодняшнему собранию, а мы, собравшиеся, обязаны заверить ее, что мы чтим усопшего и бережем память о нем.

1. 10 лет в Пекине, проведенные Васильем Павловичем в Успенском монастыре Пекинской духовной миссии 33, в условиях, близких к монашеской жизни, дали возможность заниматься китайским, манчжурским, тибетским и санскритским языками натуральным методом, конечно не по Берлицу ³⁴, а путем регулярного и непосредственного общения с живыми носителями и знатоками этих языков. Вооруженный методами школы О. М. Ковалевского 35, который преподавал [л. 3] Васильеву китайский язык в Казанском университете, Василий Павлович подходил к достижениям зарубежной синологии с большим скептицизмом, порой граничащим с нигилизмом, и это помогло ему избежать рутины и найти новые пути к пониманию особенностей китайского языка и письменности. Отрешившись категорически от традиционной ключевой системы классификации китайских иероглифов, Василий Павлович создал свою бесподобную и гениальную по простоте и изяществу графическую систему, ныне положенную в основу издания советских китайско-русских словарей. Придавая первостепенное значе-

 33 В. П. Васильев находился в Пекине с Двенадцатой миссией в 1840–1849 гг.

³⁴ Максимилиан Дельфиниус Берлиц (*нем.* Maximilian Delphinius Berlitz, 1852–1921) — немецкий и американский лингвист и педагог, разработчик популярной методики обучения иностранным языкам, основанной на полном погружении обучаемого в среду изучаемого языка. Основатель международной системы школ, использующих эту методику. Официально методика Берлица была представлена на Парижской всемирной выставке в 1900 году. В начале XX в. Берлиц открыл языковые школы в Москве и Санкт-Петербурге. Преподавал английский язык Николаю II.

³⁵ Ковалевский Осип Михайлович (09.01.1801—07.11.1878)— членкорреспондент ИАН, профессор. Более 20 лет возглавлял в Казанском университете первую в России и Европе кафедру монгольской словесности, являлся ректором Университета. Собрал уникальные книги, рукописи народов Центральной Азии, а также богатый этнографический материал по этим регионам. Он сыграл особую роль в воспитании известных востоковедов-монголоведов России, в том числе и В. П. Васильева.

ние иероглифике, Василий Павлович создал курс «Анализ китайских иероглифов», избрав эпиграфом латинское изречение; придуманное им самим: «Чтоб даже дети и публичные девки могли бы читать китайские книги». Я не рискую ошибиться, если скажу, что этим эпиграфом был брошен дерзкий вызов западным синологам, всячески доказывавшим непомерную сложность и непостижимость китайской письменности. Являясь ровесником Карла Маркса, Василий Павлович не был знаком с его учением, но по темпераменту и по одержимости идеями оба имеют много общего. Возьмем, к примеру, одно из высказываний Василия Павловича о грамматике китайского языка. Цитирую:

Что касается до грамматики, то ходячее мнение, что в китайском языке нет ни склонений, ни спряжений, может приводить в изумление только не думающих. Положим, что у всякого народа составляются понятия в известной сфере, каких нет в другом языке. На китайском языке действительно трудно передать многие из наших фраз и выражений; но точно так же и многие китайские понятия трудно передать на наших языках. Возможно ли, однако ж, допустить, чтоб какой-нибудь говорящий народ не мог выражать самых обыденных понятий или, выражая их, не давал им такого же смысла, как и другие люди? Можно ли допустить, что без склонений нельзя сказать и понять слова: ДОМ ОТЦА, ЛЮБЛЮ ОТЦА, СКАЖУ ОТЦУ и проч., — «даю, дам, дал» и т. п. Поверьте, что и китаец без склонений и спряжений может иметь те же понятия. У него найдутся и способы [л. 4] выразить наши глаголы: читать, прочитать, зачитать, вычитать, отчитать, почитать и т. п. У него есть множество слов как для выражения падежей и времен, так и производных глаголов, и если б я не сказал выше, что многие слова, по-видимому различные, суть видоизменения одного и того же корня, то сказал бы теперь, что китайский язык принадлежит к самым богатым и между тем неиспорченным языкам в свете. Ведь одни слова, означающие множественное число, могли бы подтвердить это богатство; чем большее число выставим мы знаков склонения по падежам, временам и числам (лицам), тем богаче считается язык. Что эти слова стоят отдельно — это свидетельствует только о древности языка и о том, что он сохранился до нас в целости. Как произошли, в самых богатых разнообразием языках, их склонения и спряжения? Без знакомства с китайским языком мы едва ли не приписали бы это чуду или случаю, а теперь насильно должны увериться, что все приставки и надставки в склонениях и спряжениях были некогда, как еще и теперь в китайском языке, ЖИВЫМИ СЛОВАМИ (выделено мною. — В. К.), имели значение, которое потеряли, слившись с самими корнями, и от того изменились почти до неузнаваемости. Следовательно, мы гордимся нашими языками за то, что мы их испортили; ужели же порицать китайский язык за то, что он сохранил для нас понимание того, что значат наши приставки и надставки? Но только он употреблял их бережно: он терпеть не может плеоназмов. Китаец думает, что ФУ ЦЗЯ — ОТЕЦ ДОМ и без знака родительного падежа (ФУ+ЧЖИ ЦЗЯ) значит ДОМ ОТЦА, потому что слово предыдущее описывает последующее, как, например, ТЕ МАО — ЖЕЛЕЗО ШАПКА, значит — ЖЕЛЕЗНАЯ ШАПКА; АЙ ФУ — ЛЮБИТЬ ОТЕЦ — значит и без знака винительного падежа — ЛЮБИТЬ ОТЦА, так как в глаголе ЛЮБИТЬ заключается управление следующих падежей (так в тексте), как и в слове ГЭЙ-ФУ глагол ГЭЙ, «давать», показывает, что управляемое имеет смысл нашего дательного падежа. Китаец рассуждает также, что зачем прибавлять к глаголу еще какой-нибудь суффикс для означения лица, когда впереди стоит местоимение, показывающее это лицо (и число) — [л. 5] ВО-АЙ «я люблю», НИ-АЙ — «ты любишь», ТА-АЙ — «он любит», НИНА-АЙ «вы любите» и т. п. Ведь спряжения по лицам в других языках образовались через прибавление личных местоимений, стоящих впереди глагола, еще и после него. Если стоит число свыше одного или другой знак, показывающий множество, впереди существительного, то зачем приставлять еще после другие знаки множества: У-МА «пять лошадей», ШИ-ЦЗЯ — «десять домов», МУ-ЦАО БУ-ШЭН — «дерево (и) трава не растут» (шэн — «расти»). Если есть знак прошлого или будущего, то к чему еще для глагола слова, показывающие прошедшее или будущее время: ЦЗО-ЦЗЯНЬ — «вчера видеть», очевидно, значит, что «видел»; МИН-ЖИ-ЦЗЯНЬ— «завтра видеть»— «завтра погляжу». Точно так же и в синтаксисе: различных оттенков периодов у китайцев, может быть, насчитается больше, чем в других языках, потому что смысл частиц или фраз, которыми начинается первая половина предложения или периода, определяется только различными фразами, начинающими вторую, и частицами, ее заключающими, а частиц и фраз в китайском языке чрезвычайно много. Иногда письменность рассыпает их щедро, а иногда вы их не видите, а понимаете, что тут смысл периода косвенного: ЛИ-ЦЗЕ МО ДО ЧЖУН, САНЬ ЖЭНЬ ТАЙ БУ ДУН — «(хотя) слово церемония не больно тяжело, (но) три человека не сдвинут»; ТЯНЬ-ЦЗЫ ЧЖИ ЦЗУНЬ БУ ГО ЮЙ ЛИ — «(как ни) высок Сын неба, (но) не выше церемоний». Если в первой половине предложения ставится союз, то во второй можно пропустить соответствующее этому союзу слово: ЖО ЯО ХАО, ДА ЦЗО СЯО — «ежели хочешь (чтоб было) хорошо, (то из) большого сделай малое». Напротив, частица ТО, поставленная в начале второго предложения, не требует уже союза ЕЖЕЛИ вначале: к чему говорить лишнее, когда уже есть хоть один знак, предполагающий другой?

Можно себе представить, с каким темпераментом развивал эти идеи профессор Васильев перед своими студентами, как их воспринимали «жрецы» китаеведной науки, принимавшие каждое такое высказывание как личную обиду!

[л. 6] Итак, Василий Павлович выступил в своей педагогической и научной деятельности как новатор, но с позиции нетерпимой критики ко всему тому, что ему казалось рутиной. Но он не встретил ни в ком поддержки, а студенчество, напуганное репрессиями, внутренне хоть и

³⁶ Очерк истории китайской литературы. СПб., 1880. С. 12.

было на стороне тех идей, которые внушал им Васильев, однако содействовать ему в создании школы оно, конечно, никак не могло.

2. Василий Павлович совершенно справедливо считал, что в стране, в которой в течение более двух тысяч лет культивировались каноны Конфуция в такой мере, что нельзя было стать ни чиновником, ни писателем без знания их назубок, вся духовная жизнь тесно связана с ними, а потому, чтобы правильно разбираться в литературе и истории, необходимо предварительно ознакомиться с этими канонами. С большим трудом он пытался создать хрестоматии в качестве учебных пособий для гг. студентов, но и в этом начинании не получил официальной поддержки. Изданные хрестоматии Васильева выглядят внешне настолько примитивно и неряшливо, что даже не хочется брать их в руки.

Представьте себе на минуту, что должен был он испытывать, когда всякое его начинание натыкалось на почти непреодолимые преграды? Но Василий Павлович все же продолжал идти своим путем, уверенный в том, что будущие потомки должным образом оценят его, отблагодарят его.

- 3. Василий Павлович был непримиримым ко всем шарлатанам и невеждам, публиковавшим свои разные памфлеты и статьи о Китае в тогдашних общественно-политических журналах. На этой почве у него даже был судебный процесс. Многие из присутствующих, вероятно, читали газетные заметки и статьи самого Василия Павловича, а потому мне нет необходимости пересказывать их содержание. Он боролся за добросовестность в науке всеми доступными ему средствами.
- [л. 7] Но он оставался одиноким в этой борьбе, что вполне понятно в силу тех обстоятельств, которые окружали его со всех сторон, начиная от мелкой и ничтожной человеческой зависти, кончая особой подозрительностью властей к его идеям, якобы слишком оригинальным и опасным для спокойствия рутинеров.

Я ограничусь пока этими тремя тезисами, развивать которые больше нет возможности за недостатком времени.

Мне хочется внести на обсуждение университетской общественности только одно предложение, а именно:

Нельзя ли Восточный Факультет Ленинградского Университета, в котором начал свою плодотворную деятельность Василий Павлович Васильев, именовать впредь факультетом имени академика Васильева? Если такое предложение окажется приемлемым, то я буду убедительно просить деканат и ректорат поддержать это предложение и добиться официального разрешения на такое наименование, что будет одним из свидетельств нашего глубочайшего уважения к знаменитому русскому китаеведу.

§ 3. В. С. Колоколов. «Знаменитый русский ученый-китаевед Василий Павлович Васильев (биографические и библиографические материалы)»*

В фонде В. С. Колоколова в Архиве востоковедов ИВР РАН (Ф. 144. Оп. 1. Ед. хр. 138) хранится самодельная тетрадь из 52 прошитых в китайском стиле листов европейской бумаги. На обложке из твердой бумаги рукой В. С. Колоколова синими чернилами написано общее название: «Знаменитый русский ученый-китаевед — Василий Павлович Васильев (биографические и библиографические материалы). 1954—1970 гг.». Это название относится к машинописному тексту на первых 38 листах тонкой коричневатой бумаги. Далее на 4 листах более плотной бумаги представлены черновые записи по фонду В. П. Васильева (л. 39—42); рецензия на статью Н. А. Петрова «Из архивных материалов академика В. П. Васильева о китайском языке» (л. 43—44); характеристика состояния рукописи В. П. Васильева «Перевод "Си ю цзи" китайского автора Сюаньцзана» (л. 45); Отчет о командировке в г<ород> Ленинград в Архив Академии наук ст<аршего> сотрудника Всеволода Сергеевича Колоколова с 23 по 26 сентября 1954 г.» (л. 46–51).

Приведенный ниже материал представляет собой неопубликованный очерк В. С. Колоколова о В. П. Васильеве, основанный на лекциях и материалах В. П. Васильева. Вероятно, материал готовился к печати, однако, цитируя книги В. П. Васильева, автор не дал ссылок на литературу. Большинство ссылок восстановлены, однако некоторые идентифицировать не удалось. Очерк В. П. Колоколова заканчивается списком трудов В. П. Васильева и рекомендуемой студентам литературой о нем. При публикации материала В. С. Колоколова сохранены стиль и орфография автора.

В. Колоколов

[л. 1] Знаменитый русский ученый-китаевед — Василий Павлович Васильев

«Отдаленный восток тоже населен нашими братьями: они имеют свою историю, свое развитие, свои взгляды. Если мы изучаем запад потому, что находим, может быть, его историю более оживленною, его учреждения более совершенными, взгляды более возвышенными, то все же это не дает нам права игнорировать человека на других окраинах света» (Религии Востока. Конфуцианство, буддизм, даосизм. СПб., 1873. С. 1).

«...Изучение Востока, а следовательно, его религий имеет для нас, русских, особенный интерес; оно возбуждается не простым дилетантством в науке, но и существенной для нас потребностью. Фраза — "призвание России — просвещать восток" — не есть пустое выражение. Мы просвещаем его, расширяясь в нем, и нельзя еще определить границ, где мы оста-

 $^{^{*}}$ © К изданию подготовлено Т. А. Пан

новимся. Нас толкает в Азию неизбежный ход исторических событий, даже против собственной воли» (Там же. С. 3).

«...Для нас, собственно говоря, не существует востока, потому что земли его составляют для нас земли юга, — и нам тем более непростительно забывать, что Иерусалим лежит западнее нашей Москвы. Чтобы выражаться правильнее, мы предложили бы называть востоком собственно страны, лежащие за Уралом, Каспийским морем, Индом. Старый мир или материк тогда разделился бы на две, равные почти, половины, жившие до новейшего времени своей собственной жизнью» (Там же. С. 8).

«...А то, что Китай, и при своей изолированности, сохранил в себе до нашего времени еще настолько сил, чтобы поддержать на известной степени свое развитие, ручается всего лучше за то, что когда сила науки разорвет оковы, поставленные природой, когда посредством телеграфов, аэростатов и железных дорог не будет более различия между востоком и западом, будет одно человечество, — этот восток сам примет живое участие в развитии просвещения, сделается не только его хранителем, но и двигателем. Если он и при прежней жизни подарил западу шёлк, чай, компас, порох, ассигнации, книгопечатание, то можем ли мы отрицать, что человечество ничего не выиграет, в будущности [л. 2], от предстоящего слияния?» (Там же. С. 10).

Биографические сведения о Василии Павловиче Васильеве

Василий Павлович Васильев родился в 1818 году 20 февраля по старому стилю (5 марта) в г. Нижнем Новгороде, ныне носящем имя великого русского писателя А. М. Горького. Он был сыном мелкого чиновника и с шести лет был отдан отцом в уездное училище. В возрасте 9 лет он окончил училище и был определен на должность переписчика (копииста) в нижегородский уездный суд. Однако в следующем, 1827 году был издан правительственный указ, согласно которому на государственную службу дозволялось зачислять молодых людей не ранее 14 лет. Тогда отец Василия Павловича вторично зачислил сына в третий класс уездного училища, а в 1828 году перевел его в городскую гимназию, где он окончил курс в 14 лет. К тому времени отец Васильева умер, а мать не могла сама содержать семью, и мальчику пришлось давать уроки, чтобы помогать матери и скопить, кроме того, некоторую сумму денег на университетское образование. В 1834 году в возрасте 16 лет Василий Павлович поступил в Казанский университет на историко-филологический факультет и слушал курс лекций по отделу восточных языков. В 1837 году он окончил курс и сразу же получил предложение отправиться в Китай в составе русской духовной миссии для усовершенствования знаний в области китайского, тибетского и санскритского языков. Духовная миссия снаряжалась два года, и за это время Василий Павлович ушел с головой в изучение буддизма по монгольским источникам, готовясь тем самым к предстоящей поездке в Китай. Почти перед самым отъездом он представил свой первый научный труд, озаглавленный «Дух Алтая — Гэрэла», в котором был дан подробный разбор основ буддийской философии. За эту работу Василий Павлович получил степень магистра восточной словесности. К сожалению, эта первая работа Василия Павловича не была напечатана, а ее рукопись бесследно исчезла. В 1840 году Василий Павлович отправился в город Пекин и прожил там безвыездно почти десять лет. За это время Василий Павлович изучил обширную литературу на китайском, тибетском, санскритском, монгольском и маньчжурском языках по вопросам, касающимся не только религий Востока, но также и по другим вопросам знаний, в том числе и по китайской иероглифике. Многие из произведений, заинтересовавшие Васильева, еще совершенно не были известны Европе того времени. Это обстоятельство наложило особый отпечаток на все труды Василия Павловича, основанные преимущественно на подлинной восточной литературе, а не на переводах с европейских и других языков. В 1850 году Василий Павлович [л. 3] возвратился из Китая. В следующем, 1851 году он получил назначение в Казанский университет профессором по кафедре китайской и маньчжурской словесности. С этого же времени Василий Павлович приступил к изданию различных учебных пособий для студентов, а также занялся научно-литературной деятельностью. В 1855 году Василий Павлович переехал из Казани в Петербург профессором Восточного Факультета, только что учрежденного при Петербургском Университете. До конца своих дней Василий Павлович вел занятия со студентами и занимался обработкой своих огромных материалов по Китаю. Скончался Василий Павлович 27-го апреля 1900 года (по старому стилю) в Петербурге, имея от роду 82 года. После смерти Василия Павловича ему было присуждено посмертное звание академика.

Жизнь Василия Павловича Васильева сложилась особенно и даже трагично. В прочувствованной речи, посвященной памяти В. П. Васильева, произнесенной академиком С. Ф. Ольденбургом в публичном заседании Российской Академии Наук 5 марта 1918 года, особенно трогательными были следующие слова:

Точно предчувствием того, что ждало его (Васильева. — B. K.) в жизни, были мысли маленького мальчика Васи, о которых вспоминает, говоря о своем детстве, знаменитый ученый...

— «Право же не выдумываю, мне приходило в голову, что весь мир создан исключительно для меня, чтобы меня мучить; что все меня окружающее — обман. Вот какой я был самородный буддист».

Тяжелые мысли маленького мальчика, к несчастью, оправдались в жизни ученого 37 .

 $^{^{37}}$ Ольденбург С. Ф. Памяти Василия Павловича Васильева и о его трудах по буддизму // Столетие со дня рождения академика Василия Павловича Васильева. Речи,

С ранних лет Василий Павлович познал горькую нужду и лишения. После смерти отца он должен был сам скопить деньги на университетское образование и, кроме того, поддерживать свою мать, которая не могла сама содержать семью. Василию Павловичу в это время было всего 14 лет. Он поступил в Университет в возрасте 16 лет, пройдя суровую школу, и до самого окончания университета жил впроголодь, занимаясь и одновременно давая частные уроки. Васильев в своих воспоминаниях, однако, не сетует на эти годы своей жизни и, наоборот, прибавляет, что многим в своем развитии обязан преподавательской деятельности. «Уча учился», — говорит он.

Университетские годы В. П. Васильева падают на 1834—1837 гг. Об [л. 4] этих годах он писал в автобиографии следующее:

Моим развитием, проявлением моих оригинальных взглядов в науке и государственности я обязан профессору поляку Осипу Михайловичу Ковалевскому 38 .

В инструкции Ковалевского, данной им Васильеву при отправлении его в Китай, имеется совет хранить беспристрастие, необходимое для научной работы, не делаться «ни китайским патриотом», ни «китаененавистником». Этот совет Ковалевского, несомненно, был принят Васильевым как наказ, так как в автобиографии и в других источниках проходит красной нитью глубокое чувство уважения и даже любви со стороны Васильева к своему учителю. Кстати, Осип Михайлович Ковалевский сделался ориенталистом не по призванию, а отчасти и вопреки своим желаниям. Известно, что до 1824 года он был преподавателем латинского языка в Виленской гимназии. За участие в тайном обществе, направленном против царского самодержавия, был уволен и сослан в Казань для изучения восточных языков. В 1844-1846 гг. он составил и издал Монголо-русско-французский словарь, хорошо известный всем монголистам. Университетское начальство весьма неодобрительно относилось к дружбе Ковалевского с Васильевым, и Василий Павлович чувствовал себя до некоторой степени отчужденным в стенах Казанского университета. Неудивительно, что в своей биографии Васильев не нашел добрых слов для «alma mater». Дружба с Ковалевским преследовалась царским чиновничеством и среди ученыхчерносотенцев. Нет ничего удивительного, что С. Ф. Ольденбург, верный «царю и отечеству», в годы перед Октябрьской революцией, проливая крокодиловы слезы в своей речи, посвященной В. П. Васильеву, все же язвительно подчеркнул:

Приходится думать, что Казанский университет тех дней не для всех своих питомцев был настоящей «alma mater» 39 .

читанные в торжественном заседании Российской Академии наук. Петроград, 1918. С. 531

³⁸ Там же. С. 582.

 $^{^{39}}$ Ольденбург С. Ф. Памяти Василия Павловича Васильева... С. 532.

И тут же добавил:

И действительно, Васильев, как ученый, главным образом автодидакт, на нем мало заметны следы школы, и сам он школы не создал 4

По приезде Васильева в Китай, по окончании Казанского университета, ему были созданы самые тяжелые условия существования. Василий Павлович описывает их в таких словах:

Мне привелось лучшие годы моей жизни провести вдали от отечества, в таких страшных тисках, что если бы [л. 5] не предаваться мечтам о величии и назначении своего отечества, в котором ведь считаешь себя единицей, то не было бы возможности сохранить жизнь

Большие тягости приходилось тогда выносить мирянину, увлекавшемуся любознательностью; он должен был на десять лет, самых лучших лет своей жизни, запереться в доме миссии (имеется в виду православная духовная миссия в Пекине. — В. К.), подчиняться всем распоряжениям ее начальника, который нередко оказывался врагом научного образования; десять лет приходилось не видеть не только ни одного европейца, но даже ни одного русского, кроме тех, с которыми он приехал, а китайцы требовали, чтобы приезжало их не более десяти человек...

И вот я десять лет горел внутренним огнем, меня всего жгло, а нужно было казаться беззаботным, веселым... что может быть тяжелее того унижения, которое высказывается признанием! 43

Возвращение Васильева из Китая, после долголетнего пребывания там и возможности изучать страну при содействии китайцев систематически и непрерывно, было встречено тогдашними учеными ориенталистами весьма холодно. Между тем Васильев, безусловно, по своей эрудиции сразу же занял исключительное положение среди специалистов. По общему признанию, правда уже посмертному, Васильев обладал такими знаниями в области, специально его интересовавшей, каких тогда не было ни у одного из всех ученых России и западных стран.

Холодный прием со стороны коллег и удивительная для Васильева невнимательность со стороны университетского начальства усугубили душевную драму Васильева как ученого. Не имея возможности поделиться своими переживаниями, Васильев в своей научной работе порой изливал свою горечь в едких и саркастических замечаниях. В предисловии к главной своей работе «Буддизм» Васильев выразился поразительно красноречиво:

 $^{^{40}}$ Ольденбург С. Ф. Памяти Василия Павловича Васильева... С. 532.

 $^{^{41}}$ *Васильев В. П.* Три вопроса. СПб, 1978. С. III.

 $^{^{42}}$ Васильев В. П. Воспоминания о Захарове // ЖМНМ. 1885, ноябрь. Отд. отт. С. 1. 43 Ольденбург С. Ф. Памяти Василия Павловича Васильева... С. 533. 12 С. Колокоповым из статьи Ольд

Три последние цитаты взяты В. С. Колоколовым из статьи Ольденбурга С. Ф. «Памяти Василия Павловича Васильева...». С. 533.

Прошло уже почти семь лет с тех пор, как я выехал из Пекина; с этого времени другие занятия, которым я предался и с любовью, и по обязанности службы, занимают всё мое внимание. Что я сознавал, что приготовленные мною материалы требуют еще тщательной отделки, и поправок, и дополнений, — это видно из того, что я не спешил их обнародовать; между тем время летит и с ним направление моих занятий все более и более обращается в ту сторону, которая не подает мне надежды, что я могу в скором времени заняться отделкой уже написанного; время летит, и дела и труды, которые могли казаться довольно свежими за [л. 6] несколько лет перед тем, [становятся] запоздалыми и не соответствующими состоянию науки; изолированная деятельность ученого (подчеркнуто мною. — B. K.) пропадает даром в безвестности, и если дело касается славы русского имени, убеждения, что и русские могут со своей стороны сделать что-нибудь для науки, то тем более не заслуживает ли сожаления безвестная смерть многолетней деятельности... 44

Российской Академии наук того времени хорошо было известно, что Василий Павлович Васильев привез в переводах, извлечениях и обзорах весь китайский канон буддийских писаний, извлечения из громадного количества китайских и тибетских книг догматического содержания, совершенно неизвестных европейской науке. По скромным подсчетам, у Васильева были тысячи листов рукописей, написанных им собственноручно. В этих рукописях Василий Павлович излагал свое исследование буддийских текстов уникального содержания. Цитированный выше С. Ф. Ольденбург с фарисейским прискорбием признается:

Мне приходилось наталкиваться на недоверие, даже в ученых кругах, когда я говорил об этих материалах, и выслушивать вопрос: «Да где же эти материалы, о которых вы с таким увлечением говорите?» — Жуткий ответ приходилось и приходится мне давать: «В печке и в мусорной яме...» 45

Живя в Пекине безвыездно почти десять лет, Василий Павлович Васильев посвящал свое время изучению языков: китайского, тибетского, санскритского, монгольского и маньчжурского. При этом Василий Павлович находил время и для научных исследований по первоисточникам самых разнообразных вопросов дальневосточной культуры, начиная с религии Дальнего Востока и кончая вопросами иероглифики. Продолжительная научная деятельность В. П. Васильева составила ему громкую славу, далеко распространившуюся в зарубежных странах. Однако у себя на родине он был объявлен крайним скептиком. Современники Васильева русские синологи того времени открыто примыкали к западной синологии, особенно к направлению Шаванна, вызывающе игнорируя научные традиции Васильева — работать по первоисточникам.

 $^{^{44}}$ Буддизм. Его догматы, история и литература. Ч. 1. Общее обозрение. Сочинение В. Васильева. СПб., 1857. С. VI–VII.

⁴⁵ Ольденбург С. Ф. Памяти Василия Павловича Васильева... С. 536.

Несмотря на бездушное отношение начальства, Василий Павлович с первых же дней своей профессуры отдался самой кипучей деятельности. Он собственноручно писал для литографского станка [л. 7] университетские учебники и хрестоматии, принимал деятельное участие в жизни университета. Став деканом Восточного факультета Петербургского университета в течение ряда лет последнего периода своей жизни, Василий Павлович писал записки по разным вопросам факультетской организации и по методике преподавания. Он был инициатором предполагавшегося периодического издания «Азиатское обозрение» при Восточном факультете Университета, «не дозволенного цензурой» царского режима. По воспоминаниям учеников Василия Павловича, в том числе Сергея Александровича Колоколова, бывшего царского консула в Китае, в те годы, когда он учился на Восточном факультете, самым деятельным членом факультета был по общему признанию декан Василий Павлович Васильев. Он поражал своих коллег энергичностью и инициативой. Василий Павлович действительно обладал исключительным умом и талантливостью и ярко выделялся не только среди профессуры университета, но также и в кругах русских востоковедов в Академии наук.

Василий Павлович Васильев был исключительно объективен в своей научной работе и в то же время был большим патриотом нашей Родины. По мнению Васильева, которое он высказывает неоднократно и в разное время в ряде своих работ, просвещать Восток — призвание России. В одном месте он это мнение подтверждает следующим аргументом:

Просвещать Восток — призвание России, уже потому, что из всех европейских государств только для России ее азиатские владения составляют географически одно целое с коренными областями государства 46 .

Василий Павлович до конца своих дней не сомневался в том, что эта цель будет достигнута.

Для выполнения культурной миссии России на Востоке Василий Павлович призывал русский народ к всестороннему использованию своих естественных богатств, к широким реформам во всех областях общественной жизни, а главным образом в системе образования, без рабского подражания готовым образцам, без «настойчивого поддержания однажды принятых взглядов» (подлинные слова Васильева. — В. К.).

В сборнике «Открытие Китая» Васильев высказывается за широкое привлечение живых сил страны к общественной деятельности, отвергает всякие привилегии и монополии, не признает никакой иной аристо-

⁴⁶ Ссылка не установлена.

кратии, кроме аристократии ума и таланта. Девиз французской революции он несколько переиначил: «свобода и справедливость» («каждому свое»). Его книга «Современные вопросы» (1875) была уничтожена царской цензурой.

Отношение Василия Павловича к Востоку было чрезвычайно глубокое. Он считал, что общению с Востоком, связи с ним следует придавать [л. 7] особенное значение. В автобиографии Васильев многозначительно подчеркивает: «Я говорил, вы все думаете о Западе, начните с Востока, скорее туда дойдете» ⁴⁷.

Причина отсталости восточных народов объяснялась Василием Павловичем Васильевым господствующей на всем Востоке, как Дальнем, так и Ближнем, мертвой системой образования, связанной с исключительным преобладанием чисто теоретических, бесполезных для жизни знаний, принимаемых на веру. Васильев не сомневался в том, что эта отсталость — временное историческое явление, которое никак не связано с расовыми свойствами народов. По этому поводу Васильев с присущей ему остротой и резкостью, замечает:

.... Ложная теория, которая распределяет силу умственных способностей по расам $^{48}. \,$

В другом месте Васильев не связывает отсталость с существом или сущностью религиозных учений.

...Над восточным человечеством, под влиянием приобщения его к мировой культурной работе, взойдет «заря обновляющего объединения» 49 .

Первые впечатления от китайской жизни Василий Павлович изложил очень выразительно и метко:

Я видел перед собой страну богатую, с многочисленным, трудолюбивым, способным населением и между тем погруженную в классическую дребедень, которая хуже невежества, потому что искажена 50 .

Отзыв о «классической дребедени» относится не столько к содержанию китайских классиков, сколько к тому употреблению, которое было из них сделано.

Несомненно, под влиянием глубокого изучения и сличения самых различных первоисточников, значительная часть которых ныне унич-

 $^{^{47}}$ Ольденбург С. Ф. Памяти Василия Павловича Васильева... С. 534.

⁴⁸ Ссылка не установлена.

⁴⁹ Ссылка не установлена.

⁵⁰ Венгеров С. А. Критико-биографический словарь... Т. 4, отд. 2. С. 153.

тожена (особенно после восстания боксеров в 1900 г.), В. П. Васильев пришел к твердому убеждению, что для прогресса Китая необходимо избавиться от фетишизации китайской древности и слепого подражания ей. Он пишет:

...Мы здесь не можем подробно распространяться о древности китайского народа; хотя нам, собственно говоря, эта древность китайцев безразлична, но все же многим, привыкшим к вере на слово в первые рассказы, станет жалко убедиться, что эта древность имеет в себе столько же исторического за 1000 лет до P. X., сколько исторического, для этой же эпохи, представляет и Греция 51 .

[л. 8] В этой же связи В. П. Васильев подвергает не без оснований серьезным сомнениям установление истоков происхождения китайской письменности. Вот его подлинные слова по этому поводу:

Во-первых, заметим, что письменность настоящая, а не воображаемая, изобретена была только за восемь веков до нашей эры, т. е. нисколько не раньше того времени, как она, за исключением загадочных надписей египтян, является и на Западе 52 .

И далее:

Является письменность — является и настоящая история. Чунь-Цю, «Весна и Осень», — вот первая действительная летопись Китая, в которой события обозначаются шаг за шагом, а она начинается только с 723 года до Р. $\rm X.~^{53}$

Прекрасно владея китайским устным языком, Василий Павлович Васильев лучше любого из самых крупных знатоков китайского языка своего времени понимал ту истину, что, по сути говоря, народный язык в Китае является бесписьменным, ибо иероглифическое письмо не предназначено для фонетической передачи всего богатства устной речи. «Народный язык, — пишет Васильев, — и ныне не имеет определенных иероглифов для своего выражения» ⁵⁴.

В свете работы товарища Сталина по вопросу о марксизме в языкознании поразительно ясно звучит высказывание Васильева о китайских иероглифах:

Письменность тогда (в эпоху появления Книги стихов — Шицзин. — $B.\ K.$) существовала только как орудие правительства, для записывания исторических событий, обозначения статистических данных, доходов и расходов, географических пределов, — так говорится, по

 $^{^{51}}$ Васильев В. П. Религии Востока: конфуцианство, буддизм и даосизм. СПб., 1873. С. 17–18.

⁵² Васильев В. П. Религии Востока... С. 18.

⁵³ Там же. С. 18.

⁵⁴ Там же. С. 27.

крайней мере. Эти памятники не дошли до нас, и очень естественно: они, может быть, были недоступны и самому Конфуцию как государственная тайна. Войны истребили их вместе с княжескими дворцами и казенными местами, о которых не заботился победитель ⁵⁵.

Немного далее Васильев продолжает:

Он (имеется в виду Ли Сы — министр императора Цинь шихуанди. — $B.\ K.$) обработал ту китайскую письменность, которая существует и до сих пор и которою написаны самые конфуцианские книги, выдаваемые за древние. До того в каждом царстве был свой вариант письменности $^{56}.$

До этого абзаца Васильев высказывает гениальное предположение относительно «Книги стихов» — «Ши-цзин», опрокидывающее все вымыслы западноевропейских синологов. Эти слова, к сожалению, остались вне поля зрения наших советских китаистов, занимающихся [л. 9] вопросами истории китайского языка и письменности.

«Едва ли даже на Ши-цзин, — пишет в сноске Васильев, — не должно смотреть как на образчик древнего языка различных наречий. Мы видим в нем, что одно и то же содержание передается различными словами в различных царствах; на эту-то сторону до сих пор никто не обратил внимания, и все потому, что никак не могут допустить мысли, чтобы китайские комментаторы были неразвиты» ⁵⁷.

Пророчески Васильев утверждал:

...Действительно, конфуцианство послужило причиной застоя Китая 58 .

Это же мнение выразила вся китайская передовая интеллигенция, когда 4-го мая 1919 года вступила на путь революционной борьбы за прогресс Китая.

Стремясь к всестороннему изучению Китая, Василий Павлович Васильев во время пребывания в Пекине издал большую карту Китая на китайском языке, впоследствии переизданную им же в Петербургском университете. Кроме того, он составил исторический атлас Китая по всем династиям, включая и последнюю. Эта работа осталась неизданной.

Для того, чтоб исторические данные были точны и понятны, нужно прежде всего разработать географию страны, сперва новую, потом древнюю 59 .

 $^{^{55}}$ Васильев В. П. Религии Востока... С. 30

⁵⁶ Там же. С. 32

⁵⁷ Там же. С. 30

⁵⁸ Там же. С. 32

⁵⁹ Ссылка не установлена.

Судя по высказываниям В. П. Васильева в его работе «Три вопроса», неоднократно повторяющимся в разной редакции, он понимал сложность причин, которыми определяется ход исторической жизни народа, и решительно восставал против попыток объяснять все явления этой жизни географическими или этнографическими особенностями.

Особое внимание уделил В. П. Васильев религиям Дальнего Востока, ища в них то «рациональное зерно», которое позволило бы обнаружить истоки духовной культуры изучаемых народов.

«Если религия, — пишет Васильев, — говоря вообще, старается почерпнуть и свои силы, и свое оправдание в древности, то тем более конфуцианство, претендующее на свое происхождение одновременно с началом китайской науки, почитаемой самой древнейшей в мире, есть религия по преимуществу...» 60

В своих воспоминаниях о Василии Павловиче Васильеве академик Ольденбург рассказывал, что, будучи молодым студентом, он видел у Васильева и «получил драгоценное право прочесть» сотни листов рукописей, среди которых были, по словам Ольденбурга, «жалкие остатки дивного целого». Труды Васильева о буддизме не потеряли своего значения и до настоящего времени, и ими вправе гордиться русская наука.

[л. 11] В своих материалах по истории китайской литературы, изданных литографским способом для студентов Петербургского университета, Василий Павлович Васильев проявил свою исключительную эрудицию в трактовке религий Китая.

Целый ряд смелых высказываний Васильева не лишены интереса. Обращаясь к студентам, Василий Павлович очень умно и умело призывал их к борьбе с рутиной. Так, в одной из лекций, рассказывая о новой конфуцианской философии, возникшей в Китае в эпоху Сунской династии, Василий Павлович подает студентам такую мысль:

Педантизм конфуцианских философов, которые в эту эпоху, опасную для их будущности, как нарочно, воспламенились и отличались ученостью, решил судьбу Китая, который до сих пор не сознает зла и прославляет напротив виновников своей судьбы. Такова всегда бывает сила религиозного педантизма (подчеркнуто мною. — $B.\ K.$) ⁶¹.

Несколько далее он продолжает:

С одной стороны, как будто китайцы сделали очень хорошо, что стали извлекать из конфуцианства нравственную сторону учения, наскучив изысканиями о словах, трактатами об именах, местностях, толкованиями о смысле выражений. Но, с другой стороны, заменить немецкую ученость в классических книгах рабским убеждением в непогрешимости философских, богословских и нравственных понятий древних

 $^{^{60}}$ Васильев В. П. Религии Востока... С. 17.

⁶¹ Ссылка не установлена.

греков и римлян, не значило ли бы это обратить всю историю Европы вспять, — потому что как скоро ученость и философское мышление облекаются в форму религии, то последняя скоро задавит и эту ученость, и эту философию 62 (подчеркнуто мною. — $B.\ K.$).

Перечисляя ученых Минской династии, занимавшихся вопросами новоконфуцианской философии, Василий Павлович упоминает про Сюэ Сюань и приводит его биографию, в которой говорится, что перед его рождением его мать видела во сне человека в красном платье, и когда родился Сюэ Сюань, то все тело его было лоснящимся и прозрачным как хрусталь, так что видны были все внутренности. По этому поводу Василий Павлович замечает:

Не видим ли из этого, что конфуцианство принимает всё более религиозный оттенок. Если мы встречаем чудесное в рассказах о происхождении знаменитых исторических личностей, то можем объяснить это народными верованиями; когда же школа, претендующая на ученость и свободу от предрассудков и полагающая, что она одна обладает очищенными понятиями и светлым умом, окружает своих деятелей [л. 12] подобными рассказами, то не видим ли, что она стремится из своих учителей сделать отцов церкви, жизнеописания которых так окружены чудесным во всех других верованиях? ⁶³

Никто до Васильева и после него не дал такой четкой и краткой характеристики новоконфуцианского учения, которую нельзя не привести в подлинных выражениях нашего ученого:

Учение новейших философов, начавшееся во время Сунской династии, известно у китайцев под именем <u>Синли</u> 性理 64 , т. е. законов природы, законов внутреннего человеческого духа; название, появившееся вместе с этим учением 65 .

Чжоу цзы (основатель новоконфуцианского учения. — В. К.) представляет всю вселенную как субъект, во всех видах разнообразия изливающимся или превращающимся из одной отвлеченной объективности, которую он называет ТАЙ-ЦЗИ, т. е. «самым запредельным», или как мы называем — трансцендентальным или абстрактным. Это то же, что «пустота» у буддистов, от которых он заимствовал идею, — которая, предполагая в объекте своем абстракт всякого субъекта, вместе с тем есть содержание или сущность всякого неделимого. Тай-цзи есть начало всех тварей или та точка, в которой поглощаются две противоположные силы: Инь и Ян — два первых субъекта, действующих в мире, как добро

⁶² Ссылка не установлена.

⁶³ Материалы по истории китайской литературы. Лекции, читанные заслуженным профессором С.-Петебургского Императорского Университета В. П. Васильевым. СПб.: Литография Иконникова, 1903. С. 40.

⁶⁴ Здесь и далее в рукописи В. С. Колоколова пропуски для вставки иероглифики. При публикации материала иероглифы восстановлены по цитируемым лекциям В. П. Васильева «Материалы по истории китайской литературы».

⁵⁵ Материалы по истории китайской литературы. С. 41.

и зло в других школах. Из этой-то абстрактности и вылились эти силы, которые, в сложности своей представляя Тай-цзи и уничтожаясь в ней как в абсолюте, в настоящем мире разделены между собой на равные части Тай-цзи, имея всему (соответствие. — $B.\ K.$), соблюдая равновесие, Тай-цзи абсолютно. Так что там, где в этом объекте недостает некоторой части силы Ян, другая сила заменяет этот недостаток. Затем из двух этих сил рождаются пять стихий: вода, дерево, металл, огонь и земля, от которых уже рождается вся вселенная, причем сила $\underline{\mathit{ЯH}}$, идя дорогой ГАНЬ, производит мужчин, а $\underline{\mathit{ИHb}}$ — дорогой КУНЬ — женщин 66 .

Далее Васильев приводит слова Чжоу цзы в своем переводе, весьма типичном и показательном:

<u>У-цзи</u> (бесконечное), это — нечто, существующее в самом себе; <u>Тай-цзи</u> (самое крайнее), это — объект в отношении к нашему мышлению. Когда Тай-цзи приходит в движение, рождается сила Ян; когда же движение достигает крайности (<u>цзи</u>, самой высшей точки — как бы все выльется), тогда начинается покой; покой производит Инь, когда же покой достигнет крайности, снова начинается движение. (Таким образом) движение и покой служат друг другу взаимным основанием и составляют [л. 13] корень Тай-цзи (?). Они, разделяясь на Инь—Ян, составляют две формы (儀) Тай-цзи (т. е. взятые отдельно представляют силы Инь и Ян).

От превращения силы Ян в совокупности с Инь рождаются (на земле) пять стихий и расстилаются (на небе) пять воздухов, приходят в движение времена года.

Пять стихий суть одно (вместе взятые) Инь и Ян; Инь и Ян суть одной Тай-цзи. Тай-цзи (трансцендентальное) есть собственно У-цзи (бесконечное). — Когда пять стихий рождаются, каждая получает свойственную себе природу.

Непорочность У-цзи и эссенция (цзин-ляо) двух (сил) и пяти (стихий) слившись и (скрепши), — смотря по тому, какое принимают направление, — производят различное; по пути ГАНЬ производят мужчину, по пути КУНЬ — женщину (т.е. мужское и женское начала). — (Эти) два воздуха от взаимного друг на друга влияния производят все твари, за рождением следует рождение и (потому) превращения бесконечны. Только человеку досталось в этом лучшее, и он есть самое духовное (существо 靈); форма (его) есть рождающаяся; дух (神) проявление знания; пять природ приходят (в нем) в движение и отсюда разделяется доброе и дурное, происходят все (разнообразные) действия.

Толкование на это говорит: все люди имеют вполне законы (свойства) движения и покоя, но они теряют их от движения; ибо, когда человек родится, то (он) не лишен пути Тай-цзи; он получает при взаимном проходе сил Инь и Ян и пяти стихий — самое лучшее, поэтому и сердце (душа) его самое духовное; он не теряет целости своей природы, т. е. сердца неба и земли — человека; но так как форма рождается от Инь, а дух от Ян, природа приходит в движение от внешних предметов, а между тем Ян есть добро и Инь зло, — то от этого происходят все дейст-

⁶⁶ Материалы по истории китайской литературы. С. 42–43.

вия. — Тай-цзи природы внешней соответствует движению и покою, т. е. характеру (性) человека; силы Инь и Ян в человеке образуют душу (心) его; пять стихий в человеке суть человеколюбие, истина, церемонии, мудрость и верность; во внешней природе все вещи рождаются, в человеке происходят действия.

Святой муж утверждает свой путь на беспристрастии (中) и прямоте (正), человеколюбии и истине и пребывает в спокойствии (т. е. не имеет суетных желаний), — что составляет (極) человека; поэтому святой муж согласует свои добродетели с небом и землей, свой свет (разум) с солнцем и луной, свой [л. 14] порядок с четырьмя временами года, а счастье и злополучение с ГУЙ (愧) и ШЭНЬ (神) 67 .

В традиции Васильева после перевода, по возможности дословного и точного, делать свой вывод или сводку основной мысли того или иного цитируемого им китайского автора. В данном случае у Васильева читаем следующий вывод:

Все предыдущее выражает не больше как следующую мысль: первоначальное Тай-цзи заключает в себе две силы, от которых произошли пять стихий и от них уже разнообразная вселенная. Человек есть чистейшее произведение этого творения, он есть как бы мир в мире, т. е. душа (синь) его соответствует своей чистотой — чистоте Тай-цзи, сердце — силам Инь и Ян, пять непреложных нравственных качеств — пяти стихиям, и от столкновения этого внутреннего существа с внешней природой рождаются действия, столь многоразличные, как разнообразны и творения внешней природы. Но между тем, кто сохранил свою природу в чистоте, т. е. как она вышла из создания, тот и есть святой человек, и все отождествляется в нем с внешним миром.

Благородный муж (т. е. тот, кто, не будучи вполне святым) стремится (к этому) пути, потому и выходит у него счастье; кто противится этому пути, у того выходит злополучение 68 .

Василий Павлович, углубляясь в философскую идею конфуцианства, не отрывался от практической стороны этого мировоззрения китайцев, прослеживая влияние того учения на быт и обычаи. Ему принадлежит первое место в описании многих обрядов и привычек, которые еще и в наши дни наблюдаются в жизни китайского народа. С большим интересом слушали студенты обстоятельные лекции-рассказы профессора Васильева, иллюстрируемые цитатами из сочинений Чжу-си, описывающих церемонии и обряды Древнего Китая. Ниже приводится в сокращенном виде лекция профессора Васильева на эту тему:

Благородный муж, желающий построить дворец или жилище, наперед воздвигает молельню на востоке от будущего главного здания и в ней ставит четыре алтаря (龕) для помещения в нем дощечек (神主) с обозначением своих предков; тут же указываются 69 и побочные родст-

 $^{^{67}}$ Материалы по истории китайской литературы. С. 44–45.

⁶⁸ Там же. С. 45–46.

 $^{^{69}}$ В тексте В. П. Васильева — «сопоставляются».

венники, не оставившие потомства. Для этой молельни отводится особая пашня (для получения зерна, приносимого в жертву); заготовляются жертвенные сосуды. Хозяин каждое утро является в главных дверях (в знак представления или засвидетельствования почтения); когда [л. 15] уходит или приходит — сказывается. В 1-е и 15-е число каждого лунного месяца, в зимний и летний поворот (солнцестояние. — B. K.) он приносит жертву (参), а в обыкновенные праздники (伶莧) (праздники суть известные дни в году, введенные обычаем и неизвестные в древности, таковы: Цин-мин, Хань-ши, Чунь-у, Чжун-юань, Чун-ян и пр.) приносит кушанья, соответствующие тому времени.

Когда случится какое-либо дело (свадьба и т. п.), то об этом объявляется перед предками (причем объявляющий называет себя праправнуком, правнуком, внуком, сыном, с титулом «почтительный» (сяо) — если он прямой и главный потомок, а если нет — то без этого титула). Когда случится наводнение, пожар или нападут разбойники, то должно прежде всего спасать молельню, снять дощечки, убрать жертвенные сосуды и потом уже приняться за богатства.

Домашние мелкие правила Сыма (Гуан'а)

Всякий хозяин дома непременно должен тщательно соблюдать церемонию, управлять детьми, младшими братьями и домашними, разделять между ними занятия, надзирать за успехами, надсматривать за расходами, соразмеряя с доходами, быть бережливым в раздаче платья и кушанья, в издержках на счастливые (свадьба, родины) и несчастные случаи; во всем должна быть соразмерность, должно запрещать расточительность и роскошь, во всяком случае должны быть остатки на непредвиденные случаи. Низший и младший во всяком деле, большом и мелком, не должен поступать самовольно, но спрашиваться старшего в доме.

Сын и жена не должны иметь и скоплять собственного отдельного богатства, получаемое ими жалованье или доходы с имения должны отдаваться родителям или свекру со свекровью; когда встретится им нужда, то должны просить, а не смеют самовольно распоряжаться.

Сын и сноха должны, вставши рано и одевшись, прийти наведаться о родителях; когда те встанут, прислуживать им и потом, уйдя, приняться за свои дела. Когда настанет время обеда, жена спрашивает у хозяина дома, что ему угодно есть, и подает; когда он кончит, то сын и сноха идут есть в особое место; младшие также обедают особо — садятся по старшинству — женщины на правой, а мужчины на левой стороне. Вечером сын и сноха укладывают родителей спать. Они должны иметь перед ними во всяком случае почтительную физиономию, отвечать тихим и ласковым голосом; не смеют плевать, кричать; если не велят сесть, то и не садятся, не велят уйти, так и не уходят.

Всякое повеление должно быть исполнено тщательно; если чего нельзя сделать, так должно доложить и получить согласие. Если в важных случаях будут приказывать с настойчивостью что-либо дурное и не исполнишь, то все-таки будешь непочтительный сын.

[л. 16] Когда видишь, что родители делают что-либо дурное, то с учением увещевай, хотя бы они, рассердясь на это, прибили до крови, не смей роптать, а сохраняй почтительность и уважение.

Обряд надевания шапки (означающий, что надевающий становится взрослым человеком)

Хотя толкователи и сознаются, что этот обряд ныне не соблюдается, так что и в десятилетнем возрасте уже мало детей с косичками, заплетенными рожками, — но все же требуют, чтобы дети в этом возрасте по крайней мере знали «Сяо цзин» (трактат о сыновней почтительности. — В. К.), «Лунь Юй» («Речи и рассуждения Конфуция». — В. К.) и имели какие-нибудь понятия о церемониях). Обряд этот совершается над юношами от 15 до 20 лет (в древности только 20 лет), причем в том случае, если в семье нет траура. За три дня до намеченного срока хозяин дома объявляет об этом в молельне, созывает гостей (прежде даже гадали, каких гостей пригласить); накануне расставляются жертвенные сосуды (так как молельн мало и они тесны, то обыкновенно этот обряд совершается над мужчинами в парадном зале дома (外廳), а над женщинами во внутренних покоях гинекеона (中堂). Рано утром приготовляют шапку и платье; когда является гость, хозяин встречает его и вводит в зал; гость приветствует того, на кого надевают шапку, кладет на него шапочку (冠巾), тогда молодой человек уходит в другую комнату, надевает «глубокое» платье (шэнь-и), вышитые башмаки (納履) и опять является к гостю, который в другой раз надевает на него шапку (帽), черный кафтан (早衫); тот подпоясывается и надевает сапоги (鞋). Затем в третий и последний раз надевает уже парадную шляпу (幞頭), парадное платье (公服), подпоясывается и надевает другие сапоги (靴). Потом следует угощенье. Гость дает надевшему шапку почетное имя. Затем хозяин представляет молодого человека в молельне. Потом он является к старшим, откланивается гостям и засим делает визиты к учителю и друзьям

У девиц этот обряд называется втыканием головной иглы (笄) и совершается, когда девицу сговорят. При этом совершается также переодевание и дается почетное титло.

Брачный обряд

Мужчины женятся от 16 до 30, а женщины вступают в брак от 14 до 20 лет. При этом непременно должна быть сваха, и когда девица согласилась, то делается сговор (纳采). Сыма Вэнь осуждает браки, основанные на расчете, без исследования характера жениха и невесты и домашнего образа жизни, а также обычай родителей сговаривать детей, когда [л. 17] ⁷⁰ они еще в детстве или в пеленках, а часто даже еще в утробе

⁷⁰ Перед листом 17 вставлен лист со следующим текстом:

[«]Василий Павлович вернулся из Китая за десять лет до отмены крепостного права в России, и его живо интересовали все злободневные вопросы политической жизни, о чем он вскользь упоминает в своей биографии. Чувствуется, что он питал глубокие

матери. Часто случается, что два знакомых, у которых жены беременны, уславливаются, что если у одного родится сын, а у другого дочь, то они женят их, и это условие, равно как и все предыдущие случаи, строго соблюдается, потому что когда подрастут, часто оказываются негодяями, или получают дурные болезни, или беднеют, или уходят в дальние страны (а между тем все эти случаи не дают права другой стороне отказаться от выполнения давнишнего условия), и от этого происходит нарушение данного слова или возникают тяжбы.

Сговор (попросту еще называется янь дин 言定) состоит в том, что старший в доме жениха, приготовив письмо и объявивши о том в молельне, посылает младшего члена семейства в дом невесты, хозяин которого встречает его и объявляет письмо в своей молельне, по выходе откуда дает ответное письмо посланному, который по возвращении отдает отчет старшему, а этот снова объявляет в молельне.

В древние времена еще был обряд спрашивания имени (問名), гадания о счастье (纳言), но ныне не в употреблении, а прямо приступают к подаркам (纳幣).

Подарки (состоящие смотря по состоянию из известных материй, не менее, однако же, 2 и не более 10 кусков), с присовокуплением иголок, браслетов, мяса (баранины), вина и плодов или же без этого, отправляются также при письме, и далее идет все как выше, за исключением того, что об этом уже и объявляется в молельне.

Далее назначают день свадьбы (請期). (Но эти «нравственные конфуцианские писатели пропускают еще более важный обряд, а именно составление сговорного трактата, в котором прописывается все приданое невесты, причем бывает не без торга. Хотя это и в большом употреблении, однако же писатели нападают на такой обычай, по их словам, недостойный благородных людей, а похожий на покупку невольниц). Накануне свадьбы (親迎) невеста посылает убрать комнату жениха. На следующий день в доме жениха «ставится место» (設位) посреди комнаты, а у невесты вне комнаты. Жених, одевшись в парадное платье,

симпатии к Герцену, Чернышевскому и Добролюбову. Отмена крепостного права не удовлетворила его. Он был живым свидетелем того, как "остатки крепостнического хозяйства, громадные подати и выкупные платежи помещикам, которые нередко превышали доходность крестьянского хозяйства, вызывали разорение, обнищание крестьянских масс, заставляли крестьян уходить из деревень в поисках заработка. Они шли на фабрики и заводы. Фабриканты получали дешевую рабочую силу.

Над рабочими и крестьянами стояла целая армия исправников, урядников, жандармов, полицейских, стражников, которые защищали царя, капиталистов, помещиков, против трудящихся, против эксплуатируемых..." (Краткий курс «Истории ВКП(б)». Госполитиздат, 1938. С. 6).

Василий Павлович сильно переживал и огорчался царившему вокруг него произволу. В своей биографии он не мог удержаться, чтобы не излить горечи по поводу уничтоженной цензурой его книги «Современные вопросы». Он писал много статей на злободневные темы и помещал их в разных газетах того времени («Северная Пчела», «Биржевые ведомости», «Голос» и даже «Новое время»). В биографии довольно глухо говорится о том, что Василий Павлович после 1881 года (год убийства народовольцами царя Александра II) был зачислен на службу в министерство внутренних дел. Не в этой ли связи почти полностью исчез богатейший рукописный архив академика Васильева?»

вводится старшим в дом в молельню, потом ему подается бокал, и его посылают встречать невесту. Он садится на лошадь и, прибывши в дом невесты, дожидается у приготовленного места (называемого 次). Тогда хозяин объявляет в молельне о прибытии жениха, поит свою дочь из бокала, привезенного женихом, и отпускает ее (прощается с ней) 71. После этого он выходит к зятю и, введя его в дом, приносит в жертву гуся (奠 鴈). Девицу выводят и сажают в коляску (иногда употребляются для этого носилки). Зять едет на лошади впереди и, приехав домой, вводит за руку [л. 18] свою жену в дом. Молодожены тут кланяются друг другу (муж два, а жена четыре раза), но в древности не было этого обычая. Затем садятся за стол, и по окончании еды зять выходит, прогуливается около дома, затем возвращается и начинает раздеваться. Уносят свечи. Хозяин занимается гостями в другом помещении. На другой день рано поутру молодая представляется свекру и свекрови, которые оказывают ей перемонии, и если старшая в доме жена, то она подает им кушанья, взамен этого молодые тоже угощают старших яствами. Если есть в доме и другие старшие, то после визита к свекру и свекрови молодая должна также представиться им. Через три дня хозяин представляет молодую в молельне (в древности через три месяца). На следующий день зять отправляется к родителям жены. Тесть встречает его как гостя, и когда он кланяется, то поддерживает его за плечо. При представлении теще последняя стоит у дверей, у которых закрыта левая створка, а зять кланяется ей за дверью. Во всяком случае делаются подарки. Затем зять делает визиты жениным родным и везде принимается с обыкновенными церемониями (как гость).

Примечание: В день свадьбы жених не представляется теще, потому что невеста еще не виделась со свекром и свекровью.

Похороны

Больного, находящегося при смерти, переносят в главную комнату или здание. Как только он умрет (初终), поднимается крик, называемый вызыванием души (復): обратясь к северу и махая платьем, умершего кличут по имени (если мужчина) или по титлу (если женщина), зовут также по должности или как обыкновенно звали. Потом старший сын или (если он уже умер) внук принимает звание представителя траура (喪主). Его обязанность приносить в жертву пищу (饋) и делать возлияния. Однако гостей принимает старший и почетный в доме. Сверх того, есть и другие траурные прислужники (под различными названиями: 護喪, 司書, 司化), выбираемые из младших членов семейства или даже слуг, которые извещают всех родных письменно о смерти.

Тотчас после смерти все в доме переменяют одежды и не принимают пищи. Устраивают гроб, расстилают траурные одежды, приборы для омовения и сосуды с пищей (飯含). Все присутствующие моются, надевают траурные одежды и совершаются возлияния (設莫). Все становятся

⁷¹ В тексте Васильева — «благословляет».

по порядку старшинства и плачут. Затем устанавливают похоронный стол (靈座), [л. 19] постилают жертвенные материи (魂帛) и водружают похоронное знамя (鉻).

Примечание: Конфуцианские ученые нападают на допущение при похоронах буддийских обрядов. Но между тем ныне всюду, если только сколько-нибудь позволяет состояние, принято приглашать для служения по покойнике буддийских (или даосийских) жрецов, которые затем являются и через 49, 100 дней, через год, два и по окончании траура. Ученые говорят, что если попадет в рай за то, что жрецы будут делать «дао чан» или о покойном писать «цзи цы», воздвигать кумирни, субурии и кумиры, — то все это значит оскорблять покойного. Потому что если есть рай, так в него должен попасть благородный муж, а поступать так — значит думать о покойном, что он был низкий человек.

Близкие друзья и родственники могут прийти в тот же день и плакать по покойнике.

На другой день производится так называемая малая уборка (сяо лянь 小飲) покойника; распорядитель и распорядительницы рыдают над трупом и бьют себя в грудь, потом делают возлияния, и все алчут, не прерывая голоса.

На третий день производится «большая уборка» (да лянь 大飲) (после чего можно замазывать гроб), ставят «похоронный диван» (靈壯) на восток от гроба и делают возлияния.

На следующий день собираются все, как близкие, так и дальние родственники, носящие траур, все в траурных одеяниях. Плачут, потом по правилам изъявляют друг перед другом соболезнования.

Траур бывает пяти разрядов, смотря по близости или дальности родства (а на это есть длинные расписания). Он заключается главным образом в ношении траурных одежд в большем или меньшем продолжении времени. Траур первого разряда состоит из обязанности носить неподрубленную одежду из самого грубого полотна (斬衰), на спину прикрепляется дощечка (負版), а на груди у сердца другая (цуй 衰). На боках тоже бывают дощечки (пи-лин 辟領). Этот траур продолжается три года, и его носит сын по отцу. Траур второго разряда называется (齊衰) и состоит в ношении подрубленных траурных одежд из материи несколько лучшего качества. Продолжается тоже три года. Если совершается по матери, то ходят с палкой (杖期), но дочь по отцу ходит без палки. Так же и по братьям, сестрам и деду. По прадеду траур носят только пять, а по прапрадеду всего лишь три месяца. Траур третьего разряда называется великим бременем (大功) и его носят девять месяцев. Платье лучше по качеству, нет ни дощечек, ни «цуй», ни «пи-лин». Этот траур носят по двоюродным братьям и сестрам. Траур четвертого разряда [л. 20] называется «сяо-гун», или малое «бремя», продолжается пять месяцев и его носят по жене брата, двоюродному племяннику и т. п. Наконец, траур пятого разряда «сы ма» (缌麻) продолжается три месяца, носят по жене двоюродного племянника и другой дальней родне.

Каждый день (пока стоит гроб в помещении) утром и вечером производится плач и возлияния. Но плакать можно и во всякое другое время. В 1-е число лунного месяца, кроме возлияния, подают кушанья. Но когда случится что-либо новое, то разрешается также подавать кушанья.

Наведывающийся (引) приходит в простом платье, при возлиянии пьет чай, вино и ест плоды, жертвует (賻) материю и деньги.

Если кто услышит о смерти, находясь в отдалении, то тотчас плачет, переменяет одежды и отправляется в путь. В дороге, когда останавливается, плачет. Когда доезжает до провинции, уезда, города и далее до самого места кончины, каждый раз плачет. Войдя в дом, подходит к гробу и совершает двукратное поклонение. Дважды переменяет платье (как бы в компенсацию за то, что не участвовал при уборках покойного). По этой же идее в полном трауре является на четвертый день. Если покойник уже похоронен, то приходит на могилу, плачет и кланяется.

Примечание 1: Разумеется, это говорится главным образом о сыне. Через три месяца хоронят. Для этого подыскивают удобную землю.

Примечание 2: Ученые не одобряют обычая вверяться похоронных дел мастерам, которые избирают счастливый год, месяц и день для похорон, а также и местность для кладбища, — и проволакивали время до тех пор, что покойник иногда оставался непогребенным (чего ныне не слышно) — однако гадания о местности (разумеется, у богатых) ныне составляют любимый предмет. Впрочем. и ученые говорят, что почтительный сын должен заботиться о том, чтобы похоронить труп невысоко, дабы не показался после наружу, и неглубоко, дабы не сгнил скорее обыкновенного от сырости, поэтому надобно непременно выбирать такое место, где глубоко до воды, — они осуждают также обычай (который ныне редко встречается, особенно в самом Китае) сжигать тело покойного, если он в далекой стороне, и привозить на родину прах, потому что для сына должны быть дороги честь и тело отца — притом законы строго судят за то, если кто повредит труп. Как же можно, чтоб дети позволили себе это над телом отца!

[л. 21] Они одобряют — лучше хоронить покойника в том месте, где умер, если состояние не позволяет возвратить его труп на родину.

Выбирают день, чтоб рыть могилу; приносят жертву земле, могилу обкладывают золой, которая не допускает ни сырости, ни древесных корней. Внутри гроба наружного (го) кладут смешанные известь и песок, которые должны окрепнуть как камень.

Примечание 3: Странно, что уважение не дозволяет каменных гробов вместо этого.

Между тем высекают на камне надписи (о покойнике 誌石); делают так называемые «светлые приборы» (明器), состоящие из вырезанных из дерева фигур, представляющих повозку с лошадьми, слуг, служанок, держащих различные вещи, также диван, занавески, столы и табуретки, ковры, что все называется «ся чжан» (下帐), бамбуковую корзину (苞) для помещения останков жертв, пять бамбуковых сосудов (筲) для помещения всех сортов хлеба, три кружки (農) для вина, уксуса и сои. Все

это, исключая надписи, кладется в особой камере, прорытой сбоку могилы.

Заготовляют большие носилки (или одр) и балдахин (2). (Ныне обыкновенно для этого есть особые лавки, в которых все похоронные принадлежности берутся напрокат — B. K.). Заготовляется посмертная дощечка (\pm), которая, по словам Чэн-цзы, должна иметь в пьедестале 4 дюйма в квадрате и 1 дюйм 2 линии в толщину, а сама быть вышиной в 1 фут 2 дюйма, в ширину 3 дюйма, а в толщину 1 дюйм 2 линии и сверху иметь закругленную головку. Прежде для этой дощечки употребляли тутовое дерево, а ныне грушевое и вообще всякое крепкое дерево.

За день до выноса гроба во время утреннего возлияния делается об этом соответствующее объявление; гроб приносят пред молельней с дощечками предков, как бы в обыкновенное время при жизни покойник должен был, направляясь куда-нибудь, сказаться. Потом переносят гроб под шалаш (應事) и производят плач. Гости и родственники приносят возлияния и жертвы (из денег и материи). Расставляют похоронные принадлежности. Сперва фигура Фан-сян (方相), одетая как Дао-сы, держащая копье и поднятый щит (у высших чинов, начиная от 4 класса, с четырьмя глазами). Затем ставят «светлые (чистые) сосуды» и все прочее, перечисленное выше, на специальные носилки (壯). Далее следует знамя (мин-цзин) и носилки «с душой» (靈車), в которые кладутся материи и благовония (ароматические вещества). Наконец, следует большой одр.

[л. 22] На другой день, когда ставят гроб на носилки, приносят прощальное возлияние и молят душу пожаловать в носилки, в которые кладут кроме материй еще и ящичек с дощечкой.

Когда понесут гроб, все, как мужчины, так и женщины, следуя пешком, рыдают. Почетные следуют позади. Не носящие траура за ними. Далее гости. За городом подле дороги устраивается палатка, в которой ставится на время гроб и приносятся возлияния. По дороге плачут, когда взгрустнется.

По прибытии на кладбище все несомое впереди гроба расставляется в определенном порядке. Когда проносят гроб, родные плачут, а знакомые гости прощаются и уезжают. Могильные перегородки наполняют золой, потом подбавляют землю. Тут же приносят жертву земле. Налево от могилы зарывают «светлые приборы» и проч. Водружают камень с надписью и утрамбовывают землю.

Сделав надпись на дощечке с прописанием имени и звания покойника, а равно и того, кто приносит жертву (син), ставят ее в носилки и отправляются назад, оставив кого-нибудь из членов семьи на кладбище, чтобы при нем могильщики докончили возведение могильного холма (вышиной в 4 фута), перед которым ставят каменный памятник (также вышиной в 4 фута на пьедестале в 1 фут).

Примечание: Обычай ставить могильные памятники начался со времен Циньской династии; до того времени описание подвигов, если речь шла о знаменитом лице, делалось на колоколах и ДИН'ах, которые ставились в храмах предков. Со времени Южной династии появился обычай зарывать в самой могиле эпитафии. Ученые, одна-

ко, смеются над старанием делать в надписях покойного лицом знаменитым и добродетельным.

На возвратном пути с кладбища все идут медленно, сопровождая носилки с душой и, по возвращении поплакав, ставят дощечку на заранее приготовленном месте (靈座), перед которым снова плачут.

В тот же день совершаются поминки (虞祭), состоящие в обряде подношения пищи перед дощечкой. Поминки совершаются после еще два раза (в «мягкий» 柔 и «жесткий» 剛 дни судьбы). Следующие затем жертвы носят особые названия. Через 13 месяцев после кончины совершаются еще раз поминки или жертвы под названием «малого благополучия» (小祥); через 26 месяцев — «большого благополучия» (大祥) и, наконец, через 27 месяцев, (не считая високосных) месяцев (ныне через 3 года. — В. К.), совершается последний похоронный обряд, называемый 檀.

Все эти обряды, вообще говоря, состоят в том, что производят омовения, расставляют сосуды с кушаньями, овощами, плодами, вином [л. 23] и пр. Потом вызывают духа, что представляется выниманием дощечки, (плачут), троекратно его потчуют. Затворяют и отворяют двери и прощаются.

Жертвы

Сверх того, в первых числах третьей луны приносят такие же жертвы на кладбище.

Вопреки существовавшему среди европейских синологов мнению о том, что даоская религия, или даосизм, обязана своим происхождением Индии, Василий Павлович неопровержимо установил, что эта религия преобладала в Китае до времен Ханьской династии, причем она была не только придворной, но и народной. В своих лекциях по истории китайской литературы Васильев пишет:

Мы можем выразиться, что эта религия есть чисто народная, потому что сохраняет в себе все поверья, предрассудки и заблуждения, которые свойственны человеку, чувствующему слабость своих сил. Учения о том, что можно сделаться бессмертным, приобрести сверхъестественную силу, что есть талисманы, которые охраняют от наваждений или дают чрезвычайные силы, что есть духи гор, рек, светил и т. п., не нуж-

⁷² Материалы по истории китайской литературы. С. 58–71.

но отыскивать непременно в каком-нибудь писателе, — если мы чтолибо встречаем у кого-нибудь (из писателей. — В. К.), то уже это не новость, разве что только тут сколько-нибудь изменено автором и прибавлено из собственной фантазии. Собственно же такое учение слишком прирожденно человеку, для того чтоб думать, что оно появилось после его усовершенствования или [л. 24] введения письменности ⁷³

Василий Павлович Васильев, вскрывая сущность даосизма, решительно отказывается признать в нем какую-либо философию.

Несмотря на то, что Даосизм прикрылся с начала исторического появления своего имени, но не своего учения, мантией философии, в нем нет ничего особенно философского 74 .

«Надобно отличать, — пишет далее Васильев, — даосских философов от книг религиозных. Самые знаменитые Конфуцианские ученые не стыдились издавать толкования на некоторые знаменитые книги по Даосизму и не полагали, что они бесчестят этим свое учение. И ныне напитанный учением великих классиков китайский докторант не преминет отправиться в даосский храм Вэньчжан'а, чтобы помолиться об успехе на экзаменах; отец семейства отправится в другой отдел того же храма возжечь курительные свечи перед богом-покровителем детей» ⁷⁵.

Говоря о философии Даосов, Васильев резко критикует работы европейских ученых своего времени, в частности французского ученого (Базэн) 76 , статью которого (август 1856 г.) подробно разбирает на одной из своих лекций. Он пишет:

В Европе известен один только Дао-Дэ-цзин, но хотя он и служит основным камнем, по философии надобно искать в сочинениях Гуанюнь-цзы, Юнь-вэнь-цзы, Ле-цзы, Чжуан-цзы, Цзя-цзы, Хань-фэй-цзы, Хуай-нань-цзы и Хо-гуань-цзы. А все эти сочинения неизвестны в Европе! ⁷⁷

Васильев в своих лекциях о даосизме уделяет немало внимания «практическому приложению, которое Даосизм выводит из своего учения». В этом отношении приходится горько сожалеть, что его труды в свое время не вышли в свет. Как бы они пригодились в наши дни! В самом деле, не зная даосской мифологии, связанной с богатейшим китайским фольклором, мы лишены возможности по-настоящему заниматься китайской литературой, и в наших переводах она звучит весьма

⁷³ Материалы по истории китайской литературы. С. 90.

⁷⁴ Там же. С. 91. ⁷⁵ Там же. С. 91.

⁷⁶ Basin M. Recherces sur l'origine, l'histoire et la constitution des orders religieux dans l'Empire chinois // Journal Asiatique, Aout 1856. Paris, 1856. P. 1–70.

⁷ Материалы по истории китайской литературы. С. 161.

бледно и невыразительно. Ниже приводятся некоторые легенды, связанные с даосской мифологией, изложенные Василием Павловичем Васильевым.

1. Легенда о Лао-цзы

Лао-цзы есть воплощение высочайшего существа, называемого Тайшан Лао-цзюнь — Высочайший старый властитель (бог!), но это его перерождение не было первым, о прежних, однако, не сохранилось известий. [л. 25] Первое перерождение полагается за полторы тысячи лет до нашей эры, когда Лао-цзюнь, отделив святой воздух, поместил его во чреве «прекраснейшей яшмовой девицы», где он и пробыл в нем 81 год. Потому и родился с седыми (белыми) волосами и назван старым (Лао). Он родился в деревне Цюй-жэнь, в волости Лай, в уезде Ку, в царстве Чу. Он родился из левого бока под каштановым деревом (каштан покитайски «ли») и, указав на него, сказал: «оно (дерево) будет моей фамилией». Голова у него была белая, лицо желтое, уши длинные, глаза большие, борода окладистая, шея широкая, зубы редкие, рот квадратный, на ладонях — крест. При имп. Вэнь-ван (около 1150 г.) он был хранителем истории, при имп. У-ван (после 1134 г.) назначен столбовым историком и отправился странствовать в отдаленный запад в страну Дацинь (римское царство), Чжугань (?) и другие царства, где стал известен под именем древнего учителя и просветил те царства. В 1029 г. в повозке, запряженной черным быком, проезжая через проход Хань-гу-гуань, сообщил свой путь начальнику прохода Инь-си. В 1029 году (в этот год по китайскому счислению родился Будда) прибыл в Сы-чуань, потом вместе с Инь-си, переправляясь через сыпучие пески, посетил варварские страны, а при Лу-ван'е (1001 г.) снова вернулся в Китай. В 502 году встретился с Конфуцием, который отозвался о нем как о драконе. В 305 году опять вышел из Китая, взлетел на вершины Кунь-лунь. При династии Ци опустился на берег реки Цзя (渎), почему и прозван Хэ-шан гун (речным господином). Тут он передал свое учение Ань Ци-шэнь'ю. При Ханьском императоре Вэньди (179–157 гг.) он стал известен под именем Гуан Чэн-цзы. Император, не могши его дозваться, сам к нему поехал и когда увидел, что он не кланяется, сказал: «Ты хоть праведник, но мой подданный. От меня зависят богатство и знатность!» Тогда Гуан Чэнцзы, поднявшись на воздух на сто с лишком сажен, сказал: «Теперь, когда я вверху, не на небе, а в середине (на воздухе), я уже не похож на человека. Внизу я не касаюсь земли. Что значат твои, государь, награды?» Император, уразумевши, слез с носилок и извинился. Гуан Чэн-цзы дал ему две книги о Дао и Дэ. (Это сказание как бы подтверждает мою догадку о позднем появлении этой книги. — Васильев).

Лао-цзы прозван так потому, что долго жил. Он указал средства, как добывать девять сортов пилюль, восемь волшебных камней, яшмовый напиток, золотую слюну; как покорять демонов и распоряжаться ими, питать природу, не есть хлеба, принимать превращения... 78

⁷⁸ Материалы по истории китайской литературы. С. 166–168.

2. Легенда о Дун Ван-гун'е (Восточный царь-повелитель)

Когда еще не было ни людей, ни тварей, родился Восточный царьповелитель на лазоревом океане в пустоте Мрачного Чуда и, подвизаясь строгой тишине и чистой недеятельности, воспитал [л. 26] всю вселенную. Он управляет Востоком. Все мужчины, сделавшиеся святыми на земле и приобретшие путь (Дао), зависят от него. В известный день, под определенным циклическим знаком (дин-мао), он выходит на башню, и ему прежде всего представляются все святые девяти чинов (а девять классов введены в Китае только в третьем столетии Цао-пи сыном Цао-цао), которые в первый раз удостоились этого пожалования. После этого уже они представляются «Золотой Матери» (Цзинь-му) и тогда могут отправляться на девять небес, войти в три чистых неба, преклониться пред Высочайшим (тай Шан) и созерцать первоначальное

3. Легенда о Си Ван-му (Западной царице)

Западная царица вместе с Восточным царем-повелителем заведует двумя воздухами и вместе с ним устраивала всю вселенную. Ей подчинены все женщины, сделавшиеся святыми. Когда-то ей представлялся у Яшмового озера Чжоуский император Му-ван, когда он отправился на восьмерке лошадей на Запад. Но при Ханьской династии она сама пожаловала во дворец императора У-ди (открывшего западный край) и поднесла ему семь персиковых деревьев, которые дают плоды только один раз в три тысячи лет ⁸⁰.

4. Легенда о Лю Сюань-ин

Лю Сюань-ин был министром у Яньского государя Лю Шоу-гуан'а. К нему пришел однажды даос, взял десять яиц и десять монет, поставил на монету яйцо, на яйцо — монету и так все сложил в виде пирамиды. Потом пояснил, что человек, живя в богатстве и знатности, подвергается большой опасности. Образумленный Лю Сюань-ин бросил службу, удалился в горы Чжун-нань-шань, где занялся составлением пилюли, растворяющей трупы. Вдруг белый воздух вышел у него из макушки. Лю Сюань-ин превратился в аиста (Лю + Сюань по ассимиляции образуют слог Луань (люань), которым обозначается баснословная птица. — B. K.) и поднялся к небу 81 .

5. Легенда о Лань Цай-хэ

Лань Цай-хэ ходил в изорванной рубашке, одна нога в сапоге, другая — босая, ложился в снег, и от него шел пар. Люди, которые видели его с детства, не замечали в нем перемен, между тем у них у самих уже

⁷⁹ Материалы по истории китайской литературы. С. 169.

⁸⁰ Там же. С. 169.

⁸¹ Там же. С. 173.

побелели волосы. Он ходил как сумасшедший по рынкам, бормотал песни, содержавшие непонятный для других смысл духовный. Дадут денег — тащит их на веревочке, оборвутся — не смотрит (не ищет), а то отдаст бедным, либо пропьет. Однажды, когда он пьянствовал на втором этаже одного кабака (Хао лян цзю-лоу), послышался звук флейт [л. 27] и кларнетов и Лань Цай-хэ сел на аиста, поднялся в небо, сбросив вниз башмак (сапог), пояс и рубашку, которые всегда носил на себе 82.

6. Легенда о Чжан-лу

Джан-лин, или Чжан Дао-лин, вместе с сыном Чжан-хэн'ом и внуком Чжан-лу считаются тремя даосийскими учителями-наставниками. О Чжан-лу легенда гласит, что когда полководец Цао-Цао отправился с войском в поход на Запад, то Чжан-лу положил поперек движения войска дощечку, и образовалась река. Цао-Цао стал готовиться к переправе на судах, но Чжан-лу опять положил дощечку, и образовалась высокая гора Мэн-цинь. Когда Чжан-лу хотели убить по приказанию Фу-цзян'а, он мгновенно улетел, обратившись в вихрь ⁸³.

7. Чудодейственные средства даосов

Яшмовый напиток, золотая слюна (эликсир — Цзинь-цзян), огненный жужуб, особая груша — всё это снадобья для взлетания на воздух. Но лучше всего золотая пилюля (Цзинь-дань).

Освобождение от трупного гниения — т. е. когда у умершего наружный вид не изменяется, конечности не темнеют, кожа не сморщивается, свет глаз не помрачается. Возможно также, что когда умер, то потом снова оживает, или труп вдруг исчезает, остаются волосы, а тело растворяется в воздухе.

Стукание зубами даосы называют «небесным барабаном», глотание слюны — «ключом нектара». Лошадиный помет считают «чудотворным топливом», старую крысу — «чудесным лекарством». Жену именуют «красными воротами», а мужа — «яшмовым столбом».

Между лекарствами самым высшим признают киноварь, затем золото, серебро, чудотворные травы, пять сортов яшм и т. д.

Рецепт: возьми выпавшие зубы семилетнего мальчика, волосы девочки такого же возраста, смешай их в ступке с потом своей шеи, сожги и пепел ешь крупинками в продолжение года. Тогда не будешь знать старости 84 .

Пример:

Некий дровосек Ван-чжи пошел в горы рубить деревья. На горе Ши-ши Шань (Каменная палата) он увидел нескольких старцев, играющих в шашки. Положив топор, он стал смотреть. Старики дали ему проглотить пилюлю, похожую на косточку финика, и он не чувствовал ни холода, ни жажды. Потом они сказали ему: «Ты уже долго стоишь тут,

 $^{^{82}}$ Материалы по истории китайской литературы. С. 177–178.

⁸³ Там же. С. 182.

⁸⁴ Там же. С. 184.

ступай домой!» Ван-чжи взял было топор, но оказалось, что топорище сгнило. Поспешно воротясь домой, он нашел, что прошло уже несколько сот лет... 85

[л. 28] Главное внимание Василия Павловича было обращено на Буддизм, в котором он искал ключ к пониманию многих загадочных сторон в жизни народов Дальнего Востока. После многих лет кропотливого собирания материалов по буддизму, изучения первоисточников на санскритском, тибетском и, главным образом, на китайском языках Васильев написал книгу о Буддизме, которая принесла ему широкую известность. Суммарную оценку буддизма Василий Павлович преподал своим студентам в следующих сжатых до предела словах:

Буддизм представляет удивительную смесь разнородных начал, которые, разрастаясь сами в себе, сначала сталкивались враждебно, отодвигали на задний план появившиеся прежде (начала. — В. К.) и оканчивались эклектизмом или примирением. Это примирение основалось на том, что будда учил неодинаково, смотря по способностям слушателей, которые бывают тупые, как у Шраваков, — они могли понимать только учение о четырех истинах, средние, как у Пратиекабудд, возвышавшихся до понимания Нидан, и, наконец, острые, как у Бодисаттв, понимающих Парамиты. Вследствие этого составилось учение о трех «ЯНАХ», или упряжках, бременях, которые всякий принимает по своим силам:

- 1) Яна Шраваков (Шэн-вэнь чэн), или древних буддистов, разделявшихся на 18 школ;
- 2) Яна Пратиекабудд (Юань-цзюэ чэн). Обе эти Яны называются еще одним общим именем ХИНАЯНА (Сяо-чэн малая яна) в отличие от
- 3) МАХАЯНЫ бремени бодисаттв, которая, конечно, как позднейшая, и составила самое название Хинаяны, а потом в примирении стала утверждать, что все учение Будды заключается в одной Яне. После того как письменные памятники утвердили уже за Буддизмом существование этих трех Ян (Трияна), появилось новое учение, назвавшее себя «Таинственной Яной» (Ми-ми цзин), однако в целях общего примирения и оно вскоре причислило себя к Махаяне. Книги, содержащие в себе учение этих трех Ян или слов Будды (Суб'ашита), вообще называются Сутрами (Цзин). Сутра (Ци-цзин или СЮ-ДО-ЛО) значит «отрывистое выражение», афоризм, и нет сомнения, что прежде, при Шравакахслушателях, когда еще не было письменности, старались для запоминания передать главную сущность учения в отрывочных фразах, может быть даже в стихах. Впоследствии появились Сутры в несколько десятков томов. Нет, однако же, необходимости признавать, что в сутрах излагались, как ныне [л. 29] вообще признают, исключительно теоретические понятия буддистов, их философско-богословские догматы, их учение о созерцании или выполнении этих догматов. Одна из древнейших сутр, вероятно Пратимокша-сутра, которая вовсе не касается теории, содержит в себе только правила жизни Б'икшу-нищего, после преобразо-

⁸⁵ Материалы по истории китайской литературы. С. 181.

вавшегося в монаха, — правила поведения, аскетической монастырской жизни, а весь кодекс этой монастырской жизни носит одно общее название «Виная» (укрощение). Из сличения различных сказаний, например, из того, что прежде Б'икшу ничему не учились, так что некоторые из них даже посещали еретические капища, а также из рассмотрения содержания теоретического учения, в котором многое является уже общеизвестным или заимствованным извне, следует заключить, что самое название Шраваков как слушателей учения (т. е. теории) не было еще самым древним, и что ВИНАЯ — нравственность (Би-ин, люй) в настоящем виде хотя и представляется в связи с теоретическим развитием буддизма, но в зародыше своем предшествовала всякой теории. Однако со своей стороны теоретическая часть предшествовала практической или созерцательной. Примирение здесь состоялось в том, что Буддисты пришли в соглашение, что для полного выполнения цели буддийского учения нужны три элемента: элемент добродетели (нравственность), элемент созерцания (или практики) и элемент теории (или разума). Но в свое время каждый из этих элементов мог стоять особо или, по крайней мере, ставил себя на высшем месте 86 .

Далее Василий Павлович шаг за шагом показывает, как древний буддист «Б'икшу» — нищий (Би-цю), отрекаясь от мира и удаляя от себя всякие внешние влияния, ищет спасения. Первым «Б'икшу» был Шакиямуни или «муни» (анахорет) из рода Шакия, по имени Арт'асидд'а, покинувший свое царство до истребления его рода неким Вирудакой (возможно, современником Цандрагупты), не имел жилища, пристанищем у него было или кладбище, или дерево, или горный лес, или просто открытое поле. В отличие от гимнософистов, ходивших нагишом, он носил одежду, сшитую из лоскутов, набранных на кладбищах, на улицах, в помойных ямах и т. д. Чтобы не умереть с голоду, он должен был питаться милостыней. Приходя утром в ближайшее селение, он набирал без разбора, кто что даст, столько, чтобы быть сытым. Поев один раз в день, непременно до полудня, он не должен был брать больше ничего. Вот и все его обязанности нищего. Эти предписания действительно существовали, так как они вошли в требник при посвящении в звание «Б'икшу» (при переходе из нищенства к монастырскому образу жизни).

Переход к монастырской жизни объяснялся, во-первых, тем, что у [л. 30] Б'икшу-нищего стали появляться признаки ослабления нравственности, вследствие усердия почитателей или щедрости дававших милостыню; во-вторых, не везде можно было постоянно жить на открытом воздухе, даже в самой Индии в период дождей приходилось укрываться в жилищах жертвователей. Наконец, размножение нищих, вследствие щедрых подаяний, привело к необходимости устраивать собрания самих нищих (Пошад'а), на которых происходило распределение районов (приходов), чтобы не отбивать друг у друга милостыни.

⁸⁶ Материалы по истории китайской литературы. С. 185–187.

Скорей всего, это и привело к необходимости перейти к оседлости. С другой стороны, распространение нищенства вызывало охлаждение к ним со стороны жертвователей, и на нищих началось гонение (легенда у Даранаты о нищем Мад'янтике в Бенаресе). Это привело к тому, что нищие забредали в такие климаты, где жизнь на открытом воздухе становилась в определенные времена года совершенно невозможной. В Винае имеется прямое указание, что будда разрешал своим ученикам, зашедшим на север за пределы Индии, носить сапоги. Есть также упоминание о том, что по мере удаления Б'икшу от первоначального местопребывания среди них появилось пилигримство к местам, освященным подвигами Будды. На этих местах сначала приносились жертвы (Яшти), а потом стали строить здания в виде особых пирамид — Чайтия, или Ступы. Позднее появились храмы с кумирами, вероятно под влиянием Запада, во всяком случае, со времени основания Бактрианского царства. Легенды приписывают Асоке (которого смешивают с Ачжаташатру, называвшимся по Даранате «Благовидным Пиядасси») первое построение подобной пирамиды, может быть, даже и не в честь будды (при Пиядасси, современнике Птоломея Лаги, началась первая индийская письменность). Постройка Ступ в память деяний Будды и храмов с его кумирами само по себе могла вызвать необходимость основывать монастыри. Ведь Ступам и храмам приносились жертвы, их украшали драгоценностями, все это нужно было оберегать от расхищения, требовалось поддерживать в порядке и чистоте храмы и пирамиды, украшать окружающую местность. В некоторых Ступах внутри строилось пустое помещение, и Вина разрешают страже жить в них. Богомолье стало увеличивать штат прислужников. Щедрая жертва избавляла Б'икшу, ухаживающих за Ступами и храмами от необходимости ходить за милостыней. Вокруг Ступ стали делать пристройки для увеличивающегося штата прислужников и наконец появились монастыри, со своими кухнями, усадьбами, имуществом и т. п. Вместе с тем изменилась и жизнь Б'икшу. Прежде, при аскетическом образе жизни, у него не могло быть особых грехов. Но когда появились храмы, празднества, чествования будды и пр., то тут же появились и все человеческие слабости.

[л. 30] Монашеский образ жизни требовал введения строгих правил поведения, сделались необходимыми обряды, наказания и пр. Вместе или наряду с монастырями появились и теоретические догматы буддизма, объясняющие цель отречения от мира и предписывающие определенные заповеди, выполнение которых должно было приводить к конечной цели.

Далее Васильев подробно перечисляет и комментирует заповеди и излагает учение во всех подробностях, причем без малейшей тени «поповства». В автобиографии Васильев подчеркивает, что его считали

«вольнодумцем» и «нигилистом», а на самом же деле он следовал заветам своего любимого учителя Ковалевского:

...Не преклоняться в отыскивании истины перед авторитетами, подвергать критике совершившиеся или рассказываемые факты, не предполагая никакого вопроса о решении на век 87 .

Гениальный ум Василия Павловича Васильева наиболее ярко проявился в области изучения китайского языка и главным образом в изучении китайской грамоты.

Как известно, кафедра китайского языка впервые была учреждена в Казанском университете в 1837 году, и первым ее руководителем был архимандрит Даниил Сивиллов, до этого состоявший членом православной духовной миссии в Пекине. В 1826 году по распоряжению китайского правительства все католические миссионеры должны были покинуть Китай, и ставился вопрос о замене их представителями русского духовенства в качестве советников правительства в области точных наук (математики, астрономии и пр.). Покидая Китай, католические миссионеры передали значительную часть своего имущества, в том числе свои библиотеку и рукописи, русской духовной миссии, и Даниилу Сивиллову досталась часть бывшей иезуитской библиотеки, которая впоследствии перешла в собственность Казанского университета.

Как раз в 1837 году Васильев окончил курс университета и получил назначение в Китай. Пользуясь двухлетними сборами миссии, он стал заниматься китайским языком с Даниилом Сивилловым ⁸⁸ и за два года сделал громадные успехи. По прибытии в Китай Васильев усердно продолжал занятия китайским языком и пересмотрел всю китайскую литературу, относящуюся к языку. В библиотеке Скачкова ⁸⁹, хранящейся в Ленинской библиотеке, можно видеть целый ряд китайских энциклопедий и обозрений («тун-цзянь» и «тун као»), где в разделах, относящихся к описанию китайского языка, имеются пометки Василия Павловича Васильева. В Обозрении Чжэ Цяо («Чжэн Цяо тунчжи»), в разделе «О 6 категориях иероглифов» таких пометок можно встретить немало. Несомненно, что, просматривая разнообразную китайскую литературу по [л. 32] иероглифике, Василий Павлович напал на счастливую мысль подвергнуть иероглифы графической классификации, и это привело его к открытию графической системы иероглифов.

Василий Павлович Васильев, один из немногих ученых прошлого века никогда не отрывавший теорию от практики, приложил колос-

⁸⁷ Ссылка не установлена.

⁸⁸ Даниил Сивиллов (в миру — Дмитрий, 1798–1871) — миссионер, член Десятой духовной миссии в Пекине (1821–1830), архимандрит, первый заведующий кафедрой китайского языка Казанского университета (1837–1844).

⁸⁹ Скачков Петр Емельянович (1892–1964) — китаист, специалист в области библиографии, историографии и публикации памятников.

сальный труд к тому, чтобы претворить свое открытие в практическое применение. Из-под его пера вышел первый китайско-русский словарь, изданный литографским способом в 1867 году. В этом словаре, состоящем из 456 страниц, содержатся приблизительно 12 тысяч иероглифов. Весьма примечательно, что об этом словаре не упоминается нигде в справочной литературе. Этот многолетний труд Василий Павлович посвятил студентам Петербургского университета. Во вступительной части словаря Васильев пишет:

В настоящем словаре, как он ни недостаточен, обращено главное внимание на практическое и вместе естественное расположение китайских иероглифов. На это только и имеет претензию настоящий труд, труд притом черновой, так как ни средства, ни время, ни внимание чье бы то ни было, вызываемое сознательной потребностью, не позволили нам стараться об его усовершенствовании. В Китае и Европе существуют во сто раз, может быть, более обширные лексиконы, с лучшим определением значений, с большим количеством фраз, большим числом самых иероглифов; но если они будут и еще более совершенны, то всетаки Европейцу никогда не будет возможности выучиться основательно: за Китайцем же останется тот вековечный труд, который он до сих пор употребляет на изучение своего родного языка...

Далее он пишет:

Более 10 лет тому назад мы уже издали и даже напечатали, когда же в журнале министерства Народного просвещения [нами будет представлено] объяснение своей графической системы. Тогда же был представлен нами в Академию наук, почти в настоящем же виде, издаваемый словарь. Потому постараемся объяснить здесь только кратко нашу систему.

Китайское письмо, если бы даже в настоящем виде и началось одновременно (в таком случае не раньше 200 лет до Р. Х. при Ли-си — министре Цинь-ши Хуанди), все-таки состоит из трех главных категорий: одни иероглифы своими чертами как бы изображают предметы (это иероглифы живописные, или изобразительные) (следует ряд примеров. — В. К.). При этом (китайцы. — В. К.) пошли дорогой, совершенно противоположной [л. 38] живописи, старались обозначить понятие как можно меньшим количеством черт: так, изображением человека остались только его ноги... Невидимые предметы этой категории означены положением черт (примеры). Когда исчерпан был этот запас, то обратились к составлению комбинаций из этой категории. (Примеры).

Но и этот запас истощился. Однако ж не исчерпался ли в этих образах и самый язык? Если человек развивал свою речь от близкой к нему природы, от подмеченных в ней действий, звуков, жизни, то и язык его сначала не мог быть многосложным, и легко уловим предыдущими знаками, которые и остались в китайском языке, как письменном, так и разговорном, в равном количестве. Действительно, если с интонациями считается в китайском языке до 1600 моносиллабов, или складов, то такое же количество знаков положено и в основание письменности. Меж-

ду тем, если звуки языка не разрастались уже более, жизнь развивала понятия, которые должны были обходиться теми же устными звуками, хотя бы и слагая для одного понятия несколько таких звуков; но в письме [моносиллабы] стали варьироваться прибавками различных знаков к тем письменным комбинациям, которые образовались в сфере двух предыдущих категорий.

Вот в кратких словах образование китайских иероглифов. С большой подробностью мы постарались выяснить эти начала в изданном нами первом выпуске «Анализа китайских иероглифов» 90 .

Особенно любопытны в этом же предисловии высказывания Васильева относительно ключевой системы расположения иероглифов в словаре:

Самые лучшие мыслители Европы, основываясь на отзывах своих синологов, уверены, что это (ключевая система. — $B.\ K.$) самая лучшая метода к изучению языка, что, так как все тридцать слишком тысяч китайских иероглифов распределены по 214 ключам, то почему-то кажется, что все эти 30 000 (знаков. — $B.\ K.$) и усвоены с тех пор, как учащийся выучился отыскивать эти иероглифы (в словаре. — $B.\ K.$). Напротив, это та ключевая система, по нашему мнению, препятствовала распространению изучения китайского языка, даже, может быть, была непреодолимой преградой и для тех немногих синологов, которые трудятся в обширной области китайской литературы...

Если ключевых знаков только 214, то, естественно, спрашивается, каким же образом узнать остальные полторы тысячи, которые положены в основу всей письменности. Наши синологи сами сознаются, конечно, откровенно, что если они рылись постоянно в лексиконах, расположенных по ключевой системе, то они не знают хорошенько тех знаков, к которым приставляются ключи, а между тем эти знаки так сбивчивы... 92

...Каковы бы ни были китайские иероглифы: фонетические или [л. 34] ключевые, или ни те, ни другие, но нам кажется, что прежде всего в иероглифах, принадлежащих письменности (более, нежели звуку), упускали до сих пор саму письменность: обращали внимание на происхождение иероглифов, а не на то, из чего они состоят, в каком виде они являются глазу, каким материалом пользуется рука. В других языках, независимо от значения каждого слова, обращаются прежде всего при расположении к буквам, которые его составляют. Если бы каждый китайский иероглифы представлял своеобразное, ничем не похожее на другие иероглифы, начертание, то, конечно, как ни расположи лексикон, все будет равно. Но в начертании китайских иероглифов участвует определенное количество черт, которые являются во всех тридцати с лишком тысячах: разве эти черты не то же, что буквы в других языках? На эти-то черты до сих пор вовсе не было обращено внимании, да к вели-

 $^{^{90}}$ Васильев В. П. Графическая система китайских иероглифов. Опыт первого китайско-русского словаря. Санкт-Петербург, 1867. С. I–II.

⁹¹ Там же. С. III.

⁹² Там же.

чайшему нашему удивлению даже в самом Китае в огромных томах, трактующих о письменности и живописи, мы находим самые скудные отзывы о чертах, входящих в состав Китайских иероглифов.

Рассматривая иероглифы в их письменном составе, мы находим, что они бывают простые или сложные, в последние входят по большей части те же простые, которые и сами по себе в измененном или неизмененном виде имеют значение, и потому, конечно, сложные иероглифы должны быть распределены по простым. Простые же иероглифы состоят из одной или нескольких черт, по большей части так или иначе переплетенных между собой. Рассматривая это сплетение, мы убеждаемся: что было когда-то время, когда сами китайцы (вероятно, во время Ли-Си), делая свод своим иероглифам, располагали это сплетение в известной системе, к которой мы и старались приблизиться ⁹³.

В заключение Васильев пишет там же:

...Самое лучшее время, самые усильные труды потрачены были нами на обдумывание, как лучше разместить иероглифы. Мы не упускали из виду, что однажды принятая метода может остаться без изменения, потому всякое улучшение в этом случае нам казалось важным шагом. Сверх того, мы никогда не думали о возможности когда-нибудь обнародовать наш труд: отсутствие китайских шрифтов представляло для этого непреодолимые преграды. Мы никак не думали даже, что, при тех претензиях, которые китайцы объявляют на красоту письменности, Европейцу можно отважиться писать иероглифы для издания: действительно, когда мы задумали издать настоящий лексикон, то имели в виду поручить написание иероглифов живущим в Петербурге [л. 35] японцам, но когда сообразили, что с ними будет еще более хлопот, то только поэтому решились писать сами. Между тем необходимость в лексиконе становится отчасу (так в тексте) ощутительнее. Вот почему при первой представившейся возможности мы решились лучше пожертвовать отделкой нашего труда, чем останавливать его издание. Мы не могли даже воспользоваться заготовленными у нас материалами; один терминологический буддийский лексикон был бы важным приобретением для науки. Между тем для скорости должны были часто советоваться с лексиконами Медгурста (Медхёрста ⁹⁴. — В. К.) и Каллери ⁹⁵, вместо туземных. Впрочем, говоря о лексическом совершенстве, мы должны заметить, что лексикон такой, какого требует состояние настоящей филологии, никак не может быть составлен прежде, чем не будут разобра-<u>ны корни китайского языка</u> 96 . (Подчеркнуто мною. — $B.\ K.$)

А) Труды Васильева, предназначенные для облегчения студентам изучения предметов (дисциплин), которые он преподавал:

 $^{^{93}}$ Васильев В. П. Графическая система китайских иероглифов. С. VI–VII.

⁹⁴ *Medhurst W. H.* A dictionary of the Hok-Këèn dialect of the Chinese language. Macao: East India company Press, 1832.

⁹⁵ Callery J.-M. Systema phoneticum scripturae sinicae. Macao, 1841.

⁹⁶ Васильев В. П. Графическая система китайских иероглифов. С. XIII–XIV.

- 1. Маньчжурско-русский словарь. (Литограф. 1866 г.)
- 2. Анализ китайских иероглифов. Часть Первая. (Литограф. 1866 г.)
- 3. Китайская хрестоматия в трех томах. В ней даны переводы китайских классиков, в частности «Лунь Юй» («Речи и рассуждения» Конфуция, «Книга стихов» («Ши-цзин»). (Литограф. 1868 г.)
 - 4. Опыт первого китайско-русского словаря. (Литограф. 1867 г.)
- 5. Примечания на III выпуск китайской хрестоматии. Перевод и толкования «Ши-цзин» («Книги стихов»). (Литограф. 1882 г.)
- 6. Примечания ко второму выпуску китайской хрестоматии. Перевод и толкования «Лунь Юй» («Рассуждения Конфуция»). (1884)
- 7. Анализ китайских иероглифов. Часть вторая. Элементы китайской письменности. (Литограф. 1884 г.)
 - 8. Очерк истории китайской литературы. (1885)
- 9. Материалы по истории китайской литературы. Лекции, [л. 36] читанные студентам Петербургского университета. (Литограф. 1888 г.) Б. Труды В. П. Васильева по вопросам географии Дальнего Востока:
- 10. Карта китайских владений на китайском языке (год издания не установлен).
- 11. Центральная Азия и главные хребты гор в китайских владениях (журн. Мин. Нар. Просв. 1852).
 - 12. Описание Маньчжурии.
 - 13. Записка о Нингуте.
 - 14. О реках, впадающих в Амур.
- 15. О существовании огнедышащей горы в Маньчжурии (эти четыре статьи помещены в «Записках Географического общества». 1853—1857).
 - В. Труды В. П. Васильева по вопросам истории:
 - 16. О киданях, чжурчжэнях и монголо-татарах (1861).
- 17. Сведения о маньчжурах во времена династий Юань и Мин (1861).
 - 18. Русско-китайские трактаты (1861).
 - 19. О движении магометанства в Китае (1867).
 - Г. Труды В. П. Васильева по религии Дальнего Востока:
 - 19. Буддизм, его догматы, история и литература. Ч. 1. Введение.
- 20. Буддизм, его догматы, история и литература. Ч. III. Дараната. История буддизма в Индии.
 - 21. Религии Востока: Конфуцианство, буддизм и даосизм.
 - 22. О далай-ламе в Тибете.
- Д. Разные статьи В. П. Васильева, помещенные в журналах и газетах:
 - 23. Воспоминания о Пекине.
 - 24. Выписки из дневника, веденного в Пекине.
 - 25. Открытие Китая (1859).
- 26. Две китайские записки о падении Кульджи и о занятии ее русскими (1872).

- 27. По поводу путешествия Гюна и Габе в Тибет (Изв. Русск. Географ. о-ва, 1872 г.).
- [л. 37] 28. Россия и Средняя Азия (Биржевые Ведомости, № 135, 1872 г.).
 - 29. Китайские посольства в Россию.
 - 30. Голод в Китае.
 - 31. Современное положение Азии.
 - 32. Китайский Прогресс (1883).
 - 33. История японского уголовного судопроизводства.
 - 34. О преподавании восточных языков в России.
- 35. Графическая система китайских иероглифов (журн. Мин. Нар. Просв. 1856 г.).

В автобиографии Василий Павлович ясно намекает на свое увлечение вопросами социального преобразования в России. Он публикуется в газетах «Северная Пчела», «Голос» и др. Его статьи: «Три вопроса», «Ассигнации — деньги и о поземельном устройстве» весьма показательны в этом отношении.

Как уже указывалось, одна из книг Васильева — «Современные вопросы» (1875) — была уничтожена царской цензурой. Тем не менее Василий Павлович продолжал в той или иной форме обличать царский режим и даже ставил Китай в пример России того времени в отношении свободы слова.

Василий Павлович Васильев был подлинным патриотом своей родины. С изумительной силой он выразил свои патриотические чувства в следующих словах автобиографии:

Меня спасла любовь к России, а знаете ли вы, господа мыслители, какие чудеса может родить искренняя и бескорыстная любовь к отечеству?! Она напрягает умственные силы, творчество фантазии, беспристрастно обсуживая факты, предана всем сердцем порядку... 97

Литература о В. П. Васильеве

- 1. Большая Советская Энциклопедия, статья о В. П. Васильеве.
- 2. Энциклопедический Словарь Брокгауза и Ефрона, статья о В. П. Васильеве
- 3. Критико-биографический словарь С. А. Венгерова. Автобиографический очерк.
- 4. Императорская Академия наук (1889–1914). Материалы для биографического словаря действительных членов. Ч. 1.
 - 5. Известия Российской Академии наук. 1918. VI сер. Т. 1. [л. 38]
- 6. Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии. Т. XII, вып. 1. Нижний Новгород, 1912. С. 6–30.

⁹⁷ Венгеров С. А. Критико-биографический словарь... Т. 4, отд. 2. С. 154.

- 7. Биографический словарь профессоров и преподавателей Казанского университета. Ч. 1. Казань, 1904. С. 222–225.
- 8. Вестник Всемирной истории. СПб., 1900. Т. 1: Памяти академика В. П. Васильева.
- 9. Словарь профессоров и преподавателей Петербургского университета. Т. 1. 1896.
- 10. Журнал Министерства Просвещения. Ч. 330. Современная Летопись. С. 65–70.
- 11. Ольденбург. Памяти Василия Павловича Васильева // Записки Восточного Отд[еления Императорского Русского Археологического Обществ]а. СПб., 1901. Т. XIII. С. 047–076 (так! Т. П.)
 - 12. Orientalische Bibliographie. 1900. XIV. S. 11–210 (Некролог).
- 13. *Chennady G.* Les écrivains franco-russes. Bibl. Des ouvrages français publiés par des russes. IV. Dresden, 1874.
- 14. *Бартольд В. В.* История изучения Востока в Европе и России. Ленинград, 1925 (см. по алфавитному указателю «Васильев»).

Глава IV

ОСНОВНЫЕ ЦЕНТРЫ КИТАЕВЕДЕНИЯ В РОССИИ И ЕВРОПЕ

§ 1. Разряд восточной словесности и формирование синологии в Императорском Казанском университете (1837–1855)*

Университеты России, в том числе Казанский университет, в XIX — начале XX в. играли важную роль в реализации классической модели «идеала университета» и «университетской идеи» в своих социально-политических, научных и культурных миссиях 1. Востоковедение и ориентализм, в том числе китаеведение (синология), как новые гуманитарные направления российской университетской корпорации нового времени становились органичными в реализации идеалов европейского классического университета, в «возвышении и распространении науки», «приращении научного знания», в развитии интеллекта и личности студента и т. д. Особенно университетские уставы 1804, 1835, 1863, 1884 гг. развивали институциональные основы моделей классического и прикладного востоковедения в высшей школе России. Тенденция к усилению специализации университетского востоковедения на протяжении XIX в. была связана с требованиями «чистой науки» о Востоке, а также с подготовкой кадров для государственной службы в империи. Университеты России стали важнейшей институциональной структурой классического востоковедения. В целом развитие научного знания о Востоке в российских университетах было обусловлено различными геополитическими, политическими и культурными факторами. Академическая и университетская синология XVIII начала XX в. занимала важное место в «древе знания и познания» Востока.

Востоковедение в Казанском университете и в целом в Казани, особенно в XIX — начале XX в., вплеталось в геополитическое, общественное и культурное развитие имперской России. Официальные курсы самодержавной по-

^{* ©} Р. М. Валеев, Д. Е. Мартынов.

¹ Андреев А. Ю. «Идея университета» в России (XVIII — начало XX в.) // «Быть русским по духу и европейцем по образованию»: Университеты Российской империи в образовательном пространстве Центральной и Восточной Европы XVIII — начала XX в. / отв. сост. А. Ю. Андреев. М., 2009; История университетского образования в России и международные традиции просвещения / отв. ред. Т. В. Артемьева, М. И. Микешин. Т. 2. СПб., 2005 и др.

литики по отношению к «инославным», «иноверным» подданным, языческий, исламский и буддийский факторы и другие политические и духовные явления отражались на различных этапах истории востоковедения в одном из восточных университетов в начале XIX в. и уже в Санкт-Петербургском университетском центре России на рубеже XIX и XX вв. Особо подчеркнем, что данная образовательная, исследовательская и социокультурная система в университете сыграла важную роль в ослаблении традиционного европоцентристского и имперского стереотипов о Востоке и представлений об «азиатском варварстве», «фанатизме», «мусульманском факторе», «панисламизме», «пантуранизме», «татаризации», «мусульманстве», «китайщине», «желтой угрозе» и т. д.

Университетское востоковедение в России продемонстрировало различные противоречия между университетом и имперской властью в процессе формирования институциональной модели образования и науки о Востоке. Например, в Петербургском университете дело профессоров 1821 г. и расправа попечителя университета и Санкт-Петербургского учебного округа (1821-1826) Д. П. Рунича (1778–1860) с «неблагонадежными профессорами» университета. Известные приглашенные французские профессора «Шармуа и Деманж, как люди чести, устранились от участия в грязной провокации и отказались от должности, что привело к тому, что с осени 1821 г. преподавание восточных языков шло с большими перерывами, а 25 июля 1822 г. оба профессора вообще покинули университет» ². И. Ю. Крачковский, оценивая деятельность первого декана Восточного факультета Санкт-Петербургского университета Мирзы А. К. Казем-Бека (1855–1859), отмечал, что «пятилетний период деканства был, в сущности, борьбой между практическим и научным уклоном в работе молодого факультета, где Казембек поддерживал первое направление» ³.

Академическое и университетское направление востоковедение (ориенталистика) в России как образование и наука представляет собой взаимосвязанную развивающуюся и многоуровневую систему. Исключительную роль в истории науки и культуры народов России сыграли академическое и университетское востоковедение, тесно связанные между собой. На современном этапе совершенствования фундаментального востоковедного образования и сотрудничества ориенталистов академических институтов и высших учебных заведений этот опыт приобрел научно-практическую и гуманистическую значимость.

Сегодня вполне объективно и честно звучит классическая оценка В. В. Бартольда:

В XIX в. изучение Востока сделало в России, может быть, еще более значительные успехи, чем в Западной Европе 4 .

Данный историко-научный вывод выдающегося академика-востоковеда следует использовать в рамках изучения роли и вклада в изучение восточных

² История отечественного востоковедения до середины XIX века. С. 145–146.

 $^{^3}$ *Крачковский И. Ю.* Очерки по истории русской арабистики // Избранные сочинения. Т. V. М.; Л., 1958. С. 89.

 $^{^4}$ *Бартольд В. В.* Сочинения. Т. IX. Работы по истории востоковедения. М., 1977. С. 418.

цивилизаций в целом и китайской цивилизации в частности Казанского университета (Казанского федерального университета).

Университетскому востоковедению в России, в том числе казанскому, в первой половине XIX в. предстояло решить проблему подготовки ученых-востоковедов и углубления научной линии, наиболее обострившуюся в отечественной ориенталистике рубежа XVIII и XIX вв. ⁵ К середине XIX в. на базе «разряда восточной словесности» произошла институционализация и профессионализация университетской модели востоковедения и синологии в России. Именно в XIX — начале XX в. в российском университетском востоковедении наиболее значимыми становятся преподавание региональных востоковедных дисциплин, научно-исследовательская и широкая просветительская работа ориенталистов. Ключевой итог развития востоковедения в Казанском университете в середине XIX в. — становление комплексной лингвистической, историко-филологической и источниковедческой школы ориенталистики. Во многом традиции российской университетской классической ориенталистики размывали устоявшиеся европоцентристские мифы и стереотипы о Востоке.

В 1851 г. в литературном журнале «Современник» было отмечено следующее: «В Ученых записках Казанского университета рассеяно множество сочинений о жизни восточных народов» и преимущественно «о восточной литературе. Некоторые из этих сочинений составляют важное приобретение для науки. У нас, точно так же, как и во всей Европе, до сих пор еще господствуют самые ложные понятия о Востоке» ⁶. В середине XIX в. среди таких существующих в европейском сознании ложных понятий о Востоке выделялось следующее: «нет там ни мысли», «ни личности», «Восток не имеет своей истории».

В то же время казанское университетское востоковедение во второй половине XIX — начале XX в. продемонстрировало снижение официального статуса и сужение образовательных и научных востоковедческих дисциплин. История казанского востоковедения этого периода включает печальные страницы образования и науки. Известная официальная акция перевода разряда восточной словесности в Санкт-Петербургский университет подрубила социальные, культурные и научно-образовательные корни казанского востоковедения и синологии, разрушила перспективные школы и направления в университете. Тем не менее идея и практика возрождения востоковедения, в том числе научного интереса к истории и культуре Китая в Казанском университете затихала и усиливалась на протяжении XX — начала XXI в.

В XIX — начале XX в. Казань представляла собой крупнейший центр российского и европейского научного востоковедения. Известный востоковед-гуманист О. М. Ковалевский в 1837 г. на торжественном собрании университета отметил:

Казанский университет, находясь на рубеже Азии, как бы в сердце огромнейшей империи, простершей свои владения по всей северной Азии, по своему положению... в самое непродолжительное время сделал весьма значительные приобретения, так что он своими пособиями не токмо может соперничать с дру-

 $^{^5}$ Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. М., 1972. С. 11; *Попова И. Ф.* 190 лет Азиатскому музею — Институту восточных рукописей РАН // Письменные памятники Востока. 2008. № 1–8 (1). С. 5–20.

Современник. 1851. Т. 28. С. 3.

гими заведениями в этом отношении, но даже получил перевес, слишком уже заметный. В нем кроме преподавания арабского, персидского и татарского, возникли кафедры турецкая, монгольская и китайская, к которым, смеем надеяться, присоединятся и другие восточные, особенно тибетская и армянская ⁷.

В целом китаеведение в России формировалось и развивалось в двух органически взаимосвязанных аспектах — как система преподавания предметов, связанных с историей и культурой народов Китая и сопредельных стран, и научных знаний о китайской цивилизации, а также как определенный социальный институт. Образование и наука о Китае стали важным элементом и продуктом культуры народов, проживающих в России. Природа и структура китаеведческого знания и науки включает в себя четыре наиболее взаимосвязанных аспекта — связь с различными сферами духовной культуры, исследовательскую деятельность, институциональную организацию образования и науки о Востоке и изменяющиеся социальные и культурные функции.

Востоковедение, в том числе китаеведение как система образования и науки, в России во многом европейское по своему происхождению. Многие историки востоковедения истоки российской научной ориенталистики связывают с великими реформами Петра I, который начал мощную трансплантацию традиций европейского образования и науки в России. Также надо признать, что развитие востоковедения в России шло в неблагоприятной социокультурной и политической среде. Академик-синолог В. М. Алексеев в рукописи «Публичные лекции о Востоке в университете» (1918), предполагавшейся для журнала «Восток», писал:

Русское востоковедение разделило судьбу русской науки вообще. Насажденное волею державного Петра, оно в нашей стране, омраченной невежеством, влачило жалкое существование и сообщалось случайными учителями еще более случайным ученикам. Несмотря на наши непосредственные связи с Востоком, славшим нам то чары, то кары и влиявшим на нашу культуру, ничто не могло разбудить в инертных массах интерес к нашему вечному соседу. Однако XIX век уже застает в России востоковедов, правда случайных и, кроме того, в большей своей части иноземцев, которые стремятся насадить знание Востока на прочных научных основах, и наконец во второй половине XIX в. это преподавание организуется в ученую коллегию русских профессоров, образовавших при Петербургском университете факультет восточных языков, который, впрочем, не сейчас же примкнул к общеуниверситетским задачам гуманитарного преподавания, а долгое время — более полустолетия — вел нерешительную политику, то склоняясь к тренировке переводчиков, то, наоборот, преподавая научное востоковедение ⁸.

Тем не менее в конце XIX — начале XX в. российское востоковедение и синология получают признание в мировом научном сообществе ориенталистов. В науке о человеке, культуре и обществе Китая в XIX–XX вв. огромное

⁷ Ковалевский О. М. О знакомстве европейцев с Азией, речь произнесенная в торжественном собрании Императорского Казанского университета, в 8-й день августа 1837 г. ординарным профессором Осипом Ковалевским. Казань, 1837. С. 35–36. (Факсимильное переиздание: *Лексина Ю. А.* Актовые речи в Казанском Императорском университете. Казань, 2014. С. 184–185).

⁸ Алексеев В. М. Наука о Востоке. С. 258.

значение приобрели текстологическое описание и изучение письменных и материальных источников прошлого и настоящего конфуцианского и буддийского мира.

Период XVIII — начала XX в. стал эпохой, когда китаеведение выделилось в самостоятельную дисциплину и науку о Китае. Это произошло благодаря формированию и развитию специальных методов: знание официальных языков Китайской империи, сбор и изучение рукописей, грамматическое и лексикографическое изучение языков народов Китая, сравнительное языкознание, научные путешествия в Центральную и Восточную Азию, комплекс филологических и культуроведческих методик, создание каталогов восточных рукописей и книг и т. д. Традиционное филологическое и историко-культурное направления китаеведения в университетах — преподавание и знание классических и современных языков народов Китая и изучение их рукописей и книг — являлось главенствующей парадигмой в России на рубеже XIX и начала XX в.

В целом в российском дореволюционном университетском китаеведении заметны две символические научные парадигмы науки о Китае в России. Их формирование и развитие определялось традициями и обостренным историконаучным, культурным и нравственным восприятием известными востоковедами-китаеведами. Эти два образа востоковедения, в том числе китаеведения в России, наиболее полно отразились в историко-философских оценках выдающихся востоковедов С. Ф. Ольденбурга и В. В. Бартольда: «Сосед Востока, Россия, всегда хорошо его знала и понимала», и значительные успехи по изучению Востока «большею частью все-таки далеко не соответствуют тем ожиданиям, на которые, казалось бы, дают право географическое положение России, состав ее населения и труд длинного ряда поколений со времени Петра Великого» 9.

Истоки официального преподавания восточных языков в общеобразовательной школе, в том числе и китайского языка в Казани, связаны с Первой Казанской гимназией (1758), где с 1769 г. с учетом ее географического положения и наличия в центре Волго-Уральского региона тюрко-татарских манускриптов был создан класс татарского языка.

Этот образовательный и социокультурный рубеж стал олицетворением истоков формирования одного из значимых принципов отечественного университетского востоковедения — основополагающего значения изучения классических и живых восточных языков. Этот подход стал базовым инструментом исследования исторического и культурного наследия народов и цивилизаций Востока в целом и Китая в частности.

Преподавание и изучение восточных языков в общеобразовательных учебных заведениях России стали важной частью реорганизации всей системы российского образования XVIII— начала XIX в. В первой половине XIX в. Казанская гимназия сыграла исключительную роль в преподавании мусульманских и центральноазиатских языков.

Официальный запрос Министерства иностранных дел в августе 1806 г. «О заведении для восточных языков училищ в Казанском учебном округе», связанный с недостатком переводчиков, «особливо из природных россиян», и «неимением потребных заведений к обучениям» азиатским языкам, оказал

 $^{^9}$ *Бартольд В. В.* История изучения Востока в Европе и России // Сочинения. Т. IX. Работы по истории востоковедения. М., 1977. С. 482.

сильное влияние на развитие преподавания восточных языков и в целом востоковедения в Первой Казанской гимназии и Казанском университете в первые десятилетия $\hat{X}IX$ в. ¹⁰ «Проект доклада по Азиатской части» МИД предусматривал «при Казанской университетской гимназии, сверх имеющегося там уже татарского класса, завести таковые же для арабского и турецкого языка» 11. Было обращено внимание на открытие в Первой Казанской гимназии особых классов — японского, китайского и маньчжурского, персидского, грузинского и армянского языков. Переписка Министерства иностранных дел и Министерства народного просвещения в августе-ноябре 1806 г., а также «особые отношения» попечителя Казанского учебного округа в свое министерство по докладу «касательно учреждения училищ для восточных языков при Казанском университете и в учебном его округе» содержат важный материал о состоянии и перспективах официального преподавания восточных языков в учебном округе в первой половине XIX в. 12 В целом в этот период в Казанском учебном округе имелись наиболее известные средние общеобразовательные заведения, где осуществлялось преподавание восточных языков. Тем не менее Первая Казанская гимназия выделялась при сравнении с подобными учебными заведениями Казанского и других учебных округов Российской империи.

Известный историк отечественного востоковедения А. М. Куликова в книге «Востоковедение в российских законодательных актах (конец XVII в. — 1917 г.)» выделяет сеть гимназий и училищ в Поволжье, Сибири и Закавказье (Астрахань, Оренбург, Уфа, Симферополь, Иркутск, Кяхта, Тифлис, Ставрополь, Екатеринодар, Кутаиси и др.), где восточные языки занимали определенное место в программах средних учебных заведений ¹³. Исключительное значение имеет систематизация разнообразных законодательных актов Российского государства — об открытии востоковедных средних учебных заведений, о введении преподавания восточных языков в программы, назначении преподавателей и надзирателей азиатских языков, дозволении гимназистам изучать языки народов Востока, прекращении преподавания восточных языков в гимназиях и училищах и др. Этот значительный оригинальный материал расширил и углубил источниковую базу изучения истории становления востоковедного образования в средних учебных заведениях России.

В особом докладе попечителя Казанского учебного округа от 12 ноября 1806 г. в главное управление училищ Министерства народного просвещения

¹⁰ РГИА. Ф. 733. Оп. 39. Д. 45. Л. 1.

¹¹ Там же. Л. 2–4.

¹² Казанский учебный округ был образован 24 января 1803 г. Вначале в округ входили губернии — Казанская, Вятская, Пермская, Нижегородская, Тамбовская, Саратовская, Пензенская, Астраханская, Кавказская, Оренбургская, Симбирская, Тобольская, Иркутская, Томская, Енисейская (с образования в 1823 г.) и Грузия. 31 октября 1824 г. от Казанского учебного округа отчислены Кавказ и Астраханская губерния к Харьковскому учебному округу и Тамбовская губерния — к Московскому учебному округу. С 1831 г. от Казанского учебного округа отошли Тобольская, Иркутская, Томская и Енисейская губернии в связи с подчинением учебной части губернаторам. В 1833 г. Астраханская губерния вновь была присоединена к Казанскому учебному округу. До 1873 г. крупных изменений в составе Казанского учебного округа не было.

¹³ *Куликова А. М.* Востоковедение в российских законодательных актах (конец XVII в. — 1917 г.). СПб., 1994. С. 57–58, 347–357.

было обращено внимание на ряд учебных заведений Казани, Оренбурга, Тобольска и Иркутска с преподаванием некоторых азиатских языков: в Казанской гимназии существует «особливый из взрослых учеников класс», где с 1800 г. «определен из природных татар особливый учитель». В 1805 г. был учрежден класс татарского языка при главном народном училище в Казани. Здесь татарскому языку обучал корректор Азиатской гимназической типографии Хамзя Мамышев. Классы для татарского языка находились при главных народных училищах Оренбурга и Тобольска. В документах отмечалось, что в этих училищах «обучаются вольноприходящие ученики начальным правилам и переводить с сего языка на российский и с российского на татарский». В Оренбургском народном училище с 1801 г. преподает «башкирский походный старшина Бахмет угли Явшин, который кроме татарского разумеет отчасти по-арабски и персидски». В Тобольском народном училище преподает «сын Татарского старшины губернский секретарь Сейфуллин, поступивший в сие звание 1801 года из толмачей пограничных дел Сибирской линии Петропавловской крепости». Также было обращено внимание на японский класс Иркутской гимназии, образованный именным указом 1792 г. В этой известной гимназии учитель — природный японец Колотыгин «наставления свои ученикам преподает по неимению книг японских посредством изустных разговоров», а ученики «могут изъясняться на японском языке и понимать написанные письмена, не употребляемые в простой азбуке» ¹⁴. Этот материал достаточно объективно фиксирует уровень и состояние преподавания и изучения восточных языков в гимназиях и училищах России в первом десятилетии XIX B.

На протяжении первой половины XIX в. во многих гимназиях и училищах, за исключением Первой Казанской гимназии, положение с преподаванием восточных языков радикально не изменилось. Наиболее значимыми фактами в истории преподавания восточных языков в гимназиях и училищах Поволжья, Урала, Сибири, Ставрополья и Закавказья представляются следующие: в июле 1811 г. в Астраханской гимназии был учрежден «класс персидского языка» с преподавателем Мирзой Абдуллой, с 1817 г. началось преподавание татарского языка, с апреля 1835 г. татарский язык преподавал М. Бердиев, в июне 1835 г. в программу гимназии вновь был включен персидский язык, а в июне 1843 г. было разрешено иметь сверхштатных учителей персидского и татарского языков; в январе 1852 г. в программу гимназии в г. Оренбурге введен татарский язык; в июне 1816 г. в Иркутской гимназии был упразднен класс японского языка, в январе 1823 г. этой гимназии было передано собрание китайских, маньчжурских, монгольских книг, которое было приобретено членом Пекинской духовной миссии Е. Ф. Тимковским ¹⁵ (1790–1875), с условием учреждения класса восточных языков; в феврале 1854 г. введено преподавание китайского, маньчжурского, монгольского и бурятского языков; в июле 1838 г. в Нерчинском уездном училище введен «необязательный» мон-

¹⁴ РГИА. Ф. 733. Оп. 39. Д. 45. Л. 10–11.

¹⁵ Тимковский Егор Федорович — пристав Российской духовной миссии в Пекин (1820–1821), начальник отдела драгоманов МИДа России, историк и коллекционер восточных книг. Автор книги «Путешествие в Китай через Монголию в 1820–1821 гг.» в 3 частях, посвященных поездке и пребыванию в Пекине, а также возвращению в Россию. (СПб., 1824).

гольский язык с назначением преподавателя Шергина 16; в октябре 1825 г. калмыцкое училище присоединено к уездному училищу в Ставрополье, где преподавали калмыцкий язык; в августе 1829 г. было утверждено «Положение о Закавказских училищах», в программах которых предусмотрено преподавание грузинского, армянского, татарского, лезгинского, осетинского языков, также в мае 1835 г. принято новое «Положение о Закавказских училищах», которое предусматривало восточные языки как необходимые «по местным условиям» и в декабре 1848 г. утверждено новое Положение об учебных заведениях Кавказского учебного округа, которое определило в программах гимназий: в Тифлисе — грузинский, армянский и татарский языки; в Кутаиси грузинский и татарский языки; в Екатеринодаре — черкесский язык; в Ставрополе — татарский и черкесский языки и т. д. ¹⁷ Несомненно, эти официальные мероприятия имели исключительное политическое и социокультурное значение в истории и культуре народов Российской империи. Истоки отечественного востоковедения тесно связаны с преподаванием и изучением восточных языков в средних учебных заведениях России.

На рубеже XIX в. геополитические и военно-политические задачи Российской империи в Азии сыграли ключевую роль в дальнейшем развитии системы военно-востоковедного образования в России, истоки которой связаны с учреждением в 1789 г. Омской Азиатской школы (школа закрыта в 1836 г., другие ее названия: Омское Азиатское училище, Русско-киргизское училище и Омское училище азиатских языков). В 1821–1823 гг. были приняты решения о направлении некоторых учеников Азиатской школы в Первую Казанскую гимназию с целью совершенствования в азиатских языках. В первой половине XIX в. среди военно-учебных заведений, где изучали восточные языки, отмечены Неплюевское военное училище в Оренбурге (1824), училище Сибирского линейного казачьего войска (в 1836 г. данное войсковое училище и Омское Азиатское училище были объединены), училище Сибирского линейного казачьего войска (в 1845 г. преобразованное в Сибирский кадетский корпус) и др. Из стен этих военных учебных заведений выходили выпускники со знанием основ военного дела, азиатских языков, истории и культуры народов Азиатской России и зарубежного Востока. Среди них выделяются известные отечественные ученые востоковеды Г. Н. Потанин (1835–1920), Ч. Ч. Валиханов (1835–1865), Н. М. Ядринцев (1842–1894) и многие др. В период XIX — начала XX в. данная модель военно-востоковедного образования и исследования Востока сформировала когорту российских военных востоковедов 18, в том числе с пристальным вниманием к Цинской империи.

Первая Казанская гимназия и разряд восточной словесности Казанского университета до закрытия в 1854/55 г. готовили учителей восточных языков для общеобразовательных учебных заведений и переводчиков для ведомства управления восточными областями Российской империи ¹⁹.

¹⁷ *Куликова А. М.* Востоковедение в российских законодательных актах. С. 350–356; РГИА. Ф. 733. Оп. 39. Д. 29. Л. 36–60.

¹⁹ ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 2564. «О желании Николаева занять в Оренбургском военном училище класс арабского и персидского языков. 12 января 1828 г.» 7 л.; Там же.

 $^{^{16}}$ ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 5211. «О составленной Шергиным монгольской хрестоматии с словарем. 7 апреля 1841 г.» 26 л.

¹⁸ *Басханов М. К.* Русские военные востоковеды до 1917 г. Биобиблиографический словарь. М., 2005; *Он же.* История изучения восточных языков в русской императорской армии. СПб., 2018 и др.

В истории преподавания восточных языков в Первой Казанской гимназии и его развитии мы выделяем следующие значимые периоды и рубежи — до $1836~\Gamma$.; 40-е гг. XIX в. и 1854–1855 гг., когда Министерством народного просвещения были приняты официальные меры «к упразднению в Казанском университете и в І-й здешней гимназии преподавания Восточных языков» 20 и об «оставлении в последней, по уважению местных обстоятельств края, преподавания татарского языка» с учителем М.-Г. Махмудовым (1820/24?–1891) 21 .

В 20-х — первой половине 30-х гг. XIX в. в Первой Казанской гимназии идет формирование системы преподавания азиатских языков — в 1822 г. было впервые официально введено изучение арабского и персидского языков с преподавателем Ф. И. Эрдманом; в 1826 г. на должность преподавателя мусульманских языков был назначен Мирза Казем-Бек; в 1827 г. и 1833 г. И. Верниковский назначался преподавателем арабского языка; в 1828 г. А. Онисифоров стал преподавателем татарского языка; в 1833 г. К. Фойгт и А. Попов были утверждены преподавателями персидского и монгольского языков; в 1835 г. Мирза Казем-Бек стал преподавать турецко-татарский язык; в июне 1835 г., по докладу министра народного просвещения С. С. Уварова, утвержден указ Николая I о введении в программу гимназии г. Казани преподавания арабского, персидского, татарского, монгольского языков с целью подготовки переводчиков для ведомств империи и т. д. ²² Эти официальные мероприятия рас-

Д. 3265. «Об определении Демизона к Оренбургскому военному губернатору в должность драгомана. 4 сентября 1830 г.» 16 л.; Там же. Д. 3489. «О дозволении произвести Иванову испытание в знании татарского языка при Оренбургском уездном училище. 4 августа 1831 г.» 4 л.; Там же. Д. 4340. «О принятии в Казанскую гимназию нескольких бурят для обучения русскому языку. 21 апреля 1835 — 25 августа 1850 г.» 218 л.; Там же. Д. 4459. «О желании адъюнкта Попова занять место в калмыцком суде Зарго. 15 января 1836 г.» 8 л.; Там же. Ф. 92. Оп.1. Д. 4667. «О назначении учителя татарского языка в Кизлярское училище. 8 декабря 1837 г.» 13 л.; Там же. Д. 4779. «О назначении учителей в Ришельевский лицей по восточным языкам. 1 июня 1838 г.» 63 л.; Там же. Д. 4959. «О назначении к Астраханскому губернатору переводчика татарского языка. 22 сентября 1839 г.» 23 л.; Там же. Д. 5083. «О назначении учителя татарского языка в Казанскую областную гимназию. 11 июня 1840 г.» 32 л.; Там же. Д. 5335. «О приготовлении при Казанском университете членов для Пекинской духовной миссии. 5 ноября 1842 г.» 2 л.; Там же. Д. 5436. «Об определении из окончивших курс студентов переводчиком персидского языка в Астрахани. 12 июля 1843 г.» 18 л.; Там же. Д. 5437. «Об определении переводчика татарского языка в Азиатский Департамент из окончивших курс студентов. 1 ноября 1843 г.» 30 л.; Там же. Д. 5487. «О рассмотрении ответов Тандова, ищущего звания учителя армянского языка в уездном училище. 4 июня 1843 г.» 17 л.; Там же. Д. 5557. «О назначении преподавателей восточных языков в учреждаемое при Новочеркасской гимназии отделение восточных языков. 3 марта 1844 г.» 10 л.; Там же. Д. 5892. «О предложении занять места по Астраханскому калмыцкому управлению. 20 августа 1846 г.» 51 л.; Там же. Д. 6654. «О вызове лиц для занятия должности профессора института восточных языков в Ришельевском лицее от 29 апреля 1851 г.» 41 л.; Там же. Д. 6695. «Об отправлении кандидата Мокеева в учебное отделение восточных языков от 4 сентября 1851 г.» 34 л.; Там же. Д. 7014. «Об испытании Юсуфова на звание домашнего учителя татарского языка от 30 ноября 1855 г.» 3 л.

²⁰ ГА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 749. Л. 13.

²¹ ПСЗ-II. Т. 29. Отд. 1. № 28659; *Куликова А. М.* Востоковедение в российских законодательных актах. С. 350.

 $^{^{22}}$ *Куликова А. М.* Востоковедение в российских законодательных актах. С. 347–348.

ширили круг восточных языков и определили статус основного востоковедного среднего учебного заведения в России в первой половине XIX в. Однако в эти годы еще были введены преподавание китайского и маньчжурского языков в гимназии Казани.

В 1837 г. приказом попечителя казанского учебного округа М. Н. Мусина-Пушкина было дозволено гимназисту Первой Казанской гимназии Зоммеру изучать китайский язык в университете для дальнейшего «замещения» кафедры китайской словесности. В ноябре 1838 г. «в виде опыта» в программу гимназии был введен китайский язык и назначен преподавателем архимандрит Даниил (Д. П. Сивиллов (1798–1871)) ²³.

В Первой Казанской гимназии преподавали восточные языки студенты и кандидаты университета — Ян (Иван Антонович) Верниковский (1799–1877) (арабский язык); Сергей Рушко (?-?) (китайский язык); Иван Ладухин (?-1857) (китайский язык); Иван Иванов (?-?) (персидский язык) и др.

Ординарный профессор китайского языка архимандрит Даниил в донесении от 11 июня 1841 г. о своем воспитаннике Рушко писал: «Для продолжения занятия и большого усовершенствования в Китайской словесности, я нужным почел предложить... об избрании мною одного из окончивших курс в нынешнем году студентов... — Сергея Рушко, как отлично успевшего в Китайском языке и особенную показавшего к оному наклонность, — в должность преподавателя сего языка при Первой Казанской гимназии» 24.

В 40-х — первой половине 50-х гг. XIX в. произошли существенные изменения в организации и методике изучения восточных языков в Первой Казанской гимназии ²⁵. В дополнение к восточным языкам, установленным «Положением о преподавании в Первой Казанской гимназии восточных языков» (2 января 1836 г.), воспитанники стали изучать китайский (с 1838 г.), армянский (с 1842 г.) и маньчжурский (с 1845 г.). К сожалению, планируемое введение в 1842 г. преподавания санскритского языка в гимназии не состоялось в связи с тем, что Министерство народного просвещения сочло «за лучшее ограничиться преподаванием этого предмета в Университете» ²⁶.

В 1841—1845 гг. особые комитеты в составе профессоров разряда восточной словесности Казанского университета рассматривали «неудобства, которые были замечены в распределении преподавания восточных [языков] в Первой Казанской гимназии», и сформулировали «надежные основания к успешности на будущее время» изучения восточных языков, а также составили новое распределение языков — арабского, персидского, турецко-татарского, монгольского и китайского ²⁷.

В 1841 г. особый комитет в составе профессоров А. Казем-Бека, архимандрита Даниила, А. Попова и Н. Галкина возглавил профессор О. М. Ковалевский.

В 1845 г. второй комитет под председательством профессора А. Казем-Бека и профессоров И. Войцеховского и А. Попова, созданный попечителем

 $^{^{23}}$ Куликова А. М. Востоковедение в российских законодательных актах. С. 348.

²⁴ ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 5182. Л. 1.

²⁵ История отечественного востоковедения до середины XIX века. С. 122.

²⁶ ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 5181. Л. 47.

 $^{^{27}}$ ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 3833. «Об оставлении в Казанской гимназии преподавания восточных языков и с преобразованием в ней по Уставу 8-го декабря 1828 г.» 286 л.

Казанского учебного округа для дальнейшего обсуждения «дела о преобразовании преподавания азиатских языков», представил «особые дополнительные суждения» и «распределения преподавания азиатских языков в Первой Казанской гимназии».

Новый этап обсуждения системы изучения восточных языков в Первой Казанской гимназии и внесения дополнений был обусловлен такими факторами, как: введение преподавания армянского языка для гимназистов (в 1842 г.), разрешение Министерства народного просвещения «присоединить маньчжурский язык к числу преподаваемых предметов в І-й Казанской гимназии (в 1845 г.) и учреждение в университете «приготовительного класса для желающих вступить в университет по одному из разрядов азиатских языков» ²⁸.

Главным итогом деятельности комитетов в 1841—1845 гг. стало составление «Правил для восточного отделения І-ой Казанской гимназии», «Положения о преподавании азиатских языков в І-ой Казанской гимназии» и новых «Распределений преподавания восточных языков в Первой Казанской гимназии», составленных Мирзой А. К. Казем-Беком (арабский, персидский, турецко-татарский), архимандритом Даниилом (китайский язык, в 1841 г.), А. В. Поповым (монгольский язык), И. П. Войцеховским (китайский язык).

«Правила для восточного отделения І-ой Казанской гимназии» состояли из следующих положений: в отделение поступали ученики с 3-го класса гимназии; курс изучения азиатских языков распределялся на пять лет; воспитанники восточного отделения освобождались от изучения «высших частей математики, физики, немецкого и славянского языков, рисования и черчения»; в отделение принимались воспитанники «по удостоверению в их хороших способностях и совершенно основательном знании предметов, положенных для первых двух классов гимназии»; слабые ученики могли оставаться в отделении не более двух лет, не переводились в высшие классы или исключались из гимназии и др. ²⁹

По проекту «Положения о преподавании азиатских языков в І-ой Казанской гимназии» 1845 г. преподавание восточной словесности подразделялось на пять разрядов: 1) арабско-персидский, 2) арабско-турецкий, 3) армянско-турецкий, 4) китайско-маньчжурский и 5) монгольско-маньчжурский.

Из 80 казеннокоштных гимназистов учебного заведения восточные языки должны были изучать 15 воспитанников: 4 — арабский и персидский, 4 — арабский и турецкий, 3 — армянский и персидский (турецкий), 2 — китайский и маньчжурский и 2 — маньчжурский и монгольский 30.

В апреле 1845 г. основные материалы комитетов были направлены в Министерство народного просвещения. В сопроводительном письме попечитель учебного округа писал: «Находя с своей стороны предположения Комитета основательными и составив... новые правила для восточного отделения І-й Казанской гимназии, я имею честь испрашивать... Вашего... утверждения и дозволения со... следующего курса ввести новое распределение преподавания восточных языков» ³¹.

Министерство народного просвещения в июле 1845 г., отмечая, что «проект означенных правил клонится отчасти к изменению высочайше утверж-

 $^{^{28}}$ ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 3833. Л. 49–51 об.

²⁹ Там же. Л. 250 об.

³⁰ Там же. Л. 4–6 об.

³¹ Там же. Л. 250–250 об.

денного... Положения о преподавании в Первой Казанской гимназии восточных языков» и «введение преподавания новых языков после утверждения сего Положения требует установления нового разряда», потребовало представить на утверждение «новое Положение о преподавании восточных языков» с объяснительной запиской, «по каким уважениям (так в тексте. — *Р. В.*) предполагаются в настоящем Положении изменения».

В 1848 г. был подготовлен новый проект «Положения о преподавании восточных языков в І-й Казанской гимназии», составленный первым отделением философского факультета университета. Данный проект включил основные пункты предыдущих материалов и обсуждений, проведенных в особых комитетах 1841—1845 гг. Некоторые пункты данного «Положения» были включены в высочайше утвержденное 21 марта 1849 г. мнение Государственного Совета об изменении некоторых статей устава гимназий.

С марта 1849 г. семилетний курс изучения восточных языков в гимназии стал четырехлетним. Ординарный профессор арабской и персидской словесности И. Ф. Готвальд (1813–1897) в 1851 г. отмечал, что «этот срок... достаточен для достижения двоякой цели, предполагаемой при образовании воспитанников гимназии, т. е., с одной стороны, приготовить их к занятию места при Уездных училищах, с другой — передать им необходимые приготовительные познания для дальнейшего ученого усовершенствования себя в Университете» ³².

В 1850–1851 гг. прошел заключительный этап обсуждения изменений в системе преподавания восточных языков в Первой Казанской гимназии и университете. Наиболее значительными недостатками профессора разряда восточной словесности считали: неудовлетворительное распределение преподавания языков в гимназии; низкий контроль над успешным преподаванием и изучением предметов восточной словесности; отсутствие связи между гимназическим и университетским преподаванием; постоянный переход воспитанников восточного отделения гимназии на другие факультеты университета и т. д. ³³

Важным методическим нововведением стала идея практической интеграции гимназических и университетских курсов по восточным языкам. Кроме того, было определено, чтобы «главный надзор за ходом преподавания, как в гимназии, так и в университете, всех восточных языков вверен был одному лицу...» ³⁴. Эту обязанность планировалось возложить на профессора разряда восточной словесности в должности директора восточного отделения при Казанском Императорском университете.

Многие организационные и учебно-методические положения и идеи были систематизированы в «Проекте некоторых изменений в Положении, высочайше утвержденном 2-го января 1836 года, о преподавании восточных языков в І-ой Казанской гимназии, согласно преобразованию гимназий, на основании высочайше утвержденного в 21-й день марта 1849 года мнения Государственного Совета», а также в «Проекте нового положения и штата о преподавании в Первой Казанской гимназии восточных языков» 35.

³² ГА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 652. Л. 1.

³³ ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 3833. Л. 291.

³⁴ Там же. Л. 291 об.–292.

 $^{^{35}}$ ГА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 652. «О преподавании восточных языков в 1-ой Казанской гимназии. 8.04.1851 г.» 37 л.

Главные дополнения и изменения в существовавшей системе преподавания восточных языков в Первой Казанской гимназии в 1851 г. были сформулированы в следующих положениях: изучение восточных языков имело целью «особенное» образование воспитанников и начиналось с IV класса гимназии, так как они «должны основательно знать языки русский и французский» и иметь предварительный запас сведений для большего понимания теории «языков восточных сравнительно с другими языками»; преподавание монгольского языка дополнялось изучением турецко-татарского, как самого близкого к монгольскому языку «в лексическом и синтаксическом отношении»; «преподавание восточных языков в I-й Казанской гимназии должно быть теоретическое и практическое», осуществляемое старшими учителями и надзирателями «из иноверцев»; старшие учителя преподают восточные языки в каждом классе по 2 урока или во всех четырех классах по 8 уроков, а надзиратели ведут занятия в свободное от общего преподавания время 8 уроков в неделю или по 2 урока в классе «под наблюдением старших учителей»: для изучения азиатских языков избираются «отличнейшие казенные воспитанники, преимущественно оказывающие способности в языкознании»; «в І-й Казанской гимназии как единственном учебном заведении в России, предназначенном для образования молодых людей по разным отделам восточного языковедения, должно быть положено казенных воспитанников для изучения азиатских языков 40 человек, из которых 15 назначаются по разряду арабско-турецкотатарского языка, 8 — армянско-персидского, 8 — монгольско-турецко-татарского, 5 — маньчжурско-китайского и 4 — армянско-персидского»; выпускники гимназии, желающие поступить в университет, зачисляются в штат казенных студентов или становятся стипендиатами Первой Казанской гимназии по разряду восточных языков ³⁶.

Профессорами и преподавателями были составлены новые программы преподавания восточных языков в Первой Казанской гимназии, они сохранились в фондах Национального архива Республики Татарстан ³⁷. «Проект нового положения о преподавании в Первой Казанской гимназии восточных языков» сформировал основные учебные и методические принципы теоретического и практического преподавания арабского, персидского, турецко-татарского, монгольско-калмыцкого, китайского и армянского языков.

Теоретическая часть преподавания восточных языков включала следующие положения: «чтение и письмо» (IV класс); «подробное изложение этимологии» и «легкие переводы с тщательным этимологическим разбором и объяснением» (V класс); «краткое систематическое изложение синтаксиса» и «продолжение переводов» (VI класс); «продолжение чтения» и «толкование трудных переводов» (VII класс) и др. ³⁸

Практическое преподавание восточных языков в гимназии должно было ориентировать надзирателей на «чтение печатных сочинений и рукописей, писанных разными почерками, с особенным наблюдением за правильным произношением» (IV–V классы); «составление фраз из заученных слов» или «устные переводы», а также «разговоры» на азиатских языках (V–VI классы); «заучивание наизусть и декламацию избранных поэтических отрывков и уп-

³⁶ ГА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 652. Л. 12–12 об.

³⁷ Там же. Л. 13–22.

³⁸ Там же. Л. 26–28.

ражнения в сочинении частных писем и деловых бумаг, употребительных в общежитии» (VII класс) и т. д. 39

«Проект нового штата для преподавания в І-й Казанской гимназии восточных языков» включал шесть старших преподавателей арабского, персидского, турецко-татарского, монгольско-калмыцкого, китайского и армянского языков, семь комнатных надзирателей для «практического обучения воспитанников живым восточным языкам: персидскому, турецкому, татарскому, монгольскому, калмыцкому, китайскому и армянскому», а также учителя мусульманской каллиграфии «для обучения письму на языках: арабском, персидском и турецко-татарском по разным почеркам» ⁴⁰.

В 1853—1855 гг. в восточном отделении Первой Казанской гимназии произошли существенные изменения, которые привели к закрытию востоковедного отделения. Среди них следует выделить прекращение преподавания армянского языка (май 1853 г.); также в Первой Казанской гимназии была определена новая «таблица распределения уроков по классам», которая включила арабский, персидский, турецко-татарский, монгольский, китайский и маньчжурский языки (21 октября 1853 г.); было прекращено преподавание восточных языков (за исключением татарского языка, 22 октября 1854 г.), преподаватели восточных языков были переведены на факультет восточных языков Санкт-Петербургского университета или оставили свои должности и т. д. 41

Период середины и второй половины XIX в. в российском востоковедении связан с ограничением и прекращением изучения восточных языков в средних общеобразовательных заведениях России ⁴². Проект централизации востоковедческого образования и науки в Санкт-Петербурге и осуществление его на базе факультета восточных языков университета в 1854/55 г. отразился

³⁹ ГА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 652. Л. 28 об.–29 об.

⁴⁰ Там же. Л. 32 об.

⁴¹ ЖМНП. 1853. Ч. 79. Отд. 1. С. 46; Там же. Ч. 80. Отд. 1. С. 115–121; ПСЗ-II. Т. 29. Отд. 1. № 28659; ЖМНП. 1855. Ч. 87. Отд. 1. С. 42; *Куликова А. М.* Востоковедение в российских законодательных актах (конец XVII в. — 1917 г.). СПб., 1994. С. 350; РГИА. Ф. 733. Оп. 46. Д. 143 «Дело о прекращении преподавания армянского языка в 1-й Казанской гимназии. 9–26 мая 1853 г.» 2 л.; НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 6798. «О прекращении преподавания армянского языка в 1-й Казанской гимназии и увольнении от этой обязанности Гладышева от 10 апреля 1853 г.» 5 л.; НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 6936. «О перемещении лектора Казембека адъюнктом в С.-Петербургский университет от 9 января 1854 г.» 4 л.

⁴² РГИА. Ф. 733. Оп. 46. Д. 4. «Дело о принятии мер к устройству на службу окончивших отделение восточных языков КУ, о прекращении преподавания этих языков в Казани, о назначении проф. О. М. Ковалевского ректором ун-та и проф. И. Ф. Готвальда директором училищ Казанской губернии. 16 октября 1851 — 14 мая 1855 г.» 56 л.; РГИА. Ф. 733. Оп. 48. Д. 212. «Дело о продолжении преподавания татарского языка в 1-й Казанской гимназии и об отказе в увеличении жалованья ст. учителю татарского языка. 30 апреля — 15 декабря 1862 г.» 13 л.; ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 6721. «Об упразднении Астраханского армянского Агабабовского училища от 23 октября 1851 г.» 22 л.; НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 7267. «О прекращении преподавания восточных языков в Астраханской гимназии от 22 ноября 1857 г.» 48 л.; ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 8759. «Об упразднении преподавания татарского языка в Уфимской гимназии от 1 мая 1865 г.» 11 л.; ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 15877. «О передаче находящихся в библиотеке Астраханской гимназии книг и рукописей в собственность Лазаревского института восточных языков. 7 октября 1884 г.» 21 л.

на системе преподавания азиатских языков в гимназиях и училищах в России первой половины XIX в.

Казанское востоковедение претерпело крупные учебные и научно-организационные изменения, особенно на первом этапе институционального развития, т. е. в первой половине XIX в. В результате масштабных правительственных и внутриуниверситетских мероприятий к середине XIX в. разряд восточной словесности стал очагом университетского востоковедения в России и Европе. Востоковедение в университете приобретает официальный дисциплинарный статус благодаря первому уставу Императорского Казанского университета, который определил на отделении словесных наук штатную должность профессора восточных языков. Историк университета Н. П. Загоскин в начале XX в., выделяя характерную особенность структур, отмечал, что «на отделении словесных наук положена — ввиду исключительного положения Казанского университета — самостоятельная кафедра восточных языков» 4 В дальнейшем, несмотря на серьезные организационные и содержательные изменения, статус восточной кафедры сохранился до начала советской эпохи в истории Казанского университета. Восток становился объектом и предметом университетского сообщества, а профессора «по части восточных языков» и первые кафедры восточной словесности стали основой университетского востоковедения. Востоковедение в Казанском университете приобретает самостоятельный дисциплинарный статус и становится значимой областью научного знания. В середине XIX в. выделяется предметная, методологическая и методическая, а также институциональная обособленность востоковедного направления от других гуманитарных наук в российских университетах. Формируются устойчивое профессиональное компетентное сообщество ориенталистов и коммуникативная среда обучения, воспитания и профессионального общения.

Развиваются характерная и устойчивая взаимосвязь между региональными направлениями и дисциплинами (тюркология, арабистика, синология и др.), особые образовательные и исследовательские институты (разряд восточной словесности, кафедра восточной словесности и т. д.), социальный тип преподавателей и ученых-востоковедов. Университетская ориенталистика формируется как определенный образовательный, исследовательский, просветительский и в целом как историко-научный и социальный феномен. В основе университетской ориенталистики развиваются комплексные программы и дисциплины, издается учебно-методическая и научная литература, создаются общества, организуются научные экспедиции и путешествия, связанные с Азией/Востоком. В первой половине XIX в. Казань и особенно университет становятся одним из центров по организации изучения восточных языков и в целом Востока в России и Европе. Один из основоположников казанского университетского востоковедения О. М. Ковалевский в «Кратком обозрении хода и успехов преподавания азиатских языков при Казанском университете» отмечал, что Казань «в последнее десятилетие... после столицы, приобрела известность как рассадник азиатской учености» 44 .

Развитие институциональной модели востоковедения в университете и в целом в Казани было связано с направлением исследования письменных па-

 $^{^{43}}$ $\it 3агоскин H.\,\Pi.$ История Императорского Казанского университета. Казань, 1902. Т. 1. С. 11.

¹⁴ НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 5357. Л. 34.

мятников как историко-культурных источников — поиском, изданием и переводом оригинальных текстов; изучением и публикацией отдельных памятников и извлечений из разных исторических и литературных источников; описанием и каталогизацией рукописей и книг и в целом источниковедческой систематизацией рукописной и книжной коллекции народов Востока 45 .

В 1840 г. журнал «Отечественные записки» так описывал данный феномен:

Всем известно, что восточное отделение философского факультета в Казани есть не только первое между русскими учебными заведениями... но даже занимает одно из почетных мест в кругу подобных заведений и ученых азиатских обществ всей Европы. Взгляните на страницы парижского и лондонского «Азиатских журналов» — там увидите, как думают в Европе о казанских ориенталистах, богатых своими знаниями, но издающих свои дельные сочинения без шума, без неистовых возгласов, которыми иные-прочие хотят поддержать свои сочинения по части Востока ⁴⁶.

Именно в первой половине XIX в. формируется высшая востоковедная научно-педагогическая школа в Казанском университете. Главной её особенностью стало складывание и развитие системы отечественного востоковедного образования и науки о Востоке в Казани и в целом важного востоковедного и синологического центра в Российской империи.

Формирование семи специализированных восточных кафедр, охватывающих крупнейшие ареалы Востока, несомненно, явилось для своего времени значительным событием в истории востоковедения в России и Европе. Подобной широкой востоковедной специализации и комплексности не было к середине XIX в. как в российских, так и европейских гуманитарных центрах.

В целом история образования и деятельности востоковедных кафедр Казанского университета имеет особое значение. В архивных фондах Санкт-Петербурга и Казани сохранился огромный источниковый материал ⁴⁷. К со-

⁴⁵ Бантыш-Каменский Н. Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792-й год, составленное по документам, хранящимся в Московском архиве Государственной Коллегии иностранных дел, в 1792—1803 году. Казань, 1882; Березин И. Н. Описание турецко-татарских рукописей, хранящихся в библиотеках С.-Петербурга // ЖМНП. 1846. Ч. 50. Отд. III; ЖМНП. 1847. Ч. 54. Отд. III; ЖМНП. 1848. Ч. 59. Отд. III; ЖМНП. 1850. Ч. 68. Отд. III; Березин И. Н. Ярлык хана Золотой Орды Тохтамыша к польскому королю Ягайлу. Казань, 1850; Он же. Тарханные ярлыки Тохтамыша, Тимур-Кутлука и Саадат-Гирея, с введением, переписью, переводом и примечаниями. Казань, 1851; Говальд И. Описание арабских рукописей, хранящихся в библиотеке Казанского университета // УЗКУ. 1854. Кн. II; 1855. кн. IV; Родословное древо тюрков. Сочинение Абул-Гази, хивинского хана / пер. и предисл. Г. С. Саблукова с послесл. и примеч. Н. Ф. Катанова. Казань, 1906 и лр.

⁴⁶ Отечественные записки. 1840. Т. 9. Отд. Смесь. С. 16.

⁴⁷ РГИА. Ф. 733. Оп. 40. Д. 267. «Дело о составлении попечителем Казанского учебного округа проекта изменения в составе кафедр университета. 12 февр. 1827 — 30 августа 1833 г.» 18 л.; РГИА. Ф. 733. Оп. 40. Д. 318. «Дело о командировании О. М. Ковалевского и студента А. В. Попова в Иркутск для изучения монгольского языка, об участии О. М. Ковалевского в русской духовной миссии в Пекине, о покупке им в Китае монгольских книг для ун-та, назначении О. М. Ковалевского и А. В. Попова адъюнктами Казанского университета и о введении преподавания в университете монгольского языка. 17.1.1826 — 23.3.1839 гг.» 225 л.; РГИА. Ф. 733. Оп. 42. Д. 5.

жалению, в отечественной и зарубежной историографии подробно изучены только некоторые из этих университетских востоковедческих кафедр ⁴⁸.

«Дело об учреждении в ун-те кафедры китайского языка, приобретении китайских книг и рукописей, назначении архимандрита Даниила проф. китайского яз., увольнении его и назначении на его место И. П. Войцеховского. 5 марта 1837 — 17 ноября 1844 г.» 70 л.; РГИА. Ф. 733. Оп. 42. Д. 162. «Дело об учреждении кафедры армянского языка при ун-те, о рассмотрении ходатайств на занятие этой кафедры, в том числе Х. Абовяна, А. Авакова, Н. Бероева, и о назначении С. И. Назарянца адъюнктом Каз. ун-та для подготовки к занятиям кафедры армянского языка. 1.1.1839 — 23.3.1843 г.» 136 л.; РГИА. Ф. 733. Оп. 42. Д. 289. «Дело об учреждении в КУ кафедры санскритского яз. и о назначении воспитанника Дерптского профессорского института кандидата П. Я. Петрова адъюнктом по этой кафедре. 13 ноября 1841 — 12 сентября 1842 г.» 10 л.; РГИА. Ф. 733. Оп. 43. Д. 78. «Дело об учреждении при Казанском университете кафедры калмыцкого языка и о присвоении проф. А. В. Попову звания ординарного профессора. 6 февраля 1843 — 15 сентября 1846 г.» 61 л.; НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 3829. «Об учреждении при Казанском ун-те кафедры монгольского языка и об утверждении Ковалевского и Попова адъюнктами. 7 июня 1833 — 5 апреля 1839 г.» 65 л.; НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 4306. «О назначении и замещении кафедр при образовании университетов по вновь установленному уставу. 6 августа 1835 г.» 429 л.; НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 4599. «Об учреждении при Казанском университете кафедры китайского языка. 1 марта 1837 г.» 32 л.; НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 5181. «О назначении кандидата Петрова преподавателем санскритского языка в Казанский университет. 8 сентября 1841 г.» 63 л.; НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 5256. «Об открытии при Казанском университете кафедры еврейского языка. 29 января 1842 г.» 12 л.; НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 5451. «Об утверждении при Казанском университете кафедры маньчжурского языка. 28 марта 1843 г.» 2 л.; НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 5529. «Об учреждении при Казанском университете кафедры индустанского языка. 15 января 1844 г.» 5 л.

Бартольд В. В. Работы по истории востоковедения // Сочинения. Т. 9. М., 1977; Веселовский Н. И. Сведения об официальном преподавании восточных языков в России // Труды Третьего Международного съезда ориенталистов в С.-Петербурге, 1876. СПб., 1879–1880. Т. 1. С. 97–256, 605–606; Данциг Б. М. Ближний Восток в русской науке и литературе. (Дооктябрьский период). М., 1973; Загоскин Н. П. История Императорского Казанского университета. Т. I–IV. Казань, 1902–1906; Он же. Материалы по истории кафедр и учреждений Казанского университета (1804–1826). Казань, 1899; Закиев М. З. Влияние Казанского университета на развитие тюркологии в первой половине XIX века (до 1855 г.) // Вопросы татарского языкознания. Казань, 1965. С. 357-393; Закиев М. З., Тумашева Д. Г. Роль Казанского университета в развитии тюркологии // Проблемы тюркологии и истории русского востоковедения: тезисы докладов и сообщений на межвузовской научной конференции, посвященной 40-летию ТАССР (6, 7, 8 июня 1960 года). Казань, 1960. С. 1-4; История отечественного востоковедения до середины XIX века; Ковалевский О. М. Обозрение хода и успехов преподавания азиатских языков в Императорском Казанском университете до настоящего времени. Казань, 1842; Крачковский И. Ю. Избранные сочинения. Т. V. Очерки по истории русской арабистики. М.; Л., 1958; Куликова А. М. Востоковедение в российских законодательных актах (конец XVII в. — 1917 г.); Мазитова Н. А. Изучение Ближнего и Среднего Востока в Казанском университете. (Первая половина XIX в.). Казань, 1972; Михайлова С. М. Казанский университет в духовной культуре народов Востока России (XIX век). Казань, 1991; Обозрение хода и успехов преподавания азиатских языков в Казанском университете с 1842 по 1852 г. Казань, 1853; Рзаев А. К. Мухаммед Али Мирза Казем-Бек. М., 1989; Скачков П. Е. Очерки истории русского китаеведения. М., 1977; Шамов Г. Ф. Роль востоковедов Казанского университета в изучении Монголии и Китая; Шамов Г. Ф. Профессор О. М. Ковалевский: Очерк жизни и деятельности; Шастина Н. П. Ученая корреспонденция монголоведа О. М. Ковалевского // СоветВ этой огромной по объему литературе не представлен разнообразный и комплексный архивный материал российских фондов, позволяющий обобщить историю и выявить особенности деятельности востоковедческих кафедр Казанского университета в XIX в. — первых двух десятилетиях XX в., а также в сравнительном плане с другими кафедрами отечественных и зарубежных университетов. Судьба восточных кафедр университета, их учебно-педагогическая, научная и просветительская роль была неоднозначной и порой трагичной. В первой половине XIX в. ведущую роль играли кафедры, специализирующиеся по мусульманскому миру и Центральной Азии ⁴⁹, в том числе единственная университетская китаеведческая кафедра в России.

Основой разряда восточной словесности Казанского университета в 1828—1854 гг. стали арабо-персидская (1828), турецко-татарская (1828), монгольская (1833), китайская (1837), санскритская (1842), армянская (1842) и калмыцкая (1846) кафедры.

11 мая 1837 г., впервые в России, была открыта кафедра китайского языка и словесности, в 1844 г. преобразованная в китайско-маньчжурскую кафедру. Первым профессором китайского языка в Казанском университете стал архимандрит Даниил (Д. П. Сивиллов (1798–1871)), который преподавал в 1837–1844 гг. Преемником архимандрита Даниила в Казанском университете стал И. П. Войцеховский (1793–1850), заложивший основы научного маньчжуроведения в Казани в 1844–1850 гг. В 1851–1855 гг. кафедру возглавлял В. П. Васильев (1818–1900) ⁵⁰.

Отметим, что основными центрами европейской синологии в XVIII—XIX вв. были Франция, Англия, Германия. В остальных государствах Западной Европы синологические исследования если и присутствовали, то в гораздо меньших масштабах, нежели в указанных странах. Преподавание китайского языка и изучение Китая в Европе осуществлялось в рамках одной из взаимосвязанных парадигм и социальной модели западного синолога: миссионерская синология, практическая синология и академическая синология.

Обратимся к некоторым фактам и событиям из истории европейской синологии. Во Франции подготовкой китаеведов-практиков занималась Школа изучения живых восточных языков (École spéciale des langues orientales). Этот

ское востоковедение. 1956. № 1; *Шастина Н. П.* Из переписки О. М. Ковалевского с бурятскими друзьями // Бурятский комплексный научно-исследовательский институт. Труды. Вып. 16. Серия «Востоковедение». Материалы по истории и филологии Центральной Азии. Вып. 2. Улан-Удэ, 1965. С. 210–221; *Шофман А. С., Шамов Г. Ф.* Восточный разряд Казанского университета. С. 418–448.

⁴⁹ Для сравнения отметим, что до создания факультета восточных языков в Санкт-Петербургском университете в 1854/55 гг. в рамках разряда восточной словесности были учреждены самостоятельные кафедры арабской и персидской словесности (1816–1818), кафедра турецкого языка (1839) и кафедры грузинского, армянского и азербайджанского языков (1844).

 50 РГИА. Ф. 733. Оп. 42. Д. 5. «Дела об учреждении в ун-те кафедры китайского языка, приобретении китайских книг и рукописей, назначении архимандрита Даниила проф. китайского яз., увольнении его и назначении на его место И. П. Войцеховского. 5 марта 1837 — 17 ноября 1844 г.» 70 л.; НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 4599. «Об учреждении при Казанском университете кафедры китайского языка. 1 марта 1837 г.» 32 л.; НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 5451. «Об утверждении при Казанском университете кафедры маньчжурского языка. 28 марта 1843 г.» 2 л.; Шамов Г. Ф. Роль востоковедов Казанского университета в изучении Монголии и Китая.

колледж декретом национального Конвента был открыт 30 мая 1795 г. для «изучения живых Восточных языков для целей политики и торговли». «Научить своих слушателей читать, писать и говорить на преподаваемых восточных языках и сообщить им сведения по политической и торговой географии стран, где эти языки употребляются, — вот вся задача школы», — отмечал Д. М. Позднеев $(1865–1942)^{51}$. В связи с практическим направлением подготовки все профессора школы изначально являлись специалистами именно разговорного китайского языка. Первым профессором был синолог А. Базин (Antoine-Pierre-Louis Bazin, A. P. L. Bazin) (1799-1862), впоследствии его место занял Н. Ноэль (N. Julien) (1797–1873), затем профессором был назначен граф М. А. Клецковский (1818–1886), состоявший до этого первым секретарем и переводчиком французского правительства в Китае, далее эту должность занимал М. Жаметель (1856–1889). В этой школе в 1872 г. была создана кафедра истории, географии и законоведения государств Дальнего Востока, которую возглавил известный французский синолог Гийом Потье (1801-1873). В 1881 г. кафедра перешла к синологу и библиографу Анри Кордье (Henri Cordier) (1849–1925), работавшему секретарем французской миссии в Китае в 1869–1880 гг., автору ряда трудов по истории Китая 52. В своих записках профессор факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета Д. М. Позднеев, посетивший это заведение в конце XIX в., писал:

Каждый профессор имеет три лекции в неделю, по часу каждая. Лекторытуземцы должны присутствовать на курсах профессоров и обязаны давать кроме того три практических урока в неделю. Они спрашивают учеников, упражняются с ними в разговоре и чтении вслух. Кроме этих постоянных курсов открываются по мере надобности курсы дополнительные по различным диалектам основных языков, а кроме того министр имеет право разрешать особые конференции и заседания, где читаются сообщения и лекции по предметам, относящимся к истории, географии и законоведению стран Востока. Библиотека школы открыта все будни с 12 до 4 ⁵³.

Заканчивая небольшой сравнительный обзор, можно отметить следующие примечательные процессы в истории английской синологии. В Англии в XVII—XVIII вв. некоторые английские купцы и путешественники изучали китайский язык, собирали коллекции китайского фарфора и книг, но систематическая академическая работа по изучению Китая не проводилась ⁵⁴. Несмотря на то, что в университетах учреждались должности «профессора синологии», в основном в XIX в. преподавание в них ограничивалось практическими навыками разговорного китайского языка. Обучение китайскому языку для нужд торговли и дипломатии было организовано в качестве специальных двухлетних курсов при Кингс-колледже (King's College) Лондонского университета и Лондонской торговой палате, а также в специальных коммерческих учебных заведениях (колледж лондонского Сити).

 $^{^{51}}$ *Позднеев Д. М.* Заметки об изучении Китая в Лондоне и Париже // ЖМНП. 1894. Ч. 295. С. 314.

⁵² Анри Кордье (фр. Henri Cordier; 8 августа 1849, Новый Орлеан, — 16 марта 1925, Париж) — французский востоковед и синолог, библиограф.

⁵³ Позднеев Д. М. Заметки об изучении Китая в Лондоне и Париже. С. 314.

⁵⁴ *Никифоров В. Н.* Китаеведение в Англии. М., 1977. С. 5.

Выдающийся российский синолог В. М. Алексеев (1881–1951), посетивший в 1905 г. Кембриджский университет, так описывал преподавание китайского языка: «Профессор дает лишь элементарные, и притом исключительно практические сведения своим слушателям, также крайне немногочисленным» ⁵⁵.

Идея о преподавании китайского языка в Оксфордском университете впервые возникла в 1875 г. в кругах английской интеллигенции, связанной с Китаем. Вскоре был сформирован Комитет, занявшийся сбором средств на открытие должности профессора. Председателем этого комитета был Розерфорд Алкок (Sir Rutherford Alcock) (1809–1897), занимавший впоследствии должность чрезвычайного посланника и полномочного министра в Китае и посла в Японии. Путем общественной подписки Комитет собрал и внес в кассу университета 3000 фунтов в счет затрат университета на организацию должности профессора синологии ⁵⁶. Джеймс Легг (James Legge) (1815–1897) стал первым профессором китайского языка в Оксфордском университете (1876-1897).

Наряду с основными профессорами разряда восточной словесности Казанского университета вели занятия лекторы, альюнкты и преподаватели восточных языков — А. Мир-Моминов (персидский язык, 1839–1845 гг.), А. Сосницкий (китайский язык, 1840–1843 гг.), С. Рушко (китайский язык, с 1843 г.), И. Жуков (арабский язык, 1843–1847 гг.) М.-Г. Махмудов (восточная каллиграфия, 1843–1855 гг.), Абдуссатар Казем-Бек (турецко-татарский язык, лектор этого языка с 1 августа 1845 г., в 1849–1855 г. преподавал персидский язык и словесность), И. Иванов (персидский язык, 1845–1850 гг.), М. Навроцкий (арабский язык, с 1846 г.), Н. Сонин (персидский язык, с 1846 г.), И. Холмогоров (арабский и персидский языки, 1849–1852 гг.), Г. Гладышев (армянский язык, 1843–1853 гг.), И. Абдекаримов (китайский язык, 1853–1855 гг.) ⁵⁷. Как мы уже отмечали, большинство выпускников и преподавателей вели занятия по восточным языкам в Первой Казанской гимназии. В 30-40-х гг. XIX в. формируются штаты преподавателей восточных языков и развиваются курсы и программы разряда восточных языков.

В 1854 г. исправляющий должность экстраординарного профессора В. П. Васильев, рекомендуя И. Абдекаримова (1800–1865) (в 1856–1865 гг. преподавал на восточном факультете Санкт-Петербургского университета), писал:

Практическое преподавание китайского языка, безвозмездно предпринятое в Университете с прошлого года надзирателем Первой Казанской Гимназии Абдулькэримовым, несомненно по своей пользе; при том же так как в нынешнем году поступили из Первой Казанской Гимназии в студенты китайско-маньчжурского разряда молодые люди, учившиеся разговорному китайскому языку, то было бы очень жаль, если бы они не могли более усовершенствоваться и забыли

 $^{^{55}}$ Алексеев В. М. Заметки об изучении Китая в Англии, Франции и Германии // ЖМНП. Новая серия. 1906. Ч. V. С. 137.

⁵⁶ Edith H. James Legge: Missionary and Scholar. London, 1905. P. 204. ⁵⁷ Куликова А. М. Востоковедение в российских законодательных актах. С. 216— 222; Фойгт К. К. Обозрение хода и успехов преподавания азиатских языков в Императорском Казанском университете за десятилетие с 1842 по 1852 год. Казань, 1852. С. 7; Дульский П. Казанский каллиграф Али Махмудов // Вестник научного общества татароведения. 1930. № 9-10. С. 172-177.

уже приобретенное, — вообще случай приобресть практические познания в китайском языке от природного китайца есть едва ли не единственный в Европе 58 .

В 1842 г. система университетского преподавания восточных языков в Казани состояла из шести разрядов: арабско-персидской, турецко-татарской, монгольской, китайской, санскритской и армянской словесности. В разрядах наряду с основными азиатскими языками были определены вспомогательные восточные и европейские языки.

Студенты разряда китайской словесности изучали из восточных языков монгольский, а из европейских — латинский, французский и английский языки. В разряде санскритской словесности вспомогательными стали монгольский, французский, английский и немецкий языки, также по выбору студентов. Воспитанники разряда армянской словесности должны были по программе изучать по выбору персидский и татарский языки, а также латинский, греческий и немецкий языки ⁵⁹.

В соответствующих разрядах восточной словесности для студентов I— IV курсов читались «главные предметы», связанные с историей народов Востока и историей их литературы— «Политическая история персидского государства» (I курс), «История арабской словесности» (II курс), «История древних турецко-татарских народных племен» (II курс), «История монголов» (II курс), «Политическая история китайского государства» (II курс), «История персидской словесности» (III курс), «Политическая история Османского государства» (II курс), «История китайского государства» (II курс), «История индийских древностей» (III курс), «История армянского народа» (III курс), «Азиатская нумизматика» (IV курс разряда арабско-персидской словесности), «История османской словесности» (IV курс), «История китайской словесности» (IV курс), «История санскритской литературы» (IV курс) и «История армянской словесности» (IV курс).

В числе вспомогательных («побочных») курсов для студентов-восточников Казанского университета особо выделим следующие: «Древняя история» (І курс всех шести разрядов), «История общей литературы» (І–ІV курсы всех шести разрядов восточной словесности), «Средняя и новая история» (ІІ курс всех разрядов), «Российская история» (ІІІ курс всех разрядов), «История философских систем» (ІV курс всех разрядов) и др. 60

Система университетского востоковедения в Казани в 20–40-х гг. XIX в. включала организацию научных путешествий в страны мусульманского Востока и Центральной Азии. Наряду с практическими занятиями с природными носителями живых азиатских языков непосредственное знакомство воспитанников с историей, языками, культурой, бытом и нравами во время научных командировок и путешествий стало важной чертой казанской школы востоковедов XIX — начала XX в. В архивных фондах Казани, Москвы и в отечественной историографии представлен огромный материал, посвященный научным путешествиям воспитанников разряда восточной словесности Казанского университета в первой половине XIX в., — О. Ковалевского и А. Попова в

⁵⁸ ГА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 726. Л. 84.

⁵⁹ ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 5272. Л. 1–4 об.

 $^{^{60}}$ Там же. Л. 1 об.

Центральную Азию (Сибирь, Монголию, Китай) (1828–1833), В. Васильева в Китай в составе Пекинской духовной миссии (1840–1850) и И. Березина и В. Диттеля на Ближний Восток (1842–1845) ⁶¹. Традиция научных путешествий в страны Востока сохранялась и развивалась в казанском востоковедении во второй половине XIX — начале XX в.

В 1851-1854 гг. указы Николая I «О прекращении преподавания восточных языков в Казанском Императорском университете и о создании в Петербурге Азиатского института» (ноябрь 1851 г.) и «О прекращении преподавания восточных языков в Казанском Императорском университете» (22 октября (ст. ст.) 1854 г.) предопределили новую правительственную политику по созданию в Российской империи во второй половине XIX — начале XX в. ведущего университетского востоковедного центра в Санкт-Петербурге 62 .

Пункт 4 Указа Правительствующему Сенату от 22 октября 1854 г. гласил:

Преподавание восточных языков в Казанском университете, Ришельевском лицее с состоящей при нем гимназией и в Первой Казанской гимназии прекратить, оставив в последней, по уважению местных обстоятельств края, преподавание татарского языка; суммы же, отпускаемые в помянутые заведения на преподавание восточных языков, обратить на штатное содержание факультета, которому предоставить и учебные пособия по восточным языкам, принадлежащие Казанским университету и гимназии и Ришельевскому лицею с состоящей при

 $^{^{61}}$ ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 2237. «Об отправлении двух студентов Казанского университета в Иркутск для обучения монгольскому языку». 741 л.; Там же. Ф. 92. Оп. 1. Д. 4814. «Об отправлении студентов Казанского университета Васильева, Навроцкого и Рушко в Пекин для изучения китайского, монгольского и манчжурского языков. 14 марта 1838 г.» 453 л.; Там же. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 1266. «Документы о научном путешествии в Иркутск и Монголию кандидата О. Ковалевского и студента Попова. Т. 1. 23 апреля 1828 — 15 мая 1832 г.» 168 л.; Там же. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 1267. «То же. Т. 2. 27 апреля 1828 — 2 июля 1834 г.» 114 л.; Там же. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 2283. «О командировании и пребывании магистра В. П. Васильева в Китае с Пекинской духовной миссией». 115 л.; Там же. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 2450. «Об ученом путешествии магистров И. Н. Березина, В. Ф. Диттеля по Европейской Турции, Малой Азии, Персии, Сирии и Египту. (1841)» 128 л.; Там же. Ф. 977. Оп. Ректор. Д. 654. «О путешествиях магистров Диттеля и Березина. 21 мая 1845 г.» 12 л.; Там же. Ф. 977. Оп. Ректор. Д. 837. «О годичном путешествии по Восточным странам магистра Каз. ун-та Диттеля с целью приобретения для музеев университета восточных манускриптов и монет. 25 января 1847 г.» 66 л.; РГИА. Ф. 733. Оп. 42. Д. 90. «Дела о назначении ст-ов ун-та В. П. Васильева, Н. Навроцкого и С. М. Рушко в Пекинскую дух. миссию для изучения языков тибетского, санскритского, монгольского, маньчжурского и китайского. Краткий отчет о занятиях в Пекине магистра ун-та В. П. Васильева. Л. 205-256. 17 марта 1838 — 5 декабря 1852 г.» 327 л.; Там же. Ф. 733. Оп. 42. Д. 306. «Дело о командировании магистров ун-та В. Диттеля и И. Н. Березина в научную экспедицию в Турцию, Малую Азию, Персию, Сирию и Египет. При деле находится «План ученого путешествия» магистров Каз. ун-та В. Диттеля и И. Березина на Восток, составленный в 1841 г. А. К. Казем-Беком. Годичный отчет путешествующего по Востоку магистра И. Н. Березина. 30 мая 1841 — 24 декабря 1847 г.» 446 л.; *Мазитова Н. А.* Изучение Ближнего и Среднего Востока в Казанском университете. С. 71–96; *Шамов Г. Ф.* Профессор О. М. Ковалевский: Очерк жизни и деятельности. С. 19–68.

⁶² Сборник постановлений по Министерству народного просвещения: в 17 т. СПб., 1864–1904. Т. 2. С. 1110–1112; ПСЗ-II. Т. 29. Отд. 1. С. 875–876.

нем гимназией, за исключением в Казанской гимназии того, что предоставлено для преподавания татарского языка ⁶³.

Эта реорганизация привела к тому, что в огромной стране, значительную часть населения которой составляли народы Востока, в системе МНП фактически осталось только одно высшее учебное заведение, где изучались восточные языки ⁶⁴.

Эпохи романтизма и модернизма «Восточного Ренессанса» в России и Европе особенно органично были вплетены и заметны в истории востоковедения в Казанском университете первой половины — середины XIX в. 65 В середине XIX в. в результате деятельности отечественных университетов, в том числе Казанского университета, сформировался уникальный тип профессиональных востоковедов-ученых, бескорыстных и преданных своей миссии. Уместным представляется также отметить вклад отечественных востоковедов в объективное влияние восточных идей и сюжетов и отражение их в общественной и культурной жизни России. В целом важным итогом деятельности университетов (в том числе Академии наук), как нам представляется, стало оформление ключевых черт собственно университетской научной дисциплины о Востоке, в том числе Китая. Сформировались основные институциональные и исследовательские составляющие научного изучения азиатского мира. Обозначился новый качественный рубеж в изучении географии, истории и культуры восточных народов в российских университетах, особенно ярко проявившийся в миссии Восточного факультета Санкт-Петербургского университета в XIX в. — первые десятилетия XXI в.

В конце 1854/55 учебного года в Казанском университете было прекращено преподавание восточных языков, профессора и преподаватели В. П. Васильев, И. Н. Березин, Н. Сонин, М. Т. Навроцкий и студенты восточного отделения Казанского университета были переведены на факультет восточных языков Петербургского университета. В списке казеннокоштных студентов Казанского университета, которые были переведены стипендиатами Министерства народного просвещения на Восточный факультет Санкт-Петербургского университета в июле 1855 г., были Виктор Максимов, Николай Иванов, Григорий Мельгунов, Аполлон Лисовский, Петр Пашин, князь Николай Енгалычев и Михаил Цивильков. Также рассматривался вопрос о переводе ряда студентов в Санкт-Петербург «стипендиатами на счет сумм Министерства иностранных дел». Этим министерством было определено:

Между же тем, по значительному числу казенных студентов и воспитанников, обучающихся в Казани восточным языкам, г. тайный советник Норов

 $^{^{63}}$ История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года. С. 7-8; Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Т. XXIX. Отделение 1-е. № 28659. С. 875–876.

⁶⁴ История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года.

C. 7.

65 Cm.: Schwab R. The oriental Renaissance: Europe's rediscovery of India and the Company of India and the Arts. Manchester, 1995; Eadem. German Orientalism in the Age of Empire: Religion, Race and Scholarship. Cambridge, 2009; Scimmelpennink van Der Oye D. Russian orientalism. Asia in the Russian mind from Peter the Great to the emigration. New Haven, 2010 и др.

предлагает озаботиться строгим разбором их способностей и успехов, с тем, чтобы из них только те, кои подают несомненную надежду продолжать с отличным успехом изучение восточных языков, были назначены к переводу в Санкт-Петербургский университет 66 .

В этом же году были переданы основные восточные фонды учебной библиотеки и нумизматического кабинета Казанского университета ⁶⁷. Согласно сопроводительным документам, составленным библиотекарем Казанского университета И. Ф. Готвальдом, в Санкт-Петербург было «отправлено 109 рукописей на китайском, монгольском, тибетском и санскритском языках и 373 мусульманские рукописи» ⁶⁸. Для сравнения отметим, что в 1855 г. в открываемый Восточный факультет Санкт-Петербургского университета были переданы из Ришельевского лицея в Одессе 15 арабских рукописей.

Восточный факультет Санкт-Петербургского университета становился ключевым центром «Русской науки о Востоке» и в целом российского и европейского востоковедения. Данная институциональная модель была практически уничтожена в период радикальной политической и культурной трансформации России в 1917—1922 гг.

В середине XIX в. образование в Санкт-Петербургском университете факультета восточных языков расширило возможности на пути достижения основной цели деятельности данного нового института в 1855—1917 гг. — осуществлять подготовку «ученых ориенталистов, переводчиков по восточным

⁶⁸ Азаркина М. А. О фонде восточных рукописей Научной библиотеки им. М. Горького Санкт-Петербургского университета // Рукописи и ксилографы на восточных языках в Научной библиотеке им. М. Горького СПбГУ / под ред. В. Л. Успенского. СПб., 2014. С. 14.

⁶⁶ Из истории казанской иранистики: сборник документов. Казань, 2013. С. 165.

 $^{^{67}}$ Подробнее см.: Абдуллаева Ф. И. К 150-летию Восточного факультета Санкт-Петербургского университета. Заметки об истории, рукописном фонде и рукописях // Ирано-Славика. 2005. № 2 (6). С. 21–26; Абрамов А. Т. Библиотека Восточного факультета // Учен. зап. ЛГУ. Серия «Востоковедческие науки». 1960. Т. 296 (13). С. 177–188; Беляев В. И., Булгаков П. Г. Арабские рукописи собрания Ленинградского государственного университета // Памяти академика И. Ю. Крачковского. Л., 1958; Васильев В. П. О некоторых книгах, относящихся к истории буддизма, в библиотеке КГУ // Учен. зап. Имп. АН по первому и третьему отделениям. Т. 3. СПб., 1855. С. 1-33; Васильев В. П. Записка о восточных книгах в С.-Петербургском университете; Готвальд И. Ф. Описание арабских рукописей, принадлежавших библиотеке Императорского Казанского университета. Казань, 1855; Завидовская Е. А., Маяцкий Д. И. Описание собрания китайских книг академика В. П. Васильева...; Из истории казанской иранистики; Каталог Восточных Манускриптов из Библиотеки профессора Мирзы А. К. Казем-бека. РГИА. Ф. 733. Оп. 193. Д. 674. Л. 139–159; Ромаскевич А. А. Список персидских, турецко-татарских и арабских рукописей Библиотеки Петроградского университета. Л., 1925; Рукописи и ксилографы на восточных языках в Научной библиотеке им. М. Горького СПбГУ / под ред. В. Л. Успенского. СПб., 2014; Тагирджанов А. Т. Список таджикских, персидских и тюркских рукописей Восточного отдела Библиотеки ЛГУ: Продолжение списков К. Г. Залемана и А. А. Ромаскевича / ред. А. Н. Болдырев. М., 1967; Успенский В. Л. Коллекция О. М. Ковалевского в собрании восточных рукописей и ксилографов библиотеки Санкт-Петербургского университета; Фролова О. Б., Дерягина Т. П. Арабские рукописи Восточного отдела научной библиотеки Санкт-Петербургского университета: Краткий каталог. СПб., 1996 и др.

языкам» и чиновников «для службы по тем ведомствам, где требуется знание сих языков» ⁶⁹.

В целом радикальная реорганизация университетского востоковедения вписывалась в современное геополитическое положение и новые ориентиры восточной политики Российской империи середины XIX — начала XX в.

Университетское востоковедение в Казани вступило в пору организационно-институциональных перемен, разрыва в преемственности образовательных и научных направлений и дисциплин и радикального изменения парадигмы его развития. Завершился эволюционный период в истории востоковедения в Казанском университете. Вторая половина XIX — XX в. пройдут под знаком всплесков возрождения и нереализованных проектов в развитии классического востоковедения в Казанском университете. Университетская синология начнет занимать в нем свое почетное место только с конца ХХ — первых десятилетий XXI в.

§ 2. Историко-культурные исследования Центральной, Восточной и Южной Азии в Казанском университете (первая половина XIX в.)*

Значимой университетской традицией в Казани становится открытие научной мыслью центральноазиатского и южноазиатского географического и историко-культурного пространства. Этот исследовательский процесс значительно обогатил научные и просветительские знания в истории российского и европейского востоковедения, накопление и систематизация материалов в этой области имели общие и характерные особенности. Так же, как и в других региональных дисциплинах отечественного востоковедения, заметен отказ от традиции европейского религиозно-миссионерского изучения Востока.

В первой половине — середине XIX в. в казанском университетском востоковедении история и культура народов Центральной и Южной Азии стали объектом научного исследования. В Казанском университете сформировались и развивались монголоведение, калмыковедение, китаеведение, маньчжуроведение и санскритология. Благодаря трудам востоковедов — О. М. Ковалевского (1800–1878), А. В. Попова (1808–1865), архимандрита Даниила (1798– 1871), И. П. Войцеховского (1793–1850), В. П. Васильева (1818–1900), П. Я. Петрова (1814-1875), Ф. Ф. Боллензена (р. ок. 1813) и др. преподавание и изучение языков, истории, этнографии и культурного наследия народов Монголии, Калмыкии, Бурятии, Китая и Индии приобрели в казанском востоковедении систематический и интенсивный характер. Кроме того, были предприняты попытки начать изучение тибетского языка и письменности, новоиндийских языков. В частности, в апреле 1835 г. в связи с определением в Первую Казанскую гимназию пяти молодых бурят, в том числе ламы Г. Никитуева, отмечалось, что «Россия приобретет ту славу, что ученые ея первые в Европе начнут

⁶⁹ Записка о Восточном факультете С.-Петербургского университета. СПб., 1864. С. 43–44. * © Р. М. Валеев.

разрабатывать богатую, но еще неприступную для изысканий сокровищницу языка Тибетского» 70 . Эти научные дисциплины расширили рамки классического университетского востоковедения 30–50-х гг. XIX в. в России, в первую очередь связанного с языками и письменностью мусульманского Востока.

После переезда в Санкт-Петербург в 1857 г. выпускник Казанского университета и профессор столичного университета В. П. Васильев, выделяя значимость собранных восточных рукописей и книг, а также роли библиотечных фондов, писал:

Библиотека Санкт-Петербургского университета может считать свое существование еще только месяцами. Она привезена вся в целости недавно из Казани, по случаю... открытия в Санкт-Петербургском [университете] расширенного преподавания восточных языков, между которыми нашли место китайский, маньчжурский и монгольский. Следовательно, история нашей библиотеки, за исключением шкафов, вся принадлежит Казани ⁷¹.

С закрытием разряда восточной словесности в университете во второй половине XIX — начале XX в. научно-исследовательская и педагогическая традиция в области данных региональных отраслей востоковедения была прервана. Намеченное комплексное и систематическое изучение традиционных обществ и государств Центральной и Южной Азии в Казанском университете фактически прекратилось.

Формирование и развитие в Казани научных дисциплин, связанных с центральноазиатскими и южноазиатскими ареалами, было обусловлено общим уровнем востоковедных исследований в академических и университетских центрах России, подготовкой специалистов в данных областях и интересами казанских монголоведов, китаеведов и санскритологов. В их учебной и научной деятельности наиболее заметны изучение и преподавание языков, сбор материалов по географии и страноведению, знакомство с рукописями и сочинениями и их текстологическое исследование, контакты с живыми носителями языков, путешествия в регионы и государства Центральной Азии, составление грамматик, словарей и хрестоматий. Эти основные направления исследований определялись не только практическими интересами Российской империи, но и научными целями.

Истоки университетского научного монголоведения в Казани тесно связаны с именами О. М. Ковалевского и А. В. Попова, воспитанников разряда восточной словесности. Историк востоковедения в университете Г. Ф. Шамов в научной биографии монголоведа О. М. Ковалевского писал:

С именем Ковалевского связано возникновение и развитие в России научного монголоведения. Более двадцати лет он возглавлял в Казанском университете первую и единственную в Европе кафедру монгольской словесности, явился создателем новых учебных пособий по монгольскому языку и уникального «Монгольско-русско-французского словаря», сохранившего свое научное и практическое значение до настоящего времени ⁷².

⁷⁰ ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 4340. Л. 3 об.

⁷¹ Васильев В. П. Записка о восточных книгах в С.-Петербургском университете. С. 322.

 $^{^{72}}$ Шамов Г. Ф. Профессор О. М. Ковалевский: Очерк жизни и научной деятельности. С. 3.

В отечественной и зарубежной историографии монголоведческому наследию О. М. Ковалевского уделено значительное внимание ⁷³. К сожалению, казанский и петербургский периоды деятельности профессора А. В. Попова в области монголоведения и калмыковедения освещены слабо. В перспективе представляется важным монографическое изучение творчества А. В. Попова.

⁷³ Бартольд В. В. Сочинения. Т. IX. С. 48–49, 74–106, 181, 452–453; Российские монголоведы (XVIII — начало XIX в.). Улан-Удэ, 1997; *Талько-Грынцевич Ю. Д.* К 100-летию рождения О. М. Ковалевского. Иркутск, 1902; Фролов Е. Вильнюсский период жизни и деятельности О. М. Ковалевского // Учен. зап. Вильнюсского гос. ун-та им. В. Капсукаса. Серия историко-филологическая. 1958. Т. 4. С. 151-182; Чимитдоржиев Ш. Б. Фонд О. М. Ковалевского в библиотеке Вильнюсского университета // Цыбиковские чтения. Улан-Удэ, 1989. С. 142–145; *Шамов Г. Ф.* Монгольская кафедра Казанского университета (история открытия) // Учен. зап. КГУ. 1954. Т. 114. Кн. 9. С. 171–183; Шамов Г. Ф. Научная деятельность О. М. Ковалевского в Казанском университете // Очерки по истории русского востоковедения. Т. 2. М., 1956. С. 118-180; Шамов Г. Ф. Роль востоковедов Казанского университета в изучении Монголии и Китая; Он же. Профессор О. М. Ковалевский: Очерк жизни и научн6ой деятельности; Шастина Н. П. Ученая корреспонденция монголоведа О. М. Ковалевского; Она же. Из переписки О. М. Ковалевского с бурятскими друзьями. С. 210-221; Грицкевич В. «Породненный с кочевниками» // Байкал. 1974. № 5. С. 139–144; *Шаркишнова Н. О.* Востоковедные исследования О. М. Ковалевского в Сибири // Социальное и политическое развитие народов Востока: история и современность. Иркутск, 1983. С. 68-69; Чимитдоржиев Ш. Б. Фонд О. М. Ковалевского в библиотеке Вильнюсского университета // Народы Азии и Африки. 1990. № 2. С. 137–140; Улымжиев Д. Учитель школы монголоведов // Байкал. 1990. \mathbb{N} 5. С. 138–143; История отечественного востоковедения до середины X1X века. М., 1990. С. 118–139, 274–284; Улымжиев Д. Б. О. М. Ковалевский — основатель научного монголоведения в России // Archiv orientalni. Praga, 1990. No 4. P. 362-375; Ulymzhiev D. O. M. Kovalewski founder of scientific Mongols Studies in Russia. Bulletin The iams international association for mongol studies. Ulaanbaatar, 1991. No 2 (8); Улымжиев Д. Б. Страницы отечественного монголоведения: Казанская школа монголоведов. Улан-Удэ, 1994; Успенский В. Монголоведение в Казанской духовной Академии // Mongolica-III: Из архивов отечественных монголоведов XIX — начала XX века. СПб., 1994. С. 11–17; Раднаев В. Э. Лингвистические взгляды О. М. Ковалевского // VII Международный конгресс монголоведов. М., 1997. С. 145-150; Монголовед О. М. Ковалевский: биография и наследие. Казань, 2004; Валеев Р. М., Кульганек И. В. Россия — Монголия — Китай: Дневники монголоведа О. М. Ковалевского 1830–1831 гг. Казань, 2006; Эпистолярное и дневниковое наследие монголоведа О. М. Ковалевского (1828-1833 гг.) / подгот. к изд., предисл., коммент. и указ. О. Н. Полянской. Улан-Удэ, 2008; Agnieszka Czajkowska. Inni — podobni. Ludy zabajkalskie i mongolskie w relacji Józefa Kowalewskiego, [w:] Na pograniczach literatury, Jarosław Fazan, Krzysztof Zajas (red.). Kraków, 2012. S. 403–416; Oksana Polańska. Spuścizna naukowa mongolisty Józefa Kowalewskiego (1801–1878) w archiwach Rosji // Zesłaniec. 2011. № 49. S. 31–36; Jerzy Tulisow. Mongolian and Manchu Studies in Poland // Rocznik Orientalistyczny. 2012. No LXV. Z. 1. S. 224-230; Kaluski Marian. Polacy w Mongolii // http://przeglad.australink.pl/literatura/sladami/mongolia.pdf; Kirill Alekseev. A New Source for J. Kowalewski's Work on the Mongolian-Russian-French Dictionary // Rocznik Orientalistyczny. 2014. № LXVII. Z. 1. S. 13-25; Vladimir Uspensky. Josef Kowalewski and Minjul Hutugtu (1789–1839) // Rocznik Orientalistyczn. 2009. № LXII. Z. 1. P. 222–228; Tulisow J. At the Source of Vilnius Altaic Studies // Acta Orientalia Vilnensia. 2009. Vol. 10. P. 97-110; Kalinowski Daniel. Przybliżanie Dalekiego Wschodu. O trzech polskich podróżach orientalnych // Ars inter Culturas. 2010. № 1// http://aic.apsl.edu.pl/aicnr1/155.pdf; Polscy badacze Syberii / pod red. J. Arvaniti http://www.petea.home.pl/apan/files/user files2/PAN_polscy%20badacze%20Syberii-internet.pdf.

В июне 1833 г. О. Ковалевский и А. Попов были проэкзаменованы академиком Я. И. Шмидтом и в июле 1833 г. назначены адъюнктами монгольского языка в Казанском университете 74 . По итогам экзамена кандидатов университета академик Я. И. Шмидт записал:

Итак, я могу не только по доброй совести, но и с полным убеждением рекомендовать обоих гг. Ковалевского и Попова на звание преподавателей Монгольского языка, в случае, если при Казанском Университете учреждена будет для сего языка кафедра. Это первые питомцы Русского университета, которые с успехом шествовали сею стезею, первые, которые могут явиться наставниками по такому предмету, на который не было обращаемо внимания, потому что недоставало людей, которые могли бы служить руководителями ⁷⁵.

Они сыграли исключительную роль в постановке преподавания монгольского языка в Первой Казанской гимназии и университете, комплектации библиотеки рукописями и сочинениями, подготовке и издании учебных пособий, составлении программ и совершили научные путешествия в Сибирь, Бурятию, Монголию и Китай. В Казани они опубликовали работы, посвященные языкам, быту, нравам, истории, этнографии, религии монголоязычных народов зарубежной Азии и России ⁷⁶. В 1836 г. Министерство внутренних дел пыталось определить А. В. Попова председателем в калмыцком суде Зарго. Но попечитель Казанского учебного округа М. Н. Мусин-Пушкин отказал в увольнении А. В. Попова из Казанского университета, сославшись на специальную подготовку его для преподавания монгольского языка ⁷⁷.

Масштабы личности и творчества крупного ученого-востоковеда О. М. Ковалевского, к сожалению, несколько заслонили фигуру профессора-монголоведа А. В. Попова. В 1835 г. адъюнкт А. В. Попов в связи с составлением «Монгольской хрестоматии» заметил:

Чтобы ближе ознакомиться с народом, — надобно знать язык его. Простые исследования о происхождении и распространении народов и языков их, основанные большею частью на догадках или на аналогических выводах без помощи языковедения, не должны иметь места в Истории. Весьма часто один и тот же народ является под различными наименованиями, и поколения его, хотя и сохраняют родовой свой отпечаток, принимаются иногда за отдельные и самобытные племена; точно так же, как и наречия какого-нибудь языка, несколько

 $^{^{74}}$ ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 3829. Л. 7–8.

 $^{^{75}}$ Там же. Л. 7 об.

⁷⁶ Ковалевский О. М. Каталог санскритским, монгольским, тибетским, маньчжурским и китайским книгам и рукописям, в библиотеке Имп. Казанского университета хранящимся // УЗКУ. 1834. Т. ІІ. С. 263–292; Он же. Содержание монгольской книги под заглавием «Море притч»; Он же. О китайском календаре. Казань, 1835; Он же. Краткая грамматика монгольского книжного языка. Казань, 1835; Он же. Буддийская космология. Казань, 1837; Он же. Монгольская хрестоматия. Т. 1. Казань, 1836; Т. ІІ. Казань, 1837; Попов А. В. Монгольская хрестоматия для начинающих обучаться монгольскому языку. Ч. І–ІІ. Казань, 1836.; Он же. Краткие замечания о приволжских калмыках // ЖМНП. 1839. Ч. 22. Отд. 2; Он же. Грамматика калмыцкого языка, сочиненная А. Поповым. Казань, 1847; Он же. Ответ на рецензию проф. Ковалевского, присланную им на «Грамматику калмыцкого языка» // ЖМНП. 1850. Ч. 67 и др.

⁷ ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 4459. Л. 1–6.

уклонившиеся от своего корня, считаются языками особенными, первоначальными. От сего происходит темнота и сбивчивость в Истории народов и их Литературе, что доказывают нам древние сказания о Гуннах, Монголах, Татарах и вообще племенах, населяющих Среднюю Азию 78 .

В 1835 г. подготовленные О. М. Ковалевским и А. В. Поповым монгольские грамматики и хрестоматии получили высокую оценку академика Я. И. Шмидта, который предложил «напечатать... на казенный счет, с тем только, чтобы в таком случае одна и та же статья не встречались в обеих Хрестоматиях» ⁷⁹.

В сентябре 1835 г. Министерство народного просвещения в связи с необходимостью составления «на монгольско-татарском языке собрания элементарных книг по части арифметики, географии и нескольких других» предложило О. М. Ковалевскому и А. В. Попову подготовить «руководство для изучения начальных правил Арифметики» ⁸⁰. В ноябре 1836 г. А. В. Попов представил монгольскую арифметику, составленную на основе учебника Буссе. Ученый писал:

Хотя Монголы и имеют у себя науку счисления, переданную им Тибетцами вместе с религией, но она ограничивается только первыми четырьмя арифметическими действиями, изложенными по сбивчивым теориям Индийских Математиков-Астрологов. Следовательно, с этой стороны представляла мне трудности в выборе технических слов; для этого я перечитал почти все известные мне астрологические сочинения Буддистов и оттуда почерпал уже нужные для себя пособия. И так термины арифметические я не выдумывал и не определил сам собою, но извлекал их из духа языка и основываясь на употреблении 81.

В 1837 г. монгольская арифметика была напечатана в типографии Казанского университета 82 .

Еще в 1833–1835 гг. с целью издания учебных пособий и других материалов по монголоведению были отлиты в типографии Академии наук и получены университетом монгольские шрифты ⁸³.

Освещая казанское монголоведение до середины XIX в., не следует ограничиваться только огромным наследием О. М. Ковалевского. В появлении плеяды российских монголоведов — Г. Никитуева (р. около 1808–?), Г. Гомбоева (1822–1863), Д. Банзарова (ок. 1822–1855), К. Ф. Голстунского (1831–1899), В. П. Васильева (1818–1900), А. А. Бобровникова (1821–1865) и др. — велика научно-педагогическая роль и А. В. Попова.

В марте-апреле 1833 г. О. Ковалевский и А. Попов разбирали коллекцию монгольских рукописей и книг, привезенных из научного путешествия, отмечая «на каждом сочинении монгольское заглавие русскими буквами, присовокупляя вкратце содержание на русском языке; далее разделили все книги и рукописи, числом до 179 сочинений на четыре отделения... составили оным полный каталог...» ⁸⁴

⁷⁸ ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 4195. Л. 5–6.

⁷⁹ Там же. Л. 12 об.

⁸⁰ Там же. Л. 29–29 об.

⁸¹ Там же. Л.87 об–88.

 $^{^{82}}$ Там же. Л. 126.

⁸³ Там же. Д. 4030. Л. 1–28.

⁸⁴ Там же. Д. 3829. Л. 17–17 об.

Университет в 1835 г. приобрел коллекцию О. М. Ковалевского. Данное собрание, состоящее из 1272 наименований, включало в себя китайские, маньчжурские, монгольские сочинения и этнографическую коллекцию (костюмы лам, буддийские божества, монеты, картины и др.) 85. Основу книжной коллекции составляли монгольские, маньчжурские и китайские календари, китайский перевод «Нового завета» Моррисона, китайский библиографический каталог, грамматики, рукописи на маньчжурском языке. По современной оценке В. Л. Успенского: «Обширная коллекция книг на восточных языках была собрана О. Ковалевским во время его пребывания в Забайкалье, в Монголии и Пекине в 1828–1833 гг. Сам Ковалевский составил "Каталог санскритским, монгольским, тибетским, маньчжурским и китайским книгам и рукописям, в библиотеке Императорского Казанского университета хранящимся", который опубликовал в 1834 г.» 86.

Монгольская коллекция О. М. Ковалевского включала старомонгольские книги: двуязычные тибетско-монгольские учебные словари «Океан имен», «Легкий для понимания»; терминологический словарь буддизма «Источник мудрецов»; различные многоязычные маньчжуро-монгольско-тибетско-китайские словари и разнородные монгольские книги, напечатанные в Пекине и в различных буддийских центрах ⁸⁷.

Среди разнородных китайских книг О. М. Ковалевского, поступивших в библиотеку университета, выделялись историческое сочинение «Всеохватывающее зерцало в помощь управляющим», сборник стихов императора Канси «Бегство от жары в летнее время» и оригинальные книжные собрания Китая.

Определение для обучения в гимназии молодых бурят — Доржи Банзарова, Цокто Чимитова, Гырыла Бадаева, Доржи Бумитуева и ламы Галсана Никитуева имело огромное значение для развития культуры бурятского народа. В отечественной литературе данному событию уделено большое внимание ⁸⁸. Учеба Доржи Банзарова на разряде восточной словесности и его научные труды являются ярким свидетельством формирования в Казанском университете национальных научных гуманитарных школ ⁸⁹. Ламе Г. Никитуеву с первых дней в Казани было предложено «заниматься преподаваемыми в Гимназии предметами по его собственному усмотрению; в особенности же возложить на

⁸⁶ Рукописи и ксилографы на восточных языках в Научной библиотеке им. М. Горького СПбГУ. С. 136.

 87 Успенский В. Л. Коллекция О. М. Ковалевского в собрании восточных рукописей и ксилографов библиотеки Санкт-Петербургского университета. С. 231–250.

 88 Мазитова Н. А. Изучение Ближнего и Среднего Востока в Казанском университете; Шамов Г. Ф. Роль востоковедов Казанского университета в изучении Монголии и Китая.

⁸⁵ ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 4251. Л. 6–17.

⁸⁹ Банзаров Доржи. Собрание сочинений. М., 1955; К столетию со дня смерти Доржи Банзарова // Материалы научной сессии и статьи. Улан-Удэ, 1955; Петров Л. А. Доржи Банзаров. Первый бурят-монгольский ученый. Улан-Удэ, 1943; Онже. Доржи Банзаров. Иркутск, 1975; Российские монголоведы (XVIII— начало XIX в.); Тезисы и доклады научной конференции «Банзаровские чтения», посвященной 170-летию со дня рождения Доржи Банзарова. Улан-Удэ, 1992; Тезисы и доклады Международной научно-теоретической конференции «Банзаровские чтения-2», посвященной 175-летию со дня рождения Доржи Банзарова. Улан-Удэ, 1997; Шофман А. С. Казанский период жизни и деятельности Доржи Банзарова. Улан-Удэ, 1956.

него практические упражнения в разговорах с воспитанниками, обучающимися Монгольскому языку, и с двумя казеннокоштными студентами университета — Васильевым и Навроцким, которые для этой цели помещены... в Первую гимназию... С Васильевым Лама сверх того должен заниматься и языком Тибетским» 90 . С августа 1836 г. Г. Никитуев занимался практическим монгольским языком с действительным студентом Сергеем Протопоповым.

Казанская университетская монголоведческая школа получила высокую оценку в современной отечественной историографии:

Сравнительно непродолжительный казанский этап в развитии научного монголоведения в России оказался очень важным для дальнейшей судьбы этой отрасли ориенталистики. За время существования монгольской кафедры в Казанском университете были определены основные направления в изучении истории, культуры, литературы монгольских народов 91 .

Кафедра монгольского языка Казанского университета обозначила начало развития монголоведческих исследований в университетских центрах России и Европы наряду с практическим и академическим монголоведением, сформировавшимся в XVII–XVIII вв.

Формирование университетского китаеведения, маньчжуроведения и тибетоведения в Казани до 1855 г. тесно связано с традициями и участниками известной Пекинской духовной миссии — архимандритом Даниилом (1798—1871; Пекин, 1821—1830), И. П. Войцеховским (1793—1850; Пекин, 1819—1831) и воспитанником восточного разряда, также членом миссии в 1839—1850 гг. В. П. Васильевым (1818—1890). Языковедческие, литературоведческие и историко-этнографические работы ученых в казанский период, как опубликованные, так и оставшиеся в рукописях, стали существенным вкладом в изучение истории и культуры народов Центральной Азии ⁹². Университетская кафедра китайской словесности (1837), преобразованная в 1844 г. в кафедру китайскоманьчжурской словесности, и исследования казанских востоковедов представляли истоки и развитие университетской традиции изучения в России дальневосточных цивилизаций и государств.

Огромный интерес отечественных востоковедов XVIII— начала XX в. вызывал Китай, и особую роль в развитии российско-китайских связей и ста-

⁹⁰ ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 4340. Л. 42 об.

⁹¹ История отечественного востоковедения до середины XIX века. С. 283–284.

⁹² Даниил (Сивиллов). Драгоценное зерцало для просвещения ума: пер. с кит. // УЗКУ. 1837. Кн. II—III; Он же. Всеобщая история Китая // УЗКУ. 1837. Кн. IV; 1838. Кн. II и IV; ОРРК НБ КГУ. № 4478. Даниил Сивиллов. Лао-цзы. Философия. Перевод иеромонаха Даниила. Рукопись. 19 в. 36 п/л.; Там же. № 4485. Даниил Сивиллов. Любомудрие Конфуция. Черновая тетрадь переводов о. Даниила. 19 в. Тетр. 17 с.; Васильев В. П. О китайской траве Му-сюй // Казанские губернские ведомости. 1851. № 50; Он же. Китайская трава Му-сюй // Библиотека для чтения. 1852. Т. 113; Он же. Центральная Азия и главные хребты гор в китайских владениях // ЖМНП. 1852. Ч. 73; Он же. О существовании огнедышащей горы в Маньчжурии // Вестник Географического общества. 1855. Ч. 15. Отдел «Смесь»; Он же. Буддизм. Его догматы, история и литература. СПб., 1857. Ч. 1; Он же. Записки о восточных книгах в С.-Петербургском университете В. П. Васильева // Русский вестник. 1857. Т. 9, кн. 2; Русский вестник. 1857. Т. 11. С. 309.

новлении российского китаеведения в Казанском университете сыграла Пекинская духовная миссия, куда также стали отправляться представители университетских центров. В истории российского университетского востоковедения и китаеведения первой половины XIX в. важное место занимают научные путешествия в Китай и участие в составе Пекинской духовной миссии монголоведа О. М. Ковалевского и китаеведа В. П. Васильева.

В начале 1837 г. на должность ординарного профессора китайского языка учреждаемой кафедры разряда восточной словесности был приглашен архимандрит Московского Златоустовского монастыря Даниил, прослуживший в университете до 1844 г. ⁹³ Именно эти годы стали начальным этапом постановки преподавания китайского, маньчжурского языков и основ тибетского языка в гимназии и университете. Постепенно формируется фонд рукописей и книг в библиотеке университета, создаются программы и учебные пособия, осуществляется ряд переводов литературных китайских текстов и т. д.

В феврале 1837 г. архимандрит Даниил написал и направил в университет подробный «Конспект для преподавания китайского языка» 94. Система преподавания китайского языка архимандрита Даниила состояла из изучения ключевых иероглифов; «переводов легчайших сочинений, изданных на простом языке (су-хоа), а потом из переводов классических книг, писанных ученым стилем (вэнь-хуа)...»; чистописания «по примеру китайцев»; овладения «практическим разговором или живым языком преподавателя»; использования классических книг — канонических текстов «Троесловие», «Драгоценное зеркало для образования ума и сердца» и др.; объяснения «красоты ученого языка, степени его возвышенности»; «разделения... на древнюю и новейшую словесность»; замечаний «о характере иероглифов... в древнем их начертании»; «об употреблении и свойствах известных у Китайцев пяти звуков или ударений (у-инь), которые для их языка составляют чрезвычайную важность и необходимость»; сведений «в правилах риторики и логики»; указаний «на некоторые издания китайских грамматик, сочиненных на европейских языках, сравнений их с сочинениями сего рода на китайском языке» и др. 95

В то же время архимандрит Даниил предложил библиотеке университета свою «китайскую библиотеку», состоящую из 156 названий классических, учебных, философских, литературных, исторических, религиозных и других книг, словарей и ландкарт ⁹⁶. В письме от 22 февраля 1837 г. попечителю Казанского учебного округа М. Н. Мусину-Пушкину он отмечал: «Збудутся ли Ваши мудрыя предположения об открытии класса Китайского языка в Вашем Университете или нет, помещение Китайской библиотеки в числе прочаго собрания книг библиотеки Университета, ни в том, ни в другом случае не потеряет своего значения» ⁹⁷. В сохранившихся отзывах Академии наук и переводчика с китайского и маньчжурского языков С. В. Липовцева (1770—1841) высоко оцениваются значение и достоинство «китайской библиотеки» архиманд-

 $^{^{93}}$ ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 4599. «Об учреждении при Казанском университете кафедры китайского языка. 1 марта 1837 г.» 32 л.; РГИА. Ф. 733. Оп. 42. Д. 5. Л. 3.

⁹⁴ НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 4599. Л. 17–25.

⁹⁵ Там же. Л. 18 об.–25.

 $^{^{96}}$ Там же. Л. 1–2 об.

⁹⁷ Там же. Л. 1 об.

рита Даниила ⁹⁸. В июне 1837 г. это собрание было принято в университетскую библиотеку.

В 1837 г. архимандрит Даниил в «Ученых записках Казанского университета» опубликовал первые переводы китайских текстов 99 . В октябре 1839 г. ученый представил «Китайскую хрестоматию» со словарем 100. «Китайская хрестоматия» была рассмотрена профессорами А. В. Поповым и М. А. Казем-Беком, которые отметили, «что труд ученого нашего профессора, при настоящих обстоятельствах и нынешнем взгляде начальства на пользу преподавания Азиатских языков, будет весьма полезным руководством для занимающихся этим языком» ¹⁰¹. В 1840 г. «Китайская хрестоматия» была дважды рассмотрена по просьбе Министерства народного просвещения членом-корреспондентом академии (с 1828 г.) Н. Я. Бичуриным (монахом Иакинфом). Он оценил хрестоматию «с должным вниманием, какового требовал сей предмет, как по своей новости в России, так и по цели его назначения» 102. Отметив основательное раскрытие внутреннего состава китайского языка, автор обратил внимание и на отдельные погрешности в переводах, на необходимость изменения китайского словаря к хрестоматии и точного следования словарю «Кхинь-сицзы-дянь» 103

Особый интерес вызвал подготовленный к октябрю 1841 г. профессором китайского языка архимандритом Даниилом «перевод с китайского языка на русский Философии Конфуция в трех книгах». Данная работа, по замечанию автора, была связана с недостатком «в пособиях в изучении китайского языка» и могла «служить руководством для переводов с сего языка для занимающихся по сей части словесности» 104 . Профессор О. М. Ковалевский писал в октябре 1841 г.:

Не имея возможности судить о достоинстве перевода почтенного моего сотоварища; я могу только предполагать, что архимандрит Даниил совершил свой труд добросовестно, и хотя нигде не упоминает о своем разногласии с европейскими переводчиками китайского философа и нигде не оспаривает толкований ученых синологов, но, по-видимому, он должен был в некоторых местах дать другой смысл словам своего автора, которого изучал в Пекине, среди природных знатоков и последователей этого не совершенно еще разгаданного уче-

Тексты переводов философии Конфуция сохранились в библиотеке Казанского федерального университета

⁹⁸ РГИА. Ф. 733. Оп. 42. Д. 5. Л. 11–11 об.

⁹⁹ Даниил (Сивиллов). Перевод с китайского языка из книги под заглавием «Драгоценное зерцало для просвещения ума» // УЗКУ. 1837. Кн. II-III; Всеобщая история Китая // УЗКУ. 1837. Кн. IV; 1838. Кн. II и IV.

 $^{^{100}}$ ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 5007. Л. 1–2 об. Там же. Л. 6.

 $^{^{102}}$ Там же. Л.11.

¹⁰³ Там же. Л. 11–11 об., 18–19.

¹⁰⁴ Там же. Л. 1 об.

¹⁰⁵ Там же. Л. 3.

¹⁰⁶ ОРРК НБ КФУ. № 4478. *Даниил Сивиллов*. Лао-цзы. Философия. Перевод иеромонаха Даниила. Рукопись. 19 в. 36 п/л.; Там же. № 4485. Даниил Сивиллов. Любомудрие Конфуция. Черновая тетрадь переводов о. Даниила. 19 в. Тетр. 17 с.

В феврале 1844 г. в связи с прошением архимандрита Даниила об увольнении «для поступления по другим должностям духовного ведомства» на должность профессора китайского и маньчжурского языков приглашается И. П. Войцеховский, прежде служивший в Азиатском департаменте МИДа и штатным лекарем в Петербургской духовной академии. Попечитель Казанского учебного округа писал 26 февраля 1844 г. министру народного просвещения:

Г. Войцеховский будет для Казанского Университета и для восточного отделения его несравненно полезнее Архимандрита Даниила, потому что, зная Китайский язык, без всякого сомнения, так же хорошо, как Даниил, обладает сверх того Манжурским, преподавание которого ощутительно необходимо для обучающихся Китайскому языку... 107

В апреле 1844 г. И. П. Войцеховский утверждается профессором китайского языка с поручением преподавания маньчжурского языка. В августе 1844 г. он прибыл в Казанский университет, где преподавал до своей смерти в 1850 г. В одном из писем И. П. Войцеховский, еще до приезда в Казань, отмечал, что «занялся собранием и приготовлением для Студентов, обучающихся Китайскому и Маньджурскому языкам, необходимо нужных учебных пособий... в особенности старался еще дополнить составленный... в Пекине Китайско-Маньджурский лексикон...» ¹⁰⁸ За этот период ему удалось написать только несколько учебно-методических программ и пособий, которые использовались в преподавании китайского и маньчжурского языков в гимназии и университете. В Казани И. П. Войцеховский закончил составление «Китайскоманьчжурско-русского словаря» ¹⁰⁹. Ученый относится к числу первых представителей отечественного и европейского научного маньчжуроведения. Он положил начало университетской школе маньчжурской филологии и языкознания в России. Также он сыграл ключевую роль в комплектовании библиотеки университета китайскими медицинскими книжными собраниями.

Нельзя не отметить и казанский период учебы на разряде восточной словесности и научно-педагогической деятельности В. П. Васильева (1834–1855), ставший рубежом в истории отечественной монголистики, китаеведения, буддологии и тибетологии 110 .

¹⁰⁷ РГИА. Ф. 733. Оп. 42. Д. 5. Л. 36.

¹⁰⁸ Там же. Л. 66.

¹⁰⁹ История отечественного востоковедения до середины XIX века. С. 124, 274.

¹¹⁰ Отечественная историография научной биографии выдающегося востоковеда В. П. Васильева представлена оригинальными работами и публикациями. См.: Алексеев В. М. Наука о Востоке: Статьи и документы. М., 1982. С. 56–68, 97–99, 122, 146, 161–170; Бартольд В. В. Исторические и географические труды В. П. Васильева. Речь, произнесенная в публ. засед. РАН 20 февраля — 5 марта 1918 г. // Изв. Рос. АН. 1918. Т. 12. № 7. Сер. VI. С. 549–560; Завадская Е. В. В. П. Васильев — родоначальник буддологии в России // История и культура Китая. Памяти В. П. Васильева. М., 1974; Иванов А. И. В. П. Васильев как синолог. Речь, произнесенная в публ. засед. РАН 20 февраля — 5 марта 1918 г. // Изв. Рос. АН. 1918. Т. 12. № 7. Серия 6. С. 561–566; Илларионов В. Т. Русский синолог В. П. Васильев. 1918–1900 гг. Горький, 1959; История отечественного востоковедения до середины XIX века. С. 305–317; История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года; Козин С. А. Библиочественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года; Козин С. А. Библиочественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года; Козин С. А. Библиочественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года; Козин С. А. Библиочественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года; Козин С. А. Библиочественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года; Козин С. А. Библиочественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года; Козин С. А. Библиочественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года; Козин С. А. Библиочественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года; Козин С. А. Библиочественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года; Козин С. А. Библиочественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года;

История академического и университетского отечественного китаеведения XIX в. представлена яркими именами выдающихся ученых-синологов и их бесценным наследием, посвященным истории и культуре великого соседа России — Китая. Среди них особо выделим имена таких ученых, как Н. Я. Бичурин (1777–1853), П. И. Каменский (1765–1845), С. В. Липовцев (1770–1841), П. И. Кафаров (1817–1878) и В. П. Васильев (1818–1900). Все они в разные годы жили и учились в Казани, и их тернистый путь в науку о Китае был связан с Российской духовной миссией в Пекине, но целую эпоху в российском китаеведении XIX в. составили жизнь и наследие Бичурина, Кафарова и Васильева. Их судьбы тесно сплетены и в целом раскрывают величие и трагедию научного творчества и поиска первых российских ученых-китаеведов, заложивших основы классической синологии в России.

Истоки образовательной подготовки будущих монголоведов, синологов и буддологов в Казанском университете для научного путешествия в составе Пекинской духовной миссии связаны с интересными архивными материалами, касающимися биографий и наследия российских востоковедов.

В марте 1838 г. профессор китайского языка архимандрит Даниил, выделяя студентов, показывающих усердие и успехи в изучении китайского языка, писал: «Таковой воспитанник... мог бы быть способен и с пользою для себя, как и для отечественного употребления, совершенствовать себя и дальше в предметах восточных языков, находясь в числе студентов духовной миссии, скоро имеющей быть отправленной в Пекин» ¹¹¹.

Среди этих воспитанников, планируемых для включения в состав Пекинской духовной миссии, были: С. Рушко (выпускник восточного разряда университета 1841 г., преподаватель китайского языка в гимназии и университете в 1841–1845 гг.), В. Васильев (выпускник восточного разряда университета 1837 г., преподаватель китайского языка в Казанском университете в 1851–1855 гг. и преподаватель китайского и маньчжурского языков в Петербургском университете в 1855–1900 гг.) и М. Навроцкий (выпускник восточного разряда университета 1846 г., преподаватель арабского языка в Казанском университете в 1846–1855 гг. и Петербургском университете в 1855–1871 гг.).

Попечитель Казанского учебного округа М. Н. Мусин-Пушкин (1795—1862) просил оценить знания студентов, намереваясь впоследствии С. Рушко «отправить в Пекин для усовершенствования в языке китайском», В. Васильева для «усовершенствования в языке тибетском», а студента М. Навроцкого

графический обзор изданных и неизданных работ академика В.П. Васильева... С. 759—774; Ольденбург С. Ф. Памяти Василия Павловича Васильева. Читано в заседании Общего собрания Имп. АН 13 мая 1900. СПб, 1900; Ольденбург С. Ф. Памяти Василия Павловича Васильева и о его трудах по буддизму. 1818—1918: Речь, произнесенная в публ. заседании РАН // Известия Российской академии наук. Сер. VI. 1918. Т. 12. № 7. С. 531—548; Скачков П. Е. Очерки истории русского китаеведения; Тубянский М. И., Шербатской Ф. И., Ольденбург С. Ф. О рукописном наследии В. П. Васильева // Известия Академии наук СССР. Серия VI. 1926. 18. С. 1815—1818; Тубянский М. И. Предварительное сообщение о буддологическом наследии В. П. Васильева и В. В. Горского // Доклады Академии наук. Серия В. 1927. З. С. 59—64; Шамов Г. Ф. Роль востоковедов Казанского университета в изучении Монголии и Китая.

¹¹¹ ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 4814. Л. 10.

«для усовершенствования в языке монгольском, изучения языка маньчжурского» 112 .

Отправка студентов Казанского университета в Китай планировалась в составе духовной миссии, представлявшей на тот момент одну из немногих официальных возможностей посетить Срединную империю. С XVII в. миссия являлась единственным центром для подготовки в России знатоков китайского и маньчжурского языков. В задачи членов Пекинской духовной миссии входило изучение маньчжурского, китайского и монгольского языков, а также истории, культуры и религии народов Цинской империи.

В марте 1838 г. преподаватели китайского и монгольского языков, архимандрит Даниил и Осип Ковалевский, положительно оценили успехи упомянутых студентов и отметили, что отправление их на стажировку за границу «послужит единственным средством доставить им все возможные способы к приобретению основательных познаний в восточных языках». Выделяя перспективы изучения тибетского языка, ординарный профессор Осип Ковалевский, посещавший в 1831 г. Пекин в составе XI Пекинской духовной миссии, отмечал, что «в Китайской столице, сколько мне известно, находятся тысячи лам из природных тибетцев, а в том числе и таких, которые знают язык санскритский и разные индийские наречия» 113

В связи с предполагаемым открытием при Казанском университете кафедры тибетского языка было принято решение направить в Пекин в составе духовной миссии В. Васильева, выдержавшего испытания на степень магистра 114.

С отъездом В. Васильева из Казани 20 января 1840 г. в составе XII духовной миссии в научное путешествие в Китай открывалась новая страница в жизни молодого ученого, где, по его словам, родились «многие его мысли и взгляды». Уникальная образовательная и научная командировка В. П. Васильева в Пекин (с января 1840 г. по сентябрь 1850 г.), продолжавшая традиции научных путешествий в истории российского востоковедения и китаеведения XIX в., сыграла исключительную роль в его научной судьбе.

Научное путешествие В. П. Васильева — переломный этап в истории отечественной и европейской синологии XIX в. В истории Российской духовной миссии в Пекине (1715–1864) впервые к ней был специально прикомандирован выпускник российского университета и магистр восточной словесности. В Пекине он развил наблюдательность, память и удивительную способность к научной работе над оригинальными классическими текстами. Именно в этот период сформировались особенные черты характера его личности — скептицизм, упорство, настойчивость и твердость. Благодаря разносторонним знаниям по истории и культуре народов Китая в основном сформировался основательный научный фундамент.

По поручению Совета университета профессором О. М. Ковалевским в июне $1839~\rm r$. была составлена программа для студента Казанского университета, направляемого в Пекин 115 .

 $^{^{112}}$ ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 4814. Л. 1–3 об.

¹¹³ Там же. Л. 3 об.

¹¹⁴ Там же. Л. 14.

 $^{^{115}}$ ГА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 8453. Л. 6–10.

Написанное О. М. Ковалевским «Руководительное наставление» по основным направлениям занятий В. П. Васильева в Пекине стало оригинальной университетской образовательной и научной программой комплексной подготовки востоковеда-синолога, тибетолога, буддолога и маньчжуроведа. В нем наиболее полно осуществлены идеи и принципы О. М. Ковлаевского:

Университетское образование... не ограничиваясь одною теориею языков, руководствует своих питомцев к практическому их употреблению, а объясняя историю и литературу важнейших азиатских народов, открывает путь к дальнейшей разработке богатейших рудников восточной учености для пользы и славы нашего Отечества 116 .

В программе занятий основное внимание обращалось на изучение тибетского и санскритского языков, «истории Тибета, его литературы и древностей», на сбор сведений о Китае, Индии и Монголии, приобретение книг и рукописей и др. Будущий ординарный академик В. П. Васильев был назначен агентом-корреспондентом Академии наук, в его обязанности входило приобретение тибетских и монгольских книг, а также выполнение других академических научных поручений. В дополнение к наставлению университета и Академии наук попечитель распорядился, чтобы были даны дополнительные задания по сбору для Казанского университета редких предметов для обогащения зоологического музея, гербария и т. д. 117

В инструкции путешественнику, составленной О. М. Ковалевским, отмечалось, что Казанский университет, отправляя В. Васильева в Пекин при Российской духовной миссии сроком на десять лет, надеется со временем приобрести в его лице отличного преподавателя тибетского языка и глубокого исследователя географии, истории, религии и древностей народов, населяющих «восточную полосу Азии». Основательное изучение тибетского языка, а также его наречий, как подчеркивалось в инструкции, являлось первым и главнейшим занятием и основной целью будущего ученого. Для этих целей В. Васильеву предлагали обратить внимание на составление «лексикона» на основе тибетских сочинений разных периодов.

После изучения языка и составления учебных пособий основное внимание должно было быть уделено изучению истории Тибета, его литературы и древностей наравне с историей, литературой и древностями народов, имевших влияние на судьбу Тибета или находившихся с ним в контакте. Было отмечено, что «Индия, Китай, Монголия и другие страны должны необходимо войти в круг любознательности г. Васильева» 118

При изучении истории необходимо было «определить индийско-тибетскую и китайскую хронологию, равно как и географическое положение государств в разные периоды их жизни, не придерживаясь тех систем, придуманных некоторыми ориенталистами, оставив в стороне доводы и догадки ученых европейцев». В. Васильеву было поручено «стараться самому изыскивать истинное значение географических наименований», не обращая внимания на

¹¹⁶ Ковалевский О. М. О знакомстве европейцев с Азией. Речь, произнесенная в торжественном собрании Императорского Казанского университета, 8-й день августа 1837 г., ординарным профессором Осипом Ковалевским. Казань, 1837. С. 36.

¹¹⁷ ГА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 8453. Л. 5, 11–12.

¹¹⁸ Там же. Л. 7.

системы, придуманные «некоторыми ориенталистами». Предполагалось, что он, получивший в университете достаточные сведения о буддизме, ламской иерархии и философии буддизма, сумеет в Пекине «пополнить и совершенствовать приобретенные познания» ¹¹⁹.

Важным предметом наблюдений Васильева должна была стать экономика страны пребывания. «Земли и жители как основание силы государства... государственные постановления и управление; предметы народного хозяйства и народная образованность во всех отношениях», по мнению Ковалевского, должны занимать внимание г. Васильева. Китайский язык и литература не являлись главным занятием, однако считались важнейшим средством достижения цели 120.

В обязанности В. Васильева также входило приобретение для университетской библиотеки книг на санскритском, китайском, тибетском и монгольском языках. В качестве пожелания высказывались мысли о необходимости иметь собрание тибетских и монгольских летописей, «о которых Европа чрезвычайно мало имеет сведений». Он, как и предшествующие путешественники, обязан был вести подробный дневник о своих занятиях и наблюдениях как в пути, так и во время всего периода пребывания в Пекине. В дневнике предполагалось помещать ежедневные записи о происшествиях в китайской столице, постановления правительства «и все, что знаменует характер места и народа».

Присоединившись к Пекинской миссии в Казани, В. П. Васильев в январе 1840 г. начал свое путешествие в Китай.

Во время нахождения в пути и в Пекине Васильев вел обстоятельный дневник. Он отмечает, что в дневник были внесены больше официальные известия, почерпнутые из Пекинской газеты, нежели собственные впечатления и переживания.

Другим важным оригинальным источником об этой научной командировке являются его письма, направляемые М. Н. Мусину-Пушкину.

Например, он отмечал, что учителя тибетского языка из местных лам очень плохо владели языком и с трудом могли обучить ученика чему-либо новому. Прежде чем удалось найти подходящего наставника, В. Васильеву несколько месяцев пришлось заниматься самостоятельно ¹²¹.

«Краткий отчет во время десятилетнего пребывания в Пекине магистра Васильева», сохранившийся в Государственном архиве Республики Татарстан, помогает лучше понять предмет и цели его научных и учебных занятий. «Изучая историю и культуру восточных стран, — писал Васильев, — я никогда не почитал занятий собственно китайским языком делом для меня второстепенным» 122.

Важной частью отчета В. П. Васильева является информация о его письменных работах. Автор отмечает: «...отчет о моих письменных трудах покажется не совсем удовлетворительным», основное внимание он уделял сбору разнообразного материала для дальнейшей обработки по возвращении в Россию, а также поиску редких книг и общению с ламами. Архивные материалы свидетельствуют, что в Пекине В. Васильев составил письменные конспекты

 $^{^{119}}$ ГА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 8453. Л. 10.

¹²⁰ Там же.

¹²¹ Там же. Д. 2283. Л. 47–49.

¹²² Там же. Л. 60.

по следующим направлениям: тибетская грамматика, история буддизма в Индии, география Тибета, литература буддизма, географические карты и др. 123

Трудно переоценить значение десятилетия напряженной работы В. П. Васильева по сбору и изучению материалов по истории буддизма в Тибете и сопредельных с ним странах, настойчивых поисков и обработки данных китайских источников, раскрывающих сложные взаимосвязи китайской империи с соседними народами и племенами, скрупулезной работы над созданием исторических карт Китая со времен глубокой древности до позднего средневековья. Исследования Китая и стран Юго-Восточной Азии, начатые им во время пребывания в составе Духовной миссии, получили свое развитие в периоды научно-педагогической работы в Казанском (1851–1855) и Санкт-Петербургском университетах (1855–1900).

Значимым итогом научной командировки в Пекин явилось пополнение библиотеки Казанского университета китайскими, маньчжурскими, тибетскими, монгольскими книгами и рукописями. В 1850 г. В. П. Васильев привез собрание восточных фолиантов, состоящее из 2737 томов и 14447 тетрадей ¹²⁴. Собрания сочинений, прибывшие в Казань в пятидесяти одном ящике, охватывали все отрасли знаний: богословие, философию, правоведение, библиографию и филологию, историю и географию, изящную литературу в стихах и прозе, земледелие и промышленность, астрономию и медицину.

В 1850 г. В. П. Васильев представил в историко-филологический факультет университета подробный отчет о своей деятельности в Китае ¹²⁵. Он добросовестно выполнил все наказы ученых университета, добившись исследовательских результатов, неустанно работал над совершенствованием своих знаний в монгольском, тибетском, китайском и маньчжурском языках, собрал ценный материал по истории, литературе, этнографии, географии, философии и религиям Китая.

В 1883 г. в университетской актовой речи «Современное положение Азии — китайский прогресс» профессор В. П. Васильев отметил:

Китай имеет все данные, чтобы достигнуть самой высшей точки умственного, промышленного и вместе политического прогресса. Его принцип глубокого уважения к науке, стремление всего народа учиться с необыкновенным напряжением, не стесняясь количеством лет, показывает, что там может вырасти нация самая образованная в свете, что она может создать ученых, которые могут не только разрабатывать науку сообща с остальным миром, но даже не остановятся на общем уровне 126.

В 1845—1847 гг. на базе разряда китайской и монгольской словесности университета по запросу Академии наук (1843) готовился к занятию места адъюнкта академии «по части китайской литературы» студент Николай Зоммер, «отличающийся успехами в преподаваемых ему предметах и одаренный прекрасными способностями к продолжению с пользою занятий на ученом

¹²³ ГА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 2283. Л. 75–79.

 $^{^{124}}$ Фойгм К. К. Обозрение хода и успехов преподавания азиатских языков в Казанском университете за десятилетие с 1842 по 1852 год. С. 61.

¹²⁵ НА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 8453. Л. 59–88.

 $^{^{126}}$ Васильев В. П. Современное положение Азии — китайский прогресс. СПб., 1883. С. 22.

поприще» ¹²⁷. Архимандрит Даниил и О. М. Ковалевский подготовили «Инструкцию Казанского университета казеннокоштному студенту Зоммеру», которая была рассмотрена академиками Х. Д. Френом, Я. И. Шмидтом и М. И. Броссе. Окончательный текст инструкции, утвержденной 29 января 1845 г., с учетом замечаний академических востоковедов, был составлен О. М. Ковалевским. Инструкция представляла собой учебную и исследовательскую программу подготовки китаеведа, монголоведа, маньчжуроведа и япониста. После окончания университетского курса Н. Зоммер, обучаясь в течение одного года в университете, должен был «раздвинуть пределы своих знаний как в языке, так и в истории Китая».

В инструкции особо подчеркивалось:

Здесь предстоит ему важный труд познакомиться не токмо со всем, что знаменитые европейские синологи сделали уже для познания Китая, но и вникнуть самому в то, что сами Китайцы передали ученому свету о себе и о своих соседях, по части бытописания, географии, статистики и по другим отраслям образования в отношении к наукам и искусствам. Здесь никакое, мелочное даже, по-видимому, сведение не должно ускользнуть от внимания Зоммера. Все, что только имеет непосредственную или опосредованную связь с изучаемым предметом, необходимо должно быть им замечаемо и обсуживаемо с разных сторон. Потому наш молодой синолог обязан всякое сведение, почерпнутое из Китайских источников, неутомимо сличать с прежними розысканиями ориенталистов и, для изощрения собственной критической способности, направить ее к исследованию предметов, вовсе нам неизвестных или неточно и неправильно другими описанных, и таким образом приготовить себя к строгой ученой разработке богатых Азиатских литературных рудников 128.

В последующем Н. Зоммер должен был работать в библиотеках С.-Петербурга с «сокровищами китайской словесности», посвятить себя «назидательной беседе с членами бывшей Пекинской духовной миссии» и совершить научную командировку в Париж с целью установления связей с французскими синологами и работы с собраниями «китайских сочинений» ¹²⁹.

Сохранившиеся отчеты профессоров И. Войцеховского и О. Ковалевского и самого кандидата свидетельствуют об интенсивных занятиях Н. Зоммера историей китайской литературы и маньчжурской письменности, извлечениями сведений о географии и статистике «Китая и земель, соседних с ним» из китайских источников, исследованиями мифологии, современного законодательства, составлением «словаря китайской терминологии буддийской философии» и т. д. ¹³⁰ Предметом исследования будущего магистра китайскоманьчжурской словесности Н. Зоммера стала тема «Взгляд на успехи философии в Китае с древнейших времен до настоящего времени, на борьбу школ философских и на влияние их на жизнь Китая».

К сожалению, преждевременная смерть Н. И. Зоммера в сентябре 1847 г. не позволила реализоваться потенциалу этого талантливого отечественного китаеведа и маньчжуроведа, воспитанника российского университета.

¹²⁷ НА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 501. Л. 1–35.

¹²⁸ Там же. Л. 3 об.–4.

¹²⁹ Там же. Л. 5.

¹³⁰ Там же. Л. 15–18.

Становление санскритологии в Казанском университете относится к 30-50-м гг. XIX в. Преподавание санскрита, формирование фонда литературы и рукописей и исследование санскритских текстов в 1842–1856 гг. проводилось главным образом известными представителями отечественной и европейской санскритологии — П. Я. Петровым (1841–1851) и Ф. Ф. Боллензоном (1852– 1856). С их именами связано педагогическое и лингвистическое направления — постановка преподавания и изучения санскрита, подготовка и издание программ, каталогов и санскритских текстов и др. 131 Казанский университет стал в ряд крупных учебных центров после Дерптского и Петербургского университетов, где началось преподавание санскритского языка в России. Открытие первой отечественной кафедры санскритской словесности в 1842 г. в Казанском университете обозначило новый период в развитии санскритологических и индологических исследований в России в середине — второй половине XIX в. 132 В 50-х гг. XIX в. кафедры санскритского языка были открыты в Московском и Петербургском университетах, где традиции санскритологии, заложенные в Казанском университете, получили дальнейшее развитие.

Деятельность О. М. Ковалевского и В. П. Васильева в Казанском университете свидетельствует об их огромной роли в формировании лингвистического и буддологического направлений российской синологии, санскритологии и индологии.

Воспитанник О. М. Ковалевского, ученый и мыслитель В. П. Васильев активно критиковал европоцентрические подходы в оценке роли и наследия восточных государств и обществ — идеи неполноценности азиатских народов, умаления их культурного наследия, абсолютизации роли европейской цивилизации в мировой истории, невозможности возрождения народов Азии и Африки.

Известный востоковед Л. С. Васильев справедливо подчеркивает, что «именно с академика В. П. Васильева ведет свое начало подлинно научная, критическая, исследовательско-аналитическая традиция в русской синологии» ¹³³. Он сформулировал оригинальные идеи утопического реформизма и гуманизма — улучшения сельской общины в России, слияния народов в единое человеческое сообщество, пропаганды идеи добра и правды, о будущем

¹³¹ Петров П. Я. Программа для преподавания санскритского языка и литературы при Императорском Казанском университете // УЗКУ. 1842. Кн. 2. С. 77–95; *Он же*. О свойствах и составе санскритского языка // ЖМНП. 1842. Ч. 33; *Он же*. Гхата-карпарам, или Разбитый сосуд. Лирическая поэма. Казань, 1844; *Он же*. О духовной литературе индусов // ЖМНП. 1845. Ч. 48. № 11; *Он же*. Санскритская антология. Изд. исправ. должность адъюнкта П. Петрова. Казань, 1846; *Он же*. О музыке древних индусов // С.-Петербургские ведомости. 1849. № 18.

¹³² Об истории открытия кафедры санскритского языка в Казанском университете см.: РГИА. Ф. 733. Оп. 42. Д. 289. «Дело об учреждении в КУ кафедры Санскритского яз. и о назначении воспитанника Дерптского профессорского института кандидата П. Я. Петрова адъюнктом по этой кафедре. 13 ноября 1841 — 12 сентября 1842 г.» 10 л.; НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 5181. «О назначении кандидата Петрова преподавателем санскритского языка в Казанский университет. 8 сентября 1841 г.» 63 л.; Шамов Г. Ф. Санскритология в Казанском университете в первой половине XIX в. // Проблемы востоковедения. 1959. № 3. С. 117–122; Шофман А. С. Русский санскритолог П. Я. Петров // Очерки по истории русского востоковедения. Сб. 3. М., 1960. С. 126–146 и др.

 $^{^{133}}$ См.: *Васильев Л. С.* Корифей русского китаеведения // История и культура Китая (Сборник памяти академика В. П. Васильева). М., 1974. С. 18–19.

величии России, искренней и бескорыстной любви к России и т. д. На базе Восточного факультета Санкт-Петербургского университета в контексте общественно-политического и культурного развития российского государства формировалась отечественная школа классической синологии во главе с академиком В. П. Васильевым на протяжении второй половины XIX в.

В период жизни в Санкт-Петербурге В. П. Васильев совершил новые зарубежные командировки: в 1870 г. изучил китайские, маньчжурские и тибетские фонды библиотек Вены, Мюнхена, Лондона и Берлина и встречался с известными европейскими учеными-синологами (Дуглас, Фицмайер, Саммерсон, Шаттали); в 1881 г. принял участие в V Международном конгрессе ориенталистов в Берлине; в 1890 г. посетил западную периферию Китая — города Чугучак и Кульджа (Синьцзян), что позволило ему оценить международные, торгово-экономические и культурные события в Цинской империи.

Ученики и последователи патриарха российской синологии XIX в. особо подчеркивали трагизм судьбы ученого и учителя: многие его фундаментальные исследования не были напечатаны, были не востребованы обществом и государством его специальные синологические и буддологические работы на русском языке. Были отмечены также объективные и субъективные трудности в формировании и развитии научной школы Васильева, личный научноисследовательский разрыв с достижениями мировой синологии в последние годы жизни Васильева и другие его черты как ученого и человека ¹³⁴. В последние годы жизни Васильева отечественная комплексная синология начала дифференцироваться на ряд специальностей — историю, языкознание, философию, археологию, искусствоведение и др. Между тем он внес огромный вклад в научную дисциплину, которая представляла в конце XIX в. интегрированное знание об истории и культуре народов Китая и сопредельных государств и обществ. Отмечая новые веяния в науке и оценивая свой вклад, Васильев писал:

Время летит, и с ним направление моих занятий все более и более обращается в ту сторону, которая не подает мне надежды, что могу в скором времени заняться отделкой уже написанного; время летит и делает труды, которые могли казаться довольно свежими за несколько лет перед тем, запоздалыми и не соответствующими состоянию науки; изолированная деятельность ученого пропадает в безвестности... ¹³⁵

В казанском университетском востоковедении первой половины XIX в. шло становление индологии, прерванное закрытием разряда восточной словесности.

Судьба первых отечественных санскритологов Р. Ленца и П. Петрова в 30-х гг. XIX в. и в целом развитие новой научной дисциплины в университетах России были связаны с «посещением главнейших библиотек и назидательным знакомством с известнейшими знатоками санскритской литературы в чужих краях» — в Берлине, Париже, Лондоне ¹³⁶.

 $^{^{134}}$ См.: Алексеев В. М. Академик В. П. Васильев. Замечания по поводу научного творчества и наследия. С. 56–67.

¹³⁵ Ольденбург С. Ф. Памяти Василия Павловича Васильева...

¹³⁶ *Мсерианц Л.* К истории санскритологии в России. Неизданные материалы к биографии Роберта Ленца и проф. Павла Як. Петрова // Новый Восток. 1922. Кн. 1. С. 314.

В августе 1841 г. Министерство народного просвещения, в связи с отсутствием должностей преподавателей санскритского и персидского языков в Петербургском и Московском университетах для кандидата П. Петрова, в 1840 г. возвратившегося из двухгодичной командировки по Европе, обратилось к попечителю Казанского учебного округа с просьбой определить его «в Казанском университете преподавателем санскритского или персидского языков» ¹³⁷. В сентябре 1841 г. М. Н. Мусин-Пушкин дал согласие на назначение П. Петрова преподавателем санскритского языка, и 30 октября 1841 г. он был утвержден «исправляющим должность адъюнкта по кафедре санскритского языка» с содержанием из экономических сумм университета ¹³⁸. П. Я. Петров приехал в Казань в декабре 1841 г. Его лекции по санскриту для студентов монгольско-татарского и китайского разрядов университета начались с 13 января 1842 г. ¹³⁹

Уже 21 января 1842 г. П. Я. Петров, просмотрев «каталог санскритских сочинений», писал М. Н. Мусину-Пушкину:

Библиотека содержит в себе несколько очень любопытных и полезных книг по части санскритской словесности, относящихся и к изучению самого языка, и к произведениям изящным. В отношении к первым замечательны особенно: Грамматики Уилькинса и Боппа и словарь Уильсона — пособия, каких лучше нельзя желать ни в каком учебном заведении. Из последних заслуживают внимания: Рагуванса, Хитопадэша, Упанишады, Ригвэда и многие другие. Собрание нельзя назвать богатым, но выбор вообще прекрасен. Есть даже несколько сочинений и для диалектов индусских...

В октябре 1842 г. П. Я. Петров составил «Программу для преподавания санскритского языка в Первой Казанской гимназии» в связи с планируемым введением обучения воспитанников санскриту. Преподавание планировалось начать с шестого или седьмого класса гимназии. П. Я. Петров намеревался воспитанников «познакомить... с письменами и каллиграфиею; потом... изложить систему склонений и спряжений, именно столько, сколько это нужно для того, чтобы приступить к переводу, который, при постоянном разборе слов, будет некоторым образом практическим повторением правил грамматических» ¹⁴¹. Им было обращено внимание на отсутствие учебных пособий и санскритских текстов. Однако в ноябре 1842 г. введение обучения учащихся гимназии санскритскому языку не было разрешено министром просвещения С. Уваровым.

Известная в истории отечественной ориенталистики «Программа для преподавания санскритского языка и литературы» (1842) П. Я. Петрова была ориентирована на подготовку специалиста в области древнеиндийского языка и литературы на основе традиций европейской санскритологии. В программе было обращено внимание на курсы по этимологии, диалектам, фонетике, каллиграфии санскрита, древнеиндийской литературе, истории народов Индии, индийской философии, буддизму и т. д. 142

 $^{^{137}}$ ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 5181. Л. 1–1 об.

¹³⁸ Там же. Л. 4.

¹³⁹ Там же. Л. 9.

¹⁴⁰ Там же. Л. 10.

¹⁴¹ Там же. Л. 43–43 об.

¹⁴² История отечественного востоковедения до середины XIX века. С. 338–339.

С первых дней педагогической деятельности в университете П. Я. Петров начал комплектовать в библиотеке сочинения «по части санскритской литературы», тем самым продолжая работу О. М. Ковалевского, начатую в середине 30-х гг. XIX в. В начале 1842 г. адъюнкт П. Петров составляет «Список сочинений по части санскритской литературы, назначаемых к выписке для библиотеки Императорского Казанского университета», включающий «Санскритскую антологию» (1838), произведения выдающегося индийского поэта и драматурга V в. Калидасы, некоторые части эпоса «Махабхараты» и другие древнеиндийские литературные тексты ¹⁴³. В 1843 — 1844 гг. санскритская литература и тексты, изданные европейскими санскритологами, поступили в библиотеку университета ¹⁴⁴.

В 1842 г. для научной работы П. Я. Петрова в университет были направлены из Азиатского музея несколько санскритских рукописей и текстов, изданных в Европе и Индии 145 . Как известно, до приезда в Казанский университет П. Я. Петров работал в Азиатском музее с санскритскими рукописями и с восточными фондами библиотеки Московского университета 146 .

В феврале 1842 г. министр народного просвещения разрешил напечатать в типографии университета дипломную работу П. Я. Петрова — санскритский текст и перевод «Ситахаранамы» («Похищение Ситы»), подготовленный им еще в 1837 г. ¹⁴⁷ С приобретением для университета в 1843 г. санскритского шрифта деванагри из Берлина появилась возможность печатания научных текстов и работ казанских санскритологов в университете. В 1844 г. П. Я. Петров опубликовал санскритский текст с предисловием и грамматическим разбором лирической поэмы «Гхата-Карпарам» («Разбитый сосуд») ¹⁴⁸.

В казанский период научно-педагогической деятельности П. Я. Петров подготовил и издал в 1846 г. первую в истории российской санскритологии и индологии «Санскритскую антологию» 149 . В марте 1845 г. П. Я. Петров писал историку и адъюнкту АН А. А. Кунику (1814—1899):

Печатание моей антологии идет очень медленно, и я не надеюсь скоро его окончить. Если же Вам угодно будет сделать какие—нибудь замечания касательно плана, то будьте уверены, что я приму их с величайшею благодарностью. Впрочем, я сам уже несколько изменил его, потому что не вижу причины увеличивать объем своей книги, перепечатывая тексты, уже изданные в Германии. Словарь стоит мне чрезвычайных усилий, однако ж я надеюсь приготовить его к концу года 150 .

 $^{^{143}}$ ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 5181. Л. 10–10 об., 20–20 об.

¹⁴⁴ Там же. Л. 48–52.

¹⁴⁵ Там же. Л. 34–41.

¹⁴⁶ Петров П. Я. Прибавление к каталогу санскритских рукописей, находящихся в Азиатском музее в С.-Петербургской академии наук // ЖМНП. 1836. Т. XII. С. 194–198; Он же. Обозрение арабских, персидских и турецких рукописей, находящихся в библиотеке Императорского Московского университета // ЖМНП. 1837. Т. XIII. С. 549–555.

 $^{^{147}}$ ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 5181. Л. 17; История отечественного востоковедения до середины XIX века. С. 336.

 $^{^{148}}$ Петров П. Я. Гхата-карпарам, или Разбитый сосуд.

¹⁴⁹ Петров П. Я. Санскритская антология.

¹⁵⁰ СПБФ А РАН. Ф. 95. Оп. 2. Д. 683. Л. 1.

В Казани пионером отечественной санскритологии были опубликованы и оригинальные статьи, посвященные истории и культуре Индии 151 .

Между тем все эти годы П. Я. Петров оставался только исправляющим должность адъюнкта санскритской словесности. Эпистолярное наследие П. Я. Петрова, относящееся к казанскому периоду, подтверждает, что он тяготился своим положением. П. Я. Петров жаловался в письмах на бесконечные препятствия и плохое здоровье, писал о трудностях и хлопотах, трудах и издержках 152 .

В июне 1851 г. декан историко-филологического факультета К. Фойгт в своем донесении попечителю Казанского учебного округа ходатайствовал о назначении П. Я. Петрова исправляющим должность экстраординарного профессора кафедры санскритской словесности. Оценивая деятельность П. Я. Петрова, декан факультета писал:

Назначение русского санскритолога превосходно отвечало [бы] частной и общей цели историко-филологического факультета; выбор был тем удачнее, что г. Петров сверх того соединял в себе основательное знание многих других восточных языков и главнейших европейских, и этот обширный запас сведений был довершен истинно редким трудолюбием 153.

Данная характеристика — объективное свидетельство образа первого университетского санскритолога и индолога в России.

В апреле 1850 г. П. Я. Петров подает управляющему Казанским учебным округом Н. И. Лобачевскому прошение с просьбой ходатайствовать перед Министерством народного просвещения об увольнении в связи «с телесными и душевными страданьями» 154.

Историк науки А. С. Шофман, оценивая роль востоковеда П. Я. Петрова, писал:

Преподавательская деятельность Петрова продолжалась 34 года и принадлежала двум русским университетам: Казанскому и Московскому. Талантливый востоковед был одним из пионеров в области внедрения санскрита в университетском преподавании. Он указал пути изучения санскрита, которым следовали затем Кассович в Петербурге, Боллензен в Казани, В. И. Шерцль в Харькове 155.

В январе 1852 г. П. Я. Петров был переведен адъюнктом кафедры восточных языков Московского университета 156 . С февраля 1852 г. ординарным профессором на кафедру санскритского языка университета был назначен выпускник университета в Геттингене Ф. Ф. Боллензен 157 .

Во второй половине XIX в. — начале XX в. научная традиция изучения санскритского языка в Казанском университете была сохранена.

¹⁵¹ *Петров П. Я.* О священной литературе народов Загангесской Индии // ЖМНП. 1841. Ч. 31. № 7; *Он же.* О свойствах и составе санскритского языка; *Он же.* О духовной литературе индусов; *Он же.* О музыке древних индусов.

¹⁵² СПБФ А РАН. Ф. 95. Оп. 2. Д. 683. Л. 1 об., 3, 5–6.

 $^{^{153}}$ ГА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 644. Л. 6 об.

¹⁵⁴ ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 5181. Л. 60.

¹⁵⁵ Шофман А. С. Русский санскритолог П. Я. Петров. С. 146.

¹⁵⁶ ГА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 644. Л. 1.

 $^{^{157}}$ Там же. Д. 676. Л. 1–2.

В июне 1853 г. ординарный профессор В. Григорович предложил «ввести в круг наук историко-филологического факультета преподавание санскритского» языка ¹⁵⁸. Он писал:

Обратив внимание ученых на усиливающуюся связь исторического исследования языков с сравнительным, осмеливаюсь предложить мнение свое о возможном поощрении филологических наблюдений. Историко-филологический факультет, усиливая постепенно познание языков, тем самым внушает потребность следовать за успехами теории их, основанной на методе сравнительной грамматики индоевропейских языков. Изучение ея, кажется мне, будет облегчено, если его сопровождать будет ознакомление с главным языком индоевропейского круга» ¹⁵⁹.

В переломные 1854—1855 гг. в истории востоковедения в Казанском университете обсуждался вопрос о сохранении кафедры санскритского языка с ординарным профессором Ф. Ф. Боллензоном, присоединив ее к разряду общей словесности историко-филологического факультета университета ¹⁶⁰. Ф. Боллензоном были представлены «Программы преподавания санскритского языка в историко-филологическом факультете». Преподавание санскрита он планировал начать со второго курса словесного разряда. Ученый в декабре 1854 г. писал:

Я полагаю первоначально занимать студентов элементарным учением, чтобы сколь возможно скорее приступить к разбору короткого и простого текста и познакомить слушателей с синтаксическим значением форм. В 3-м курсе начинается собственно преподавание сравнительной Грамматики санскритского языка при разборе одного из древних сказаний. Наконец в 4-м будут преподаваться теория корней, словопроизводство, разбор некоторых важных гимнов Ригвелы... ¹⁶¹

В мае 1856 г. в Министерство народного просвещения было направлено представление попечителя Казанского учебного округа об оставлении кафедры санскритского языка с присоединением ее «к предметам историко-филологического факультета и с включением ея в число штатных кафедр» университета. В ответе министерства было указано, что кафедра санскритского языка была учреждена «собственно для полного развития изучения Восточных языков, то, за упразднением в сем Университете отделения таковых языков, Его Высокопревосходительство не считает себя вправе дать разрешение на оставление означенной кафедры при Университете...» ¹⁶². В связи с этим профессору Ф. Ф. Боллензону планировалось другое назначение или увольнение от службы.

В дальнейшем направление преподавания санскрита прослеживается в педагогической и научной деятельности представителей Казанской лингвистической школы Бодуэна де Куртенэ, Крушевского, Богородицкого и др. Например, в одном из писем Ламанскому Бодуэн де Куртенэ от 19 октября 1875 г. писал: «Буду читать 1) введение в языковедение — 1 час в неделю, 2) сравнительную грамматику санскритского (древнеиндийского), литовского

¹⁵⁸ ГА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 702. Л. 2.

¹⁵⁹ Там же. Л. 2.

 $^{^{160}}$ ГА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 726. Л. 64; НА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 750. Л. 1.

¹⁶¹ Там же. Л. 65–65 об.

¹⁶² Там же. Д. 750. Л. 3–3 об.

и славянского языков — 2 часа в неделю» ¹⁶³. Они читали курсы сравнительной грамматики и санскрита по отделам классической филологии и славянорусской филологии на историко-филологическом факультете университета. В этот период изучение санскрита было подчинено и стало подсобной дисциплиной общего языкознания и сравнительной филологии в Казанском университете ¹⁶⁴.

§ 3. Вузовское китаеведение за рубежом: XVIII в. — вторая половина XIX в.*

XVIII–XIX столетия характеризовались усилением внимания европейцев к Азиатскому Востоку, к восточным языкам, что было вызвано развитием политических, религиозных, торговых и иных контактов Европы и Америки со странами Востока, с нахождением там колониальных владений. Эти обстоятельства потребовали кадрового обеспечения, то есть специалистов, владевших восточными языками, китайским в том числе; нужны были европейцы, знающие Китай.

Возраст зарубежных вузов, в которых велось преподавание китайского языка в интересующее нас время, был различен: некоторые из них возникли в XI–XV вв., другие — в XVI–XVII вв., пять вузов появились в XVIII в, а двенадцать — в XIX в. По нашим подсчетам, в начале XIX столетия китайский язык изучался в 23 учебных заведениях Европы и Америки: во Франции курсы китайского языка действовали в пяти вузах, в Англии — также в пяти университетах, в Соединенных Штатах Америки — в четырех университетах; по два учебных заведения вели преподавание китайского языка в Германии, Австро-Венгрии, Италии и Бельгии, наконец, в Голландии — в одном университете.

Подчеркнем важную, на наш взгляд, деталь: от времени создания учебного заведения до учреждения в нем специальной кафедры китайского языка проходил немалый срок. Так, Французская коллегия появилась в 1530 г., а кафедра — через 314 лет, то есть в 1844 г. Одна из первых кафедр рассматриваемого нами профиля была создана в 1836 г. в университетском колледже Лондонского университета — через десять лет после создания самого колледжа ¹⁶⁵. В Королевском колледже кафедру китайского языка создали в 1846 г., сам же колледж появился в 1833 г., т. е. с интервалом в тринадцать лет. Организацию китайской кафедры в Специальной школе живых восточных языков от возникновения самой школы разделяют 46 лет (1841 г. и 1795 г. соответственно). Открытие кафедр способствовало выработке более четкого, определенного направления преподавания (теоретического или практического), привлечению в число преподавателей квалифицированных специалистов и созданию соответствующего целям и задачам школы ученического коллектива.

В Европе сложилось несколько школ китаеведения. Старейшей из них являлась французская. Франция первой в Европе организовала изучение вос-

 $^{^{163}}$ СПБФ А РАН. Ф. 35. Оп. 1. Д. 240. Л. 13.

 $^{^{164}}$ ГА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 1370. Л. 4, ГА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 1642. Л. 1–5.

^{* ©} Лю Лицю, О. П. Еланцева .

¹⁶⁵ См.: Обзор современной постановки изучения восточных языков за границей. С. 5.

точных языков. В 1530 г. здесь учредили Французскую коллегию, где с самого начала стали преподавать арабский, сирийский, еврейский языки. Впоследствии, с увеличением числа научных дисциплин по востоковедению, в программу включили китайский язык и китайскую литературу.

Профессора китайской словесности при Французской коллегии пользовались полной свободой, не ограничиваясь никакими программами учебной и научной деятельности. В обязанности профессора входило проведение двух лекций в неделю, а в год — 80 лекций ¹⁶⁶, во время которых читались китайские тексты, сопровождавшиеся филологическими и историческими объяснениями, анализом иероглифов. Эти занятия были бесплатными, и их посещали все желающие, — как правило, студенты других вузов; никаких зачетов и экзаменов не предполагалось, как не предполагалась и выдача дипломов. Вот почему неизвестно хотя бы приблизительное число студентов, изучавших китайский язык.

Однако почти столетнее существование данной китайской кафедры и наличие постоянных слушателей свидетельствовало о хорошей системе преподавания. Нельзя не учитывать того, что разные учебные заведения Парижа как бы дополняли друг друга. Один и тот же студент мог слушать, например, разговорный и официальный стиль китайского языка — в одном заведении, исторические тексты — в другом, а историю религий Древнего Востока — в третьем. Таким образом, изучение Китая в Париже «не было ни односторонним, ни случайным, ни отрывочным» ¹⁶⁷, как это казалось на первый взгляд.

Католический институт в Париже был основан вскоре после издания закона 12-го июля 1875 г., которым разрешалось открытие вольных, негосударственных университетов, и назывался он тогда «Католическим Парижским университетом». После закона 18-го марта 1880 г., по которому у вольных высших учебных заведений отнималось право называться университетом и право экзаменов на степени, он стал называться католическим институтом, состоящим из богословского и юридического факультетов и вольной высшей школы гуманитарных и точных наук. Китайский язык и литературу в этом вузе преподавал Антонини. Занятия носили практический характер. Их посещало ограниченное число слушателей ¹⁶⁸.

Несомненный интерес в контексте нашей темы представляет Французская школа Дальнего Востока в г. Ханое, учрежденная чуть раньше, чем Восточный институт во Владивостоке, — приказом генерал-губернатора Индокитая 15 декабря 1898 г. и последовавшим затем декретом Президента Республики 26 февраля 1901 г. Круг обязанностей школы включал, во-первых, производство археологических и филологических изысканий на Индокитайском полуострове и принятие всех мер к изучению истории этого полуострова, его памятников и языков; во-вторых, содействие научному изучению соседних стран (Индии, Китая, Японии, Малайских островов) и их цивилизации; в-третьих, заботу о сохранении исторических памятников Индокитая. Школа преследовала не только чисто научные цели, но и практические — преподавание современных языков, письменности и литературы народов Дальнего Востока.

 $^{^{166}}$ См.: Обзор современной постановки изучения восточных языков за границей. С. 117.

¹⁶⁷ Шмидт П. П. Изучение Китая за границей. Владивосток, 1909. С. 10.

 $^{^{168}}$ См.: Ольденбург С. Очерки преподавания восточных языков во Франции, Англии и Германии // ЖМНП. 1894. Ч. 6. С. 272.

Школа подчинялась генерал-губернатору Индокитая и имела научный контроль со стороны Академии наук Франции.

Преподавание китайского языка в другом учебном заведении Франции — Лионском университете объяснялось торговыми связями, которые имел город Лион с Китаем. Неслучайно на организацию данного курса китайского языка отпускались средства Лионской торговой палатой. Лица, изучавшие здесь практический китайский язык, могли получать особый диплом.

В целом французская школа китаеведения не полагалась исключительно на практику и не увлекалась научными изысканиями в области лингвистики. По оценке П. П. Шмидта, французские синологи обратили «свое главное внимание на разные отрасли китайской литературы. Знание языка для них не сама цель, как лингвистика, а только средство для изучения разных вопросов по истории, философии и литературе» 169 .

Еще одну группу учебных заведений в Европе, где изучался Китай и китайский язык, составляли учебные заведения Англии. Первое место по широте постановки преподавания восточных языков занимал Лондонский университет. В нем восточные языки велись в двух колледжах: UniversityCollege и KingsCollege.

В Королевском колледже (KingsCollege) имелись две кафедры китайской словесности. Одну из них занимал известный синолог профессор Р. К. Даглас. Слушателей у него было очень мало; среди них подавляющее большинство — те, кто изучал китайский язык исключительно для практических целей. Таким же практическим задачам служил изданный Р. К. Дагласом учебник китайской разговорной речи ¹⁷⁰.

Другой профессор китайской словесности в Англии — У. Хильер. В свое время он служил драгоманом при британском посольстве в Пекине, прибрел ценные знания в области китайского языка и в целом Китая. Учебные занятия под его руководством состояли в изучении, во-первых, произведений китайских классиков, а во-вторых, китайского официального и разговорного языка. Профессор-европеец работал вместе с лектором-китайцем, уроженцем Пекина. Количество еженедельных аудиторных занятий составляло 12,5 час. Изучение китайского языка носило скорее практический, чем академический характер и готовило учащихся к коммерческой деятельности и правительственной службе на Востоке.

В Оксфордском университете преподавание китайского языка осуществлялось профессором Джеймсом Леггом — знаменитым специалистом китайских классиков. Он пользовался известностью ученого и талантливого преподавателя. Европейские синологи отзывались о нем с большим уважением. Преемником его являлся профессор китайской словесности Т. Л. Баллок, который читал только краткие курсы китайского языка чисто практической направленности для молодых людей, которые планировали служебную деятельность в английских колониях на Востоке ¹⁷². Занятия по китайскому языку проходили дважды в неделю в течение шести недель в каждом из трех учебных семестров. В действительности профессор тратил на это больше времени, занимаясь или с каждым студентом в отдельности, или с небольшими группа-

 $^{^{169}}$ Шмидт П. П. Изучение Китая за границей. Владивосток, 1909. С. 9.

 $^{^{170}}$ См.: Шмидт П. Π . Изучение Китая за границей. С. 1.

¹⁷¹ См.: Обзор современной постановки изучения восточных языков за границей. С. 8.

 $^{^{172}}$ См.: Шмидт Π . Π . Изучение Китая за границей. С. 2.

ми студентов в том случае, если несколько человек избирали для изучения один и тот же специальный вопрос или их знания стояли приблизительно на одном уровне. При этом каждому студенту или каждой группе профессор уделял от двух до четырех часов в неделю 173

В Кембриджском университете китайский язык преподавал известный синолог профессор Герберт Аллен Джайлс, автор многочисленных трудов по китаеведению. В качестве учебника профессор Г. А. Джайлс издал тексты «Сань-цзы-цзина» 174 с очень подробными грамматическими, лингвистическими и историческими объяснениями 175. Но так как цель китайской кафедры в Кембридже была такая же, как в Лондоне и Оксфорде, то и этот синолог не мог вполне применять своих широких знаний в преподавании.

В Манчестерском и Ливерпульском университетах курс китайского языка был закреплен за синологом Э. Х. Паркером, известным своим всесторонним изучением Китая, активно занимавшимся исследованием фонетических особенностей китайского языка.

Российский китаевед В. М. Алексеев в «Заметках об изучении Китая в Англии, Франции и Германии» 176 отмечал, что изучение китайского языка и китаеведения в Лондоне осуществлялось при помощи живописи, богатых ресурсов библиотеки Британского музея — нумизматических коллекций, фондов картографических материалов и периодических изданий Китая. При этом профессора давали лишь элементарные, исключительно практические сведения своим крайне немногочисленным слушателям. Важную роль в изучении китайского языка и китайской литературы в Англии играли китайские отделы университетских библиотек.

Российский синолог П. П. Шмидт также подчеркивал, что преподавание китайского языка в вузах Англии преследовало исключительно практические цели в самых ограниченных объемах программ. К глубокому изучению китайского языка приступали только те, кто заботился о дипломатической карьере и готовился к поездке в Китай. «При таких требованиях со стороны правительства, университетов и даже слушателей, — замечал П. П. Шмидт, нельзя было ожидать от профессоров китайской словесности обширной и основательной учебной программы, даже в том случае, если она приспосабливалась только к практическим целям» ¹⁷⁷.

В начале XX в. британское китаеведение переживало кризис. Исследование его состояния и выработка конкретных предложений по выходу из кризиса способствовали открытию в 1917 г. в Лондонском университете специального востоковедческого факультета 178

Если в Англии преобладало изучение Китая и китайского языка с практической целью, то в Германии, наоборот, данное направление носило научный характер. В Германии изучение восточных языков началось еще в середине

¹⁷³ См.: Обзор современной постановки изучения восточных языков за границей. С. 10.

См. Обзор современной постанован из даны в это и образования Древнего Китая, имеющее более чем семисотлетнюю историю. Оно являлось ценным культурным достоянием китайской нации.

См.: Шмидт П. П. Изучение Китая за границей. С. 2.

¹⁷⁶ См.: Алексеев В. М. Заметки об изучении Китая в Англии, Франции и Германии. С. 101–139. 177 Шмидт Π . Π . Изучение Китая за границей. С. 3.

¹⁷⁸ См.: Китаеведение Англии. М., 1977. С. 8.

XVIII в. Оно носило подчиненный характер по отношению к знакомству с работами по медицине, философии, математике, астрономии и др. В первой половине XIX в. преподавание восточных языков перешло в статус самостоятельных лисшиплин.

Тем не менее в XIX в. в Берлинском университете организовали кафедру восточноазиатских языков во главе с В. Шоттом, знатоком китайского языка. Не менее известным специалистом китайского языка в Лейпцигском, а затем в Берлинском университетах считался профессор Габеленц. Он высказывал свои основополагающие убеждения, выработанные практикой: во-первых, европейцы должны приступать к изучению китайского языка с его классической формы, более или менее освоиться с ней, а затем переходить к разговорной форме; во-вторых, так как «знание языка вообще зависит от понимания грамматического строя речи» ¹⁷⁹, следовательно, грамматике китайского языка должно отводиться важнейшее место.

К той же грамматической школе принадлежали и другие немецкие синологи: профессор Гирт, изучавший историю китайской культуры, грамматику и фонетику китайского языка; А. Конради, специалист по фонетике китайского языка и истории китайской культуры; профессор В. Грубе, выпускник факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета, известный своими трудами по истории китайской литературы и по этнографии. По китайской словесности он читал еженедельно по две лекции, причем выбирал разные тексты из китайских произведений и подробно анализировал их грамматическую составляющую. Иными словами, в методике изучения китайского языка он опирался на опыт, приобретенный в российском вузе. Приват-доцент О. Франке, имевший опыт работы драгоманом при германском посольстве в Пекине, занимался преимущественно изучением истории и законодательства Китая. Итак, рассмотренная нами кафедра Берлинского университета делала упор на научное изучение китайского языка и Китая.

В 1887 г. при этом же университете в качестве автономного учреждения был открыт Семинарий восточных языков. В его задачи входило сочетание теоретического изучения восточных языков с практическими упражнениями, что должно было помочь молодым людям, готовящимся к службе драгоманами ¹⁸⁰.

Предполагалось, что учащиеся в семинарии получат знание грамматики и запас слов, необходимый для письменных и устных контактов; сформируют умение разговаривать и писать на восточном языке, знать наиболее распространенные типы официальных и неофициальных документов.

Учебный план Семинария менялся. Если на начальном этапе преподавались семь языков (китайский, японский, турецкий, персидский, арабский и др.), то в последующем в программу преподавания включили общие курсы по географии, религии, этнографии, статистике, истории, что давало возможность слушателям всесторонне познакомиться с изучаемыми народами и государствами. Важным было и другое новшество — введение курсов английского, русского, французского и других европейских языков. Оно позволяло активно включаться в профессиональное взаимодействие с европейскими специалистами.

Китайский язык вел профессор или доцент и лектор из иностранцев. Такая система преподавания была установлена при самом учреждении Семина-

 $^{^{179}}$ Шмидт П. П. Изучение Китая за границей. С. 5.

¹⁸⁰ РГИА ДВ. Ф. 226. Оп. 1. Д. 431. Л. 179 об.

рия, когда было принято за правило приглашать по два преподавателя — одного для теоретического преподавания языка, другого для ведения практических занятий. Первый выбирался из немцев, долгое время проживших на Востоке и там основательно изучивших китайский язык; второй приглашался в качестве ассистента (лектора) из туземцев. Лекторы приезжали на определенный срок, используя рекомендации германских дипломатических и консульских представителей 181

Занятия профессора носили характер бесед со слушателями; лекционная система преподавания не применялась. Лектор ограничивался исключительно практическими упражнениями по разговорной речи и отчасти по каллиграфии, эти занятия велись под непосредственным руководством профессора. Работа лектора должна была согласовываться с теоретическими объяснениями, даваемыми профессором.

Аудиторные встречи по главнейшим восточным языкам происходили не более пяти раз в неделю, причем теоретические — по одному часу каждый раз, а практические — по полтора часа 182 . Как правило, большинство лекций проходило утром, с восьми до десяти часов, и вечером, с четырех до пяти часов, чтобы дать возможность студентам Берлинского университета, записавшимся в Семинарий, слушать также лекции на университетских факультетах. Профессора читали обыкновенно по утрам, а лекторы — по вечерам. Чтобы сделать занятия каждого студента более результативными, в состав учебной группы включали не больше двенадцати человек (позднее это число было снижено до шести-семи человек). Безусловный интерес представляет деятельность Семинария с точки зрения состава слушателей, представленного в таблице.

Таблица 1 Общее число слушателей восточных языков Семинария (1887–1892)

Состав	Китайский язык	Японский язык	Арабский язык	Персидский язык	Турецкий язык	Индустани	Суахили	Итого
Слушатели юридического факультета	124	66	127	13	83	18	58	489
Слушатели философ-ского факультета	16	24	48	8	16	7	11	130
Частные лица, в том числе коммерсанты	46	31	36	4	27	4	24	172
Другие	16	6	11	2	9	2	16	62
Bcero	202	127	222	27	135	31	109	853

Таблица составлена авторами по: Обзор современной постановки изучения восточных языков за границей. СПб., 1911. С. 148.

¹⁸¹ См.: Обзор современной постановки изучения восточных языков за границей. С. 143. ¹⁸² РГИА ДВ. Ф. 226. Оп. 1. Д. 431. Л. 179, 179 об.

Итак, в анализируемый пятилетний отрезок времени в Семинарии из общего количества слушателей (853 чел.) на изучающих китайский язык приходилось 202 чел., или менее одной четверти. Нельзя не видеть, что число слушателей китайского языка отставало лишь от числа слушателей арабского языка, но опережало число слушателей японского, турецкого, персидского и других языков. Данные цифры позволяют сделать вывод о значительной популярности китайского языка. Самой большой была группа слушателей юридического факультета — 124 чел.; частные лица, в том числе коммерсанты, составляли почти в три раза меньше; слушатели философского факультета всего 16 чел.

В Соединенных Штатах Америки преподавание восточных языков было сосредоточено в университетах; специальных востоковедческих учебных заведений не было; здесь практика имела примеры, подтверждающие стремление совместить в одном учебном заведении и получение ориентального образования, и непосредственную подготовку к государственной службе и торгово-промышленной деятельности 183, причем языкам Дальнего Востока, в особенности живым восточным языкам, отводилось сравнительно мало места

В Йельском университете на отделении семитических языков и библейской литературы читался элементарный курс китайского языка, письменного и разговорного (пекинское наречие). Преподавание вели европейский профессор и лектор-китаец. От слушателей требовалось знание 300 наиболее употребляемых иероглифов, отдельно читался курс религии Китая (даосизм и конфуцианство) и китайской классической литературы. Он предназначался для лиц, прошедших элементарный курс, или для лиц, желавших специально заняться изучением текстов китайской классической литературы и ознакомиться с учением Конфуция

В Колумбийском университете действовали курсы китайского языка двоякого рода. Первые были адресованы студентам и включали элементарные основы письменного китайского языка (три часа в неделю), разговорный мандаринский язык (два часа в неделю); такое же количество времени отводилось на язык, литературу, государственное устройство, искусство и социальную жизнь Китая; на историю Китая — один час в неделю. Дисциплины «История Китая» и «Язык, литература, государственное устройство, искусство и социальная жизнь Китая» привлекали преимущественно студентов, не имевших в виду получения специальных занятий в области китаеведения ¹⁸⁶.

Вторые курсы были предназначены для выпускников. Их содержание включало разбор и перевод простых коммерческих документов (два часа в неделю), разбор и перевод избранных легких литературных текстов (также два часа в неделю), ознакомление с источниками для изучения китайской литературы (один час в неделю).

Определенный опыт изучения Китая, преподавания китайского языка накопила Италия. Здесь, в Неаполе, в 1727 г. возникла Китайская коллегия, преобразованная позже в Восточный институт. Она должна была служить целям католической пропаганды и одновременно способствовать расширению сфе-

¹⁸³ РГИА ДВ. Ф. 226. Оп. 1. Д. 431. Л. 180.

Обзор современной постановки изучения восточных языков за границей. С. 215. 185 Там же. С. 219–220.

¹⁸⁶ Там же. С. 221.

ры коммерческих и политических интересов Неаполитанского королевства. Китайская коллегия вошла в тесные отношения с Остендской компанией, предполагая установить прямое сообщение с Южной Азией, Китаем и вообще Дальним Востоком в целях конкуренции со знаменитой Ост-Индской компанией. При этом Остендская компания обязалась ежегодно бесплатно перевозить в Китай и Южную Азию 12 учеников и столько же отвозить обратно в Европу. Школа была разделена на 2 отделения: одно для учеников из китайцев и индийцев (впоследствии стали приниматься представители других национальностей), которые выбрали для себя духовную и, в частности, миссионерскую деятельность; другое — для представителей белого духовенства из разных стран Европы, стремившегося изучить язык и нравы народов Китая и Ост-Индии.

Эта школа долгое время оставалась единственным в Европе учебным заведением для практического изучения восточных языков и вообще Востока. В 1878 г. ее преобразовали в Королевскую Азиатскую коллегию, получившую через 10 лет автономное устройство. Главная задача коллегии состояла в практическом преподавании живых языков азиатских и африканских народов ¹⁸⁷.

Итак, китайский язык в XIX в. за границей преподавался только в высших учебных заведениях. В зарубежных институтах, университетах, школах не существовало какой-то общей, всеми специалистами принятой программы изучения китайского языка. Профессора не были жестко ограничены программами и инструкциями. Они по своему усмотрению выбирали для занятий китайские тексты — от классических китайских произведений до газетных материалов и просто разговорных фраз.

При наличии в китайском языке огромнейшего разнообразия диалектов зарубежная синология предпочитала опираться на изучение либо пекинского наречия, либо южно-мандаринского (нанкинского).

В системе преподавания китайского языка важнейшее место занимал вопрос, с чего начинать учебный процесс? Часть зарубежных китаеведов начинали ведение занятий с разговорной речи, другие — с литературного языка; кто-то предпочитал чтение основательных курсов грамматики китайского языка, а кто-то относился к ней отрицательно. По оценке П. П. Шмидта, комбинированная научно-практическая постановка дела давала самые лучшие практические результаты 188 , но такой подход использовался очень редко.

Опыт зарубежных синологов отличался и в вопросе, должно ли специальное изучение китайского языка сопровождаться изучением других восточных языков — корейского, японского, монгольского, тибетского, маньчжурского? Многие выдающиеся синологи, в том числе и российские, считали более полезным совместное изучение китайского и маньчжурского языков. Были примеры, когда с китайским языком изучали языки с иероглифической письменностью (корейский, японский).

Зарубежные китаеведы придавали большое значение приобретению слушателями практических навыков владения китайским языком. С этой целью во Франции и Германии почти все профессора китайской словесности имели в

 $^{^{187}}$ Обзор современной постановки изучения восточных языков за границей. С. 188–189.

¹⁸⁸ См.: *Шмидт П. П.* Изучение Китая за границей. С. 14.

качестве помощников китайских лекторов — сяньшэнов ¹⁸⁹. Из всех европейских вузов только в одном — Неапольском Восточном институте — китайский лектор являлся самостоятельным преподавателем. В остальных вузах работа сяньшэнов направлялась профессором-европейцем.

Большое значение в овладении китайским языком имели командировки слушателей в Китай. Однако опыт зарубежных вузов показал низкую эффективность таких поездок, если они не предварялись определенной теоретической подготовкой.

На рубеже XIX и XX вв. наблюдался закономерный и прогрессивный процесс углубления и специализации наук, отразившийся в том числе и на китаеведении. Сама возможность дальнейшего развития китаеведения как комплекса самых различных дисциплин, объединенных знанием китайского языка, была поставлена под вопрос. Если один и тот же китаевед в начале XIX в. мог заниматься и историей, и лингвистикой, и географией Китая, и его экономикой и литературой, то в начале XX в. требовались не синологи вообще, а синологи-лингвисты, синологи-литературоведы, синологи-историки. Каждый синолог должен был одновременно стать специалистом еще в какой-либо области науки. Это потребовало перестройки всего китаеведения.

Преподавание восточных языков значительно отличалось от большинства других предметов университетского курса. Прежде всего, следует подчеркнуть, что оно являлось чисто академическим и не служило подготовкой к практической деятельности. Ориенталист начинал свои университетские занятия по восточным языкам без всякой предварительной подготовки. Перед ним ставилась задача овладения языком на таком высоком уровне, который бы позволил в дальнейшем самостоятельно изучать другие вопросы.

§ 4. Научная синология в немецкоязычных регионах *

Протосинология

С открытия морского пути в Восточную Азию в XVII–XVIII вв. ведет начало китаеведение, которое сегодня часто называют протосинологией. Хотя у Германии было мало прямых контактов с Китаем, однако был интенсивный интерес к китайскому языку и письменности, а также китайской истории. Большое значение имеет вклад миссионера из Тироля, монаха Ордена иезуитов Мартино Мартини ¹⁹⁰ (1614–1661) — именно он перевел китайский трактат по древней истории Китая, *Sinicae Historiae decas prima* (Monachii, 1658), фактически предназначенный в качестве справочного материала для его превосходного Китайского атласа с цветными иллюстрациями *Novus Atlas sinensis* (Амстердам, 1655). Это довольно сухое по стилю изложение, соответ-

¹⁸⁹ Сяньшэн (先生) — учитель, лектор-носитель китайского языка.

^{* ©} X. Валравенс.

Roman Malek, Anton Zingerle. Martino Martini S. J. (1614–1661) und die Chinamission. Nettetal: Steyler Verlag, 2000 / Роман Малек, Антон Цингерле. Мартино Мартини С. Дж. (1614–1661) и Китайская миссия. Неттеталь: Steyler Verlag, 2000.

ствующее оригинальным текстам, вызвало в Европе сенсацию, потому что некоторые из описанных событий, возможно, имели место еще до Библейского потопа. Научный спор, с новыми выкладками и предположениями, продолжался более ста лет, пока эпоха Просвещения не изменила мировоззрение, основанное на библейском откровении. Энциклопедия Китая XVII в. была написана Афанасием Кирхером 191 (1602–1680), монахом Ордена иезуитов из Фульды, который преподавал в Риме и имел тесные связи с Китаем: China illustrata «Китай разъяснённый» (Амстердам, 1667); работа хорошо иллюстрирована и включает в себя репродукцию, транскрипцию и перевод текста несторианской стелы из Сианя (781), китайский катехизис монаха-иезуита Жоао Соейру, а также обширную информацию о культуре страны. Эта энциклопедия послужила важнейшей основой для дальнейшей работы двух первых синологов из Берлина — теолога Андреаса Мюллера ¹⁹² (1630–1694) и врача Кристиана Менцеля ¹⁹³ (1622–1701), которые служили в качестве библиотекарей китайской библиотеки Великого курфюрста. Мюллер собрал для правителя китайскую библиотеку, каталог которой был опубликован в 1683 г. как первый в своем роде (Catalogus librorum sinicorum Bibliothecae electoralis Brandenburgicae. Cölln, 1783. В 2 частях); так, библиотека курфюрста (впоследствии Королевская, ныне Государственная библиотека в Берлине) уже на ранних этапах взяла на себя ведущую роль в распространении синологических знаний. Курфюрст планировал принимать участие в прибыльной торговле с Восточной Азией, для которой большое значение имела солидная информация о культуре и товарах страны, полученная из оригинальных источников. Мюллер публиковал небольшие исследования, создал набор деревянных китайских печатных шрифтов (Typographia sinica, он сохранился до сих пор) и особенно ценил свой Clavis sinica, филологический «ключ» к китайскому языку и письму, который, к сожалению, не сохранился. Преемник Мюллера Менцель начал изучать Китай, когда ему было уже шестьдесят лет, поэтому впечатляющих результатов ждать не приходилось. Он опубликовал небольшой словарь (Sylloge minutiarum lexici latino-sinico-characteristici. Norimbergae, 1685), начал составлять словарь китайского языка из 9 фолиантов и, благодаря своим научным связям по всему миру, приобретал новые книги на китайском языке для библиотеки. Готлиб Зигфрид Байер 194 из Кёнигсберга (1694–1738),

¹⁹¹ *Gerhard Dünnhaupt*. Bibliographisches Handbuch der Barockliteratur. 2. Teil. Stuttgart: Hiersemann, 1981. S. 994–1016 / *Герхард Дюннхаупт*. Библиографический справочник литературы по барокко. Ч. 2. Штутгарт: Hiersemann, 1981, С. 994–1016.

¹⁹² См.: Lothar Noack, Jürgen Splett. Bio-Bibliographien. Brandenburgische Gelehrte der Frühen Neuzeit. Berlin-Cölln 1640–1688. Berlin: Akademie Verlag, 1997. S. 272–293 / Лотар Ноак, Юрген Шплетт. Биобиблиографии. Бранденбургские ученые раннего Нового времени. Берлин; Кёльн, 1640–1688 гг. Берлин: Akademie Verlag, 1997. C. 272–293.

¹⁹³ См.: Walter Artelt. Christian Mentzel. Leibarzt des Großen Kurfürsten, Botaniker und Sinologe. Leipzig: Joh. Ambrosius Barth, 1940. (Illustrierte Monographien zur Geschichte der Medizin. 1.). / Вальтер Артельт. Кристиан Менцель. Личный врач Великого курфюрста, ботаник и китаевед. Лейпциг: Joh. Ambrosius Barth, 1940. (Иллюстрированные монографии по истории медицины. 1.)

¹⁹⁴ Cm.: *Knud Lundbæk*. T. S. Bayer (1694–1738). Pioneer sinologist. London, Malmö: Curzon Press, 1986. (Scandinavian Institute of Asian Studies. Monograph series 54.); *Lomo*-

который позже работал историком в Петербургской академии наук, составил важное на то время пособие по китайскому языку, названное им Museum sinicum (Petropoli, 1730. В 2 томах); большую его часть составлял словарь, иероглифы в нем были выгравированы на дощечках; наряду с некоторыми материалами Мюллера и Менцеля, информацией из писем монаха-иезуита Филиппа Куплета и основами китайской грамматики большое значение имеет пространное введение, поскольку оно представляет собой довольно точное описание европейских исследований в области синологии вплоть до работ самого Байера. Среди китайских миссионеров следует упомянуть монаха ордена иезуитов Флориана Бара 195 (1706–1771), которому мы обязаны первым немецкокитайским словарем, предназначенным для императорского бюро переводов в Пекине. Также следует упомянуть философа и математика Готфрида Вильгельма Лейбница ¹⁹⁶ (1646–1718), который своей книгой Novissima Sinica (Ганновер, 1699) пробуждал интерес к Китаю, и таможенника и учёного-энциклопедиста из Нюрнберга Кристофа Готлиба фон Мурра 197 (1733–1811), который, придерживаясь идей Лейбница, предложил считать китайский язык универсальным (Etwas von meinem Versuche, die sinesischen Charaktere zur Universalsprache gebrauchen. Journal zur Kunstgeschichte und zur allgemeinen Literatur / О моей попытке использовать китайские символы для универсального языка. Журнал истории искусства и общей литературы 4. 1777. С. 151-211); действительно, китайские иероглифы могут быть прочитаны и поняты независимо от произношения, а это означает, что на протяжении веков китайская письменность была объединяющим звеном между многими китайскими диалектами и региональными языками, а также японским, корейским и аннамским.

Начало развития университетской синологии

Начало развития синологии как критической науки традиционно связывают с открытием первой европейской кафедры в Париже, которую возглавил Жан-Пьер Ремюза (он обычно называл себя Абель-Ремюза, 1788–1832) в

nosova M. V. Gotlib Zigfrid Bajer — akademik Peterburgskoj Akademii nauk. St. Petersburg: Evropejskij Dom, 1996 / Кнуд Лундбек. Т. С. Байер (1694–1738). Пионер синолог. Лондон; Мальмё: Curzon Press, 1986. (Скандинавский институт азиатских исследований. Серия монографий 54.); Ломоносова М. В. Готлиб Зигфрид Байер — академик Петербургской Академии наук. Санкт-Петербург: Европейский Дом, 1996.

¹⁹⁵ См.: *Walter Fuchs*. Das erste deutsch-chinesische Vokabular vom P. Florian Bahr. Sinica-Sonderausgabe. 1937. S. 68–72 / *Вальтер Фукс*. Первый словарь немецко-китайского языка П. Флориана Бара. Специальное издание Синика. 1937. С. 68–72.

¹⁹⁶ См.: Gottfried Wilhelm Leibniz. Der Briefwechsel mit den Jesuiten in China (1689–1714). Französisch / Lateinisch-Deutsch. Herausgegeben und mit einer Einleitung von Rita Widmaier. Hamburg: Felix Meiner, 2006; 2017. (Philosophische Bibliothek, 548; 693.) / Готфрид Вильгельм Лейбниц. Переписка с иезуитами в Китае (1689–1714). Французский / латинский-немецкий. Опубликовано с введением Риты Видмайер. Гамбург: Феликс Майнер, 2006; 2017. (Философская библиотека, 548; 693.)

¹⁹⁷ Biobibliographisches Handbuch zur Sprachwissenschaft des 18. Jahrhunderts. 6. 1998. S. 283–291 / Биобиблиографический справочник по лингвистике 18-го века. 6. 1998. C. 283–291.

 $1814 \, \mathrm{r}$. Его близким другом и коллегой был берлинец Юлиус Клапрот 198 (1783-1835, сын химика Мартина Генриха Клапрота, известного как первооткрыватель урана), который после своих путешествий до границы Китая и на Кавказ по заказу Петербургской академии наук получил для своих дальнейших исследований по представлению братьев Гумбольдтов стипендию прусского министерства. В 1816 году он был назначен профессором азиатских языков в Боннском университете, но работе в провинциальном городе предпочел столичную жизнь в Париже с его книжными сокровищами из Китая, превосходной типографией и многочисленными востоковедами. В это время он опубликовал более 300 работ, кроме того, создал более 400 рисованных карт и серию рукописей. Его основным направлением были история и география Восточной и Центральной Азии. Его публикации выходили в основном на французском языке; многочисленные сочинения собраны в «Mémoires relatifs à l'Asie» (Париж, 1824–1826. В 3 томах); кроме того, здесь можно упомянуть еще Verzeichniss der chinesischen und mandshuischen Bücher und Handschriften der Königlichen Bibliothek zu Berlin «Каталог китайских и маньчжурских книг и рукописей из Королевской библиотеки Берлина» (Париж, 1822); Magasin asiatique (Париж, 1825–1826, 2 тома); Chrestomathie mandchoue (Париж, 1828), посвященную, между прочим, изобретателю, библиофилу и печатнику П. Л. Шиллингу фон Канштадту $(1786-1837)^{199}$, и «Supplément au Dictionnaire chinois-latin du Père Basile de Glemona» (Париж, 1819), последняя напечатана по указу прусского короля. Клапрота боялись также как строгого критика. Вместе с Ремюзой он был одним из основоположников Société asiatique и издания Journal asiatique. Азиатское общество, как и журнал, служили примером для немецких востоковедов и привели к основанию Немецкого восточного общества в 1845 г. У Ремюзы было несколько учеников из Германии, двое из них — Хайнрих Курц 200 (1805–1873) и Карл Фридрих Нейман 201 (1798–1870) — сыграли важную роль в развитии синологии в Германии. Курц был весьма многообещающим синологом — его небольшие работы и перево-

¹⁹⁸ См.: *Walravens H.* Julius Klaproth (1783–1835). Leben und Werk. Wiesbaden: Harrassowitz, 1999. (Orientalistik Bibliographien und Dokumentationen, 3.) / *Вальравенс X*.: Юлиус Клапрот (1783–1835). Жизнь и труды. Висбаден: Harrassowitz, 1999. (Библиография и документация по востоковедению, 3.)

¹⁹⁹ См.: Walravens H. Zur Geschichte der Ostasienwissenschaften in Europa. Abel Rémusat (1788–1832) und das Umfeld Julius Klaproths (1783–1835). Wiesbaden: Harrassowitz, 1999. (Orientalistik Bibliographien und Dokumentationen, 5.) S. 85–100 / Вальравенс X. К истории восточноазиатских исследований в Европе. Абель Ремюза (1788–1832) и окружение Юлиуса Клапрота (1783–1835). Висбаден: Harrassowitz, 1999. (Библиография и документация по востоковедению, 5.) С. 85–100.

²⁰⁰ См.: *Herbert Franke*. Heinrich Kurz (1805–1873), der erste Sinologe an der Universität München. Studia Sino-Altaica. Festschrift für Erich Haenisch zum 80. Geburtstag. Wiesbaden: Steiner, 1961. S. 58–71 / *Герберт Франке*. Генрих Курц (1805–1873), первый синолог Мюнхенского университета. Китайско-алтайские исследования. Памяти Эриха Хениша к его 80-летию. Висбаден, 1961. С. 58–71.

²⁰¹ См.: Yan Xu-Lackner (Hrsg.). Die Bücher des letzten Kaiserreichs: Katalog zur Ausstellung über das Leben des Chinaforschers Karl Friedrich Neumann mit Exponaten aus seiner Sammlung seltener Sinica. Erlangen: FAU University Press, 2012 / Янь Сюй-Лакнер (ред.). «Книги последней империи»: каталог выставки о жизни китайского исследователя Карла Фридриха Неймана с экспонатами из его коллекции редких синиц. Erlangen: FAU University Press, 2012.

ды были хорошего качества, и он вел занятия по Китаю в Мюнхенском университете, в Баварии, откуда он был родом. В то же время он был журналистом и редактором газеты, и его либеральные взгляды привели его вскоре к конфликту с судебной системой. После тюремного заключения он предпочел эмиграцию в Швейцарию, где приспособился к новым условиям и стал уважаемым германистом. Его единственной крупной публикацией по синологии был перевод на немецкий *Huajianji* 花笺記, *Das Blumenblatt* «Лепесток цветка» (С.-Галлен, 1836).

Нейман пришел в синологию через классическую филологию и армянский язык. В 1830 г. он за свой счет совершил поездку в Кантон (Гуанчжоу), откуда привез обширную коллекцию китайских книг. Часть этой коллекции была передана Королевской библиотеке в Берлине, а большая часть досталась Мюнхенской королевской библиотеке. Мюнхен, однако, не был готов платить за нее, но назначил молодого ученого профессором китайского и армянского языков и хранителем китайских коллекций. Нейман был не столько филологом, сколько историком, и его самый большой успех был связан с его лекциями по современной истории. Хотя Нейман и воздерживался от участия в революционном движении 1848 г., судьба все же настигла его — в 1852 г. он был «отправлен» университетом в отставку (официально — «по административным причинам»). Лишившись своего дохода, он был вынужден зарабатывать на жизнь статьями, часто для журналов Котты и Брокгауза. Многие из его сочинений посвящены Китаю. Мы обязаны ему такими крупными работами. как: The Catechism of the Shamans «Катехизис шаманов» (Лондон, 1831); Asiatische Studien «Азиатские исследования» (Лейпциг, 1837); Die Reisen des Venezianers Marco Polo «Путешествия венецианца Марко Поло» (Лейпциг, 1845); Geschichte des englisch-chinesischen Krieges «История англо-китайской войны» (Лейпциг, 1855); Geschichte des chinesischen Reiches «Истории Китайской империи» Гюцлафа (Штутгарт; Тюбинген, 1847); Geschichte des englischen Reiches in Asien «История Британской империи в Азии» (Лейпциг, 1857) и Ostasiatische Geschichte vom ersten englisch-chinesischen Krieg bis zu den Verträgen in Peking «История Восточной Азии от первой англо-китайской войны до договоров в Пекине» (Лейпциг, 1861). Одним из корреспондентов Неймана был миссионер-энциклопедист из Померании Карл Фридрих Август Гюцлаг (1803–1851), который прошел путь от ученика шорника и миссионера в Китае до секретаря китайской администрации в Гонконге. Он прекрасно владел китайским языком, написал множество трактатов, а также учебных материалов на китайском языке, принадлежал к кругу значительных переводчиков Библии, был миссионером в стиле современных евангелистов как «ливень Божий», а также писал для западной аудитории, например, China opened «Китай открылся» (Лондон, 1838. В 2 томах); A sketch of Chinese history «Очерк истории Китая» (Лондон, 1834. В 2 томах); Gaihan's (Karl Gützlaffs) Chinesische Berichte «Китайские отчеты Гайхана (Карла Гюцлафа)» (Кассель, 1850): Journal of three voyages along the coast of China «Журнал о трех путешествиях по побережью Китая (Лондон, 1834); Das Leben des Kaisers Taokuang «Жизнь императора Даогуана» (Лейпциг, 1852); The medical art amongst the Chinese «Медицинское искусство среди китайцев» (Лондон, 1837). Помимо историче-

²⁰² Cm.: *Walravens H.* Karl Friedrich Neumann [1793–1870] und Karl Friedrich August Gützlaff [1803–1851]. Zwei deutsche Chinakundige im 19. Jahrhundert. Wiesbaden: Harrassowitz, 2001. (Orientalistik Bibliographien und Dokumentationen, 12.)

ских трудов, интерес для синологии представляет ряд сочинений по китайской литературе в *Chinese Repository* «Китайский репозиторий».

Подобно Курцу и Нейману, Вильгельм Шотт 203 (1802–1889) также хотел бы учиться в Париже, но не имел на это средств, хотя и защитил докторскую диссертацию в Галле по ориенталистике, а затем, после нескольких лет наблюдений и общения с двумя китайцами, защитил диссертацию в Берлине по китаеведению. Он вел очень скромную жизнь, пока не получил должность в Берлинской академии после смерти астронома Людвига Иделера (1766–1846). Из-за разгромной критики Клапрота ему так и не удалось получить кафедру в университете, поэтому ему приходилось постоянно писать, отчасти потому, что он любил научную работу, а отчасти потому, что ему нужно было зарабатывать на жизнь. Большая часть его работ появилась в публикациях Берлинской академии, в Magazin für die Literatur des Auslandes «Журнал иностранной литературы» Лемана и в Archiv für die wissenschaftliche Kunde von Russland «Архив научного изучения России» Эрмана. Наряду с восточноазиатскими языками, Шотт также представлял финно-угорские языки, и к его основным трудам относятся его Altaische Studien «Алтайские исследования» (5 выпусков), в которых он поддерживает алтайскую теорию. Что касается синологии, мы обязаны ему китайским словарем (Vocabularium sinicum. Berolini, 1844), возникшим на самом деле в результате обработки собрания китайских иероглифов для академии — недолго думая, он добавил к отпечатку каждого иероглифа произношение и значение; Chinesische Sprachlehre «Грамматика китайского языка» (Берлин, 1857) — первая в своем роде в Германии, которая заслуживает этого названия, не умаляя при этом значения новаторской работы Стефана Эндлихера 204; Entwurf einer Beschreibung der chinesischen Literatur «Наброски к описанию китайской литературы» (Берлин, 1854); Skizze zu einer Topographie der Producte des chinesischen Reichs «Эскиз топографии произведений Китайской империи» (Берлин, 1844) и, что не менее важно, продолжение каталога Клапрота: Verzeichniss der chinesischen und mandschu-tungusischen Bücher und Handschriften der Königlichen Bibliothek zu Berlin «Каталог китайских и маньчжурско-тунгусских книг и рукописей из Королевской библиотеки Берлина» (Берлин, 1840). Сюда же относится множество статей по истории Китая и Восточной Азии и о разных языках. Для работ Шотта решающим было то, что он мог работать с фондами Королевской библиотеки, и многие из его работ связаны именно с этим. Он был, очевидно, первым немецким синологом, который имел ярко выраженную языковую направленность, не забывая при этом литературу, историю, религию и т. д. И до сегодня многие его работы не потеряли актуальности. Следует только вспомнить, что он был первым, кто перевел несколько глав из романа «Речные заводи» Шуй

²⁰³ См.: Walravens H. Wilhelm Schott (1802–1889). Leben und Wirken des Orientalisten. Wiesbaden: Harrassowitz 2001. (Orientalistik Bibliographien und Dokumentationen, 13.) / Вальравенс X. Вильгельм Шотт (1802–1889). Жизнь и деятельность востоковеда. Висбаден: Harrassowitz, 2001. (Библиография и документация по востоковедению, 13.)

²⁰⁴ (1804–1849). Ботаник, историк, китаевед, соучредитель Австрийской академии наук. См.: *Christa Riedl-Dorn*. Ein uomo universale des 19. Jahrhunderts und sein wissenschaftliches Netzwerk. Stephan Ladislaus Endlicher und seine Korrespondenz mit Wissenschaftlern seiner Zeit. Göttingen: V&R unipress; Vienna University Press, 2019 / *Криста Ридл-Дорн*. Универсальный человек XIX века и его научная сеть. Стефан Ладислаус Эндлихер и его переписка с учеными своего времени. Геттинген: унипресс V&R; Vienna University Press, 2019.

ху чжуань 水滸傳, изданного во времена империи Мин, когда роман был почти неизвестен в Европе. Удивительно точно он инстинктивно выбрал именно те главы, на основе которых потом возникли «Цветы сливы в золотой вазе» *Цзинь пин мэй* 金瓶梅 ²⁰⁵. Кроме того, следует иметь в виду, что издания великих китайских романов эпохи империи Мин стали предметом изучения западной синологии только после Второй мировой войны. Что касается ориентации на языкознание, то здесь следует отметить работу Георга фон дер Габеленца ²⁰⁶ (1840–1893), однако своим лингвистическим образованием он обязан не Шотту, а своему отцу Хансу Конону фон дер Габеленцу²⁰⁷ (1807–1874), известному лингвисту и сознававшему свой долг государственному деятелю, который внес большую лепту в маньчжуристику (первая грамматика маньчжурского языка 208 , первый удобный маньчжурский словарь 209), а также первый полный перевод *Цзинь Пин Мэй / Jin Ping Mei* 210 (около 1864). Габеленц младший изучал юриспруденцию и поступил в судебную службу Саксонии, но затем, в 1878 г., стал профессором восточных азиатских языков в Лейпцигском университете, где среди его учеников был Вильгельм Грубе. Публикация «Китайской грамматики» Chinesischen Grammatik (Лейпциг, 1881) сделала Габеленца известным, и эта работа до середины ХХ в. входила в список обязательной для изучения литературы. Известный своим критическим отношени-

²⁰⁶ См.: *Martin Gimm*. Georg von der Gabelentz zum Gedenken: Materialien zu Leben und Werk. Wiesbaden: Harrassowitz, 2013 / *Мартин Гимм*. Памяти Георга фон дер Габеленца: материалы о жизни и деятельности. Висбаден: Harrassowitz, 2013.

²⁰⁷ См.: *Georg von der Gabelentz*. Hans Conon von der Gabelentz als Sprachforscher. Berichte über die Verhandlungen der Kgl. Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften. 38. 1886. S. 217–241 / Георг фон дер Габеленц. Ганс Конон фон дер Габеленц как лингвист. Отчеты о переговорах Саксонского Королевского общества наук, 38. 1886. C. 217–241.

²⁰⁸ См.: *Martin Gimm*. Hans Conon von der Gabelentz (1807–1874) und die erste manjurische Grammatik in Deutschland (Briefe und Dokumente aus dem Nachlaß). Oriens Extremus. 1997. 40. S. 216–262 / *Мартин Гимм*. Ханс Конон фон дер Габеленц (1807–1874) и первая маньчжурская грамматика в Германии (письма и документы из наследия). Oriens Extremus. 1997. 40. C. 216–262.

²⁰⁹ Mandschuisch-deutsches Wörterbuch. Leipzig, 1864 / Маньчжурско-немецкий словарь. Лейпшиг. 1864.

варь. Лейпциг, 1864.

²¹⁰ См.: *Martin Gimm*. Hans Conon von der Gabelentz und die Übersetzung des chinesischen Romans Jin Ping Mei. Wiesbaden: Harrassowitz, 2005. (Sinologica Coloniensia, 24.) / *Мартин Гимм*. Ханс Конон фон дер Габеленц и перевод китайского романа Цзинь Пин Мэй. Висбаден: Harrassowitz, 2005. (Sinologica Coloniensia, 24.)

²⁰⁵ Walravens H. The earliest Western translation from the Shuihuzhuan. Kitaj i okresnosti. Mifologija, fol'klor, literatura. K 75-letiju akademika B. L. Riftina. Moskva: Rossijskij gosudarstvennyj gumanitarny universitet, 2010. (635 S.). S. 401–411 (Orientalia et Classica. Trudy Instituta vostočnych kul'tur i antičnosti, 25.) / Вальравенс X. Самый ранний западный перевод из Шуй ху чжуаня. Китай и окрестности. Мифология, фольклор, литература. К 75-летию академика Б. Л. Рифтина. Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 2010. (635 с.) С. 401–411 (Orientalia et Classica. Труды Института восточных культур и античности, 25.); Walravens H. Chinesische Romane in deutscher Sprache im 18. und 19. Jahrhundert. Zur frühen Kenntnis chinesischer Literatur in Deutschland. Wiesbaden: Harrassowitz, 2015. (Asien- und Afrikastudien der Humboldt-Universität zu Berlin, 43.), 145 ff. / Вальравенс X. Китайские романы на немецком языке в XVIII и XIX веках. О раннем знакомстве с китайской литературой в Германии. Wiesbaden: Наггаssowitz, 2015. (Азиатские и африканские исследования в Университете Гумбольдта в Берлине, 43.) С. 145 и след.

ем Эрвин фон Цах (1872–1942) высоко ценил его грамматику и опубликовал дополнения к ней. В 1889 г. Габеленц стал профессором в Берлине, где он в большей степени сосредоточился на лингвистике и опубликовал свою наиболее значимую работу: «Языкознание. Его задачи, методы и достижения» / Die Sprachwissenschaft. Ihre Aufgaben, Methoden und bisherigen Ergebnisse (Лейпциг, 1891). Эта лингвистическая направленность затруднила продолжение руководства этой, кроме того личной, кафедрой в русле синологии, так что она длительное время была вакантной. Еще одним трудолюбивым и очень талантливым синологом был Йоханн Хайнрих Плат 211 (1802–1874), из Гамбурга, который в 1829 г. защитил диссертацию в Геттингене и выступил с прекрасной объемной работой по истории династии Маньчжурии (Geschichte des östlichen Asien. Teil 1. Die Völker der Mandschurey / «История Восточной Азии. Часть 1. Народы Маньчжурии»). Геттинген, 1830). Как историк, Плат специализировался на Китае и Египте. Но его карьера быстро подошла к концу: Плат вступил в нелегальный муниципальный совет во время Геттингенских беспорядков в 1831 г. и написал текст одной из его петиций, в 1836 г. он был приговорен к 12 годам тюрьмы, из которых 8 лет ему пришлось провести в каторжной тюрьме г. Целле. В результате его брак распался, он ожесточился и жил как частное лицо, в 1848 г. некоторое время работал имперским библиотекарем во Франкфурте и выступал за создание немецкой национальной библиотеки с обязательным экземпляром печатных изданий, эта идея была реализована только в 1912 г. Затем он работал в мюнхенской придворной библиотеке. также занимаясь материальной культурой Древнего Китая и Конфуцием и его учениками на основе китайских источников. В 1860 г. Баварская академия наук избрала его своим членом.

В это время в Вене работал востоковед-энциклопедист Август Пфицмай-ер ²¹² (1808–1887), сын карлсбадского трактирщика и дипломированного врача, который, начав с языков Ближнего Востока, дошел до китайского и японского. Хотя Пфицмайер недавно привлек к себе определенное внимание, однако до сих пор не было дано окончательной оценки трудам этого трудолю-

²¹¹ Herbert Franke. Zur Biographie von Johann Heinrich Plath (1802–1874). München: Beck in Komm, 1960. (Bayerische Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse. Sitzungsberichte. 1960, 12.) / Герберт Франке. К биографии Иоганна Генриха Плата (1801–1874). Мюнхен: Веск ін Котт, 1960. (Баварская академия наук. Философско-исторический класс. Протоколы заседаний. 1960, 12.); Walravens H. Schriftenverzeichnis von Johann Heinrich Plath (1802–1874): Sinologe, Ägyptologe und Historiker. Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. 153. 2003. S. 17–442 / Вальравенс X. Список публикаций Иоганна Генриха Плата (1802–1874): китаеведа, египтолога и историка. Журнал Немецкого восточного общества. 153. 2003. С. 417–442.

²¹² См.: August Pfizmaier (1808–1887) und seine Bedeutung für die Ostasienwissenschaften / Herausgegeben von Otto Ladstätter und Sepp Linhart. Wien: Österreichische Akademie der Wissenschaften 1990. (Österr. Akademie der Wiss. Philosophisch-historische Klasse. Sitzungsberichte 562; Beiträge zur Kultur und Geistesgeschichte Asiens, 3.) / Август Пфицмайер (1808–1887) и его значение для восточноазиатских исследований / под ред. Отто Лэдштеттера и Зеппа Линхарта. Вена: Австрийская академия наук, 1990. (Австрийская академия наук. Философско-исторический класс. Протоколы заседаний 562; Вклад в культуру и интеллектуальную историю Азии, 3.); Walravens H. August Pfizmaier. Sinologe, Japanologe und Sprachforscher. Hamburg: C. Bell, 1984. 4 (Han-pao tung-Ya shuchi mu-lu, 2.) / Вальравенс X. Август Пфицмайер. Синолог, японовед и лингвист. Гамбург: К. Белл, 1984. 4 (Han-pao tung-Ya shu-chi mu-lu, 2.)

бивого переводчика, работы которого заполнили множество томов Венских академических трудов. Поскольку у Пфицмайера было немного книг на китайском (и японском) языке, он начал переводить все подряд, не удосуживаясь предоставлять для объяснения какие-либо подробности об авторе и произведении; многие из его работ сопровождаются текстом оригинала, чтобы можно было лучше понять его оригинальное словотворчество — так он передал понятие cishi 刺史 ('окружной мандарин') на немецкий как "stechender Vermerker" (В своем стремлении точно воспроизвести значение данных китайских иероглифов переводчик передал их буквально «выбивающий (в камне)» и «историограф», так что можно представить себе чиновника, который выбивал записи на камне несколько тысяч лет назад. — Примеч. автора). Он был одержим желанием воспроизводить слова, а если возможно, то и предложения буквально, что в основном вызывало не понимание, а скорее насмешки. Пфицмайер делал переводы из китайских летописей и из энциклопедических произведений, медицинских трудов, а также из художественной литературы. При жизни он не оказал большого влияния на окружение — ни на науку, ни на образованную широкую аудиторию.

Значительным синологом и лингвистом был Вильгельм Грубе 213 (1855— 1908), ученый из Санкт-Петербурга. Он слушал лекции В. П. Васильева и учился у Антона Шифнера, последняя работа которого была им опубликована. Докторскую степень Грубе получил у Габеленца в Лейпциге. Из-за обострения межнационального конфликта он бросил работу в Петербурге и стал куратором Берлинского этнологического музея. Получить в университете должность, которая соответствовала бы его компетенциям, оказалось невозможным, хотя он, будучи учеником Габеленца, был также хорошим лингвистом. Большое значение имели труды Грубе Geschichte der chinesischen Literatur / «История китайской литературы» (Лейпциг, 1902) — легко читаемый компетентный обзор литературы, а не просто набор имен и названий, а также Zur Pekinger Volkskunde / «О Пекинском фольклоре» (Berlin 1901), произведение, которое содержит множество конкретных, хорошо описанных деталей о народном быте Пекина (включая вышивки!). Особенно высокую оценку получила новаторская работа Zur Sprache und Schrift der Jučen / «О языке и письменности чжурчжэн» (Лейпциг, 1896), которая используется до сих пор. Его перевод классического романа «Фэншэнь яньи» 封神演義 был опубликован его учеником Гербертом Мюллером 214 (1885–1966) посмертно (Лейден, 1912). Грубе не удалось завершить перевод текстов китайского театра теней; он был

²¹³ Walravens H., Hopf I. Wilhelm Grube (1855–1908). Leben, Werk und Sammlungen des Sprachwissenschaftlers, Ethnologen und Sinologen. Wiesbaden: Harrassowitz, 2007. (Asien- und Afrika-Studien der Humboldt-Universität, 28.) / Вальравенс Х., Хопф И. Вильгельм Грубе (1855–1908). Жизнь, деятельность и коллекции лингвиста, этнолога и китаеведа. Висбаден: Наггаssowitz, 2007. (Исследования Азии и Африки университета Гумбольдта, 28.)

²¹⁴ См.: Herbert Muellers (1885–1966) Forschungsreise nach China 1912–1913. Aus den Akten und Korrespondenzen neu bearbeitet und durch historische Fotos ergänzt. Wiesbaden: Harrassowitz, 2017. (Asien- und Afrika-Studien der Humboldt-Universität, 49.) / Путешествие Герберта Мюллера (1885–1966) в Китай в 1912–1913 годах. Отредактировано на основе документов и переписки и дополнено историческими фотографиями. Висбаден: Наггаssowitz, 2017. (Исследования Азии и Африки университета Гумбольдта, 49.)

завершен переводчиком посольства Эмилем Кребсом 215 (1867–1930) и опубликован Бертольдом Лауфером 216 (1874–1934) (Мюнхен и Лейпциг, 1915. 2 тома). Лишь кратко упомяну миссионеров Эрнста Иоганна Айтеля ²¹⁷ (1838– 1908) из Эсслингена и Эрнста Фабера ²¹⁸ (1839–1899). Айтель является автором большого Chinese dictionary in the Canton dialect / «Китайского словаря на кантонском диалекте» (Лондон, 1877) и Hand-Book of Chinese Buddhism, being a Sanskrit-Chinese dictionary with vocabularies of Buddhist terms in Pali, Singhalese, Siamese, Burmese, Tibetan, Mongolian and Japanese / «Справочника китайского буддизма, являющегося санскритско-китайским словарем со словарями буддийских терминов на пали, сингальском, сиамском, бирманском, тибетском, монгольском и японском языках» (2 изд. Токио, 1904), который используется до сих пор. В 1878 г. Айтель покинул миссионерскую службу и работал школьным инспектором и правительственным советником в Гонконге. Фабер родился в Кобурге и работал в Гонконге и Шанхае. Он интересовался древнекитайской философией и ее представителями, такими как Конфуций. Мо-цзы 墨子, Мэн-цзы 孟子 и Ле-цзы 列子 (Eine Staatslehre auf ethischer Grundlage oder Lehrbegriff des chinesischen Philosophen Mencius. — Der Naturalismus bei den alten Chinesen oder die sämtlichen Werke des Philosophen Licius: übersetzt und erklärt. — Die Grundgedanken des alten chinesischen Socialismus oder die Lehre des Philosophen Micius / «Государственная доктрина на этической основе или концепции учения китайского философа Мэн-цзы. — Натурализм среди древних китайцев, или все работы философа Ле-цзы: в переводе и с пояснениями. Основные идеи древнекитайского социализма, или учение философа Мо-цзы». Все: Эльберфельд, 1877). Несмотря на всю его учёность, синолог Альфред Форке обвиняет Фабера в ограниченности его миссионерской точки зрения. Поскольку Фабер провел свои последние дни в Циндао, а Рихард Вильгельм ²¹⁹ (1873–1930) начинал свою работу в 1900 г. там же, то переводческие труды Вильгельма можно рассматривать как продолжение работы Фабера — однако без отмеченной выше «ограниченности». Если проанализировать с самого начала развитие китаеведения в Германии в

²¹⁵ См.: *Eckhard Hoffmann*. Emil Krebs. Ein Sprachgenie im Dienste der Diplomatie. Wiesbaden: Harrassowitz, 2017 / Экхард Хоффман. Эмиль Кребс. Лингвистический гений на службе дипломатии. Висбаден: Harrassowitz, 2017.

711.
²¹⁷ См.: *Henri Cordier*. Ernst Johann Eitel. T'oung Pao 10. 1909. S. 92–94 / *Анри Кордье*. Эрнст Иоганн Айтель. T'oung Pao 10. 1909. C. 92–94.
²¹⁸ См.: *Gad C. Isay*. Religious obligation transformed into intercultural agency: Ernst

²¹⁸ См.: *Gad C. Isay*. Religious obligation transformed into intercultural agency: Ernst Faber's mission in China. Monumenta Serica 54. 2006. 253–267 / Гэд К. Исай. Религиозные обязательства, трансформированные в межкультурный фактор: миссия Эрнста Фабера в Китае. Monumenta Serica 54. 2006. С. 253–267.

ний на службе дипломатии. Висбаден: Harrassowitz, 2017.

²¹⁶ См.: *Walravens H.* Laufer, Berthold. Neue Deutsche Biographie 13. 1982. S. 710–711 / *Вальравенс Х.* Лауфер, Бертольд. Новая немецкая биография 13. 1982. С. 710–711

²¹⁹ См.: Walravens H. Richard Wilhelm (1873–1930). Missionar in China und Vermittler chinesischen Geistesguts. Schriftenverzeichnis, Katalog seiner chinesischen Bibliothek und Briefe von Heinrich Hackmann und Ku Hung-ming. Mit einem Beitrag von Thomas Zimmer. St. Augustin: Institut Monumenta Serica, 2008 / Вальравенс X. Рихард Вильгельм (1873–1930). Миссионер в Китае и проповедник китайских духовных ценностей. Список публикаций, каталог его китайской библиотеки и письма Генриха Хакманна и Гу Хун-мина. При участии Томаса Циммера. Святой Августин: Institut Monumenta Serica, 2008.

XIX в., то создается впечатление, что можно говорить о везении, если жизнь этих людей проходила без проблем — в большинстве своем их забирали в полицию и преследовали (Курц), сажали в тюрьму (Плат), лишали должности (Нейманн), рушилась их карьера (Шотт)... Альфред Форке ²²⁰ (1867–1944) родился в Шёнингене (Брауншвейг), изучал право и служил переводчиком и чиновником в консульстве в Китае. В 1903 г. он стал преемником своего учителя Карла Арендта ²²¹ в качестве профессора по кафедре восточных языков в Берлине, а в 1923 г. сменил Отто Франке в Гамбурге на кафедре, которую и занимал до своей отставки в 1934 г. Наиболее важные достижения Форке связаны с китайской философией — он не только перевел «Лунь хэн» Ван Чуна 王充 и произведения Меди 墨翟 (Берлин, 1922), но и написал трехтомную Geschichte der chinesische Philosophie / «Историю китайской философии» (Гамбург 1927– 1938), которая не потеряла своего значения и сегодня, хотя иногда слишком западное мнение автора подвергалось критике. Преподавание языка породило Yamen und Presse (Берлин, 1911), справочник по новому китайскому письменному языку, в то время как Blüthen chinesischer Dichtung / «Цветы китайской поэзии» (Магдебург, 1899) и Dichtungen der T'ang- und Sung-Zeit / «Поэзия эпохи Тан и Сун» (с китайским текстом; Гамбург, 1929-1930) сделали доступным огромное количество классических стихов, при этом он использовал метрический перевод, что ограничивало филологическую точность. Из-за своего рационального характера Форке, возможно, не был предназначен для поэтических взлетов. Из наследия Форке Мартин Гимм опубликовал три тома переводов пьес китайского музыкального театра (1978; 1993). Отто Франке (1863–1946), родом из Гернроде в Гарце, получил докторскую степень по индологии в Геттингене в 1886 г. Затем он стал сотрудником дипломатической службы Германии, а позднее — дипломатической службы Китая. В 1909 г. был переведен на вновь основанную кафедру синологии Гамбургского колониального института и в 1923 г. переехал в Берлин в качестве преемника де Гроота, здесь он преподавал до своей отставки в 1931 г. Основной труд Франке — это его пятитомная Geschichte des chinesischen Reiches / «История Китайской империи» (Берлин, 1930–1952), которая хотя и является, с современ-

²²⁰ См.: *Reinhard Emmerich*. «Ich fühle mich immer wieder angezogen von originellen und freien Geistern» — Alfred Forke (1867–1944). Chinawissenschaften; deutschsprachige Entwicklungen. Geschichte, Personen, Perspektiven. Referate der 8. Jahrestagung 1997 der Deutschen Vereinigung für Chinastudien (DVCS). Hamburg, 1999. S. 421–448 / *Рейнхаро Эммерих*. «Меня всегда привлекает оригинальный и свободный дух» — Альфред Форке (1867–1944). Китайские исследования. С. 421–448.

²²¹ Mechthild Leutner. Kolonialpolitik und Wissensproduktion. Carl Arendt (1838–1902) und die Entwicklung der Chinawissenschaft. (Berlin:) LIT, 2016. (Berliner China-Studien, 55.) / Мехтильд Лейтнер. Колониальная политика и производство знаний. Карл Арендт (1838–1902) и развитие китаеведения. (Берлин:) LIT, 2016. (Берлинские исследования Китая, 55.)

²²² См.: Walravens H. Sinologie in Berlin, 1890–1945: Otto Franke, Alfred Forke, Erich Hauer und Erich Haenisch. Schriftenverzeichnisse. Mit einem Beitrag von Martin Gimm über Walter Fuchs. Berlin: Staatsbibliothek, 2010. 228 S. 4 (Neuerwerbungen der Ostasienabteilung. Sonderheft, 23.) / Вальравенс X. Синология в Берлине, 1890–1945: Отто Франке, Альфред Форке, Эрих Хауэр и Эрих Хениш. Каталоги шрифтов. При участии Мартина Гимма о Вальтере Фуксе. Берлин: Государственная библиотека, 2010. 228 с. 4 (Новые поступления Департамента Восточной Азии. Специальный выпуск, 23.)

ной точки зрения, несколько конфуцианской, стала хрестоматийным произведением. К ранним работам Франке относится ценное Beschreibung des Jehol-Gebietes in der Provinz Chihli / «Описание области Жехол в провинции Чжили» (Лейпциг, 1902), издание книги Генчжиту 耕織圖 Ackerbau und Seidengewinnung in China / «Сельское хозяйство и шелководство в Китае» (Гамбург, 1913). Франке готовит к публикации вместе с Б. Лауфером Epigraphische Denkmäler aus China / «Эпиграфические памятники из Китая» (Берлин, 1914), а также потребовавшее кропотливой работы собрание репродукций монастырских надписей из Пекина, Сианя и Джехола, которое, однако, не было закончено из-за войны. Франке больше, чем его коллеги, интересовался современными событиями в Китае, которым он посвятил много своих сочинений. Он был успешным организатором и учителем, и из его школы вышел целый ряд значительных ученых.

Фридрих Хирт ²²³ (1845–1927) был родом из Тюрингии. После получения степени доктора классической филологии он стал служащим возглавляемой Робертом Хартом Китайской морской таможенной службы, где и оставался до 1895 г. После нескольких лет работы в Мюнхене в качестве ученого, не состоящего в штатном расписании, он в 1902 г. получил приглашение возглавить вновь созданную кафедру китаеведения в Колумбийском университете (Нью-Йорк), которую и занимал до 1917 г. Достижения Хирта лежат в основном в исторической и художественно-исторической области. Как синолог он стал известен благодаря сочинению China and the Roman Orient / «Китай и Римский Восток» (Лейпциг, 1885), в котором тщательно проанализировал отношения между двумя империями. Перевод и обработка «Чжу фань чжи» (Санкт-Петербург, 1912) Чжао Жугуа, описание иноземных стран 1225 г., которое он предпринял вместе с американским дипломатом В. У. Рокхиллом имеет непреходящую ценность. Его послесловие к переводу древнетюркской надписи на стеле в честь Тоньюкука (Санкт-Петербург, 1899), опубликованному Вильгельмом Радловым, связало этот исторический памятник с китайскими историческими произведениями. Его вклад в историю искусства, возможно, возник в контексте его собственной коллекции произведений искусства. В то время она играла важную роль в знакомстве с китайскими произведениями искусства, особенно живописи и фарфора, по китайским источникам, a его Textbook of documentary Chinese / «Учебник документального китайского языка» (Шанхай 1885-88) стал хрестоматией для изучения официального стиля китайского языка.

До 1900 г. в Германии почти не было университетской синологии. Клапрот в 1816 г. отказался от профессорской должности в Бонне, и поэтому кафедра была закрыта. Единственная кафедра китаеведения (фактически, преподавания китайского языка) существовала в семинарии восточных языков в Берлине, она была основана в 1887 г. и не входила в состав университета.

²²³ См.: *Franke O.* Friedrich Hirth. Ostasiatische Zeitschrift NF 3. 1926. S. 197–207 / *Франке О.* Фридрих Хирт. Восточноазиатский журнал, 3. 1926. С. 197–207.

²²⁴ Chau Ju-Kua: his work on the Chinese and Arab trade in the twelfth and thirteenth centuries, entitled Chu-fan-chi / edited, translated from the Chinese and annotated by Friedrich Hirth and W. W. Rockhill. St. Petersburg, 1911 / Чжао Жугуа: его работа о китайской и арабской торговле в двенадцатом и тринадцатом веках, озаглавленная Чжу-фаньчжи / отредактирована, переведена с китайского и аннотирована Фридрихом Хиртом и У. У. Рокхиллом. Санкт-Петербург, 1911.

Первая кафедра была основана в 1909 г. в Гамбургском колониальном институте, который вскоре стал Гамбургским университетом.

Приведенный выше обзор, ни в коем случае не претендующий на полноту, показывает, что, хотя в XIX в. проводились довольно активные исследования в области синологии и было множество публикаций, университетская синология практически не существовала; она утвердилась как наука только в XX столетии.

§ 5. Практическая школа вузовского китаеведения во Владивостоке (1899–1920) и ее профессора А. В. Рудаков и П. П. Шмидт — ученики В. П. Васильева*

В 1899 г. во Владивостоке был открыт Восточный институт — первое и единственное в то время высшее учебное заведение на всем обширном пространстве Дальнего Востока. В отличие от Петербургского университета, перед ним ставилась задача готовить практических работников, обслуживающих внешнюю политику и торговлю, административные структуры Дальнего Востока. Его «Положение» гласило:

Восточный институт есть высшее учебное заведение, имеющее целью подготовить учащихся в нем лиц к службе в административных и торговопромышленных учреждениях Восточно-Азиатской России и прилегающих к ней государств» ²²⁵.

Восточный институт должен был служить России «познанием Дальнего Востока во всех деталях его своеобразной жизни, начиная с трудом (так в тексте) усвояемых языков и кончая самыми сложными проявлениями вековой самобытной культуры дальневосточных стран» ²²⁶. В связи с активным проникновением российского влияния на Китай нужны были новые исследования «этого полуневедомого края, долженствующего в будущем сделаться ареной нашей [российской] культурной деятельности» ²²⁷. Все рельефнее ощущалась необходимость в систематическом сборе и научной обработке сведений, которые могли отвечать запросам практической деятельности на Востоке.

В Восточном институте планировалась подготовка специалистов, которые не только могли бы изъясняться на китайском, корейском, японском и других восточных языках, но и обладали бы фундаментальными знаниями о восточных странах, о населении, проживающем в них, об их традициях, обычаях, психологии.

Курс вуза был рассчитан на четыре года. Начиная со второго учебного года, он делился на отделения: китайско-японское, китайско-корейское, китай-

²²⁵ Справочная книжка по Восточному институту в г. Владивостоке на 1909 год. Владивосток, 1909. С. 1.

²²⁶ Докладная записка о назревших нуждах Восточного института в связи с вопросом о его реорганизации. Владивосток, 1916. С. 1.

^{* ©} Лю Лицю, О. П. Еланцева .

²²⁷ Рудаков А. В. Материалы по истории китайской культуры по Гириньской провинции (1644–1902 гг.). Т. І. Перевод Цзи-линь тун-чжи с дополнениями по новейшим китайским официальным данным. Владивосток, 1903. С. XI.

ско-монгольское и китайско-маньчжурское. Общими для всех отделений служили четырнадцать предметов, в том числе география и этнография Китая, Кореи, Японии с обзором их политического устройства и религиозного быта; политическая организация современного Китая и обзор его торгово-промышленной деятельности; новейшая история Китая, Кореи и Японии и т. д. Первое, самое важное место в перечислении занимал китайский язык. Директор Восточного института А. М. Позднеев был убежден: «Чтобы деятельность наша на Дальнем Востоке могла распределяться количественно пропорционально, мы должны иметь китаистов в 9 раз больше, чем японологов, и по крайней мере в 30 раз больше, чем знатоков корейского языка»

В контексте организации вузовского китаеведения Восточному институту предстояло выстроить изучение китайского языка параллельно с изучением культуры, политики, экономики Китая, формируя у студентов понимание особенностей страны изучаемого языка. Это можно было сделать, опираясь на проведение и обобщение результатов научных исследований различных сторон современного Китая, оформляя их в виде научных статей, монографий и диссертаций.

В основу преподавания китайского языка в Восточном институте следовало положить объединяющий весь Китай литературно-официальный мандаринский язык ²²⁹. Вместе с тем в институте необходимо было организовать подготовку востоковедов-практиков с учетом того, что они могли встретить одинаковую необходимость применять свои знания как на севере, так и на юге Китая. «Дабы столкновение с тем или другим наречием не только не было для питомца Института неожиданностью, но он умел бы, до известной степени, и разобраться в его особенностях», перед институтом стояла задача: преподавая китайский язык, «ознакомить своих слушателей ²³⁰ с наречиями Китая, сообщить важнейшие особенности того и другого» ²³¹.

Восточному институту предстояло сделать весомый шаг вперед в методике преподавания китайского языка, добиться, чтобы в течение четырех лет учебы студенты овладели разговорным и письменным китайским языком, приобрели знания и способность разбираться в сути различных сторон жизни Китая. В вузе понимали, что профессор-европеец никогда не будет в силах заменить своим произношением природного китайца и что студентам гораздо удобнее усвоить живую китайскую речь прямо со слов китайца. Вот почему было предложено, «чтобы лекции по китайскому языку читались не иначе, как совместно профессором и лектором» ²³².

Новый востоковедческий вуз отличался и от зарубежных учебных заведений, и от факультета восточных языков в Санкт-Петербургском университете. Ему предстояло положить начало практическому изучению и преподаванию восточных языков, в том числе китайского языка и китаеведения в России.

 $^{^{228}}$ Известия Восточного института. Т. І. Владивосток, 1900. С. XLVI.

²²⁹ По некоторым данным, мандаринское наречие было самым распространенным в 14 или 15 китайских провинциях из 18; из 360 млн. чел. на нем говорило приблизительно 300 млн. чел. — АВ ИВР РАН. Ф. 96. Оп. 1. Д. 87. Л. 1–13.

 $^{^{230}}$ Особенность Восточного института во Владивостоке заключалась в том, что обучение в нем проходили гражданские и военные лица.

²³¹ Известия Восточного института. Т. 1. С. XLVI, XLVII.

²³² См.: Там же. С. 1–39, 81–92.

Известно, что успех деятельности высшего учебного заведения во многом зависит от удачного состава профессоров и преподавателей. В соответствии со штатным расписанием Восточного института, утвержденным в 1899 г. ²³³, в нем должны были работать восемь профессоров, в том числе два профессоракитаиста; в работе предполагалось задействовать двенадцать лекторов восточных языков, большая часть из которых — китайские лекторы.

Первыми профессорами-китаистами в Восточном институте стали Петр Петрович Шмидт и Аполлинарий Васильевич Рудаков — ученики В. П. Васильева. В июле 1899 г. директор Восточного института А. М. Позднеев в докладной записке министру народного просвещения Н. П. Боголепову ²³⁴ высказывал свои соображения о замещении профессорско-преподавательских должностей в новом вузе ²³⁵. В первый учебный год (1899/1900) для чтения собственно восточных наук требовалось всего два профессора — один профессор китайского языка и один — для чтения общего курса географии и этнографии Китая, Кореи и Японии, обзора их политического устройства и религиозного быта. По мнению А. М. Позднеева, представлялось «необходимым поручить в настоящем году преподавание собственно восточных наук Рудакову и Шмидту, причем, казалось бы, более соответственным пользе дела возложить преподавание китайского языка на Шмидта, чтение же лекций по восточным историческим наукам временно поручить Аполлинарию Рудакову»

При решении данного кадрового вопроса следовало руководствоваться Положением о Восточном институте, 16-й пункт которого гласил:

Профессорами института назначаются лица, получившие в университете ученую степень по избранной специальности. В случае невозможности приискания таких лиц, исполняющими должность [и. д.] профессоров могут быть определяемы и лица, которые, хотя и не имеют ученой степени, но известны своими основательными познаниями, учеными трудами или опытностью в преподавании ²³⁷.

Так как А. В. Рудаков и П. П. Шмидт в 1899 г. не имели ученых степеней, они могли быть назначены и. д. профессоров. А. М. Позднеев ходатайствовал, чтобы это сделали с 1 июля 1899 г. 238 , распределив учебную нагрузку так, как предлагалось выше.

Высочайшим приказом по гражданскому ведомству за № 60 от 13 августа 1899 г. окончившие курс наук в Императорском Санкт-Петербургском университете А. В. Рудаков и П. П. Шмидт назначались и. д. профессоров китайского языка в Восточный институт с 1 июля того же года. В сентябре Министерство народного просвещения направило в институт 1250 руб. для выдачи этих денег молодым специалистам китайского языка (по 500 руб. каждому) на путевое пособие для их переезда из Пекина во Владивосток; 250 руб. предпо-

²³³ См.: Положение о Восточном институте // Справочная книжка по Восточному институту в г. Владивостоке на 1909 год. Владивосток, 1909. С. 11.

²³⁴ Николай Павлович Боголепов (1846–1901) — русский правоведцивилист, министр народного просвещения (1898–1901).

 $^{^{235}}$ Приморский государственный объединенный музей (далее: ПГОМ), г. Владивосток. Ф. 2. Оп. 1. Д. 6. Л. 13.

²³⁶ ПГОМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 6. Л. 13.

²³⁷ Положение о Восточном институте. С. 3.

²³⁸ ПГОМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 6. Л. 14.

лагалось израсходовать на приезд во Владивосток лектора китайского языка. Таким образом, директор Восточного института А. М. Позднеев, хорошо зная А. В. Рудакова и П. П. Шмидта как ответственных, работоспособных студентов Санкт-Петербургского университета, добился направления их по окончании зарубежной командировки на работу в открываемый во Владивостоке вуз.

Аполлинарий Васильевич Рудаков родился 9 июня 1871 г. в Ленкорани Бакинской губернии; отец его — Василий Рудаков, родом из крестьян, умер в 1883 г., оставив семью без средств к существованию. Аполлинарий признавался: «Я начал зарабатывать [на жизнь] с 15 лет от роду, давая уроки. Необеспеченность личная и в семье продолжалась до окончания мною курса в университете» ²³⁹.

Среднее образование А. В. Рудаков получил в седьмой Петербургской классической гимназии ²⁴⁰. Учителя отмечали: поведение гимназиста «вообще было отличное, исправность в посещении и приготовлении уроков, а также в исполнении письменных работ добросовестная, прилежание отличное и любознательность одинаковая ко всем предметам» ²⁴¹. В целом Аполлинарий отличался качествами, столь необходимыми для лингвиста. В среднем учебном заведении он получил хорошую филологическую подготовку: зная русский, изучил греческий, французский, латинский, немецкий языки.

Рудаков после учебы в гимназии решил поступать в столичный университет и покорнейше просил ректора Санкт-Петербургского вуза принять его студентом на восточный факультет. 16 июля 1891 г. Аполлинарий был зачислен в студенты данного факультета и, как он писал, посвятил себя «изучению Дальнего Востока по монгольско-маньчжурско-китайскому отделению» ²⁴².

В этом же году на этот же факультет пришел учиться Петр Петрович Шмидт, родившийся 13 декабря 1869 г. в Латвии. Его отец «Петр Шмиттер, прозванный Шмидт» ²⁴³, был из крестьян. По окончании Рижской губернской гимназии Петр поступил на историко-филологический факультет Московского университета. Однако, проучившись около года, он подал прошение ректору Санкт-Петербургского университета о зачислении его в студенты «по факультету восточных языков по китайско-маньчжурско-монгольскому отделению. Документы мои высланы Императорским Московским университе-44, — сообщал П. П. Шмидт. В соответствии с требованиями о переводе студентов из одного вуза в другой ректоры обменивались служебной информацией, содержавшей характеристику студентов. В документе, подписанном руководителем московского вуза, подчеркивалось: «Во время пребывания в университете Шмидт поведения был отличного, ни в чем предосудительном замечен не был и к переходу его в Санкт-Петербургский университет со стороны Московского университета препятствий не встречается» ²⁴⁵. То же подтверждало волостное правление Лифляндской губернии: П. П. Шмилт «никогда не состоял под уголовным следствием, а равно никогда не был наказан

²³⁹ ПГОМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 6. Л. 21.

²⁴⁰ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 28171. Л. 2, 2 об.

²⁴¹ Там же.

²⁴² Там же. Д. 15738. Л. 2, 3.

 $^{^{243}}$ Там же. Д. 28710. Л. 10, 32.

²⁴⁴ Там же. Д. 28171. Л. 1.

 $^{^{245}}$ Там же. Д. 28710. Л. 2.

полициею и в сей волости пользуется хорошей репутацией» ²⁴⁶. Петру приходилось много работать, чтобы компенсировать материальные затраты на обучение. Его отец умер, когда он учился в вузе; мать-вдова была не в состоянии помогать сыну финансами.

Студенты А. В. Рудаков и П. П. Шмидт слушали курсы по истории китайской литературы, истории Китая, маньчжурскому языку, истории маньчжурской литературы, монгольскому языку, истории монгольской литературы, калмыцкому наречию (три последние дисциплины читал А. М. Позднеев), общему курсу истории Востока, истории восточной части Средней Азии и другие предметы; китайским языком овладевали под руководством профессоров В. П. Васильева, Д. А. Пещурова, А. И. Ивановского, лектора-китайца Гао Иньци и др. П. П. Шмидт дополнительно прослушал курсы по литовскому и английскому языкам, истории римского права, истории русского права, истории философии права, энциклопедии права, государственному праву, международному праву, политической экономии ²⁴⁷. «Испытательная комиссия восточных языков, — отмечал А. В. Рудаков в автобиографии, — 17 мая 1896 г. удостоила меня диплома I степени, выданного 2 сентября 1896 г. за № 9196» ²⁴⁸; П. П. Шмидт также получил документ об успешном окончании университета ²⁴⁹

Таким образом, получая среднее и высшее образование, Аполлинарий Васильевич Рудаков и Петр Петрович Шмидт проявили как исключительное трудолюбие, так и лингвистические способности. Первый овладевал десятью языками ²⁵⁰, а второй — двенадцатью ²⁵¹. Оба знали, кроме русского, немецкий, английский, французский, китайский, маньчжурский, монгольский, калмыцкий языки; А. В. Рудаков владел еще греческим и латинским, а П. П. Шмидт литовским, эстонским, польским, шведским.

Молодые, талантливые выпускники Санкт-Петербургского университета были направлены в трехгодичную командировку в Пекин. Об их приезде в цинскую столицу сообщалось в «Новом времени»: «В данное время в Пекине собралось много русских, прибыли из Петербурга двое молодых кандидатов университета, командированные для изучения кит[айского] яз[ыка] и замещения затем кафедры этого языка во Владивостокской гимназии и институте» ²⁵². На наш взгляд, более точно характер и место будущей трудовой деятельности указывал П. П. Шмилт: преподавать во Владивостокской гимназии ²⁵³. Итак, в 1896 г. речь шла о подготовке китаистов-преподавателей для мужской гимназии во Владивостоке. И только позже Шмидту и Рудакову «частным образом» сообщили их профессора о планах открыть в этом городе «практический институт восточных языков».

²⁴⁸ ПГОМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 5. Л. 1.

²⁴⁶ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 28710. Л. 32 об.

²⁴⁷ Там же. Л. 45.

²⁴⁹ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 28710. Л. 45.

 $^{^{250}}$ Подсчитано по: ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 28171. Л. 2 об., 42.

 $^{^{251}}$ Подсчитано по: *Стабурова Е. Ю.* Китаевед П. П. Шмидт // Общество и госу-

дарство в Китае. Ч. 3. М., 1983. С. 212.

252 История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года. С. 65. ²⁵³ РГИА. Ф. 560. Оп. 29. Д. 81. Л. 140 об., 141.

Несомненный исторический интерес представляют поставленные перед П. П. Шмидтом и А. В. Рудаковым задачи, которые им следовало решить в Китае. Оба были уверены, что командированы за границу для практического изучения китайского разговорного языка 254 , а «вовсе не для исследования китайской истории, географии или для ученых отчетов, рефератов и т. п.» 255 , — уточнял в 1897 г. П. П. Шмидт.

В связи с обсуждавшейся в Министерстве народного просвещения в 1898 г. идеей открытия во Владивостоке не среднего, а высшего востоковедческого заведения молодых китаистов сориентировали «на ознакомление с коммерческою географиею, историею и государственным устройством Китая» ²⁵⁶.

В серьезную проблему выливалась методика реализации задач изучения китайского языка и Китая. П. П. Шмидт вспоминал, какие наказы давали им профессора Санкт-Петербургского университета перед поездкой в Китай:

А. [М.] Позднеев учил нас, что больше всего надо изучать китайскую промышленность и торговлю и постоянно путешествовать из города в город, А. [О.] Ивановский, в свою очередь, давал нам совет изучать те самые книги Конфуция, которые частично уже читали в университете. О значении китайского разговорного языка и особенностях произношения не было сказано ни слова ²⁵⁷.

Оказавшись в Китае и присмотревшись к обстановке, выпускники университета пришли к заключению о несовместности серьезного изучения китайского языка и выполнения профессорских советов. Выше было отмечено, что раскинувшийся на больших пространствах китайский народ образовывал в своих городах массу наречий. В этой связи П. П. Шмидт дает в автобиографии два важнейших пояснения. Первое: «...бесконечно путешествуя из одного диалектного района в другой, мы бы никогда не овладели разговорным китайским языком»; второе: «...не живя на одном месте, мы бы не располагали достойным временем для занятий очень тяжелым китайским классическим стилем. Таким образом, — заключал П. П. Шмидт, — приехав во Владивосток, мы бы смогли кое-что порассказать о китайской жизни и торговле, но не смогли бы сами разговаривать с китайцами и не сумели бы учить китайскому языку своих студентов» ²⁵⁸. В этом контексте выглядит ошибочным утверждение Л. И. Сем, что во время командировки в Китай П. П. Шмидт «продолжает изучать китайский и маньчжурский языки» ²⁵⁹.

Вот почему А. В. Рудаков распрощался с планами путешественника и засел за изучение китайского языка, П. П. Шмидт также остался в Пекине и приступил к основательному изучению пекинского диалекта, не упуская возможности педагогической деятельности. В 1898 г., то есть за год до открытия

²⁵⁴ РГИА. Ф. 560. Оп. 29. Д. 81. Л. 140 об.; ПГОМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 6. Л. 15.

²⁵⁵ РГИА. Ф. 560. Оп. 29. Д. 81. Л. 140 об.

²⁵⁶ Там же. Л. 140 об., 141.

 $^{^{257}}$ Стабурова Е. Ю. Китаеведение в «Моей автобиографии» П. П. Шмидта // Кюнеровские чтения. СПб., 2001. С. 206.

²⁵⁸ Там же.

 $^{^{259}}$ *Сем Л. И.* Вклад П. П. Шмидта в изучение культуры народов советского и зарубежного Дальнего Востока // Культура народов Дальнего Востока СССР (XIX—XX вв.). Владивосток, 1978. С. 102.

во Владивостоке Восточного института, в Пекине открылся университет ²⁶⁰. Шмидт стал преподавать в нем русский язык. Е. Ю. Стабурова, опираясь на воспоминания Шмидта, предполагает, что преподавателя из России ценили в Китае. Вот доказательство: «...когда подошел срок окончания командировки, китайские власти предложили П. П. Шмидту перейти на постоянную работу, при этом они сулили хороший оклад и выражали готовность выплатить России деньги, затраченные на его обучение. Но его не прельстила подобная перспектива» ²⁶¹.

Будущих преподавателей-китаистов волновал вопрос: правильно ли они работают над изучением китайского языка и Китая? Несмотря на то, что отчет о зарубежной командировке им полагалось представить по ее окончании, П. П. Шмидт раньше обратился в департамент Министерства народного просвещения с письмом, в котором подробно изложил, как он занимается изучением китайского языка, как намерен преподавать его, и просил сообщить, можно ли признать его методы целесообразными ²⁶².

Так же поступил А. В. Рудаков. В мае 1899 г. он писал в МНП:

Будучи командирован осенью 1896 г. в Китай... я по прошествии двух лет осмеливаюсь почтительнейше представить на рассмотрение... отчет в том, что было сделано мною за это время по части изучения языка. Поскольку отчет будет довольно большим, то я решил посылать по частям, по мере того, как пишется мною 263 .

Ответов на отчеты П. П. Шмидта и А. В. Рудакова из Министерства не поступило, не было прислано никаких инструкций или более определенных условий относительно работы молодых китаистов.

Отсутствие ежегодных официальных отчетов о занятиях А. В. Рудакова и П. П. Шмидта в Пекине не давало возможности судить, например, директору Восточного института А. М. Позднееву, «не только о количестве и качестве их познаний, а даже и об общем направлении их занятий» 264 . Вместе с тем из частной переписки профессора, по доходившей до него информации, он был уверен, что молодые люди «с достаточным усердием работали над изучением Китая, его языка и литературы» 265 .

Учеба и жизнь в Пекине были нелегкими по многим обстоятельствам. Командированные в Китай Рудаков и Шмидт очень скоро столкнулись с острой нехваткой денежных средств. Им полагалась годовая стипендия по 2000 руб. каждому. Для сравнения: студент в китайской миссии получал не только ежегодную стипендию 3000 руб., но и деньги на командировки внутри Китая, пользовался казенной мебелью, предметами первой необходимости и др. В январе 1897 г. П. П. Шмидт сообщал декану восточных языков Санкт-

 $^{^{260}}$ Пекинский университет (北京大学) был создан в 1898 г. Тогда его именовали Императорской школой (京师大学堂), только после Синхайской революции 1912 г. он стал называться Пекинским университетом.

²⁶¹ *Стабурова Е. Ю.* Китаевед П. П. Шмидт. С. 213.

 $^{^{262}}$ РГИА. Ф. 560. Оп. 29. Д. 81. Л. 140 об., 141.

 $^{^{263}}$ ПГОМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 6. Л. 15.

 $^{^{264}}$ Там же. Л. 13 об.

²⁶⁵ Там же.

Петербургского университета В. Р. Розену ²⁶⁶ о больших расходах при переезде из столицы России через Сибирь в Пекин: «Жизнь в Пекине обходится нам не вдвое, но втрое дороже, чем нам говорили. Самый дешевый обед и завтрак, который мы могли найти в Пекине, стоят 35 долл. в месяц. Хлеб, чай, сахар, стирка белья, освещение и другие мелкие расходы не меньше 25 долл., отопление 23 долл. (!) в месяц» ²⁶⁷.

Интересно, что учителю китайского языка (сяньшэну) нужно было платить 20 долл. в месяц (240 долл. в год). Шмидт подчеркивал: «Без книг мы тоже не можем обойтись. Все здешние знатоки китайского языка советует нам изучать этот язык со всеми тонами и по новейшим пособиям. Словарь Джайтса (75 руб.), учебник Вэда (16 долл.), Бушэ и другие тому подобные книги стоят недешево». Далее Петр Петрович уточнял: «Живя в Пекине, мы должны пользоваться случаем и покупать важнейшие китайские книги» ²⁶⁸. Действительно, находясь в командировке в Китае, П. П. Шмидт и А. В. Рудаков приобретали необходимую литературу.

 Π . Π . Шмидт просил декана «похлопотать об улучшении нашего положения, предоставляя нам добавочных средств, при помощи которых мы могли [бы] успешно выполнить возможные на нас поручения» 269 .

По совету В. Р. Розена, П. П. Шмидт и А. В. Рудаков в марте 1897 г. обратились к ректору Санкт-Петербургского университета «с просьбой ходатайствовать об увеличении ассигнованного им содержания» ²⁷⁰. В мае просьбу выпускников-китаистов поддержал совет факультета восточных языков, предлагая увеличить им стипендию на 750 руб. каждому. Среди возможных статей расходов указывались покупка книг и пособий, наем учителей из китайцев ²⁷¹. Российский император Николай II Высочайшим повелением от 9 июня 1897 г. согласился на увеличение размера стипендий «командированным в Китай для приготовления к должности учителей китайского языка во Владивостокском Восточном институте Рудакову и Шмидту с 2000 руб. до 2700 руб. в год каждому» ²⁷². Достаточно быстрое по тем временам, к тому же положительное решение о повышении стипендий говорило о государственной заинтересованности в подготовке специалистов по китайскому языку и Китаю.

Китаисты А. В. Рудаков и П. П. Шмидт прибыли во Владивосток, первый — 16 октября 1899 г., а второй — месяцем раньше, 12 сентября 273 . Они

²⁶⁶ Виктор Романович Розен (1849–1908) — русский востоковед-арабист, академик Петербургской академии наук 1890 г., вице-президент Академии наук 1900 г., с 1872 г. приват-доцент, затем профессор арабской словесности в Санкт-Петербургском университете, в 1893–1902 гг. — декан факультета восточных языков этого вуза.

²⁶⁷ ПФА РАН. Ф. 777. Оп. 2. Д. 530. Л. 1 об.

²⁶⁸ Там же. Л. 2.

²⁶⁹ Там же. Л. 2 об.

²⁷⁰ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 8468. Л. 8.

 $^{^{271}}$ Протоколы заседаний Совета Императорского Санкт-Петербургского университета за 1897 год. СПб., 1898. № 53. С. 67.

²⁷² ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 8468. Л. 9.

²⁷³ РГИА ДВ. Ф. 226. Оп. 1. Д. 19. Л. 15, 15 об. Некоторые авторы, например, Л. И. Сем, ошибочно указывают пятилетнее, а не трехлетнее пребывание П. П. Шмидта в Пекине и год его приезда во Владивосток — 1900-й, а не 1899-й. См.: Сем Л. И. Вклад П. П. Шмидта в изучение культуры народов советского и зарубежного Дальнего Востока. С. 101.

привезли богатейший запас знаний, впечатлений и книг, что позволило им не только приступить к преподаванию учебных дисциплин, но и начать подготовку диссертационных исследований.

Восточный институт во Владивостоке являлся новым не только по времени своего открытия, но и по предметам, в нем преподаваемым. Изучение восточных языков и всех остальных курсов востоковедения носило в нем чисто практический характер, в отличие от господствовавшего тогда в России научно-теоретического изучения Востока. В этой связи Аполлинарий Васильевич Рудаков отмечал: «С открытием Восточного Института, как высшего рассадника современного востоковедения, — начиная с живых восточных языков и кончая общественно-бытовым и полит[ическим], экономическим строем Д[альне]В[осточных] стран, — в области преподавания китайского яз[ыка] приходилось прокладывать совершенно новые пути для его практического изучения» ²⁷⁴, заложив эти новые пути в программы ²⁷⁵ предметов преподавания. До 1899 г. в России китаеведение основывалось исключительно на китайской классической литературе.

В соответствии с «Инструкцией в дополнение к Положению о Восточном Институте в г. Владивостоке» 276 , перед началом академического года каждый профессор и каждый преподаватель обязаны были представлять в Конференцию вуза учебно-методические документы по предложенным к чтению курсам 277 .

Несомненный интерес представляет «Обозрение преподавания по кафедре китайской словесности» на первый, 1899—1900 учебный год, опубликованное в «Известиях Восточного института» ²⁷⁸. Оно было составлено и. д. профессора Петром Петровичем Шмидтом в объеме менее двух страниц машинописного текста и имело Введение, в котором ставились вопросы, касающиеся положения китайского языка при морфологической классификации языков, главных диалектов и их важнейших особенностей, значения мандаринского наречия и деления его на северное, или пекинское, и южное, или нанкинское. В разделе «Лекции по языку» перечислялись их темы: имя существительное, имя прилагательное, имя числительное, местоимение, глагол и т. д.

Составной частью методического обеспечения на второй учебный год (1900/01) стало подготовленное П. П. Шмидтом «Обозрение преподавания китайского разговорного языка для студентов первого курса на 1900/01 учебный год» ²⁷⁹. В отличие от предыдущего документа, также адресованного первокурсникам, оно имело более солидное Введение. В нем делались акценты на характерных особенностях китайской грамматики, на положении китайского языка при генетической и генеалогической классификации языков, на различиях между разговорным и литературным вариантами китайского языка и значении последнего на Дальнем Востоке России, на фонетических правилах

²⁷⁴ ПГОМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 5. Л. 2.

 $^{^{275}}$ В конце XIX — начале XX в. программы учебных курсов назывались обозрениями.

ниями. 276 Инструкция в дополнение к Положению о Восточном Институте в г. Владивостоке // Известия Восточного ин-та. Владивосток, 1900. С. 39.

²⁷⁷ Там же. С. 4–5.

²⁷⁸ Известия Восточного института. Т. І. С. XXVI–XXVII.

 $^{^{279}}$ Известия Восточного института. Т. II. Вып. 1. Владивосток, 1901. С. 29–30.

изменения согласных в начале и в конце звуковых комплексов, на тонах и разных долготах гласных в китайском языке и др.

Две другие взаимосвязанные части программы включали лекции по языку и чтению текстов. В лекциях по языку упор делался на изучение грамматики китайского языка и ее характерных особенностей (имена существительные и частицы их образования, имена прилагательные и степени сравнения, склонение, имя числительное и числительные частицы, местоимения, разные отрицания, важнейшие вспомогательные глаголы, окончательные частицы и т. д.). Чтение китайских текстов опиралось на объяснение важнейших грамматических правил.

Необходимо особо подчеркнуть, что в программе преподавания китайского разговорного языка на 1901/02 учебный год появляется новый момент: деление курса на теоретическую и практическую части. Теоретический курс занимал шесть лекций в неделю и содержал, кроме вопросов, указанных выше, разные способы транскрипции китайских слов, важнейшие фонетические изменения в произношении иероглифов; предусматривал ознакомление студентов Восточного института со словарями китайского языка, с ключевыми, тоническими и рифмическими словарями китайских ученых. По мнению профессора П. П. Шмидта, «основательное и полное понимание языков возможно только при помощи грамматических сведений, а потому и в основу изучения китайского языка полагается грамматика, т. е. правила употребления разных частей» ²⁸⁰. Но чтобы слушатели могли сосредоточиться на самом главном, П. П. Шмидт считал целесообразным мелкие подробности и редкие исключения упоминать лишь при удобном случае, во время чтения текстов.

В соответствии с программой практические занятия должны были проводиться по четыре часа в неделю под руководством профессора и при участии сяньшэна. Они включали, во-первых, чтение и перефразирование легких текстов, во-вторых, упражнения в китайской каллиграфии по прописям и без них 281 .

По-иному строилась программа преподавания разговорного китайского языка для студентов третьего курса. Она предусматривала только пять часов занятий в неделю (два часа лекционных и три — практических), то есть в два раза меньше, чем на первом курсе. С одной стороны, специальный раздел программы (теоретический) был посвящен, китайскому литературному языку и предполагал очерк китайской исторической и географической литературы, чтение нескольких книг, в том числе по истории Маньчжурии из книги «Шэну-цзы» с историческими и географическими разъяснениями и указанием разницы между литературным и разговорным языком, и чтение описания столкновений между Китаем и Россией по книге «Дун-бэй-бян-фан-цзи-яо» 282 с историческими комментариями.

С другой стороны, анализируемая программа намечала лекции по китайскому разговорному языку. Чтение более трудных текстов должно было идти с грамматическими объяснениями, с указанием на синонимы и общеупотре-

 $^{^{280}}$ Обозрение преподавания китайского разговорного языка на 1901/02 учебный год, составленное и. д. профессора П. П. Шмидтом // История Дальневосточного государственного университета в документах и материалах. 1899–1939. Владивосток, 1999. С. 175–176.

²⁸¹ Там же. С. 177.

²⁸² 东北边防纪要 — Записки о Северо-востоке.

бительные обороты и выражения. Для разъяснения следовало приводить литературные, а также грамотные мандаринские обороты, сравнивать маньчжурский и монгольский переводы читаемых текстов.

Программа регламентировала трехразовые практические занятия в неделю под руководством сяньшэна. Задача студентов заключалась в выполнении домашнего задания — читать и переводить тексты перед их разбором во время аудиторных занятий. В обязанности сяньшэна входило объяснение каждой фразы на доступном разговорном или литературном китайском языке, чтение текстов, диалоговое общение, например, с привлечением китайских анекдотов ²⁸³.

Изменение содержательной и методической частей преподавания китаеведческих дисциплин подчеркивает другой документ — «Обозрение преподавания по кафедре китайской словесности, составленное профессором П. П. Шмидтом» ²⁸⁴ в 1911/12 учебном году. Предназначенное для первого курса (6 лекций в неделю), оно имело три части. Первая часть — теоретическая: введение в изучение китайского языка, то есть общая характеристика китайского языка и письменности; положение китайского языка среди других языков; различие между разговорным и литературным языком; фонетика китайского языка; важнейшие словари и их системы; грамматика, значение грамматики в китайском языке; этимология китайского языка и др.

Следует обратить внимание на существенное новшество в проведении практических занятий: одна часть практических занятий велась под руководством профессора (чтение китайских текстов в связи с изучаемыми вопросами грамматики, грамматический разбор, перефразировка и переводы с русского языка на китайский); другой частью практики руководил китайский сяньшэн, делая упор на разговорах по-китайски, на подготовке к чтению китайских текстов, на китайской каллиграфии.

В соответствии с программой второкурсники на двух лекциях в неделю изучали теоретические вопросы, в том числе особенности грамматики литературного китайского языка: имя существительное, определительная частица, местоимения, имя числительное, глагол, наречия и предлоги и др. Значительное место в программе отводилось практическим занятиям под руководством профессора: чтение китайских официальных бумаг и выдержек из газет с грамматическим разбором, сопоставление литературного языка с разговорным. Уже одно это положение говорит о более высоком уровне освоения китайского языка второкурсниками 1911/12 академического года по сравнению с их предшественниками в 1901/02 академическом году.

Занятия по разговорному языку (три лекции в неделю) также делились на две части. Первая — краткий обзор китайской словесности, чтение китайской повести с грамматическими, этнографическими и историческими пояснениями; перефразировка и переводы с русского языка на китайский. Вторая часть включала практические занятия под руководством китайского лектора, в ходе

²⁸³ Еланцева О. П., Трубич О. А., Лю Лицю. «Научить слушателей говорить, читать и писать по-китайски»: записки профессоров китайской словесности Восточного института А. В. Рудакова и П. П. Шмидта (1915) // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2015. № 4 (34). С. 36.

²⁸⁴ Обозрение преподавания по кафедре китайской словесности, составленное профессором П. П. Шмидтом // Известия Восточного ин-та. 13-й год издания. Приложение 2. Владивосток, 1914. С. 1–5.

которых шла подготовка к чтению китайских текстов и упражнения в разговорном языке.

Тщательное знакомство с программами курсов, читаемых в Восточном институте, позволяет говорить об активном косвенном изучении китайского языка по предметам, казалось бы, отдаленным от изучения китайского языка. Это хорошо видно на следующем примере. В 1912 г. А. В. Рудаков значительно переработал программу преподавания на III и IV курсах Восточного института по предмету торгово-промышленной деятельности Китая ²⁸⁵ (по 3 часа в неделю). В ней три части: введение; объект торговой деятельности и ее объективные условия; капитал, банк, банковские операции. Из программы четко следует, что А. В. Рудаков намерен не только раскрыть суть данных вопросов, но и подкрепить их терминологией на китайском языке. По нашим подсчетам, в данном учебно-методическом документе встречается около 90 китайских терминов по торгово-промышленной деятельности ²⁸⁶: торговля 商业, банк 银 行, страхование 保险, купец 商人, соглашение 合同, медная монета 铜元 и многие др. Можно предположить, что в ходе лекций использовался более широкий понятийный аппарат на китайском языке. Термины даны не иероглифами, а в транскрипции слов, тем не менее взаимосвязь курса с изучением китайского коммерческого языка прослеживается хорошо. На это же указывают специальные акценты учебной программы, например, в разделе «цена» Рудаков пишет: китайская терминология, некоторые особенности китайской фразеологии при обозначении цены; в разделе «товар» — китайская терминология в прямом и переносном смысле слова 287

Можно сослаться на преподавательский опыт еще одного профессора Восточного института — Н. В. Кюнера, который читал лекции по «Коммерческой географии». Изучение разработанных им материалов позволяет утверждать, что он, подобно А. В. Рудакову, активно опирался на китайскую терминологию, вводил ее в учебный процесс ²⁸⁸, давал широкую картину китаевеления.

В Восточном институте активно внедрялась новая методика преподавания. В ней профессора-китаисты видели новизну и соответствие духу и задачам нового востоковедческого вуза. Преподавание китайского языка в институте существенно отличалось от такового в Санкт-Петербургском университете. В Восточном институте профессор китайского языка не был «лектором, читающим с кафедры теорию языка или только интерпретатором восточных языков», а выступал педагогом в учебной области этого дела, не ограничиваясь сообщением сведений того или иного характера своим слушателям. Преподавание шло «на основании особых методик подачи знания, благодаря ко-

²⁸⁵ 25 августа 1912 г. А. В. Рудаков отправил указанную программу председателю Совета министров Российской империи, министрам народного просвещения, торговли, промышленности, российским послам в Японии и в Китае, Приамурскому генералгубернатору и другим государственным деятелям, подчеркнув, что программа дополнена материалами, собранными профессором в ходе командировок в Китай в 1910—1911 гг. — РГИА ДВ. Ф. 226. Оп. 1. Д. 372. Л. 164.

²⁸⁶ *Рудаков А. В.* Программа преподавания в Восточном институте по предмету торгово-промышленной деятельности Китая. Владивосток, 1912. С. 1–13. ²⁸⁷ Там же. С. 7–8.

²⁸⁸ См., например: *Кюнер Н. В.* Новейшая история стран Дальнего Востока. Ч. ІІ. Обзор сношений Китая с европейскими державами с XVI столетия до 1842 года. Вып. І. Изд. 2-е. Владивосток, 1912. С. 15, 39, 61, 67 и др.

торым с первых же лекций устанавливается живая связь между преподавателем и учащимися, — связь, дающая возможность с первых же шагов изучения языка механически вводить слушателей в области живой устной речи» 289 .

По мнению А. В. Рудакова, «в такой работе обыкновенно участвует вся аудитория. Внимание каждого слушателя направляется по одному общему руслу, оно в достаточной степени напрягается, так как в течение часа профессор имеет возможность уделить по несколько минут каждому студенту, контролируя степень усвояемости преподанного и приходя на помощь объяснениями там, где только высказанное положением не понятно как следует» 290.

Таким образом, «вместо полусонного сидения на парте с ожиданием получить в конце года профессорские записки для экзаменов, одновременно с сим слушатели с первых же лекций начинают говорить по-китайски. Такой результат обеспечивается тем, что материал по изучению живой речи на лекциях предполагается в устной форме, а не при помощи разбора текстов со всей их неуклюжей тяжеловесной интерпретацией, громоздким грамматическим материалом и запутанной лексикологией, оставляющими в умах слушателей разговорный язык мертвым неподвижным балластом, воспринятым притом кое-как дома по запискам» ²⁹¹. Весьма важным видится еще одно замечание А. В. Рудакова: «Конечно, — отмечал он, — подобная работа требует специальной подготовки и опыта с стороны преподавателя, и поручать ее только полуобразованному, в лучшем случае, восточному лектору-туземцу было бы ошибочно. И поэтому не только руководство, но и вся, если можно так выразиться, "черная" работа по внедрению знания устной китайской речи лежит на профессоре» ²⁹².

При подобном ведении дела степень посещения таких лекций со стороны студентов была значительно выше, так как пропуск нескольких лекций создавал значительные затруднения в правильном усвоении материала. Во время таких лекций студенты обнаруживали свои знания и могли продемонстрировать их в присутствии всей аудитории. Самолюбие редко позволяло «плестись в хвосте». Лекции профессоров-китаистов в Восточном институте носили характер практических занятий. На них закладывалось прочное основание и давался толчок к овладению китайским языком.

Другим важным составным элементом научно-учебной основы практического китаеведения в Восточном институте должны были стать учебники, пособия, хрестоматии. Преподаватели нового института не могли воспользоваться при чтении учебных курсов готовыми изданиями. П. П. Шмидт пояснял:

Грамматик и учебников китайского языка издано в последнее время на европейских языках довольно много, так что издание нового пособия этого рода считать не особенно необходимым. Ближе ознакомившись с этими книгами, я убедился, что они не совсем соответствуют нашим требованиям ²⁹³.

²⁸⁹ РГИА. Ф. 733. Оп. 155. Д. 1211. Л. 8–9.

²⁹⁰ Там же. Л. 9.

²⁹¹ А. В. Рудаков имел в виду методику преподавания, которая широко использовалась в Санкт-Петербургском университете. Ее положительные и отрицательные стороны отмечал академик В. М. Алексеев.

²⁹² РГИА. Ф. 733. Оп. 155. Д. 1211. Л. 9.

 $^{^{293}}$ Шмидт П. П. Опыт Мандаринской грамматики с текстами для упражнений: пособие к изучению разговорного китайского языка Пекинского наречия. Владивосток, 1902. С. III.

По мнению П. П. Шмидта, учебник Т. Ф. Вэда давал прекрасный материал по разговорному языку, но составлен был без грамматики и даже без всякой научной системы. Наиболее пригодным не только для преподавания в учебных заведениях, но и вообще для систематического и осмысленного изучения языка считался учебник Арендта. «В нем мы находим подробные объяснения грамматических правил с многочисленными примерами для чтения, — уточнял П. П. Шмидт, — но, к сожалению, фразы на устаревшем языке и некоторые редкие слова часто являются для начинающего лишними» ²⁹⁴.

На аналогичную проблему — отсутствие в 1899 г. научной и учебной базы для постановки китаеведения в Восточном институте, но с позиции ее наличия в блоке российских изданий — указывал А. В. Рудаков в автобиографии:

...Основною задачею вновь назначенного профессора-китаиста /т. е. моею/ являлась выработка новых методов преподавания современного живого китайского языка. Необходимо было приступить к обработке и изданию новых учебников, за недостатком таковых вообще в русской литературе 295

А. В. Рудаков и П. П. Шмидт, не отвергая, а активно используя учебники и учебные пособия своих зарубежных коллег, провели большую работу по созданию собственных учебно-методических материалов, помогавших студентам и офицерам-слушателям Восточного института овладевать китайским

По нашим подсчетам 296, у двух профессоров-китаистов Восточного института было учебно-методических пособий больше, чем научных работ. С 1899 г. по 1917 г. у А. В. Рудакова появились 22 опубликованные работы, среди них 14 трудов было посвящено учебно-методической базе, а 8 — научной; у П. П. Шмидта — 15 опубликованных трудов, в том числе 10 — учебнометодической направленности, а 5 — научного характера. По нашим неполным данным, с 1899 г. по 1920 г. они подготовили и издали около четырех десятков работ по вопросам китаеведения, по Китаю. Учитывая, что отдельные издания имели внушительный объем — до 150, 200, 300 страниц и даже, как у П. П. Шмидта, до 484 страниц ²⁹⁷, следует признать высокую результативность научно-исследовательской и учебной деятельности Аполлинария Васильевича Рудакова и Петра Петровича Шмидта.

Остановим внимание на нескольких изданиях А. В. Рудакова. Одним из первых вышло учебное пособие Гуань-хуачжи-нань (官话指南) «Руководство к изучению китайской мандаринской речи» ²⁹⁸. А. В. Рудаков включил в него восемь уроков, в каждом из которых в самом начале автор давал китайский текст, затем по каждому предложению приводил китайскую транскрипцию и

²⁹⁴ *Шмидт П. П.* Опыт Мандаринской грамматики с текстами для упражнений: пособие к изучению разговорного китайского языка Пекинского наречия. Владивосток, 1902. С. III. ²⁹⁵ ПГОМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 5. Л. 2.

 $^{^{296}}$ Подсчитано по данным: *Скачков П. Е.* Библиография Китая. С. 198, 327, 336, 348, 360, 454, 458, 468, 474, 496, 531, 532, 535, 550, 551, 553, 662, 664, 665, 674, 679.

Шмидт П. П. Опыт Мандаринской грамматики с текстами для упражнений... Владивосток, 1915. 484 с.

³ Рудаков А. В. Учебное пособие Гуань-хуа чжи-нань (官话指南) «Руководство к изучению китайской мандаринской речи». Вып. І. Владивосток, 1904. 28 с.

русский перевод. Все это профессор сопровождал примечаниями на русском языке, объясняя слова и их грамматическое значение в контексте ситуации в Китае. Например, в материалах первого урока по теме «Китайские имена» А. В. Рудаков пояснял, что в Китае имя человека «переменяется несколько раз в жизни, сообразно с возрастом, служебным положением и проч. данного лица. Так, через месяц по рождению, ребенок получает молочное, детское имя, называемое по-китайски жу-минь ²⁹⁹, или в просторечии чаще сяо-минь-эр ³⁰⁰, допустим, фу-эр ³⁰¹. Официальное имя, например, Вань Ичжи, Вань — фамилия, Ичжи — имя» ³⁰². Иными словами, профессор давал концепты в китайской языковой картине мира, то есть через изучение языка студенты знакомились с историей, культурой, общественным положением китайцев.

Совершенствуя методику преподавания и изучения китайского языка, профессор Рудаков обратился к зарубежному опыту и в 1905 г. издал учебное пособие «Практическое руководство к изучению мандаринского наречия по системе Т. Ф. Вэда» ³⁰³. Это издание содержало сорок уроков с постепенным переходом от простого, легкого материала к более сложному и трудному. Так, первый урок посвящен знакомству с цифрами, второй урок — указательным словам и местоимениям. Факты были взяты из жизни, из живого китайского языка, из современного общения. По нашему мнению, такая подача материала способствовала хорошему пониманию и усвоению основ китайского языка.

Не меньший интерес представляют два других учебных пособия А. В. Рудакова: «Образцы официальных бумаг на китайском языке» ³⁰⁴ (1905 г.) и «Обзоры новейших официальных бумаг и государственных актов на китайском языке» ³⁰⁵ (1912). Издание этих пособий отделяют друг от друга семь лет. Второе пособие значительно, почти на треть, больше первого по объему, и его материалы подчинены как изучению китайского языка, так и политической организации Китая. В работах приведены разные образцы официальных бумаг: дипломатические письменные свидетельства, государственные приказы, докладные записки государственных служащих, государственные объявления, официальные уведомления, экономические документы и др. К последним относятся свидетельство о владении землей, свидетельство о доме, разные контракты. В пособии 1912 г. содержатся официальные уведомления, заявления, государственные приказы о запрещении курения опиума, о прекращении экзамена кэцзюй ³⁰⁶, объявление о том, что император отрекся от престола, и др.

²⁹⁹ 乳名 — молочное имя.

³⁰⁰ 小名儿— неофициальное имя.

³⁰¹ 福儿 — имя человека.

³⁰² *Рудаков А. В.* Учебное пособие Гуань-хуа чжи-нань... С. 2–3.

³⁰³ *Рудаков А. В.* Практическое руководство к изучению мандаринского наречия по системе Т. Ф. Вэда Т. І. Вып. І. Верхнеудинск, 1905. 70 с.

³⁰⁴ *Рудаков А. В.* Образцы официальных бумаг на китайском языке: пособие к изучению официального китайского языка для студентов Восточного института. Ч. 1, вып. І. Верхнеудинск, 1905. 91 с.

³⁰⁵ *Рудаков А. В.* Обзоры новейших официальных бумаг и государственных актов на китайском языке: пособие к лекциям по китайскому языку и политической организации современного Китая. Вып. І. Владивосток, 1912. 128 с.

³⁰⁶ Кэцзюй 科举考试— система государственных экзаменов в Китае для получения ученой степени и права поступления на должность. Считалось, что эта форма экзамена позволяла выбирать лучших людей для государственного управления в

Общественно-политическая ситуация в Китае и государственное устройство преобразовывались стремительно, менялась жизнь, модифицировался язык. Все это требовало подготовки и издания пособий с определенной периодичностью. Своевременно подготовленная, обновленная учебная литература позволяла студентам быть в курсе изменений в документообороте государственных структур, видеть и понимать регламент оформления тех или иных деловых бумаг и их содержательную сторону. Через изучение этих официальных письменных источников студенты, с одной стороны, учились читать и писать документы, а с другой — знакомились с экономикой, политикой, культурой, обычаями Китая.

В 1910 г. увидело свет другое учебное пособие А. В. Рудакова — «Вырезки из китайских газет, издаваемых на разговорном языке» ³⁰⁷, предназначавшееся для использования в лекциях по китайскому языку. Оно было составлено профессором на китайском языке, даже без примечаний и освещало широкие и разнообразные темы: образование, транспорт, народное творчество, маленький рассказ о семейной жизни китайцев и др. В начале XX в. китайский язык претерпевал большие изменения, по сути, языковую революцию, которая выражалась в появлении нового литературного стиля байхуа. До этого времени в Китае образованные люди говорили и изучали язык вэньянь — классический язык. Профессор Рудаков составил учебное пособие, учитывая не только языковой уровень обучающихся студентов Восточного института, но и развитие и изменения китайского языка в начале XX в.

Еще одна учебно-методическая работа профессора Восточного института — «Китайские разговоры официального и коммерческого характера» ³⁰⁸ содержала разные темы, в том числе «Отдача в залог земельного участка», «Заем денег на открытие меняльной лавки», «Подряд на плотничьи работы», «Разговор об урожае», «Раздел имущества между братьями», «Осенняя жатва», «Судебный процесс с соседом», «Продажа зерна», «Отдача в аренду фруктового сада», «Приключения на охоте», «Злоупотребление доверия» и др. Диалоги отличались количеством вопросов и ответов. Так, в диалоге «Часовых дел мастер» А. В. Рудаков приводил 73 вопроса и ответа, а в диалоге «Злоупотребление доверия» — всего 21 вопрос и ответ. Интересен диалог «Подряд на плотничьи работы». В нем, знакомя студентов с темой подряда, Рудаков давал (впрочем, как и в других диалогах) лаконичные, но емкие по смыслу примечания, позволявшие усваивать официальную и коммерческую лексику: правила заключения подряда, понятие заработной платы, наличные деньги, названия предприятий (кирпичный завод, склад лесных материалов и др.). Профессор не забывал напомнить студентам родственные связи в китайской семье. Важно, что пояснения давались как на русском, так и на китайском языке с использованием иероглифов и транскрипции.

Древнем Китае. Экзамен был введен в 612 г. и действовал до 1905 г., то есть имел очень долгую историю — почти 1300 лет.

³⁰⁷ *Рудаков А. В.* Вырезки из китайских газет, издаваемых на разговорном языке: пособие к лекциям по китайскому языку. Вып. І. Владивосток, 1910. 48 с.

³⁰⁸ *Рудаков А. В.* Китайские разговоры официального и коммерческого характера: руководство к переводам с русского на китайский язык, составлено по «Гуань-хуа чжи-нань», с некоторыми изменениями для студентов II курса Восточного института. Вып. II. Владивосток, 1910. 64 с.

Учитывая местные, владивостокские условия, А. В. Рудаков ориентировал студентов на общение со знакомыми китайцами вне стен института.

В учебных изданиях А. В. Рудакова прослеживается рациональная организация материалов, позже представленная им несколькими основными требованиями: во-первых, строгий объем материала, такая его организация, которая служила бы предпосылкой успешного усвоения его учащимися; вовторых, лексический минимум, на основе которого создается фразеология, строятся выражения. А. В. Рудаков даже установил дозировку — по 10 новых слов, подобранных в соответствии с программными темами; в-третьих, использование текущего материала; в-четвертых, обязательный учет повторяемости слов, выражений, типовых конструкций и др. «Учебник, — подчеркивал А. В. Рудаков, — не должен представлять неодолимых трудностей для изучения языка, а наоборот, языковой материал для усвоения должен быть в доступной форме, не делая исключительной ставки на особенно даровитых или способных к учению лиц» 309. Профессор-китаист отмечал:

Считаясь с живыми особенностями устной речи, мы начинаем изучение языка с наибольших употребляемых оборотов, причем в дальнейшем процессе усвоения языка совершается постепенный переход от самых простых оборотов к более или менее сложным. Таким образом, метод изучения синтаксических типовых конструкций строится исключительно на фундаментальных основах устной речи... на специфике китайского языка 310.

Особо следует остановиться на научной деятельности А. В. Рудакова, связанной с подготовкой важнейших монографических трудов, выполнением крупнейших переводов классических работ и важнейших исторических источников, подготовкой и защитой диссертации.

В 1901 г. А. В. Рудаков приступил к переводу капитального труда по Маньчжурии «Цзи-линь тун-чжи». По сути, это было поручение Приамурского генерал-губернатора, данное Восточному институту. В декабре 1900 г. Н. И. Гродеков сообщал в вуз: «Сейчас получил описание Гириньской провинции Цзи-линь тун-чжи в шести томах. Отпечатано в ста экземплярах в 1899 году. Издание официальное, посылаю в институт. Полагаю, приобретение ценное» ³¹¹. На следующий день поступила его просьба: «Ввиду важности возможно скорее ознакомиться с современным состоянием Маньчжурии на вознаграждение переводчиков перевожу вам две тысячи рублей» ³¹². Ответная телеграмма директора Восточного института А. М. Позднеева позволяет представить неординарность поставленной задачи: «Описание получено. Затрудняюсь принятием денег, не зная, возьмется ли кто переводить» и помета от руки на телеграфном бланке: «Ныне уговорил Рудакова переводить» ³¹³.

Сам А. В. Рудаков, объясняя причину своей работы над данным источником, писал:

На первых же порах ощущалась потребность обратиться к изучению лучших туземных источников по маньчжуроведению, с помощью которых стало бы возможным обстоятельно и детально уяснить себе, по крайней мере, хотя бы

 $^{^{309}}_{\sim}$ АВ ИВР РАН. Ф. 96. Оп. 1. Д. 73. Л. 7, 8.

³¹⁰ Там же. Л. 14.

³¹¹ РГИА ДВ. Ф. 226. Оп. 1. Д. 121. Л. 113.

 $^{^{312}}$ Там же. Л. 113.

³¹³ Там же. Д. 50. Л. 11 об.

главнейшие особенности местной национальной культуры, которая, как известно, по выходе из собственного Китая уже успела принять несколько иную физиономию, обусловленную прежде всего особенностями территории и разнообразием этнографических элементов ³¹⁴.

А. В. Рудаков впервые дал классификацию материала, заключенного в этом капитальном труде в 6 томах, 48 бянях и 122 главах. По сути, это была энциклопедия Центральной и Северо-Восточной Маньчжурии, включавшая поземельный вопрос в Гириньской провинции в связи с ее заселением; условия экономического быта; историю развития военных сил.

В 1902 г. перевод был закончен, и А. В. Рудаков совершил поездку в Гиринь, где встретился с составителем переведенного труда Цинь Шицюанем ³¹⁵, что позволило осуществить окончательную редактуру перевода. В 1903 г. книга была издана во Владивостоке. Осенью этого же года А. В. Рудаков защитил переведенный труд, объемом 574 страницы типографического текста, в качестве магистерской диссертации на Восточном факультете Санкт-Петербургского университета ³¹⁶, а 8 декабря 1903 г. решением Совета Санкт-Петербургского университета А. В. Рудаков был утвержден в степени магистра китайской и маньчжурской словесности.

Труд, проделанный А. В. Рудаковым, широко используется современными историками и этнографами. Он отличается точностью перевода и огромным количеством приведенного материала. Отмечая заслуги А. В. Рудакова в разработке проблем, Ю. А. Сем ³¹⁷ критически подходит к некоторым материалам самого источника. Так, по его мнению, составители «Цзи-линь тунчжи» всячески стремились подчеркнуть мирный характер и добровольный принцип консолидации маньчжурской народности. Момент подчинения тунгусских племен маньчжурам они представляли актом добровольным и гуманным со стороны маньчжуров, умалчивая об ожесточенных кровопролитных сражениях маньчжурских знаменных войск с предками нанайцев, удэгейцев и орочей Приморья и Приамурья, Северной Маньчжурии. Не дает в своих комментариях правильной оценки этим событиям и А. В. Рудаков.

Не менее значительный труд по формированию и развитию научной и учебной базы китаеведения проделал и китаист П. П. Шмидт. Интересы ученого очень разнообразны. По языкознанию, фольклору, этнографии он создал капитальные труды, которые не потеряли своей актуальности и в наши дни. Следует упомянуть ценнейшую работу П. П. Шмидта «Опыт Мандаринской грамматики» — пособие к изучению разговорного китайского языка пекинского наречия ³¹⁸. Это издание было положено в основу его диссертации, успешно защищенной в Санкт-Петербургском университете 6 октября 1902 г., и уже 28 октября 1902 г. Совет Санкт-Петербургского университета утвердил

 $^{^{314}}$ Рудаков А. В. Материалы по истории китайской культуры в Гириньской провинции (1644—1902 гг.). С. XIII.

³¹⁵ Там же. С. XVÍ.

ам же. С. Аут. 316 ПГОМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 6. Л. 69, 70; РГИА ДВ. Ф. 226. Оп. 1. Д. 372. Л. 286.

³¹⁷ Сем Ю. А. Русские востоковеды — исследователи истории и культуры малых народов Дальнего Востока // Материалы по истории Дальнего Востока / Академия наук СССР, Дальневосточный научный центр, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока. Владивосток, 1974. С. 148–160.

³¹⁸ *Шмидт П. П.* Опыт Мандаринской грамматики с текстами для упражнений... Владивосток, 1902.

П. П. Шмидта в ученой степени магистра китайской и маньчжурской словесности ³¹⁹, а 24 мая 1904 г. он был утвержден в должности профессора.

Первое издание труда «Опыт Мандаринской грамматики» вышло в 1902 г., объем его составлял 208 страниц. В предисловии профессор отмечал:

... Синология, как и всякая другая наука, постоянно развивается, вследствие чего и преподаватель китайского языка должен, по мере возможности, следить за новейшею литературою по своему предмету и ссылаться на исследования всех своих предшественников. Ввиду всего этого я счел нужным лучше составить новую грамматику, чем просто перевести какой-нибудь из иностранных учебников. Что я у кого заимствовал, на то будет указано в надлежащих местах, помимо того мне и самому пришлось не только дополнять некоторые из старых правил, но и установлять новые 320

Далее П. П. Шмидт пояснял:

Некоторые синологи находят более целесообразным механическое заучивание фраз и оборотов, без всяких грамматических правил, но, не зная грамматического строя речи, учащийся, сколько я замечал, старается говорить только китайскими словами по грамматике своего родного языка 321

Адресуя пособие первокурсникам Восточного института, профессор П. П. Шмидт подчеркивал важность изучения грамматики:

Китайская же речь настолько сложна и своеобразна, что начинающему чрезвычайно трудно самому додуматься хотя бы только до важнейших правил этимологии и синтаксиса 322

Выдвижение П. П. Шмидтом на первое место грамматики в процессе изучения китайского языка можно рассматривать как научный прорыв в синологии. В этой связи сошлемся на мнение китайского государственного деятеля Сунь Ятсена, отмечавшего в 1917 г. следующее:

В Китае на всем протяжении его истории не было выработано никаких правил грамматики или композиции... грамматической науки еще не было. ...Вот почему хотелось бы, чтобы ученые нашей страны, изучив сочинения по грамматике, изданные в разных странах, и позаимствовав из них лучшее, создали бы китайскую грамматику, в которой объясняли бы правила современного разговорного языка и тем способствовали бы его совершенствованию

Обосновывая структуру введения, П. П. Шмидт убеждает студентов и офицеров-слушателей Восточного института в целесообразности изучения важных блоков китайского языка: «Грамматика, фонетика, интонация и письменность весьма своеобразного китайского языка, — замечал он, — требуют, безусловно, более подробных предварительных объяснений, прежде чем при-

³¹⁹ РГИА ДВ. Ф. 226. Оп. 1. Д. 372. Л. 286.

 $^{^{320}}$ Шмидт П. П. Опыт Мандаринской грамматики с текстами для упражнений... Владивосток, 1902. C. III.

³²¹ Там же. С. IV. ³²² Там же.

³²³ Литературное творчество как одно из доказательств // Сунь Ятсен. Избранные произведения. М., 1964. С. 197, 199.

ступить к практическому изучению языка» ³²⁴. Эти комментарии представляют несомненный интерес. Издание1902 г. включало две части: лингвистическое введение в изучение китайского языка и начальные чтения по китайскому языку. В лингвистическом введении ученый указывал на место китайского языка в морфологической и генеалогической классификациях. В этом разделе он дал 13 уроков, охватывавших положение китайского языка среди других языков, фонетику, тоны, письменность, системы словарей, транскрипции китайских слов, ключевые знаки и др. — то есть важнейшие лингвистические знания. П. П. Шмидт считал, что изучение языка следует начинать с заучивания так называемых ключевых знаков (всего 214 иероглифов), несмотря на то, что 47 из них отдельно уже вовсе не употреблялись. Многие из ключевых знаков являлись не только самыми простыми по начертанию, но и очень важными по значению. В этом же предисловии П. П. Шмидт дал пояснение:

Усваивание ключевых знаков отнимает не менее недели времени, но зато тем самым облегчается дальнейшее изучение иероглифов, так как, при помощи анализа, учащийся может определить не только приблизительное значение письменного знака, но и чтение ero 325 .

Во второй части пособия был дан основной материал 64 лекций, посвященных изучению морфологии: числительных, местоимений, частиц, глаголов, прилагательных, предлогов, наречий, степеней сравнения и др. Специальные разделы объясняли конкретные глаголы и союзы, например, урок 48 — глагол 放, урок 54 — глагол 到, урок 57 — союз 和 и т. д.

Спустя 13 лет, в 1915 г., профессор подготовил переиздание «Опыта Мандаринской грамматики». Его первая книга включала три части: лингвистическое введение в изучение китайского языка, начальные чтения по китайскому языку и приложения. А вторая книга состояла только из одной части — китайские тексты для упражнений. В предисловии к изданию 1915 г. П. П. Шмидт подчеркивал:

Преподавая китайский язык уже 16 лет, я без всякого сомнения отдаю предпочтение грамматической системе изучения, хотя некоторые синологи все еще находят более целесообразным механическое заучивание фраз и оборотов, без всяких грамматических правил 326 .

В отличие от издания 1902 г., в издании 1915 г. профессор китайской словесности не ограничивался одним только пекинским говором или даже языком одного автора, а пользовался при выборе «Текстов для упражнений» разнообразными источниками и не пренебрегал также новыми словами. Внимательно рассмотрев два разных издания, заметим, что в 1915 г. профессор дал более тщательное объяснение грамматической характеристики китайского языка и его места в морфологической и генеалогической классификациях языков. Кроме того, он убрал транскрипции китайских слов, а добавил слово-

 $^{^{324}}$ Шмидт П. П. Опыт Мандаринской грамматики с текстами для упражнений... Владивосток, 1902. С. IV.

 $^{^{325}}$ Шмидт П. П. Опыт Мандаринской грамматики с текстами для упражнений... Владивосток, 1915. С. II.

³²⁶ Там же. С. III.

ударения и тоны. Обоснованность такого шага П. П. Шмидта подтверждается современной практикой преподавания китайского языка иностранцам, считающей транскрипцию слов не лучшим способом изучения языка. Причина заключается в следующем: и тогда, и сегодня транскрипция мешает учащимся овладевать фонетикой. В китайском языке тон играет очень важную роль. Следует заметить, в издании 1915 г. очерк об основных морфологических знаниях мало отличается от очерка 1902 г. Вместе с тем опыт шестнадцатилетнего преподавания китайского языка позволил профессору П. П. Шмидту выяснить большую проблему и трудность в изучении китайского языка, заключавшуюся в правильном расположении слов в предложении. Неслучайно в издании 1915 г. специальная лекция была посвящена расположению слов в предложении. Как сто лет назад, так и сегодня вопрос правильного места слов в предложении беспокоит учащихся и учителей китайского языка.

Статью П. П. Шмидта «Начальные чтения по китайскому языку» 327 и «Опыт Мандаринской грамматики с текстами для упражнений: пособие к изучению разговорного китайского языка Пекинского наречия» 328 высоко оценивал В. Л. Котвич. Он подчеркивал:

Работа эта представляет собою довольно отрадное явление в русской синологической литературе, внушая надежду, что литературе этой будет дано новое направление, которое доныне было ей чуждо... Наиболее важным во введении Шмидта является вопрос о тех изменениях, которым подвергался китайский язык в своем постепенном развитии. Шмидт доказывает, вопреки мнению В. П. Васильева, что мандаринское и вообще северные наречия изменились сильнее, чем некоторые южно-восточные наречия 329.

Таким образом, Восточный институт в 1899 г., приступив к преподаванию китайского языка, истории, экономики, политики Китая, имел минимальные вкрапления научной и учебно-методической базы по китаеведению. Профессора-китаисты Петр Петрович Шмидт и Аполлинарий Васильевич Рудаков в течение всех лет педагогической деятельности разрабатывали и совершенствовали программы по китаеведению для разных курсов института, постоянно совершенствовали методику преподавания. Они подготовили и издали научные материалы, учебники, хрестоматии, пособия по китайскому языку; руководили созданием китайского отдела библиотеки, ставшего богатейшим не только на Дальнем Востоке, но и в России. Научные теоретические и практические изыскания А. В. Рудакова и П. П. Шмидта, в том числе защищенные ими диссертации послужили основой для создания учебной и научной базы китаеведения в Восточном институте.

Восточный институт стал солидной практической школой вузовского китаеведения в Российской империи. За первые полтора десятка лет своего существования Восточный институт подготовил около 300 специалистов-восто-

 $^{^{327}}$ Шмидт П. П. Начальные чтения по китайскому языку // Известия Восточного ин-та. Т. III. Вып. І. Владивосток, 1901. С. 1–80. 328 Шмидт П. П. Опыт Мандаринской грамматики с текстами для упражнений...

Владивосток, 1902.

У Котвич В. Л. Известия Восточного института / под ред. директора Института А. Позднеева. Т. II, вып. IV. Владивосток, 1901 г. // Зап. Вост. отд-ния Имп. Русского археол. о-ва. Т. XV. С. 46-47.

коведов 330 , подавляющее большинство которых составляли китаисты. Первые двенадцать выпусков Восточного института дали всего 288 специалистов, из них 198 — китаеведы, т. е. 69 %. По нашим подсчетам, показатель числа китаеведов среди выпускников не опускался ниже 45 % (так было в 1914 г.). Даже в первом выпуске он составлял 50 %. Самая значительная доля китаеведов приходилась на выпуски 1907 г. и 1913 г. — по 81 %, 1910 г. — 77 %, 1911 г. — 74 %, 1909 г. и 1912 г. — по 72 %.

Среди выпускников-китаистов было немало тех, чья учеба отмечена медалями. Например, золотых медалей удостоены К. А. Кременецкий, Н. А. Полевой, Е. А. Федоров, М. М. Людоговский, И. А. Третьяк, А. И. Калачев, И. К. Яблонский, М. М. Никольский и др. Серебряные медали получили К. И. Дмитриев, А. В. Спицын, В. А. Чечелев, В. В. Добровольский, И. В. Ларев, Ф. В. Свиньин, А. Ф. Соборницкий, П. А. Быков, Д. А. Давидов.

Сохранившиеся исторические документы позволяют увидеть, как по-разному сложились профессиональные судьбы китаистов, прошедших подготовку в Восточном институте: А. В. Спицын и И. И. Добровольский трудились в редакции газеты «Юань Дунь Бао» в Харбине; П. С. Тишенко работал в «Харбинском вестнике»; Г. А. Софоклов преподавал в русско-китайской школе в Ханькоу; П. В. Шкуркин был драгоманом Штаба Приамурского военного округа, а затем переехал в Харбин и занимался преподавательской и исследовательской работой; К. И. Дмитриев начинал служить помощником инспектора Русско-Азиатского банка в Шанхае; в Харбинском отделении этого же банка нашел работу В. В. Тютрюмов; И. И. Петелин стал талантливым преподавателем русского и китайского языков в Торговой школе Харбина. Итак, значительная часть выпускников Восточного института работали за границей, прежде всего в Китае.

 $^{^{330}}$ МАЭ РАН. Ф. 8. Оп. 1. Д. 458. Л. 27–28; Список лиц, окончивших и прослушавших полный курс Восточного института за 1903–1912 гг. Владивосток, 1913. С. 1–47; Список лиц, окончивших и прослушавших полный курс Восточного института за три выпуска 1913–1915 гг. Владивосток, 1916. С. 1–7.

SUMMARY

The monograph "Academician-Orientalist V. P. Vasilyev: Kazan — Beijing — Saint Petersburg. (Essays and materials)" summarizes the results of a three-year study conducted by a Russian research team working under the grant "Scientific heritage of Russian Orientalists of the 19th century: O. M. Kovalevsky and V. P. Vasilyev" (project no. 17-01-00209-OGN) and research grants from the RFBR (projects no. 20-09-00385a and no. 18-09-00331).

The monograph offers essays on the life and scientific work of the Russian scientist-sinologist, buddhologist, sanskritologist, academician in ordinary of the Imperial St. Petersburg Academy of Sciences, Dean of the Eastern faculty of the Imperial St. Petersburg University Vasily Pavlovich Vasilyev. It examines the main milestones of his biography in the context of scholarly thought in Russia at that time. The research career of V. P. Vasilyev can be divided into three stages — the Kazan stage, the Beijing stage and the St. Petersburg stage. This monograph provides analysis of his scientific works, which include the first ever attempt in the Russian science of a systematic presentation of the history of Buddhist thought, and the question of formulating an adequate language to describe the Buddhist spiritual experience and terminological criteria for the transfer of categories of Buddhist teachings into European languages.

The book has been prepared by a team of researchers from Kazan, Saint Petersburg, Krasnoyarsk, Vladivostok and Harbin. It is to be published two years after Vasily Pavlovich Vasilyev's (1818–1900) 200th birthday, which was celebrated by the Russian academic community in 2018.

V. P. Vasilyev went down in the history of Russian Oriental studies as an innovator and the founder of a number of academic disciplines. A student of the outstanding representative of European and Russian science O. M. Kovalevsky, V. P. Vasilyev spent ten years in China. He was one of the first to declare the need for an equal study of the contributions of the East and the West to world history. V. P. Vasilyev's works brought Russian Oriental studies, especially Sinology, to a new level, which was characterized by a profound respect for the cultures of Eastern peoples. At the same time, for his entire lifetime V. P. Vasilyev remained a patriot of his country, and a fervent advocate of Russian as the language of science.

Being an excellent expert on the Chinese language, culture and history, V. P. Vasilyev created a number of fundamental works on Buddhism, literature and language. V. P. Vasilyev's contribution to academic Oriental studies is also immense. Lexicographic works, dictionaries and anthologies that he created throughout his life were intended to instill students with great command of the Chinese language. For more than twenty years the scholar headed the Faculty of Oriental Languages of the Imperial Saint Petersburg University. During this time, he raised a constellation of remarkable researchers, including S. M. Georgievsky, A. O. Ivanovsky, D. A. Pesh-

churov, P. S. Popov, D. M. Pozdneev, A. I. Ivanov, S. F. Oldenburg, F. I. Scherbatskoy and many others who would later become the fame and glory of Russian and European Oriental studies.

The authors and compilers of this monograph have done a great deal of archival work to discover and introduce new facts from the biography and academic heritage of the researcher, to establish the causes for a number of events in his life, to trace the continuity of classical St. Petersburg Oriental studies in the works of researchers of subsequent generations. The monograph offered to the reader contains new and valuable information about V. P. Vasilyev, who introduced historical and cultural issues to academic Oriental discourse in Russia, which determined its development and direction for many decades to come.

The book is aimed at professional Orientalists, historians, literary scholars, experts on Buddhism, cultural historians, historians of science, as well as undergraduate and post-graduate students and anyone interested in the culture of the East. We hope that this publication proves helpful for professionals engaged in practical communication, to facilitate a profound understanding of the features of multilateral contacts in all areas of activity between the East and the West, as well as Russia and China.

Основные труды В. П. Васильева*

Васильев В. П. Центральная Азия и главные хребты гор в китайских владениях // ЖМНП. СПб., 1852.

[Васильев] Географические карты Древнего Китая, составленные проф. Васильевым // ЖМНП, 1854. Июнь. С. 91–94.

[Васильев] Географические карты Древнего Китая, сост. проф. Васильевым // ВИРГО. 1854. С. 91–94.

Васильев В. П. Буддизм, его история, догматы и литература. Часть первая. Общее обозрение. СПб., 1857.

Васильев В. Описание Маньчжурии // Зап. РГО. Т. XII. СПб., 1857. С. 3–109.

Васильев В. П. Записка о восточных книгах в С.-Петербургском университете // Русский вестник. 1857. Том. XI. С. 307–308.

Васильев В. Записки о Нингуте // Зап. РГО. Т. XII. СПб., 1857.

[Васильев] История и древности восточной части Средней Азии, от X до XIII века, с приложением перевода китайских известий о Киданях, Джуржитах и Монголо-Татарах // Зап. Имп. Археол. о-ва. Т. XIII. СПб., 1861. 235 с.

[Васильев] Открытие Китая / В. П. Васильев. Оттиск из газеты «Русский Дневник». 1859.

Васильев В. П. Маньчжурская хрестоматия для первоначального преподавания. СПб., 1863.

[Васильев] Маньчжурско-русский словарь, составленный для руководства студентов профессором Санкт-Петербургского университета В. Васильевым. СПб., 1966.

Васильев В. П. Буддизм, его история, догматы и литература. Часть третья. История Буддизма в Индии Даранаты / пер. с тибет. СПб., 1869.

Васильев В. П. Анализ китайских иероглифов. СПб., 1866.

Васильев В. П. Графическая система китайских иероглифов. Опыт первого китайско-русского словаря. Составлен для руководства студентов. СПб., 1867.

[Васильев] Китайская хрестоматия, изданная для руководства студентов проф. В. П. Васильевым. Ч. 2, 3. СПб., 1868.

Васильев В. Религии Востока: конфуцианство, буддизм и даосизм. СПб., 1873.

Васильев В. П. Очерк истории китайской литературы. СПб., 1880.

 $Bасильев B. \Pi.$ Примечания на третий выпуск китайской хрестоматии. СПб., 1882.

Васильев В. П. Анализ китайских иероглифов. Ч. 2. Элементы китайской письменности. СПб., 1884.

^{* ©} В. Г. Дацышен.

Васильев В. П. Очерки истории китайской литературы. СПб., 1885.

Васильев В. Воспоминание об И. И. Захарове // ЖМНП. 1885. Ноябрь.

Васильев В. П. Материалы по истории китайской литературы. СПб., 1887.

Васильев В. П. К хронологии Чингис-хана и его преемников // 3ВО РАО. 1889. 4. С. 375–378.

Васильев В. П. Вопросы и сомнения // ЗВО РАО. 1889. 4. С. 379–381.

Васильев В. П. Китайская хрестоматия, изданная для руководства студентов. Ч. 1. СПб., 1890.

 $\it Bасильев\, B.$ География Тибета. Перевод тибетского сочинения Миньчжул Хутукты. СПб., 1895. 95 с.

Васильев В. П. Китайские надписи на Орхонских памятниках в Кошо-Цайдаме и Карабалгасуне // ИАН. 1896. Т. IV, 4. С. 365–367.

Васильев В. П. Записка о надписях, открытых на памятниках, стоящих на скале Тыр близ устья Амура // Сб. трудов Орхонской экспедиции. 1897. Т. III. $36\ c.+23\ c.$ ил.

Васильев В. П. Анализ китайских иероглифов. Ч. 1. 2-е изд. / под ред. А. О. Ивановского. СПб., 1898.

[Васильев] Открытие Китая и др. ст. академика В. П. Васильева / Издание журнала «Вестник всемирной истории. СПб.: Столичная типография, 1900. 164 с.

Источники и литература

Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН. Фонд 29; 144.

Библиотека им. М. Горького СПбГУ. Отдел рукописей. Фонд О. М. Ковалевского. Ед. хр. 148.

Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ). Фонд 92. Опись 1. Дело 4814.

СПб. филиал Архива РАН. Фонд 775. Дело 105.

Академик В. П. Васильев // Родина: Иллюстрированный журнал. 1900. № 6. 235 с. Академик В. П. Васильев (1818–1900) как исследователь культуры Китая, Тибета и Монголии. К 200-летию со дня рождения: Программа и тезисы Всероссийской научной конференции / сост. Т. А. Пан, И. В. Кульганек. СПб: Свое издательство, 2018. 40 с.

Алексеев В. М. Академик В. П. Васильев. Замечания по поводу научного творчества и наследия (К 50-летию со дня смерти) // Наука о Востоке: Ст. и документы. М.: Наука; ГРВЛ, 1982. С. 56-68.

Алексий (Виноградов). Китайская библиотека и ученые труды членов Императорской Российской духовной и дипломатической миссии в г. Пекине или Бэй-Цзине, (в Китае): С прилож. каталога черт. и рис. СПб.: Тип. бр. Пантелеевых, 1889. IV. 206 с.

Amiot, Jean-Joseph-Marie. Dictionnaire tartare-mantchou françous, compose d'après un Dictionnaire mantchou-chinois. Rédigé et publié avec des additions et l'alphabet de cette langue, par L. Langlès. T. 1–3. Paris: Didot l'ainé, avec les caractères grave par Firmin Didot, son 2d fils, 1789–1790.

Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений по исторической географии Восточной и Срединной Азии. Чебоксары: Чувашское гос. изд-во, 1960.

Бэй-гуань. Краткая история Российской духовной миссии в Китае / сост. Б. Г. Александров. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2006. 264 с.

Валеев Р. М. Василий Павлович Васильев, 1818—1900. Казань: Изд-во КГУ, 2002. 20 с.

Валеев Р. М. Изучение биографии и наследия Ковалевского в отечественной историографии // Наследие монголоведа О. М. Ковалевского и современность. Казань: Изд-во КГУ, 2002. С. 17–22.

Валеев Р. М. Формирование и развитие казанского университетского востоковедения: разряд восточной словесности Казанского университета (1807-1855) // Монголовед О. М. Ковалевский: биография и наследие (1801-1878). Казань: Алма-Лит, 2004. С. 73–94.

Валеев Р. М. Ориенталистика в Казанском университете (1807 — 20-е гг. XX в.). Саарбрюкен: Lambert, 2019. 303 с.

Валеев Р. М., Мартынов Д. Е. Российское университетское востоковедение в архивных документах: центры, события и наследие (XIX — начало XX в.). Казань: Каз. гос. ун-т, 2009. 116 с.

Валеев Р. М., Федорченко Р. Г. Казанское университетское китаеведение и научное путешествие В. П. Васильева (первая половина XIX в.) // Общество и государство в Китае / ред. А. И. Кобзев и др. Т. XLIV, ч. 1. М., 2014. С. 513–523.

Валеев Р. М., Федорченко Р. Г. Казанское университетское востоковедение и основные итоги деятельности В. П. Васильева в Пекине // Россия — Китай: история и культура: сб. ст. и докл. участников VI Междунар. науч.-практ. конф. Казань: Изд-во «ЯЗ», 2014. С. 58–73.

Валеев Р. М., Валеева Р. З., Федорченко Р. Г. В. П. Васильев в XII Пекинской духовной миссии: архивные материалы (1840–1850 гг.) // Миссионеры на Дальнем Востоке. Материалы Междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, 19–20 ноября 2014 г. / сост. В. Ю. Климов, Т. А. Пан, К. Г. Маранджян, Д. Кикнадзе, В. В. Щепкин. СПб., 2014. С. 21-27

Валеев Р. М., Валеева Р. З., Кульганек И. В., Мартынов Д. Е., Мартынова Ю. А., Жуков В. Ю. Академик В. П. Васильев: Казань — Пекин — Санкт-Петербург (к 200-летию со дня рождения) // Узбекистан — Китай: развитие исторических, культурных, научных и экономических отношений. Т. 1. Ташкент, 2018. С. 163–169.

Valeev R., Valeeva R., Martynov D., Khayrutdinov D. V. P. Vasilyev's Research Travel To Beijing (the 19th Century) // Journal of Critical Reviews. 2020. Vol. 7, is. 2. P. 811–814.

Васильев В. П. О некоторых книгах, относящихся к истории буддизма, в библиотеке Казанского университета // Учен. зап. Имп. АН по первому и третьему отделениям. 1855. Т. 3. С. 4–5.

Васильев В. П. Записка о восточных книгах в С.-Петербургском университете // Русский вестник. 1857. Т. 11. С. 305-343.

Васильев В. П. История и древности восточной части Средней Азии от X до XIII века, с приложением перевода китайских известий о киданях, чжурчженях и монголо-татарах. СПб., 1857. [Приложение] III. Записка о монголо-татарах (Мэн-Да-бэйлу). С. 216–235.

Васильев В. П. (Василиефу 瓦西里耶夫). Чжунговэньсянь ши = История китайской литературы (中国文献史) / пер. Чжао Чуньмэя (赵春梅译). Чжэнчжоу: Дасянчубаньшэ, 2013. 168 с.

Wassiliew. Notice sur les ouvrages en langues de l'Asie orientale, qui se trouvent dans la bibliothèque de l'université de Saint-Pétersbourg // Mélanges asiatiques tirés du Bulletin historico-philologique de l'Académie impériale des sciences de St.-Pétersbourg. T. 11, 6e livraison. 1856. P. 562–607.

Васильев Н. В. В семидесятые годы / вступ. ст. Г. В. Плеханова. М.; Л.: Мол. гвардия, 1931. 125 с. (первое изд.: *Васильев Н.* В 70-е годы. (Из моих воспоминаний) // Мир Божий. 1906. № 6, 7. Отд. 1-й.

Veit V. Die vier Qane von Qalqa: Ein Beitrag zur Kenntnis der politischen Bedeutung der nordmongolischen Aristokratie in den Regierungsperioden K'ang-hsi bis Ch'ien-lung (1661–1796) anhand des biographischen Handbuches Iledkel sastir aus dem Jahre 1795. Teil I: Untersuchungen. Wiesbaden: Harrassowitz, 1990.

Венгеров С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней). Т. IV, отд. II. СПб., 1895.

Владимирцов Б. Я. Монгольский Данджур // Доклады АН СССР. 1926. Вып. 2. С 31-34

Владимириов Б. Я. Общественный строй монголов: Монгольский кочевой феодализм. Л.: Изд-во АН СССР, 1934.

Волкова М. П. История и конфуцианство — два раздела маньчжурской литературы. [В. П. Васильев как один из первых исследователей маньчжурской литературы] // 22-я НКОГК. Ч. 3. М.: Наука, 1991. С. 69–88.

Воробьева-Десятовская М. И. Академик В. П. Васильев об истории буддийской философии (тексты на тибетском и китайском языках) // Письменные памятники Востока. 2012. № 1.

Gabelentz, Hans Canon, von der. Elémens de la grammaire mandchoue. Altenburg: Comptoir de la littérature, 1832.

Geschichte der Ost-Mongolen und ihres Fürstenhauses. Verfasst von Ssanang Ssetsen Chungtaidschi der Ordus. St. Petersburg, 1829.

Гончаров С. Я. Цзинь чжи (Описание государства Цзинь) в переводе В. П. Васильева (К оценке источника и перевода) // 22-я НКОГК. Ч. 3. М.: Наука, 1991. С. 188–198.

Дацышен В. Г. История Российской Духовной Миссии в Китае. Гонконг: Братство святых первоверховных апостолов Петра и Павла, 2010. 448 с.

Дацышен В. Г., Чегодаев А. Б. Архимандрит Петр (Каменский). М.; Гонконг: Братство святых первоверховных апостолов Петра и Павла, 2013. 360 с.

Дорожные заметки на пути по Монголии в 1847 и 1859 гг. архимандрита Палладия, с введением доктора Э. В. Бретшнейдера и замечаниями проф. А. М. Позднеева. СПб., 1892.

Доронин Б. Г. История империи Цин в трудах членов Российской духовной миссии (XVIII — середина XIX в.) // Православие на Дальнем Востоке. 275-летие Российской Духовной Миссии в Китае. СПб.: Андреев и сыновья, 1993. С. 99–136.

"Explanation of the Knowable" by 'Phags-pa bla-ma Blo-gros rgyal-mtshan (1235–1280). Facsimile of the Mongolian Translation with Transliteration and Notes by Vladimir Uspensky. With assistance from Inoue Osamu. Preface by Nakami Tatsuo. Tokyo: Research Institute for Languages and Cultures of Asia and Africa, 2006.

Журнал Министерства народного просвещения (ЖМНП). 1873. Ч. 143. № 8. С. 82–124.

Жуков В. Ю., Кульганек И. В. Отзыв О. М. Ковалевского о В. П. Васильеве / подгот. к изд., предисл. и коммент. В. Ю. Жуков, И. В. Кульганек // MONGOLICA-XIX: сб. науч. статей по монголоведению, посвящается ведущим рос. монголоведам, юбилярам 2017 года М. И. Гольману, В. В. Грайворонскому и К. Н. Яцковской. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2017. С. 62–67.

Завидовская Е. А. (Е Кэцзя 葉可佳). Элосы ханьсюэцзя Василиефу юаньши-дэ шэнья цзи ци чжуцо 俄羅斯漢學家瓦西里耶夫院士的生涯及其著作 (Academician Vasiliev's Studies on Sinology and Recent Republications of HisWorks) // Ханьсюэ яньцзю тунсюнь (漢學研究通訊) — 103-й год Республики (2015). Т. 33, вып. 3. С. 29–39.

Завидовская Е. А., Маяцкий Д. И. Описание собрания китайских книг академика В. П. Васильева в фондах Восточного отдела Научной библиотеки Санкт-Петербургского гос. ун-та. СПб.: Институт Конфуция в СПбГУ; Изд-во «Студия НП-Принт», 2012. 440 с.

Записки о Монголии. Сочинены монахом Иакинфом с приложением карты Монголии и разных костюмов. Т. 1, ч. 1. СПб., 1828.

Илларионов В. Т. Русский синолог В. П. Васильев. Горький: Горьковский гос. ун-т, 1959.

История и культура Китая (Сб. памяти акад. В. П. Васильева) / отв. ред. Л. С. Васильев. М.: Наука, ГРВЛ, 1974. 480 с.

Каталог петербургского рукописного «Ганджура» / сост., введ., транслит. и указ. 3. К. Касьяненко. М.: Наука, 1993.

Коба [И. В. Сталин]. Предисловие к грузинскому изданию брошюры К. Каутского.

Ковалевский Е. П. Путешествие в Китай: в 2 ч. СПб., 1853.

Ковалевский О. М. Содержание монгольской книги под заглавием: Море притч // Учен. зап. Имп. Каз. ун-та. 1834. Кн. 1. С. 134–162; Кн. 2. С. 236–259.

Кожин П. М. «Шёлковый путь» и кочевники (Некоторые вопросы средневековой этногеографии Центральной Азии) [Значение трудов В. П. Васильева] // 22-я НКОГК. Ч. 3. М.: Наука, 1991. С. 31–43.

Козин С. А. Библиографический обзор изданных и неизданных работ академика В. П. Васильева, по данным Азиатского музея АН СССР: к 30-летию со дня смерти

В. П. Васильева: 27.IV.1900 — 27.IV.1930 // Изв. АН СССР. VII сер. Отд. обществ. наук. Л., 1931. № 6. С. 759–774.

Коростовец И. Русская духовная миссия в Пекине // Русский архив. 1893. № 9. Кравцова М. Е. История культуры Китая. СПб.: Лань, 1999. 416 с.

Крушинская А. А. У истоков династии ученых // Л. В. Крушинский. Записки московского биолога: Загадки поведения животных / сост. З. А. Зорина, И. И. Полетаева. М.: Языки славянской культуры, 2006. С. 270, 274.

Крушинская Н. Л. Биография моего отца // Л. В. Крушинский. Записки московского биолога: Загадки поведения животных / сост. З. А. Зорина, И. И. Полетаева. М.: Языки славянской культуры, 2006. С. 288.

Кузнецов А. П. Вклад И. А. Гошкевича в становление русско-японских отношений в XIX веке. СПб.: Изд-во «100 Aж», 2007. 128 c.

Кузнецова Т. В. Предпосылки и пути проникновения русской книги в Китай (XVII–XIX вв.) // Вестник Дальневост. гос. науч. библиотеки. Хабаровск: ДВГНБ, 2000. № 2 (7); № 3 (8). С. 75–104.

Куликов А. М. Китаеведческая и дипломатическая деятельность архимандрита Палладия (Кафарова): Дис. ... канд. ист. наук. 07.00.15. Ист. межд. отн. и вн. политики. М., 2016. 669 с.

Куликов А. М. Палладиум российского китаеведения: жизнь и труды архимандрита П. И. Кафарова. М.: Институт востоковедения РАН, 2017. 290 с. (Учён. зап. ИВ РАН. Отдел Китая. Вып. 26).

Кычанов Е. И. «Маха праджня парамита» сутра на тангутском языке. [Значение трудов В. П. Васильева для изучения буддийского канона] // 22-я НКОГК. Ч. 3. М.: Наука, 1991. С. 55-63.

Кычанов Е. И. Владимир Васильевич Горский (1819–1847) // Православие на Дальнем Востоке. 275-летие Российской Духовной Миссии в Китае. СПб.: Андреев и сыновья, 1993. С. 31–37.

Ленин В. И. Плеханов и Васильев // В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 14. С. 237, 239

Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 14. Указ. имен. С. 51.

Ли Минь, Чурилов В. П. Китайские рукописи и старопечатные книги по медицине в фондах Восточного отдела Научной библиотеки имени М. Горького Санкт-Петербургского государственного университета // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Медицина. 2014. № 2. С. 259–277.

Мальцева Е. В. В. П. Васильев как исследователь китайской литературы // Материалы по истории и филологии Центральной Азии. Вып. 4. Улан-Удэ, 1970. С. 9–11.

Маньчжурско-русский словарь, составленный для руководства студентов профессором Санкт-Петербургского университета В. Васильевым. Санкт- Петербург: Литография Тиблена и K° [Н. Неклюдова], 1866.

Мартынов А. С. Идеологическая полемика в начале эпохи Тан и её место в истории религий Китая. [Работа В. П. Васильева «Религии Востока: конфуцианство, буддизм, даосизм»] // 22-я НКОГК. Ч. 3. М.: Наука, 1991. С. 3—21.

Мартынов Д. Е., Мартынова Ю. А., Валеев Р. М. Магистр философии Василий Васильев и его командировка в Пекин (1840–1850) // Новый исторический вестник. 2017. № 4 (54). С. 153–169.

Материалы для истории Российской духовной миссии в Пекине / под ред. Н. И. Веселовского. Вып. І. СПб.: Типография Главного Управления Уделов, 1905. С. 50.

Машкина И. Н. Научная сессия, посвященная стопятидесятилетию со дня рождения В. П. Васильева // Народы Азии и Африки. 1968. № 4. С. 239–241.

Мельников П. И. Первый магистр монгольской словесности // Отечественные записки: Учено-литературный журнал. 1840. Т. IX. № 3-4. С. 16-18.

Мокишн Г. Н. Идеологи легального народничества о русской интеллигенции: Монография. Воронеж: Научная книга, 2007. С. 45.

Музраева Д. Н. Море притч (Oülgurin dalai): Ойратский перевод Тугмюд-гавджи (О. М. Дорджиева). Кн. 1–2. Элиста: КалмНЦ РАН, 2017.

Мэн-да бэй-лу (Полное описание монголо-татар). Факсимиле ксилографа / пер. с кит., введ., коммент. и прилож. Н. Ц. Мункуева. М.: Наука, 1975.

[Никитин] Архимандрит Августин (Никитин). С.-Петербургская духовная академия и Российская духовная миссия в Пекине // Православие на Дальнем Востоке. 275-летие Российской духовной миссии в Китае. СПб.: Андреев и сыновья, 1993. С. 37–47.

Никольская С. В. «Очерк истории китайской литературы» В. П. Васильева и роман У Чэнъэня «Путешествие на Запад» // 22-я НКОГК, Ч. 3. М.: Наука, 1991. С. 44–55.

Ольденбург С. Ф. В. П. Васильев как исследователь Буддизма // ЖМНП. СПб., 1904.

Ольденбург С. Ф., Щербатской Ф. И., Тубянский М. И. Предварительное сообщение о буддологическом рукописном наследии В. П. Васильева и В. В. Горского / Доклады АН СССР. Серия В. 1927. С. 753–754.

Ольденбург С. Ф., Щербатской Ф. И., Тубянский М. И. О рукописном наследии В. П. Васильева // Известия АН СССР, Серия 6. 1927. Т. 2. С. 1815–1818.

Орлов А. А. История пребывания экспедиции И. Ф. Крузенштерна в Кантоне в 1805–1806 гг. // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2010. С. 31–41.

Пан Т. А. Архимандрит Иларион (Лежайский) и Первая Пекинская Духовная Миссия $(1717-1729\ {\rm rr.})$ // Китайська цивілізація: традиції та сучасність: Збірник статей. Київ, 2009. С. 103–108.

Пантелеев Д. П. Материалы по истории Российской Духовной Миссии в Китае. Академик В. П. Васильев (1818–1900) (К 120-летию со дня рождения «гениального исследователя» Дальнего Востока) (Окончание) // Китайский благовестник. 1938. № 10. С. 31–39.

Патрушева М. А. О трудах В. П. Васильева по истории Маньчжурии // 17-я НКОГК. Ч. 2. М.: Наука, 1986. С. 191–192.

Пашков Б. К. Вклад русских ученых в изучение маньчжурского языка и письменности // Краткие сообщения Института востоковедения. Вып. XVIII. Языкознание. М.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 9.

Позднеев А. Васильев (Василий Павлович) // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. Va. СПб., 1892. С. 607–609.

Полянская О. Н. О. М. Ковалевский в Забайкалье, Монголии и его путешествие с духовной миссией в Китай // Монголовед О. М. Ковалевский: биография и наследие (1801–1878). Казань: Алма-Лит, 2004. С. 139–164.

Полянская О. Н. Переписка востоковедов О. М. Ковалевского и В. П. Васильева как источник по истории монголоведения // Вестник Бурятского гос. ун-та. 2015. № 7. С. 130–136.

Poppe N. The Twelve Deeds of Buddha: A Mongolian Version of the Lalitavistara. Wiesbaden: Harrassowitz, 1967. P. 19. (Asiatische Forschungen; 23).

Пубаев Р. Е. Академик В. П. Васильев — первый исследователь тибетской исторической литературы в России // Востоковедные исследования в Бурятии. Новосибирск, 1981. С. 62–78.

Пучковский Л. С. Монгольские, бурят-монгольские и ойратские рукописи и ксилографы Института востоковедения. Т. 1: История, право. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 21–22. № 3.

Россия — Монголия — Китай: Дневники монголоведа О. М. Ковалевского. 1830—1831 / подгот. к изд., предисл., глоссарий, коммент. и указ. Р. М. Валеев, И. В. Кульганек. Казань; СПб.: Таглимат, 2005—2006.

Рукописи и ксилографы на восточных языках в Научной библиотеке им. М. Горького СПбГУ / под ред. В. Л. Успенского. СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2014. 176 с.

Русский китаевед академик Василий Павлович Васильев (1818–1900) // Очерки по истории русского востоковедения. Сб. 2.. М.: Наука, 1956. С. 234–340.

Савельев П. Восточные литературы и русские ориенталисты // Русский вестник. 1856. Май. Т. 3, кн. 1. С. 28–38.

 $\it Cамойлов H. A.$ Публицистика академика В. П. Васильева и некоторые вопросы общественно-политического развития Китая второй половины XIX века // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. 11. Л.: ЛГУ, 1988. С. 172–190.

Санкт-Петербургский государственный университет. 275 лет. Летопись 1724—1999. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1999.

Семенас А. Л. Значение трудов В. П. Васильева по китайской лингвистике // 22-я НКОГК. Ч. 3. М.: Наука, 1991. С. 89-105.

Серебренников И. И. Синологическая деятельность Русской духовной миссии в Пекине (Библиографический очерк) // Китайский Благовестник. 1941. № 4. С. 26–40.

Скачков П. Е. Очерки истории русского китаеведения / отв. ред. В. С. Мясников. М.: Наука; ГРВЛ, 1977. 505 с.

Смолин Г. Я. Академик В. П. Васильев как исследователь источниковедения истории Китая // Восток — Запад — Россия. Исторические и культурологические исследования. К 70-летию академика В. С. Мясникова. М.: Памятники исторической мысли, 2001. С. 329–359.

Сорокин Ю. А. Академик В. П. Васильев как маньчжуровед // Восточная филология. Характерологические исследования. М.: Наука; ГРВЛ, 1971. С. 213–219.

Сосницкий А. И. Переводы китайских царских указов и различных очерков из жизни китайцев // Архив российской китаистики / сост. А. И. Кобзев; отв. ред. С. В. Дмитриев. Т. III. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2016. С. 367–512.

Сэцэнцогт: Mongyol üges-ün ijayur-un -un toli (Хух-Хото: Нэй Мэнгу жэньминь чубаньшэ, 1988).

Тимковский Е. Ф. Путешествие в Китай через Монголию в 1820–1821 гг.: в 3 т. СПб., 1824.

Торчинов Е. А. Труды В. П. Васильева и актуальные проблемы изучения даосизма // 22-я НКОГК. Ч. 3. М.: Наука, 1991. С. 22-31.

Uspensky V. About an early attempt to translate the Tengyur from Tibetan to Mongolian // Rocznik orientalistyczny. 2015. T. 68/2. P. 206–212.

Успенский В. Л. Тибетский буддизм в Пекине. СПб.: НП-Принт, 2011.

Феклова Т. Ю. Деятельность Русской духовной миссии в Пекине в первой половине XIX в. по сбору информации политического и экономического характера // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 17: «Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение». 2016. № 1. С. 151–157.

Формирование поведения животных в норме и патологии: к 100-летию со дня рождения Л. В. Крушинского (1911–1984): Сб. / МГУ им. М. В. Ломоносова, Биол. ф-т; сост.: И. И. Полетаева, З. А. Зорина. М.: Языки славянской культуры, 2013. 526 с.

Хохлов А. Н. В. П. Васильев о Кяхте и кяхтинской торговле (из эпистолярного наследия русского востоковеда) // 13-я НКОГК. Ч. 2. М.: Наука, 1982. С. 224–240.

Хохлов А. Н. Пекинский дневник В. П. Васильева // 22-я НКОГК. Ч. 3. М.: Наука, 1991. С. 208–221.

Хохлов А. Н. Внешняя политика цинского Китая в публикациях В. П. Васильева (К 175-летию со дня рождения) // 25-я НКОГК. М.: Наука, 1994. С. 276–283.

Хохлов А. Н. Проблемы русско-китайской торговли через Кяхту в XVII–XIX вв. в трактовке В. П. Васильева // Взаимоотношения народов России, Сибири и стран Вос-

тока: История и современность / Доклады Междунар. науч.-практ. конф. М.; Иркутск, 1995. С. 107–111.

Хохлов А. Н. Духовная миссия в Пекине и начало Российского монголоведения (Путешествия и труды И. Я. Бичурина) // Монголовед О. М. Ковалевский: биография и наследие (1801–1878). Казань: Алма-Лит, 2004. С. 9–42.

Xохлов A. H. Письма востоковеда B. Π . Васильева из Пекина O. M. Ковалевскому (40-е гг. XIX в.) // Синологи мира к юбилею Станислава Кучеры. Собрание трудов. M.: ИВ РАН, 2013. C. 469–492. (Учен. зап. Отдела Китая ИВ РАН. Вып. 11).

«Чжан со чжи лунь» 彰所知論 (Издание Трипитаки годов Тайсё, № 1645). Secret Visions of the Fifth Dalai Lama: The Gold Manuscript in the Fournier Collection / Ed. by Samten Gyaltsen Karmay. London: Serindia Publishers, 1988; Rituels tibétains: Visions secrètes du Ve Dalaï Lama. Paris: Editions de la Réunion des musées nationaux, 2002.

Чжао Чуньмэй (赵春梅). Цзянлунь Василиефу-дэ «Чжунго вэньсюэ ши» (简论瓦西里耶夫的 «中国文学史纲要». Комментарий к «Истории китайской литературы» В. П. Васильева) // Сибэй дасюэ сюэбао (чжэсюэ шэхуй кэсюэ бянь) = 西北大学学报(哲学社会科学版). 2005. Т. 35, № 5. С. 163–168.

Чжао Чуньмэй (赵春梅). Василиефуюй Чжунго (瓦西里耶夫与中国, В. П. Васильев и Китай). Пекин: Сюэюань чубаньшэ, 2007. 219 с.

Шамов Γ . Φ . Роль востоковедов Казанского университета в изучении Монголии и Китая (первая половина XIX века): Дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1956. 368 с.

Шамов Γ . Φ . Профессор О. М. Ковалевский: Очерк жизни и научной деятельности. Казань: Изд-во КГУ, 1983.

Шофман А. С., Шамов Г. Ф. Восточный разряд Казанского университета (краткий очерк) // Очерки по истории русского востоковедения. Сб. 2. М.: Изд. АН СССР, 1956. С. 418–448.

Интернет-ресурсы

Бажанов В. А. Николай Александрович Васильев (1880–1940). М.: Наука, 1988. 144 с. URL: https://www.litmir.me/br/?b=581204&p=2 (дата обращения: 7.07.2018). Текст: электронный.

Барановская Вера Всеволодовна. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Барановская,_Вера_Всеволодовна (дата обращения: 16.03.2018). Текст: электронный.

Барановский Владимир Львович. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Барановский,_Владимир Львович (дата обращения: 06.01.2021). Текст: электронный.

Барановский Всеволод Степанович. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/ Барановский, Всеволод Степанович (дата обращения: 16.03.2018). Текст: электронный.

Барановский Лев Степанович. URL: http://www.grwar.ru/persons/persons.html?id=119 (дата обращения: 11.03.2018). Текст : электронный.

Бирюков Николай Павлович. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Бирюков,_Николай_ Павлович (дата обращения: 17.03.2018). Текст : электронный.

Валеев Р. М. Василий Павлович Васильев, 1818—1900. Казань: Изд-во КГУ, 2002. 20 с. URL: http://vmest.ru/nuda/osnovnie-dati-jizni-i-deyatelenosti-v-p-vasileeva/main.html (дата обращения: 24.06.2018). Текст: электронный.

Васильев Р. М. Василий Павлович Васильев; В. П. Васильев — представитель казанской школы востоковедения. URL: http://www.briefeducation.ru/brieds-473-1.html; Васильев Василий Павлович. URL: http://megabook.ru/article/Васильев Василий Павлович (дата обращения: 17.03.2018). Текст: электронный.

Banees P. M. Основные даты жизни и деятельности В. П. Васильева. URL: http://vmest.ru/nuda/osnovnie-dati-jizni-i-deyatelenosti-v-p-vasileeva/main.html; Васильев Василий Павлович, востоковед (1818–1900). URL: http://history-kazan.ru/kazan-vchera-

segodnya-zavtra/istoriya-v-litsakh/zhzl-kazanskaya-seriya/332-53 (дата обращения: 17.03.2018). Текст : электронный.

Васильев Александр Васильевич (математик). URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Васильев,_Александр_Васильевич_(математик) // (дата обращения: 06.01.2021). Текст : электронный.

Васильев Василий Павлович, востоковед (1818–1900). URL: http://history-kazan.ru/kazan-vchera-segodnya-zavtra/istoriya-v-litsakh/zhzl-kazanskaya-seriya/332-53 (дата обращения: 17.03.2018). Текст: электронный.

Владимир Васильевич Васильев. URL: https://www.geni.com/people/ Владимир-Васильевич-Васильев/600000058511179232 (дата обращения: 27.05.2018). Текст : электронный.

Васильев Николай Александрович (философ). URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Васильев,_Николай_Александрович_(философ) (дата обращения: 12.03.2018).

Васильева Ариадна Андреевна. Биография. URL: http://samlib.ru/w/wasilxewa_ariadna andreewna/about.shtml (дата обращения: 10.05.2018 г.). Текст: электронный.

Вепринцев Борис Николаевич. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Вепринцев, _Борис_ Николаевич; Московская энциклопедия. Т. 1. URL: http://moscow-tombs.ru/1990/veprintsev_ bn.htm (дата обращения: 7.07.2018). Текст: электронный.

Генеалогическая база знаний: персоны, фамилии, хроника. URL: http://baza.vgdru.com/1/40811/400.htm (дата обращения: 06.01 2021). Текст: электронный.

Движущие силы и перспективы русской революции. URL: http://www.great-country.ru/content/library/knigi/mels/stalin_sobr/2-41.htm (дата обращения: 02.07.2018). Текст : электронный.

Дневник одной фарфоровой куклы. URL: https://duchesselisa.livejournal.com/ 222479.html (дата обращения: 27.05.2018). Текст : электронный.

Дойков Ю. Первая Сибирь: биографический словарь архангельской ссылки. URL: http://textarchive.ru/c-2686629-p2.html; (дата обращения: 06.01.2021). Текст: электронный

ИСТИНА: Интеллектуальная Система Тематического Исследования Наукометрических данных. URL: https://istina.msu.ru/profile/KrushinskyAL/; Биологический факультет МГУ. URL: http://www.bio.msu.ru/news/view.php?ID=1066 (дата обращения: 7.07.2018). Текст: электронный.

Как чекисты с женой Керенского боролись. URL: https://tverdyi-znak.livejournal.com/521221.html (дата обращения: 17.03.2018). Текст: электронный.

Категория: Похороненные на Введенском кладбище. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/ Категория: Похороненные_на_Введенском_кладбище (дата обращения: 19.06.2018). Текст: электронный.

Керенский Олег Александрович. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Керенский,_ Олег_Александрович; https://sergey-v-fomin.livejournal.com/224882.html (дата обращения: 17.03.2018). Текст: электронный.

Крушинский Леонид Викторович. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Крушинский,_ Леонид Викторович (дата обращения: 24.06.2018). Текст: электронный.

Отечественные гидрологи. Историко-биографическое описание: Васильев Сергей Александрович. URL: http://hydrohistory.ru/bio.php?id=138 (дата обращения: 12.03.2018). Текст: электронный.

Русская армия в Первой мировой войне: Барановский Лев Степанович. URL: http://www.grwar.ru/persons/persons.html?id=119 (дата обращения: 11.03.2018). Текст : электронный.

С. Каинки. URL: http://uslon-cbs.ru/index.php/2014-09-17-07-29-50 (дата обращения: 16.09.2017 г.). Текст : электронный.

Своими глазами. Министр-председатель Временного правительства Александр Федорович Керенский. URL: https://eho-2013.livejournal.com/1012163.html (дата обращения: 07.07.2018). Текст: электронный.

Сумароков Александр Александрович URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Сумароков, Александр Александрович (дата обращения: 27.05.2018). Текст: электронный.

Тамара Дейкарханова. URL: https://www.kino-teatr.ru/teatr/acter/w/empire/272973/bio/ (дата обращения: 8.07.2018). Текст: электронный.

Центр генеалогических исследований. URL: http://rosgenea.ru/?a=3&p=118&r= 4&s=%C2%E0%F1%E8%EB%FC%E5%E2 (дата обращения: 12.03.2018). Текст : электронный.

АКАДЕМИК-ВОСТОКОВЕД В. П. ВАСИЛЬЕВ: КАЗАНЬ — ПЕКИН — САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Научное издание

Макет подготовлен издательством «Петербургское Востоковедение»

⊠ 198152, Россия, Санкт-Петербург, а/я № 2 *e-mail:* pvcentre@mail.ru; *web-site*: http://www.pvost.org

Подписано в печать 22.04.2020. Формат $70\times100^{-1}/_{16}$ Бумага офсетная. Печать офсетная. Объем 20 печ. л. + 1 печ. л. ил. Тираж 400 экз. Заказ № 37

PRINTED IN RUSSIA

Отпечатано в типографии ООО «Литография Принт» 191119, Санкт-Петербург, ул. Днепропетровская, д. 8, офис 14 web-site: www.litobook.ru e-mail: info@litobook.ru

Академик Василий Павлович Васильев (1818–1900) На фотографии в центре — в окружении семьи (предоставлена С. С. Яшенковым)

Старший сын академика Александр Васильевич Васильев (1853–1929), математик

Внуки академика

Владимир Львович Барановский (1882–1931), генерал-майор, русский и советский военный деятель

Ольга Львовна Керенская (урожденная Барановская, 1884—1975), первая жена А. Ф. Керенского, с сыновьями Олегом Александровичем и Глебом Александровичем Керенскими 1916 г.

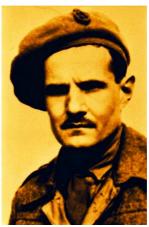

Вера Всеволодовна Барановская (1884–1935), актриса театра и кино 1913 г.

Правнуки академика

Олег Александрович Керенский (1905–1984), выдающийся инженер-мостостроитель

Глеб Александрович Керенский (1907–1990), инженер-энергетик

ПРАПРАВНУКИ АКАДЕМИКА

Степан (Стивен) Глебович Керенский (р. 1949), поэт, детский писатель, занимался антиквариатом

Ариадна Андреевна Васильева, автор романа «Возвращение в эмиграцию»

Олег Олегович Керенский — младший (1930–1993), писатель, публицист, балетный и театральный критик

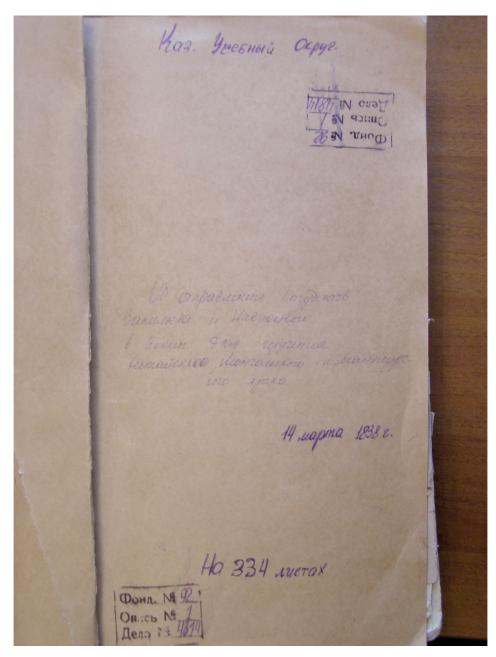
Мемориальная доска В. П. Васильеву на Доме академиков в Петербурге. 1950 г. Архитектор Р. И. Каплан-Ингель

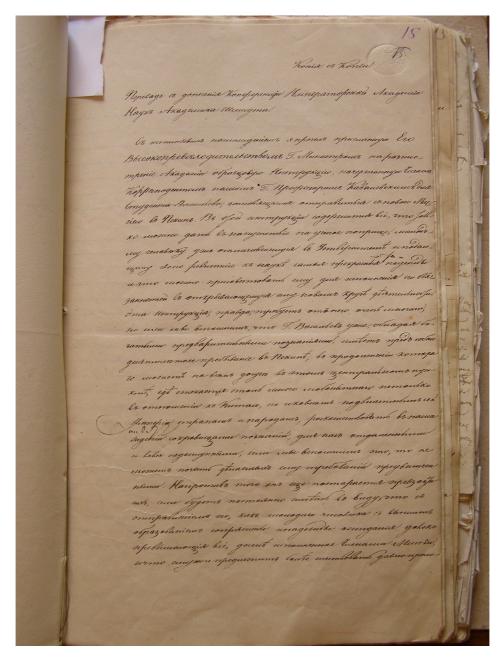
Здание Казанского университета

Здание Петербургского университета

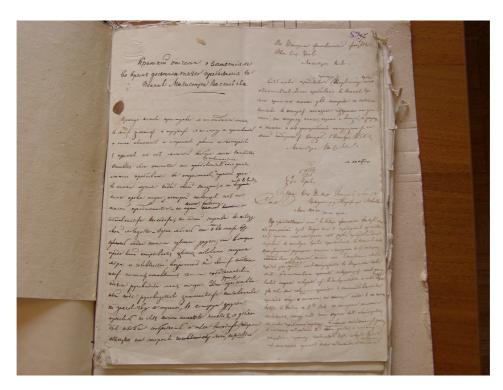
Распоряжение по Казанскому учебному округу от 14 марта 1838 г. об отправлении студентов Васильева и Навроцкого в Пекин для изучения китайского, монгольского и маньчжурского языков. ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 4814

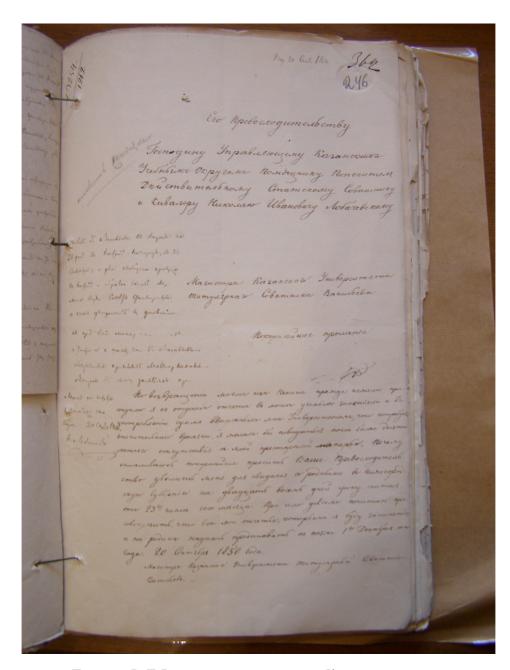
Перевод на русский язык донесения академика И. Я. Шмидта канцелярии Императорской академии наук по поводу отправки В. П. Васильева в Пекин. ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 4814

	-7			
Unucoro		00.	1	
Molomerat a Merrolecenae Enure, nguena unour Guerour Texune	con C	200	5	
Muline Marximpo ur Barusesunt geabutiamen Yndepenem	ema)	100	ou	
Barrabia Kanste	Cutai.	Sycera a	ne s	
Marco bring racando munto lan un manto namo rokon	toxicu	Pys.	Kon.	
Mara sour edicanto much sau ru mare naus rokey gorta, me copuna municia Daar laisinin na Muhancronio novan 2 mona.	1500	4.		
Maides i Bryst la delans musaine cats la barro lessa ruse ganturoù descomb invo caste un conorse lumepamypa 1999 una les Ungiu n Mutem				
принавани муря не момент выстания сак на банно кра пики дамей кой бура повый на выстой бура повый на выстой бура повый на выстой бура повый на выстания вывиться выстания вывиться выстания вывиться выстой вывиться вывиться вывиться вывиться вывиться вывиться вывит	9000	8.		
Dawn whose Convers norsewereness convenie Mongais sauch c Enggy und	p.s.		~	1
6 Trake na Mulemerous resours & menualismognorus hyporm znampunonosperjent	P500.	1.	50.	24
kito conservi di				THE
bee, of ogran 3 Dinnape nantopia copts racompre taus bogt xopt topu uno dans	3000	2.		
Town nawe gand name ta Ospanya unginernas Kumanernas Bu				
www. manupaxix, nenantexxist unp nuchuente reresolva				2
	500.	-	50.	
Canyon aniady eru roko torga Dzonkaba une rosony nantapo.	Dalbo	20		
Cionaspia Dsonkalle Ma Moxeretokaus assens I mortisto pogramu.	470.00	20.		1
Mmoro	1980	119.	-	
Subumexapt Thuleperteta Roftz des	7	-		
				THE REAL PROPERTY.
				Second Second
				The same
				Sept.
		1000		

Лист из книги поступлений в библиотеку Казанского университета, содержащий «Список тибетских и монгольских книг, присланных членом Пекинской духовной миссии магистром Васильевым для библиотеки Университета». Список состоит из 6 названий на общую сумму 42 рубля серебром. ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 4814

Первый лист из «Краткого отчета о занятиях во время десятилетнего пребывания в Пекине магистра Васильева». ГА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 2283

Прошение В. П. Васильева по возвращении из Китая управляющему Казанским учебным округом Н. И. Лобачевскому об отпуске для поездки к родным в Нижегородскую губернию. 1850 г.

Meneau Saporer, Ruceepace devorcem Sound mostro peracecezo - plucero a nodnucaro kale, Everpeus novaren libers (herur Befepols). Pyp Korley Kyda Imo legmb! The Beecebeas terebel Radiole Abecegare - Imo nowlmke, to I mo the noneu & teero? Co Soborm Rousbu, da ses jorges Curecepas mo be seemen frages ment res, a regigned necessar (A. R. T2) pagned, somephile Ba pype Radieme - Am Bar femune updnecel Bell pages Care Barre plussomer denlare! Gires man, raductus, ple Somespela Hofmour, und a dypar nom weer - Horman Zies un mors, und forers Sound Facupart, whom repenseur hypevile & 4. Tef upenvlabel your motous Sene teers pay pela- a som om de aif nops, osuparel su depunse. embo, sterdays, Tumeproberty, four payerportar (nearly gryrum pegpedarum ter molren pout glaverenens, tor surpolument embyrugero, nogramuan peg pelon & Chamume

Письмо В. П. Васильева академику Петербургской академии наук В. Р. Розену

166 te bulaint es ranon emener la zaned et e pagpet di desas Cydum a plecent sia dolower nonceccant barborned chas odiregressor. Il brogsenfis de kordo keesgot bolbres te copyre zanedseen !! Banadrevery, komerne de w kmo sod greenen grur battorasa, post depart itandra Have emped fler grearent weregin a assem es the borrowers! Nepedactables In cydund Bacca cobbite, somoped Swelse da upodybumites in & Fuederal Cheen any obser spure wimoland. Be agained Species seem sparget mins but copyed comfodumentale Mrs (me. & a Georgem) ilbument le reur hengeblewougel dolisenor hpopeljopols, Halpunger (gratel Banen sports!) 4 Taceryourn lung. Downword Desoratols for norman our Affiles Surperson)- u teucho ugs teen te upernaunus, romado ce teen ospace accent species permiter oud ... Bour ybronasour Befuliels

Продолжение письма В. П. Васильева академику В. Р. Розену

Фердинанд Юсти. Портретный рисунок А. Шифнера с шутливым текстом на турецком языке: «Туркестанский падишах — император Туркестана» Hessisches Staatsarchiv Marburg, 340 Justi, No. 61. Взято из писем А. Шифнера. Т. 3

TÂRANÂTHAE

DE

DOCTRINAE BUDDHICAE IN INDIA PROPAGATIONE

NARRATIO.

CONTEXTUM TIBETICUM

E CODICIBUS PETROPOLITANIS

EDIDIT

Antonius Schiefner.

PETROPOLI

A. MDCCCLXVIII.

Venamdant

Petropoli
Eggers et socii, H. Schmitzdorff et J. Issakof.

Rigae N. Kymmel, Pretium 90 Kop. = 1 Th. Lipsiae Leopoldus Voss.

Титульный лист тибетского текста Таранатхи, изданного А. Шифнером. Санкт-Петербург. 1868

Титульный лист поздней версии издания эпохи Мин романа «Шуй ху чжуань», из которого Вильгельм Шотт впервые перевел эпизод о прелюбодеянии г-жи Голдлотус (Пан Цзиньлянь), легший в основу романа «Цзинь Пин Мэй» Берлинская государственная библиотека

DER BUDDHISMUS,

SEINE

DOGMEN, GESCHICHTE UND LITERATUR.

Von

W. Wassiljew,

Professor der chinesischen Sprache an der Kaiserlichen Universität zu St. Petersburg.

ERSTER THEIL:

Allgemeine Uebersicht.

Aus dem Russischen übersetzt.

St. PETERSBURG, 1860.

Commissionaire der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften:
in St. Petersburg in Riga in Lelpzig
Eggers et Comp., Samuel Schmidt, Leopold Voss.

Preis: 1 Rbl. 50 Kop. = 1 Thir. 20 Ngr.

Титульный лист немецкого перевода книги В. П. Васильева «Буддизм, доктрина, история и литература», изданного в Петербурге в 1860 г.

CATALOGUS LIBRORUM SINICORUM BIBLIOTHECÆ ELECTORALIS BRANDENBURGICÆ.

I.

Historia Evangelica...

Sinicè: Tien . chu hiam sem cho sao kim kiao.

Hoc est: Vita morting Domini dollrinalis per squras
explicatio.

Hac bis extat.
Edita anno Christi 1637.
Autore P. Julio Alenio. S. I.

II. Hifferia Santterum.
Sinice: Xim-gin hin-Xe,
Hoceft, Acta Sancterum.
Extant Pare IX. X. XI.

III. Vita Sandorum.

Pare VII. Operis.

Continens Historiam XII. Sanciarum, E. g. Catharina Specica.

IV. Hifteria Evangelica Majer.
Est colloquium Magistri eum Discipule de momentis Christianz Religionis.
Qvibus inseruntur Imagines & Preces.

V. Co-Cu.
Sunt libelli XII, de Virtutibus & Vitiis.
Editi anno Ken-xin. [57. Cyeli EXXL] sub Rege
Van-lie. anno H. e. Christi 1560.

VI. Lim-yen.

Sermones Spirituales.

Extat Pars 1. & II.

VII. Ku-kin siao kue. Historiola nob-antigba. Extet pare XXV. XXVI. XXVII.

VIII., Preces Christiana. Editz anno Chri. 1627.

IX. Geometrica P. Matthai Riccii. Extat Pars IV. & V.

X. Liber Aftronomicus Europæus. Extat Pars ultims.

XI. De Fermà Christi Domini. Extat bis. Excusus anno Ki-si Regis Vau-lie. [56, Cyeli LXXI.] H., e. anno Christi 1559. XII. Euclidu liber fentm.

XIII. Battelogia fecta Fe-Kiae. Extat Pars VI. & alia. Quota, non memini.

XIV. Hai-piem.

Notarium Sinicum.

Extat Pars XVI, XVII.

XV. Cu - bai. Notarii genus alind.

XVI. Cu-gsei. Notarii genna tertium.

XVII. Hoei-Gan-pim-chun.

Extantejus aliquot parres.

XVIII, Puen-cao. Herbarium, Extant due Tomi.

XIX. De Arboribus Liber, admodum mutilus, ut qvidem alii.

XX. Chi-nan nan-kim.
Tabula Anatomica.
Ex his una est de Circulations
Sangvinic.

XX. SU-XU. Tetrabiblium.

XXI. Nomenclator Sinicus, cum Indice MS.

XXII. San-Kue.

Opus Historico - Politicum.
Extat pars VIII, IX, X.
XL XIL XIII.
XIV. XV. XVI.

XXIII. Annalium Sinensum Particula quedam. Continet snem Chefapum, & initium Cinarum.

XXIV. Annalium Tomi geamplures.

Extat omnium Exemplum geninum.

Extat & Index corum dudum à me editus.

Summa Tomorum, CCC. circiter.

Лист первого печатного каталога "Sinica", составленного Андреасом Мюллером для Великого курфюрста Бранденбурга около 1683 г. Оригинал принадлежит библиотеке Эрфуртского университета / Исследовательской библиотеке в Готе